РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М. Горького

РУССКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И ПЕРИОДИКА ЭПОХИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПОЛИТИКА И ПОЭТИКА

Исследования и материалы

Москва
ИМЛИ РАН
2013

ББК 83.3 (2Рос-Рус)
Р-89

**Издание подготовлено и осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 12-34-10003)**

Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 600 с.

В сборнике представлены статьи, публикации документов и источниковедческие работы, подготовленные по материалам докладов филологов, историков, религиоведов, социологов, специалистов по военным наукам на междисциплинарном круглом столе «Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика» (Москва, ИМЛИ РАН, 1–2 ноября 2012 г.). В них затрагиваются тематические и поэтологические аспекты осмысления феномена войны в документально-публицистических и литературных жанрах, обозреваются идеологемы славянского единения перед лицом новой угрозы, риторические стратегии и ракурсы интерпретации Первой мировой в периодике и историографии, обсуждаются проблемы отражения эпохи в сочинениях и эго-документах русских писателей (М. Горького, Л. Андреева, А. Блока, А. Белого, В. Брюсова, Ф. Сологуба, Е. Чирикова, О. Мандельштама, К. Чуковского и др.), анализируется роль прессы (в частности, провинциальной и церковной) в формировании восприятия войны российским обществом.

ISBN 978-5-9208-0436-5

Содержание

ПРЕССА И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Предисловие

Книгу, предлагаемую вниманию заинтересованного читателя, составили материалы выступлений исследователей – филологов, историков, религиоведов, социологов, специалистов по военным наукам на международном междисциплинарном круглом столе «Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика», который проводился 1–2 ноября 2012 г. в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Эта встреча представителей разных областей гуманитарного знания была организована в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом крупного междисциплинарного проекта «Политика и поэтика: историко-культурный контекст русской литературы в эпоху Первой мировой войны», реализация которого приурочена к грядущему столетнему юбилею начала войны, именовавшейся на страницах современных ей изданий Великой и Второй Отечественной.

По объективным историческим обстоятельствам, предопределявшим пути развития отечественной науки в послереволюционные годы, сложившиеся к сегодняшнему дню устойчивые представления о Первой мировой войне и ее контексте все еще являют собой зачастую набор идеологических искажений и беспочвенных допущений на фоне бесконечного ряда белых пятен. История Первой мировой в России (в том числе как фактора эволюции русской литературы и культуры в целом), адекватная собственно исторической реальности, еще только *должна быть* написана. Бурное освоение нового материала постсоветской наукой, конечно, закладывает основу для будущей подобной объективной истории. Но, во-первых, этот материал нуждается в обобщении и интегральном анализе, а во-вторых, не освоенного и не введенного в активный научный оборот много больше, чем освоенного и осмысленного.

Широкие междисциплинарные рамки данного проекта все же подразумевают преимущественное фокусирование внимания на материале русской литературы как важнейшей составляющей общекультурного контекста военных лет, субъекте идеологического действия, объекте воздействия со стороны военных событий, а также предопределенных ими социально-политических обстоятельств и, наконец, совокупности исторических источников. Думается, такой подход оправдан и пресловутым литературоцентрическим характером русской культуры (а значит, и особой диагностической репрезентативностью литературного материала по отношению к общим культурно-историческим процессам в России), и особенностями этого этапа развития отечественной словесности, на котором обозначенные метафорой «серебряного века» эстетический расцвет и ренессанс изощренных творческих энергий неразрывно сопряжены с эсхатологизмом, апокалиптикой художнических интуиций – проекциями «гения времени» Великой войны и революции.

Проект в целом призван содействовать созданию комплексной, системной и концептуально выверенной картины, отражающей историко-культурный контекст «кризисного расцвета» русской литературы «серебряного века» в эпоху Первой мировой войны. Участники проекта свои основные задачи видят в том, чтобы ввести в научный оборот большой корпус прежде неизвестных и неописанных источников, предложить новые модели анализа литературных и историко-культурных фактов, свидетельствующих о сложной обусловленности феноменов отечественной духовной культуры 1914–1918 гг. военно-политическим фоном, показать на конкретном материале взаимосвязь между катастрофизмом самых разных литературных моделей «начала века» и реальными обстоятельствами данного исторического периода. Литературоцентричность русской культуры эпохи позволит объемно отразить означенную проблему, придать ей общеисторические, социометрические и культурфилософские измерения.

Проведение круглого стола, посвященного периодике и публицистике военных лет, стало частью первого этапа работы над данным проектом. Организаторы этой конференции исходили из того, что периодические издания и тексты в публицистических

жанрах как явления по сути своей синтетические и полифункциональные служат пространством пересечения векторов реакции на злободневные события, исходящих из самых разных сфер общественной жизни, культурных и социально-политических страт. Политика и история на этом пространстве неизбежно встречаются и творчески взаимодействует с поэтикой и искусством, создавая многомерный культурный материал, подлежащий осмыслению из самых разных исследовательских углов.

Предпосылкой к организации круглого стола как именно *междисциплинарной* конференции служило понимание того, что такой подход поможет принципиально расширить тематические и методологические горизонты исследования заявленной проблематики, проанализировать ее изнутри разных системных рядов, применив разные языки описания, разную фокусировку, разные принципы отбора материала и верификации исследовательских результатов, способствуя тем самым созданию объемной, стереоскопичной картины того, чем был феномен Первой мировой войны для русской литературы, русской культуры и отечественного общественно-политического контекста 1914–1918 гг. в целом.

На общее обсуждение участниками круглого стола был вынесен следующий список вопросов:

– военная публицистика (жанровое и стилевое своеобразие);

– политическая конфронтация русских периодических изданий в эпоху Первой мировой войны;

– социология и статистика русской периодики военного времени;

– «толстый» и «тонкий» журналы в эпоху мировой войны;

– новые (возникшие в период 1914–1918 гг.) журналы и газеты;

– военная тема в «газетной» и «журнальной» литературе (поэзии, прозе и драматургии);

– военная цензура в периодике;

– новые имена в литературе 1914–1918 гг.;

– военная тема в творчестве литературных мэтров;

– война и массовая периодика (популярные, женские, детские издания, «издания для народа»);

– философская публицистика в ситуации войны;

– война и церковная периодика;

– язык войны (влияние войны на язык русского общества и отражение его в периодике);

– иконография войны в русских периодических изданиях 1914–1918 гг.;

– начало и завершение войны (социокультурная мифология).

В добавление к этому общему списку в ходе работы круглого стола был обозначен еще ряд дополнительных проблемных узлов, взывающих к плодотворной научной дискуссии:

– периодическое издание как полифункциональный и междисциплинарный источник: общее и различное в источниковедческом восприятии газет и журналов глазами историка, филолога, социолога и т. п.;

– детальная эволюция периодики и публицистики в содержательном и формальном планах на ограниченных промежутках времени (к примеру, по месяцам) в зависимости от ситуации на фронтах и общего нарастания кризисных явлений в общественно-политической жизни России, обусловленных войной;

– военные корреспонденции русских писателей как исторический, культурный и литературный феномен;

– восприятие отражений военной темы в публицистике и периодике участниками боевых действий; «тыловая» и «фронтовая» публицистика как разные модели рецепции военных событий;

– сложившиеся в современной историографии клише об отношении писателя к войне и их соответствие исторической реальности («пораженчество» Горького, патриотизм и германофобия ряда ведущих символистских мэтров, «антипатриотизм» Мережковских и т. п.); и шире: вопрос о соответствии реальности устойчивых стереотипов о «патриотах» и «пораженцах» в русской культуре военных лет;

– «неославянофильский» и «неозападнический» векторы публицистического восприятия войны в исторической диахронии (связь неославянофильско-патриотического движения с идеями Ф. Тютчева и Ф. Достоевского (Вяч. Иванов, В. Розанов, Л. Андреев, Ф. Сологуб, В. Брюсов, Н. Гумилев, В. Хлебников, И. Северянин и др.); пацифистский вектор (М. Горький, Д. Мережковский, З. Гиппиус, М. Волошин) и переклички его с толстовством;

отголоски в идейных дискуссиях эпохи Первой мировой войны полемики между Толстым и Достоевским по поводу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.);

– эволюция идеологических моделей в публицистических текстах писателей от патриотической волны первых военных месяцев к постреволюционному порогу (особенно у носителей славянофильствующей историософии: Вяч. Иванов, активисты Московского религиозно-философского общества им. В. Соловьева и т. п.);

– синхронистическое и ретроспективное в публицистическом освоении военной темы (идеологическая и риторическая трансформация взгляда на военных свидетелей в позднейшие годы, прежде всего у писателей – фронтовых корреспондентов: И. Эренбурга, А. Толстого и проч.);

– особенности отражения военной темы в периодике, ориентированной на относительно элитарные читательские круги (от журнала «Столица и усадьба» до «Аполлона»). «Значимое отсутствие» (своеобразный минус-прием) либо ограниченность военных сюжетов на страницах ряда эстетских изданий как сознательная идеологическая позиция их редакций;

– газета и журнал военного времени как контекстный фон семантической интерпретации опубликованных на их страницах художественных текстов;

– принципы дистрибуции выразительных средств у писателя в зависимости от жанра выступлений в периодике (к примеру, архаизированная, иератически приподнятая неоклассицистическая стилистика военных стихотворений Брюсова, в том числе опубликованных в «Русской мысли» и прочих крупных журналах, в противовес риторической безыскусности и подчеркнутой тематической ориентации на сверхсовременные «личины войны» – вплоть до технических новшеств – в его же военных корреспонденциях и т. п.);

– литературное освоение темы «своего чужого» – национальных окраин и инородческих меньшинств (польский, еврейский, армянский и т. п. вопросы) – в русской военной публицистике и периодике;

– корреляция отечественной публицистики и периодики периода войны с их зарубежными аналогами, в том числе в стане противника; анализ соотношения концептуального аппарата в полемической историософской публицистике по разные стороны фронта (например, совпадение в семантике и коннотациях отвергаемых понятий «культура» в применении к воюющей Германии у Вяч. Иванова в статьях военных лет и «цивилизация» у Томаса Манна применительно к западным демократиям в «Рассуждениях аполитичного» и т. п.).

Тематика предложенных докладов и развернувшиеся на круглом столе дискуссии строились с учетом этих вопросов, затронув также целый ряд иных научных проблем, свидетельством чему – статьи по материалам выступлений, публикующиеся на страницах этой книги.

В.В. Полонский

Е.Ю. Сергеев

Актуальные проблемы изучения российской и зарубежной периодики в годы Первой мировой войны

В ряду разнообразных по происхождению, аутентичности и содержательной ценности источников, которые находятся в распоряжении специалистов, изучающих события Первой мировой войны, ставшей прологом XX века, важное место по праву занимают российские и зарубежные периодические издания: газеты, журналы, иллюстрированные хроники, информационные бюллетени, а также печатные или рукописные листки, создававшиеся в лагерях силами военнопленных.

Все эти материалы позволяют исследователю составить хронологию военных действий, выявить основные тенденции в общественном мнении воюющих держав, оценить эффективность усилий государственных органов по организации пропаганды и контрпропаганды, реконструировать систему представлений о характере войны, ее целях и задачах, которая во многом определяла боевой дух противоборствующих армий, наконец, в полной мере ощутить атмосферу той уже далекой от нашего времени эпохи[1].

При этом отличительным признаком периодики является ее массовость и достаточно высокий уровень репрезентативности[2]. Это особенно касается ситуации в странах-союзниках России по Антанте и Центральных державах, где уровень грамотности населения, а значит, и военнослужащих к началу Первой мировой войны был несопоставимо выше, чем в Российской империи, подданные которой добились принятия закона об обязательном начальном образовании лишь в 1916 г.[3] Но даже в нашей стране газеты и журналы в годы военного лихолетья служили важным, а нередко и единственным источником внешнеполитической информации, помимо официальных правительственных воззваний, про-

пагандистских материалов политических партий, произведений художественной литературы и различного рода слухов. Именно периодические издания в рассматриваемый период формировали и политизировали общественное мнение. Не случайно в 1914–1918 гг. наблюдался резкий подъем интереса обывателей к газете. По подсчетам специалистов только в России на протяжении войны выходило 856 наименований легальной периодики с разовым тиражом 2,7 млн экз.[4]

Примером одной из дискуссий, которые развернулись на страницах отечественной прессы в 1917 г., может служить обсуждение будущей модели политического устройства страны. Речь шла о возможности следования образцам либеральной демократии европейских стран и США на страницах таких изданий, как «Речь» – центральный орган партии кадетов, «Русская мысль», отражавшая взгляды левого крыла этой партии, «Утро России», издававшееся на деньги близкого к прогрессистам крупного московского промышленника и предпринимателя П.П. Рябушинского, либеральное «Русское слово», а также консервативно-великодержавное «Новое время»[5]. Так, например, известный обозреватель «Нового времени» М.О. Меньшиков в статье «Откровение из Америки», напечатанной 11 (24) февраля 1917 г., т. е. накануне Февральской демократической революции, уподоблял императорскую Россию «беспечному и малосведущему барину, нищенствующему в большом имении», а американского бизнесмена сравнивал с энергичным и культурным арендатором, способным привести хозяйство, которое он использует на правах временного управления, в цветущее состояние.

Многие исследователи справедливо подчеркивают, что под влиянием периодических изданий, выходивших массовым тиражом, формировался широкий спектр представлений о мотивах политических действий как союзников, так и противников России. При этом нередко конструировались стереотипы представлений о друзьях и врагах, которые затем приобретали характер мифологем в общественном сознании россиян. К примеру, война против Центральных держав интерпретировалась как великое историческое столкновение славянства и германства, высокой русской, в своей

основе православной культуры с механистической, бездушной, агрессивной, а потому варварской тевтонской цивилизацией[6].

В этой связи значительный интерес представляет анализ современными отечественными историками не только центральных, но и региональных печатных изданий. Одним из них являлись «Орловские епархиальные ведомости», которые в неофициальном разделе помимо текстов проповедей губернских священнослужителей на злободневные темы публиковали статьи, обзоры и письма преподавателей и учащихся семинарий. По верному наблюдению историков, в масштабных и трагических событиях, которые разворачивались на полях сражений в Европе и за ее пределами, православное духовенство видело реализацию высшего, непонятного для их участников трансцендентального замысла. Согласно этой трактовке Провидение направляло Россию к осуществлению ее всемирно-исторической миссии – спасения Человечества от прошлых и нынешних грехов ценой миллионов жизней[7]. Придание авторами статей в «Орловских епархиальных новостях» указанного апокалипсического смысла военным действиям только подчеркивало всенародный, отечественный характер вооруженного столкновения Российской империи и держав Четверного союза, за исключением Болгарии, критика которой в российской прессе по понятным причинам была приглушена.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о роли и месте военной периодической печати в формировании общественного мнения. На страницах таких изданий, как «Русский инвалид», «Военно-медицинский журнал», «Интендантский журнал», а также специальный еженедельник «Летопись войны», размещались официальные документы военного ведомства, корреспонденции с театра боевых действий, телеграммы из столиц союзных держав и, что очень важно, письма военнослужащих действующей армии. Объективный анализ этих материалов позволяет исследователям реконструировать систему продовольственного и вещевого снабжения русской армии, составить представление о санитарно-гигиенических условиях и медицинском обслуживании ее подразделений, рассмотреть другие особенности фронтового быта, в частности формы проведения досуга и контакты военнослужащих с тылом.

Не случайно различные вопросы повседневной жизни огромных масс людей на передовой и в тылу привлекают сегодня внимание многих историков как у нас в стране, так и за рубежом[8]. Как отмечается в работах специалистов, официальная военная пресса боролась на своих страницах не только с антивоенной пропагандой, но и с ее последствиями: братанием на фронте и дезертирством[9]. При этом справедливо подчеркивается, что активную разъяснительную работу по искоренению этих явлений вели как общероссийские периодические издания, вроде «Русского инвалида», так и армейские печатные органы. Характерным примером стала публикация в одной из фронтовых газет рассказа «Братальщики», автор которого повествовал о двух русских солдатах, отправившихся брататься с противником «за кусок хлеба с вареньем да коньяком», а в результате выдавших немцам схему расположения резервных частей. Другой армейский печатный орган поведал читателям о том, как нижние чины, приглашенные в гости к противнику, под влиянием алкоголя выболтали немцам особенности световой сигнализации в русских пехотных и артиллерийских подразделениях[10].

Большой интерес отечественных и зарубежных историков вызывают так называемые лагерные газеты, выпускавшиеся военнопленными в местах заключения по собственной инициативе либо издававшиеся для узников мест лишения свободы с подачи командования Центральных держав под контролем их пропагандистских органов[11]. В первом случае рукописные номера газет, выходивших обычно один раз в неделю, являлись средством коммуникации между военнопленными, а чтение этих «изданий» и последующее обсуждение опубликованных материалов выступало формой проведения досуга людей в местах лишения свободы[12]. Во втором случае речь могла идти о целенаправленной пропаганде среди военнопленных германофильских воззрений, склонении их к сотрудничеству с администрацией лагерей и разжигании среди них националистических настроений. Характерно, что издание целого ряда лагерных газет, публиковавшихся с ведома германо-австрийских властей, финансировалось эмигрантскими организациями, такими, как, например, Союз вызволения Украины[13].

О содержании периодики, издававшейся командованием противника для военнопленных, можно судить по материалам газеты «Русский вестник». С 1915 по 1919 г. она выходила в Берлине и публиковала статьи о политике царского, Временного, а потом и большевистского правительства, очерки и фельетоны о жизни военнопленных, рекламные объявления, предлагавшие им разнообразные товары и услуги. По утверждениям издательства, к 1916 г. тираж «Русского вестника» достигал 150 тыс. экз., а количество подписчиков в лагерях военнопленных составляло около 50 тыс. человек. Примечательно, что с 1917 г. эта газета нелегально распространялась среди русских солдат на фронте. Хотя далеко не вся информация на страницах издания вызывала доверие читателей, их внимание особенно привлекали вопросы правового статуса военнопленных и поиск родственников или однополчан, оказавшихся в местах заключения вне России[14].

По мере нарастания усталости от войны все больший отклик среди военнопленных находили социалистические агитаторы, особенно эсеры и большевики. Так, эсеровский журнал «На чужбине», выходивший в Женеве под редакцией В.М. Чернова в 1916–1917 гг., содержал резкую критику в адрес не только царского правительства, но и союзников России, призывая к скорейшему заключению сепаратного мира с Германией и Австро-Венгрией[15].

Оценивая роль лагерной прессы в жизни военнопленных, нельзя, с другой стороны, упускать из виду одно немаловажное обстоятельство, а именно вклад изданий подобного рода в поддержание морального духа солдат и офицеров, что обеспечивалось публикацией материалов развлекательного характера, рассказов и стихов, сочиненных самими читателями[16].

Перейдем к проблемам источниковедческого анализа периодики военного времени.

Ключевыми из них прежде всего выступают плохая сохранность и недостаточная репрезентативность многих изданий в силу объективных и субъективных причин, поскольку не является секретом тот факт, что большая часть газет после прочтения, возможно многократного, приходила в негодность и использовалась затем по бытовому назначению в качестве оберточной бумаги, на самокрутки и т. д.

Далее, стоит отметить проблему цензуры материалов прессы, зачастую не позволяющей современным историкам составить

адекватное представление о событиях, которые отражались на страницах печати. К этой трудности необходимо добавить пропагандистскую направленность большинства изданий, искажавшую объективный характер социальных процессов на фронте и в тылу. Характерно, например, что в большинстве воюющих держав профессиональные военные не имели права на открытые комментарии в печати. К тому же в странах Антанты и особенно Четверного союза любые публичные выступления по военным вопросам обычно рассматривались как несовместимые со статусом и системой ценностных ориентаций офицеров[17].

Наконец, специфика военной терминологии и особенностей ее использования в эпоху, которая отстоит от нас уже почти на столетие, не может не осложнить специалистам изучение материалов прессы, особенно иностранной, в эпоху Великой войны.

Преодолению указанных трудностей может, на наш взгляд, содействовать комбинация различных методических приемов, а именно:

– использование сравнительного (компаративного) анализа, позволяющего специалисту сопоставить сведения, полученные им из газет или журналов, с официальными документами, источниками личного происхождения (записными книжками, дневниками, мемуарами), фотоматериалами и кинохроникой;

– применение типологической дедукции, раскрывающей общие черты и специфику изданий, сгруппированных по различным критериям, например целям и задачам, которые ставили перед собой их учредители, политической ориентации издателей, характеру аудитории, на которую была рассчитана периодика, и т. д.;

– контент-анализа, дающего возможность проанализировать содержание и тональность опубликованных материалов с точки зрения лексики и стилистики, которыми пользовались авторы.

Большое значение имеет параллельное изучение российской и зарубежной периодики (союзников и противников), а также включение в научный оборот материалов не только центральной, но и региональной печати. Такой подход открывает исследователю возможность решения сразу нескольких проблем, к примеру оценки результативности взаимодействия России и держав Антанты или эффективности организации тыла в условиях первой тоталь-

ной войны в мировой истории. Он также применим к анализу динамики настроений и представлений, характерных для различных общественных слоев и групп на различных этапах глобального вооруженного конфликта.

В заключение следует привлечь внимание к популяризации на страницах газет и журналов военной поры примеров героических поступков на фронте и в тылу – теме, которая до последнего времени оставалась вне поля зрения специалистов. Между тем реконструкцию событий 1914–1918 гг. как Второй Отечественной войны трудно представить без восстановления исторической правды о героях, положивших жизни на алтарь спасения Родины от иностранных захватчиков.

[1] *Потапов Н.М.* Печать и война. М.; Л.: Военизлат, 1926; *Блументаль Ф.Л.* Буржуазная политработа в мировую войну 1914–1918 гг.: обработка общественного мнения. М.; Л.: Госиздат, 1928; *Бережной А.Ф.* Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л.: Наука, 1975.

[2] *Голубев А.В., Поршнева О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012. С. 29.

[3] *Тютюкин С.В.* Россия: от Великой войны – к Великой революции // Война и общество в XX веке. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / Отв. ред. С.В. Листиков. М.: Наука, 2008. С. 123.

[4] *Есин Б.И.* Русская дореволюционная газета. 1702–1917: Краткий очерк. М.: Мысль, 1971. С. 74.

[5] *Листиков С.В.* Конец самодержавия и проблема выбора пути (русская пресса 1917 г. об американском опыте) // Первая мировая война: пролог XX века. М.: Наука, 1998. С. 304–319.

[6] *Тютюкин С.В.* Патриотический подъем в начале войны // Мировые войны XX века. Кн. 1: Первая мировая война. Ист. очерк / Отв. ред. Г.Д. Шкундин. М.: Наука, 2002. С. 361.

[7] *Букалова С.В.* Православная печать о причинах Первой мировой вой-ны (по материалам «Орловских епархиальных ведомостей») // Первая мировая война: взгляд спустя столетие: Материалы междунар. конф. «Первая мировая война и современный мир» (26–27 мая 2010 г., Москва). М.: Изд-во МНЭПУ, 2011. С. 347.

[8] *Валяев Я.В.* Фронтовой быт военнослужащих российской армии в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.): Автореф. дис… канд. ист. наук. Белгород: Белгородский нац. исслед. ун-т, 2012. С. 16

[9] *Ласвель Г.* Техника пропаганды в мировой войне / Пер. с англ. М.; Л.: Госиздат, 1929; *Стюарт К.* Тайны дома Крю: Английская пропаганда в мировую войну 1914–1918 гг. / Пер. с англ. М.; Л.: Госиздат, 1928.

[10] *Гужва Д.Г.* Место и роль военной периодической печати русской армии в борьбе за солдатские массы в межреволюционный период (февраль–октябрь 1917 г.) в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: взгляд спустя столетие: Материалы междунар. конф. «Первая мировая война и современный мир» (26–27 мая 2010 г., Москва). М.: Изд-во МНЭПУ, 2011. С. 352.

[11] *Нагорная О.С.* «Другой военный опыт»: Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010. С. 261–262.

[12] *Сергеев Е.Ю.* Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 65–78. С. 70; *Штеппан К.Э.* Лагерная газета «Неделя» как зеркало военного опыта русских военнопленных в Австро-Венгрии // Первая мировая война: взгляд спустя столетие: Материалы междунар. конф. «Первая мировая война и современный мир» (26–27 мая 2010 г., Москва). М.: Изд-во МНЭПУ, 2011. С. 363.

[13] *Нагорная О.С.* Указ. соч. С. 262–263.

[14] *Колоницкий Б.И.* Берлинская газета «Русский вестник» (1915–1919 гг.) // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века / Отв. ред. И.И. Фролова. СПб.: Рос. нац. б-ка, 1996. Вып. 8. С. 132–143; *Нагорная О.С.* Указ. соч. С. 263–264.

[15] *Сергеев Е.Ю.* Указ. соч. С. 73.

[16] *Сергеев Е.Ю.* Указ. соч. С. 70; *Штеппан К.Э.* Указ. соч. С. 367–368.

[17] *Ланник Л.В.* Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии. Саратов: Саратовский гос. тех. ун-т, 2012. С. 47.

ВОЙНА И «СЛАВЯНСКИЙ МИР»

В.В. Полонский

Историософия славянства в русской публицистике периода Великой войны

Идеологические предпосылки и опыты символистской дешифровки событий

Патриотический подъем в русской публицистике первых военных месяцев, сопровождавшийся среди прочего и напряженной риторизацией так называемого *славянского вопроса*, был не только обусловлен естественными причинами социально-политического и психологического порядка, но и во многом опирался на плотную идеологическую подкладку пресловутого религиозно-философского ренессанса в России начала XX в., благодаря которому были актуализированы в новых исторических условиях и переосмыслены языком иной интеллектуальной культуры важнейшие постулаты отечественного славянофильства и почвенничества предшествующего столетия.

Историософия славянства как совокупность концептуальных интерпретаций телеологии и смыслового потенциала исторического пути славянских народов в русской литературе обретает черты оформленного целого – прежде всего, конечно, в кругу славянофилов – к середине XIX в., что естественно совпадает с подъемом волны национального возрождения славян за пределами Российской империи. Но не менее важен и политический фон возникновения этого феномена русской интеллектуальной культуры, заданный непосредственно *военными* событиями: Крымской кампанией 1853–1856 гг.

Именно Крымская война, послужившая катализатором формирования концептуальной славянофильской мысли, «в свое время была воспринята как наглядное подтверждение тезиса о глубоком конфликте между Востоком и Западом», и поскольку он так и

остался неразрешенным, «взгляды славянофилов были устремлены вперед»[1].

Мы оставим в стороне слишком объемный вопрос об интеллектуальном генезисе славянофильской доктрины, ее соотношении с идеологиями панславизма, «будительства», иллиризма, австрославизма и проч. в европейском славянстве и не станем разворачивать широко известные составляющие историософии русских славянофилов и почвенников (от Хомякова, Киреевского, Ивана и Константина Аксаковых до Данилевского, Страхова и Достоевского) – представления о самодостаточном цивилизационном комплексе как залоге особого пути славянства в истории, о православии как основе этого комплекса, о соборности, органике, общинности как противовесах индивидуализму, искусственности, партикуляции в основополагающей антитезе славянства и романогерманского Запада и т. п.

Укажем лишь на то, что уже на ранних этапах истории «славянской идеи» в России достаточно явно выразилась ее двусоставность, «нераздельная неслиянность» в ней двух смысловых рядов: исторической эмпирии и историософской трансценденции, *реального* и *идеального*. Взаимообусловленность этих начал не должна затуманивать их несовпадения, а точнее – некоторого смыслового напряжения в точке их встречи, поскольку актуальная историческая и общественно-политическая реальность volens nolens зачастую осложняла потенциальные пути историософских построений.

Ясно, что исторической почвой этого феномена был пресловутый «восточный вопрос»: борьба России с Оттоманской Портой и Австрией за освобождение подневольных славян, за выход к черноморским проливам и – в качестве символической цели многовекового исторического пути – за освобождение Царьграда как видимый знак возрождения идеи православной Византийской империи в панславянской общности во главе с Россией.

На протяжении двух с лишним столетий решение «восточного вопроса» было одним из основных векторов российской внешней политики. И более чем показательна общая его закономерность: нереализованность возможного, неизменные срывы –

по разным причинам – в достижении конечных целей, несмотря на тактические успехи и победы.

Подобные неудачи, усугубленные тем фактом, что славянство представляло собой слишком неоднородное целое, совокупность хотя и родственных, но конфессионально разделенных народов с разной исторической судьбой, не могли не сказываться и на осмыслении эмпирических задач ближайшего будущего, и на концептуальных историософских построениях в лагере почвенно-ориентированных русских писателей. В них вносились, так сказать, позитивистски заземляющие ноты.

Так, Н. Данилевский в знаменитой книге «Россия и Европа», предвосхищая своей теорией культурно-исторических типов как самоценных организмов и смыслово завершенных ценностно-духовных монад основные положения «Заката Европы» О. Шпенглера, славянский культурно-исторический тип обрисовывает с явным уклоном от трансцендентации его «духовного лика» в духе Хомякова к прозаическому поиску той формы единения славян, которая была бы адекватной злобе дня в ближайшей политической перспективе. И выдвинутая им идея Всеславянской федерации со столицей в Константинополе, включающей в себя Грецию и Венгрию, но с Россией во главе – неизбежная транскрипция в прагматический регистр европейского политического концерта 1860–1880-х годов тезы, заявленной в 1867 г. И. Аксаковым: «Главнейшая задача славянского мира вся теперь в том, чтобы Россия поняла себя, как его средоточие, и познала свое славянское призвание <…> В этом вся будущность и России, и всех славянских племен. Как Россия не мыслима вне славянского мира, ибо она есть его главнейшее выражение и вещественно, и духовно, так и славянский мир не мыслим без России. Вся сила славян – в России, вся сила России – в ее славянстве»[2].

Смысловые зияния в подобных подходах между спиритуальным заданием и его практической реализацией остро почувствовал К. Леонтьев. И сделал из них логически ясные выводы, прежде всего поставив под сомнение осязательную состоятельность славизма и тем самым выступив в пику линии Данилевского: «Славизм можно понимать только как племенное этнографическое отвлечение, как идею общей крови (хотя и не совсем чистой) и сходных язы-

ков. Идея славизма не представляет отвлечения исторического, то есть такого, под которым бы разумелись, как в квинтэссенции, все отличительные признаки, религиозные, юридические, бытовые, художественные, составляющие в совокупности своей полную и живую историческую картину известной культуры»[3].

Леонтьев предлагает свою оппозицию – *византизма* и *славизма*, в которой сильным, обладающим всеми дифференциалами оказывается первый элемент: «Византизм есть прежде всего особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятийные начала и свои определенные в истории последствия. Славизм, взятый во всецелости своей, есть еще сфинкс, загадка. Отвлеченная идея византизма крайне ясна и понятна. Эта общая идея слагается из нескольких частных идей: религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных. Ничего подобного мы не видим во всеславянстве. Представляя себе мысленно всеславизм, мы получаем только какое-то аморфическое, стихийное, неорганизованное представление, нечто подобное виду дальних и обширных облаков, из которых по мере приближения их могут образоваться самые разнообразные фигуры»[4].

Актуальной историософской задачей России Леонтьев видит укоренение в чистом византизме с его константами – православием, самодержавием, трансперсонализмом. И, как бы развивая процитированный выше аксаковский тезис в противоположную Данилевскому сторону, соглашается воспринимать Россию «средоточием» славянства исключительно в общей византийской перспективе, перекрывающей и отметающей панславистский идеализм: «Что бы сталось со всеми этими учеными и либеральными славянами, со всеми этими ораторами и профессорами, Ригерами, Палацкими, сербскими Омладинами, болгарскими докторами, если бы на заднем фоне картины не виднелись бы в загадочной дали великорусские снега, казацкие пики и топор православного мужика бородатого, которым спокойно и неторопливо правит полувизантийский царь-государь наш!? Хороши бы они были без этой пики и этого топора, либералы эти и мудрецы мещанского прогресса! Для существования славян необходима мощь России. Для силы России необходим византизм»[5].

Вне этой русско-византийской перспективы правому эстету и аристократу-консерватору Леонтьеву все славянское дело видится эрзацем романо-германского космополитизма, приправленным эгалитаристской буржуазной пошлостью и дешевым бессознательным либерализмом, воспитанным разностью местнических тяготений: «Что же есть у них у всех общего исторического, кроме племени и сходных языков? Общее им всем в наше время – это крайне демократическое устройство общества и очень значительная привычка к конституционной дипломатии, к искусственным агитациям, к заказным демонстрациям и ко всему тому, что происходит ныне из смеси старобританского, личного и корпоративного, свободолюбия с плоской равноправностью, которую выдумали в 89-м году французы, прежде всего на гибель самим себе. Разделять югославян может многое, объединить же их и согласить без вмешательства России может только нечто общее им всем, нечто такое, что стояло бы на почве нейтральной, вне православия, вне византизма, вне сербизма, вне католичества, вне Юрия Подебрадского, вне Крума, Любуши и Марка Кралевича, вне крайне болгарских надежд. Это, вне всего этого стоящее, может быть только нечто крайне демократическое, индифферентное, отрицательное, якобински, а не старобритански конституционное, быть может, даже федеративная республика»[6].

Однако в исторической перспективе начала XX в. леонтьевский скепсис относительно панславизма оказался на идеологической периферии. Новый этап в историософском осмыслении славянской идеи, ознаменованный началом Первой мировой войны, резонировал с отвергаемыми «русским Ницше» доктринами.

Военные события и сформированный ими культурный контекст во многом знаменуют завершение классического этапа истории «восточного вопроса». Прямое столкновение с тремя центральными державами, в состав которых входили борющиеся за освобождение славянские меньшинства, а также перспектива окончательного овладения Константинополем и проливами стали закваской бурно забродившей в русской литературе и публицистике национальной мифологии, *синтезирующей* и *логически разворачивающей* в разные стороны *многообразные составляющие историософии славянства*.

«Славянство в русской культуре эпохи Первой мировой войны» – это слишком обширная тема, чтобы попытаться ее целокупно обозреть даже в самых общих чертах. Ограничимся поэтому прежде всего подчеркиванием синтетического характера историософии славянства в этот период, когда, во-первых, сходятся (по крайней мере, *на начальном этапе войны*) под общие идеологические знамена представители разных общественно-политических ориентаций – от правых националистов до левых либералов, – а во-вторых, благодаря текущим политическим событиям и ожиданиям скорейшего и окончательного решения Россией славянского вопроса разлом между *реальным* и *идеальным* в осмыслении судеб славянства может представляться преодоленным: современникам порой кажется, что через эмпирические фронтовые сводки со страниц газет проговаривает себя сама трансценденция славянской идеи.

Именно такого контекста восприятия требует максима В. Эрна, вынесенная им в заглавие брошюры 1915 г.: «Мое главное положение: *время славянофильствует*, означает прежде всего, что славянофильствует *время*, а не люди, славянофильствуют события, а не писатели, славянофильствует сама внезапно заговорившая жизнь, а не “серая теория” каких-нибудь отвлеченных построений и рассуждений. <…> Своим положением я хочу сказать, что каково бы ни было массовое сознание образованных русских людей, мы фактически вступаем в славянофильский эон нашей истории; он же самым тесным образом связан с судьбами всего мира»[7].

Показательна та смена идеологических оценок в атмосфере «славянофильствующего времени», какую демонстрирует В.В. Розанов. Так, еще в 1908 г. со страниц «Нового времени» он называет «безумием» желание сторонников присоединения России к англо-французской оси «ставить на карту вековой мир с Германией» и призывает к осторожности «до смущения», поскольку «в последние годы есть что-то не расположенное к нам в самой <…> Судьбе»: «Так и хочется сказать старым языческим термином, что время бы умолить богов». Его взгляд на славян иронично-скептичен и снисходительно-провокативен: «<…> к сожалению, славянам почти нечего брать друг у друга. Милые народцы, симпатичные, – но ничего в истории не сделали, лентяи и забавники, празднолюбцы

и шатуны. Это слишком плачевно, и, конечно, мы все стоим, все славянские народы стоят перед эпохою энергичного движения вперед, самой деятельной работы. Без этого мы сгибнем, нас задавят и съедят. Да и стоит, потому что Бог не может долее тысячи лет терпеть тунеядцев»[8].

Но по прошествии шести лет писатель полностью смещает все акценты и выворачивает наизнанку былые смыслы собственной публицистики, описывая в книге «Война 1914 года и русское возрождение» общенациональный патриотический подъем в мотивном ряду пасхальной радости и превращая топос попираемого и низвергаемого «германизма» в антиматерию таинства жертвенной евхаристии славянства: «Дрожит напряжением русская грудь и готовится вступить в пасхальную “красную” годину исторических судеб своих, дабы подвигом и неизбежною кровью купить спасение тех остатков братских народов, одна половина которых лежит мертвыми костями под тевтонским и мадьярским племенем, а за другую, еще живую половину наших братьев, теперь пойдет последний спор и окончательная борьба <…> Напор германских племен на славянские – завершился: Германская империя объявила войну Русской империи. Исполин пошел на исполина. За нашей спиной – все славянство, которое мы защищаем грудью. Пруссия ведет за собой всех немцев – и ведет их к разгрому не одной России, но всего славянства. Это – не простая война; не политическая война. Это борьба двух миров между собой <…> Мужайся, русский народ! В великий час ты стоишь грудью за весь сонм славянских народов, – измученных, задавленных и частью стертых с лица земли тевтонским натиском, который длится уже века. Если бы была прорвана теперь “русская плотина”, немецкие воды смыли бы только что освобожденные русскою кровью народы Балканского полуострова <…> России больно от боли славян… И она хочет переболеть сама, чтобы им не было больно»[9].

В русской модернистской культуре военных лет (и прежде всего среди активистов Московского религиозно-философского общества им. В. Соловьева) на основе ее собственного религиозно-эстетического тезауруса и концептуальной мифологии формируются особые историософско-символистские коды, синтезиру-

ющие и в то же время во многом переосмысляющие различные элементы славянофильских и почвеннических доктрин.

Того же Эрна ощущение привнесенных «славянофильствующим временем» интуиций духовного синтеза, разрешения апорий и противоречий, снятия привычных историософских антитез подталкивает к утверждению глубокой онтологической промыслительности вступления России в войну именно на стороне Антанты. В цитированной уже книге «Время славянофильствует» философ переносит в современную политическую реальность славянофильскую апорию восприятия Европы как средоточия духовной опасности безбожного гуманизма и одновременно страны «святых чудес» – и снимает ее, предлагая собственный сценарий историософской дешифровки современных событий: кайзеровская Германия явилась квинтэссенцией механицизма, порожденного европейской материалистической культурой Нового времени, и, вступив в войну с прочей Европой, невольно высшим промыслом помогла ей, отринув безбожное наследие, вернуться к своим истинным корням, явить «христианскую душу», вспомнить о себе как о стране «святых чудес», исполнив чаяния русских славянофилов и почвенников: «В этой конфигурации событий сама собою наметилась линия глубочайшего внутреннего единства между Россией и Европой. Россию и Европу – как бы ни старались замазать розовыми словечками эту пропасть наши почтенные западники – всегда внутренно и духовно разделяло то, что теперь с такою силою объективировалось в подъявшем меч германизме. Этот ужасный воспалительный процесс начался в Европе давно, и ни один проницательный русский человек, не изменив святыне народной веры, не мог сказать безраздельного “да” Европе, объятой этим процессом <…> Отношение России к Европе стало чрезвычайно простым после того, как отрицательные, богоубийственные энергии Запада стали сгущаться в Германии, как в каком-то мировом нарыве, – и оттягивать весь воспалительный процесс в одно место. Когда вспыхнула война и наяву в Бельгии, Франции и Англии воскресли “святые чудеса”, между Россией и этими странами установилось настоящее духовное единство. С этой Европою подвига и героизма, с Европою веры и жертвы, с Европою благородства и прямоты мы можем вместе, единым сердцем и единым духом, творить единое “вселенское дело” <…> Не будем забывать, что внутренно, по совести, в нашей духовной глубине мы сошлись с Европой на общем почитании святынь»[10].

Сочетание *вселенское дело* по отношению к миссии славянства в Первой мировой войне станет центром понятийного аппарата и Вяч. Иванова, в статьях которого 1914–1917 гг. «Вселенское дело», «Славянская мировщина», «Польский мессианизм как живая сила» и «Духовный лик славянства» религиозно-символистские стратегии осмысления исторического призвания родственных народов укладываются в цельную концепцию «славянологии», адаптирующую привычные доминанты славянофильства под цельное христианско-платоническое историософское мировидение. Концепция эта не сведена автором воедино, но легко реконструируется при прочтении данных текстов на фоне концептуального языка всего ивановского творчества.

Вселенское дело, к которому призвана Россия и славянство в Первой мировой войне, есть производное «действия Духа» в народе как «племенной личности» (гегельянские, т. е. *германские*, коннотации данного понятия Иванова не смущают). Это прежде всего *религиозное* Дело, которому надлежит быть свершенным на нескольких бытийственных уровнях.

На уровне собственно историческом смысл этого Дела – «отстранительный, воспретительный, охранительный», поскольку Россия и славянство призваны стать «тварным орудием нетварного Слова» и не дать победить «дьявольскому искушению духовного самоубийства»[11], которое несет обезбоженный фаустианский германизм с его «племенным себялюбием» и «отчаянным провозглашением гибели всех безусловных ценностей»[12]. От решения этой задачи зависит окончательный исход судеб славянства в истории: «Поработится ли вновь, и уже окончательно, ныне полусвободное племя, назвавшее себя племенем Слова, но издревле понесшее знак рабий <…> или же скажет, наконец, славянство свое доныне не сказанное слово? <…> Будут ли раскрепощены связанные живые силы, или же и свободные скованы? Водворится ли вожделенный строй в славянской мировой громаде, – как предвещал Тютчев, – когда в Царьграде помирятся Россия с Польшей?»[13].

Подобно Эрну с его ощущением вступления в «славянофильский эон» истории, Иванов чувствует «зёв времени, отделяющий новую эпоху от старой»[14]. Но показательны размытость и туманность его указаний на плоды *вселенского дела* по отношению к славянству: «сказанность не сказанного слова», «раскрепощение связанных живых сил» и проч. У Иванова это концептуально не случайно, поскольку, по его логике, историософское призвание славянства невместимо в пределы логически определимого и рационально ограниченного эмпирического мира – мира европейской феноменальности: «<…> славянство, как энергия культурная, для позитивной мысли анахронизм, для немецкого разумения юродство или вечное детство, <…> наше лучшее, – то, где сокровище наше, – не от мира сего, хотя мы и не перестанем бороться с этим миром, доколе на нем не отпечатлеется наше чаяние, – <…> идея славянская по преимуществу задание духа»[15].

Для Иванова – и здесь он являет свою природу русского модерниста, устремленного к бытийному трансенсусу, преображению мира, к преодолению феноменального в ноуменальном, – принципиально важно, что славянское дело не *данность*, а *задание*, не актуальный факт, а духовный потенциал, причем исключительно христианский, совокупляющий самоценность личностности и всевместимость соборности, призванный противостать соблазну национального самоутверждения в эмпирическом мире истории: «Без Христа нет личности, как отдельной, так и народной; *славянство же хочет быть соборностью*, на любви основанным союзом и духовным общением, “собранным духом” свободных народных личностей. Без Христа славянское чувство предназначенности на вселенский подвиг обращается в расовое притязание, внутренне бессильное и несостоятельное, и самое грядущее объединенное славянство – в принудительно организованный империалистический коллектив. Мы должны беречься ошибки германцев, вины давней и вырастающей из самих корней их духовного бытия, поистине вины трагической: убиения личности в культе безличного народного *я*»[16].

Иванов конкретен, очерчивая границы *ложного* и *соблазнительного* (националистического и империалистического) в стрем-

лениях к славянскому объединению, но сознательно отказывается от определенности в своих положительных характеристиках, поскольку «сокровенная духовная связь» между разными славянскими народами «остается невыявленною и неопределимою»[17]. И это опять же закономерно в рамках концепции символистского мэтра, который «духовный лик» славян осмысляет посредством основополагающей для себя ницшеанской оппозиции *аполлонийского / дионисического*. А славяне, по Иванову, в отличие от романо-германцев, воздвигших «свое духовное и чувственное бытие преимущественно на идее Аполлоновой», на принуждении и самоограничении, «с незапамятных времен были верными служителями Диониса»: «То безрассудно и опрометчиво разнуздывали они, то вдохновенно высвобождали все живые силы – и не умели потом собрать их и укротить <…> Истыми поклонниками Диониса были они, – и потому столь похож их страстной удел на жертвенную долю самого, извечно отдающегося на растерзание и пожрание, бога священных безумий, страдающего бога эллинов»[18].

Славяне слишком «дионисичны», слишком склонны к расточению, протеистичности и попранию границ, чтобы их духовно оправданное, с ивановской точки зрения, единство могло бы в его концепции обрести осязаемые исторические формы. Славянские потенции сокровенны и едва ли могут быть явлены вне эсхатологической перспективы: «Во многом отказано славянству, но многое и вверено ему на хранение до лучших времен. Неумелые в строительстве общественности принудительной, лелеют в духе славяне, – эти исконные усобники, – тайну хорового согласия и того непринудительного общения между людьми, которое только на их языке имеет в мире свое именование: соборность. Им дано обретать свое личное *я* в целом, и в их сердце зеленеет первый росток грядущего всечеловеческого сознания, которое будет откровением единого *я*, созерцаемого как реальное лицо»[19].

Какую-то осязаемую конкретность в ивановской «славянологии» можно уловить лишь в связи с упоминанием предчувствуемого Тютчевым примирения в Царьграде России с Польшей. Осторожные намеки, разбросанные по статьям автора, складываются в едва уловимый и скорее скрытый, по-ивановски – «запечатлен-

ный», абрис идеи экуменического преодоления конфессиональных разделений в случае, если Россия, «правыми путями» свершив свое «вселенское дело» и не подпав под имперско-националистические соблазны, явит таинство «воскресения» славянского тела у константинопольских святынь. Но на этом пороге автор замолкает.

Такова финальная точка и во многом, пожалуй, смысловая вершина историософии славянства в русской военной литературе. Ясно, что слишком легко изнутри сегодняшнего дня обвинить Иванова в утопизме. Но оставим в стороне вопрос о том, что из увиденного, осмысленного и предугадываемого писателем развеялось утопическим пеплом, а что оказалось – или способно оказаться – плодотворным в перспективе дальнейшей исторической динамики. Ограничимся лишь указанием на то, что в своих положительных построениях «певец дионисизма» Иванов все же не погрешал против и духовной, и интеллектуальной трезвости. А потому и неизменно воспринимал вещи с учетом возможных уклонений в реализации исторического сценария, всегда видел их возможную тень. И, к примеру, писал: «<…> если столь многое славянству поручено, то и великие опасности подстерегают беспечного царевича, таящего под одеждою простолюдина царственное сокровище. Опасности эти я вижу двояко, как опасности темного хаоса и как опасности ложного строя и того света, о коем сказано: “смотрите, свет, который в вас, не есть ли тьма”»[20].

Прогностика русских писателей и мыслителей, высказывавшихся об исторических путях славянства, вообще впечатляет своей силой именно в предчувствиях темных сторон возможного хода событий – того самого, какого славянофильская мысль чаяла избежать. В доказательство приведем цитату из книги Данилевского «Россия и Европа», которой и позволим себе закончить эту работу: «Если Россия не поймет своего назначения, ее неминуемо постигнет участь всего устарелого, лишнего, ненужного. Постепенно умаляясь в своей исторической роли, ей придется склонить голову перед требованиями Европы, которая не только не допустит ее до влияния на Восток, не только устроит (смотря по обстоятельствам, в той или другой форме) оплоты против связи ее с западными славянскими родичами; но, с одной стороны, при помощи турецких,

немецких, мадьярских, итальянских, польских, греческих, может быть, и румынских пособников своих, всегда готовых разъедать несплоченное славянское тело, с другой – своими политическими и цивилизационными соблазнами до того выветрит самую душу Славянства, что оно распустится, растворится в европействе и только утучнит собою его почву. А России, – не исполнившей своего предназначения и тем самым потерявшей причину своего бытия, свою жизненную сущность, свою идею, – ничего не останется, как бесславно доживать свой жалкий век, перегнивать как исторический хлам, лишенный смысла и значения, или образовать безжизненную массу, так сказать, неодухотворенное тело, и в лучшем случае также распуститься в этнографический материал для новых неведомых исторических комбинаций, даже не оставив после себя живого следа»[21].

[1] *Hellman B.* Встречи и столкновения: Статьи по русской литературе. Meetings and clashes. Articles on Russian Literature. Helsinki, 2009. С. 9.

[2] Славяне и европейская война. М., 1914. С. 31–32.

[3] *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 42.

[4] Там же. С. 19.

[5] Там же. С. 53.

[6] Там же. С. 65.

[7] *Эрн В.* Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М., 1915. С. 5–6.

[8] *Розанов В.* Сила национальности // Новое время. 1908. 7 июля. № 11608.

[9] *Розанов В.В.* Последние листья. М., 2000. С. 255–257, 263.

[10] *Эрн В.* Указ. соч. С. 21, 24.

[11] *Иванов Вяч.* Эссе, статьи, переводы. Bruxelles, 1985. С. 187.

[12] Там же. С. 184.

[13] Там же. С. 187–188.

[14] Там же. С. 189.

[15] *Иванов Вяч.* Собр. соч. / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Т. IV. Bruxelles, 1987. С. 662.

[16] Там же. С. 660–661.

[17] Там же. С. 666.

[18] Там же. С. 668–669.

[19] Там же. С. 670–671.

[20] Там же. С. 671.

[21] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 401–402.

В.В. Тихонов

Европеизм и панславизм – два направления в русской научно-исторической публицистике периода Первой мировой войны*

Отличительной чертой Первой мировой войны стало острое идеологическое противостояние между воюющими державами, а также активная пропаганда внутри самих стран, направленная на активизацию патриотических настроений. Исследователи видят в Первой мировой прообраз «тотальной войны», в которой идеологические баталии приобретают не меньшее значение, чем собственно военные сражения[1].

Не остались в стороне и профессиональные историки, которые оказались втянутыми в так называемую мобилизацию интеллекта[2], став активными участниками публицистических споров, пытаясь представить историческую перспективу текущих военных событий, исторически обосновать претензии своих стран. Такие известные российские историки, как Ю.В. Готье, А.А. Корнилов, М.К. Любавский, Е.В. Тарле, Б.И. Сыромятников, М.И. Ростовцев и др., активно занимались публицистической деятельностью, читали лекции перед самой разнообразной аудиторией, стремясь поддержать свою страну в военные годы. Они профессионально развернули так называемую пропаганду прошлым, т. е. активное применение знаний о прошлом, исторических образов и аналогий и т. д. для идеологического противостояния в войне. При этом Первая мировая война стала насыщенным фоном для историософской рефлексии представителей русской интеллектуальной элиты. Заметим, что период мировой войны вообще характеризовался подъемом прежде всего философско-исторической мысли[3]. В статьях, лекционных курсах, публицистике проводились историче-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых (проект № МК-2627.2013.6).

ские параллели с происходящими событиями, пытались вписать войну в широкий историософский контекст. Война представлялась как столкновение народов-титанов[4].

Патриотическая эйфория первых месяцев войны привела к тому, что значительная часть отечественной интеллигенции сыграла важную роль в развернувшейся пропаганде. Заметное влияние здесь имела так называемая доктрина «либерального патриотизма», наиболее полно сформулированная партией кадетов. Она включала «идею так называемого “внутреннего мира”, то есть примирения с правительством ради победы, совместного с властью противостояния революции, обоснование русского империализма как “освободительного” для славянских народов и Европы, но одновременно и идею о том, что война должна способствовать внутренним реформам, залогом чему должен быть союз с демократическими нациями»[5]. Благодаря особой популярности кадетов среди отечественной интеллигенции данная доктрина получила широкое распространение.

Российские историки (Ю.В. Готье, М.И. Ростовцев, Р.Ю. Виппер, М.М. Богословский и мн. др.), так же как их коллеги из других европейских стран, своим научным авторитетом старались мобилизовать нацию на борьбу. Работали они преимущественно в жанре научно-исторической публицистики. Его особенность заключалась в том, что публицистические по своему характеру сочинения сопровождались развернутой научной аргументацией, а огромный научный авторитет их авторов придавал рассуждениям и выводам особую солидность и наукообразность. Существовала и иная форма научно-исторической публицистики: в научные монографии и лекционные курсы включались рассуждения и оценки, носящие ярко выраженный публицистический характер и исходящие из «злобы дня».

«Пропаганда прошлым» развернулась и в центрально-европейских державах. Так, знаменитый на всю Европу немецкий историк античности Э. Мейер проводил следующие исторические параллели: Германию он рассматривал как наследницу Римской империи, Англию как современный Карфаген, который «должен быть разрушен», Россию как деспотическую Персию. Таким обра-

зом, Германия представлялась борцом за римскую, европейскую цивилизацию. Попутно заметим, что все воюющие стороны стремились изобразить себя борцами за цивилизационные основы Европы. Российские историки не могли оставаться в стороне от интеллектуальной борьбы, приготовив «симметричный ответ». В России даже вышел специальный сборник «Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию» (М., 1916).

В научно-исторической публицистике, помимо прочих, можно выделить два направления: европеизм и панславизм. Международный военный конфликт поставил на повестку дня извечные вопросы русской общественно-политической мысли о месте России в европейской цивилизации и ее особой роли среди славянских народов.

Начнем с панславистского направления. В российском обществе панславизм подогревался антигерманскими и антиавстрийскими настроениями. Накануне мировой войны славянофильские идеи имели хождение среди части русской интеллектуальной элиты. С.Н. Булгаков в 1911 г. писал: «Нам приходится стоять перед лицом мощной западной культуры в полном ее расцвете… Пред нами опять стоит антиномия славянофильства и западничества, в новой лишь ее постановке». Поэтому «русская тревога за нашу культуру не должна ослабевать в это трудное и ответственное время, когда задачи так огромны, культурные силы так разрозненны и слабы, а национальное самосознание так придавлено»[6]. Таким образом, война стала лишь катализатором роста славянофильских и панславистских настроений. Наиболее ярко их выразил философ В.Ф. Эрн в своей программной статье «Время славянофильствует»[7]. С началом войны в официозной брошюре писалось: «Миролюбивая, Святая Русь встала на защиту славянства против посягательства германцев»[8]. Впрочем, броская метафора не вполне отражала настроения большинства интеллектуалов. Многие не являлись славянофилами в классическом понимании, а были лишь поборниками славянского единства перед лицом германской угрозы.

В годы Первой мировой войны можно было наблюдать настоящий ренессанс панславистских идей. Накануне войны

тема славянской солидарности играла заметную роль. Например, в июне 1914 г. лидер партии младочехов К. Крамарж разработал проект Устава славянской империи, предполагавший после поражения Австро-Венгрии в войне с Россией создание под эгидой русского императора системы славянских королевств, объединенных федеративными отношениями, общим таможенным союзом, но независимых во внутренних делах[9]. Подобные идеи находили отклик в определенных кругах русского правительства, хотя последнее и вынуждено было считаться с реальным положением дел. Славянская карта эффективно разыгрывалась во время военных действий против центральноевропейских держав. Так, в начале Первой мировой войны было объявлено, что царское правительство намеревается восстановить единую Польшу с предоставлением ей свободы вероисповедания, языка и самоуправления на правах автономии в составе Российской империи.

Панславистские идеи нередко тесно переплетались с культом империализма. Любопытны рассуждения известного экономиста, историка и общественно-политического деятеля, отражавшего либерально-консервативные идеалы, П.Б. Струве. Он писал: «Война 1914 г. призвана довести до конца внешнее расширение Российской империи, осуществив ее имперские задачи и ее славянское призвание…» Более того, именно победа, по его мнению, укрепит тот правовой порядок, который установился с 17 октября 1905 г.[10] В размышлениях Струве тесно переплетаются западные по сути идеи правового государства и метафизическая идея Святой Руси, построенной на «правде».

Представители панславистского течения среди историков рассматривали текущий мировой военный конфликт как продолжение извечной борьбы славянства и германцев. С их точки зрения, в случае поражения Россию и другие славянские страны ждет духовное порабощение. М.К. Любавский, ректор Московского университета, в докладе о деятельности университета по государственной обороне привел следующую историческую аналогию: в случае поражения от Германии Россия попадет в зависимость хуже, чем при татарах[11]. Доклад получил одобрение университетского ученого совета. Вообще, аналогия между Германией начала

века и монгольскими завоевателями стала чрезвычайно популярной. Например, известный мыслитель С. Франк, анализируя духовные основы германского милитаризма, подчеркнул, что в немцах тесно переплелись высокая научная культура и низкая, варварская мораль. Исходя из этого, он назвал Германию «Чингисханом с телеграфом»[12].

М.К. Любавский активно публиковал статьи, освещавшие героические страницы русской истории, нарочито придавая им публицистическую форму[13]. Центральной проблемой в его трудах стала история взаимоотношения славян и германцев. Исходя из собственных панславистских симпатий, Любавский стремился показать, что борьба славян с германской агрессией имеет глубокие исторические корни. Он утверждал, что у славян всегда было два врага: туранство и германство. Первый враг в лице Османской империи ослаб, а вот Германия – страшная угроза. Борьба с Германией виделась ученому как исторический долг России – «славянского колосса»: «Необходимо так или иначе проследить развитие этой драмы для того, чтобы надлежащим образом понять смысл и значение происходящих ныне событий, почувствовать всю тяжесть задач, возлагаемых ныне на Россию, всю ответственность нашу перед потомством»[14]. Именно Россия, «столп и утверждение славян», должна помочь славянам одолеть врага, который угрожает самому их существованию. В речи перед учениками Медведковской гимназии, прозвучавшей в тяжелые для русской армии месяцы 1915 г., он в самых черных красках нарисовал будущее России в случае поражения: «Знайте, господа, что это новое иго во сто крат будут тяжелее прежнего ига, татарского. Татарин только грабил имущество русского человека, но оставлял в покое его душу; тевтон стремился пожрать не только материальное благосостояние других народов, но и их духовную индивидуальность»[15].

Многие историки, в целом не придерживавшиеся славянофильских взглядов, тем не менее, обыгрывали в своих работах сюжеты и идеи близкие к панславистским. Так, известный либеральный историки и член партии кадетов А.А. Корнилов выпустил книгу «Русская политика в Польше со времен разделов и до начала XX в.» (Пг., 1915), в которой в очень смягченном виде по-

казывал царскую политику в Польше и указывал, что новая эра в русско-польских отношениях началась с воззвания великого князя Николая Николаевича, в котором было объявлено, что царское правительство намеревается восстановить единую Польшу с предоставлением ей свободы вероисповедания, языка и самоуправления на правах автономии в составе Российской империи. Справедливости ради необходимо указать, что подобные конъюнктурные шаги вызвали негативную реакцию у некоторых историков из левого фланга либерального лагеря. 13 марта 1915 г. Е.В. Тарле писал редактору «Голоса минувшего» С.П. Мельгунову: «Я смотрю (или смотрел) на “Голос минувшего” как трезвый и беспристрастный орган, где можно указать этой слащавой мямле Корнилову, что 1) не следует фактически врать и 2) не следует подделывать историю под фасон воззвания Верховного Главнокомандующего, как бы это воззвание само по себе ни нравилось историку»[16].

Знаменитый русский медиевист П.Г. Виноградов, по политическим мотивам покинувший Россию в начале XX в. и живший в Англии, также в своих публикациях отразил панславистскую атмосферу времени. Он писал в «Таймс»: «Славяне должны иметь свой шанс мировой истории, и время их возмужания ознаменует новый этап в развитии цивилизации»[17]. Правда, при этом историк оставался убежденным западником, считая, что Россия должна развиваться по европейскому пути.

Популярная идеологема о борьбе германства и славянства и особой миссии славянских народов в мировой войне привела к тому, что серьезно рассматривались проекты создания кафедр истории славян на историко-филологических факультетах[18]. Нужно отметить, что панславизм не оформился в годы Первой мировой войны в стройную идеологическую доктрину. Зачастую панславистские симпатии являлись лишь проявлением солидарности (в первую очередь по отношению к Сербии и Черногории) к славянским народам и антипатии к империи Габсбургов.

С иных позиций, нежели М.К. Любавский, выступали Е.В. Тарле и М.И. Ростовцев. Они придерживались не славянофильского мировоззрения, а были европеистами. С позиций европейских ценностей они и анализировали сложившуюся си-

туацию. Е.В. Тарле выпустил несколько статей, в которых прослеживал складывание воюющих блоков. Все они были пронизаны антантофильскими настроениями. В то же время историк изображал войну как борьбу политических и экономических интересов, избегая излишней идеализации стран Антанты[19]. М.И. Ростовцев утверждал, что главенствующей тенденцией во всемирном историческом развитии является переход от «мировой монархии» к национальным государствам. Памятуя о популярной среди немцев аналогии: рейх – это новая Римская империя, он стремился доказать, что такая государственная форма, основанная на универсалистских устремлениях, обречена на гибель. В «мировых монархиях» господствует абсолютизм, в то время как современные нации жаждут свободы. Из античности они восприняли не идею империи, а идею гражданственности. Наиболее яркими примерами таких наций он называет Италию, Англию и Францию, т. е. страны Антанты. «В хвосте идет Германия, с трудом прививающая себе основы античной гражданственности и культуры, врагом и разрушителем которой она всегда была, как была она всегда и носительницей идеала возобновления мирового государства, идеала, всегда разбивавшегося о крепнущее национальное самосознание народов Европы»[20]. Так же как и Германия, по мнению ученого, отстает и Россия. Ее задача – встать в ряд с передовыми национальными государствами Европы. Здесь, очевидно, проявились надежды значительной части интеллигенции на то, что союз России с демократиями Запада способствует либеральной эволюции российского политического режима.

Таким образом, мировая война привела к активизации двух традиционных течений русской общественно-политической мысли. Часто идеи европеизма и панславизма вполне мирно уживались, даже переплетались. Но необходимо отметить важную подоплеку спора. Если панслависты часто апеллировали к идеалу славянской империи, то европеисты по преимуществу отстаивали идеал национального государства европейского типа (пусть и с сохранением имперской сущности). В этом проявилась борьба двух проектов дальнейшего пути развития Российской империи и ее места в мире. С одной стороны, сохранение многонациональной

империи реликтового типа, которая еще более усложнится с присоединением других славянских народов, с другой – эволюция в сторону европейского национального государства.

[1] *Голубев А.В., Поршнева О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войны. М., 2012. С. 51–52.

[2] *Дмитриев А.* Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: Образованный человек в социальных представлениях и действительности. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 296–335; *Иванов А.Е.* Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны»: Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности // Вопросы естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108–127.

[3] *Носков В.В.* Первая мировая война и русская философия истории // Проблемы всемирной истории: Сб. ст. в честь А.А. Фурсенко. СПб., 2000. С. 82–92.

[4] *Гримм Э.Д.* Борьба народов // Вопросы мировой войны / Под. ред. М.И. Туган-Барановского. Пг., 1915. С. 1–19.

[5] *Ростовцев Е.А.* Университет столичного города (1905–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века). М., 2011. С. 303. См. также: *Шелохаев В.В.* Разработка кадетами национального вопроса в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 355–366.

[6] Цит. по: *Носков В.В.* Первая мировая война и русская философия истории // Проблемы всемирной истории: Сб. ст. в честь А.А. Фурсенко. СПб., 2000. С. 83.

[7] *Эрн В.Ф.* Время славянофильствует: Война, Германия, Европа и Россия // Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991.

[8] Великая война 1914 года. Пг., 1914. С. 4.

[9] Мировые войны XX века. Кн. 1: Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 228.

[10] *Струве П.Б.* Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12. С. 177.

[11] Там же. С. 73.

[12] *Франк С.* О духовной сущности Германии // Русская мысль. 1915. № 10. С. 1–18.

[13] *Сидоров А.В., Старостин Е.В.* Матвей Кузьмич Любавский // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 371.

[14] *Любавский М.К.* Исторические судьбы славянства // Экскурсионный вестник. 1914. № 3. С. 5.

[15] *Любавский М.К.* О значении переживаемого ныне исторического момента // Экскурсионный вестник. 1915. № 3. С. 9.

[16] *Каганович Б.С.* К традиции «либерального империализма» в России: Е.В. Тарле и вопросы внешней политики // Исторические записки. М., 2001. Вып. 4 (122). С. 319.

[17] Цит. по: «Путь приобщения к европейской культуре». Статья П.Г. Виноградова / Публ. А.В. Антощенко // Исторический архив. 1997. № 1. С. 199.

[18] *Ростовцев Е.А.* Испытание патриотизмом: Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. 2009. Вып. 29. С. 318.

[19] *Каганович Б.С.* Е.В. Тарле и петербургская школа. СПб, 1995. С. 21.

[20] *Ростовцев М.* Национальное и мировое государство // Русская мысль. 1915. № 10. С. 31.

Д.М. Магомедова

Проблема «Славянской мировщины» в публицистике 1914–1917 гг. и тема исторического возмездия в творчестве Вяч. Иванова и Ал. Блока

Речь в статье пойдет о круге идей, обсуждавшихся в русской историософской публицистике в 1914–1917 гг. Жизнь русской культуры в годы Первой мировой войны до сих пор не нашла достойного отражения в трудах историков. Помимо суммарных характеристик (разделение писателей на «ура-патриотов» и пораженцев, шовинистов и интернационалистов) и анализа отдельных текстов, почти отсутствуют работы, описывающие идеологические комплексы, господствующие в это трехлетие, не говоря уже об их генезисе, взаимодействии публицистики и художественной литературы, способах проникновения политической проблематики в тексты искусства и т. п.[1]

Один из важнейших идеологических комплексов этого времени – возродившаяся перед лицом «германской опасности» славянофильская идея «панславизма». В контексте этой идеи заново начинает звучать один из самых больных вопросов российской национальной политики – польский вопрос. В задачу статьи не входит анализ этой проблемы с позиций политической истории. Любой историк назовет панславистский комплекс идей утопией, а надежды на «религиозное единение» славянских народов несбывшимися. Однако статьи Вяч. Иванова, Н.А. Бердяева, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна, П.Б. Струве дают возможность рассмотреть в концентрированном виде весь набор «топосов», связанных в этот период с польской темой в русской публицистике и художественной литературе, при всем несомненном своеобразии решения этого вопроса самим поэтом-символистом.

Понятие «топоса», которым я буду оперировать, требует некоторых пояснений. Речь идет о некоторых константах, «общих

местах» языка той или иной культурной эпохи, которыми владеют и пользуются современники, даже находясь в разных общественно-политических станах[2]. К первоэлементам этого общего культурного языка эпохи относятся устойчивые мотивы, символы, образы, повторяющиеся сюжеты, иерархии имен, а на более глубинном уровне – категории культуры, без которых она не может существовать. Блестящий образец анализа глубинных категорий культуры на материале Средневековья – работы А.Я. Гуревича. Набор *категорий* для всех культурных эпох один и тот же – пространство, время, причина, судьба, число и т. п. – меняется лишь их содержательное наполнение. Набор *топосов* в каждую эпоху индивидуален и неповторим, полная смена топосов может означать конец одной эпохи и начало другой. Именно с выявления и описания этих топосов должно начинаться изучение культуры того или иного периода. Я не уверена, что мы ныне достаточно дистанцировались от Серебряного века, чтобы корректно описать систему его топосов.

Данная статья – попытка продемонстрировать возможности этого подхода на примере топоса **«Россия и Польша»**, или **«польский вопрос»** в эпоху Первой мировой войны. При этом недостаточно изучения произведений одного, даже и яркого и репрезентативного автора. Лишь сопоставление его текстов со статьями и даже художественными текстами других авторов позволит понять, в каких случаях автор лишь пользуется привычным для данной эпохи языком «общих мест», а в каких реально преобразует его.

Первый сквозной мотив, объединяющий статьи и художественные тексты этого времени, восходит к знаменитому пушкинскому стихотворению «Клеветникам России» – «**семья**» (у Пушкина – «сия семейная вражда») и связанные с этим мотивом образы и даже сюжеты «**братской вражды», «братоубийственной распри»** и просто «**братьев».** Акцент делается именно на то, что перед лицом общего врага бессмысленная вражда уходит в прошлое, а Польше предстоит возрождение.

Этот мотив был использован в самом начале войны в Воззвании Верховного главнокомандующего (великого князя Николая) к полякам 1 (14) августа 1914 г., в котором Польше гарантирова-

лась не только защита от Германии, но и будущая автономия объединенной Польши внутри Российской империи:

«Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения ея с великой Россией. Русские войска несут вам благую весть этого примирения. Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя. Под скипетром этим воссоединится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении»[3].

Публицистика и художественная литература немедленно подхватили этот мотив.

Начнем со стихотворения В. Брюсова «Польше» (1 августа 1914), раньше всех обратившегося к этому мотиву. Поставив эпиграфом к нему строки из стихотворения Тютчева «Как дочь родную на закланье…» («И наша общая свобода,/Как феникс, возродится в нем…»), Брюсов соединяет в своем стихотворении пушкинские и тютчевские мотивы:

Опять родного нам народа
Мы стали братьями, – и вот
Та «наша общая свобода,
Как феникс», правит свой полет.

А ты, народ скорбей и веры,
Подъявший вместе с нами брань,
Услышь у гробовой пещеры
Священный возглас: «Лазарь, встань!»

Стихотворение Сологуба, рисующее картину военных сражений в Польше в сентябре 1914 г., носит заглавие «Братьям». От имени поляков, покидающих разрушенные жилища, поэт говорит:

Из милых мест нас гонит страх,
Но говорим мы нашим детям:
«Не бойтесь: в русских городах
Мы все друзей и братьев встретим»[4].

О конце «бессмысленной» «братской» вражды между Россией и Польшей писал в октябре 1914 г. Л. Андреев в статье «Восхождение» (Биржевые ведомости. 1914. 16 и 20 октября). Н. Бердяев в статье «Русская и польская душа» (1914) не только пользуется выражением «старая ссора в славянской семье», говоря о ссоре русских и поляков, но и разворачивает это уподобление, говоря о трудностях взаимопонимания между народами и в семейной жизни: «Народы родственные и близкие менее способны понять и более отталкиваются друг от друга, чем далекие и чужие. Родственный язык звучит неприятно и кажется порчей собственного языка. В семейной жизни можно наблюдать это отталкивание близких и невозможность понять друг друга. Чужим многое прощают, но своим, близким ничего не хотят простить… И никто не кажется таким чужим и непонятным, как свой, близкий»[5].

В первой же статье Вяч. Иванова «Славянская мировщина» (1914) метафора «семьи» не просто подхвачена, но и развернута в легендарное повествование: «Конечно, русско-польская тяжба есть славянская семейная вражда и должна быть решена на славянской мировщине по семейному, по кровному, по Божьему закону и прадедовскому завету <…> Недаром стародавние песни и былины славян изобилуют рассказами о братских ковах. И как эпически проста кровавая летопись этой семейной вражды! Триста лет назад взял грех на душу брат Лех: пошел на русского брата, чтобы не вещественно лишь, но и духовно разорить его и как бы исторгнуть из него живое сердце. Он покусился на его святая святых, на его православную душу. Весы истории перекачнулись, и вот, к концу XVIII века Россия (о, к счастью, не народ русский, не сокровенная и безмолвствующая душа его, а власть правящая и народу внеположная) совершает не покушение только, но действительное историческое преступление, которое – именно потому, что оно облеклось в осуществление и действие, – бессильно было затронуть духовную и бессмертную личность Польши, когда видимая и осязаемая плоть ее была растерзана на части»[6].

В созданной Вяч. Ивановым легенде становятся явными еще несколько мотивов, связанных с топосом «Россия и Польша». Прежде всего это мотив **взаимной исторической вины** и вытекающий

из него мотив **взаимного исторического покаяния,** или, иначе, **взаимного возмездия, расплаты.** Сходные мотивы развиваются в названной статье Н. Бердяева: «В прошлом полонизация и латинизация русского народа была бы гибелью для его духовной самобытности, его национального лика. Польша шла на русский Восток с чувством своего культурного превосходства. Русский духовный тип казался полякам не иным духовным типом, а просто низшим и некультурным состоянием. <…> Россия выросла в колосса, как государственного, так и духовного, и давно уже раздувание польской опасности, как и опасности католической, постыдно и обидно для достоинства русского народа. Более сильному обидчику не подобает кричать об опасности со стороны более слабого»[7].

Однако приходится признать, что мотив взаимной вины и взаимного покаяния, прощения, возмездия встречается значительно реже и в статьях, и в художественных текстах того времени (чаще вина и покаяние связываются лишь с одной из противостоящих друг другу сторон). Тем знаменательнее совпадение этого мотива у Вяч. Иванова и А. Блока в поэме «Возмездие».

Как и во всякую эпоху исторического надлома, в русской культуре начала XX в. особое значение приобрели многочисленные варианты эсхатологических мифов, среди которых выделяется миф о возмездии и искуплении. Этот миф нашел свое воплощение в творчества трех крупнейших поэтов-символистов. Первым к теме возмездия, кажется, обратился Андрей Белый – ему принадлежит небольшой стихотворный цикл «Возмездие» (1901). Вяч. Иванов разрабатывал тему возмездия в многочисленных статьях, среди которых особенно выделяются эссе «Древний ужас», работы о Достоевском (в первую очередь – «Достоевский и роман-трагедия»), а также публицистика эпохи Первой мировой войны и стихотворный цикл «Година гнева». Наконец, самые знаменитые произведения, в которых претворяется эта тема, – стихотворный цикл «Возмездие» и поэма под тем же названием Александра Блока.

Отдельные аспекты этой темы уже были предметом рассмотрения в литературе о символизме[8].

В данной работе мы сосредоточимся на сопоставлении концепции возмездия у Вяч. Иванова и Блока в поэтическом творчестве обоих художников и прямых обсуждениях проблемы возмездия в их публицистике. В то же время специфика этой проблемы у каждого из поэтов неизбежно поставит вопрос о традициях, на которые они опирались, об отборе источников. Иными словами, проблема возмездия у Вяч. Иванова и Блока должна быть проанализирована с точки зрения ее эволюции и генезиса.

Прежде всего остановимся, по необходимости кратко и схематично, на проблеме происхождения идеи возмездия в европейской культуре, которая обнаруживает несомненную полигенетичность. Укажем лишь важнейшие ее источники.

1. Античная идея неотвратимого Рока (Ананке) – трагической родовой вины, перешедшей на индивидуальную судьбу и влекущей за собой предопределенное наказание – возмездие.

2. Ветхозаветная идея неотвратимого Божьего наказания за любой грех. Важно, что идея возмездия-отмщения переносится и в законы земного человеческого существования («око за око»).

3. Апокалиптическая христианская эсхатология, связанная с мифологией Страшного суда. Важнее всего здесь отметить, что Апокалипсис сочетает в себе как мотивы личного нравственного возмездия за измену изначальному предназначению («Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою» – Откр 2, 4), так и неотвратимости последнего справедливого Божьего приговора («Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его». – Откр 22, 12). Необходимо также осознать, что в формуле «каждому по делам его» понятие «возмездия» теряет исключительно негативную семантику и может означать нечто прямо противоположное – награду или оправдание.

В культуре Нового времени выделяются следующие традиции, так или иначе соотносимые с античной идеей рокового предопределения или апокалиптической идеей эсхатологической расплаты.

1. Готический роман (Г. Уолпол, У. Бекфорд, М. Шелли) и романтическая драма рока (Вернер, Мюльнер, Грильпарцер), разрабатывающие идею родового проклятия, родовой ответственности и обреченности каждого представителя проклятого рода, независимо от его личных качеств, личной греховности или пра-

ведности. Связь этой традиции с античной идеей Рока-Возмездия совершенно несомненна. Во второй половине XIX в. эта традиция парадоксальным образом трансформировалась в натуралистическую концепцию неизбежного биологического вырождения рода под воздействием законов наследственности[9]. Связь этих традиций отмечалась Блоком в предисловии к его переводу трагедии Ф. Грильпарцера «Праматерь».

2. Творчество Рихарда Вагнера, в котором акцентируется антииндивидуалистический аспект эсхатологической проблематики. В первую очередь речь идет о тетралогии «Кольцо нибелунга», где ставится проблема трагической обреченности всякой индивидуалистической культуры, незаконно отпавшей от мирового целого, перед лицом грядущей вселенской катастрофы.

3. Наконец, для русских художников значимой оказалась трактовка проблемы возмездия в творчестве Генрика Ибсена. Формула «Юность – это возмездие» из драмы «Строитель Сольнес» переводила проблему возмездия из универсально-космического плана в план индивидуального человеческого бытия, от эсхатологии к проблеме личной нравственной ответственности отдельного человека.

Обратимся теперь непосредственно к поэтическим текстам. Как уже отмечалось[10], проблема возмездия была впервые отчетливо осознана Вяч. Ивановым в 1904–1905 гг., в годы позорной для России японской войны и первой русской революции. Цикл «Година гнева» – первое поэтическое воплощение мотива «возмездия», где сразу же выявились очень существенные моменты ивановской интерпретации этого мотива.

Первое же стихотворение этого цикла – «Зарева» делает совершенно очевидной ориентацию Вяч. Иванова на традиции древнегреческой трагедии: стихотворение выполняет функцию парода – экспозиционной хоровой песни греческой трагедии. Тема хора проходит через все стихотворение:

Гимнов глубоких придверница,
Пой, Полигимния!
…………………
Хочет ударить – как в колокол веч,

В струны живые Камен;
Рот многошумный отверст…
…………………
Вещих сестер
В ужасе молкнет божественный хор[11].

С поэтикой парода связаны и упоминания о музах, и прямые к ним обращения (Полигимния, Камены, Мельпомена, Клио). Здесь же, в первом стихотворении, возникает и тема возмездия, хотя самого слова «возмездие» в тексте нет, оно появляется лишь в шестом стихотворении цикла – «Астролог». В стихотворении «Зарева» речь идет о жребии, сужденном человеку, в строчках «Плачь нам и пой нам / Жребии сеч!». И эта тема сразу же переплетается с двумя важнейшими мотивами: **рока**, предначертанности и неотвратимости мировых событий (в образе Клио, вычерчивающей на скрижалях повесть годин) и тесно связанного с темой рока мотива **жертвы** трагических событий:

Молчание. Рок нам из мрака зовущую руку простер:
И в трепете, – все же схватили мы руку вожатую…
Темный, влечет он тропой непочатую
Жертву – в костер!..

Все эти мотивы, заданные в первом стихотворении, оказываются ведущими, сквозными в цикле «Година гнева», варьируются в ряде стихотворений.

Особенно же важно для понимания темы возмездия уже упомянутое стихотворение «Астролог». В литературе об Иванове уже отмечалось[12], что роковые и трагические события нисходят на землю в уже готовом виде: это – «небесный гнев», который поражает всех без исключения.

«Чредой уставленной созвездья
На землю сводят меч и мир:
Их вечное ярмо склонит живущий мир
Под знак Безумья и Возмездья».

«Дохнет неистово из бездны темных сил
Туманом ужаса, и помутится разум,
И вы воспляшете, все обезумев разом,
На свежих рытвинах могил»[13].

Насколько выношено и осознано было у Вяч. Иванова понимание возмездия как роковой внеличной сакральной силы, абсолютно не зависящей от личного человеческого участия в событиях, свидетельствует тот факт, что сходные мысли, почти в чеканных формулировках, повторялись им и в его эссеистике, начиная с 1905 г. и кончая поздними работами о Достоевском. Так, в статье «Древний ужас» Вяч. Иванов пишет: «Сильнее самих богов – Судьба: непредвидима и неотвратима роковая година. Судьбы не умилостивить жертвами, не победить противлением; ни умилить, ни отразить ее нельзя. Нет в Неизбежной произвола, ни человекоподобия, как в других божествах. И первоначально не было в ней правды…»[14]

Итак, по Иванову, античное понимание трагического возмездия, сужденного роком, обнаруживает свою недостаточность: в нем нет «правды» – иными словами, разделение личностной и внеличной сферы настолько глубоко и абсолютно, что лишается всякого смысла вопрос о нравственной позиции человека, о возможности или необходимости свободного выбора, вообще – всякой духовной активности личности. Недаром в стихотворении «Астролог» дважды повторено местоимение «все»: «Все обезумев разом» и «Все захлебнуться вдруг возжаждете в крови».

И тем не менее мотив выбора в цикле «Година гнева» очень важен. Уже отмечалось, что трагедия русской национальной истории, историческая вина России, влекущая неизбежное возмездие, состоит в отказе от твердого выбора между Зверем и Христом[15].

Русь! На тебя дух мести мечной
Восстал – и первенцев сразил,
И скорой казнию конечной
Тебе, дрожащей, угрозил –

За то, что ты стоишь, немея,
У перепутного креста,
Ни Зверя скиптр поднять не смея,
Ни иго легкое Христа…[16]

Иными словами, выбор осуществляет не личность, а Россия как действующее лицо мировой истории. Таким образом, если в первом стихотворении цикла мотив возмездия соотносился с античным пониманием Судьбы, с традицией древнегреческой трагедии, то второе, следующее за ним – «Месть мечная» – вводит новые мотивы, и возмездие соотносится теперь с эсхатологической апокалиптикой. Но апокалиптические мотивы в этом цикле достаточно подробно рассматривались[17], и останавливаться на них излишне. Речь идет и о реминисценции в названии цикла («Година гнева» – «день гнева»), и о мотиве искушения, о теме «Бездны», власти Зверя и т. п. Хотелось бы только указать еще на один существенный момент в понимании проблемы возмездия, как оно видится в этом цикле. Вопрос о возмездии для Вяч. Иванова – это вопрос о национальной судьбе России. Но события современной ему политической жизни почти лишены в цикле какой-либо предметной конкретности: если бы не заглавие «Цусима» и эпиграф из военной реляции, в тексте стихотворения ни одна деталь не указывала бы на то, какое именно событие, какая катастрофа стала предметом лирического высказывания. В стихотворении «Месть мечная» конкретный адресат скрыт в посвящении, а объект поэтической рефлексии – Русь и ее вневременное самоопределение. Пространство цикла предельно широкое, даже не историческое, а мифологизированно-историческое, скорее – мистериальное пространство, где и разворачивается трагедия апокалиптического возмездия. Но возможно ли какое-то участие в этой мистерии отдельной человеческой личности?

В статье «Достоевский и роман-трагедия» Вяч. Иванов говорит о вине и возмездии как проблемах нравственной философии. Сопоставляя судьбы Раскольникова и Анны Карениной, Иванов размышляет о возможности спасения для отдельного человека и утверждает, что «не вина спасает и не возмездие само по себе,

но отношение к вине и возмездию, обусловленное первоосновами личности»[18]. Способен ли человек осознать свое отпадение от религиозной первоосновы бытия (по Иванову, от Матери-Земли) как вину, подобно Раскольникову, или это первоединство в нем изначально отсутствовало, как, в интерпретации Иванова, у Анны Карениной, – только здесь, в способности человека сделать нравственный выбор, осознать падение как вину, – залог его спасения или окончательной гибели. Но знаменательно, что эти размышления находят место главным образом в эссеистике Иванова и крайне редко – в поэтическом творчестве.

Обратимся теперь к блоковскому циклу «Возмездие» (1908–1913). Главное отличие от цикла «Година гнева» бросается в глаза: внимание Блока приковано к судьбе отдельной человеческой личности, к драме земных человеческих взаимоотношений, к психологии. Стихотворения цикла так или иначе варьируют тему **измены** и **забвения** – будь это молодость, первая любовь, мечта. Напомню лишь самое знаменитое: «И я забыл прекрасное лицо», «Так – суждена безрадостность мечтанья – / Забывшему Тебя», «Я сегодня не помню, что было вчера», «Забудь о том, что жизнь была», «Что изменнику блаженства звуки». И это забвение и есть **вина**. В то же время этому мотиву в цикле противостоит другой – мотив **воспоминания** о мире прежних, изначальных ценностей, осознание своей измены как падения, – и это воспоминание и есть начало возмездия («И вспомнил я тебя пред аналоем», «Но все ночи и дни наплывают на нас / Перед смертью в торжественный час», «Я не спеша собрал бесстрастно / Воспоминанья и дела, / И стало беспощадно ясно: / Жизнь прошумела и прошла», «Ты помнишь первую любовь / И зори, зори, зори…»). Итак, возмездие в цикле прежде всего этическая категория. В статье «Генрих Ибсен», отсылая одновременно к драме «Строитель Сольнес» и к Апокалипсису, ибсеновская формула «Юность – это возмездие» соединяется со словами Откровения о «первой любви». По Блоку, в основе драмы «Строитель Сольнес» лежит «одна из мировых истин, равных по значению, быть может, закону всемирного тяготения». Эта истина заключается в том, что «человек может достигнуть вершины славы, свершить много великих дел, может облагодетельствовать человечество, но – горе ему, если на своем восходящем пути он изменит юности, или, как сказано в Новом завете, “оставит первую любовь свою”. Неминуемо, в час урочный и роковой, постучится к нему в двери “Юность” – дерзкая и нежная Гильда в дорожной пыли. Горе ему, если он потушил свой огонь, продал свое королевство, если ему *нечем* ответить на ее упорный взгляд, на ее святое требование: “Королевство на стол, Строитель!”»[19]. Е.Б. Тагер указывал, что в таком понимании «возмездие» означает не столько «наказание» (внешняя карающая сила), сколько «расплату» – «внутреннее осознание человеком своей вины перед собственной совестью»[20].

Очевидно, что акцент у Блока, по сравнению с Вяч. Ивановым, перенесен: речь идет не о встрече человека с внешней неотвратимой карающей силой, а о внутреннем этическом выборе личности. Пробуждение в душе падшего человека голоса совести, воспоминание о мире высших нравственных ценностей, осознание собственного падения и измены изначальному предназначению – все эти мотивы определяют тему возмездия в лирике Блока и в значительной степени получают развитие и в поэме «Возмездие». Прежде всего это касается истории отца, его падения от «демона» до Гарпагона, его измены первой любви (разрыв с матерью героя), наконец, этической деградации и измены идеалам юности:

Так, с жизнью счет сводя печальный,
Презревши молодости пыл,
Сей Фауст, когда-то радикальный,
«Правел», слабел... и *все* забыл...

Мотивы пробуждения голоса совести, воспоминания о высоком жизненном призвании воплощены в поэме в описании музыкальных импровизаций отца:

Лишь музыка – одна будила
Отяжелевшую мечту:
Брюзжащие смолкали речи;
Хлам превращался в красоту;

Прямились сгорбленные плечи;
С нежданной силой пел рояль,
Будя неслыханные звуки:
Проклятия страстей и скуки,
Стыд, горе, светлую печаль…
(5. С. 57–58)

История распада семейных связей, прослеженная в поэме, утрата домашнего уюта, отчуждение сына от отца также осмыслены как расплата-возмездие. Здесь несомненно определенное влияние натуралистической школы с ее концепцией вырождения как рокового, неотвратимого биологического закона. Однако, по замыслу Блока, распад старых связей параллельно должен был сопровождаться рождением «новой породы». Замысел так и остался неосуществленным, но внутреннее сопротивление Блока натуралистическому детерминизму очень показательно.

Для Вяч. Иванова, по крайней мере в его поэтическом творчестве, тема семьи и «жизнеописание» никогда эксплицитно не смыкались с мотивом «возмездия». Его поэма «Младенчество», типологически близкая «Возмездию» именно в своей жанровой ипостаси, как уже отмечалось С.С. Аверинцевым, абсолютно противоположна ей по ценностным установкам[21]. Не разрыв с домом, уход и падение героя, а немеркнущая идиллия – мир поэмы Вяч. Иванова. И напротив, Блоку, в отличие от Вяч. Иванова, гораздо труднее удавалось воплотить тему возмездия в непосредственно национально-историческом аспекте, минуя отдельную человеческую судьбу, психологию конкретной личности.

И в то же время личные судьбы героев должны были, по замыслу Блока, находиться в поэме в сложном соотношении с судьбами национальной и всемирной истории. Но – заметим! – тема национально-исторической вины прозвучала в поэме менее отчетливо и выраженно, хотя и намечается в мотивах предчувствий «невиданных перемен» и «неслыханных мятежей». Пожалуй, наиболее разработанным оказался лишь «польский» аспект проблемы «возмездия», который и является предметом особого внимания.

«Польская» тема зазвучала в самих ранних редакциях поэмы. Подзаголовок первой редакции, как известно, – «Варшавская

поэма», и это не только обозначение места действия, но и указание на особую важность «польской» темы, на ее глубинную связь с проблемой исторического возмездия. В первой редакции историческое возмездие понимается как «месть» униженной Польши («страна под бременем обид») стране-поработителю. В то же время прослеживается несомненный параллелизм темы духовного падения личности и страны «под игом наглого насилья». «Не непосредственная драма порабощения наглой силой, а духовное падение, безмолвие “народного гения”, отречение от идеала, предательство обленившейся совести – вот что поистине трагично для Блока»[22].

В предисловии к поэме появляется еще один аспект польской темы, на этот раз – в связи с мотивом мазурки. Известно, что тема мазурки неоднократно намечалась Блоком в планах поэмы, но почти не нашла реализации в тексте, за исключением финала первой редакции, где мазурка упоминается лишь один раз и уже потому не может считаться лейтмотивом (один из неотъемлемых признаков лейтмотива – неоднократный повтор в тексте, который и придает слову, понятию или имени символический или характерологический смысл). Мазурка появляется в планах поэмы в 1911 г. («Над Варшавой порхают боевые звуки – легкая мазурка» – 5. С. 260), но превращается в осознанный лейтмотив только в плане от 21 февраля 1913 г., где в каждой главе намечается развитие темы мазурки, а весь план завершается фразой: «Два лейтмотива: один – жизнь идет, как пехота, безнадежно. Другой – мазурка» – 5. С. 174). В письме к Л.Д. Блок от 25 февраля 1913 г. Блок также писал о двух явно противопоставляемых лейтмотивах: «“Жизнь проходит, как пехота”, но в шаг ее врывается мазурка (лейтмотив поэмы)»[23]. Наконец, уже в 1919 г. в предисловии к поэме Блок пояснял неосуществившийся замысел: «Вся поэма сопровождается определенным лейтмотивом “возмездия”; этот лейтмотив есть мазурка, танец, который носил на своих крыльях Марину, мечтавшую о русском престоле, и Костюшку с протянутой к небесам десницей, и Мицкевича на русских и парижских балах» (5. С. 51). В чем же можно усмотреть связь этого мотива с темой возмездия? Думается, что речь может идти, с одной стороны, о круге музыкальных впечатлений, с другой – о теме мазурки в русской литературе.

Начнем именно с литературного осмысления этой темы. Мазурка упоминается почти во всех описаниях дворянских балов, от Пушкина до Я.П. Полонского («Свежее предание») и Л.Н. Толстого («Детство», «Отрочество», «Война и мир», «После бала»). С этой точки зрения мазурка – один из символов традиционного дворянского бытового уклада[24]. При этом бал, танцы и, в частности, мазурка как в реальном быту, так и в литературе воспринимались как противопоставление праздника жизни ее будням, свободы и раскованности поведения повседневной иерархической регламентации и, наконец, как воплощение молодости, красоты и любви. Блок безусловно хорошо представлял себе всю литературно-бытовую традицию, связанную с образом мазурки в XIX в. Однако противопоставление в планах поэмы мазурки и пехоты позволяет выделить среди названных источников рассказ Толстого «После бала», впервые опубликованный в «Посмертных художественных произведениях Льва Николаевича Толстого» (Т. 1. М., 1911) и тогда же прочитанный Блоком (в дневнике 1911 г. он зафиксировал получение этого тома 7 ноября). Мазурка на балу и военная музыка во время экзекуции, праздник жизни, расцвет любви к героине и к миру, и жизни в целом, столкнувшиеся с жестоким античеловеческим началом, безусловно, перекликаются с намеченными в планах поэмы лейтмотивами мазурки и пехоты. Но соотношение этих мотивов у Блока и Толстого различно. У Толстого речь идет о разрушении счастья, соприкоснувшегося с тупой и злобной механизированной силой социального зла. Мазурка же у Блока, как это явствует из планов поэмы, символизирует скорее непрекращающиеся, хотя и кратковременные попытки разрушить безнадежную непобедимость зла, внести в жизнь мгновения ярко переживаемого счастья.

Но почему в таком случае мазурка, по словам Блока, связана с темой возмездия?

Очевидно, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо помнить, что с точки зрения музыкальной традиции мазурка была своеобразным танцем-символом, утверждающим самобытность польской культуры[25]. Имя Марины Мнишек в связи с темой мазурки в предисловии к поэме подсказывает ближайший источник

музыкальных впечатлений Блока: опера Мусоргского «Борис Годунов», где партия Марины представляет собой «развернутую цепь музыкальных характеристик, звенья которой – короткие эпизоды в стиле мазурки, полонеза»[26]. Второй русский музыкальный источник, связанный с «польской темой», – опера М. Глинки «Жизнь за царя, или Иван Сусанин», в которой тема мазурки «разработана столь широко и интенсивно в различных ее элементах, что она приобретает лейтмотивное значение»[27]. Тема мазурки проходит через весь «польский» (второй) акт оперы, звучит при каждом появлении поляков во всех остальных актах. И в первом, и во втором случае тема мазурки связана у Мусоргского и Глинки с темой польской агрессии, с периодом Смутного времени на Руси – иными словами, с эпохой, когда была очевидна историческая вина Польши перед Россией. С той же темы начинает и Блок в предисловии, упоминая о Марине Мнишек. Но одновременно «крылья мазурки» носили Костюшку и Мицкевича – а это своего рода ответ уже на историческую вину России перед разделенной Польшей. Таким образом, речь идет о взаимной исторической вине и взаимной исторической расплате России и Польши друг пред другом.

Позиция Блока в «польском» повороте проблемы возмездия в своих исходных положениях оказалась близка позиции Вяч. Иванова, выраженной в статье «Славянская мировщина». Надежда Вяч. Иванова на взаимное искупление исторической вины России и Польши основывается на религиозном преодолении «семейного» раскола славянских народов: «Чаем в грядущем этого благодатного, богоданного, самородного замирения и соборования в Христовой вере; но чего именно и как чаем, – не ведаем сами»[28]. Как и в лирике Вяч. Иванова, героями его публицистики становятся страны, народы, национальные культуры – переход к личной судьбе в такой постановке проблемы исторического возмездия выглядит почти неуместным.

Напротив, в поэме Блока проблема взаимной вины и взаимного же возмездия и искупления решается совершенно иначе. Разрешение взаимного противостояния намечено на «третьем» пути: не в непосредственном столкновении стран и народов, а в рождении ребенка от русского героя польской девушкой – того само-

го последнего «отпрыска рода», который, по мысли Блока, «готов ухватиться своей человечьей ручонкой за колесо, которым движется история человечества» (5. С. 50).

Наконец, позиции Вяч. Иванова и Блока оказываются особенно близки, когда проблема возмездия обнаруживает свой эсхатологический аспект. Речь идет о судьбе человеческой культуры, построенной на индивидуалистической основе («И в каждом сердце, в мысли каждой – / Свой произвол и свой закон» – 5. С. 21). Антииндивидуалистическая направленность поэмы Блока объясняет появление в прологе образов тетралогии Вагнера «Кольцо нибелунга» в контексте многочисленных апокалиптических аллюзий. Особенно же важна тема твердого нравственного различия добра и зла («начал» и «концов»), выбора между «Божьим лицом» и «сумраком неминучим», способности личности противостоять силам зла и хаоса, – все эти мотивы восходят к Апокалипсису, прямо связываясь с темой будущего возмездия. Здесь проблема «возмездия» у Вяч. Иванова и Блока обнаруживает, может быть, не замечаемое сразу, но наиболее глубокое родство. Тема неотвратимого крушения индивидуализма оказывается общей для обоих поэтов. Сходно решается и вопрос о спасении: условием его является твердое знание, память об истинных ценностях человеческого бытия, способность сделать нравственный выбор и осознать свое отпадение от целого как вину.

Подведем некоторые итоги. Для Вяч. Иванова вполне органична ориентация, с одной стороны, на античное понимание предначертанности судеб, неотвратимости событий и последующего возмездия; с другой стороны, античная символика неизменно сливается у Вяч. Иванова с эсхатологической, апокалиптической. Для Блока же гораздо важнее ориентация на традиции Нового времени, в первую очередь на Вагнера, Ибсена и, – может быть, менее заметно, но совершенно несомненно – на традицию драмы рока и натуралистической школы. Если же Блок обращается к Апокалипсису, то, как правило, не непосредственно, а переосмысливая его образы через Ибсена или Вагнера.

Второе существенное различие между Вяч. Ивановым и Блоком состоит в том, что Вяч. Иванов рассматривает проблему

возмездия по преимуществу в национально-историческом плане, лишь изредка обращаясь к проблеме личной ответственности человека. Для Блока же проблема возмездия существует прежде всего как проблема психологическая, нравственно-философская, внимание его приковано к отдельной человеческой судьбе в потоке мировой истории.

Схождение обоих художников в отрицании индивидуалистической культуры и в поисках твердой нравственной позиции позволяет предположить, что концепции возмездия у Блока и Вяч. Иванова не противоречат друг другу, а находятся в отношении взаимодополнительности, как дополняют друг друга макрокосм и микрокосм.

До сих пор речь шла о топосах, более или менее характерных для всей русской культуры времени Первой мировой войны. Однако в публицистике Вяч. Иванова польская тема приобретает еще особый поворот, которого нет у других публицистов и художников этого времени. В манифесте Верховного главнокомандующего говорилось: «Полтора века тому назад **живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее**». У Вяч. Иванова этот мотив прочитывается в привычном для него мифологическом контексте. Речь идет об уподоблении разделенной Польши растерзанному жертвенному телу древнего божества, о **включении «польского» топоса** в важнейший для Вяч. Иванова **миф о страдающем и вечно воскресающем Дионисе в соединении с христианской символикой искупительной жертвы и грядущего Воскресения.**

В статье «Славянская мировщина» легенда о братоубийственной вражде переходит в изложение архаического мифа: «Рассечена была плоть, как расчленяется, по древнему мифу, бог страдающий. Польская душа, как Исида, блуждает и ищет нетленные члены святого тела. Ныне оно восстановляется “по составу своей гармонии”, как говорили герметические мистики о воскресении Осириса: воссоединится состав тела, и бог оживет. Здесь тайна и таинство, и не отвлеченному человеколюбию понять и осуществить мистерию судеб вселенских»[29]. Думается, что этот, очень важный для Вяч. Иванова акцент в «польском» вопросе отвечает

не только его мифологизированной концепции истории, но и самосознанию польского мессианизма, видящего в трагедии Польши искупительную жертву.

Наконец, важнейшей составной частью «польского» топоса в годы Первой мировой войны был мотив **окончательного будущего примирения** русского и польского народа, России и Польши. И снова приходится начать с Воззвания Верховного главнокомандующего к полякам: «Одного ждет от вас Россия: такого же уважения к правам тех национальностей, с которыми связала вас история. С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идет к вам великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде. От берегов Тихого океана до северных морей движутся русские рати».

Помимо общих утверждений об окончании вековой вражды (начиная с процитированного в начале доклада стихотворения Брюсова), в публицистике и в художественной литературе активно обсуждался вопрос о путях этого примирения. Для Бердяева необходимым условием примирения становится воля к взаимопониманию со стороны обоих народов: «Русский народ должен искупить свою историческую вину перед народом польским, понять чуждое ему в душе Польши и не считать дурным непохожий на его собственный духовный склад. Польский же народ должен почувствовать и понять душу России, освободиться от ложного и дурного презрения, которому иной духовный склад кажется низшим и некультурным»[30].

Вяч. Иванов в своем подходе в теме примирения выдвигает на первый план религиозный аспект. Еще в начале 1880-х гг. мысль о религиозном характере примирения России и Польши была категорически высказана в статье Вл. Соловьева «Нравственность и политика. Исторические обязанности России». Утверждая, что «внешнего примирения с Польшей у нас нет и быть не может»[31], философ возлагал надежды на сближение России и Польши в лоне будущей единой христианской церкви. Вяч. Иванов оказывается здесь духовным преемником Соловьева, хотя, в отличие от него, не пытается указывать конкретные пути этого соединения.

Изучение «топосов», связанных с польской темой, дает возможность проследить формирование общекультурного мифа,

влияющего и на художественное творчество, и на политические концепции. Думается, что изучение «польского» топоса в русской культуре рубежа веков могло бы дать возможность не только выявить связанные с ним повторяющиеся мотивы и сюжеты, но и создать пластический портрет «русской Польши», который сочетал бы в себе культурологическую концептуальность с фактографической надежностью.

[1] Существует лишь одна специальная монография, явно недостаточная по охвату материала и устаревшая по своим оценочным критериям, вышедшая в СССР: *Цехновицер О.* Литература и мировая война. 1914–1918. М., 1938. См. также: *Хеллман Б.* Когда время славянофильствовало: Русские философы и первая мировая война // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Проблемы истории русской литературы начала XX века. Helsinki, 1989. P. 211–239; *Баран Х.* Первая мировая война в стихах Вячеслава Иванова //Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М.: Наследие, 1996. С.171–185.

[2] Несколько лет назад мне уже приходилось ставить задачу изучения культурных «топосов» той или иной эпохи, говоря об изучении сборника «Вехи».

[3] День. 1914. № 206. 2 авг. С. 1.

[4] О позиции Сологуба в «польском вопросе» периода Первой мировой войны см. подробнее: *Мисникевич Т.* «Польский вопрос» в лирике и публицистике Федора Сологуба // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII. Мифология культурного пространства: К 80-летию С.Г. Исакова. Тарту, 2011. С. 401–410.

[5] *Бердяев Н.* Русская и польская душа // Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С.152–153.

[6] *Иванов Вяч.* Славянская мировщина // Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1987. Т. 4. С.657.

[7] *Бердяев Н.* Указ. соч. С. 154–155.

[8] См., напр.: *Доценко С.Н.* Проблема историзма в цикле Вяч. Иванова «Година гнева» // Ал. Блок и революция 1905 года: Блоковский сборник. VIII. Тарту, 1988 (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та; Вып. 813); *Обатнин Г.В.* К структуре мировоззрения Вяч. Иванова в эпоху первой русской революции // Ал. Блок и революция 1905 года; *Тагер Е.Б.* Мотивы «возме-

здия» и «страшного мира» в лирике Блока // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980 (Лит. наследство; Т. 92, Кн. 1).

[9] *Обатнин Г.В.* Указ. соч.

[10] См., напр: *Доценко С.Н.* Указ. соч.; *Обатнин Г.В.* Указ. соч.; *Корецкая И.В.* Цикл стихотворений Вячеслава Иванова «Година гнева» // Революция 1905–1907 года и литература. М., 1987.

[11] *Иванов Вяч.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. С. 250.

[12] *Доценко С.Н.* Указ. соч. С.79.

[13] *Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. 2. С. 253.

[14] Там же. С. 102.

[15] *Доценко С.Н.* Указ. соч. С.82–82.

[16] *Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. 2. С. 251.

[17] *Доценко С.Н.* Указ. соч. С. 83–84.

[18] *Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. 4. С. 431.

[19] *Блок А.А*. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Наука, 2010. Т. 8. С. 70. Далее все ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

[20] *Тагер Е.Б.* Указ. соч. С. 87.

[21] *Аверинцев С.С.* Вячеслав Иванов // Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1978. (Библиотека поэта. М. с.). С. 51–52.

[22] *Тагер Е.Б.* Указ. соч. С. 98.

[23] Александр Блок. Письма к жене. М., 1978. С. 292. (Литературное наследство; Т. 89).

[24] *Лотман Ю.М*. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 79–89.

[25] Музыкальный энциклопедический словарь. М., 1990. С. 319.

[26] *Шаринян Р.* Оперная драматургия Мусоргского. М., 1981. С. 114.

[27] *Протопопов Вл.* «Иван Сусанин» Глинки. М., 1961. С. 248.

[28] *Иванов Вяч.* Собр. соч. Т.4. С. 658.

[29] Там же. С. 657.

[30] *Бердяев Н.* Собр. соч. С. 158.

[31] *Соловьев В.С.* Национальный вопрос в России. Выпуск первый // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 277.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА: СТРАТЕГИИ И РАКУРСЫ ОСМЫСЛЕНИЯ

О.Е. Алпеев

Стратегические планы Великих держав в военно-публицистической литературе последней четверти XIX – начала XX в.

Проблема «большой будущей войны», ставшая чрезвычайно популярной в европейской военно-публицистической литературе в последней четверти XIX – начале XX в., остается практически не исследованной. В настоящей статье мы затронем только один из ее аспектов – реконструирование военными публицистами возможных стратегических планов Великих континентальных держав – Германии, России и Франции.

Возникновение феномена прогностической литературы объясняется тем, что в 80-е гг. XIX в. военное и политическое руководство Великих держав осознало неизбежность общеевропейского вооруженного конфликта между двумя блоками – Тройственным союзом в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии, созданным в 1882 г., и Антантой – союзом России и Франции, оформившимся в 1891–1893 гг. Также на возникновение прогностического жанра военно-публицистической литературы повлияло и то, что в 70–80-е гг. закладываются основы современного стратегического планирования. Необходимость планомерной подготовки к «большой будущей войне» была осознана военными руководителями европейских стран сразу после образования в 1871 г. Германской империи. Опыт войн за объединение Германии показал важность заблаговременной подготовки государства к проведению мобилизации и сосредоточения вооруженных сил. Необходимо отметить, что в это же время в практику стратегического планирования вводятся три формы оперативной подготовки офицеров и генералов, позволявшие прогнозировать ход боевых действий в случае возникновения войны: военные игры, полевые поездки, решение стратегических задач.

Пионерами в области прогностической литературы выступили германские военные писатели. В 1880 г. выходит книга «Польский театр военных действий», автором которой являлся капитан германской армии Э. фон Либерт, скрывавшийся под псевдонимом Сарматикус[1]. В ней предпринималась попытка спрогнозировать возможный ход боевых действий в Восточной Европе. При написании этой работы Либерт поставил цель доказать возможность ведения успешных боевых действий против России несмотря на особенности ее географического положения.

Писатель предложил три варианта развития боевых действий в случае возникновения войны: 1) Россия и Франция против Германии и Австро-Венгрии, 2) единоборство Германии и России, 3) Германия и Австро-Венгрия против одной России. Наиболее вероятным представлялся первый вариант. Либерт считал, что в случае коалиционной войны Германии следовало направить главные силы против Франции, выставив на восточной границе только несколько корпусов, кавалерийских дивизий и формировавшиеся при мобилизации резервные войска. Автор предлагал обороняться против русского вторжения, опираясь на развитую систему крепостей. Сосредоточение сил Восточной армии он рекомендовал выполнить в двух группах – в Восточной Пруссии у Инстербурга и у Познани.

Анализ гипотетических планов войны, предложенных Либертом, показывает, что он выражал взгляды молодого поколения офицеров Генерального штаба на стратегическое планирование, не совпадавшие с курсом на подготовку к войне, проводившимся в 70–80-е гг. начальником Большого Генштаба Г. фон Мольтке-старшим. После окончания Франко-прусской войны 1870–1871 гг. и до 1886 г. «великий молчальник» разрабатывал так называемое Большое восточное развертывание (*Grosse Ostaufmarsch*) – проект сосредоточения главных сил Рейхсхеера против России. Однако к концу 80-х гг. перспективность этого плана была поставлена под сомнение. В 1887–1914 гг. Генштаб Германии планировал развернуть большинство войск против Франции.

Несмотря на то что участие германских войск в войне с Россией виделось Либерту минимальным, он считал возможным вести против нее наступательные действия. Основная роль в этом отводилась союзной австро-венгерской армии. Либерт не сомневался в успешном исходе столкновения австрийцев с русскими. В двух других случаях германские войска на востоке сосредоточивались в трех группах – у Бреславля, Познани и в районе Дейч-Эйлау (Восточная Пруссия) – с целью осуществить концентрическое наступление против русских сил в Польше. После разгрома противника германские и австрийские армии могли наступать на Москву. Осуществление вторжения в глубь России казалось Либерту вполне осуществимым.

Таким образом, в книге «Польский театр военных действий» отразились две точки зрения на задачи стратегического планирования, существовавшие среди офицеров прусско-германского Генерального штаба в 80-е гг. XIX в. Так, Либерт признавал возможность ведения наступательных действий против России, разделяя официальные взгляды на подготовку к войне. Вторая тенденция, господствовавшая среди молодого поколения генштабистов, рекомендовала искать поиск решения в случае коалиционной войны в Европе не на востоке, а на западе, – в работе Сарматикуса она также нашла свое отражение. В 1886 г. Либерт развил свои идеи в новом труде – «От Вислы до Днепра»[2].

В Российской империи обе книги Сарматикуса были изданы центральным аналитическим органом русской разведки – Военно-ученым комитетом Главного штаба во втором и седьмом выпусках «Сборника военных обзоров Западной России и пограничных областей Австро-Венгрии и Германии». С критикой работ Либерта выступил известный военный писатель полковник П.А. Гейсман на страницах книги «От Берлина и Вены к Петербургу и Москве и обратно: Ответ воинствующим тевтонам-русофобам», подписанной характерным псевдонимом Антисарматикус. В ней анализировались не только книги Сарматикуса, но и труды его последователей[3]. Автор показал, что вторжение австро-германских войск в Россию являлось трудновыполнимым, так как сроки мобилизации и сосредоточения русских армий на западной границе позволяли, по его мнению, остановить наступление противника и перенести боевые действия в пределы Германии и Австро-Венгрии: «...если

они (немецкие писатели. – *О.А.*) угрожают нам походом на Москву, – писал Гейсман, – с целью отбросить нас в Азию, то и мы можем угрожать им соответствующим наказанием за подобную дерзость»[4].

Следующая работа, в которой реконструировался ход вероятного европейского конфликта, вышла в 1909 г. из-под пера бывшего 2-го обер-квартирмейстера Прусского Большого Генерального штаба барона Л. фон Фалькенгаузена и называлась «Большая современная война»[5]. На страницах книги предлагался план действий Рейхсхеера в случае войны на западе. Автор использовал близкие к действительности данные о европейских армиях, однако общая политическая обстановка, положенная в основу труда, была далека от реальности.

Германским войскам противостояли соединенные силы Франции, Великобритании и Италии. В боевые действия оказались вовлечены Бельгия и Нидерланды, нейтралитет которых нарушили французские войска. Россия осталась нейтральной, что позволило Германии сосредоточить на западе все вооруженные силы. После завершения мобилизации на 14-й день (т. е. 14 апреля) германская армия сосредоточила на Рейне от Везеля до Раштатта 23 армейских корпуса, 13 резервных корпусов и 10 кавалерийских дивизий, сведенные в 4 полевые и 3 резервные армии. Под Ульмом автор разместил 5-ю вспомогательную австрийскую армию из 5 полевых и резервного корпусов и 2 кавалерийских дивизий. Все силы союзников насчитывали 1 млн 250 тыс. человек. Приведенные автором данные о развертывании Рейхсхеера практически совпадали с реальными. Германская армия мирного состава имела 23 корпуса. Согласно плану развертывания на 1909/10 «мобилизационный год» предполагалось дополнительно выставить 13 резервных корпусов (некоторые из них, правда, состояли всего из одной дивизии)[6]. Однако в расчеты Фалькенгаузена не включались так называемые корпуса военного времени (*Kriegskorps*) – Гвардейский резервный, XX и XXI резервные, формировавшиеся в военное время из сверхштатных частей и соединений. Под 5-й вспомогательной австрийской армией угадывалась 3-я итальянская армия, состоявшая из 5 армейских корпусов и 2 кавалерийских дивизий,

которую планировалось перевезти в Верхний Эльзас. Очевидно, замена итальянской армии на австрийскую объяснялась требованиями секретности. С этим же связывается и другое существенное отличие от действительного плана войны Германии – развертывание главных сил на Рейне, т. е. значительно восточнее намеченного района сосредоточения.

В остальном план Фалькенгаузена совпадал с предположениями Большого Генерального штаба о возможных действиях на французской границе. Наступление германских армий началось на 15-й день мобилизации. К этому времени французские войска вторглись в Эльзас и Лотарингию, где осадили крепости Мец и Страсбург, и в Южную Бельгию. После выяснения обстановки германское верховное командование приняло решение контратаковать противника. Главный удар наносился в центре, силами 3-й и 2-й резервной армий в направлении на Саарбрюкен. 1-я и 2-я армии правого крыла наступали в Южной Бельгии. 19 апреля центральные германские армии нанесли поражение французам на реке Блис и отбросили их за Саар. В Бельгии 1-я армия также одержала победу над противником. Ободренное этими успехами командование германской стороны приняло решение «обойти с севера со всеми имеющимися в распоряжении армиями длинную линию укрепленных пунктов, простирающихся от Вердена до Нанси и далее до Эпиналя»[7]. Согласно этому плану 1-я и 2-я армии направлялись западнее Вердена в тыл французам, тогда как остальные армии продолжили фронтальное наступление. Выполнение этого маневра привело к генеральному сражению 28 апреля к северо-западу от Вердена, которое завершилось полным разгромом французских армий.

Предложенный Фалькенгаузеном план действий во многом совпадал с действительными планами войны Германии. Новейшие исследования западных историков, основанные на вновь введенных в научный оборот источниках, показывают, что германский Генеральный штаб в конце XIX – начале XX в. готовился прежде всего к ведению контрнаступательных операций как на западе, так и на востоке, но не к вторжению на территорию противников. Вся подготовка Германии к войне определялась необхо-

димостью готовиться к отражению согласованных атак французских и русских войск. Основные события войны с Францией, по мысли начальника Генштаба А. фон Шлиффена и его преемника Г. фон Мольтке-младшего, должны были развернуться в Лотарингии, где ожидалось вторжение противника. Главные силы германской армии, развернутые на бельгийской границе, предназначались для нанесения контрудара по наступающим севернее Меца французам. С этой целью планировалось нарушение нейтралитета Бельгии и даже Нидерландов. В случае необходимости допускалась переброска войск правого крыла в Лотарингию. Подобный сценарий неоднократно разыгрывался Шлиффеном и Мольтке-младшим в ходе военных игр и полевых поездок. В книге Фалькенгаузена также разбиралась контрнаступательная операция германских вооруженных сил против агрессии западного соседа, завершившаяся переносом боевых действий на его территорию.

Русские авторы уделяли меньше внимания реконструкции вероятного хода «большой будущей войны», чем немецкие. Гейсман в уже упоминавшейся работе предложил план развертывания русской армии, имевший много общих черт с действовавшими в конце XIX – начале XX в. планами Главного штаба Российской империи, ориентированными на оборону от Германии и наступление на Австро-Венгрию. Согласно предложениям Гейсмана, Россия выставляла против Германии 1-ю армию на Немане и 2-ю – в пределах Варшавского военного округа, при этом последняя получала исключительно оборонительные задачи. Против Австро-Венгрии также развертывались две армии: 3-я армия собиралась на южном фронте Варшавского военного округа, на линии Люблин–Владимир Волынский; районом сосредоточения 4-й армии Гейсман определял западную часть Волынской губернии. Задачей 3-й и 4-й армии являлось отражение наступления австро-венгерских войск и последующее вторжение в Галицию.

В 1898 г. варшавский банкир И.С. Блиох (в западной традиции – «Блох») выпустил 6-томное издание «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях»[8]. Этот труд подготовил большой коллектив анонимных авторов, в который входили и офицеры русского Генерального штаба. Блиох

ставил цель показать бессмысленность войны, приносящей непоправимый вред экономике участвующих в ней стран, поэтому главная задача авторов при реконструкции возможных планов войны Германии, России, Франции и Австро-Венгрии заключалась в демонстрации их неосуществимости. Препятствиями для выполнения заранее разработанных планов они считали возросшую мощь ручного огнестрельного оружия и артиллерии и многочисленные фортификационные сооружения, возведенные Великими державами на своих границах.

Обращает на себя внимание реконструкция вероятного плана вторжения русских войск в пределы Германии, помещенная во втором томе труда Блиоха. Предложенные им четыре возможных операционных направления, по которым могло осуществляться наступление, точно повторяли предположения штаба Варшавского военного округа, отвечавшего за планирование боевых действий против империи Гогенцоллернов. Первое операционное направление вело долиной реки Прегеля к Кенигсбергу, второе – на Нижнюю Вислу, к Торну, третье – на Познань-Глогау, четвертое – в Силезию[9]. В отличие от книги Блиоха, штаб Варшавского военного округа считал наиболее удобным операционное направление на Нижнюю Вислу. Согласно отчетной работе окружного штаба 1891 г. армия, собираемая в пределах Царства Польского, могла наступать или с правого берега Вислы на нижнее течение этой реки, или с левого берега долины рек Нетцы или Варты через Познанскую провинцию. Наиболее вероятным признавалось первое направление (РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2341. Л. 1–46 об.). В 1893 г. к этим двум возможным направлениям добавлялось третье – через Силезию (РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 3026. Л. 1–22). За подготовку наступления в пределы Восточной Пруссии отвечал штаб Виленского военного округа.

Французская прогностическая военная публицистика получила бурное развитие только после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. В этот период изменилась роль Франции в Антанте – после неудачного выступления России на Дальнем Востоке военное руководство Французской Республики всерьез сомневалось в эффективности помощи русской армии в случае войны

со странами Тройственного союза. Кроме того, последнее десятилетие перед началом Первой мировой войны ознаменовалось рядом серьезных международных кризисов, напрямую или косвенно затрагивавших интересы Франции.

Особенностью французской прогностической военной литературы следует признать то, что вопросы стратегического планирования изучались в ней очень подробно. Помощник начальника мобилизационного отдела русского Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) генерал-майор С.К. Добророльский отмечал в 1912 г.: «Если немецкие писатели разбирают условия ведения ее (войны. – *О.А.*) в более отвлеченной обстановке, не раскрывая своих карт, то их соперники рассматривают те же вопросы во вполне конкретных формах и, вероятно, задают немалую работу на *Moltkestrasse* (адрес Большого Генштаба. – *О.А.*), в Берлине, по тщательному анализу всего печатного на французском языке материала о большой войне в двадцатом столетии»[10].

Среди прогностических трудов французских авторов выделяются работы генералов И. Ланглуа[11] и А. Бонналя[12], полковника А. Буше[13], майора Мордака[14] и капитана Сорба[15]. Часть писателей (Ланглуа и Мордак) придерживалась точки зрения, что наиболее адекватным планом действий французской армии являлся отход в глубь страны. Другие публицисты выступали за подготовку к оборонительной операции на границе с Германией с последующим переносом боевых действий на ее территорию (Сорб и Буше). Французские писатели правильно определяли, на каком стратегическом направлении будут использованы главные силы германской армии. Все авторы единодушно признавали, что Германия рассматривает французский театр военных действий как основной. Кроме того, они не отрицали возможность нарушения Рейхсхеером нейтралитета Бельгии и даже Нидерландов. Этой проблеме посвящалась работа И. Ланглуа «Бельгия и Голландия перед угрозой пангерманизма». Капитан Сорб делал предположение, что германские войска могут начать наступление на 12-й день мобилизации, а уже на 16-й день их правое крыло, проходящее через Бельгию, подойдет к французской границе на линии Мезьер-Монмеди. К концу первого месяца войны должна была наступить развязка.

Полковник Буше, бывший начальник оперативного бюро Генерального штаба французской армии, видел ключ к победе над Германией в упорной обороне. В первой книге, названной «Победоносная Франция в войне будущего», он не рассматривал вариант, при котором немецкие войска наносили удар на западе через Бельгию. Буше предположил, что Германия развернет все свои силы в Лотарингии на фронте Мец–Страсбург. Эти войска могли образовать четыре перволинейные армии и одну резервную, сосредоточенную южнее Саарбрюкена. Их задачей являлся переход во фронтальное наступление на 10-й день мобилизации в направлении на Нанси. Буше не рассчитывал на активную помощь России, так как произведенная в 1910 г. передислокация двух русских корпусов из Варшавского и Виленского военных округов в Московский и Казанский трактовалась французским Генштабом как отказ от подготовки к активным действиям на границе с Германией. Тем не менее, он предполагал успешно отразить вторжение противника в Лотарингию и начать наступление в пределы Германии. Автор приходил к заключению: «Если завтра будет объявлена война, то через 10 дней наша страна будет наводнена почти миллионом войск и, можно сказать, ни одна единица не будет отвлечена нашими союзниками – русскими.

Мы не должны бояться этого миллиона. Расположим гордо наши войска, держа наши силы массированными на самой границе, перед Нанси, и мы при этом окажемся в столь выгодном положении для сопротивления и маневрирования, при котором истощится наступательная сила атакующего»[16]. Вторжению на территорию Второго рейха посвящалась другая его книга – «Наступление против Германии». В новой работе «Германия в опасности», изданной в 1914 г., Буше рассматривал возможность прохода германских войск через Бельгию[17].

Прогностическая военная публицистика последней четверти XIX – начала XX в. в целом верно отражала действительные планы генеральных штабов Великих континентальных держав. Это далеко не случайно – стратегическое планирование вероятных противников успешно реконструировалось разведывательно-аналитическими подразделениями генштабов на основании открытых

данных о мирной дислокации и организации войск, состоянии железнодорожной сети и количестве обученного запаса. Литература отражала сдержанный характер стратегического планирования и даже некоторый «алармизм» по отношению к соседям. Военные планы Германии, России и в меньшей степени Франции отличались универсализмом: прежде всего в них предусматривалось ведение оборонительных действий и лишь затем допускался переход в наступление. Воссозданные усилиями военных публицистов гипотетические планы войны, за исключением книг Либерта, также предполагали переход в наступление только в ответ на агрессивные действия противника.

Прогностическая литература являлась одним из источников, благодаря которым генштабы европейских стран реконструировали военные планы своих соседей. В ряде случаев выводы, полученные ими, являлись правильными: так, в 1911–1912 гг. 3-е (французское) отделение германского Большого Генерального штаба на основании изучения трудов Сорба и Буше своевременно раскрыло изменение характера французского стратегического планирования, выразившееся в отказе от подготовки к обороне в пользу наступательного образа действий[18]. Русский Генштаб, напротив, не смог извлечь пользы из анализа германской военной публицистики. Изучивший книгу Фалькенгаузена 2-й обер-квартирмейстер ГУГШ генерал-майор В.Е. Борисов предпочел ее данным о формировании резервных войск завышенные более чем в два раза сведения из «Записки о распределении германских вооруженных сил в случае войны» – откровенно фальшивого документа, подброшенного германской контрразведкой русскому военному агенту в Берлине полковнику А.А. Михельсону с целью дезинформации военного руководства России (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 573. Л. 4–5 об., 10). Также он скептически отнесся к тому, что Фалькенгаузен допускал введение в боевую линию резервных корпусов наравне с кадровыми полевыми корпусами[19]. Широкое использование на передовой не только резервных, но и второлинейных войск – ландвера и ландштурма – станет неприятным сюрпризом для русской Ставки Верховного главнокомандующего летом 1914 г.

[1] *Sarmaticus*. Der Polnische Kriegsschauplatz. Hannover, 1880. Heft 1–2.

[2] *Sarmaticus*. Von der Weichsel zum Dnjepr. Hannover, 1886.

[3] *Антисарматикус*. От Берлина и Вены к Петербургу и Москве и обратно: Ответ воинствующим тевтонам-русофобам. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1893.

[4] Там же. С. 238.

[5] *Falkenhausen [L.] Freiherr v[on]*. Der Große Krieg der Jetztzeit. Berlin, 1909. Пер.: *Фалькенгаузен [Л.]* Большая современная война. Варшава, 1911.

[6] Der Schlieffenplan. Analysen und Dokumente / Hrsg. vom H. Ehlert, M. Epkenhans und G.P. Groβ. Paderborn, 2006.

[7] *Фалькенгаузен [Л.]* Указ. соч. С. 256–257.

[8] *Блиох И.С.* Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях: В 6 т. СПб., 1898.

[9] Там же. Т. 2. С. 815.

[10] *Добророльский С.[К.]* О будущей войне // Русский инвалид. 1912. № 75. 6 апр.

[11] *Langlois [H.]* La Belgique et la Hollande devant le pangermanisme. Paris; Nancy, 1906.

[12] *Bonnal H.* La prochaine guerre // Questions militaires d'actualité. 1re ser. [S.l.], 1906. P. 1–49.

[13] *Boucher A.* La France victorieuse dans la guerre de demain. Paris; Nancy, 1911. Пер.: *Буше А.* Победоносная Франция в войне будущего. Варшава, 1912; *Idem.* L'Offensive contre l'Allemagne. Paris; Nancy, 1911; *Idem.* L'Allemagne en péril. Paris; Nancy, 1914.

[14] *Mordacq*. La durée de la prochaine guerre. Paris; Nancy, 1912; *Idem*. Politique et stratégie dans une démocratie. Paris; Nancy, 1912.

[15] *Sorb*. La doctrine de défense nationale. Paris; Nancy, 1912.

[16] *Буше А.* Победоносная Франция... С. 82.

[17] *Boucher A.* L'Allemagne... P. 78–81.

[18] *Zuber T*. The real German war plan 1904–14. Stroud, 2012.

[19] *Борисов В.[Е.]* По стратегии // Русский инвалид. 1909. № 22. 28 янв.

Ю.В. Лунева

Чей Константинополь?

Споры о судьбе Османской империи в российских изданиях в эпоху Первой мировой войны

Преодолеть июльский кризис 1914 г. мирным путем Европе так и не удалось. 1 августа началась Первая мировая война.

Россия вступила в Великую войну недостаточно подготовленной как в военном, так и в общественно-политическом отношении. Правительственная газета «Новое время» накануне войны высказалась по проблеме черноморских проливов: «России не нужен Константинополь, она желает свободный проход через Проливы для своих военных кораблей»[1].

Российская пресса была взволнована закрытием проливов для торгового судоходства. В статье «Иго над Черным морем», появившейся в «Новом времени» 10 октября 1914 г., отмечалось, что Турция запирает проливы и останавливает торговлю Юга России в третий раз[2]. «Барьерный сторож у Босфора стал строгим владыкой всей европейской торговли. Германия теперь диктует всей Европе свою волю, а Турция выполняет ее приказы»[3]. «Черное море должно быть русским морем и выходы из него должны принадлежать Российской империи, а не прусскому рейтару, – подчеркивало “Новое время” – Здесь русские интересы сходятся с европейскими и вопреки прежнему опыту встретят не противодействие, а помощь Европы. Нужно небольшое усилие воли, чтобы встать на уровне созданных историей обстоятельств и использовать их во благо России»[4].

31 октября 1914 г. без консультаций с союзниками Россия разорвала дипломатические отношения с Турцией и 2 ноября объявила ей войну. В манифесте Николая II говорилось, что «безрассудное вмешательство Турции в военные действия только усилит роковой для нее ход событий и откроет России путь к разрешению

завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря»[5]. Константинополь был в манифесте переименован в Царьград.

Благоприятное разрешение вопроса о Константинополе и проливах, обсуждавшееся ранее дипломатами и правоведами, вышло из области кабинетной политики и стало достоянием общественного мнения. Российские газеты подчеркивали столь счастливое стечение обстоятельств: «В эти последние дни судьба предсказала нам завершить идеалы предков: освобождение славян от германского ига и собственное освобождение от германского засилья и изгнание турок из Европы и увенчание Святой Софии крестом»[6].

Британский посол в Петербурге Дж. Бьюкенен констатировал: Россия обрела цель в войне. «Русскому обществу стала очевидна необходимость получения свободного доступа к морю, и его взоры обратились на Константинополь как самый большой трофей войны»[7].

В своих воспоминаниях Сазонов приводил один немаловажный факт, объясняющий значение Константинополя и проливов. «В 1914 г. русский народ не утратил еще своего национального самосознания и это сознание неотразимо ощущалось в области внешней политики»[8].

Для мобилизации общественного сознания русского народа требовалась национальная идея. В истории народа, как и в жизни человека, есть заветная цель, к которой он стремится всю жизнь. В истории Российской империи XIX – начала XX в. одной из таких заветных целей были Константинополь и черноморские проливы. Каждый раз, когда на Востоке, особенно в Османской империи, возникали серьезные беспорядки, в России начинали думать, что, быть может, настало время крестового похода для возвращения православного священного города на берегах Босфора и для освобождения своих братьев по вере, стонущих в турецкой неволе. Элемент религиозно-мистического восприятия мира русским народом выступил той притягательной силой, которая влекла Россию к Константинополю. «…Основное свойство русского народа есть его религиозность и связанное с ней искание абсолютного добра, Царства Божия, и смысла жизни»[9], – пояснял Н.О. Лосский.

Вторым по значимости после религиозного мотива был этнологический, или национальный, вопрос. С начала XIX в. в Европе начинает разрабатываться политическая теория об образовании больших конфедераций народов, основанных на этническом родстве. Согласно этой теории существующие в Европе политические единицы могут быть объединены в три группы: романскую, германскую и славянскую, причем принцип политической федерации, удовлетворяя требованиям этнологии, должен был предоставить отдельным народам достаточную долю местной автономии.

В обычное, мирное время славянские симпатии среди русского народа были мало заметны, но они существовали в качестве внутренней силы и при исключительных обстоятельствах и в кризисных ситуациях всегда прорывались наружу. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Балканских войн 1912–1913 гг. мысль об избавлении от страданий вызывала восторг в сердцах славян, когда «мужественное и многострадальное славянское племя восстанет и освободится от “бессовестной тирании” немца, венгра и турка».

С началом Первой мировой войны укрепились мечты о светлом будущем и представления о всеславянском государстве, столицей которого должен был стать Константинополь. Целый мир глубоко укоренившихся чувств и фантастических стремлений, которые не вызывают сочувствия в уме западного европейца, нашел живую поддержку у русского народа, единственного из славянских народов осуществившего эти стремления и имеющего мистически религиозный склад ума. В случае возникновения всеславянской конфедерации, управление ею естественным образом выпало бы на долю России.

Третьим мотивом, который направлял общественное сознание России в сторону Босфора, являлся политический аспект. Стремление России занять черноморские проливы или, по крайней мере, создать режим, который бы гарантировал их открытость и безопасность черноморского побережья, являлось преобладающим фактором русской внешней политики с тех пор, как Российская империя впервые утвердилась в этом регионе. Государство, владевшее проливами, оказывало влияние на обстановку на Черном море, подчиняло экономическую жизнь Юга России. «Господство над Босфором и Дарданеллами не только открывает двери на влияние в бассейне Черного и Средиземного морей, но и является источником преобладания над Балканским миром и передней Азией, в судьбе которых Россия заинтересована»[10].

Споры о будущем Константинополя велись внутри российского правительства. Военное министерство разрабатывало планы занятия проливов и Константинополя, дипломатическое – договаривалось с союзниками. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов в вопросе о проливах был заодно с российским общественным мнением, но отмечал, что «нас разделял роковой вопрос о Константинополе, который русский народ называл Царьградом и окружил его в своем воображении особым ореолом»[11]. Он считал, что религиозная сторона вопроса о Царьграде сильно затрудняла благоприятное для России разрешение вопроса о проливах, и предлагал придать будущему устройству Константинополя международный характер.

По мнению Сазонова, после занятия Константинополя России пришлось бы «превратить бывшую Византию в русский город, который бы поневоле занял третье место в иерархии русских городов, а сделать из него новую южную столицу России было бы нежелательно, а может быть и опасно»[12].

Между тем секретные переговоры о проливах России со странами Антанты попали в российские газеты. 27 (14) ноября «Биржевые ведомости» сообщали, что между Великобританией, Францией и Россией подписано соглашение, определяющее будущее проливов и признающее за Россией суверенные права над ними и возможность обладания Константинополем и обоими берегами Босфора по окончании войны без того, чтобы вопрос был поставлен на обсуждение европейской конференцией. Сазонов опроверг «газетные слухи». Однако российские газеты, обсуждая наследство больного человека на Босфоре, категорически заявляли, что Царьград должен стать русским владением.

Накануне Дарданелльской операции, планировавшейся на февраль 1915 г., основное внимание российского общества было приковано к Османской империи. 9 февраля (27 января) на засе-

дании Государственной думы Ковалевский (от Воронежской губернии) заявил, что война в первую очередь ускорит завершение векового спора России и Турции относительно Босфора и Дарданелл: «... к России должны быть присоединены Червонная Русь, русская Буковина и Угорская Русь». Левашев (Одесса) заявил, что все русские земли должны немедленно и навсегда слиться со своей матерью Россией[13].

Отметим, что военные и морские эксперты придерживались иной точки зрения. Директор дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Кудашев был уверен, что даже если у Константинополя появятся флоты трех эскадр им не удастся завладеть городом. «При поражении Турции от союзников и заключении мира с Турцией России не удастся получить Константинополь и Проливы, и с этим фактом надо примириться и подготовить общественное мнение. Ни нравственных, ни военных сил на это у России нет», – заключал эксперт[14].

Сазонов организовал в прессе и общественных кругах дискуссию о законных правах России в отношении Босфора и Дарданелл. «Вестник Европы» отмечал в январе 1915 г.: «Державы Тройственного согласия не имели еще повод совместно обсудить и решить вопрос о дальнейшей судьбе Константинополя. Этот вопрос пока остается открытым, а то или иное решение его может выясниться лишь в зависимости от хода военных событий. В данное время действия союзного флота направлены только к форсированию Дарданелл и к занятию Босфора, и они могут иметь своим результатом только открытие свободного прохода через Проливы; вопрос же о судьбе Константинополя – вопрос чисто политический, и он не может обсуждаться без ближайшего участия той из держав, на которой лежит вся ответственность за тяжесть войны с Турцией и от военных успехов которой зависит судьба малоазиатских турецких владений и в том числе багдадской железной дороги»[15].

Российские газеты считали, что предварительная оккупация Константинополя может определить дальнейшую судьбу проливов.

Позиция российского военного ведомства была более реалистичной. В секретной записке генерала от инфантерии Ю.Н. Данилова и полковника Генерального штаба И.И. Щолокова от 27 (14)

февраля указывалось, что исторический вопрос о проливах может быть решен только с применением вооруженной силы. «Ибо можно с уверенностью сказать, что нынешняя владелица Проливов без войны их не отдаст»[16]. «По окончании войны на Западном фронте можно начать войну в Проливах. В период текущей войны абсолютно не представляется возможным выделить достаточные силы для борьбы в Проливах»[17].

Весной 1915 г. российское общество пристально следило за событиями на Черном море. Превосходство России над Турцией здесь стало подавляющим[18].

Во время посещения Николаем II Одессы, Николаева и Севастополя с 14 по 18 апреля 1915 г. шла серьезная подготовка десанта на Босфор. Царский поезд прибыл в Одессу в 9 часов утра 14 апреля. В торжественной встрече императора участвовали городские власти, духовенство, делегации купечества и общественных организаций, тысячи местных жителей[19]. В Одесском кафедральном соборе архиепископ Херсонский Назарий вручил Николаю II медный крест, отлитый из пятаков и гривен, которые пожертвовали нижние чины в 1854 г., когда архиепископ Одесский Иннокентий (Борисов) благословлял шедшие на войну войска. Вручив этот дар Николаю II, владыка Назарий в своей речи высказал пожелание, чтобы крест был установлен в колыбели русского православия – в Царьграде.

Весной 1915 г. Россия максимально приблизилась к осуществлению своей мечты, но так и не решилась отправить десант на Босфор.

«Русские ведомости» в мае 1915 г. отмечали, что вопрос о Константинополе тесно связан с занятием проливов. Проблема осложнялась тем, что геополитический фактор (занятие проливов) переплетался с идеологическим. «Щит Олега на вратах Царьграда и Крест на Святой Софии соблазнительные картины для многих умов, для которых внешний романтический эффект кажется важнее практических последствий»[20]. Автор статьи считал, что смешение идеологии с практической политикой – дело очень вредное как для идеологии, так и для политики. «Поэтому как бы ни были соблазнительны славянофильские чаяния о культуре переворота,

якобы неизбежного присоединения Константинополя, сами эти чаяния не должны оказать никакого влияния на наши решения. Практическая политика вещь чересчур серьезная, чтобы здесь руководствоваться другими соображениями, кроме пользы и нужд русского народа», – заключал публицист. 18 июля 1915 г. в «Биржевых ведомостях» была опубликована статья, в которой говорилось о разногласиях и спорах между союзниками по поводу средств достижения общей цели, о распределении плодов будущей победы, в частности о Константинополе и проливах. Утверждалось, что невозможно опровергнуть публикации немецкой печати о том, что Англия и Франция преследуют свои особые интересы в Дарданеллах и на Босфоре, и предоставить одной России справиться с нападением неприятельских армий[21].

Между тем духовная жизнь России отмечалась необыкновенной сложностью и противоречивостью: от панславизма («За братьев славян!»), патриотизма («За Царя и Отечество!») до шовинизма, борьбы с чужебесием, в том числе с немецким засильем. Возрождалась идея духовного слияния Великой России со Святой Русью, Третьего Рима, мистические религиозные начала.

«Вопросом о хлебе насущном, обо всем политическом могуществе, духовной миссии и культурной и о духовном России»[22], считал Константинополь князь Е.Н. Трубецкой. Он подчеркивал, что только в качестве всеобщей освободительницы малых народов и заступницы за них Россия может завладеть Константинополем и проливами. «Этот акт мыслим как завершение всеобщего освободительного движения народов, только во имя этого в мире и освобождения народов Россия имеет право венчаться венцом Царьграда. Иначе народы не примирятся с ее владычеством в Константинополе и восстанут против него»[23].

С. Дурылин для пропаганды своих идей не стеснялся прибегать к исторической лжи. Он обосновывал свои взгляды, ссылаясь на сказание о Софии Царьградской, переведенное с греческого еще в IX в., однако известное историкам как рукопись XIV в. На каждой странице брошюры автор эмоционально призывал к немедленному занятию Константинополя: «Царьград – это наследие Константина, завещанное русскому Мономаху и идейно преданное короне

московской». «Царьград – это узел русского прошлого и ключ к русскому национальному будущему»[24].

Большинство доступных книг и брошюр для народа носили выраженный религиозный и просветительский характер. Печатная продукция, посвященная проблеме Константинополя и проливов, выпускалась во многих крупных городах России и была доступна по цене (5–10 коп.). В популярных сборниках широко использовались и цитировались исторические материалы Горяинова, Трубецкого, Нольде, Арктура, Кизеветтера[25].

Значительная часть публикаций была рассчитана на простого читателя. В очерке Б. Никонова «Турецкие картинки» в сказочной форме выражалась мысль о возвращении Святой Софии в Константинополе в лоно православия. «…Придет русский витязь и разбудит свою невесту. Какой бы ни было ценой, но это должно быть совершено. Ведь здесь колыбель русской веры, необходимо повернуть русскую историю к ее логическому концу и пробудить Святой Софию громом пушек и молитв».

Архиепископ Антоний проповедовал со страниц журнала «Пастырь и паства», призывая приложить все усилия для возрождения Византийской империи, а Константинополь должен стать его столицей[26]. «Родина русского и всего славянского православия, окутанная вековыми воспоминаниями всего православного мира, старая Византия, древний Царьград по историческому праву должен достаться идейному наследнику византийских венценосцев. Христианским народам должно быть стыдно, что полумесяц еще сияет на Святой Софии. И если Бог судил, чтобы настал конец этому позору, то, конечно, только Великое православное царство имеет право взять под свое покровительство освобожденную христианскую альмаматер», – заканчивал свой очерк архиепископ Антоний[27].

Р. Стрельцов, автор сборника «Россия, Царьград и Проливы», вышедшего через четыре месяца после начала войны, отмечал отсутствие ясного представления у многих журналистов в вопросе о проливах и Константинополе. Он ситал сильно переоцененным значение открытия проливов для развития российской промышленности. «Если наша южная промышленность

и наш южный экспорт и испытают в будущем большой расцвет, то это будет результатом действия самодовлеющих сил хозяйственной жизни юга, но отнюдь не последствием приобретения Проливов»[28].

По мнению Стрельцова, вопрос о проливах имел большое военно-политическое значение, поэтому автор призывал в отдельности рассматривать оборонительные и завоевательные цели. Для защиты он считал достаточным занятие одного Босфора. «Вопрос о Дарданеллах должен рассматриваться в зависимости от выгод или невыгод их обладанием», – считал автор[29].

Профессор Киевского университета Богаевский на страницах своих брошюр (по материалам лекций) выступал ярым противником закрытия проливов: «У нашего южного экспортера никогда не бывает уверенности, что груз, им отправленный, будет своевременно доставлен по назначению. Во время войны Турции с любой державой неизбежно закрытие проливов, что отрицательно влияет на русскую торговлю. От этого порядка страдает, прежде всего, боевая сила Черноморский флот»[30]. Он отмечал, что «давно Россия не была под таким счастливым созвездием относительно Восточного вопроса, как в настоящую войну…». Однако профессор предлагает отказаться от распространенной идеи оккупации проливов, считая, что «все должно решаться после окончания войны на конгрессе».

Утопические планы раздела османского наследства излагались г. Плетневым в журнале «Голос жизни»[31]. «В исходе войны Россия должна овладеть Анатолией и побережьем Черного моря, став твердой ногой на армянское плато, и взять свою долю в месопотамских областях. Кроме того, германская Александретта и Смирна должны стать опорными пунктами нашего экономического влияния в Средиземном море»[32].

«Московские ведомости» в новогоднем поздравлении читателям в первом номере 1916 г. желали России завладеть проливами и чтобы «Царьград со Святой Софией и ее пределами перешел вместе со Святой Землей в руки России»[33]. «Разумеется, это будет громадным всемирно-историческим значением (поворотом) для славянства и всех православных народов, во главе которых Россия в новой силе и славе»[34].

В начале 1916 г. не только российские газеты, но и авторы книг и брошюр выражали надежду на то, что к Светлому Христову Воскресению на Софии должен быть крест[35].

В мае 1916 г. в Лондоне, во время визита делегации Государственной думы и Государственного совета, британской стороной было впервые публично объявлено, что Англия признает наличие жизненных интересов России на берегах Босфора и не только, не препятствует их осуществлению, но готова этому содействовать. В статье «Политики о Войне», опубликованной в «Вестнике Европы» (1916. № 6), сообщалось, что «союзники России признали своевременным в виде настоящего положения дел на Балканском полуострове довести до сведения, что заключенное нами в 1915 г. соглашение с Англией и Францией, к которому потом присоединилась и Италия, окончательно установило право России на Проливы и Константинополь». При этом осознавалось, что задача не может быть решена без поддержки Англии и Франции, вне союзнической коалиции.

Либеральные представители российской интеллигенции считали, что прочный мир мог быть обеспечен только совместно державами Тройственного согласия, во имя которого Европа ведет Великую войну. Г. Тельберг в издании «Россия и Проливы»[36], анализировал русскую политику в вопросе о Дарданеллах. Он отмечал, что за лаконичным сопоставлением «Россия и Проливы» скрывается одна из труднейших задач внешней политики, «целая программа духовной напряженной борьбы, дипломатической, военной, борьбы между великой славянской страной с неудержимыми стихийностями, раздвинувшей свои владения до берегов Черного моря и дряхлеющей империи Оттоманов»[37].

Автор призывал Великобританию сильнее ценить русско-английский союз и отмечал, что «еще не наступило время учитывать будущие выгоды войны и делить шкуру неубитого, но опасного и сердитого медведя»[38]. В своей работе Тельберг наметил комбинацию разрешения вопроса о проливах. «Только в разоружении Проливов, полной нейтрализации их вод и побережья, кому бы они ни принадлежали, скрывается истинно правильный путь к такому обеспечению интересов для России»[39]. Тельберг считал, что Рос-

сии необходимо получить вблизи Босфора какой-нибудь укрепленный пункт и опорную базу для военного флота, в месте постоянного надзора над тем, что происходит в проливах.

К 1917 г. внутренние проблемы страны – нарастание революционного процесса, хаос в государственном управлении – отодвинули на задний план проблему Константинополя и проливов. В феврале 1917 г. накануне революции министр иностранных дел Н.Н. Покровский пытался реанимировать подготовку Босфорской операции, но на нее не было ни сил, ни средств. В апреле 1917 г. национальная идея «о ключах от собственного дома» была окончательно похоронена.

Последними отголосками заветной мечты стали две брошюры под названием «Проливы». Царьград или Константинополь в заглавии не упоминались[40]. Н. Рожков ставил вопрос: нужны ли нам проливы, и отвечал на него: проливы были нужны дворянству, переродившемуся в буржуазию, которая стремилась в Константинополь. А.М. Петряев в брошюре «Проливы» признавал первостепенную важность для России получения свободного прохода из Черного моря в Средиземное и обеспечения безопасности нашего Юга. Автор отрицал притязания России на Константинополь, которые совсем еще недавно звучали со страниц газет, журналов и обширной исторической литературы. «Поставив в заголовок нашей брошюры Проливы, мы имеем в виду доказать, что с точки зрения демократической России нельзя смешивать Царьград с Босфором и Дарданеллами и прилагать к ним одну и ту же мерку».

Автор размышлял о том, какое решение вопроса о проливах правильнее: нейтрализация, оставление в прежнем положении или переход во власть России или другой державы, военный надзор и пришел к выводу, что данный вопрос мог быть решен только после заключения мира.

* * *

За три года войны (1914–1917) значительно изменилось отношение российского общества к решению исторической задачи России в Константинополе и проливах. От патриотического восторга 1914–1915 гг., перспектив завоевания с помощью союзни-

ков «главного приза» войны в 1915–1916 гг., до полного отрицания внешней политики царского режима и империалистической войны в 1917 г.

Понимание чуждости войны народу и ее истинных виновников пришло не сразу, но было выстрадано ценой неимоверных жертв. Несмотря на усилия официальной пропаганды в условиях «духовной эйфории» начала войны, не было единства ни в среде интеллигенции, ни в военной политической элите в оценках целей войны, роли России в Антанте, отношений с союзниками. В сознании российского общества с самого начала войны присутствовал мотив: союзники не понимают и не хотят понять Россию.

В российском обществе произошло разделение мнений по вопросу обладания проливами: духовенство и консервативно-монархическая пресса выступали за возрождение Византийской империи во главе с Константинополем. Консерваторы и славянофилы призывали к захвату проливов и Константинополя; либерально-демократические представители выступали за нейтрализацию проливов и международное устройство Константинополя.

В задачи национальной российской политики в вопросе проливов входило лишение Турции возможности контролировать регион и переход его под русский контроль, а также недопущение других государств осуществлять влияние на решение пробемы проливов и ее интернационализации.

В годы Первой мировой войны в российском обществе, быть может, впервые в истории страны, по крайней мере в начале XX в., появилась возможность политического диалога, который, к сожалению, не был услышан.

[1] Новое время. 1914. 14 (27) июля.

[2] В 1912 г. Турция закрывала проливы 2 раза: во время итало-турецкой войны и 1-й Балканской войны. Порта, закрывая выход из Черного моря во время прошлых войн, могла сослаться на суровую необходимость, турецкая столица находилась под угрозой вторжения в Мраморное море неприятельского флота.

[3] Новое время. 1914. 10 (23 окт.).
[4] Новое время. 1914. 19 окт. (1 нояб.). Германия на Босфоре.
[5] Новое время. 1914. 20 окт. (2 нояб.).
[6] Новое время. 1914. 22 окт. (4 нояб.).
[7] *Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России: Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М., 2006. С. 178.
[8] Там же.
[9] *Лосский Н.О.* О характере русского народа. М., 1991. С. 359.
[10] *Стрельцов Р.* Россия, Царьград и Проливы. СПб., 1915. С. 82.
[11] *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1990, С. 300.
[12] Там же. С. 307.
[13] Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 3. Стенографический отчет. 1915. 27 янв.
[14] Там же. 1915. № 246. 24 (11 февр.). С. 317.
[15] Вестник Европы. 1915. Янв.
[16] Записка с основными положениями для подготовки к выполнению десантной операции, имеющей целью овладение Проливами. 27 (14) февраля // Международные отношения эпохи империализма. Сер. 3. Т. 7. Ч. 1. М.; Л., 1931–1938. С. 345.
[17] Там же.
[18] «У нас 5 линейных кораблей с залпом в 28–12 дюймовых орудий, у германо-турок один Гебен с залпом в 10–11 дюймовых пушек» (*Керсновский А.А.* История русской армии. Т. 3: (1881–1915). М., 1994. С. 270).
[19] *Керсновский А.А.* Указ. соч. С. 270.
[20] *Славинский М.А*. Война и национальный вопрос // Чего ждет Россия от войны. Пг., 1915. С. 118–126 (ред. ст. «Русских ведомостей». 1915. 28 мая. № 116).
[21] Биржевые ведомости. 1915. 18 (31) июля. № 8.
[22] *Трубецкой Е.Н.* Национальный вопрос. Константинополь и Святая София. М., 1915.
[23] Там же. С. 25.
[24] *Дурылин С.* Град Софии: Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании. М., 1915.
[25] *Горяинов С.* Босфор и Дарданеллы: Исследование вопроса о Проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном С.-Петербургском Главном архиве. СПб. 1907; *Нольде Б.Э.* Внешняя политика: Исторические очерки. Пг., 1915; *Богаевский П.* Босфор и Дарданеллы в их международном положении. Киев, 1915; *Глубовский В.* Проклятый вопрос России — Восточный вопрос. М., 1914; *Петряев А.М.* Проливы. М.; Пг., 1917; *Рожков Н.* Нужны ли нам Проливы? М., 1917; *Стрельцов Р.* Россия, Царьград и Проливы: Материалы и извлечения. СПб., 1914; *Рудзинская М.Л.* Константинополь. М., 1915.
[26] *Антоний, архиеп.* Чей должен быть Константинополь. Харьков, 1915.
[27] Там же.
[28] *Стрельцов Р.* Россия, Царьград и Проливы. СПб., 1914.
[29] Там же.
[30] *Тельберг Г.* Россия и Проливы. Киев, 1915. С. 15.
[31] Голос жизни. 1915. № 3.
[32] Там же.
[33] Московские ведомости. 1916. 2 (15) янв.
[34] Там же.
[35] *Тагин Ф.* Балканский полуостров. Пг., 1916.
[36] *Тельберг Г.* Россия и Проливы. Томск, 1915.
[37] Там же. С. 32.
[38] Там же. С. 46.
[39] Там же. С. 57.
[40] *Рожков Н.* Проливы. Пг.: Грядущее, 1917; *Петряев А.М.* Проливы. Пг., 1917.

Е.Н. Наземцева

Первая мировая война в отечественной историографии 1920–1940-х годов как элемент социалистической пропаганды

Политическая пропаганда стала неотъемлемой реальностью ушедшего XX века. По мере становления новых государств и развития великих держав произошли значительные изменения в их внутренней и внешней политике: изменилась политическая организация общества, появились новые типы политических систем, к власти пришли политические лидеры нового качества.

Достижение намеченного политического результата стало возможным благодаря систематическому внедрению в массовое сознание при помощи средств массовой информации идей и символов той идеологии, которая отражала принципы политической системы и находящегося у власти политического лидера.

Традиционно под пропагандой понимается распространение информации в целях воздействия на общественное мнение, и в более глубоком смысле, на массовое сознание. Специально отобранная информация может распространяться в виде фактов, доводов и контраргументов, слухов, сознательной лжи и в иных формах, наиболее приемлемых и действенных с точки зрения пропагандиста. Главной целью пропаганды является целенаправленное воздействие на умы ее «потребителей» для изменения их социального поведения в нужном направлении.

В советском государстве пропаганда стала одной из главных составляющих общественного бытия[1]. Для создания выгодной руководству СССР информационной реальности у пропагандистов были все предпосылки и условия: опыт, монополия государства на средства массовой информации и саму информацию, доверие граждан к властям и газетным сообщениям, низкий уровень политической культуры и грамотности части населения[2].

Особенно ярко это проявилось в 1920–1940-е гг. Межвоенный период был особым для Российского государства: становление советской власти, образование СССР, сложное международное положение молодого государства, связанное с необходимостью укрепления нового типа власти, обоснования марксистско-ленинской идеологии как единственно верной в развитии любого государства требовали активной пропагандистской работы. Пристальное внимание уделялось разработке направлений как внешнеполитической, так и внутриполитической пропаганды. Это был период острой международной напряженности, в связи с чем внешние связи СССР с другими странами были в центре повседневного внимания. Средства массовой информации писали о внешней агрессии, предателях, победах и поражениях, битвах и фронтах[3].

Важным элементом социалистической пропаганды в этот период становятся ключевые события прошлого России, среди которых Первая мировая война занимала существенное место. В 1920–1930-е гг. выходит ряд обобщающих работ, посвященных Первой мировой войне. По стилю и содержанию это были скорее отклики на недавние события. Наиболее яркими с точки зрения «пропагандистского» характера, были работы С. Диманштена, М. Илюковича, М. Покровского, Н. Полетики, И. Флеровского.

Обобщающие работы по истории войны пронизывали пропагандистские лозунги. Особенно это проявлялось при анализе происхождения войны, причин поражения царской армии, экономического и политического положения Российской империи накануне конфликта.

Российская империя считалась одним из основных «империалистических» агрессоров. Классическим примером в этом отношении можно считать исследования и выводы М.Н. Покровского, утверждавшего, что война была «гнило-капиталистической, грабительской, “нападательной” со стороны Антанты вообще и России в частности». Более того, по его мнению, она не была «обороной отечества» и «защитой свободы», не упраздняла, а укрепляла милитаризм[4].

Основной же целью войны для всех участвовавших в ней стран Покровский считает предупреждение надвигавшейся «с не-

удержимой стихийной силой социальной революции»[5]. Выход России из войны он оценивает как событие положительное, ибо «суть Бреста была, таким образом, не столько в мире с Германией, сколько в разрыве с Антантой»[6].

Работа С. Диманштейна – не столько анализ событий, сколько разъяснение массам сути войн на примере истории Первой мировой войны. Трактовка автором причин и сути войны отражала существующую тогда главную идею о значении перехода войны из мировой в гражданскую и обосновании прихода власти к большевистской партии: именно эта война «привела к победе рабочих и крестьян на одной шестой части всего земного шара»[7]. Это подтверждало советский тезис о том, что есть «единственный путь, лежащий перед человечеством, к избавлению от повторения старых ужасов, и к устройству мира на новых началах. Этот путь – переход власти к трудящимся в других странах»[8].

Автор подробно характеризует разные типы войн, доказывая, что все они были навязаны простому народу под разными прикрытиями. Их «затевают захватчики и поработители других стран и народов только ради извлечения прибыли, идущей в бездонные карманы помещиков и капиталистов»[9].

Его стиль очень эмоционален. Это скорее листовка, чем монография или обычная публицистика: «страны наполняются воплями погибающих и страдающих вдов и сирот, а хозяева положения заинтересованы только в одном, чтобы пожинать плоды кровавой победы, чтобы на костях народных масс построить свое счастье, купаться и наслаждаться, как в приятной целебной ванне, в реках народной крови и слез»[10].

Оперирование подобными категориями с точки зрения психологии было наиболее верно в условиях утверждения нового типа власти. Кроме того, помимо эмоциональности, следует отметить простоту и образность языка, доступность понятий и категорий, что отвечало уровню образования и культуры аудитории, на которую была рассчитана работа.

Одной из показательных работ в этом плане можно считать работу М.А. Илюковича. В своем исследовании он не анализирует военные действия, а останавливается на характеристике внешней политики «царизма» после революции 1905–1907 гг., влиянии войны на народное хозяйство. Основное внимание автор уделяет революционному движению в годы войны, подробно освещает деятельность большевистской партии.

Обосновывая вступление России в войну, М.А. Илюкович обращает внимание на то, что «Россия являлась империалистической страной, власть принадлежала не финансовому капиталу, а классу полукрепостников-помещиков. <...> Российский помещик, экспортирующий в огромном количестве хлеб за границу, был самым кровным образом заинтересован в захвате проливов, в вывозе хлеба, овладении Дарданеллами и Константинополем». Таким образом, «российский империализм выступал как военно-феодальный империализм»[11]. Внешнеполитические цели России рассматривались исключительно как агрессивные, главное направление которых лежало на Ближний, Средний и Дальний Восток.

Союзники императорской России также оценивались им как агрессоры. Образование Антанты воспринималось как перераспределение ролей «империалистических хищников» в борьбе с «выросшим новый врагом» – германским империализмом, который являлся одновременно соперником в «продвижении российского помещика» и Англии на Ближний Восток и, в свою очередь, тоже стремился к укреплению там своих позиций[12].

Стиль М.А. Илюковича наиболее точно отражал задачи пропаганды в иллюстрации дореволюционной действительности: «из крупных империалистических хищников больше всего пострадала от войны Россия. Прежде всего потому, что Россия экономически являлась страной отсталой в сравнении с Англией, Америкой, Германией, а потому не могла подготовиться к такой длительной и изнурительной войне, несмотря на то что после революции 1905–1907 гг. она бешено подготовлялась к ней. Власть крепостника-помещика, наличие крупных феодально-крепостнических остатков, значительная техническая зависимость от европейского капитализма – были причиной технико-экономической отсталости, а в силу этого причиной неподготовленности к войне. Самодержавие и военщина предполагали, что война будет носить кратковременный характер, а казенные экономисты, исходя из тео-

рии Блиоха[13] и генерала Гулевича[14] видели огромные военные преимущества России в её экономической и культурной отсталости»[15].

Рассматривая период войны, основное внимание автор уделяет характеристике революционного движения. Он подробно освещает массовое рабочее движение в 1915 г. и приходит к выводу, что «лето 1915 г. всколыхнуло и привело в движение все классы. Первый год войны создал благоприятную почву для развития революционного движения. Было достаточно одного года войны, чтобы вскрыть разложение не только царизма, но и капиталистической системы»[16]. Безусловно, революционное движение явилось результатом работы партии большевиков, проводившейся на основе «четких марксистско-ленинских лозунгов»[17]. Именно эта партия осталась на верных революционно-марксистских позициях по отношению к империалистической войне. Все остальные же партии обвинялись не только в оппортунизме, но и в шовинизме.

Анализируя причины войны, другой исследователь – И. Флеровский – также видит их в империалистическом соперничестве великих держав. По его мнению, войну «начали империалисты, начали международные грабители, для которых кровь трудящихся является материалом для добычи барышей»[18]. Военные действия он не рассматривает, акцентируя внимание на политической составляющей Первой мировой войны, деятельности партий, в частности РСДРП(б).

Тенденциозно-разоблачительный подход в советской историографии, утвердившийся благодаря М.Н. Покровскому в послевоенный период, к 1940-м гг., постепенно теряет свою значимость. Изменяются тон и выводы исследователей. Не отрицая основной причины войны, заключавшейся в противоречиях европейских государств, ведущую роль в ее подготовке теперь отдают Германии.

Особая актуальность темы Первой мировой войны обосновывается, в частности, тем, что «в связи с усилившейся с приходом к власти германских фашистов военной опасностью изучение работы всего империалистического механизма в июльские дни 1914 г. имеет первостепенное значение – научное и практическое». Крайне важным признается «систематическое разоблачение всего того наследства, которое досталось гитлеровской Третьей империи

от вильгельмовского периода истории германского империализма», поскольку это наследство явилось «одним из главных источников, откуда фашистская диктатура черпает образы и силу для самой разнузданной шовинистической агитации, милитаристской пропаганды, пропаганды ненависти к другим народам, особенно народам, населяющим Советский Союз, к низшим расам, к которым фашистские штабные теоретики относят в первую очередь славянские народы»[19].

Характерной особенностью литературы этого периода можно считать попытку анализа причин предстоящей войны, на основе выводов, к которым пришли авторы, анализируя историю предыдущей. Пропаганда социалистических идей и советского курса как единственно верных в общеисторическом развитии продолжала играть основную роль, однако получила иное направление.

Одна из самых значимых работ 1930-х гг. по истории Первой мировой войны – работа Н.П. Полетики «Возникновение мировой войны». Ее основной темой являлась подготовка войны, в особенности дипломатическая, а также выявление характера и целей войны, ее истоков, предопределивших соответствующую расстановку сил на дипломатической арене. Автор показывает специфические черты «германского империализма», его «лихорадочную работу по провоцированию войны»[20].

Основываясь на исследовании большого количества отечественных и зарубежных опубликованных дипломатических документов, мемуаров и воспоминаний, он подводит читателя к выводу о современной ему международной ситуации, в частности о том, насколько «велика и непроходима пропасть между внешней политикой империалистических держав и мирной политикой Советского Союза»[21].

Анализируя предвоенные договоры царской России со странами Антанты, Полетика проводит параллели с внешней политикой СССР 30-х гг. по созданию системы коллективной безопасности и антигитлеровской коалиции. По его мнению, налицо принципиальная разница между военными союзами империалистических стран и договорами о взаимной помощи, заключенными СССР в 1930-е гг. Таким образом, он доказывает, что договоры,

заключаемые Советским Союзом это оборонительные соглашения против агрессоров. Они преследуют исключительно мирные цели и не направлены против какой-либо страны, которая заинтересована в укреплении всеобщей безопасности[22].

Характерным становится утверждение о грядущей войне как катализаторе перемен[23]. В частности, Полетика обращает внимание на необходимость изучения Первой мировой войны, поскольку «капиталистический мир, вплотную подошедший к новому туру революций и войн, готовится к новой схватке за передел мира»[24].

Кроме того, необходимо отметить, что при анализе событий Первой мировой войны и международной политики роли классов и государства рассматривались отдельно друг от друга. Простой народ не идентифицировался с «империалистическим хищником-государством». Виновными в развязывании войны объявлялись «буржуазия», «военщина», «царизм» – «империализм» в целом[25].

В известной обобщающей работе Е. Болтина и Ю. Вебера «Очерки мировой войны 1914–1918 гг.» цели России также определялись как великодержавные, предметом главной заботы, по мнению авторов, для руководства государства было создание собственной опорной базы на Балканах[26]. Кроме того, Россия «стремилась к разделу Турции, мечтала о завоевании проливов из Черного моря к Средиземному морю (Дарданеллы), о захвате Константинополя»[27].

Близка по характеру к вышеназванной работа Ф.М. Бородина «Мировая война 1914 гг.», которая представляла собой популярный очерк причин возникновения и общего хода Первой мировой войны. Автор кратко рассматривал действия русской армии на Восточном фронте. Цели России определялись как захватнические и заключались в стремлении к ее укреплению на Черном море и на Балканах: «Стремление к разделу Турции, захвату Константинополя (столица Турции) и проливов, соединяющих Черное море с Средиземным, а также присоединение России к Галиции, – вот что толкало русский царизм и буржуазию на новую войну. Империалисты России стремились стать хозяевами Черного моря, надеясь выйти на средиземноморские торговые пути и европейские рынки через юго-восточную Европу»[28]. В то же время автор обращает

внимание на то, что главным зачинщиком и инициатором войны являлась Германия[29].

Подобный очерк представляет из себя и работа М. Гаврилова «Первая империалистическая война (1914–1918)». Главная причина военных неудач царской армии, по его мнению, в неподготовленности России к войне, ее экономической отсталости[30]. Одновременно он обращает внимание на то, что германскому командованию не удалось достигнуть поставленной задачи – разбить и уничтожить русские армии и заставить Россию капитулировать[31].

С началом Великой Отечественной войны образ Первой мировой войны в исследованиях продолжает меняться: в работах отечественных историков появляются герои войны, переосмысливаются ее причины и итоги, новую оценку получают ключевые операции.

Данные тенденции проявляются как в изменении стиля, так и содержания исследований, что вполне объяснимо, так как в этот период механизмы контроля и принуждения меняются. Привычные политико-идеологические лозунги становятся второстепенными, на первый план выступает апелляция к позитивным символам, чувству патриотизма, национальным традициям и святыням, призыв к населению сопротивляться вражескому нашествию и оккупации Родины, что находит более обоснованную поддержку в массовом сознании[32].

В период войны в агитационно-пропагандистской работе преобладала тема Отечественной войны 1812 г. и Первой мировой войны. В пропагандистских лозунгах, в литературе, в том числе в историографии Первой мировой войны фигурировала мысль о том, что народ защищает не просто Россию, а советскую Россию: «Война 1914–1918 г. коренным образом отличалась от нынешней войны, от справедливейшей отечественной войны советского народа против германских захватчиков. Тогда не только Германия, но и ее противники вели несправедливую, империалистическую войну. Виновниками войны 1914 г. были империалисты всех стран»[33].

Например, Н.А. Таленский в своей работе «Первая мировая война» отмечает агрессивный характер германской внешней политики в конце XIX – начале XX в. и обращает внимание на то, что

«главной целью своей политики германский империализм поставил завоевание мировой гегемонии»[34].

Наиболее ярким по стилю и характеру произведением этого периода является работа В.Н. Хвостова «Как германские империалисты уже “напобеждались” однажды до собственной гибели». Автор проводит параллели между Первой мировой войной и Великой Отечественной, обращает внимание на то, что германская армия обязательно потерпит поражение в начавшейся войне, как это уже было раньше: «такую же точно судьбу она однажды уже испытала в 1918 году. Этот исторический урок и в наши дни не лишён поучительности»[35].

Кроме того, и в Первую и во Вторую мировые войны, отмечает автор, Германия надеялась на быструю победу[36]. Однако вывести Россию из строя не удалось: «Русские солдаты, иной раз почти без снарядов и даже при недостатке винтовок сумели остановить сопровождающееся ураганным огнем наступление вооруженных до зубов германских полчищ»[37].

Заканчивает свою работу Хвостов оптимистически-пропагандистским выводом: «Нынешняя война закончится не иначе. Но только поражение Германии будет гораздо более сокрушительным, чем поражение кайзера в 1918 г. Гитлеровская банда напрасно игнорирует уроки истории. Вспоминать их – полезное дело»[38].

На протяжении Великой Отечественной войны в периодической печати выходят статьи, посвященные Первой мировой войне, которые также, учитывая массовый характер периодики, преследуют пропагандистские цели.

Актуализация тематики вполне обоснована необходимостью изучения опыта ведения боевых действий в тех же географических условиях и с тем же противником. Давая общую характеристику событиям на русском театре военных действий, авторы акцентировали внимание на сравнительном анализе Западного и Восточного фронтов, доказывая особое значение последнего как для России, так для противника.

В отличие от исследователей 1920–1930-х гг. при изучении военных действий на русском фронте Первой мировой войны, авторы 1940-х гг. делали акцент на анализе германских военных

планов, действий германской армии и причин ее неудач, в том числе особое внимание обращалось на позицию германских исследователей и командования. Действия русского командования рассматривались поверхностно и обобщенно. Было необходимо акцентировать внимание на исследовании особенностей подготовки Германии к войне, её действий на Восточном фронте. Это определило проблематику исследований и научные подходы[39].

Таким образом, история Первой мировой войны в научной литературе 1920–1940-х гг. занимала важное место и была одним из главных элементов советской пропаганды в межвоенный период. Ее образ постепенно менялся: от предтечи Октябрьской революции к одному из символов героизма русского солдата и русского оружия.

[1] *Горлов А.С.* Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Дэвис С.* Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда, инакомыслие. 1934–1941 гг. М., 2011; *Ипполитов Г.М.* Моральный дух Красной Армии и его укрепление (1918–1923 гг.): Исторический опыт, уроки. Самара, 2010; *Мещанский И.Б.* Информационная война: Органы спецпропаганды Красной армии. М., 2010; *Невежин В.А.* Советская пропаганда и идеологическая подготовка к войне: Вторая половина 30-х – начало 40-х гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999; *Свердлов Б.Ю.* Советская пропаганда в 20-е гг. М., 1990; *Силина Л.В.* Внешнеполитическая пропаганда в СССР в 1945–1985 гг.: (По материалам отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) – КПСС). М., 2011; Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «Коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2007; *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде: 1945–1954 гг. М., 1999.

[2] *Фатеев А.В.*, http://psyfactor.org/lib/fateev0.htm

[3] *Дэвис С.* Указ. соч. С. 92.

[4] *Покровский М.Н.* Империалистическая война: 1915–1917 гг.: Сб. статей. М., 1928. С. 14.

[5] Там же. С. 73.

[6] Там же. С. 270.

[7] *Диманштейн С.* Мировая война. М., 1924. С. 3.

[8] Там же.

[9] Там же. С. 5.

[10] Тем же.

[11] *Илюкович М.А.* Первая мировая империалистическая война. Л., 1934. С. 4.

[12] Там же. С. 5.

[13] И.С. Блиох (1836–1901) – русский банкир, концессионер железных дорог в Российской империи, меценат, ученый, деятель международного мирного движения. Под именем Блиоха вышло несколько многотомных трудов о железных дорогах, финансах и по экономическим вопросам. Автор книги «Будущая война и ее экономические последствия». (СПб.: Тип. Ефрона, 1898). Он считал, что новая война будет позиционной, с большим преимуществом обороняющихся перед наступающими. Возникнут протяженные фронты. Из-за своего позиционного характера война затянется на годы и станет войной на истощение, приводящей к большому напряжению промышленности и финансов воюющих стран. Из-за этого возрастет вероятность возникновения голода, эпидемий и революций. Книга приобрела большую популярность по всей Европе. В 1899 г. был представителем России на Гаагской мирной конференции. За свою работу номинирован на Нобелевскую премию мира. См. также: *Романов В*. «Первая мировая война и универсалистские проекты реформирования миропорядка». Доклад на науч.-практ. конф. «Война, смертельно опасная для России…», 27–28 октября 2008 г., Москва (http://www.perspektivi.ru/history/pervaja_mirovaja_vojna_i_universalskije_projekty_reformirovanija_miroporadka_2009-01-29.htm).

[14] А.А. Гулевич (1866–1947) – русский военачальник, крупный военный теоретик. В 1885 г. окончил 3-е Александровское военное училище. В 1892 – Николаевскую Академию Генерального штаба. С 5 февраля 1904 г. – ординарный профессор Николаевской академии Генштаба. 11 октября 1914 руководил боевыми действиями отступающего 14-го армейского корпуса. Со 2 февраля 1915 – начальник штаба Северо-Западного фронта. После Октябрьской революции 1917 г. – на стороне Белого движения. В 1919 г. представлял Н.Н. Юденича в Финляндии. Заведовал русским Красным Крестом в Финляндии. В 1920 г. переехал в Париж. С 1934 года – председатель Зарубежного союза русских военных инвалидов, член Правления Союза Георгиевских кавалеров. Автор работ: Война и народное хозяйство. СПб.: Тип. Глав. упр. дел., 1898. 188 с.; Сравнение экономического строя России и главных европейских государств с военной точки зрения: Сообщение в штабе войск гвардии и Петерб. воен. округа. СПб., 1898. 45 с.; Роль России в мировой войне. Париж, 1934. 23 с.

[15] *Иллюкович М.А.* Указ. соч. С. 12.

[16] Там же. С. 41.

[17] Там же. С. 47.

[18] *Флеровский И.* Мировая война. М., 1924. С. 23.

[19] *Полетика Н.П.* Возникновение мировой войны. М., 1935. С. 7.

[20] Там же. С. 6.

[21] Там же. С. 7.

[22] Там же. С. 8.

[23] *Дэвис С.* Указ. соч. С. 92.

[24] *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 8.

[25] Например, у Н.П. Полетики: «Пока германский пролетариат задыхался под бременем репараций, германский империализм набирался сил» (*Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 26).

[26] *Болтин Е., Вебер Ю.* Очерки мировой войны 1914–1918 гг. М., 1940. С. 6.

[27] Там же. С. 11.

[28] *Бородин Ф.М.* Мировая война 1914–1918 гг. М., 1939. С. 5.

[29] Там же. С. 10.

[30] *Гаврилов М.* Первая империалистическая война (1914–1918). Куйбышев, 1939. С. 27.

[31] Там же. С. 30.

[32] Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны... С. 5. Именно в период Второй мировой войны использование всеми воюющими странами пропагандистского воздействия на свое население и на население противника вышло на качественно новый уровень. Пропаганда не только превратилась в «орудие» войны, но и стала одним из ключевых факторов достижения преобладания над противником (Там же. С. 6).

[33] *Хвостов В.Н.* Как германские империалисты уже «напобеждались» однажды до собственной гибели: 1914–1918 гг. М., 1942. С. 4.

[34] *Таленский Н.А.* Первая мировая война (1914–1918 гг.): (Боевые действия на суше и на море). М., 1944. С. 3.

[35] *Хвостов В.Н.* Указ. соч. С. 4.

[36] Там же. С. 6.

[37] Там же. С. 14.

[38] Там же. С. 33.

[39] *Андреев В.* Крах германских завоевательных планов на Востоке (1914–1918 гг.) // Военная мысль. 1942. № 1. С. 62–75; *Галактионов М.* Роль русского фронта в Первой мировой войне // Красная звезда. 1941. № 178. 31 июля; *Городецкий Е.* Восточный фронт в 1918 г. // Вопросы истории. 1947. № 9. С. 58–82; *Минц И.* Русский фронт в Первой мировой

войне // Правда. 1942. № 212. 31 июля; *Михайлов Г.* Восточный и Западный фронты в Первой мировой войне // Военная мысль. 1942. № 11–12. С. 97–105; *Павлов И.* Роль русской армии в разгроме Германии в Первой мировой войне // Спутник агитатора. 1942. № 18. С. 14–18; *Савин М.* Роль русского фронта в 1-й мировой войне: Стенограмма публичной лекции. М., 1944.

В.А. Черкасов

Критика русского зарубежья 1920–1930-х годов о рецепции Первой мировой войны в европейской литературе: милитаризм vs пацифизм

Первая мировая война как эпохальное историческое событие привлекла самое пристальное внимание со стороны европейских писателей, ее современников и участников. При этом во всем многообразии европейской военной литературы 1910–1930-х гг. можно заметить два антагонистичных друг другу идеологических направления: милитаристское и пацифистское. В критике русского зарубежья 1920–1930-х гг., посвященной военной европейской литературе, указанная особенность в рецепировании Первой мировой войны была подвергнута всестороннему осмыслению. Таким образом, изучение военной критики русского зарубежья предоставляет исследователю возможность для предельно объективного и полного наблюдения за актуальными для поствоенного времени литературными фактами, многие из которых к тому же мало известны современному читателю.

Самый репрезентативный, по общему мнению, для русского зарубежья 1920–1930-х гг. и единственный «толстый» журнал «Современные записки» уделял теме Первой мировой войны весьма заметное место. На его страницах были опубликованы такие известные в русской военной литературе романы, как «Хождение по мукам» А.Н. Толстого, «Николай Переслегин» Ф.А. Степуна, «Солдаты» И.С. Шмелева, мемуары А.Л. Толстой, А.Ф. Керенского, исторические и публицистические статьи Б. Шацкого, Ф.А. Степуна, Г.В. Адамовича, М.А. Алданова, П.М. Бицилли и т. д. В этой связи не является исключением и литературно-критический отдел журнала, в котором рецензировались наиболее заметные в европейской военной литературе книги. Мы имеем в виду прежде всего статьи М.О. Цетлина «Анри Барбюс» (1920), М.Л. Слонима «Поэт

человечности (Жорж Дюгамель)» (1921), А. Левинсона «Сюарес» (1921), Ф.А. Степуна «Германия» (1930), а также рецензию Б. Шлецера на книгу Ромена Роллана «Клерамбо. История одной свободной совести во время войны» (1921). В нашей работе мы намереваемся рассмотреть данные статьи как единый текст с учетом имеющей для этого текста конструктивное значение идейной направленности – милитаристской либо пацифистской – рецепируемого в нем того или иного художественного произведения.

Судя по перечню рассматриваемых в нашей работе статей, тематически их можно разделить на две группы, в соответствии с обозреваемым в них материалом: вокруг французской военной прозы 1910-х гг. (А. Барбюс, Ж. Дюамель, Р. Роллан, А. Сюарес); вокруг немецкой военной прозы 1920-х гг. и в особенности вокруг романа Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен». Рассмотрим основные мотивы литературно-критических статей в каждой из отмеченных нами групп с учетом их идейной направленности, оговоренной в задаче работы.

В поле зрения критики начала 1920-х гг. оказались прежде всего произведения писателей, известных своими пацифистскими взглядами: А. Барбюс, Ж. Дюамель, Р. Роллан. Из этого ряда выделяется А. Сюарес, написавший, судя по рецензии А. Левинсона, милитаристские «Комментарии о войне с бошами».

Непосредственным поводом для создания очерка «Анри Барбюс» послужила для М.О. Цетлина публикация романа писателя «Ясность» (1918), который был задуман как продолжение знаменитого романа «Огонь» (1916). Большую часть статьи критик посвящает разбору последнего из упомянутых текстов. Генезис военного творчества А. Барбюса Цетлин обнаруживает в натурализме романа Э. Золя «Разгром» (1892), посвященного событиям Франко-прусской войны 1870–1871 гг. По наблюдению критика, и у Золя, и у Барбюса отдельные солдаты не живут «индивидуальной жизнью», «они сливаются в одно целое…»[1]. Особенностью стиля Барбюса, как замечает Цетлин, является активное использование солдатского жаргона, призванного придать правдоподобие выводимым на сцену персонажам. Однако, с его точки зрения, этот прием эффективен лишь «для неразвитого вкуса»[2]. Как Золя, так

и Барбюсу, по мнению Цетлина, в конечном итоге не удалось достичь искомой цели – рассказать правду о войне, поскольку и тот и другой писатель не чуждаются «сентиментальных трюков и эффектов»[3], придающих условность их изображению (переживания французского солдата, который увидел свою жену, непринужденно улыбавшуюся в обществе немцев; другой солдат обнимает разложившийся труп некогда любимой им женщины). Тем не менее, по выражению Цетлина, «книга (Барбюса. – *В.Ч.*) была “обречена” славе»: «…когда одна и та же книга соединила в себе и не лишенную силы и размаха картину войны и морально политическое ее отрицание, эта книга должна была вызвать сенсацию, восторг меньшинства, возмущение большинства»[4]. Хотя критик подчеркивает, что успех романа Барбюса «Огонь» был обусловлен главным образом вызванной им «политической сенсацией»[5], в целом он признает этот успех вполне заслуженным. Во всяком случае, ярко выраженная антивоенная тенденция романа трактуется им как сама собой разумеющаяся и решающая слагаемая его славы во Франции второй половины 1910-х гг.

Подобно Цетлину, Б. Шлецер использует критический прием умаления (либо отрицания) художественных достоинств рецензируемого произведения (в данном случае – романа Р. Роллана «Клерамбо. История одной свободной совести во время войны» (1920)) ради акцентирования значимости его идейного содержания. По словам Шлецера: «В этом именно ценность произведения и объяснение того сильного и длительного “всколыхания” души, которое оно вызывает: вся беллетристика здесь немногого стоит, персонажи условны; но мысли Клерамбо, его тоска, его чаяния захватывают, как всегда захватывали своей искренностью, живущим в них порывом к свободе все писания Ромена Роллана»[6]. В рецензии Шлецера в основном раскрываются установки пацифистской философии Роллана, поскольку они выражены в «Клерамбо». В этой связи целесообразно рассмотреть данную статью подробнее.

По определению Шлецера, главной темой книги Роллана является «борьба свободной личности, чующей высшую правду, против “стадной души” коллектива, против государства, организованного насилия»[7]. Как подчеркивает критик, исповедуемый

Ролланом индивидуализм не имеет ничего общего с ницшеанской теорией сверхчеловека, для которого «коллектив – только материал»[8]. Напротив, роллановский индивидуалист как носитель высших этических ценностей является наиболее ярким выразителем идеи общественного служения. В этой связи критик цитирует высказывание одного из персонажей романа французского писателя по имени Фроман: «Тот факт, что человек был Христом, экзальтировал, возвысил над землею века человеческие и влил в них божественные энергии... Так понятый идеал индивидуалистический более плодотворен для общества, чем идеал коммунистический»[9].

Следующий тезис пацифистского учения Роллана, на котором Шлецер акцентирует внимание читателя, – это принципиальное отрицание всякого насилия, включая войну против войны, войну ради мира. Имеется в виду большевистская идея конечной справедливости пролетарской революции. По мнению протагониста романа Клерамбо, в передаче Шлецера, на самом деле революция как насилие ничем не отличается от войны и составляет вместе с ней порочный круг: «… с Севера идет новый идол – диктатура пролетариата... Последнее насилие, которое убьет насилие... все та же бесконечная война»[10]. Выход из порочного круга Роллан видит, как замечает критик, в образовании «гуманистического союза», «интернационала» интеллектуалов, основанного «на культе истины и вселенской жизни»[11]. Нужно сказать, что последнюю идею Роллана Шлецер оценил довольно скептически, обратив внимание на ее иллюзорный, декларативный характер: ее носителю в романе, последовательному пацифисту Клерамбо не грозит действительная военная служба в связи с возрастными ограничениями. «… Клерамбо ограничивается лирическими статьями в журналах, – пишет в концовке рецензии Шлецер. – А если бы “свободной совести” пришлось идти в траншеи? Как поступить ей? Не оказался бы Клерамбо перед неразрешимой нравственной антиномией?»[12].

М.Л. Слоним рассматривает не отдельные произведения Ж. Дюамеля, посвященные Первой мировой войне, а его пацифистский текст 1910-х гг. в целом. В состав этого текста входят сборники рассказов «Жизнь мучеников» (1917), «Цивилизация» (1918), а также книги публицистического характера «Обладание

миром» (1919) и «Разговоры в суматохе» (1920). «Жизнь мучеников» критик считает лучшей книгой Дюамеля. Ему импонирует в ней как хроникальная манера изложения, заключающаяся в предельно объективном показе страданий раненых с точки зрения врача, которая в принципе исключает какие-либо философско-социальные рассуждения à la Барбюс, так и самое пристальное внимание автора к вечной дихотомии плоти и духа, ярко проявляемой в судьбах его персонажей, находящихся на пороге между жизнью и смертью. Основной пафос антивоенной прозы Дюамеля, по Слониму, – моральная оценка современной европейской цивилизации, логическим порождением которой явилась мировая война. Страдания и беды невинных «мучеников» проистекают из конечной лжи этой цивилизации, ее полной духовной несостоятельности. Спасение человечества, по Дюамелю в переложении Слонима, заключается в обращении к вечным заветам любви и милосердия к своим ближним. Однако, как подчеркивает критик, французский писатель имеет в виду не христианские, а общегуманистические ценности. «Она (“религия” Дюамеля. – *В.Ч.*) не связана с идеей Бога или судьбы, – пишет Слоним. – Она покоится лишь на любви к душе человеческой»[13]. Генезис пацифистской философии Дюамеля, по Слониму, восходит к стоицизму с его пафосом внутреннего подвига во имя сохранения личности и, в конечном итоге, во имя блага общества.

Военным произведениям А. Сюареса А. Левинсон посвящает всего одну главку своего эссе, в котором дается характеристика творчества французского писателя в целом. Сюарес как блестящий стилист, знаток и ценитель творчества Шекспира, Сервантеса, Достоевского, Ибсена вызывает безусловное восхищение со стороны критика. Однако шовинистические настроения Сюареса трактуются им в психоаналитическом коде. Ср.: «Военное возбуждение захватило французского мастера, словно болезнь»; «Под наваждением германской угрозы писатель изящный и возвышенный, “кондотьер красоты”, вопиет к небу, объятый пророческим – и припадочным – пафосом…» и т. д.[14] Как наиболее яркий образец военного творчества Сюареса, балансирующего «на грани безумия»[15], Левинсон выделяет его обращение к Ницше как к сим-

волу германской расы из заключительной части «Комментариев о войне с бошами»: «Крот Бошия есть зверь из бездны. На лице его – пишу его имя <…> А ты, пес Ницше, ты настоящий пастух крота... Ты кусаешь его, но он любит твой зуб. Ты взял для него эмаль во Франции, но грубая кость его происходит из твердой немецкой челюсти... Ах ты, пес Ницше, ты проповедуешь прожорливость зверю и стиль – лаю... Антихрист стал христом зверя. Ах, пес! Ты умер, питаемый с ложечки больничной сиделкой, хрюкая в углу, как паршивый зверь, и, наверное, тебя задушили среди твоих извержений. Да будет так со всей расой. Такова война!»[16]

Следующий всплеск интереса к рецепции Первой мировой войны в европейской литературе наблюдается в критике русского зарубежья на рубеже 1920–1930-х гг. в связи с выходом в свет знаменитого романа Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» (1929). В «Современных записках» эту книгу в контексте германской военной литературы 1920-х годов охарактеризовал Ф.А. Степун в статье «Германия» (1930). Следует сказать, что при интерпретации того или иного немецкого художественного произведения, посвященного Первой мировой войне, критик опирался на собственный фронтовой опыт, что безусловно придает его выводам и наблюдениям авторитетность и дополнительную познавательную ценность. Кроме того, на взглядах Степуна по поводу идейной направленности рассматриваемых им произведений в значительной мере сказались его религиозные убеждения.

Степун разделил всю современную ему немецкую военную литературу на две большие группы по тематическому признаку: «… одни говорят исключительно о войне, непосредственно о войне: об окопах, битвах, ранениях, увечьях, смертях. Другие же обо всем: о Боге, о совести, о природе, о любви, о родине, о врагах, но, конечно, тоже и о войне как о главном содержании и внезапном обострении всех жизненных вопросов»[17]. Для рассмотрения критик выбрал книги из второй группы, мотивируя свой выбор их большей правдивостью и духовной свободой. Из данной группы он выделил для анализа четыре объединенных им попарно романа, наиболее читаемых, с одной стороны, «активистами», т. е. милитаристски настроенными слоями немецкого населения, с другой – пацифистами. К числу милитаристских текстов Степун отнес роман Франца Зельдте «Пулеметная команда» (1929) и Эрнста Юнгера «В стальных грозах» (1920), к числу пацифистских – романы Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» и Людвига Ренна «Война» (1928).

Текст Зельдте ценен для критика не своими, с его точки зрения, весьма невысокими художественными достоинствами, а психологической и социологической характерностью как для пореволюционной, так и для дореволюционной Германии с ее «шовинистическим хмелем»[18]. «Стыдным отрезвлением» от этого хмеля Степун объясняет исключительный успех среди немцев другого произведения военной литературы – ремарковского «На Западном фронте без перемен». Критик даже сопоставляет успех этого романа с популярностью так называемой политики примирения Густава Штреземана, тем самым подчеркивая паралитературные – социальные и политические – факторы как определяющие для рецепирования текста Ремарка в немецком обществе рубежа 1920–1930-х гг. «Это был, если так можно выразиться, – пишет Степун, – успех плача. Ремарк сыграл роль протагониста, некоего всенародно скорбного хора. Читая Ремарка, политически еще аморфная (ненавидящая, напр., Барбюса) новая Германия хоронила свое прошлое, отпевала своих покойников, зарекалась от повторения войн, отмежевывалась от опозоривших себя (бегством Вильгельма) Гогенцоллернов, левела психологически, но бессознательно, конечно, и политически»[19].

Тем не менее, по наблюдению критика, далеко не все немцы приняли «На Западном фронте…». К этой категории читателей он отнес, во-первых, политических врагов режима, т. е. коммунистов и фашистов, во-вторых, «религиозные натуры» и ценителей и знатоков литературы как вида искусства. С точки зрения Степуна, субъективная односторонность Ремарка в изображении ужасов войны обусловлена его атеистическими установками. «У Ремарка даны лишь непереносимые ужасы, но ведь война давала и силы их перенести, – утверждает Степун. – В батальных картинах Ремарка нарисован только земной ад. Война же раскрывала над этим адом и некую метафизическую твердь. <…> Необъективность данного

им образа войны <…> заключается в отсутствии в его книге религиозного взгляда на войну»[20].

Духовную глубину в изображении войны Степун находит в романе Эрнста Юнгера «В стальных грозах». Однако, с точки зрения критика, писатель при этом допустил подмену веры в Христа «неким религиозным патриотизмом»[21], утвердив родину «в достоинстве Бога»[22], фактически отверг Его. В идейной направленности романа Юнгера Степун усмотрел влияние распространенных «в некоторых национал-протестантских кругах убеждения, что христианство могло бы стать в Германии живою творческою силою, если бы Христос воплотился не в еврея Иисуса, а в чистого арийца»[23]. «Соблазн голубоглазого Христа», внушаемый книгой Юнгера, приводит русского критика в содрогание своими «страшными религиозными и политическими последствиями»[24], так что он в конечном счете оценивает более высоко атеистический военный дискурс Ремарка как наиболее уместный для духовного безвременья рубежа 1920–1930-х гг.

По мнению Степуна, наиболее объективное изображение Первой мировой войны удалось Людвигу Ренну в романе «Война», поскольку тот показал правдиво и точно не только ужасы войны, но и отчетливо прорисовал всем строем своей книги надежду на жизнь, коренящуюся в душе участников боевых действий. «Через всю книгу Ренна еле заметным лейтмотивом проходит фраза: "Мне вдруг стало легко на душе", – пишет Степун. – Откуда эта легкость, Ренн не объясняет, но и без объяснения причин ясно: потому, что отчаянию и мраку есть предел. Если бы его не было, то все лишили бы себя жизни. Но вот не лишают, а дышат каким-то воздухом, воюют и даже чувствуют себя время от времени свободными и веселыми»[25].

Таким образом, рассмотрение идейного уровня романа Ремарка играет в статье Степуна конструктивную роль: именно в сопоставлении с пацифистской идеологией автора «На Западном фронте…» на самом широком социологическом и политическом фоне выясняются различные взгляды на войну в немецкой литературе 1920-х гг. Тем самым критик подчеркивает значение романа Ремарка как «документа эпохи» для понимания духовного уровня

в поствоенном немецком обществе 1920-х гг. Выводы и наблюдения критика при этом звучат довольно неутешительно, однако нельзя не заметить их во многом пророчественной глубины: в статье Степуна на литературном поле столкнулись силы, определившие движение Германии к катастрофической развязке следующей мировой войны. Увы, в истории страны пацифистская идеология уступила место крайнему милитаризму. Сам Ремарк, как известно, вынужден был эмигрировать и до конца своей долгой жизни так и не стал гражданином ФРГ. Худшие предчувствия русского рецензента юнгеровских «стальных гроз» оправдались…

Таким образом, критика «Современных записок» с большим сочувствием восприняла пацифистские идеи в современной им военной европейской литературе 1910–1930-х гг. Наоборот, милитаристский пафос произведений Сюареса, Зельдте, Юнгера был подвергнут последовательному развенчиванию. Такое единодушие можно, конечно, объяснить либеральной политикой журнала, предоставлявшего свои страницы авторам самых различных политических взглядов, исключая радикалов левого и крайнего толка, то есть как раз-таки потенциальных милитаристов. Однако разброс идейно-эстетических установок критиков «Современных записок», военные статьи которых были рассмотрены нами выше, также достаточно широк, чтобы их можно было свести к единому знаменателю. На наш взгляд, в данном случае следует говорить о неком универсализме пацифистской идеологии, объединяющей под своим знаменем всех людей доброй воли, в первоначальном, евангельском, значении этого выражения («Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение»), согласно которому эти люди соотносятся с борцами за мир. В свете пацифизма в конечном итоге стираются различия между эсерами М.О. Цетлиным и М.Л. Слонимом, с одной стороны, и религиозным философом Ф.А. Степуном – с другой. Их выводы и наблюдения, в свою очередь, вписываются в самый широкий контекст мировой пацифистской мысли, составляя ее золотой фонд.

[1] *Цетлин М.О.* Анри Барбюс // Современные записки. 1920. № 1. С. 242.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 243.
[5] Там же.
[6] *Шлецер Б.* [Рец.:] Ромен Роллан. Клерамбо. История одной свободной совести во время войны (Париж. Оллендорф, 1920 г.) [Rolland R. Clérambault: histoire d'une conscience libre pendant la guerre. Paris: Ollendorff, 1920] // Современные записки. 1921. № 3. С. 258.
[7] Там же. С. 259.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Там же. С. 261.
[11] Там же.
[12] Там же.
[13] *Слоним М.Л.* Поэт человечности (Жорж Дюгамель) // Современные записки. 1921. № 3. С. 228.
[14] *Левинсон А.* Сюарес. // Современные записки. 1921. № 7. С. 359.
[15] Там же. С. 360.
[16] Цит. по: *Левинсон А.* Указ. соч. С. 360.
[17] *Степун Ф.А.* Германия // Современные записки. 1930. № 42. С. 414.
[18] Там же. С. 418.
[19] Там же.
[20] Там же. С. 422.
[21] Там же. С. 424.
[22] Там же. С. 425.
[23] Там же.
[24] Там же.
[25] Там же. С. 426.

О.А. Богданова

Русская классика и восприятие Первой мировой войны в литературной среде России 1914 г.

На материале журнала «Русская мысль» и других изданий

Начавшаяся война с первых же дней была воспринята на страницах «Русской мысли» как заря «новой эпохи всемирной истории»[1], «великая европейская» (П. Струве)[2] и даже «мировая» (Григорий Рачинский)[3], «новая историческая грань, завершающая целую мировую эпоху» (С. Булгаков)[4]. Неудивительно, что столь масштабное событие осмыслялось современниками в исторической ретроспективе – путем обращения к предшествующим войнам XIX столетия: Отечественной войне 1812 г., Крымской войне 1853–1855 гг., Франко-прусской войне 1870–1871 гг., Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. «Произошла историческая катастрофа», «в этом огромном крушении есть только один способ ясного видения вперед, это – обращение назад, к прошлому, ясное понимание того, что осталось за нами…»[5]. Материалы «Русской мысли» второй половины 1914 г. наполнены обращениями к названным историческим фактам, которые в том или ином аспекте трактовались как прецеденты нынешнего. (Интересно, что при этом нет ни одной отсылки к недавней Русско-японской войне 1904–1905 гг., которая, по-видимому, воспринималась как выпадающая из приведенного ряда.)

Так, например, Г. Вернадский прямо сопоставил войны 1812 и 1914 гг. как сходные для русских людей «испытания», требующие самопожертвования и мужественной готовности к смерти ради «Божьего дела»[6]. О Крымской войне как «мировой» войне XIX в. писал П. Струве[7]; как к «священной», подобно нынешней, к ней обращался Л. Козловский[8]. Осмысляя перемены во взаимоотношениях России и Германии за последние полвека, М.О. Гершензон в статье «1870 и 1914» провел параллель с Франко-прусской войной:

в 1870 г. немцы победили французов благодаря «атмосфере высокого нравственного подъема» в своих войсках, теперь такой силы у них нет – более того, она перешла на сторону их военных врагов, России и ее союзников[9]. В том же ключе отозвался о войне Германии с Францией Вячеслав Иванов: с 1870 г. «истинно-творческие силы в германстве стали видимо изнемогать и как бы отмирать и отыматься»[10].

Однако лидерство принадлежит здесь Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Ее вспоминали, о ней писали П. Струве[11], кн. Евгений Трубецкой[12], С. Булгаков[13], Л. Козловский[14] и др. Более того, текущая война 1914 г. во многом воспринималась как отложенное разрешение тех же самых вопросов, которые волновали русское общество во времена полемики Л. Толстого и Ф. Достоевского в 1876–1877 гг.: о сущности войны как таковой, о возможности справедливых «народных» войн, о патриотизме, о «восточном вопросе», о месте Германии и России в Европе, о германо-русских отношениях, об историческом назначении России и т. д. Еще в 1840–1870-е гг. полемику эту предварили статьи и стихотворения Ф. Тютчева, а на рубеже XIX–XX вв. она продолжилась в трактатах Вл. Соловьева, Н. Федорова и др., плавно перелившись в критико-публицистические дискуссии 1914 г.

С началом Первой мировой войны либерально-демократический журнал «Русская мысль» предоставил свои страницы всему спектру патриотической мысли России: во-первых, неославянофильству в лице деятелей московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева (кн. Е. Трубецкому, Г. Рачинскому, Вяч. Иванову, С. Булгакову, В. Эрну), во-вторых, собственному изводу патриотизма, трактовавшему начавшуюся войну как противостояние культурных европейских держав, в том числе России, новому немецкому варварству (П. Струве, А. Изгоев, Б. Эйхенбаум, С. Франк, Э. Гримм, М.О. Гершензон). Сложившаяся уже в первые месяцы Первой мировой войны пацифистско-пораженческая идеология, как чуждая редакционным взглядам, на страницах «Русской мысли» непосредственно представлена не была; о ней можно судить по полемическим выступлениям авторов журнала.

Так, с социалистами, марксистами, социал-демократами, желавшими поражения своим правительствам, считавшими начавшуюся войну войной государств, а не народов, войной национальных буржуазий за рынки сбыта и рабочую силу, вступил в полемику А. Изгоев[15]. Автор с удовлетворением отметил крах социал-демократического интернационализма в результате измены ему немецкой партии, целиком разделившей правительственные идеалы германского милитаризма. Подробный анализ враждебной по отношению к России позиции немецкой же социал-демократии предпринял П. Струве в статье «Суд истории»: в 1877–1878 гг. К. Маркс и Ф. Энгельс «стояли безусловно на стороне Турции. После русско-турецкой войны они ожидали русско-германской войны и со своей точки зрения германских социал-демократов ее весьма опасались»[16], так как не желали усиления Бисмарка.

Взгляды Л. Толстого и его последователей, осуждавших любые войны, были критически затронуты П. Струве в статье «Великая Россия и Святая Русь»[17]. Приветствуя происходившее, по его мнению, в русской армии 1914 г. объединение духовно-культурного идеала «Святой Руси» и государственного идеала «Великой России», автор отталкивался от широко известного воззрения Л. Толстого, которое «заранее подозревает и осуждает силу, не улавливает необходимой связи между силой и правдой». «Во всякой подлинной силе, – утверждал П. Струве в противовес Л. Толстому, – не может не быть элемента духовности и всегда правда стремится воплотиться в силу[18].

Осмысляя нынешнюю войну в обрисованной исторической ретроспективе, авторы «Русской мысли», «Голоса минувшего» и других изданий не могли не обратиться к суждениям писавших о прошлых войнах мыслителей: Ф. Тютчева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, Вл. Соловьева, Н. Федорова.

Для демонстрации преемственности или, напротив, переосмысления и полемики с идеями названных мыслителей, кратко определим существо взглядов каждого из них на перечисленные вопросы.

Тютчеву и Достоевскому было свойственно, как известно, религиозно-философское понимание истории[19]. Еще в трактате «Россия и Германия» (1844) Тютчев писал о нежелании Запада допустить, что за его «пределами жила другая, Восточная Европа, вполне законная сестра христианского Запада, <…> внутренне

более глубоко христианская…»[20]. Так великий поэт-дипломат объяснял одновременную общность и чуждость России и Западной Европы: обе они объединяют христианские народы, однако российское христианство – греко-православное, а западноевропейское – латино-католическое, частью протестантское.

Это различие определяет и суть «восточного вопроса», т. е. отношение к порабощенным Турцией малым южнославянским народностям, в большинстве своем исповедовавшим православную веру: Россия как по вероисповедному, так и по «племенному» признакам – их естественная защитница и союзница; когда-то католический, а затем революционный Запад, отрекшийся в Новое время от своего христианского прошлого, становится союзником мусульманской Турции в борьбе с последним оплотом христианства на земле – Россией. «Революция, – писал Тютчев в трактате “Россия и Запад” (1849), – если рассматривать ее самое существенное и простое первоначало, есть <…> высшее выражение того, что в продолжение трех веков принято называть цивилизацией Запада. Это вся современная мысль после ее разрыва с Церковью.

Сия мысль такова: человек в конечном итоге зависит только от самого себя – в управлении как своим разумом, так и своей волей. Всякая власть исходит от человека, а всякий авторитет, ставящий себя выше человека, есть либо иллюзия, либо обман…»[21].

С наибольшей ясностью и силой противопоставление России и романо-германской Европы было высказано в статье «Россия и революция» (1848): «Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними… зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества». Противостояние это, по Тютчеву, проходит по линии веры и безбожия: «Прежде всего Россия – христианская держава, а русский народ является христианским… Революция же прежде всего – враг христианства… Ее последовательно обновляемые формы и лозунги, даже насилия и преступления – все это частности и случайные подробности. А оживляет ее именно антихристианское начало…»[22].

Уже в середине XIX века Тютчев констатировал «полнейшее революционизирование Германии» (в указанном выше смысле): «Шестьдесят лет господства разрушительной философии совершенно сокрушили в ней все христианские верования и развили в отрицании всякой веры главнейшее революционное чувство – гордыню ума – столь успешно, что в наше время эта язва века, возможно, нигде не является так глубоко растравленной, как в Германии. По мере своего революционизирования Германия с неизбежной последовательностью ощущала в себе возрастание ненависти к России»[23]. Иными словами, глубинная причина ненависти немцев (как и других современных западноевропейцев) к России – в противостоянии двух главных жизненных принципов: христианства и антихристианства.

И далее следует тютчевское пророчество сразу о трех последующих войнах (Крымской, Русско-турецкой и Первой мировой): «И как могло бы случиться, чтобы в столь беспощадной войне, в готовящемся крестовом походе нечестивой Революции, уже охватившей три четверти Западной Европы, против России Христианский Восток, Восток Славяно-Православный, чье существование нераздельно связано с нашим собственным, не ввязался бы вслед за нами в разворачивающуюся борьбу. И, быть может, с него-то и начнется война, поскольку естественно предположить, что все терзающие его пропаганды (католическая, революционная и проч. и проч.), хотя и противоположные друг другу, но объединенные в общем чувстве ненависти к России, примутся за дело с еще большим, чем прежде, рвением»[24]. История показала, что именно славянский вопрос стал поводом для всех перечисленных войн, в том числе и роковой выстрел боснийского серба Гаврилы Принципа 28 июня 1914 г. в Сараево…

«О совпадении взглядов Тютчева и Достоевского на проблему “Россия и Запад”, равно как и на неотъемлемо с ней связанный “Восточный вопрос”, заговорили еще русские религиозные философы – Д.С. Мережковский, С.Н. Булгаков, Г.В. Флоровский»[25]. В «Дневнике писателя» за 1876 и 1877 гг. Достоевский следовал в оценке событий Русско-турецкой войны многим суждениям умершего к тому времени Тютчева. Более того, как заметил Л. Козловский, Достоевский из-за этого разошелся с большинством сво-

их современников в оценке названной войны: в 1870-е гг. «русская политика уклонилась от вероисповедного принципа и пошла по племенному пути», война 1877 г. с Турцией велась «за избиенных славян, а не за Православную церковь»; Достоевский же защищал именно вероисповедный принцип, подобно Тютчеву в 1853–1855 гг. «Политические стихотворения Тютчева 1850–1855 гг. проникнуты… теми идеями, которые Достоевский проводил в “Дневнике писателя” 1876–1877 гг.»[26].

Во-первых, это взгляд на Россию как на нечто совсем иное, чем остальная Европа: «Россия… есть нечто совсем самостоятельное и особенное, на Европу совсем непохожее и само по себе серьезное», она «несет внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше, – православие», она «хранительница Христовой истины, <…> настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах»[27].

Так и П. Струве в 1914 г. связывал «антирусское настроение» не с какими-либо «социальными и политическими воззрениями», а с «культурными судьбами России и остальной Европы»: так, «антирусское настроение всего ярче проявляется именно в радикальных и народных элементах Германии и… там оно опирается не только на политические соображения, а коренится гораздо глубже, во всем отношении к России и русским»[28]. С. Булгаков, в свою очередь, назвал Россию 1914 г. «самобытным миром», призванным «спасти себя и Европу» от секулярно-буржуазного «новоевропеизма»[29].

Во-вторых, из этого особого качества России следует, по Достоевскому, «потребность наша всеслужения человечеству, даже в ущерб иногда собственным и крупным ближайшим интересам <…> Одним словом, это, может быть, и есть начало, первый шаг того деятельного приложения нашей драгоценности, нашего православия, к всеслужению человечеству, – к чему оно и предназначено и что, собственно, и составляет настоящую сущность его»[30].

Очевидно, что именно в таком смысле Вячеслав Иванов назвал в 1914 г. начавшуюся Первую мировую войну «вселенским делом», делом «человечества, как единства соборного»[31]. Ту же мысль можно уловить в вышеназванной статье С. Булгакова:

«сердце… России в Православии, а потому и русское творчество, как это хорошо ведомо было Достоевскому, есть раскрытие и осуществление потенций русского Православия»[32].

Как для Тютчева «священна» Крымская война за права единоверцев и христианских церквей на территории Турции, так и для Достоевского в 1877 г. нет ничего «святее и чище подвига такой войны, которую предпринимает теперь Россия»: «идея наша свята, и война наша <…> первый шаг к достижению… вечного мира, <…> *воистину* международного единения и *воистину* человеколюбивого преуспеяния! Итак, не всегда надо проповедовать один только мир, и не в мире одном, во что бы то ни стало, спасение, а иногда и в войне оно есть». Эта поистине *народная* война «освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задыхались, сидя в немощи растления и в духовной тесноте»[33].

Сравним эти слова с оценкой войны 1914 г. в статье С. Франка «О поисках смысла войны»: «...*эта* война сразу и с непоколебимой достоверностью была воспринята самой стихией национальной души как необходимое, нормальное, страшно важное и бесспорное по своей правомерности дело»[34]. По мнению Е. Колтоновской, война 1914 г. «вместе с опустошениями… несет с собой и оздоровляющее начало. Давно болеющая литература может почерпнуть в ней то лекарство, в котором она так нуждается»[35].

«Восточный вопрос», по Достоевскому, «есть в сущности своей разрешение судеб православия <…> С Востока и пронесется новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может, вновь спасет европейское человечество. Вот назначение Востока, вот в чем для России заключается Восточный вопрос»[36]. Что Тютчев называл революцией, то Достоевский – социализмом как прямым последствием католицизма. Хотя авторы «Русской мысли» 1914 г. не были сторонниками строгого церковного православия, а скорее тяготели к «новому религиозному сознанию», мысль об особом религиозном предназначении России по сравнению с Западной Европой была им близка. Недаром Вячеслав Иванов в статье «Вселенское дело» поднял «достоевский» вопрос о завоевании Россией Царьграда[37], а С. Булгаков заговорил о неудаче дела новоевропейской цивилизации» с ее секуляризмом и о

России как об «апокалиптической теократии Белого Царя»[38]. Судьбой Константинополя в ходе начавшейся войны озабочены также А. Кизеветтер и Л. Козловский[39].

Интересно, что, хотя Достоевский «всю жизнь… знал, что немец всегда и везде, еще с самой Немецкой слободы в Москве, очень-таки не жаловал русского»[40], бисмарковскую Германию он склонен был считать политическим союзником России: «*зависимость от союза с Россией есть, по-видимому, роковое назначение Германии, с франко-прусской войны особенно*»[41]. Конечно, в 1914 г. пророчества Достоевского 1877 г. выглядели полной неудачей: «В Европе есть Германия, и та на нашей стороне <…> Два великие народа… предназначены изменить лик мира сего <…> Надо считать, что дружба России с Германией нелицемерна и тверда и будет укрепляться чем дальше, тем больше, распространяясь и укрепляясь постепенно в народном сознании обеих наций…»[42].

Однако публицисты 1914 года хором заявляли о коренном разрыве между Германией современной и тридцатилетней давности, об измене заветам Бисмарка. Так, например, П. Струве писал: «та германская “гордыня”, которую мы ощущаем как главный источник происхождения этой войны, есть явление новой и даже новейшей Германии. В ней поражает полное отсутствие всякой религиозной подкладки, она по питающему ее духу – позитивна и позитивистична». Хотя официальная Германия на словах поминает Бога, продолжал П. Струве, на деле у нее «совершенно отсутствует ощущение и сознание сверхчеловеческих сил, действующих в истории… религиозное начало»[43]. С. Франк отмечал, что вина современной Германии – в забвении собственной великой культуры, в утере «религиозного мировоззрения» и отдаче «соблазну… национального самомнения»[44].

Достоевский же в своих оптимистических прогнозах относительно Германии ориентировался именно на Бисмарка: «Единственный политик в Европе, проникающий гениальным взглядом своим в самую глубь фактов, – есть, бесспорно, князь Бисмарк. Самого страшного врага Германии, ее единства и ее обновленного будущего он прозрел, еще задолго назад – в римском католицизме и в порожденном католицизмом чудовище – социализме»[45].

Значительное место в рассуждениях Достоевского о Русско-турецкой войне («Дневник писателя за 1877 г.») заняла полемика с Л. Толстым, конкретнее – со взглядами героя «Анны Карениной» Константина Левина на славянский вопрос. В последней 8-й части этого романа действуют герои – идейные антагонисты: иронически показанный Сергей Иванович Кознышев со своим приятелем профессором Катавасовым (сторонники помощи славянам) и сочувственно изображенный Левин (противник участия России в борьбе южнославянских народов с Турцией).

«В среде людей, к которым принадлежал Сергей Иванович, – писал Л. Толстой, – в это время ни о чем другом не говорили и не писали, как о Славянском вопросе и Сербской войне. Все то, что делает обыкновенно праздная толпа, убивая время, делалось теперь в пользу Славян. Балы, концерты, обеды, спичи, дамские наряды, пиво, трактиры – все свидетельствовало о сочувствии к Славянам». Сергей Иванович «видел, что Славянский вопрос сделался одним из тех модных увлечений, которые всегда, сменяя одно другое, служат обществу предметом занятия; видел и то, что много было людей, с корыстными, тщеславными целями занимавшихся этим делом»[46]. Характерны наблюдения профессора Катавасова, спутника Кознышева, за добровольцами в вагоне на одной из станций Курской железной дороги по пути в имение Левина: это люди, не нашедшие себя в русской жизни. То же и Вронский, с которым на той же станции разговорился Кознышев. Опять звучит мысль о том, что в Сербию едут несостоявшиеся люди, неудачники, например вдрызг проигравшийся Яшвин. Сам Вронский после самоубийства Анны стремится лишь к смерти: «Я, как человек… тем хорош, что жизнь для меня ничего не стоит. А что физической энергии во мне довольно, чтобы врубиться в каре и смять или лечь, – это я знаю. Я рад тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мне не то что не нужна, но постыла»[47].

Косвенная дискредитация Сербской войны перерастает в прямое отрицание ее значения в речах Левина, которого Достоевский считал alter ego самого автора: «Да моя теория та: война… есть такое животное, жестокое и ужасное дело, что ни один человек, не говорю уже христианин, не может лично взять на свою ответственность начало войны…»[48].

Интересно, что Кознышев в качестве контраргумента приводит знакомую нам по Тютчеву и Достоевскому концепцию православной «священной» войны, которая, по его мнению, близка большинству русского народа: это «выражение человеческого, христианского чувства. Убивают братьев, единокровных и единоверцев <…> В народе живы предания о православных людях, страдающих под игом “нечестивых агарян”. Народ услыхал о страданиях своих братий и заговорил»[49]. На что Левин, в полном соответствии с антицерковным, антиправославным толстовским взглядом, заявляет: «я сам народ, я и не чувствую этого». А если все же и появляются добровольцы, то потому, что «в восьмидесятимиллионном народе всегда найдутся не сотни, как теперь, а десятки тысяч людей, потерявших общественное положение, бесшабашных людей, которые всегда готовы – в шайку Пугачева, в Хиву, в Сербию…»[50].

Главное же, по Л. Толстому, что подлинная, настоящая жизнь русских людей не имеет никакого отношения к Русско-турецкой войне, ведущейся за посторонние для большинства из них интересы: «...все эти соображения о значении Славянского элемента во всемирной истории показались ему [Левину] так ничтожны в сравнении с тем, что делалось в его душе <…> Уже входя в детскую, он вспомнил, что такое было то, что он скрыл от себя. Это было то, что если главное доказательство Божества есть Его откровение о том, что есть добро, то почему это откровение ограничивается одною христианскою церковью? Какое отношение к этому откровению имеют верования буддистов, магометан, тоже исповедующих и делающих добро?»[51]. Настоящая жизнь как альтернатива надуманному, по Л. Толстому, «восточному вопросу» – это природа, труд на земле, семья, улыбка ребенка… На этом фоне речи Кознышева воспринимаются как трескучая риторика, например: «Все разнообразнейшие партии мира интеллигенции, столь враждебные прежде, все слились в одно. Всякая рознь кончилась, все общественные органы говорят одно и одно, все почуяли стихийную силу, которая захватила их и несет в одном направлении <…> теперь слышен голос русского народа, который готов встать, как один человек, и готов жертвовать собой для угнетенных братьев; это великий шаг и задаток силы»[52].

Достоевский в «Дневнике писателя», со своей стороны, критиковал позицию Левина: «...я не верю, что он народ; напротив, вижу теперь, что и он с любовью норовит в обособление. Убедился я в этом, прочитав вот ту самую восьмую часть “Анны Карениной”». Сущность взгляда «столь значительного русского писателя, и именно на столь интересное для всех русских дело <…> заключается… в том, что, во-1-х, всё это так называемое национальное движение нашим народом отнюдь не разделяется, и народ вовсе даже не понимает его, во-2-х, что всё это нарочно подделано, сперва известными лицами, а потом поддержано журналистами из выгод, чтоб заставить более читать их издания, в-3-х, что все добровольцы были или потерянные и пьяные люди или просто глупцы, в-4-х, что весь этот так называемый подъем русского национального духа за славян был не только подделан известными лицами и поддержан продажными журналистами, но и подделан вопреки, так сказать, самых основ… И наконец, в-5-х, что все варварства и неслыханные истязания, совершенные над славянами, не могут возбуждать в нас, русских, непосредственного чувства жалости и что “такого непосредственного чувства к угнетению славян *нет и не может быть*”»[53].

Если Л. Толстой иронически отнесся к так называемому общественному мнению, поддержавшему войну с Турцией за освобождение славян («Общество определенно выразило свое желание. Народная душа получила выражение, как говорил Сергей Иванович. И чем более он занимался этим делом, тем очевиднее ему казалось, что это было дело, долженствующее получить громадные размеры, составить эпоху»[54]), то Достоевский, напротив, приветствовал «сближение с народом» «в общей солидарности для общего дела. Солдат и его офицер живут теперь там единым духом и единым чувством. Интеллигенция роднится с народом, возвращается к нему опять и уже делом, а не теорией, научается уважать народ, из которого вышел этот солдат, и научает народ уважать себя и уже не как начальника или господина, а как человека, душевно»[55].

С этой мыслью очевидно согласна Е. Колтоновская в статье «Война и писатели. О писательской психологии»[56]. Представляя «талантливый рассказ» Ю. Слезкина «Денщик», напечатанный

в газете «Речь» (1914, № 285), автор указала на засиявший в нем «свет обновленной национальной любви», возникшей из осознанной на войне общности офицера и денщика: «душевное перерождение слезкинского героя» – «одно из чудес войны».

Достоевский в полемике с Л. Толстым фактически повторил слова Сергея Ивановича в споре с Левиным: русские люди из народа «знают <…>, что святыми местами и всеми тамошними восточными христианами овладели нечестивые агаряне, магометане, турки и что жить христианам по всему Востоку чрезвычайно трудно и тяжело <…> Про славян действительно народ наш почти ничего не знал <…> Но зато… слышал и знает, что есть православные христиане под игом Магометовым, страдают, мучаются и что даже самые святые места, Иерусалим, Афон, принадлежат иноверцам»[57]. Русско-турецкая война для Достоевского – это «война за христианство», а Левин, не являясь православным, не может быть причислен к русскому народу.

Через много лет после окончания войны 1877–1878 гг. и смерти Достоевского, уже на рубеже XIX–XX вв., Л. Толстой развивал свои мысли в статьях «Патриотизм или мир?» (1896), «Патриотизм и правительство» (1900), «Не убий» (1900) и др. По его мнению, «нужно уничтожить то, что производит войну. Производит же войну желание исключительного блага своему народу, то, что называется патриотизмом. А потому для того, чтобы уничтожить войну, надо уничтожить патриотизм»; «патриотизм не может быть хороший»; «когда, как теперь, есть патриотизм: американский, английский, немецкий, французский, русский, все противоположные один другому, то патриотизм уже не соединяет, а разъединяет». Более того, патриотизм несовместим с «учением не только Христа, в его идеальном смысле, но и с самыми низшими требованиями нравственности христианского общества»: «если патриотизм добро, то христианство, дающее мир, – пустая мечта <…> Если христианство истина и мы хотим жить в мире, то не только нельзя сочувствовать могуществу своего отечества, но надо радоваться ослаблению его и содействовать этому. Надо радоваться, когда от России отделяется Польша, Остзейский край, Финляндия, Армения…»[58]. «Все народы так называемого христианского мира, –

проповедовал Л. Толстой в 1900 г., – доведены патриотизмом до… озверения…»; патриотизм есть «чувство грубое, вредное, стыдное и дурное… безнравственное»[59].

Уже непосредственно перед Первой мировой войной в письме к Славянскому съезду в Софии (1910) Л. Толстой писал, что «признание основой единения начала племенного, народного, патриотическо-государственного неизбежно отрицает религиозное начало, как действительную основу жизни»[60], тем самым отвергая «племенной и народный патриотизм» славянских народов. Влиятельность толстовских взглядов в русском обществе нельзя преуменьшить, о чем свидетельствует более позднее высказывание Н. Бердяева: «Мировая война проиграна Россией потому, что в ней возобладала толстовская моральная оценка войны. Русский народ в грозный час мировой борьбы обессилили кроме предательств и животного эгоизма толстовские моральные оценки. Толстовская мораль обезоружила Россию и отдала ее в руки врага»[61].

Справедливости ради следует отметить, что толстовские идеи о несовместимости войны как таковой ни с христианскими, ни с гуманистическими воззрениями, выраженные им еще в «Севастопольских рассказах» и «Войне и мире», вошли в плоть и кровь русского интеллигентского сознания и разделялись всеми без исключения авторами «Русской мысли» и других рассмотренных здесь изданий. Так, например, С. Франк отмечал, что среднему русскому мыслящему человеку всякая война «представляется чем-то ненормальным и противоестественным»[62]. Однако возникший позже абсолютный толстовский пацифизм разделялся в 1914 г. существенно меньшей частью русской литературной среды, чем патриотизм тютчевско-достоевского характера. Авторы «Русской мысли» не раз обращались за поддержкой и к таким оппонентам Л. Толстого по вопросу о войне, как Вл. Соловьев и Н. Федоров.

Подобно Л. Толстому и Достоевскому, войну как таковую Вл. Соловьев признавал «хронической болезнью человечества»: «война есть зло». Хотя христианство, по мысли Вл. Соловьева, «своим безусловным осуждением всякой ненависти и вражды… в принципе, в нравственном корне упраздняло войну», «учители христианства не отрицали государства и его назначения “носить

меч против злых", а следовательно, не отрицали и войны». Более того, войны способствуют «процессу всемирного "собирания земли" посредством единой материальной культуры»[63].

В трактате «Оправдание добра. Нравственная философия» (1897) отчетливо прозвучала и критика толстовских взглядов как нехристианских, в чем Вл. Соловьев обнаружил свою близость к традиции Достоевского: «Те учения, которые безусловно-отрицательно относятся к войне и вменяют каждому в долг отказывать государству в требовании военной службы, вообще отрицают, чтобы человек имел какие-нибудь обязанности к государству. С их точки зрения – государство не более как шайка разбойников, которые гипнотизируют толпу, чтобы держать ее в повиновении и употреблять для своих целей. Но серьезно думать, что этим исчерпывается или хотя бы сколько-нибудь выражается *истинная сущность дела,* было бы уже слишком наивно. Особенно несостоятелен такой взгляд, когда он ссылается на христианство»[64]. Война, по Соловьеву, может быть оправдана уже тем, что «между историческою необходимостью войны и ее отвлеченным отрицанием со стороны отдельного человека становится обязанность этого человека относительно того организованного целого (государства), которым до конца истории обусловливается не только существование, но и прогресс человечества»[65].

Первый из «трех разговоров» последней книги Вл. Соловьева (1900), прекрасно знакомой большинству современников Серебряного века, посвящен войне, причем речь в нем идет преимущественно о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Здесь уже прямо оспаривается толстовский тезис о неприятии войны как таковой и о ее несовместимости с христианством. Генерал, один из участников диалога, говорит: «Ясно, что христианские народы, по мысли которых святцы-то делались, не только уважали, но еще *особенно* уважали военное звание и изо всех мирских профессий только одну военную считали воспитывающею… своих лучших представителей для святости. Вот этот-то взгляд и несовместим с теперешним походом против войны»[66]. Господин Z, в свою очередь, уверен в том, что «война *не* есть безусловное зло и что мир не есть безусловное добро», «бывает *хорошая война*… бывает *дурной*

мир» и что «окрасить войну сплошь одною черною краскою, а мир – одною белою никак невозможно»[67].

Целые абзацы работ Достоевского и Вл. Соловьева посвящены трагическим картинам турецких зверств. В «Дневнике писателя за 1876 г.» читаем: «В глазах умирающих братьев бесчестятся их сестры, в глазах матерей бросают вверх их детей-младенцев и подхватывают на ружейный штык; селения истребляются, церкви разбиваются в щепы, всё *сводится* поголовно – и это дикой, гнусной мусульманской ордой, заклятой противницей цивилизации. Это уничтожение систематическое; это не шайка разбойников, выпрыгнувших случайно, во время смуты и беспорядка войны, и боящаяся, однако, закона. Нет, тут система, это метод войны огромной империи. Разбойники действуют по указу, по распоряжениям министров и правителей государства, самого султана…»[68] Споря с толстовским пацифизмом в «Дневнике писателя за 1877 г.», Достоевский вспоминал о 10-летней болгарской девочке: «У ней… одно воспоминание, которого она не может выносить. Турки взяли ее маленького брата, ребенка двух-трех лет, сначала выкололи ему иголкой глаза, а потом посадили на кол. Ребеночек страшно и долго кричал, пока умер, – факт этот совершенно верный <…> Теперь представьте себе, что вы бы там были сами в ту минуту, как они прокалывали ребенку глаза. Скажите, неужели вы бы не бросились остановить их, даже и кулаком?»[69].

Генерал в соловьевских «Трех разговорах…» описал характерный эпизод Русско-турецкой войны: «Вот раз… спускаемся мы в долину, и на карте значится, что большое армянское село <…> Смотрю, казаки подъехали и остановились как вкопанные – не двигаются. Я поскакал вперед; прежде чем увидел, по смраду жареного мяса догадался: башибузуки свою кухню оставили. Огромный обоз с беглыми армянами не успел спастись, тут они его захватили и хозяйничали. Под телегами огонь развели, а армян, того головой, того ногами, того спиной или животом привязавши к телеге, на огонь свесили и потихоньку поджаривали. Женщины с отрезанными грудями, животы вспороты <…> Женщина навзничь на земле за шею и плечи к тележной оси привязана, чтобы не могла головы повернуть, – лежит не обожженная и не ободранная, а толь-

ко с искривленным лицом – явно от ужаса померла, – а перед нею высокий шест в землю вбит, и на нем младенец голый привязан – ее сын, наверное, – весь почерневший и с выкатившимися глазами, а подле и решетка с потухшими углями валяется…» Когда русский отряд догнал турок, то генерал сказал своим подчиненным: «Мне Бог велит прикончить их, а не разгонять <…> Господи благослови! Приказал пальбу батарее. И благословил же Господь все мои шесть зарядов <…> Тут мы с казаками и драгунами с левого фланга ударили и пошли крошить как капусту»[70]. Жестокая гибель палачей воспринималась с удовлетворением, как справедливое возмездие, как «Божье дело».

Обратившись к материалам «Русской мысли» 1914 года, мы увидим, что начавшаяся война осмыслялась в обрисованной выше парадигме. Так, осуждение немецких зверств происходило почти в тех же выражениях, что когда-то – турецких. Э.Д. Гримм в статье «Пьяные илоты: Немецкие бесчинства и европейская культура» подробно остановился на пренебрежении немцев к международному праву, издевательствах, грубости, жестокости их по отношению к иностранцам: «Запертые в тюрьмах и на бойнях, мирные путешественники, принужденные убирать конюшни и солдатские помещения. Выгнанные на полевые работы, избитые прикладами и лишенные всех средств пропитания; женщины, раздетые донага или систематически заплеванные; больные с сорванными повязками, наложенными после операции; родильницы, высланные на другой день после родов; дети, умершие от лишений на глазах матерей; целые города, подвергшиеся систематическому разгрому, – кровь стынет при мысли об этих зверствах, и голова отказывается понять такое повальное безумие»[71]. «Вандализмом» назвал расстрел Реймсского собора немцами кн. Евгений Трубецкой [72]. В первые месяцы войны, констатировал В. Эрн, «под мягкой шкуркой немецкой культуры вдруг обнаружились хищные кровожадные когти. И лик “народа философов” исказился звериной жестокостью»[73].

Координаты осмысления реалий идущей войны задавались в «Русской мысли» 1914 г. не только Тютчевым, Достоевским и Вл. Соловьевым, но также и Н. Федоровым. Так, А. Мощанский напомнил о пророчествах Н. Федорова, сделанных им во 2-м томе «Философии общего дела» (1898): немецкий народ, во главе которого стоят «Черный Философ» (Ницше) и «Черный Царь» (Вильгельм II), провозгласившие войну высшей ценностью и отвергнувшие христианство, представляет опасность для всего мира; антихристианская Германия, заключившая союз с турецким исламом, религией войны, воспитывает в своих гражданах «озверение»; в неминуемой войне Россия выступит против Германии в союзе с Францией и Англией[74]. Несколькими месяцами позже к пророчествам Н. Федорова о текущей войне обратился Н. Бердяев: «Мысль Федорова… предвидела роль Германии в мировом столкновении. Федоров <…> видел миссию России в умиротворении, в прекращении розни. Он развивает смелый и оригинальный проект обращения войска, которое ни в коем случае не должно быть распущено, на завоевание и урегулирование стихийных сил природы»; «…он не хотел разоружения»[75]. Роль России в грядущей войне с Германией, по Н. Федорову, – защита христианства от воинственного магометанства и языческого варварства. В вопросе о войне Н. Федоров, как и Достоевский с Вл. Соловьевым, – антагонист толстовского «непротивления злу насилием». Однако его критика гораздо резче. Таков, например, отклик Федорова на известное воззвание Л. Толстого 1900 г. «Не убий!», в котором писатель, выступая против терроризма, призывал к игнорированию военной службы и уплаты налогов[76]. Выступая здесь как патриот и защитник государства – необходимой ступени к народному «совершеннолетию», Федоров не поскупился на такие аттестации Л. Толстого, как «самозваный депутат народа», отказывающий «власти в праве сбора податей и набора войска», «злой и испорченный ребенок», «одержимый духом разрушения», «бесстыдный лгун», «фарисей», «гипнотизер», чье учение лишено логики и проникнуто ненавистью к России[77].

Практически все авторы «Русской мысли», писавшие о войне 1914 г., восприняли ее как «священное», «правое», «Божье дело»: Г. Вернадский, Вячеслав Иванов, В. Эрн, С. Франк, Е. Колтоновская, П. Струве[78]. «С нами Крест Христов!» – восклицал Вячеслав Иванов; к молитве о победе России с ее духовной мощью под покровом Богородицы призывал В. Эрн; в русской армии, ведущей «великую европейскую войну», осуществлялся, по убеждению

П. Струве, союз «Великой России» и «Святой Руси», «религиозное чудо слияния силы и правды».

Те же и другие авторы писали об антихристианстве, языческой дикости, безбожии современных немцев, как когда-то Тютчев, Достоевский и Вл. Соловьев о турках. Одновременно они подчеркивали благородно-нравственную роль России в идущей войне – как носительницы, с одной стороны, высших христианских ценностей, с другой – подлинной европейской культуры. Причем нередко авторы «Русской мысли» 1914 г. прямо опирались в своих суждениях на авторитет предшественников. Так, еще в июльском номере П. Струве заявил, что в предстоящей борьбе с Германией «торжество России будет великой победой культуры и правды»[79]. В стихотворной подборке «Современность»[80] В. Брюсов осмыслял место России среди европейских государств в тютчевско-достоевском духе: русские «не варвары, не дикая орда», но

… тот народ, кто обрел
Двух сфинксов на отмели невской,
Кто миру титанов привел,
Как Пушкин, Толстой, Достоевский…

Не случайно стихотворению «Польше» предпослан эпиграф из поэзии Тютчева (1850) как призыв к примирению двух славянских народов перед лицом остальной Европы: «Не в Петербурге, не в Москве, А в Киеве и в Цареграде…»

Со стороны В. Брюсова это был благодарный отклик на воззвание Верховного главнокомандующего о восстановлении Польши в ее территориальной целостности. Как когда-то Тютчев, В. Брюсов ввел русско-польскую проблему в общий контекст старого «восточного», славянского вопроса, связанного с судьбами Константинополя, борьбой с Турцией, союзником которой стала в войне 1914 г. Германия. Как Достоевский восхищался «колоссальным фактом» «союза царя с народом своим» в Русско-турецкой войне, так и В. Брюсов, Вяч. Иванов, П. Струве и кн. Е. Трубецкой выразили и отметили «всеобщий энтузиазм» по поводу одобренного царем воззвания о «восстановлении единой, свободной в своем самоуправлении Польши»[81].

В 1877 г. Достоевский писал о России, «бескорыстно и правдиво ополчившейся теперь на спасение и на возрождение угнетенных племен»[82]. В 1914 г. Григорий Рачинский отмечал, что за «дело братства и свободы» для «угнетенных национальностей» «борется и будет бороться до конца» Россия «с тем звериным ликом, который неожиданно и грозно глянул на нас, когда скинута была Германией маска культурного идеализма, за которою пятьдесят лет прятался онаглевший милитаризм и пошло-буржуазный эгоизм и вандализм»[83].

По мнению кн. Е. Трубецкого, в настоящей войне «историческая задача» России та же, что и в предыдущие десятилетия, – «защита слабых и воскрешение малых народов, поглощенных сильными»[84]. Более того, в соответствии с тютчевско-достоевской доктриной «священной войны», Россия должна быть защитницей *всех* угнетенных народов, а не только славянских, во имя христианских идеалов: языческому «тевтонскому идолу» она должна противопоставить «христианскую культуру». В соответствии с соловьевским заветом, в идущей мировой войне Россия должна стать «Востоком Христа, а не Ксеркса»[85]. Вслед за Достоевским, не ограничивавшим роль России в «восточном вопросе» защитой славянских народов, А. Изгоев утверждал, что «Россия шире славянства»[86].

Также и по мысли С. Булгакова, Россия в 1914 г. – «защитница правды и свободы»[87]. Однако, несмотря на небывалое прежде сближение с европейскими странами в этой войне, Россия прежде всего самобытный мир, избежавший «того новоевропейского облика (“мещанской культуры”, секулярно-буржуазной массовизации. – *О.Б.*), …носителем которого ныне является германство». Вслед за Достоевским С. Булгаков призывал Россию принять из европейской культуры ее христианские основы, отвергнуть «новоевропеизм» и пойти собственным путем «исторического творчества», т. е. «стать землей… “тысячелетнего царства святых” под главенством Христовым», осуществить хилиастические обетования. «Духовная красота» и «духовная культурность» России, по С. Булгакову, противостоят в этой войне «цивилизованному варварству» Германии[88].

Об актуальности в 1914 г. старого «восточного вопроса» писали А. Кизеветтер, П. Струве, Л. Козловский[89] и др. В связи с этим прямые обращения к идеям Тютчева находим в статьях Григория Рачинского, Вячеслава Иванова[90], Л. Козловского[91]; к идеям Достоевского – в статьях П. Струве, Григория Рачинского, кн. Евгения Трубецкого, Вячеслава Иванова, С. Булгакова, Е. Колтоновской[92], Л. Козловского[93].

Непосредственные обращения к идеям Вл. Соловьева видим в статьях Э.Д. Гримма[94], А. Коральника, кн. Евгения Трубецкого[95]. Симптоматичен перенос соловьевской «желтой опасности» (связанной с его рассуждениями о неизбежной грядущей мировой войне христианского Запада с безбожным монгольским Востоком, в трактате «Оправдание добра…») на немцев как новых «гуннов», к чему побудили «ужасы, творимые немцами в Бельгии, преступления против человеческого и божеского права, осквернение всех культурных ценностей»[96]. Необходима «охрана культуры от внутреннего варвара, во сто крат более опасного, чем всякая желтая опасность, того внутреннего варвара», который возобладал ныне в немецком народе и имя которому – «человеконенавистничество, преклонение перед силой и мещанство»[97].

Даже столп русского конституционного либерализма П. Струве явно эволюционировал в сторону религиозно-философской концепции Тютчева и Достоевского, призывая к союзу «Святой Руси» («факта и идеи русской [религиозной] правды») и «Великой России» («факта и идеи русской [государственной] силы»)[98]. Названную преемственность отметил в этой идее П. Струве Л. Козловский[99].

Пожалуй, из всех рассмотренных нами авторов только С. Франк полностью перевел патриотический пафос в либерально-секулярный ключ: война России и Германии не может быть охарактеризована как борьба Востока с Западом, потому что Россия в ней выступает в союзе с ведущими европейскими державами – Францией и Англией; эта война – «между защитниками права и защитниками силы, между хранителями святынь общечеловеческого духа… и его хулителями и разрушителями»[100]. Либерально-культурный ценностный спектр характерен и для позиций Э.Д. Гримма, М.О. Гершензона, А. Изгоева, Б. Эйхенбаума, А. Кизеветтера по отношению к разным аспектам противостояния России и Германии в 1914 г.

Итак, начавшаяся мировая война осмыслялась русским общественным сознанием в журнале «Русская мысль» и некоторых других изданиях 1914 – первой половины 1915 г. преимущественно в категориях, выработанных русской литературно-философской мыслью середины XIX – начала XX в. в творчестве Тютчева, Достоевского, Л. Толстого, Вл. Соловьева, Н. Федорова. Главным стало противопоставление христианской (православной – у Тютчева и Достоевского) России безбожному врагу (языческой дикости и социализму – у Достоевского; безрелигиозному позитивизму современной Германии – у авторов «Русской мысли» 1914 г.). Иное, либерально-секулярное осмысление происходивших событий звучало гораздо тише и, как правило, не опиралось на авторитет предшественников.

[1] Русская мысль. 1914. № 7. С. II.
[2] Там же. № 8–9. С. I.
[3] Там же. № 12. С. 84.
[4] Там же. С. 108.
[5] *Струве П.* Суд истории // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 168.
[6] *Вернадский Г.* Мысли о войне и смерти сто лет тому назад // Русская мысль. 1914. № 11. С. 105–107.
[7] *Струве П.* Указ. соч. С. 170.
[8] *Козловский Л.* Мечты о Царьграде: (Достоевский и К. Леонтьев) // Голос минувшего. 1915. № 2.
[9] *Гершензон М.О.* 1870 и 1914 // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 97.
[10] Вселенское дело. 1914. № 12. С. 99.
[11] Русская мысль. 1914. № 8–9, 11, 12.
[12] Там же. № 12.
[13] Там же.
[14] Голос минувшего. 1915. № 2.
[15] *Изгоев А.* На перевале // Русская мысль. 1914. № 8–9.
[16] Там же. № 11. С. 162.
[17] Там же. № 12.
[18] Там же. С. 178.

[19] *Гачева А.Г.* «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется…»: Достоевский и Тютчев. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 420–421.
[20] *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. и писем: В 6 т. М.: Классика, 2002–2004. Т. 3. С. 118.
[21] Там же. С. 180, 181.
[22] Там же. С. 144–145.
[23] Там же. С. 148.
[24] Там же. С. 156.
[25] *Гачева А.Г.* Указ. соч. С. 380.
[26] *Козловский Л.* Указ. соч. С. 93, 97.
[27] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 23. С. 46, 47.
[28] *Струве П.* Ответ на «необходимое пояснение» // Русская мысль. 1914. № 12. С. 190.
[29] *Булгаков С.* Русские думы // Русская мысль. 1914. № 12. С. 113.
[30] *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. Т. 23. С. 47.
[31] Русская мысль. 1914. № 12. С. 97.
[32] Там же. С. 114.
[33] *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. Т. 25. С. 99, 100, 96, 95.
[34] Русская мысль. 1914. № 12. С. 120.
[35] *Колтоновская Е.* Война и писатели: О писательской психологии // Русская мысль. 1914. № 12. С. 138.
[36] *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. Т. 26. С. 85.
[37] Русская мысль. 1914. № 12. С. 105.
[38] *Булгаков С.* Указ. соч. С. 114, 111.
[39] *Кизеветтер А.* Россия и Константинополь // Русская мысль. 1914. № 8–9; *Козловский Л.* Указ. соч.
[40] *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. Т. 23. С. 60.
[41] Там же. Т. 25. С. 156.
[42] Там же. Т. 26 С. 87, 91.
[43] *Струве П.* Суд истории // Русская мысль. 1914. № 11. С. 166.
[44] *Франк С.* О поисках смысла войны // Русская мысль. 1914. № 12. С. 132.
[45] *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. Т. 26. С. 86.
[46] *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1935–1958. Т. 19. С. 352.
[47] *Толстой Л.Н.* Указ. соч. Т. 19. С. 361.
[48] Там же. С. 387.
[49] Там же. С. 387, 388.
[50] Там же. С. 388, 389.
[51] Там же. С. 395, 396.
[52] Там же. С. 390, 391.
[53] *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. Т. 25. С. 193–194.
[54] *Толстой Л.Н.* Указ. соч. Т. 19. С. 353.

[55] *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. Т. 25. С. 169, 170.
[56] Русская мысль. 1914. № 12. С. 133–139.
[57] *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. Т. 25. С. 214, 215.
[58] *Толстой Л.Н.* Указ. соч. Т. 90. С. 48, 49, 51.
[59] Там же. С. 432, 437.
[60] Там же. Т. 38. С. 177.
[61] *Бердяев Н.А.* Духи русской революции. // Из глубины: Статьи о русской революции. Библиотека Гумер – философия // (http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Iz_Glub/02.php).
[62] *Франк С.* Указ. соч. С. 125.
[63] *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 464, 471, 474.
[64] Там же. С. 480.
[65] Там же. С. 484.
[66] Там же. Т. 2. С. 649.
[67] Там же. С. 651, 652.
[68] *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. Т. 23. С. 61–62.
[69] Там же. Т. 25. С. 171.
[70] *Соловьев В.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 661–663.
[71] Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 77.
[72] *Трубецкой Е.* Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12. С. 95.
[73] *Эрн В.* От Канта к Крупу // Русская мысль. 1914. № 12. С. 116.
[74] *Мощанский А.* Мысли и предсказания Н.Ф. Федорова // Русская мысль. 1914. № 12. С. 140–145.
[75] *Бердяев Н.* Пророчества Н.Ф. Федорова о войне // Биржевые ведомости. 1915. 15 авг.; см. также: *Бердяев Н.* Религия воскрешения. «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова // Русская мысль. 1915. № 7.
[76] *Толстой Л.Н.* Указ. соч. Т. 34. С. 200–205.
[77] *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Прогресс-Традиция, 1995–1999. Т. 4. С. 37, 41.
[78] Русская мысль. 1914. № 12. С. 97, 107, 124, 126, 133, 180.
[79] Там же. № 7. С. II.
[80] Там же. № 8–9.
[81] Там же. № 12. С. 88.
[82] *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. Т. 25. С. 99.
[83] *Рачинский Г.* Братство и свобода // Русская мысль. 1914. № 12. С. 85.
[84] *Трубецкой Е.* Указ. соч. С. 88.
[85] Там же. С. 95, 96.
[86] *Изгоев А.* Указ. соч. С. 166.
[87] *Булгаков С.* Указ. соч. С. 113.
[88] Там же. С. 114, 115.
[89] *Кизеветтер А.* Указ. соч.; *Струве П.* Суд истории…; *Козловский Л.* Указ. соч.
[90] Русская мысль. 1914. № 12.

[91] Голос минувшего. 1915. № 2.
[92] Русская мысль. 1914. № 12.
[93] Голос минувшего. 1915. № 2.
[94] Русская мысль. 1914. № 8–9.
[95] Там же. № 12.
[96] *Коральник А.* Германская идея // Русская мысль. 1914. № 12.
[97] *Гримм Э.Д.* Пьяные илоты… // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 92.
[98] Русская мысль. 1914. № 12. С. 180.
[99] *Козловский Л.* Указ. соч. С. 94.
[100] *Франк С.* Указ. соч. С. 129, 132.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Л.А. Спиридонова

Был ли Горький «пораженцем»?

(По материалам публицистики эпохи Первой мировой войны)

«По улицам тянутся патриотические демонстрации к Зимнему дворцу. Высоко подняты над толпой портреты “обожаемого монарха”. Трехцветные национальные флаги хлещут воздух. И тут уже не переодетые городовые, идет подлинная “святая русская интеллигенция”, от кадетов до меньшевиков»[1]. Так описывал современник поведение русского общества после известия о начале Первой мировой войны. Многие представители интеллигенции, в том числе прогрессивные общественные деятели, писатели и ученые, наперебой торопились высказать свою поддержку царскому правительству. Это было ответом на призыв власти к полному единению всей России перед лицом военной опасности.

Тем не менее полного единения не получилось, ибо общество накануне надвигающейся революции было расколото на два противостоящих друг другу лагеря: тех, кто всеми силами пытался спасти Россию от революционных потрясений, и тех, кто считал, что социальная революция неизбежна и активно ее готовил. Соответственно разным было и отношение к войне. Страна разделилась на «оборонцев» и «пораженцев». Первые объединяли наиболее многочисленную часть общества, включая не только правые силы, но и либеральную интеллигенцию: кадетов, эсеров, меньшевиков. На другом фланге оказались большевики-ленинцы и не примыкающие к ним, но идейно близкие «интернационалисты». Считая войну империалистической, развязанной в целях передела сфер влияния между крупными национальными корпорациями, они призывали не к единению всех сил во имя победы той или иной страны, а к единению пролетариев всех стран на пути к мировой революции.

С первых же дней войны правительство сделало все, чтобы в печать не проникали антивоенные настроения, а все выходящие в России издания откликались на события в позитивном духе. 20 июля (2 августа) 1914 г. было принято «Временное положение о военной цензуре» и сразу же последовали карательные меры против газет и журналов, занимающихся антимилитаристской пропагандой. В первые дни войны была закрыта кадетская «Речь», прекратила свое существование легальная рабочая пресса. Репрессии приняли такой размах, что не удалось спасти даже журнал «Вопросы страхования». Большевики продолжали работу в подполье, выпуская рабочие листовки, то и дело меняя названия газет.

В этой обстановке либеральная интеллигенция, по словам В.И. Ленина, стала состязаться в «патриотизме с черной сотней»[2]. Издатели газеты «Речь» обратились к Николаю II с верноподданническим письмом, в котором обещали «содействовать печатным словом объединению всего русского общества, без различия направлений, в общем чувстве беззаветной готовности защищать родину и оберегать ее честь»[3]. После этого они добились разрешения возобновить выпуск газеты.

Какую же позицию занял в годы войны М. Горький, вернувшийся в Россию с Капри к новому 1914 году? Живя в Европе с 1906 г., встречаясь и переписываясь с В. Лениным, тесно общаясь с большевиками-интернационалистами (А. Богдановым, В. Базаровым, А. Луначарским и др.), он бесспорно понимал, что война неизбежна, и с 1909 г. не раз говорил об этом в своих письмах. Накануне ее начала он писал Е.П. Пешковой: «Последние дни особенно кипит все вокруг: волнения рабочих, ожидание войны…»[4] И в тот же день сообщил Амфитеатрову о преобладающем настроении русского общества: «Очень боимся войны, но и желаем оной. Боязливо желаем, говоря точнее, но лишь потому, что тайно мыслим: м.б., война даст нам или укажет, или пробудит. Сами же ни взять, ни усмотреть, ни проснуться – не можем, как видно» (11, 118). Горьковская ирония понятна: проповедник активности и «буревестник революции», он в эти годы в своих публицистических статьях резко выступал против «азиатской пассивности» народа, его долготерпения и покорности.

Известие о начале войны Горький воспринял как мировую катастрофу, крах европейской культуры. 20 июля (2 августа) 1914 г. он писал И.М. Касаткину: «Я давно – года три – как убежден был в неизбежности общеевропейской войны, считал себя подготовленным к этой катастрофе, много думал о ней, но – вот она разразилась, и я чувствую себя подавленным, как будто все случившееся – неожиданно. Страшновато за Русь, за наш народ, за его будущее, и ни о чем, кроме этого, не думаешь» (11, 119). И через несколько дней С.П. Подъячеву: «…работать – негде, да и – какая теперь работа, когда день начинается мыслью о том, где и сколько перебито людей, до ночи эта мысль сосет и сушит душу, с нею, как с ведьмой, ложишься спать? Не до беллетристики» (11, 124).

Действительно, в художественных произведениях писателя почти нет непосредственных откликов на военные события. Исключением являются две сатиры из цикла «Русские сказки», написанные в декабре 1914 г. В XIII сказке дается сатирическое изображение братания народов, которым война слишком дорого обходится. Кузмичи (русские) и Лукичи (немцы) то и дело вступают в драку, но каждый раз, считая прибыли-убытки, удивляются: «Ему, Лукичу-то красная цена – семь копеек, а убить его рупь семь гривен стоило!» «Живой Кузьмич даже по самоличной оценке ни гроша не стоит, а уничтожить его – девяносто копеек вышло!» «А купечество ихнее, мошну набивая, кричит: “Ребята, спасай отечество! Отечество дорогого стоит!”»[5]

Решив, что нужно «побольше оружия завести, тогда война скорее пойдет и убийство дешевле стоить будет», народы дошли до того, что деревни сожгли, города уничтожили, а пятилетних младенцев заставили из пулеметов палить. Но убытки только возросли. Тогда они собрались на разных берегах реки, дипломатов в воде утопили и решили жить по-братски, тихо, мирно, а военное дело совсем забросили.

Герой XIV сказки – «смиренно-упрямый человек Ванька» (русский народ), которому барин то и дело приказывает идти Россию спасать: то от поляков, то от Бонапарта. Ванька послушно слезает с повети, спасает, а воротившись домой, обнаруживает,

что повети-то нет и на избе крыша провалилась. Тем не менее он опять ложится спать на сто лет и даже сны видит хорошие, хотя «жрать нечего». Тут его будит стражник, который кричит: «Айда Европу спасать!»; «Немец обижает». «Пошел, начал спасать – тут немец ему ногу оторвал. Воротился Ванька на одной ноге, глядь – избы нет, ребятишки с голоду подохли, на жене сосед воду возит.

– Ну и дела-а! – удивился Ванька, поднял руку, затылок почесать, а головы-то у него и нету!»[6]

Сопоставим сатирический пафос этих «сказок» с письмом Горького М.Ф. Андреевой от 9 (22) сентября 1914 г., в котором, возмущаясь разрушением Реймсского собора, Лувэна, Шантильи и другими жертвами войны, писатель высказывает мысль о том, что «война на целое столетие облечет мир броней железной злобы, ненависти всех ко всем, она вызовет жажду мести у побежденных, презрение победителей», а главное, убьет «интернациональный социализм». Ведь если «товарищ Жан изувечит товарища Ганса – как они встретятся потом, как можно говорить им об интернационализме интересов демократии» (11, 126).

Будучи интернационалистом, Горький в оценке военных действий исходил из убеждения в том, что Человек является ценностью гораздо большей, чем безудержная погоня за прибылью. Иронизируя над Кузьмичами и Лукичами, писатель призывал европейские народы покончить с кошмаром войны собственными силами, а русский народ – начать наконец думать об устройстве собственного дома, а не о спасении Европы.

В начале ноября 1914 г. Горький участвует в сборе пожертвований для разоренной войной Бельгии. В «Воззвании к населению», опубликованном в «Киевской мысли», он пишет о «светлых началах европейской культуры», о великих гуманистических идеях, которые не должны забываться в дни войны. Называя кровавую бойню «мировой катастрофой», Горький выражает надежду, что в сердцах людей живы «идеи братства народов, убеждение в конечном торжестве разума, справедливости». Писатель говорит о необходимости возникновения чувства солидарности у народов разных стран, «о великих интересах планетарной культуры, о духовных ценностях, единых для всего мира»[7].

Публицистика Горького, созданная в период Первой мировой войны, насчитывает несколько десятков произведений – от «Воззвания к населению» и «К русскому обществу» против притеснения евреев (1 марта 1915 г.) до цикла «Несвоевременных мыслей» и «Обращения к народу и трудовой интеллигенции» от 30 ноября 1918 г., начинающегося словами: «Война кончена». Их проблематика многообразна, но идея одна – отчаянный протест против войны, губящей не только планету, но и самого человека.

В октябре 1914 г. Горький задумал цикл статей на современную тему с предположительным заглавием «Несвоевременное», которые хотел опубликовать в «Русском слове». Заглавие было явно ориентировано на одноименные «размышления» Ф. Ницше, труды которого повлияли не только на раннее творчество писателя. Подчеркивая преемственную связь с наследием немецкого философа, Горький-западник демонстрировал свое уважение к европейской культуре в дни национал-шовинистического угара, когда велась оголтелая кампания травли всего немецкого: толпа громила германское посольство, разоряла немецкие магазины, сжигала книги. Цикл был задуман как протест против бессмысленной вражды народов, против зверств и разрушений, где бы они ни происходили.

Одна из статей начиналась так: «Жгут библиотеки, грабят драгоценные коллекции, разрушают великие памятники культуры – немцы. Это очень образованная нация, она, несомненно, культурнее нас, мы у нее целое столетие учились философствовать и вообще – учились. Я понимаю, что несвоевременно говорить так во дни, когда немец стал у нас синонимом дикаря и зверя. Но я думаю, что война – хуже немца и полагаю, что живой человек – немец страдает от нее не менее тяжко, чем живые люди иных наций»[8].

Слова Горького звучали несвоевременно в обстановке все возрастающей ненависти к «германизму», многочисленных публичных утверждений о том, что немецкая культура неотделима от милитаризма, а философия Канта породила практику оружейных заводов Круппа. Выступая на заседании Религиозно-философского общества 6 (19) октября 1914 г., В.И. Иванов заявил: «Современная германская культура не что иное, как всеобъемлющая организация

германской воли к порабощению мира»[9]. Можно предположить, что задуманный Горьким цикл из трех статей на современную тему о немцах был ответом на выступления Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.И. Иванова, П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна и других мыслителей, увидевших в «священной войне» признаки духовного возрождения России и ее особую спасительную миссию в европейском мире. Пангерманизму был противопоставлен панславизм, во имя торжества которого должна была вестись война «до победного конца».

Под флагом «русского возрождения» в стране воскрешали идеи особого исторического пути России, ее мессианского предназначения и национальной самобытности народа. Патриотизм, ставший синонимом шовинизма и военной экспансии, для Горького звучал как бранное слово. 30 ноября (13 декабря) 1914 г. он писал В.С. Войтинскому: «Идут разговоры о духовном слиянии “Великой России” со “Святой Русью”, о мистических началах национализма, о мессианстве третьего Рима, о том, что Русь – носительница истинной культуры и ныне спасает Европу от оков ложной цивилизации. Травля немцев носит совершенно сумасшедший характер, хотя националисты оперируют идеями Фихте, Шеллинга, Шлеермахера» (11, 137).

Говоря о том, что война популярна в чайных, дешевых трактирах и на улице, писатель посетовал, что в народе царит «полная неосведомленность о причинах войны, убеждение, что война начата Германией, недоверие к факту, что Германия неизбежно должна была начать войну, была вызвана к войне, непонимание роли Англии и вообще наших “союзников”» (11, 137). Во второй статье цикла, предназначенного для «Русского слова», Горький писал: «…эта страшная война была неизбежна вследствие темных предначертаний неразумной силы капитализма, она свидетельствует о временном параличе разума и воли не только у немцев, но вообще у всей Европы. Война – явление позорное и глупое, не говоря о ее преступности; война – это праздник той глупости, против которой так долго боролось разумное человечество, в том числе и немцы»[10].

Если сделать скидку на цензурные рогатки, через которые должна была пройти статья, мысль писателя просматривается отчетливо: в Первой мировой войне виноваты империалистические силы, вступившие в схватку за передел сфер влияния в мире и контроль над финансовыми потоками. Развивая эту мысль в другой статье цикла, Горький писал: «Война – безумие, это кара людям за их жадность. Жадничает, как известно, не народ, войну затевают не нации. Немецкие мужики точно так же, как и русские, колониальной политикой не занимаются и не думают о том, как выгоднее разделить Африку»[11]. Следом он сделал столь же нецензурный, сколь и несвоевременный вывод: «…неразумная сила капитализма создала против воли и разума людей такие условия, которые могли быть разрешены только войной, общеевропейской катастрофой»[12].

16 (29) октября 1914 г., сообщая Е.П. Пешковой об окончании работы над тремя статьями, Горький заметил: «…я думаю, что писал напрасно, – цензура не пропустит» (11, 134). Цензура действительно не пропустила не только цикл, но и следующую статью под названием «Несвоевременное», отправленную в газету «День». В Архиве А.М. Горького сохранились ее гранки, датированные 4 декабря 1914 г., текст которых крест-накрест перечеркнут военным цензором. В этой статье писатель резко критиковал Ф. Сологуба, М.П. Арцыбашева, А.И. Куприна и Л.Н. Андреева, которые выражали свое мнение о немцах как полчищах «диких некультурных гуннов», призывая уничтожить их «до конца». Горький упрекнул писателей в том, что, потеряв себя в череде кровавых событий, они присоединяются к мнению улицы и повторяют те слова, которые «умножают ненависть». Он писал: «Четверо наиболее крупных писателей, люди влиятельные на Руси, высказались о своем враге-немце беспощадно и жестоко. Все они единодушно говорят, что немец – урод, зверь, чудовище. Они осуждают не солдат, не один какой-либо класс, а целую нацию»[13].

Последняя статья носила название «Каковы задачи печати во дни войны?». Она тематически примыкала к «Несвоевременному» и развивала тему ответственности писателя за проповедь жестокости и садизма, восхищение кровавыми сценами военных сражений. Писатель утверждал, что ненависть к врагу не может пробудить в народе высокое чувство любви к родине. Он писал: «Необходимо внушать людям, что решение споров между ними пу-

тем вспарывания животов, дробления черепов и разрывания врага на кусочки – это безобразно, противно. <…> задача печати в наши дни – возбуждать органическое отвращение к убийству, бороться против садизма, страсти к мучениям»[14]. Выступая как гуманист и интернационалист, Горький одобряет лишь войну «с чудовищем глупости, жадности, лицемерия и жестокости…». Призывая к созданию «планетарной культуры», он уповает на «высшую силу», которой «должна служить печать – РАЗУМ»[15].

В 1915 г. у Горького возник новый замысел – выпустить серию брошюр на тему «Государства Западной Европы перед войной», чтобы разъяснить причины Первой мировой войны и ее истинные цели. Предложив историку М.Н. Покровскому стать редактором серии, он сам составил типовую программу, в которой говорилось: «Ни одному государству Европы не может быть предъявлено обвинение в том, что общеевропейская война вызвана именно его волею. Создателем условий, влияние которых сделало катастрофу неустранимой и неизбежной, является современный интернациональный капитализм – оба типа его, промышленный и финансовый. Основная и скрытая цель войны – стремление к захвату и разделу материков Азии и Африки. Колониальная политика имеет в виду не столько новые рынки, сколько необходимость создания таковых, – никто не думает, что коренное население Африки и Азии может теперь же явиться солидным потребителем дорогих европейских фабрикатов. Колонии как поставщики сырья, металлов и топлива»[16].

Общей целью серии, по замыслу Горького, было «составить обвинительный акт против капитализма как возбудителя катастрофы, переживаемой миром, и указать, что анархическая деятельность капитала не может не хранить в себе зародышей подобных катастроф»[17]. В плане, который составил писатель, были следующие темы: «Англия накануне войны»; «Германия накануне войны»; «Франция накануне войны»; «Роль Азии и Африки в общеевропейской войне»; брошюры об Италии, Турции и странах Балканского полуострова, наконец, обобщающая тема – «Современная жизнь и роль финансового капитала в ней».

К работе над брошюрами, которые должны были выйти в горьковском издательстве «Парус», были привлечены, помимо

М.Н. Покровского, А.В. Луначарский, И.М. Херасков, Л. Владимиров (М.К. Шейнфинкель), Г.Е. Зиновьев (Радомысльский), М.П. Павлович (Вельтман), П.М. Керженцев (Лебедев), шли переговоры с Л. Д. Троцким (Бронштейном), Д. Мануильским, Х.Г. Раковским (Станчевым) и А.М. Коллонтай (Домонтович). Работу на общую тему согласился написать В.И. Ленин (Ульянов). Так возникла его брошюра «Новейший капитализм», впоследствии названная «Империализм как высшая стадия капитализма».

Уже в процессе редактирования брошюр обнаружились расхождения во взглядах на войну между большевиками-ортодоксами и горьковскими единомышленниками. Как известно, идейные разногласия между Лениным и Горьким начались еще в период жизни писателя на Капри. Задумав создать школу для партийных пропагандистов (так называемая Каприйская партийная школа 1909 г.), писатель оказался в числе оппонентов Ленина, который резко осудил создаваемую А. Богдановым, В. Базаровым, А.В. Луначарским и другими группу «Вперед», к которой примкнул Горький. Высоко ценя труды так называемых левых большевиков, он сочувственно относился к философии эмпириомонизма, эмпириокритицизма и махизма, считая ее соответствующей последним достижениям научной мысли и подлинно марксистской[18]. Ленин, не допускавший никаких попыток «ревизии марксизма», осудил группу «Вперед» как реакционную, что отразилось в его книге «Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии» (М.: Звено, 1909).

Не удивительно, что начавшееся в 1909 г. расхождение во взглядах с большевиками-ленинцами отразилось и на отношении Горького к их работам на тему «Европа до и во время войны». Он отрицательно оценил брошюру Г.Е. Зиновьева «Австро-Венгрия», написав М.Н. Покровскому: «Позвольте, М.П., обратиться к Вам с убедительной и покорной просьбой: пожалуйста, возьмите на себя труд дописать брошюру до конца или, будьте добры, поручить этот труд другому, более опытному лицу, чем Зиновьев! Очень прошу об этом!» (12, 70–71).

Довольно критичным было отношение Горького и к работе Ленина. Автору предложили сильно сократить рукопись и изме-

нить заглавие. Конец брошюры, где содержалась критика Каутского, был сильно урезан. Возмущенный Ленин писал Инессе Арманд 18 декабря 1916 г.: «Рукопись моя об империализме дошла до Питера, и вот пишут сегодня, что издатель (и это Горький! о, теленок!) недоволен резкостями против кого бы вы думали? Каутского! Хочет списаться со мной!!! И смешно и обидно»[19]. Из рукописи были исключены определения «каутскианства» как международного идейного течения, ревизующего марксизм.

Напомним, что по отношению к войне К. Каутский в этот период занимал позицию, свойственную большинству европейских социал-демократов, голосовавших за военные кредиты и поддерживающих политику своего правительства. В статье «Социал-демократия во время войны» К. Каутский заявил, что в военное время нет места партийным разногласиям, а практический вопрос, который встает перед всеми, – «победа или поражение собственной страны». Он писал: «Социал-демократы всех стран имеют равное право или равную обязанность участвовать в защите отечества, ни одна нация не должна упрекать за это другую. <...> Все вправе и обязаны защищать свое отечество, истинный интернационализм состоит в признании этого права за социалистами всех наций, в том числе воюющих с моей нацией…»[20]

Эту позицию Ленин назвал шовинистической, упрекнув Каутского в предательстве интересов рабочего класса и переходе на сторону буржуазии. В годы войны он яростно боролся с «ренегатством» социал-демократических деятелей в Европе и России, неизменно разоблачая их оппортунизм. В работах Ленина «Крах II Интернационала», «Социализм и война» изложены главные принципы, определяющие отношение большевиков к войне. Проводя грань между войной оборонительной и наступательной, он доказывал, что Первая мировая есть империалистическая война, ведущаяся в интересах крупных монополий за передел мира, поэтому истинные марксисты должны превратить ее в гражданскую, выдвинув лозунг поражения «своего» правительства в войне и помогая народам осознать это путем антивоенной агитации и призывов к братанию.

В статье «Мертвый шовинизм и живой социализм» Ленин писал о трех направлениях в международном социал-демократическом движении: «1) шовинисты, последовательно проводящие политику оппортунизма; 2) последовательные враги оппортунизма <...>, которые способны вести революционную работу в направлении гражданской войны; 3) люди, растерявшиеся и колеблющиеся, которые теперь плетутся за оппортунистами <...>. Часть гибнущих в этом третьем течении может быть спасена и возвращена к социализму, но не иначе, как политикой самого решительного разрыва и раскола с первым течением, со всеми, кто способен оправдывать вотирование кредитов, “защиту отечества”, “подчинение законам военного времени”, удовлетворение легальностью, отречение от гражданской войны»[21].

Нет сомнения, что Ленин относил Горького к третьей категории и всеми силами пытался вновь сделать его своим союзником. В статье «Автору “Песни о Соколе”» он упрекал писателя за то, что тот подписал протест против немецкого варварства, и назвал это обращение «шовинистически-поповским». Речь шла о воззвании «От писателей, художников и артистов», опубликованном в газете «Русское слово» (1914. № 223), которое подписали известные академики и деятели культуры, в том числе Ф. Шаляпин, В. Васнецов, К. Коровин, С. Меркуров, А. Серафимович, Скиталец и др. Среди них был и П. Струве, что дало повод Ленину возмущенно воскликнуть: «…сознательные рабочие, которые понимают всю фальшь и пошлость этого лицемерного протеста против “варваров-немцев”, не смогут не упрекнуть автора “Песни о Соколе”. Они скажут ему: “в трудную ответственную минуту, которую переживает сейчас российский пролетариат, мы ждали, что вы будете идти рука об руку с передовыми его борцами, а не с господином Струве и Ко!”»[22]

Редактирование рукописи брошюры «Новейший капитализм» Ленин воспринял как поддержку «каутскианства», которое он считал «примирительно-слащавым оппортунизмом», а следовательно, злейшим врагом революционного пролетариата. О его возмущении Горький узнал от Покровского и ответил в письме от 29 сентября 1916 г., что считает необходимым издать брошюру Ильинского (псевдоним Ленина), «но – вне серии». Назвав автора «умницей» и посетовав, что его очень не хватает на родине,

он признался, что теперь «приходится ориентироваться просто на порядочность, на мужество личного поведения, почти оставляя в стороне противоречия основного миропонимания» (12, 76–77).

Можно предположить, что Горький имел в виду «противоречия основного миропонимания» между ним и большевиками-ленинцами, которые все углублялись с течением времени и впоследствии с предельной остротой отразились в «Несвоевременных мыслях», написанных в 1917–1918 гг. Он и вправду понимал революцию не так, как Ленин, употребляя вместо понятия «классовая борьба» термины «культурно-политическое развитие», «интеллектуальное обогащение страны», отрицая насилие как средство создания нового мира и протестуя против превращения империалистической войны в гражданскую.

Оценка войны как массового безумия, призыв одуматься и остановить процесс уничтожения цивилизации и культуры звучит в цикле статей Горького «Письма к читателям», напечатанном в антивоенном журнале «Летопись» в 1916–1917 гг. Этот ежемесячный литературно-политический журнал, возникший по инициативе и при активном участии Горького, объединял вокруг себя демократически настроенные силы без различия политических взглядов. В первом номере говорилось, что новый орган будет вести наступление против всех форм идеологического оправдания войны, разоблачая ее империалистический характер и борясь «против национализма, империализма и всеобщего одичания». В журнале имелись разделы «Иностранная жизнь», «Внутреннее обозрение», «Философия», которые вели А. Богданов, В. Базаров, Ст. Вольский, Н. Суханов, М. Лурье и другие авторы, чьи взгляды были далеки от ортодоксально-большевистских.

Не случайно Ленин отозвался о «Летописи» враждебно, заметив: «Там какой-то архиподозрительный блок махистов с окистами. Гнусный блок!»[23] Он имел в виду неясность политического направления журнала, в котором сотрудничали главным образом меньшевики и так называемые интернационалисты во главе с А. Богдановым. Из номера в номер «Летопись» разоблачала фальшь и лицемерие российской прессы, восхваляющей войну и национальные интересы буржуазии. В сатирическом «Письме в редакцию», озаглавленном «Нужны ли убеждения?», анонимный автор высмеивал Г.В. Плеханова, Г. Алексинского и В. Бурцева за резкую смену убеждений.

Цикл «Письма к читателю» состоит из четырех статей, объединенных раздумьем о причинах и следствиях европейской войны, о том, как она отражается на русском народе. Горький выступает в них как убежденный западник, считающий, что России нужно избавиться от «бесправия, безволия и беззаботности» по отношению к себе и «живым интересам страны». Он пишет: «Для того, чтобы нас не грабили, не унижали, не ездили верхом на наших шеях враги внешние и – особенно тяжелые – внутренние враги, нам необходимо заботиться не о мистической “последней свободе”, а о завоевании простейших гражданских прав. Надо попытаться сделать страну грамотной и в буквальном и в политическом смысле, необходимо разбудить и воспитать ее волю к жизни»[24].

Писатель возражает против призывов к России стать Востоком и строить свою культуру «на высоких мистических откровениях, ведущих народы к миру и любви». За этими словами он усматривает попытку рассматривать Русь как Африку, Индию или будущую колонию Англии. Желая пробудить страну духовно, он ратует за действенное, а не пассивно-созерцательное отношение к жизни и предлагает подумать о той правде, которую родила война. Критикуя «маниловский оптимизм неожиданных “патриотов”, писатель замечает, что «никогда еще словоблудие не разливалось по Руси столь широким потоком, как разлилось оно в начале войны. Хвастовство русской мощью, “бескорыстием русской души” и прочими качествами, присущими исключительно нам, – хвастовство в стихах и прозе оглушало, словно московский колокольный звон. И, как всегда, в моменты катастроф, громче всех кричали жулики»[25].

Замечая признаки социального распада и гниения, порожденные войной, Горький призывает русский народ встать на ноги и приняться за строительство новой жизни. Во второй статье цикла писатель продолжает разговор о той правде, которую родила война. С горечью он признает, что Россия переживает не только экономическую разруху, но и социальное разложение. «Вполне возможен вулканический взрыв, который потрясет страну до основания

и завершит анархию полнейшим хаосом», – предрекает Горький за два месяца до Февральской революции[26]. Размышляя о движущих силах грядущего переворота, он отрицает роль крупной буржуазии как политической силы, способной решить задачу социально-политического преображения страны и уверенно заявляет: «…кроме демократии в нашей стране не имеется другой силы, способной взять на себя эту историческую задачу»[27].

Через все статьи цикла «Письма к читателям» проходит любимая горьковская мысль о том, что Человек – самая большая творческая сила в мире. Истребив и искалечив сотни тысяч молодых людей, война подорвала экономическую жизнь страны. В последней статье цикла, написанной уже после Февральской революции, Горький призывает русский народ к спокойной и дружной работе по укреплению нового строя жизни. Он пишет: «Знание должно быть демократизировано, его необходимо сделать общенародным, оно, и только оно, – источник плодотворной работы, источник культуры. И только знание вооружит нас самосознанием, только оно поможет нам правильно оценить наши силы и укажет нам широкий путь к дальнейшим победам»[28].

Мажорный тон статьи объяснялся восторгом автора от мысли о том, что русский народ «обвенчался со свободой», но этот тон вскоре сменился более трезвым. Трагическим предчувствием грядущих событий проникнуты письма Горького и его произведения, написанные в этот период. 11 марта 1917 г. он советует Е.П. Пешковой: «Не очень увлекайся, не позволяй себе поддаваться телячьему оптимизму и предостерегай других от этой болезни. Положение очень сложно и опасно. Лозунг “Долой войну” – идиотский лозунг в новых условиях. Победа немцев – победа реакции. На солдат не следует надеяться – это переодетые в шинели темные русские мужики, они не имеют никакого представления о моменте и не скоро поймут его значение. Могут понять, но – будет поздно. Затеваю с.-д. газету, большую и *правую*» (12, 122).

Обратим внимание на принципиальное расхождение горьковской позиции и тактики большевиков накануне Октября. Лозунг «Долой войну!» был выдвинут в тот момент Советом рабочих и солдатских депутатов, в котором большинство принадлежало

меньшевикам. Большевики тоже поддерживали его, увязывая при этом окончание войны с осуществлением социалистической революции. 17 апреля 1917 г., выступая на заседании солдатской секции Петроградского совета рабочих депутатов, Ленин сказал: «Всеобщий мир может осуществиться только через рабочую революцию»[29]. В ленинских «Апрельских тезисах», которые не принял Горький, говорилось о неизбежном перерастании империалистической войны в гражданскую.

«Социал-демократическая газета», о которой упомянул Горький, это «Новая жизнь», выходившая с 18 апреля 1917 г. и закрытая советской властью 16 июля 1918 г. за постоянную критику политики большевиков. Как известно, именно в этой газете печатался цикл горьковских статей «Несвоевременные мысли» и заметки о революции и культуре, с которыми российский читатель смог познакомиться лишь в 1990 г., ибо они были запрещены в Советском Союзе[30]. Горький называет новую газету «социал-демократической и *правой»*, подчеркивая ее направление. В тот же день в письме редактору газеты «Русское слово» он опровергает слух о том, что организует радикал-демократическую партию и заявляет, что остается тем, чем был – социал-демократом» (12, 135).

Но «быть социал-демократом» не означало большевиком-ленинцем. «Новая жизнь» была анонсирована как «общественно-политическая демократическая газета», а ее сотрудники и члены редакции принадлежали к самым разным направлениям: Н. Суханов, А. Богданов, В. Базаров, Л. Мартов, П. Керженцев, Л. Красин, Ю. Стеклов, Ст. Вольский, Н. Рожков, В. Десницкий, Б. Авилов и др. Характерно, что Ленин сразу же после выхода первого номера газеты прореагировал на нее статьей с выразительным заглавием «С иконами против пушек, с фразами против капитала». Со временем «Новая жизнь», став органом «интернационалистов», все сильнее кренилась вправо, поэтому в августе 1917 г. большевистский ЦК РСДРП(б) обязал своих членов отказаться от сотрудничества с ней.

В редакционной статье «Наши задачи», помещенной в первом номере газеты, говорилось о том, что после победы Февральской революции стало неактуальным деление социал-демократов на разные фракции, а обновленная партия должна включать в себя

все оттенки интернационального социализма. Газета высказывалась за мир без аннексий и контрибуций, заключаемый законным путем, и считала, что Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов «должны пока поддерживать связь с буржуазным правительством, толкая его вперед по пути революции»[31]. Ленин сразу же обвинил новожизненцев в «чудовищной теоретической ошибке и политической слепоте, боязни диктатуры пролетариата и возвращении на позицию соглашательства с капиталистами»[32]. Как известно, в том же он упрекал К. Каутского и других деятелей международной социал-демократии.

На самом деле позиция Горького и большинства сотрудников «Новой жизни» была созвучна настроениям огромного числа европейских и отечественных писателей, переживших в годы войны глубокий духовный кризис и столь же страстно выступавших за мир. Сошлемся хотя бы на «Дневники военных лет» Р. Роллана и его публицистические выступления, собранные в книгах «Над схваткой» и «Предтечи». В антивоенных статьях Роллана («Ara pacis», «Распинаемым народам», «Над схваткой» и др.), которые в 1915 г. Горький читал в журнале «Северные записки» и газете «Русские ведомости», он находил близкие ему мысли о безумии мира, одержимого жаждой военных завоеваний, о роли интеллигенции в дни войны и о том, что только свободная независимая мысль может изменить мир к лучшему.

В «Новой жизни» Горький напечатал более 40 статей, рецензий, обращений, посвященных главным образом теме спасения России от грядущей катастрофы. В статье «Революция и культура» он выразил надежду, что только «развитие интеллектуальных сил страны» может обновить жизнь и создать условия для духовного возрождения народа. Иными словами, понятие революция для Горького означало не диктатуру пролетариата, а прежде всего духовное развитие лучших черт человека, «всеобщее и всестороннее интеллектуальное развитие трудящихся». Во многих статьях звучит призыв не к революции, а к «упорной, неторопливой работе строительства жизни на новых справедливых началах»[33].

Тем не менее, кое в чем позиция Горького смыкалась с большевистской: он приветствует братание солдат на фронте, осуждает приказ Керенского о наступлении, выражает надежду, что «проклятая война, начатая жадностью командующих классов, будет прекращена силою здравого смысла солдат, т.е. демократии». Как истинный интернационалист, писатель верит, что победит не то или иное правительство, а «правда, рожденная стремлением людей к единству и неспособная служить позорному делу разжигания ненависти, вражды, делу истребления людей»[34]. В статье «Три года» Горький пишет: «Сколько бы ни лгали лицемеры о “великих” целях войны, их ложь не скроет страшной и позорной правды: войну родил Барыш, единственный из богов, которому верят и молятся “реальные политики”, убийцы, торгующие жизнью народа»[35].

Антимилитаристские выступления писателя вызвали негативную реакцию в обществе и даже травлю, которая обрушилась на него со страниц патриотических и официозных изданий. Его называли немецким шпионом, изменником родины, пособником тех, кто разрушает Россию. К. Чуковский вспоминал, что Горькому присылали письма с угрозами и петлей из тонкой веревки: «Такая тогда установилась среди черносотенцев мода – посылать “пораженцу” Горькому петлю, чтобы он мог удавиться»[36]. Обвинения в «пораженчестве» Горькому приходилось выслушивать постоянно. В статьях В. Бурцева «Или мы, или немцы и те, кто с ними», «Не защищайте М. Горького», «Мой ответ Горькому» говорилось о тех, кто помогал большевикам «делать дело разложения России», и теперь «работает над разложением России и развитием в ней анархии рука об руку с ленинцами». В списке имен большевистских лидеров, приведенных далее, на двенадцатом месте значился Горький. Бурцев пояснил, что писатель «явился вдохновителем такой пораженческой газеты, как “Новая жизнь”»[37].

Пораженческой считалась и антивоенная «Летопись» – детище Горького. В донесениях Петроградского охранного отделения Департаменту полиции она характеризовалась как журнал «большевистского, а значит, пораженческого характера». Авторы донесения подозревали, что Горький «ведет через Финляндию сношения с русскими эмигрантами-пораженцами, проживающими в Швеции и Норвегии», но даже они признали: «Петроградские большевики имеют свой руководящий коллектив, совершенно изо-

лированный от “Летописи”, к ее голосу не прислушиваются…»[38] В 1917 г. «Летопись» (№ 2, 3, 4), поместила на своих страницах вывод цензоров по поводу направления журнала: «“Летопись” следует отнести к числу пораженческих журналов», что тоже не способствовало прекращению травли Горького в обстановке широкой шовинистической кампании под лозунгом «Спасайте Россию!»

Близость горьковской и большевистской позиций по отношению к войне преувеличенно подчеркивалась в годы советской власти. В статье «В Петрограде во время войны» Р. Арский писал, что Горький задумал создание «интернационалистической и пораженческой газеты, которая формально не прикреплялась бы и не связывалась с партией, но фактически на деле проводила бы революционные и пораженческие лозунги»[39]. А. Овчаренко в монографии «Публицистика М. Горького», постоянно говоря о серьезных ошибках писателя, якобы разделявшего «соглашательские иллюзии» буржуазных деятелей, тем не менее считает, что вплоть до Октябрьской революции «у Горького не было расхождения с большевиками в вопросе о главной «исторической задаче эпохи», а в вопросе о войне «он занимал позицию, отличавшуюся от позиции “новожизненцев”, приближавшуюся в ряде случаев к большевистской»[40].

Горький действительно, в отличие от многих «новожизненцев», не был противником социалистической революции, но считал ее преждевременной, опасаясь, что у большевиков не хватит сил, чтобы удержать власть, не хватит кадров и культурных сил для настоящего преображения страны. Об этом свидетельствует его обращение «Нельзя молчать!», опубликованное в «Новой жизни» накануне октябрьского переворота. Призывая народ не поддерживать «бесстыднейших авантюристов или обезумевших фанатиков», Горький писал: «… повторится та кровавая, бессмысленная бойня, которую мы уже видели и которая подорвала во всей стране моральное значение революции, пошатнула ее культурный смысл»[41]. Мысль о несвоевременности большевистского переворота он повторил и позже, утверждая: «В современных условиях русской жизни нет места для социальной революции, ибо нельзя же, по щучьему веленью, сделать социалистами 85% крестьянского населения страны, среди которого несколько десятков миллионов инородцев-кочевников. От этого безумнейшего опыта прежде всего пострадает рабочий класс, ибо он – передовой отряд революции, и он первый будет истреблен в гражданской войне»[42]. Как известно, история впоследствии подтвердила опасения Горького.

В отличие от большевиков писатель заботился не о насильственном захвате власти и перерастании революции в гражданскую войну, а о культурной мирной работе, направленной на подлинное обновление жизни. В этом и состояло коренное различие их идейных позиций. Задачу культурного строительства в России Горький считал самой насущной. На ее выполнение была направлена вся деятельность писателя в годы войны и революции. Он пишет «Воззвание к русскому народу об охране дворцов», активно участвует в работе Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук, ведет большую работу в обществе «Культура и свобода», редактирует журнал «Наука и ее работники», наконец, становится во главе издательства «Всемирная литература» и Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ). Иными словами, несмотря на критику недостатков советской власти, которая продолжалась и после 1918 г., Горький оставался верен идеям культурной революции в России.

Написанная в 1919 г. статья «Интернационал интеллигенции» выражала его давнюю мысль о необходимости объединения всех разумных сил мира в борьбе против насилия и жестокости. Обращаясь к интеллигенции разных стран, Горький призывал ее объединиться, чтобы решить «вопрос о планетарном общечеловеческом значении интеллектуального начала в процессе истории»[43]. Подводя итоги войны и вновь называя ее преступлением, «постыдной кровавой общеевропейской бойней», он напоминал, что война не вызвала ничего, кроме всеобщего одичания людей и националистического фанатизма. Он выражал надежду, что горькие уроки войны заставят интеллигенцию понять, что у нее есть только два пути: «с народом к радикальному изменению всех форм жизни или с капиталом для защиты отжившего строя»[44]. Так рождалась горьковская мысль, с которой через несколько лет он обратится к интеллигенции Европы, предупреждая об опасности второй мировой войны: «С кем вы, мастера культуры?»

Имя Горького всегда было окружено легендами и мифами, многие из которых дожили до наших дней. В их числе убеждение в идейном единстве писателя с большевиками в годы Первой мировой войны, выразившемся в его «пораженчестве». На самом деле все было гораздо сложнее. Новые архивные материалы, опубликованные лишь в самом конце XX – начале XXI в., знакомство с запрещенными в СССР публицистическими работами писателя заставили пересмотреть многие, казалось бы, бесспорные положения советского литературоведения: о духовной близости Горького с Лениным и Сталиным, его безоговорочном принятии марксизма-ленинизма и постоянной поддержке политики советской власти.

Идейные разногласия с большевиками-ленинцами, начавшиеся в 1909 г. и особенно обострившиеся в период революции, наложили свой отпечаток на публицистику Горького военных лет. По меткому выражению В. Шкловского, писатель всегда жил «с собственным воздухом под крыльями»[45], что создавало ему бесчисленных врагов справа и слева. Только этим можно объяснить парадокс 1917–1918 гг., когда Горького одновременно упрекали в предательстве интересов России («пораженчестве») и в соглашательстве с буржуазными партиями. Большевики устами Сталина заявляли, что он «дезертировал из рядов революции в черную рать Бурцевых–Сувориных»[46], Бурцев называл его немецким шпионом, работающим вместе с большевиками, а сам он после Октября спасал Бурцева из тюрьмы, куда того посадили большевики. Поистине парадокс!

На деле все объясняется просто: Горький всю жизнь был пацифистом, гуманистом, интернационалистом и едва ли не последним в России просветителем. Добавим еще – романтиком и идеалистом. Свято веря в Разум, в поступательное движение истории к светлому будущему, он понимал социализм как новую религию масс, которая духовно обновит темную отсталую страну и даст простор всестороннему развитию человека. Признавая классовую борьбу как реальность, он искренне боялся, что в России диктатура пролетариата приведет к войне с собственным народом, т. е. с крестьянством. Иными словами, понятие революции наполнялось для него более широким смыслом, чем для большевиков, с которы-

ми он шел только до тех пор, пока любимый им красный цвет не превращался в потоки крови.

Исповедуя активность как главный жизненный принцип нового человека, о создании которого всегда мечтал, Горький критиковал пассивность, косность, долготерпение русского народа, получая в ответ упреки в народозлобии и предательстве интересов родины (статьи «Две души» и цикл «О русском крестьянстве»). Его интернационализм был своеобразным проявлением западничества, ибо писатель ориентировал Россию на строительство культуры и цивилизации по европейскому образцу. Именно поэтому Горький упорно твердил о роли Разума в страшные дни войны. Подобно лучшим представителям европейской интеллигенции, он не мог примкнуть к «оборонцам», защищавшим интересы капитала. О том же писал Р. Роллан в статье «Долг интеллигенции в борьбе с войной»: «В мировую войну европейская интеллигенция позорно капитулировала. Большинство, несомненно, считало, что совершает это в интересах родной страны и видело в этом поступке величайшую доблесть. На самом деле, изменив самой себе, она изменила своему народу. Интеллигенция, подобно марсовому на мачте, должна была смотреть вперед, не внимая крикам экипажа. А она покинула своей пост, чтобы смешаться с беснующейся толпой, и корабль, потеряв направление, стал игрушкой стихий»[47].

Подобно Роллану, Горький считал первым долгом интеллигенции задачу освещать человечеству путь в будущее, сохраняя при этом независимость суждений и зоркость взгляда. В отличие от большевиков, он смотрел вперед гораздо дальше, видя все сложности и ямы тернистого пути России. Ярлык «пораженца», надолго приклеенный ему сначала буржуазно-либеральными идеологами, потом – советскими литературоведами, не отражает истинного лица писателя. В статье «Три года», отвечая на упреки в «пораженчестве», Горький заметил, что противники войны – честные люди, гордость человечества, поэтому нельзя называть их изменниками родины и шпионами за антивоенные выступления. А вдохновителей и сознательных защитников войны он заклеймил именем «негодяи всех стран», заметив, что для них «нет ни бога, ни дьявола»[48].

Попытки снять с Горького ярлык «пораженца» стали предприниматься только в начале XXI в. Публикуя статьи «Несвоевременное», И. Ревякина заметила: «Мысль писателя искала ответов на новые вызовы времени, обретавшего все большую сложность и драматизм»[49]. Е. Никитин еще более определенно высказался о горьковских «Письмах к читателю»: «В начале войны страну захлестнула, скажем так, волна ложного патриотизма. Ложного потому, что действия подхваченных ею людей вели страну к гибели. Спасти Россию от катастрофы могло только заключение мира (и неотлагательное проведение экономических и социальных реформ). Поэтому, на наш взгляд, истинными патриотами были Горький и те, кто вместе с ним выступал против войны, за скорейшее заключение мира. Подчеркнем, не за поражение России в войне (такой была позиция большевиков), а за скорейшее заключение мира»[50].

Только через сто лет после начала Первой мировой войны пришла пора восстановить доброе имя Горького.

[1] *Старый журналист [О.Л. д' Ор].* Литературный путь дореволюционной журналистики. М.; Л., 1930. С. 131–132.

[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 26. С. 330.

[3] *Цехновицер О.* Литература и мировая война. Л., 1938. С. 253–254.

[4] *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2004. Т. 11. С. 116. Далее ссылки на это издание даются в тексте: том и страница.

[5] *Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения. М., 1971. Т. 12. С. 225.

[6] Там же. С. 230.

[7] Киевская мысль. 1914. № 320. 20 нояб.

[8] Публицистика М. Горького в контексте истории. М., 2007. С. 273. Статья впервые напечатана в этом сборнике с предисловием и комментариями И.А. Ревякиной.

[9] Русская мысль. 1914. №12. С. 102.

[10] Публицистика М. Горького в контексте истории. С. 274.

[11] Там же. С. 269.

[12] Там же.

[13] Там же. С. 270.

[14] Там же. С. 289.

[15] Там же.

[16] *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 173. См. также Архив А.М. Горького. М., 1976. Т. 14. С. 131.

[17] Там же.

[18] См. переписку М. Горького с А. Богдановым в сб.: М. Горький в зеркале эпохи: Неизданная переписка. М., 2010. С. 9–160.

[19] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М., 1964. Т. 49. С. 340.

[20] Die Neue Zeit. 1914. N 1. 2 Okt.

[21] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 26. С. 104.

[22] Там же. С. 97.

[23] Там же. Т. 35. С. 185.

[24] Публицистика М. Горького в контексте истории. С. 307. Цикл опубликован полностью впервые с предисловием и комментариями Е.Н. Никитина.

[25] Там же. С. 308.

[26] Там же. С. 313.

[27] Там же. С 316.

[28] Там же. С. 328.

[29] Единство. 1917. № 17. 18 апр.

[30] *Горький М.* Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре / Вступ. ст., подг. текста и примеч. И. Вайнберга. М., 1990.

[31] Новая жизнь. 1917. № 1. 18 апр.

[32] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 328.

[33] Власть народа. 1917. № 1. 28 апр.

[34] *Горький М.* Несвоевременные мысли. С. 203.

[35] Новая жизнь. 1917. № 78. 19 июля (1 авг.).

[36] *Чуковский К.* Современники. М., 1967. С. 148.

[37] Статьи В.Л. Бурцева одновременно печатались в нескольких газетах. См.: Речь. 1917. 7 и 9 июля; Русская воля. 1917. 7 и 9 июля; Речь. 1917. 13 июля и др.

[38] Революционный путь Горького по материалам Департамента полиции // Центрархив. М.; Л., 1933. С. 121–122.

[39] Красная летопись. М.; Л., 1923. № 7. С. 82.

[40] *Овчаренко А.* Публицистика М. Горького. М., 1961. С. 370, 383.

[41] *Горький М.* Несвоевременные мысли. С. 148.

[42] Новая жизнь. 1917. № 198. 10 (23) декабря.

[43] Публицистика М. Горького в контексте истории. С. 371.

[44] Там же.

[45] *Шкловский В.* Удачи и поражения Максима Горького. М., 1926. С. 18.

[46] *Сталин И.* Собр. соч. М., 1946. Т. 3. С. 283.
[47] *Роллан Р.* Собр. соч. М., 1958. Т. 13. С. 136.
[48] Новая жизнь. 1917. № 78. 19 июля (1 авг.).
[49] Публицистика М. Горького в контексте истории. С. 266.
[50] Там же. С. 291.

А.И. Иванов

Первая мировая война в публицистике и прозе Леонида Андреева

Если бы Наполеон так же внимательно и остро разглядывал трупы убитых, как это делал хотя бы Гаршин, – едва ли бы он стал воевать, какие бы миражи величия и власти ни открывались перед его воображением.

Л. Андреев

Роль и место публицистики и прозы Л. Андреева в литературе военного времени отчетливо проявляются при социокультурном анализе проблемы «Русские писатели и Первая мировая война». На наш взгляд, в подобном подходе прежде всего нуждаются такие вопросы, как отношение Л. Андреева к войне, постижение ее бесчеловечности, видение писателем послевоенного мироустройства. Они и стали предметом нашего внимания.

Известно, что по отношению к Первой мировой войне русские писатели, как и другие деятели отечественного искусства, надолго были разделены на «оборонцев» и «пораженцев», «милитаристов» и «пацифистов», «националистов» и «шовинистов» и т. д. Внимание исследователей духовной жизни России военного времени привлекало не столько художественное и публицистическое творчество того или иного писателя, сколько его политическая позиция: поддержка или несогласие с большевистской линией, временные или принципиальные «заблуждения».

Следует заметить, что в силу «непопулярности» войны перед писателями возникли сложнейшие нравственные вопросы: что делать поэту – молчать (З. Гиппиус) или бить в набат (Л. Андреев), воодушевлять или успокаивать общество; в чем найти нравственную «укрепу» (А. Ремизов) для россиян; желать поражения

«своему правительству» (как требовали того большевики во главе с В.И. Лениным), забыв об армии, народе?

В годы войны значительный резонанс вызвала статья Л. Андреева «Пусть не молчат поэты». Она явилась откликом на стихотворение З. Гиппиус «Тише, поэты». В статье прозвучал призыв к собратьям по перу не оставаться в стороне от столь важных для судьбы России событий. Полемизируя с З. Гиппиус, Андреев сказал: «Главное заключается в том, чтобы заставить услышать войну, сосредоточить на ней и ее вопросах не только чисто внешнее внимание, но и внутренне глубоко ею заинтересовать, потрясти и взволновать. Пусть больно, пусть даже противно, но зато и полезно, и даже необходимо. <…> Я вовсе не преувеличиваю значения писательского слова и не думаю, что как только сядут поэты за темы “о войне”, так сейчас же получится нечто вечное, бессмертное и вещее. Как и всегда, одни будут писать хорошо, другие плохо, и больше плохо, чем хорошо: сама огромность темы будет придавливать дерзающих. <…> Нельзя же в самом деле <…>, чтобы и З. Гиппиус заранее предписывала каждому поэту: молчи! Все равно, хорошего не напишешь! Нет – пусть не молчат поэты!» [Андреев, 1915].

При освещении вопроса об отношении русских писателей к войне в отечественном литературоведении сложились три основных стереотипа:

а) следование лозунгу «война до победного конца» воспринималось как сознательная поддержка правительственного курса;

б) затем у прогрессивных писателей последовали быстрое отрезвление или разочарование в прежних иллюзиях;

в) среди нетвердых политически писателей господствовало отсутствие четко выраженной позиции или полное игнорирование военной темы.

С самого начала войны Л. Андреев считал, что время потребовало «переведения войны из плана общечеловеческого в область *отечества* и политики» [Андреев, 1994, с. 51]. С общечеловеческой точки зрения начавшаяся война ему, как и многим писателям, представлялась безумием, противостояние которому стало целью их творчества, общественно-культурной деятельности.

Взять те же вопросы об интернационализме в военное время и о поражении своего правительства. Литература, традиционно находившаяся в оппозиции к правительству, в ходе войны вынуждена была перестраиваться. И прежде всего нужно было ответить на вопрос: *с кем вступила в войну Россия?* Л. Андреев уточнил его так: «с Германией – страной, укреплявшей российскую реакцию, или с Германией – родиной немецкой социал-демократии, родиной Карла Маркса, Энгельса, Бебеля и Каутского?» Как распутать клубок, как разобраться в том, «что в этой войне приходится на долю Маркса и что на долю Вильгельма», если «даже Плеханов со всей его ясностью попал в “патриоты, черносотенцы и Смердяковы”. Что же говорить о размагниченных интеллигентах, нытиках, никчемных и вечных идейных путаниках, как называли художников истые марксисты» [Андреев, 1989, с. 115].

В общечеловеческом противлении начавшейся войне в публицистике 1914–1918 гг. оказались в единстве национальные и интернациональные начала. В годы войны публицистическое слово Л. Андреева, М. Волошина, В. Короленко, произведения поэзии и прозы, запечатлевшие ратный труд соотечественников, взывавшие к состраданию к семьям погибших, к беженцам, детям, военнопленным, играли роль духовного противовеса революционным устремлениям большевиков, призывавших к «поражению своего правительства». В этом кроется одна из причин стойкой ненависти большевиков к военной литературе. В публицистическом и художественном слове, в живописи и музыке вызревала этика ненасильственного мира с любовью и уважением к каждому участнику войны, толерантностью к противнику.

С другой стороны, подлинно интернациональные начала художественной культуры военных лет выразились в поисках точек соприкосновения в идеологии воюющих стран, в стремлении найти путь к миру без войн, в противостоянии национализму. Для писателей России вопрос об интернационализме неизбежно упирался в вопрос об общечеловеческих ценностях. Может ли настоящий гражданин желать поражения своей родины? Литература, привыкшая находиться в оппозиции к правительству, казалось бы, должна была соглашаться с большевистским лозунгом «поражения

своего правительства». Но понятия своего государства, своего правительства связаны с понятием родины. Если желать поражения своему народу, значит, желать смерти своему мужику, одетому в солдатскую шинель. О соотношении *национального* и *интернационального* писали Л. Андреев в статье «В сей грозный час», Д. Мережковский в книге «Невоенный дневник», В. Ропшин в статьях «Письма из армии» и др.

Исходя из высказываний Л. Андреева, В. Брюсова, Д. Мережковского задачи русской литературы как части культуры виделись в том, чтобы:

– противопоставить стихийной воле к разрушению и смерти волю к творчеству и жизни;

– не допустить угасания культуры;

– препятствовать одичанию, озверению масс;

– воспрепятствовать стихийному злу: антисемитизму, национализму, антигерманизму («не разлюбить Шиллера, не перестать читать Канта, не забыть Лассаля и Маркса», – Л. Андреев);

– увидеть все положительное, что можно увидеть в союзнике.

Есть все основания сказать, что статьи Л. Андреева «В сей грозный час», «Любите солдата, граждане!», «Торгующим в храме», «Франция, прости!» и др., перепечатывавшиеся в десятках изданий, русских и зарубежных, – далеко не «шовинистическая пропаганда, развернутая российской печатью» [Нинов, 1970, с. 146].

Весомый вклад принадлежит Л. Андрееву-художнику в постижении войны. Уже в самом начале Первой мировой войны Л. Андреев высказал мысль о том, что война имеет две летописи: первая – это свод фактов, имен и т. д., вторая – «показания очевидцев», письма, стихи, настроения общества. Эта вторая и есть «настоящая, доподлинная история человечества» [Сергеев, 1989, с. 113].

У Л. Андреева нет описания конкретных событий, столь интересных для историков войны, т. е. *увиденного очевидцами*. В его творчестве переданы *чувства художника военного времени*. Одним из первых он ощутил границу, разделяющую мир и войну. В дневнике писателя есть запись, датированная 15 августа 1914 г., о прощании с братом Андреем, уходившим на войну, «на Варшаву, в самое пекло»: «И он *здесь*, а *там* по дороге уже тянется их полк, обоз и прочее, и через час он присоединится к этому серому, военному, идущему за Варшаву. И пока он ел и пил в Анином кабинете, я говорил ему все только хорошее о войне, а сам смотрел *вторыми настоящими глазами*, запоминал движение и лицо. Все та же бороденка, вообще Андрей, Андрюша, наш Андрей. И когда он попросил ему ветчины на дорогу, то я запомнил ветчину; на белой тарелочке полукруглые, с жиром, действительно приятные ломти. Было очень радостно, что он попросил этой ветчины, точно в чем-то и мы помогли, и тут же горько и стыдно, что так мало, – какой пустяк: ветчины! А в кабинете две красные лампы, и я все время видел Андрея и вещи; и видел весь дом, мой мирный кабинет и тишину. Говорили о многом, а самого главного – боится ли он идти и думает ли, что может быть убит, и что это свидание может быть последним, и что отсюда для нас он, может быть, идет в бесконечную смерть – этого нельзя было ни спросить, ни сказать. В действительности хотелось не говорить, а водить его по дому, по саду, по всем людям нашим, чтобы со всеми он простился, на все посмотрел. И не утешать, а говорить: Андрюша, а ведь очень возможно, что тебя убьют, смотри, как там бьют» [Андреев, 1994, с. 21].

В этих строках дневника, предназначавшегося, впрочем, для печати, отразились одновременно *деликатность человека,* провожающего своего близкого, может быть, на смерть, и *смелость художника,* заговорившего о том *главном* в жизни людей, непосредственно связанных с войной. В этом же эпизоде – *правда* в отношениях людей, остающихся *здесь* и отправляющихся *туда.* Что на грани мира и войны важно и что несущественно для человека? Что останется в памяти провожающих и что – в памяти отправляющегося на войну солдата, в окопах, быть может, в госпитале?

Обращает на себя внимание тот ряд, в котором вроде бы в случайной последовательности расположились вещи, которые попадают в поле зрения автора дневника: две красные лампы, дом, мирный кабинет и тишина. И среди *наших* мирных вещей – «в углу *его ружье.* Я посмотрел и взял на руку: очень красивое, стройное,

стройный, как барышня, штык. С этим ружьем он пойдет, с ним расстанется, только упав – там, где-то в Пруссии, где падают уже. Его ружье» [Андреев, 1994, с. 22]. Такая словно случайная последовательность, напоминающая современный кинематографический прием – произвольно скользящий взор любительской камеры, задержавшийся вдруг на ружье, – передает состояние автора и создает особое настроение у читателя, ощущение, что *война вошла в дом*.

Четыре военных года в жизни страны, отразившиеся в литературе, – это видимое («Россия сдвинулась с места», говоря словами И. Шмелева) и незаметное, будничное (угасающий интерес к жизни, оптимизм первых дней войны и безысходная тоска, день и ночь грызущая душу). В освоении *мирных реалий войны*, на наш взгляд, повесть Л. Андреева «Иго войны» (1916) с ее вниманием к жизни обыкновенного городского человека во время войны занимает значительное место в истории нашей литературы 1914–1918 гг.

Главный герой повести – банковский чиновник Илья Петрович Дементьев; по жанру повесть Л. Андреева – дневник «маленького человека о великих днях», как обозначено в подзаголовке. Дементьев по возрасту не мог быть призван в армию, и его основная задача – уберечь свое «маленькое счастье» от начавшейся войны. Дневник начат в августе 1914 г., последние записи сделаны в сентябре 1915 г. Таким образом, в нем нашли отражения военные события первого года войны: завоевание галицийских городов Львова и Галича в августе 1914, поражение русской армии в Восточной Пруссии, вступление в войну Турции и сражения под Варшавой, взятие Перемышля и последующее отступление. Отразились в дневнике Дементьева и российские события: газетные сообщения о нехватке оружия, созыв Государственной думы и неожиданный ее роспуск.

Считая себя «маленьким человеком», Дементьев все-таки имеет свое мнение о войне, не соглашаясь с теми, кто всецело поддерживает ее: «…мне ужасно не нравится, что война. Очень возможно (да это так и есть), что более высокие умы: ученые, политики, журналисты способны усмотреть какой-то смысл в этой безобразной драке, но с моим маленьким умом я решительно не

могу понять, что тут может быть хорошего и разумного» [Андреев, 1916, с. 149].

Война для Ильи Петровича – лишь массовое убийство, она «больше похожа на сплошное живодерство, чем на торжество какой-то справедливости». Для Дементьева каждый человек важен и уникален: «Людей режут и душат, а они уверяют, что это и надобно, что это и хорошо – потом, дескать, возьмем мы Берлин и справедливость восторжествует. Какая справедливость? Для кого? А если среди погибших бельгийцев был вот такой же Илья Петрович, как и я (а почему ему и не быть?), то очень ему пригодится эта справедливость!» [Андреев, 1916, с. 151].

По мнению Ильи Петровича, людей нельзя превращать в числа, которыми можно и нужно жертвовать ради какой-либо высокой идеи, во имя высшей правды: «Это для зерна и огурцов есть счет, а для человека нет числа, это дьяволов обман. Всякий, кто людей не по имени называет, а считает, тот есть дьяволов слуга и обманщик, сам себе лжет и других обманывает – как только начнут людей считать, тотчас же и теряют всякую жалость, всякий рассудок. Для примера тут же в газете про одно боевое столкновение буквально напечатано: “наши потери ничтожны, двое убитых и пятеро раненых”. Интересно знать: для кого это “ничтожны”? Для тех, кто убит?» [Андреев, 1916, с. 152].

Год войны, от которой так хотелось убежать, для мелкого банковского служащего Ильи Дементьева стал годом испытаний: смерть дочери, потеря службы, положение России на войне. Эти испытания изменили отношение героя Л. Андреева и к себе, и к другим. Многое пришлось изведать «маленькому человеку»: ненависть к людям и попытку самоубийства, неприятие войны и полное смирение с происходящим.

Удивительно, но в отечественном литературоведении повесть Л. Андреева «Иго войны» осталась практически без внимания. Отличающаяся гаршинским гуманизмом по отношению к «маленькому человеку» во время войны, она никогда не включалась в сборники андреевской прозы. Только в середине 1990-х гг. этому произведению уделил внимание Б. Хеллман, зарубежный исследователь русской литературы [Хеллман, 1995, с. 206–219].

Анализируя повесть Л. Андреева, он осветил историю ее создания, проблематику и отметил связь с рассказами В. Гаршина «Трус» и «Четыре дня». Совершенно справедливо, на наш взгляд, Б. Хеллман заметил, что назвать «Иго войны» патриотическим или антивоенным произведением – значит сказать полуправду; на уровне более высоком Л. Андреев уже не интересуется оппозицией «война – антивоенный протест». «Вместо нее находим оппозиции, знакомые по всему творчеству Андреева: ум – чувство, нейтралитет – участие, изоляция – общность» [Хеллман, 1995, с. 218].

Вместе с тем, это произведение рассмотрено Б. Хеллманом только как факт творческой биографии писателя. На наш взгляд, не оценена должным образом значимость для литературы андреевской темы *соприкосновения* «маленького» человека с таким историческим событием, как мировая война. Не последнюю роль в этой недооценке сыграла самокритичность Л. Андреева – дневниковая запись о слабости повести «Иго войны» в силу ее публицистичности, о причинах которой он писал: «Эта опасность – лишиться рассудка – существовала для меня во все время войны и временами ощущалась довольно страшно: и боролся я с нею публицистикой. И эти две слабые вещи: “Король” и “Иго войны” слабы именно потому (особенно последняя), что по существу представляют собою плохонькую публицистику. Надо было жить и не спятить!» [Андреев, 1994, с. 182].

Слова Л. Андреева о переживании им войны как мировой катастрофы объясняют содержание повести, заключающееся в новом понимании войны его героем: «И прошел мой гнев, и снова стало мне печально и грустно, и опять текут у меня тихие слезы. Кого прокляну, кого осужу, когда все мы таковы, несчастные! Вижу страдание всеобщее, вижу руки протянутые…» [Андреев, 1916, с. 228].

Когда на Финляндском вокзале Дементьев видит, какими возвращаются военные инвалиды из немецкого плена, он воспринимает их уже не как жертв войны, а как несчастных сыновей России:

«Как слепой и глухой дурак, углубленный в свое ничтожество, я не сразу понял, зачем собралась такая толпа на вокзале, думал, что какое-нибудь веселье, праздник. Видимо, сбили меня с толку

цветы, флаги и оркестр, как для встречи молодых; а когда узнал, то сразу похолодел и с ужасом стал поджидать поезда: решительно не мог представить, что ужасное предстанет моим глазам, какое оно.

А когда понесли их, безногих и безруких, и заковыляли слепые и одноножки, и заиграла музыка, и стали отдавать честь военные – оборвалось у меня сердце, и заплакал я со всею толпою. Закрыл глаза и слышу: ни одного голоса, а топочут ноги и деревяшки по платформе, да музыка играет… трудно понять, что происходит. А открою глаза, тоже не сразу разберешь, в чем дело: в самых ярчайших рубашках инвалиды, в синих и красных, как женихи, а глаз нет, а ног нет… или это и есть наши теперешние, матушки-России, женихи? Кто же я, смотрящий? <…>

Женихи вы мои, женихи, красные рубашечки! Тяжел на головах ваших брачный венец и докрасна раскалено обручальное кольцо, которым навеки сочетались вы с родимою землею. Простите меня, окаянного» [Андреев, 1916, с. 228].

Сочувствие и чувство братской любви распространяются на всех без исключения. И справедливо мнение «маленького человека» в повести Л. Андреева: «Человечество заблудилось на войне, и связи с истинно человеческим порвались. Дело уже не в Матери-России, а в Матери-Земле и ее сыновьях» [Андреев, 1916, с. 229]. Это событие на вокзале ускорило путь к покаянию героя Л. Андреева.

Преображение Дементьева, пробудившееся в нем стремление участвовать в общей жизни, оказать посильную помощь пострадавшим на войне приводят его к решению стать санитаром на фронте. В итоге происходит не очередное отрезвление войной, проповедуется не умозрительный пацифизм, а передана *сопричастность*, включение в нее «маленького» человека.

Литература 1914–1918 гг. заняла достойную позицию и в вопросе о выходе России из войны. В публицистике и в своем творчестве писатели выражали тревогу по поводу накапливающейся злобы, ожесточения «человека с ружьем», опасности «войны всех против всех». Об этом говорили Л. Андреев, М. Волошин, М. Горький, В. Короленко, В. Ропшин и др. Зазвучало и сомнение в бесконечной правоте пролетариата, от имени которого говорили

левые социал-демократы. Сепаратный мир воспринимался как измена павшим, измена странам-союзникам. Но все это большевики считали «робинзонадой» и «путаньем под ногами» (В.И. Ленин). В то время когда революционеры во имя любви к «прекрасному дальнему» стремились превратить войну в социалистическую революцию, прозвучали слова Л. Андреева об утопичности надежд решать вопросы жизнеустройства путем революций и войн: «Революция столь же малоудовлетворительный способ разрешать человеческие споры, как и война. Только низкое состояние Двуногого допускает и частью оправдывает эти способы. Раз нельзя победить враждебную мысль, не разбив заключающего ее черепа, раз невозможно смирить злое сердце, не проткнув его ножом, то и понятно: деритесь!» [Андреев, 1994, с. 37].

О том, *почему* необходимо успешно завершить войну, говорили Л. Андреев, Н. Гумилев, В. Короленко. Но *о последствиях* военного поражения сказал, наверное, один Л. Андреев в статье «Горе побежденным!» (1916): «Едкое чувство стыда, вызванное поражением, горечь попранного достоинства, неизбежная потребность большое поражение возместить хоть маленькой победой – преображаются в жестокость, *насилие над слабым*, в цинизм и презрение, и лишь маскируются иными гордыми словами. <…> Обесцененный в собственных глазах и сознании, побежденный битый обесценивает и все кругом: правду, человеческую жизнь, кровь и страдания, достоинство женщин, неприкосновенность детей. Испытавший слишком много боли, он щедро дает ее другим, чтобы в море слез утопить и свою мутную, ядовитую слезу; и если еще случались великодушные победители, то никогда не видел мир великодушного побежденного – горе побежденным!» [Андреев, 1994, с. 9]. Едва ли можно более емко предсказать суть послевоенного тоталитаризма.

Еще до начала общероссийской катастрофы Л. Андреев, как и другие писатели, предупреждал о губительности характерного для политиков деления на «своих» и «чужих». Октябрьский переворот перечеркнул многие «идеалистические устремления» творческой интеллигенции. Лишь время подтвердило правоту многих высказываний ее представителя – Л. Андреева.

Литература

Андреев Л. Пусть не молчат поэты // Биржевые ведомости. 1915. 18 окт.

Андреев Л. S.O.S.: Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). М.; СПб., 1994.

Андреев Л.Н. Дневник писателя // Север. 1989. № 10.

Сергеев О. Л.Н. Андреев о психологии войны // Север. 1989. № 10.

Андреев Л. Иго войны. Признания маленького человека о великих днях // Метель: Альманахи издательства «Шиповник». Пг., 1916. Кн. 25.

Хеллман Б. Маленький человек и великая война: Повесть Л.Н. Андреева «Иго войны» // «Свое» и «чужое» в литературе и культуре: Сб. науч. тр. каф. рус. лит. Тарт. ун-та. Тарту, 1995. С. 206–219.

Андреев Л.Н. Верните Россию! М., 1994.

Нинов А. За строками одной статьи // Вопросы литературы. 1970. № 7.

М.В. Михайлова, А.В. Назарова

Публицистика Е.Н. Чирикова периода Первой мировой войны

Русский писатель Евгений Николаевич Чириков (1864–1932) – автор двух книг, напрямую связанных с темой войны: Первой Балканской, проходившей на территории Болгарии и носившей антитурецкий характер (в ней, помимо Болгарии, участвовали Сербия, Черногория, Греция), и Первой мировой, – это «Поездка на Балканы» (1913) и «Эхо войны» (1915). Последнюю он посвятил памяти мужа своей дочери Новеллы, прапорщика Геннадия Петровича Рождественского, погибшего 15 февраля 1915 г., так что, можно сказать, эта война коснулась его лично. Обе книги были выпущены по материалам его корреспонденций, публиковавшихся, соответственно, в 1912 г. в газете «Киевская мысль» и в 1914–1915 гг. в «Русском слове». Именно от этих газет он был отправлен на фронт военным корреспондентом.

В первом случае мысль о поездке на Балканскую войну явилась внутренним порывом Чирикова. Как современник грандиозных событий, затрагивающих и изменяющих судьбу Европы, он хотел увидеть собственными глазами, вблизи, все, что происходит на передовых позициях. Отсюда его настойчивость в доведении до конца задуманного предприятия. Неслучайно так подробно, с упором на трагикомичность происходящего, он описывает бюрократические мытарства, сопровождавшие получение необходимых документов (от него потребовали справку со службы, с которой писатель расстался более 10 лет тому назад!). При этом Чириков очень ответственно подошел к своему назначению, предполагая даже, что придется расстаться с жизнью (16 октября 1912 г. им написано завещание, хранящееся ныне в Киевском музее Леси Украинки).

В Болгарии Чириков находился около двух месяцев. Выехал из Петербурга в 20-х числах октября, а вернулся приблизительно в середине декабря, о чем упоминает в письме И.М. Касаткину (РГАЛИ. Ф 246. Оп. 1. Д. 144. Л. 1), посланном ориентировочно в это время. Вблизи линии фронта он был до 27 ноября, после чего жил какое-то время в Софии, что следует из его письма С.А. Найденову от 30 ноября 1912 года (РГАЛИ. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 63. Л. 21).

Второй раз, в Польше, писатель пребывал вблизи позиций чуть более месяца. Но здесь он оказался уже несколько в другом качестве, в составе передвижного медицинского госпиталя, что дало ему новый опыт и новые наблюдения. Приблизительно в это же время на фронт сестрой милосердия пошла дочь Чирикова Валентина, причем – что показательно – отец отговаривал ее от этого решения, ссылаясь на сверхчеловеческое напряжение и невыносимые трудности, которые сам уже успел пережить. Кстати, возможно, подвиг его на решение отправиться и на эту войну разговор с Горьким. Чириков ужаснулся «пораженческому» настрою пролетарского писателя и его равнодушному отношению к народным массам, на плечи которых легла основная тяжесть войны («Людей на свете много. Народят новых. Чего жалеть дураков?» [Чириков, 1993, с. 375]). Выехал из Москвы Чириков 21 ноября, 2 декабря уже находился на территории Королевства Польского (точная датировка имеется в тексте очерков), а уже в середине января оказался дома (имеется письмо сотрудников «Русского слова», в котором говорится об условиях публикации).

В Болгарии и европейской Турции он, буквально идя по пятам болгарской армии и стремясь оказаться на линии фронта, побывал в городах Ямбол, Лозенград (турецкое название Киркилиссе), Адрианополь (болгарское название Одрин, турецкое – Эдирне), Мустафа-Паша. Эти наименования присутствуют в подписях к репортажам на страницах газеты. Польские города упоминаются в текстах самих корреспонденций. Поначалу Чириков должен был прибыть на фронт Ченстохов–Краков, но по мере приближения к фронту планы командования изменялись, и полевой госпиталь оказывался то в Ивангороде, то в городе Скаржиско, то в центре Радомской губернии – Конске, а затем, отправляясь в Новорадомск, развертывал свою работу в Опочне.

Восприятие и отражение событий Первой мировой войны в публицистике Е.Н. Чирикова были подготовлены его пребыванием на Балканском фронте, сформировавшем у писателя предельно негативное отношение к войне, психологии ее участников и военным действиям в целом. В одном из писем этого времени он поделился своими соображениями на сей счет: «Посмотрел поближе на войну, ее озверевших людей, на героев, побежденных и победителей. Любопытная война! Воюет весь народ, опоэтизировал ее, украсил цветами, опалил патриотизмом, и поэтому свершилось чудо: горстка опрокинула огромную империю. Но… война всегда зверство и будит в человеке зверя... А это – особенно жестокая: сошлись посчитаться вековечные враги и быстро пропала всякая показная гуманность... Насмотрелся. Испытал сильное ощущение: был в 2-ух верстах от боя. Ад! А издали все-таки – грандиозно и тянет: смерть как-то притягивает своей величественностью…» [Чириков, 1912, с. 1].

Различие двух войн определялось участием в ней России. В Балканской войне Россия была задействована лишь косвенно, поскольку так или иначе затрагивались ее экономические и политические интересы на Балканах. И можно сказать, что в своих военных корреспонденциях с Балкан, куда он отправился по заданию газеты «Киевская мысль», Чириков более свободен от внешнего давления, патриотического чувства. Он может позволить себе более смелые и нелицеприятные суждения, обратиться к философии войны, разобраться в психологии воюющих. Свидетельством тому является отсутствие художественного «претворения», которое имело место при обращении к теме Первой мировой войны, когда свои «военные рассказы» писатель начал создавать еще до поездки на фронт. Публикация в «Русском слове» «миниатюр» «Герой», «Чудо», «Их тайна», «Без крыльев» (жанровое определение довольно условно, так как перед нами пространные опусы) проходила с сентября до середины ноября 1914 г. И только опубликованный под Рождество *святочный рассказ* «Свидание с братом» и последний из напечатанных – рассказ «Сестра» – созданы на основе действительно увиденного и пережитого в зоне военных действий.

Итак, в «Киевской мысли» в 1912 г. с поражающей регулярностью (обычно через номер, иногда в каждом номере, редко – через пять-шесть номеров) появилось 20 текстов собственного военного корреспондента, которые потом и были воспроизведены в книге. В газете «Русское слово» опубликовано 5 обозначенных выше художественных текстов, но в книге они дополнены рассказами «Война», «Добровольцы», «Иван в раю», «Дядя Алеша», действие в которых по большей части связано с тыловыми буднями. Такая же разноголосица наблюдается при сопоставлении публицистических текстов. Три из опубликованных в газете («В передовом отряде», «Ночь в обозе», «Под орудийным огнем» – в книге он назван «Под огнем») перенесены в книгу и дополнены уже упоминавшимся «Свиданием с братом», получившим теперь название «Свидание», что придало ему более всеобъемлющий смысл. Таким образом, за бортом однотомника остались «Пара сапог!» и «В тылу и около позиций», напечатанные в начале января 1915 г. Причину такой избирательности вряд ли можно установить с предельной точностью. Тут могла сыграть свою роль и неудовлетворенность Чирикова тем, что вышло из-под его пера, и работа военной цензуры (в письме ему из газеты находим признание: «В Ваших статьях редакционной цензуры почти совершенно нет. А вот военная действительно Вас корежит изрядно, в чем можете убедиться, просмотрев цензурованные гранки» [Письмо, 1915, с. 1]), а возможно, что Чириков хотел «сбросить» с себя иго военного корреспондента и пожелал опять предстать перед читателем в облике беллетриста (беллетристическая часть книги под названием «Здесь» в полтора раза больше той, в которой помещены «отчеты» военного корреспондента, озаглавленные «Там»).

Несомненно одно: он исключил из книги те очерки, которые вступали в «конфликт» с его беллетристическими сочинениями, созданными по устоявшимся канонам, характерным для прозы писателя. Ведь не случайно в книге не перепечатан очерк «Пара сапог!», где есть тирада, противопоставляющая единичный случай героизма русского солдата, пусть и часто встречающегося, тому ежедневному терпению, которого требуют от человека будни войны: «Мученики! Один сплошной геройский подвиг… в выносливости и терпении… Что перед ним та вереница различных единичных подвигов, которыми наполняются страницы газет? Ведь в

миллионных массах войск на огромном протяжении боевого фронта – это все-таки только отдельные эпизоды, случаи, и не они делают музыку… О если бы вы только видели, как вечно идут куда-то и днем, и ночью изусталые ратники, идут под дождем, промокшие до костей под холодными пронизывающими ветрами, часто по колено в грязи; если бы вы видели, как им приходится отдыхать и жить, – вы только тогда поняли бы, что совершается великое состязание на выносливость и терпение <…>» [Чириков, 1915, № 4, с. 4]. А не появился он в книге именно потому, что помещенные в ней художественные произведения Чирикова как раз и рисуют *единичные* подвиги простых солдат, совершенно не подозревающих о том, какие героические поступки они совершают («Герой», «Иван в раю»). В рассказах представлено детское восприятие войны, способное высветить чудовищность происходящего («Добровольцы», «Дядя Алеша»), передан контраст между любовью, которая может осуществиться только в условиях мирной жизни, и трагедией войны («Их тайна», «Без крыльев», «Чудо»). И это приводит к тому, что, хотя пацифистская позиция Чирикова идеологически не совпадает с ура-патриотической линией в русской литературе тех лет, что явно прочитывается в его публицистике, в художественной практике оказывается не выявленной, сглаженной, ибо писатель воспевает терпение и выносливость, непоказной героизм русского человека, чаще всего носящего имя Иван…

В рассказах Чириков откровенно использует уже опробованные им ранее приемы и способы повествования, и даже сюжетные ходы. «Иван в раю» напоминает его ранний рассказ «Бродячий мальчик»: и там и здесь пребывание простого человека в больнице (Иван Егоров попадает туда после ранения) приравнивается к райскому житью, что служит косвенным доказательством чудовищных условий жизни простых людей. Особенно усиленно «эксплуатирует» Чириков сказовое начало (ему всегда удавалась сочная передача народного говора). Так, горничная Матреша никак не может взять в толк, как из ее мужа-разини получился герой, награжденный Георгиевским крестом, и потому все время заставляет его перед господами рассказывать о произошедшем с ним на фронте. Это дает возможность автору дополнить ее причитания

повествованием Ивана Коптяева о своем подвиге, а дополнительный эффект получается от того, что тот все время сбивается на рассказ о том, как ему немец при рукопашной едва палец не отгрыз, а не рассказывает о бое, где он потерял ногу. «Иван в раю» построен на передаче впечатлений то ли родственника Ивана, то ли его однополчанина (а может, и его самого) от злоключений на войне. Под конец автор напрямую передоверяет герою произведения повествование, приведя дословно текст его письмеца жене. «Детский говор» оттеняет жажду героического на примере бегства на войну Коли Перепелкина и Васи Никонова, которым все же не удается достичь поставленной цели. Но их родители не только не наказывают, а, напротив, начинают ими гордиться. Не менее комичными выглядят уговоры племянников, обращенные к дяде Алеше, хромать «посильнее», чтобы все видели, как он пострадал на войне.

Для усиления эмоционального воздействия на читателя Чириков чередует комическое и драматическое: приезд на побывку домой выздоравливающего дяди Алеши и гибель в первом же бою его случайного знакомого, нежданное возвращение в мирную обитель дворянской усадьбы считавшегося убитым Павла и смерть не выдержавшей радости его приезда бабушки, о которой, впрочем, «никто не плакал» [Чириков, 1916, с. 111]. А отъезд на войну молодого человека и, следовательно, подстерегающая его опасность позволяют наконец ему и влюбленной в него девушке объясниться (в рассказе много автобиографических моментов, касающихся дружбы семейства Чириковых и Рождественских, зарождающейся любви Новеллы Чириковой и Геннадия Рождественского). И уж совсем в своей комической стихии оказывается писатель, когда рисует реакцию обывателя на известие о начавшейся войне. Жители забытого Богом городка, никогда ранее не интересовавшиеся ни политикой, ни внешней обстановкой, но в один миг почувствовавшие себя патриотами, защитниками Отечества, ополчаются на обрусевшего немца-аптекаря, давнего своего знакомого, Карла Иваныча Розенфельда: они не желают иметь с ним ничего общего и, подозревая в нем пособника врага и шпиона, делают все, чтобы того арестовали. И этот присутствующий везде комический элемент все же спасает беллетристику

Чирикова от банальности и выделяет ее среди многочисленных опусов военной тематики этих лет.

Совсем иным предстает Чириков в своих военных корреспонденциях. Здесь уже нет места ни сентиментальности, ни прекраснодушному лиризму, ни мягкому юмору. А если появляются комические элементы, то это не расхожие приемы комикования, а реальные ситуации, имевшие место в действительности, которые можно охарактеризовать присловьем: «хоть смейся, хоть плачь»…

Рецензент «Русского богатства» (см. Русское богатство. 1913. № 9. С. 363–365), негативно отозвавшийся о книге «Поездка на Балканы», в первую очередь был возмущен тем, что Чириков уделил столько внимания своей отправке на фронт, просто «погряз» в описании «тины мелочей» в ущерб обрисовке военных событий. Но в этом и особенность, и сильная сторона творческой индивидуальности Чирикова, что он именно через быт, обыденность, будни умеет прозревать серьезное, истинное и принципиально важное. Приземленное, бытовое – это тот ракурс, который избирает художник, чтобы подчеркнуть важность проживания каждого дня. Сделать его хоть сколько-нибудь сносным, помогающим человеку достойно переживать неурядицы – вот первостепенная задача, особенно существенная для русского сознания, всегда устремленного «прочь от земли», к высокому и духовному. «Хорошая и теплая обувь на солдатских ногах ныне так же важна, как пушки, пулеметы, аэропланы» [Чириков, 1915, № 4, с. 4]. Писатель словно бы присоединяется к воплю, раздающемуся из военных колонн: «Сапоги, сапоги, сапоги! Бросьте все эти “елки в окопах”, – шлите сапоги, одни сапоги <…> Без сапог нельзя воевать… Спешите!» [Чириков, 1915, № 4, с. 4]. Здесь следует заметить, что Чириков не использовал «мотивной» возможности, которую неожиданно открывала «сапожная тема». Помести он этот очерк в книгу – и тогда совсем по-новому «заиграл» бы рассказ «Герой», где герой спас себе жизнь тем, что при отступлении сбросил натиравшие ноги сапоги. И завершающая рассказ реплика: «Кабы в сапогах – невозможно. Хорошо, Господь разуться надоумил» [Чириков, 1916, с. 98] – прозвучала бы по-иному и очень к месту. И еще более убедительно прозвучало бы противопоставление

«здесь» и «там», если бы автор поместил в книгу очерк «В тылу и около позиций», где дано четкое противопоставление реальности и фантазий, «разукрашивающих» страницы газет. В этом очерке Чириков словно бы бросает вызов военной публицистике, традиционно падкой на яркое, кричащее, шумное и выигрышное. «Тыл изобилует героями, – пишет он, – и здесь именно творится героическая легенда и создаются разные удивительные истории, случаи и фантастические эпизоды, которые ловит корреспондентское ухо и затем под в нос бьющим заголовком преподносит читателям. Может быть, от этого читателям, находящимся далеко от войны, последняя рисуется как яркая, красочная картина красивых подвигов, красивой смерти, красивых проявлений человеческого духа. Я не буду разочаровывать читателя. Да, конечно, много таких случаев и эпизодов, но все-таки это – случаи, эпизоды, не больше, и не они представляют сущность войны, лицо ее». В этом предложении сформулирована задача, которую поставил перед собой Чириков в своих военных корреспонденциях, задача, восходящая к заветам Л. Толстого: нарисовать именно подлинное «лицо войны», не разрисованное и приукрашенное, а такое, как у офицера «с позиций или пробирающегося к позиции!». Он «скромен, тих, углублен и молчалив. Словно чужой здесь. Сидит одиноко в углу, и одежда не блестит чистотой и покроем. И неопытному человеку и в голову и не придет, что, быть может, он-то и есть теперь в зале единственный и настоящий герой» [Чириков, 1915, № 3, с. 4].

Иными словами, задачей писателя, хотя и не сформулированной, становится разоблачение мифов о войне, бытующих в общественном сознании и активно насаждаемых печатными изданиями. При этом Чириков настолько резок, что неоднократно использует для обозначения хвастливых лжецов выражение «сивый мерин», даже создает их «типологию». «В тыльных центрах, – пишет он в очерке “В тылу и около позиций”, – два неравных по количеству типа сивых меринов: огромное большинство сивых меринов – оптимисты, меньшинство – пессимисты». Но тот и другой рассказывают так, что «и сам весь, с головы до пяток, окутывается ореолом героизма, храбрости, удальства и прочих добродетелей» [Чириков, 1915, № 3, с. 4].

Резкое неприятие подобного подхода к войне Чириков утвердил еще в корреспонденциях с балканской арены военных действий, поэтому он и рисует тесноту в вагонах, отсутствие буфетов, неудобство повозок, грязь на дорогах, что, собственно, и переживает каждый призванный на войну на своей шкуре и что составляет ее подлинное содержание: «Моросит дождь, сырой и холодный ветер пронизывает до костей, море липкой грязи, от которой разъезжаются ноги у людей и лошадей, увязшие возы, выволакиваемые из колдобин пушки, огромные переходы, остановки в маленьких деревнях, где в пяти-десяти избах должны обогреваться тысячи солдат и десятки офицеров, по неделям жизнь в окопах, от бесконечных дождей похожих на водоотводные или осушительные канавы, и еще многое такое, о чем я не буду распространяться». И продолжением этой «тягомотины» становятся бои, которые Чириков описывает со слов солдат, добавляя свои в «толстовском духе» сделанные наблюдения: «Тяжкая работа и днем, и ночью, изнуряющая и нервы, и мускулы, упорная прозаическая работа, от которой люди часто падают, как ломовые лошади от непомерной тяжести… <…> Работа, а раненые и убитые – это побочный продукт производства. Поговорите с любым только что привезенным раненым солдатом: ничего не знает, что и как было, чем кончилось и как началось; он – только маленький винтик огромной машины; сидел в окопе и дергал собачку ружья, направленного в сторону невидимого неприятеля на известном прицеле, указанном ротным командиром… И вдруг его “вдарило”! Отполз, отлежался, подобрали санитары, – вот и все» [Чириков, 1915, № 3, с. 4].

На этом деловом «аспекте» Чириков заостряет внимание, подбирая самые разнообразные сравнения для передачи звуковой палитры войны. Непривычные шумы, наверное, то главное, что в первую очередь поразило его при приближении к линии фронта: «<…> как бурливая река, гудело шоссе под непрерывным живым потоком людей и животных; ночную темноту прорезало конское ржание, сердитые окрики всадников и обозных» [Чириков, 1916, с. 137]. Он даже изощрен в нахождении эпитетов и глаголов: равномерно и деловито «потрескивают» ружья, пушки «грохают»,

донимает «пулеметная трескотня», но «страшны» артиллерийские залпы, «дрожат» стекла от канонады. А в целом может показаться, что «какая-то фабрика работает», или еще проще: ружейная стрельба напоминает «рубку капусты в деревне». А пулеметы работают словно «швейные машины» [Чириков, 1916, с. 148] в отличие от ружей, чей «сухой стук», напротив, напоминает усердную работу на «пишущих машинах» [Чириков, 1916, с. 157]. И только ночь рождает передышку: тогда обычно перестают «рубить капусту и строчить на швейных машинках» [Чириков, 1916, с. 149]. Для усиления впечатления Чириков как бы мимоходом замечает: «Ведь какая подлая машина: не требует особенной храбрости, величия духа и гордости, ничего не требует, кроме умения шить на этой машине» [Чириков, 1916, с. 150]. Прозаизмы писателя, таким образом, ярко оттеняют «производство смерти и трупов», к чему сводится, по его убеждению, современная война

В корреспонденциях о Первой мировой войне приписанный к «Летучке» (передвижной санитарный отряд) писатель находится в непосредственной близости от войны, видит ее оборотную сторону (мучения раненых, смерти убитых, тяжесть фронтового быта). В откликах с Балкан рассказчик «гонится» за войной, боясь «опоздать» и пропустить самое важное (не может получить разрешение от болгарских властей на дальнейшее передвижение, возникают трудности с нахождением мест дислокации, не хватает лошадей, обозы идут медленно и т. п.), а она как будто «ускользает» от него (сражения происходят не там, где должны быть, и он только слышит грохот орудий, свист пуль, канонаду и пр.). Но в итоге война настигает повествователя, но в еще более страшной форме. Двигаясь по следам военных действий, писатель видит ее результаты: разоренные и брошенные дома, одичавших животных, сломанные детские игрушки, изрытые окопами поля, забытые виноградники, горе семей, откуда ушли воевать или были угнаны турками мужчины, раны солдат в госпиталях. Но там и там смерть поставлена «на поток», происходит обезличивание человека. И эта подмеченная писателем «машинность» отражается в композиционном решении и очерков, и книг в целом. Движение рассказчика по кругу передается с помощью текстовых повторов. Тем самым создается ощуще-

ние безумия происходящего, в которое ввергнут человек. У него не остается выбора, он не может спастись…

Подводя итог, можно указать на главную особенность военной публицистики Чирикова, которая заключается в том, что она явила читателю военные очерки «без войны». И то, что могло бы показаться недостатком, благодаря найденному углу зрения и художественной проработке темы стало победой Чирикова-публициста и писателя.

Литература

Письмо редакции газеты «Русское слово» Е.Н. Чирикову 15 января 1915 из Москвы (Киевский музей Леси Украинки. Д. 1735).

Чириков Е.Н. Письмо И.М. Касаткину от 15 января 1912 года (?) // (РГАЛИ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 144).

Чириков Е.Н. Поездка на Балканы. СПб., 1913.

Чириков Е.Н. Пара сапог! (Около войны) // Русское слово. 1915. № 4. 6 (19) янв.

Чириков Е.Н. Эхо войны. 2-е изд. М., 1916.

Чириков Е.Н. В тылу и около позиций. (Около войны) // Русское слово. 1915. № 3. 4 (17) янв.

Чириков Е.Н. На путях жизни и творчества: отрывки воспоминаний // Лица. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1993. № 3.

И.С. Приходько

Александр Блок и Первая мировая война (1914–1915)*

В жизни Блока в связи с Первой мировой войной можно выделить три периода:

1) лето 1914–1915 (захваченность событиями, участие в них, проводы жены на фронт, ее письма, стихи о войне, книга «Стихи о России». Пг., 1915);

2) 1916 (осознание «невеликости» этой войны, призыв Блока на военную службу в прифронтовой полосе белорусского Полесья, собственно служба с начала августа 1916 по 20 марта 1917);

3) 1917–1918 (замена военной службы службой в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию деятельности членов царского правительства, война и революция).

Для изучения каждого периода есть свои источники, но общие для всех – это записные книжки Блока, его письма и письма к нему, многие из которых остаются неопубликованными и не введенными в научную биографию Блока.

В данной статье в поле рассмотрения будет первый период. В качестве источников, кроме личных документов, здесь будут привлечены газетно-журнальные материалы, которые помогут объективировать картину жизни, деятельности и творчества Блока первых месяцев войны.

Однако начать необходимо с записных книжек, в которых получает отражение как внешняя, так и внутренняя жизнь поэ-

* Выражаю благодарность Н.Ю. Грякаловой и О.А. Лекманову за обсуждение этой работы, представленной в виде доклада на круглом столе «Политика и поэтика» 2 ноября 2012 г. Высказанные ими соображения позволили мне скорректировать акценты.

та. Известна обостренная чуткость Блока к общественным и политическим событиям своего времени. «Мы знаем, – скажет он в “Катилине”, – что происходят события в жизни человечества: бывают мировые войны, бывают революции; рождается Христос. Для обывателя, – заметит он далее, – событий не происходит»[1]. Блок воспринимает начало Первой мировой войны как сотрясение основ, трагический катаклизм, который в корне изменил жизнь мира, страны, каждого отдельного человека, и прежде всего – самого поэта. Его записные книжки первых месяцев войны, начиная с 15 июля 1914 года, когда он запишет: «Пахнет войной (Австрия – Сербия – Россия)»[2] (с. 234), дают подневную сводку военных событий, записи кратки и практически ежедневны: *18 июля*, «Белград бомбардируется австрийцами» (с. 234); *20 июля*, «Манифест» (об объявлении войны Германии – *коммент. с. 564*); «на Невском – немецкие вывески, манифестации, немецкие “шпионы”, австрийские флаги» (с. 234); *23 июля*, «Англия объявила войну Германии» (с. 235); *24 июля*, «Австрия объявила нам войну» (с. 235); *25 июля*, «Телефон с Терещенкой. Он – уполномоченный Красного Креста в Южной армии» (с. 235); *26 июля*, «Заседание Государственной думы и Государственного совета. Манифест о войне с Австрией» (с. 235); *27 июля*, «У нас уже есть раненые» (с. 235); и далее: *19 августа*, «Петербург переименован в *Петроград.* – Мы потеряли много войск. Очень много» (с. 237); *22 августа*, «Взятие Львова и Галича. – Убийственно. – Люба назначена в госпиталь Терещенки в Киев» (с. 237); *23 августа*, «Победа между Люблиным и Холмом» (с. 237); *31 августа*, «Австрийцы разбиты?» (с. 238); *4 сентября*, «Австрийцы разбиты» (с. 238).

Глубоко личным становится переживание войны с момента поступления Любы на курсы сестер милосердия в Кауфмановскую общину, 7 августа (с. 236), а затем и проводов ее на фронт 3 сентября: «Люба уезжает: 11.37 вечера с товарной станции Варшавского вокзала. – Поехала моя милая» (с. 238). 30 августа, за три дня до ее отправки, навещая мать в Петергофе, он видит, как уходит на войну эшелон – «с песнями и ура» (с. 238), и в последующие два дня пишет стихотворение «Петроградское небо мутилось дождем…», которое будет опубликовано в газете «Русское слово» 21 сентября

1914 г. и войдет в сборник А.Н. Чеботаревской «Война в русской поэзии» (Пг., 1915), а также в его «Стихи о России».

19 октября 1914 г. Блок будет со всеми своими провожать «в поход» отчима, Франца Феликсовича Кублицкого-Пиоттух. И также запишет точное время отправления поезда: «В 12 часов 3 минуты ночи Франц уезжает с эшелоном». Франц Феликсович, как и Люба, едет на южный фронт и навещает ее там (6 ноября, с. 246). 8 декабря он возвращается: «Приехал бодрый, шинель в крови» (с. 249). Но 3 января 1915 г. он вновь «едет в Галицию. Проводили». И вновь заезжает к Любови Дмитриевне, чтобы передать «письмо и посылку» от Блока (3 и 9 января, с. 253).

С самого начала войны, уже в июле 1914 г., Блок входит в Комитет помощи семьям запасных, проводит по заданию Комитета их обследование (см. его записи: *31 июля,* «Семь обследований, справки в “Вечернем времени”»; *1 августа*, «В попечительстве днем. Семь обследований. Заседание в попечительстве»; *2 августа*, «Пять обследований. Днем в попечительстве»; *3 августа*, «Шесть обследований (три, а трех не застал)»; *4 августа*, «Четыре обследования (из них двух второй раз не застал дома)»; *6 августа*, «Два обследования» (с. 235–236), и т. д. Представительница попечительства, знакомая матери Блока Е.Р. Денн, обращается к Блоку за поддержкой их инициативы по сбору средств: «M-me Денн звонила, просила способствовать устроению Дня Креста» (18 сентября, *ЗК*, с. 240); и далее, запись от 25 сентября: «День «Креста» (в пользу раненых)» (с. 241). Блок также является членом комитета, организованного газетой «Биржевые ведомости», по сбору пожертвований «на рождественский подарок нашим воинам» – «Елка в окопах» (см. список в «Биржевых ведомостях» от 12 ноября 1914 г. и утренний выпуск от 16 ноября 1914 г.), см. также запись Блока от 17 ноября (с. 247).

В бурной деятельности художников и поэтов, развернувшейся в связи с войной в Петрограде, Блок принимает самое активное участие. Он присутствует на организационных заседаниях, см., например, запись от 18 ноября: «Заседание общества писателей вечером (“Жертвы войны”)» (с. 247). Газеты первых месяцев войны пестрят сообщениями о вечерах поэтов, устраиваемых в пользу

жертв войны. Записные книжки Блока подтверждают его включенность в эти вечера: *28 марта 1915 г.*: «Мы с ней (Л.А. Дельмас. – *И.П.*) участвуем на вечере, устраиваемом Ан. Чеботаревской (Зал Армии и Флота)» (с. 259). Газета «Речь» от 31 марта помещает краткий отчет об этом вечере, упоминая и участие Блока. Запись в *ЗК* от 18 апреля: «Вечер петроградских поэтов в Тенишевском зале (Лазареты Вольно-экономического общества). Я читал, отвезенный в автомобиле. Успех» (с. 261). «Петроградский курьер» от 18 апреля 1915 г. дает объявление об этом вечере – в пользу II городского лазарета. В газете «День» от 26 апреля публикуется благодарность попечителя госпиталя Л. Лутугина всем участникам и устроителям этого вечера. Блок выступает и в других вечерах «Поэты – воинам», «Жертвам войны – писатели и артисты» и т. д., анонсируемых газетами, не всегда отмечая их в своих записных книжках.

Точно так же Блок включается в издания альманахов поэзии с доходом в помощь жертвам войны («Клич», «Невский альманах» и др.). В *ЗК* он фиксирует звонки редакторов газет и журналов, а также коллег по перу (Ремизова, Сологуба, Чеботаревской и др.) с просьбой о стихах и, собственно, сами публикации: *9 сентября*, «Звонил Миролюбов, стихов просил» (с. 239); *13 сентября*, «Заказное Миролюбову (стихи)» (с. 239); *18 сентября*: «Звонил Гржебин, просил стихов для своего военного журнала» (с. 240); *22 сентября*, «Мои стихи в “Русском слове”» (с. 240–241); *29 сентября*: «Щеголев просил к четвергу или пятнице что-нибудь для “Дня” (о Бельгии) и для “Жизни” – стихи или прозу» (с. 241); *6 октября*, «Последний срок для представления в “День” отчета о своих чувствах, по возможности, к Бельгии, в стихах или прозе. Я же чувствую только Россию одну. – Вчера послал “Антверпен”»; *26 октября*: «Мои стихи в “Биржевых ведомостях” и в “Голосе жизни”» (с. 245); *2 ноября*: «Стихи в “Русской мысли” (с. 245); *2 ноября*: «Стихи в “Русской мысли”» (с. 245); *1 декабря*: «В два часа к П.Б. Струве (захватить стихи)» (с. 249); *3 декабря*: «Сытину стихи» (с. 249); *23 декабря*: «Телефон от Сологуба (просит стихов для сборника). – Телефон с А.М. Ремизовым (предлагает издать книжку в “Отечестве” в пользу раненых)» (с. 251). Речь идет о книге

«Стихи о России», которая действительно будет выпущена редакцией еженедельного журнала «Отечество» в мае 1915 г.

В целом в эти первые военные месяцы осени 1914 – весны 1915 г. стихи Блока регулярно появляются на страницах многих ведущих газет и журналов, таких как «Биржевые ведомости», «Русское слово», «День», «Жизнь», «Речь», «Голос жизни», «Аполлон», «Отечество», «Русская мысль», «Ежемесячный журнал» и др. В большинстве случаев это были стихи, написанные ранее и тематически не связанные с войной. Однако редакторы и издатели помещали их в своих изданиях, доверяя авторитету Блока и слыша их внутреннюю, «ритмическую» связь с напряжением момента. Так, например, цыганское стихотворение «Натянулись гитарные струны…» напечатано в журнале «Отечество» на одной полосе со снимком итальянских офицеров в уходящем на войну поезде, подписанным: «К выступлению Италии. Посадка войск, отправляемых на австрийскую границу» (№ 14). Стихи Блока в периодике военного времени резко отличались от здесь же опубликованных стихотворений других поэтов – Ф. Сологуба, Н. Гумилева, В. Брюсова, Игоря Северянина, Р. Ивнева, даже Вяч. Иванова, писавших на заданную тему.

Война способствовала новой волне внутреннего сближения Блока с Любовью Дмитриевной после длительного душевного отчуждения. Ее отважный героизм, ее прорвавшаяся снова нежность и доверие, тяга к нему издалека вызвали его ответную нежность и заботу, вернулась их прежняя детская игра в «зайца» и «хозяина», детские формы обращения (у него в *ЗК* – *Буся, Бо, маленькая, милая*; у нее в письмах – *Лалочка, Лалалка, Лало*). Он с радостью исполняет ее просьбы и капризы, желая побаловать, посылая ей на фронт «сласти» и «игрушки».

Однако письма Любови Дмитриевны к Блоку с войны[3] – не только свидетельство нового этапа их душевной близости, но и важный исторический документ, в котором воспроизведены будни войны. Неслучайно Блок, по просьбе А.Н. Чеботаревской, сделал выборку из ее писем для публикации в еженедельнике «Отечество» (1914. № 4. С. 78–79). В этих письмах можно также увидеть образ самой Любови Дмитриевны, стойко переносящей тяготы и

неудобства войны, готовой на любую самую черную работу. Она убирает загаженные помещения, приспосабливая их под палаты для раненых, моет и перевязывает самих раненых (у нее в палате их 40 человек), помогает их перевозить и переносить. Чувство долга и заботы позволяет ей превозмочь смертельную усталость и собственное недомогание («Письмо от милой. Ножки болят, и много всякого», – запись от 21 октября, *ЗК*, с. 244).

Параллельно с этими вызванными войной событиями и переживаниями Блок ведет напряженную творческую работу. Он продолжает начатую ранее поэму «Соловьиный сад» («Поэмка» – в записи от 10 августа, с. 236); работает над подготовкой к изданию стихотворений Аполлона Григорьева и над статьей о нем; вычитывает корректуру тома переводов писем Флобера к Каролине де Комманвиль, выполненных матерью под его редакцией; получает корректуру цикла стихов «Кармен» из редакции журнала «Любовь к трем апельсинам» (1914. № 4/5); начинает подготовку своего трехтомника стихотворений для нового издания «Мусагета»; готовит к изданию свой перевод «Действа о Теофиле» Рютбефа; обращается к работе над поэмой «Возмездие»; создает ряд лирических стихотворений; готовит и сдает в печать «Стихи о России». Блока не отпускает сценическая судьба и перспектива драмы «Роза и Крест»: он вступает в переговоры с режиссером Камерного театра А.Я. Таировым, который очень заинтересован в согласии автора передать пьесу для постановки в его театр; пишет пояснения к драме для постановки в Художественном театре, а также пояснения по просьбе композитора Ю.П. Базилевского, работавшего над музыкой к «Розе и Кресту»; встречается с художником Н.Н. Купреяновым, создавшим стилизованный под старинный манускрипт рукописный вариант драмы Блока в знак восхищения ею.

В Петрограде, однако, не было военных действий и жизнь шла своим чередом. Блок регулярно работает в библиотеке Академии наук (над подготовкой к изданию стихов Ап. Григорьева, см. записи от 9, 11, 12, 13, 15–20, 22, 24, 27 сентября и дальше, на протяжении октября–ноября 1914 г.) и в Публичной библиотеке (см. записи от 24–27, 29 ноября); заходит к букинистам; общается со многими людьми, близкими и не очень, встречается или принимает у себя (А.М. Ремизов, А.В. Гиппиус, Вл. Пяст, Вл. Н. Ивойлов (В. Княжнин), Е.П. Иванов, В.Э. Мейерхольд, Е.Ю. Кузьмина-Караваева и др.); навещает мать в Петергофе, пока она находится там с 21 августа по 17 октября, а затем и в городе; посещает cinema: «“Revue” по-“парижски” на военные темы» (12 сентября, с. 239, а также 9 и 11 февраля, 6 марта, с. 255–257); оперу: «Первая “Кармен” (не Дельмас)» (6 октября, с. 242); «Снегурочка» «с мамой»: «Л.А. Дельмас поет Леля, дала нам билеты» (31 октября, с. 245); «Вечером – “Пиковая дама”» (21 ноября, с. 248); «Любовь Александровна утром поет “Кармен”. Я слушаю» (4 января, с. 253); «“Царь Салтан” (1-е представление), – мы с Любовью Александровной в Мариинском театре» (2 марта 1915 г., с. 257); «“Китеж” (Мариинский театр) – пузатое кощунство» (12 марта, с. 258); «Утром она поет в “Садко”» (28 марта, с. 259), и др.; спектакли и концерты: «Вечером Любовь Александровна… Поет Даргомыжского: “Я здесь, Инезилья…” и “Оделась туманом Гренада…” (20 декабря, с. 251); «Пушкинский вечер (она поет)» (29 января 1915 г., с. 255); «Спектакль студии Мейерхольда – с ней» (12 февраля, с. 256); «Первое представление “Зеленого кольца”. Мы с ней в ложе» – 18 февраля, с. 256); «Вечером мы с Любовью Александровной на поэзоконцерте И. Северянина» (27 апреля, с. 261) и др.; «Ночью – цирк и милая девушка» (11 ноября, с. 247); «в цирке на борьбе» (22 апреля, с. 261), и т. д.

Посещение кинематографа, театра или концерта чаще всего связано с Л.А. Дельмас. С нею он совершает прогулки: «Вечером я встретился с Л.А. Дельмас. Мы поехали в Новый Петергоф. <…> сидели на вокзале и вернулись с последним поездом» (14 сентября, с. 240); «Любовь Александровна, Новая деревня, вино» (1 и 12 декабря, с. 249, 250); «Вечером катались и сидели на Приморском вокзале с Л.А. Дельмас» (16 ноября, с. 247); «Позже гуляем с Любовью Александровной по Дворцовой набережной» (4 декабря, с. 249); «Вечером мы на островах» (1 февраля, с. 255); «Вечером мы на Стрелке» (7 февраля, с. 255); «Мы с ней гуляем у Исаакиевского собора и до Троицкого моста – около заутрени» (21 марта, с. 258); «Ночью встреча с ней на мосту и гулянье по нашей улице» (30 марта, с. 259), и т. д.

Контрапункт записей, посвященных Любови Александровне и «милой» на протяжении осени–весны 1914–1915 гг., передает тяжелое, раздвоенное душевное состояние Блока. Пик страсти к Л.А. остался позади и вылился в стихи цикла «Кармен», созданные на едином дыхании. Теперь, с началом войны и решением Любы идти на фронт сестрой милосердия, Блок многое в своей жизни увидел по-новому, вернее – по-старому: «Но в сердце – первая любовь / Жива – к единственной на свете». Он принимает решение прекратить встречи с Дельмас: «Ночью я пишу прощальное письмо» (16 августа, с. 237). Но страсть не перегорела, и уже утром – «я переписываю письмо. *Посылаю его и розы* (выделено Блоком. – *И.П.*)», и далее – начало двухголосия, воспоминания о двух Любовях перемежаются: «Одиннадцать лет нашей свадьбы с Любой. – Шуваловский парк. Наши улицы. Небо огромное. Ночью – ее мелькнувший образ. Ночью она громко поет в своем окне» (17 августа, с. 237). Сон 17 августа – «о том, как она умерла, – всю ночь». Сон 20 августа – «о том, что я женился на ней» (с. 237). 21 августа Блок думает о том, «чтобы наложить на себя руки» (с. 237). Положение осложняется тем, что она не согласна его отпустить: «ее цветы, ее письмо, ее слезы, и жизнь опять цветуще запутана моя, и я не знаю, как мне быть» (22 августа, с. 237). Ямбическое оформление этой записи говорит о том, как органично слиты в поэте страсть и стих. Позднее Блок запишет: «Страсти могут менять человека – даже мозг, качество темперамента, все» (22 марта 1915 г., с. 258). А в конце первого военного года, в записи от 31 декабря, контрапункт голосов, обращенных к двум женщинам, разрешится аккордом трех имен: «Бог знает, как тяжело встретили мы Новый год. Я вернулся домой. Звонок, едва вошел. Я успел окрестить Любину комнатку, потом говорил с Любовью Александровной по телефону. Моя она и я с ней. Но, боже мой, как тяжело. Три имени. Мама бедная, Люба вдали, Любовь Александровна моя. Люба» (с. 252).

Позднее в своем очерке «Катилина» Блок, говоря о революционной волне в Древнем Риме, остановит свое внимание на поэте Катулле как на выразителе этой бурной эпохи и сделает заключение о том, что ни один историк не может передать напряженной

атмосферы грозных событий так, как это сделает поэт, даже если содержанием его стихов будет «личная страсть»:

> «…личная страсть Катулла, как страсть всякого поэта, была насыщена духом эпохи; ее судьба, ее ритмы, ее размеры, так же, как и размеры стихов поэта, были внушены ему его временем; ибо в поэтическом ощущении мира нет разрыва между личным и общим; чем более чуток поэт, тем неразрывнее ощущает он “свое” и “не свое”; поэтому в эпохи бурь и тревог нежнейшие и интимнейшие стремления души поэта также преисполняются бурей и тревогой» (т. 6, с. 83).

Именно у поэта, скажет дальше Блок, можно найти «ключ к эпохе», позволяющий «почувствовать ее трепет, уяснить себе ее смысл» (там же, с. 86).

Раздвоенность Блока, его внутренняя открытость происходящим событиям, большим и маленьким, личным и мировым, а также творческое напряжение вызывают у него смятение, душевную усталость, надрыв: «Вечером – усталость, пьянство и безобразие» (3 декабря 1914 г., с. 249); «Ночью – тревога, мысли <…>. Спать трудно» (7 декабря, с. 249); «Вечером пианство и безобразие» (8 декабря, с. 249); «Статья (об Ап. Григорьеве. – *И.П.*) меня гвоздит, сидит в горле» (9 декабря, с. 250); «Что это так тревожно к ночи? Совесть, что ли?» (10 декабря, с. 250); «Пианство и безобразие» (11 декабря, с. 250); «Вечером, едва я надел телефонную трубку, меня истерзали: Л.А. Дельмас, Е.Ю. Кузьмина-Караваева и А.А. Ахматова» (13 декабря, с. 250), и т. п.

И все-таки творческим апогеем этого первого военного периода жизни Блока была подготовка и выход в свет «Стихов о России» (Пг.: Отечество, 1915). Обращает на себя внимание формула заголовка «Стихи о…», которая встречается у Блока еще только раз – «Стихи о Прекрасной Даме» (1904). Эта параллель в контексте содержания обоих сборников несет особый смысл.

В книгу «Стихи о России» вошло многое из написанного ранее, с 1902 по 1914 г. Блок включил в нее также стихотворения, созданные осенью 1914 г., т. е. собственно военного времени. Это пять стихотворений: «Ветер стих, и слава заревая…» с посвящением «Моей матери» (август 1914), «Грешить бесстыдно, непробудно…» (30 декабря 1913 – 26 августа 1914), «Петроградское

Обложка книги А. Блока «Стихи о России», выполненная художником Г.И. Нарбутом

небо мутилось дождем…» (1–7 сентября 1914), «Я не предал белое знамя…» (декабрь 1902 – 3 декабря 1914), «Рожденные в года глухие…» (4 декабря 1913 – 8 сентября 1914). Все эти «военные» стихотворения до того, как появиться в книге «Стихи о России» в мае 1915 г., публиковались, как только были созданы, в газетах и журналах («Ветер стих…» – «Ежемесячный журнал». 1914. № 10. С. 3; «Грешить бесстыдно…» и «Петроградское небо…» – «Русское слово». 1914. 21 сентября; «Я не предал…» – «Биржевые ведомости» 1914. 25 декабря, утр. вып.; «Рожденные в года глухие…» – Аполлон 1914. № 10. С. 7).

Из этих пяти только два стихотворения связаны непосредственно с военной темой – «Петроградское небо…» и «Я не предал белое знамя…». Но и в них трактовка войны неожиданная. В осень 1914 г., когда эти стихи были созданы, царили даже в интеллигентской и писательской среде ура-патриотические настроения, критика писала о «беллетристической мобилизации». Даже такие крупные и самобытные поэты, как Ф. Сологуб, Н. Гумилев, В. Брюсов, Вяч. Иванов, каждый на свой лад прославляли мужество русских воинов, призывали Божью помощь на правое дело, выражали веру в победу, поскольку «с нами» – истина, рисовали грозный лик Архангела Михаила, и т. п. В стихах же Блока приглушенно звучало пророчество о трагической судьбе тех, кто «Наполнялъ за вагономъ вагонъ», и самой России: «В закатной дали Были дымныя тучи въ крови». Смешанное чувство страха, обреченности, волевого веселья и слепой отваги уходящих на фронт Блок сумел уловить и выразить в стихотворении «Петроградское небо мутилось дождемъ…». Сквозь мотив отмены жалости («…намъ не было жаль»), предвосхищая поэму «Двенадцать» («Ничего не жаль»), звучит пронзительная и щемящая жалость, которую заглушают грозные и безжалостные реалии войны, вплоть до топонимической буквальности: «…отравленный пар / С Галицийских кровавых полей».

В мою задачу в данном обзоре не входит анализ этих стихотворений и книги стихов в целом. Однако нельзя не сказать, что выбор стихотворений и создание новых были продиктованы отнюдь не требованием момента, а глубоко личным, чаще всего отвлеченным непосредственно от военных событий, переживанием войны. Это стихи о любви трагической и неизменной, любви к Ней, «единственной на свете», некогда озарившей начало его пути, и к столь же единственной, ранящей и дарящей радостью России. Обе эти любви сливаются до неразличимости. Поэтому сохраняется формула заголовка – «Стихи о…». Объяснить связь этой книги с войной можно, снова сославшись на самого Блока: «Стихотворения, содержание которых может показаться совершенно отвлеченным и не относящимся к эпохе, вызываются к жизни самыми неотвлеченными и самыми злободневными событиями» (т. 6, с. 83).

Книга «Стихи о России» вызвала обвал откликов в газетах и журналах, в столицах и провинциях. Общим гласом было, что Блок – самый русский из современных поэтов, что стихи этой небольшой книжки войдут в вечность. Такой славы и такого всеобщего признания Блок еще не знал.

Отзывы появились уже на первые публикации «военных» стихотворений осенью 1914 г. М. Левидов в обзоре стихотворений на военную тему под заголовком «Бессильные» выделяет среди других поэтов, к которым относит свой заголовок, Блока и его стихотворение «На войну» (так в первой публикации называлось стихотворение «Петроградское небо мутилось дождем…»): «<…> аристократ среди поэтов <…>, мистик романтизма и индивидуализма, прямой потомок Новалиса <…> сказал самое красивое, ценное и искреннее слово о текущем дне, слово, которое останется вечно. <…> И искренне, ценно, красиво оно потому, что он единственный стал на верную позицию, отмежевал себя от происходящего, не претендовал ни на роль пророка, обличителя или вождя. Просто как человек с аристократической интимной душой, он понял, что даже и теперь он должен быть одним, на горе вверху, и сказал в лирическом раздумье, провожая уходящих туда» (Жемчужина. Пг., 1914. № 7. 24 нояб. С. 16).

На стихотворение «Грешить бесстыдно, непробудно…» в «Биржевых ведомостях» (СПб., 1914. 5 нояб, утр. вып. С. 2) откликнулся одобрительно священник К. Аггеев. Блок по этому поводу скажет: «Священник К.М. Агеев улыбнулся мне (в статье в “Биржевых ведомостях”)» (*ЗК*, 6 ноября, с. 246).

Критик М. Неведомский, выражая возмущение «поэзией и прозой наших дней» в статье «Что сталось с нашей литературой?», не зная еще, что на выходе книга Блока «Стихи о России», уважительно говорит о его «целомудренном молчании на тему о войне», признавая его «наиболее талантливым и искренним из наших символистов» (Современник. Пг., 1915. № 5. С. 277). Формулу «целомудрие молчанья» критик заимствует из стихотворения З. Гиппиус «Тише», написанного в августе 1914 г. и отнесенного ею к начавшейся войне. Ироническим эпиграфом к этому стихотворению служит строка из энергично включившегося в военную риторику

Ф. Сологуба: «…Славны будут великие дела…», и начинается оно с обращения к поэтам: «Поэты, не пишите слишком рано, Победа еще в руке Господней».

А. Ожигов помещает в журнале «Современный мир» (Пг., 1915. № 9) восторженную рецензию на «Стихи о России». Ему принадлежит в этом же номере журнала разгромная статья о военной прозе, озаглавленная «О беллетристической мобилизации», в которой критик говорит, что Марс, обезличивая солдат в окопах, точно так же обезличивает литераторов, пишущих о войне. В предыдущем номере этого журнала он опубликовал свою статью «На бранной лире», в которой столь же суровой критике подверг стихи современных поэтов на тему войны. О Блоке же он пишет: «Только большая любовь к родине могла родить такое вдохновенье <…> и в граде барабанных изданий бранной поэзии», на фоне «непристойного пустозвонства примитивного патриотизма» оно светится неподдельной любовью к России.

Ярко и весомо написал о «Стихах о России» Георгий Иванов (Аполлон. Пг., 1915. № 8–9. С. 96–99). Он отмечает органичную целостность этой книги, удивительный вкус автора («провидение вкуса») в выборе и организации стихов. Цикл «На поле Куликовом», открывающий сборник, дает определяющую тональность всей книге – «просветленную грусть и мудрую ясно-мужественную любовь поэта к России». Высоко оценивает он стихи, написанные уже в военное время. В связи со стихотворением «Петроградское небо мутилось дождем…» он делает вывод, что «все школы и -измы» «не нужны истинным поэтам». Останавливая внимание на финале стихотворения «Я не предал белое знамя…» («И горит звезда Вифлеема / Так светло, как любовь моя»), Г. Иванов замечает: «Подлинно – звезда горит, “как любовь”, а не наоборот». Он отмечает также, что глубоко национальная муза Блока не ищет подделки под народную поэзию, но в его стихах – «Россия былин и татарского владычества, Россия Лермонтова и Некрасова, волжских скитов и 1905 года». В заключение Г. Иванов говорит об «истинной классичности» этих стихов Блока: «Это естественная классичность высокого мастера, прошедшего все искусы творческого пути. Некоторые из них стоят уже на той ступени просветления простоты, когда стихи, как пе-

сня, становятся доступными каждому сердцу. <…> Любовь, мука, мудрость, вся сложность чувств современного лирика соединены в них с величественной, в веках теряющейся духовной генеалогией». Эту рецензию Г. Иванова как самый выразительный отклик на «Стихи о России» Блока включил в свое репринтное издание книги С.С. Лесневский[4]. В издании воспроизведена не только обложка, выполненная художником Г.И. Нарбутом, но и оборотная сторона с помещенным в рамку текстом: «Чистая прибыль от издания поступает в “Общество Русских Писателей для помощи жертвам войны”». На форзаце помещен логотип типографии «Якорь» (Петроград, Б. Болотная, 10), где была отпечатана эта книжка тиражом 3000 экземпляров.

Позднее С.К. Маковский, редактор «Аполлона» того времени, в своих воспоминаниях (*Маковский С.* На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962) напишет: «…из статьи Георгия Иванова я не выкинул ни одной хвалебной строчки, т. к. по существу он был прав, восхищаясь именно этим Блоком, называя *лучшей* его книгой “Стихи о России”»[5].

Ю. Никольский в рецензии «Александр Блок о России» (Русская мысль. М.; Пг., 1915. № 11. С. 16–19) пишет, что эти его стихи – «лучшее из всего, что было создано в этой области со времен Тютчева», и, перекликаясь с Г. Ивановым в отрицании «школ и «-измов», продолжает: «В Блоке <…> нет ни “формы”, ни “содержания” – в слове для него заключена истина в целом». Появление этой статьи Блок отметил в *ЗК*, 2 декабря 1915 г. (с. 279), а позднее, в дневнике 10 марта 1921 г. сделает запись: «“Русская мысль”, 1915, № 11 (ноябрь) – в отделе “В России и за границей” – заметка: *“Александр Блок о России”* Ю. Никольского (стр. 16–19). (Журнал с 1910 (или 1911?) года до половины 1915-го погиб в Шахматове)» [т. 7, с. 414].

Б. Гусман в отклике на «Стихи о России» Блока говорит о внутреннем накале этой книги: «У Блока под внешним спокойствием чувствуется “вечный бой”. Каждая строчка рождена в горении, поэтому такой внутренней необходимостью дышит каждый образ <…> Александр Блок – самый русский из современных поэтов» (Журнал журналов. 1915. № 12. С. 16).

И. Оксенов в обзоре литературы за 1915 г. останавливает свое внимание на поэтах: «Война приблизила к нам Блока и Ахматову и удалила Брюсова и Бальмонта». Стихотворение Блока «Грешить бесстыдно, непробудно…» критик сравнивает с рассказом Лескова «Чертогон». О книге «Стихи о России» в целом он пишет, что она «изумительна» и что «самый нежный и самый беспощадный из русских поэтов принес ею величайший жертвенный дар России». В стихотворении «Рожденные в года глухие…» И. Оксенов услышал свое личное и характерное для всего поколения: «На наших лицах кровавый отсвет от дней войны и “дней свободы”. Гул набата заградил нам уста, и мы остались немыми, а в сердцах наших – пустота» (Новый журнал для всех. Пг., 1916. № 1. С. 18). Далеко не все современники Блока воспринимали эти стихи как выражение трагедии целого поколения. Вл. Рындзюн, Е. Аничков, Н.П. Ашешов видели здесь «роковую пустоту» в душе Блока или объясняли эти строки в целом свойственным поэту пессимизмом[6]. О пессимизме Блока и о его тоскующей любви говорит и Л. Фортунатов, особенно в отношение к стихотворению «Грешить бесстыдно, непробудно…»: «...жуткой тоской веет от такой, воистину, безнадежной любви» (Журнал журналов. Пг., 1916. № 22). Однако тот же Вл. Рындзюн в статье «“Сегодня” и “вчера” в русской поэзии» (Приазовский край. Ростов-на-Дону, 1916. 3 июля) высоко оценит «Стихи о России» как «выдающееся поэтическое событие».

В более позднем отклике на «Стихи о России» А. Горностаев в статье «“Красная тайна”: (Россия в поэзии Блока)» (Южный огонек. Одесса, 1918. № 16, авг.) увидит в «военных» стихах поэта пророчество о еще более грозном и неотвратимом будущем: «Сказано о той войне, о той прежней свободе (1904–1905 г.). Новая война и новая свобода – в неизмеримо грандиознейшем масштабе – не только ничем не заполнила “роковой пустоты”; но еще шире ее раздвинула, углубила до бездонной пропасти, на краю которой и находимся все сейчас…»

Здесь приведен далеко не полный перечень газетно-журнальных откликов и рецензий, к которым следует прибавить личные отзывы, зафиксированные в *ЗК*, например: «Зинаида Николаевна (Гиппиус. – *И.П.*) по телефону мои стихи хвалит (о России)» (4 де-

кабря 1915, с. 279). Тремя днями раньше, 30 ноября, Блок запишет: «Зинаиде Николаевне посвятить стихотворение “Рожденные в года глухие…”, и действительно посвящение появится в издании 1916 г. Она, в самом начале войны сказавшая о «целомудрии молчания», как никто, могла в это время понять и принять блоковские строки о памяти и беспамятстве, о «немоте» и «роковой пустоте».

[1] *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960–1963. Т. 6. С. 84–85. Далее ссылки на это издание даются в квадратных скобках с указанием тома и страницы.

[2] *Блок А.А.* Записные книжки. М., 1965. Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страницы или даты записи и страницы.

[3] РГАЛИ. Л.Д. Блок. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 165. Л. 26–35.

[4] *Блок А.* Стихи о России. Пг., издание журнала «Отечество», 1915. / Ред.-сост. С.С. Лесневский. М., 1995. 56 с.

[5] Цит. по: *Блок А.А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. М.: Наука, 1997. Т. 3. С. 904. (Комментарий А.В. Лаврова).

[6] См. *Блок А.А.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 964–965.

Библиография

Александр Блок. Переписка: Аннотированный каталог / Под ред. В.Н. Орлова. Вып. 1: Письма А.А. Блока. М., 1975; Вып. 2: Письма к Александру Блоку. М., 1979.

Блок А.А. Дневник / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. А.Л. Гришунина. М., 1989.

Блок А.А. Записные книжки. М., 1965.

Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997–2010. Т. 1–5, 7, 8.

Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960–1963.

Блок А. Стихи о России. Пг., 1915.

Блок А. Стихи о России / Подг. и послесл. С.С. Лесневского. М., 1995 (репр.: Пг., 1915).

Блок в критике современников: (Аннотированная библиографическая хроника. 1902–1921) / Сост. В.И. Якубович, при участии Р.Г. Захаренко, В.В. Серебряковой и Л.С. Шепелевой // Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1993. Кн. 5. С. 633–826. (Лит. наследство).

Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) / Публ. Н.В. Котрелева и Р.Д. Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн. 3. С. 153–539. (Лит. наследство).

Блок Л.Д. Письма А.А. Блоку: 1914–1915. РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр.165. Л. 14–35.

Отрывки из писем сестры милосердия // Отечество. 1914. № 14. 23 нояб. С. 78–79.

Газетная хроника культурной жизни, связанная с войной (с упоминанием имени Блока)

Литературная хроника // Утро России. М., 1915. № 38. 7 февр. С. 5.

<Объявление> // Утро России. М., 1915. 8 марта. С. 1; то же – Раннее утро. М., 1915. 1 марта. С. 1 (Анонс выхода альманаха «Клич» на помощь жертвам войны).

Жертвам войны – писатели и артисты // Утро России. М., 1915. 25 марта. С. 5 (Анонс «Невского альманаха»).

«Поэты – воинам» // Речь. СПб., 1915. 31 марта. С. 5 (Отчет о вечере совр. искусства 28 марта в Зале Армии и Флота).

Поэты – воинам: Вечер совр. искусства в Зале Армии и Флота // День. Пг., 1915. 1 апр. С. 5 (Отчет о вечере 28 марта в пользу Лазарета деятелей искусств).

Литературная хроника // Утро России. 1915. 11 апр. С. 6.

Вечер поэтов // Петроградский курьер. 1915. 18 апр. С. 5 (Программа вечера в Тенишевском зале в пользу II-го гор. Лазарета); то же – Речь. 1915. 18 апр. С. 5.

Лутугин Л. Письмо в редакцию // День. Пг., 1915. 26 апр. С. 4 (Благодарность попечителя госпиталя всем участникам вечера поэтов 18 апр. в Тенишевском зале).

Отзывы о стихах Блока военного времени в газетах и журналах

Агеев К. Национальный вопрос перед судом религии // Биржевые ведомости. СПб., 1914. 5 нояб. С. 2.

Гусман Б. Александр Блок // Журнал журналов. 1915. № 12. С. 16.

Иванов Г. «Стихи о России» Александра Блока. (Пг., 1915) // Аполлон. 1915. № 8–9. Окт.–нояб. С. 96–99.

Казанский Б. Рец. на кн.: А. Блок. Стихотворения, кн. 3. 2-е изд., М.,

1916 // Биржевые ведомости. 1917. 17 февр., утр. вып. С. 6.
Кроткий Э. Война и поэты: (Из альбома пародий) // Одесские новости. 1914. 13 дек. С. 6.
Кудрявцев П. Об одном мотиве в русской поэзии последнего времени // Эпоха. Киев, 1915. № 2. 8 февр. С. 4.
Левидов М. Бессильные // Жемчужина. Пб., 1914. 24 нояб. С. 16.
Масляненко Д. Русские поэты о современной войне // Исторический вестник. Пг., 1915. № 1. С. 243.
Неведомский М. Что сталось в нашей литературой? (О поэзии и прозе наших дней) // Современник. 1915. № 5.
Никольский Ю. Александр Блок о России // Русская мысль. М.; П., 1915. № 311. С. 16–19.
Ожигов А. Война и русская литература // Книга о войне: Беспл. прилож. к газ. «Современное слово». Пб., 1915. С. 225–226.
Ожигов А. Рец. на кн.: А. Блок. Стихи о России. Пг., 1915 // Современный мир. Пг., 1915. № 9. С. 188–189.
Оксенов И. Литературный год // Новый журнал для всех. Пг., 1916. № 1. С. 58.
Робакидзе-Кавкасиели Г. Война и культура: О русском гении // Кавказ. Тифлис, 1914. 5 дек. С. 3.
Рындзюн В. «Сегодня» и «вчера» в русской поэзии // Приазовский край. Ростов н/Д., 1916. 3 июля. С. 2.
Философов Д. Две души // Речь. Пг., 1916. 1 янв. С. 5.
Фортунатов Л. Стихи о родине // Журнал журналов. Пг., 1916. 25 мая. С. 8.
Чемоданов А. Рец. на кн.: Бельгийский сборник. Пг., 1915 // Вешние воды. 1915. № 7 <март–июнь>. С. 192.

Воспоминания

Маковский С.К. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 158, 166.
Рождественский Вс. Страницы жизни: Из литературных воспоминаний. 2-е изд. М., 1974. С. 156.

Д.О. Торшилов

Мировая война и цикл «Кризисов» Андрея Белого

Германская культура была второй родиной Бориса Бугаева с юношеского увлечения Шопенгауэром и Ницше или даже начиная с немок-гувернанток, читавших ему немецкие стихи и сказки; он не помнил, с какого возраста понимал по-немецки[1]. К этому нужно добавить многолетние занятия Кантом и неокантианством, музыку Шуберта и Шумана, штейнерианство и несколько лет жизни в Германии и в немецкой Швейцарии. Единственный предпринятый им в жизни поэтический перевод осуществлялся с немецкого[2], единственный раз, когда он писал не на родном языке, это тоже был немецкий[3]. В русско-германской войне Белый волей-неволей чувствовал себя оказавшимся как бы по обе стороны фронта; это хорошо видно, например, в статье «Современные немцы»[4], мысли которой через 15 лет были положены в основу плана романа «Германия»[5], главный герой которого, немец, имеет явно автобиографические черты.

Как утверждается в «Современных немцах», «три книги сопровождают» в окопах идеализированного немецкого солдата – «“Заратустра”, Библия, “Фауст”»; в написанном немного позже «Кризисе культуры» обнаруживается, что три книги сопровождают в самых неудобных для чтения условиях, а именно в горах и в пустынях, самого автора – это «Евангелие, “Заратустра”, “Пути посвящения”»[6]. «Пути посвящения» – это мистериальные драмы Р. Штейнера; «Фауст» также ставился антропософами в 1915 г. и понимался как мистериальная драма[7]. Формула «трех книг» встречается в творчестве Белого и раньше: в «Круговом движении», в 1912 г., три книги, которые сопровождают всюду автора – это «Евангелие, “Заратустра” и Гоголь»[8]. Гоголь, единственный рус-

ский автор во всех вариантах триады, вернулся на свое место к концу жизни Белого, во время работы над «Мастерством Гоголя», а в это время, в середине и второй половине 10-х годов, в круге чтения символического «немца» и символического «автора», кроме вненационального Евангелия, только немецкие книги. Выдержанный в гоголевской стилистике образ имеет под собой вполне реальную базу: если просмотреть список книг, упоминаемых и цитируемых в «Кризисе сознания»[9], мы увидим цитаты и ссылки на Канта, Гёте, Ласка, Штейнера, Христиана Моргенштерна, на Эйнштейна в оригинале, увидим круг чтения скорей образованного немца тех лет, чем русского. Заканчивается же «Кризис сознания», в соответствии с формулой, своеобразным анализом Евангелия как мистериальной драмы.

В силу этого тот исторический кризис, «слом» (также название запланированного романа[10]), который для русского сознания остается связан прежде всего с революцией и Гражданской войной, для Белого, как для многих французских и немецких интеллектуалов, оставался связан и с Первой мировой; это ясно, например, из финала «Москвы под ударом» и начала «Масок».

Во время начала войны, в августе 1914 г., Белый с энтузиазмом работал в Дорнахе столяром, почти забросив сочинительство. «Петербург» был закончен, новые книги еще не начаты. Дорнах – пригород Базеля, находящегося прямо на границе Швейцарии с Германией: за Базелем на одном берегу Рейна немецкий Баден, на другом – Эльзас. Эльзас был присоединен к Германии после Франко-прусской войны и первая кампания 1914 г. начиналась с французского наступления в Эльзасе; вскоре линия фронта в Эльзасе стала постоянной и не менялась существенно до последнего года войны. Эти события – и паника, вызванная первым наступлением и страхом того, что нейтралитет Швейцарии будет нарушен, и последовавшие бессмысленные, но непрерывные перестрелки – описаны в «Гремящей тишине»[11]. В «Материале к биографии» дневниковым образом описана сцена того, как антропософский кружок из Дорнаха слушает одну из первых канонад[12]: она отразилась потом в начале «Записок чудака» и в «Москве»; образ доктора Доннера, таинственного зачинщика войны, происходит от грома этих пу-

шек: «Das ist Kanonendonner»[13], – запомнившиеся Белому в тот вечер слова доктора Штейнера, которые в качестве каламбура можно перевести: «Это [дело рук] пушечного Доннера».

В следующем месяце Белый, по его свидетельству, начинает «писать дневник, из которого впоследствии вышел материал моих кризисов» (конец сентября 1914)[14]; потом – «пишу схемы, готовлю отчеты д-ру и разрабатываю тему “Кризиса жизни” вчерне» (октябрь 1914)[15]. О «Кризисе жизни» Белый здесь, в написанном в начале 20-х «Материале к биографии», говорит, опережая события: сначала материалы этого дневника были использованы для цикла очерков, печатавшихся в газете «Биржевые ведомости». Белый начал работать над ними в конце 1915 г.[16], а печатались они с 15 марта по 23 августа 1916 г., так что последний вышел через несколько дней после его приезда в Россию. «Кризисом жизни» назван третий из очерков. В России у него возникает план книги «Кризис сознания», частями ее он считает все большие статьи, над которыми работает[17]; одновременно он полагает включить в нее многие свои старые статьи. Книга, таким образом, должна была стать чем-то вроде еще одного «Символизма» – как по способу составления, так и по тематике (от философских и общемировоззренческих вопросов до стиховедческой конкретики). Название ее отсылало к вошедшей в «Арабески» статье «Кризис сознания и Генрик Ибсен»[18]. Об этой книге «Кризис сознания» 1917 г. Белый пишет несколько раз Иванову-Разумнику и несколько раз упоминает в биографических материалах.

«1917. Февраль. Читаю главным образом поэтов Тютчева, Пушкина, Баратынского ‹…› Работаю над главами книги “Кризис сознания”. Работаю над собиранием материала по ритмическому жесту. Революция. *Написано:* Набросок вчерне, о ритмическом жесте. ‹…› 1917. Март. Работаю над ритмическим жестом. *Написано*: “О ритмическом жесте” (глава из “Кризиса сознания”)»[19].

«Февраль, 17–26, Царское. Работаю над главой “Ритмическом жесте”[20]».

Рукопись окончания «Ритмического жеста» с датой «21 апреля 1917 г.» сохранилась[21]; там говорится, в частности: «...я кончал свою книгу работою о ритмическом жесте»; имеющаяся в виду

«книга» – «Кризис сознания». Об этом же говорится и в «Жизни без Аси»: «Апрель, 11–22. С утра до ночи работаю над частью книги “Кризис сознания”».

25 апреля Белый пишет Иванову-Разумнику: «Книга моя “Кризис сознания” разрослась; я как-то последнее время отдал ей много души; и – никому-то она не будет нужна»[22]. 5 мая добавляет, что «“Кризис сознания” вышел в 18 печ<атных> листов»[23].

Иванов-Разумник впоследствии в своем комментарии на письма Белого недоумевал, что это за книга в 18 печатных листов[24]. С тех пор этот вопрос в литературе о Белом не был прояснен, однако план этого «Кризиса сознания» сохранился[25]. Датировать листок позволяет то, что «Ритмический жест» обозначен в нем как незаконченный. Кроме того, мы видим, что Белый считает в нем печатные листы, как и в письме Иванову-Разумнику; заголовок «Материал» означает «имеющийся материал для книги». Приведем его полностью.

«Материал[26].

“Творчество мира”[27]	1½ печ. листа (не готово: есть черновик)
“Александрия и мы в проблеме востока и запада”[28]	2 печ. листа
“Лев Толстой и культура”[29]	1½ печ. листа
“Кризис сознания”[30]	2½ печ. листа
Символизм }	1½ печ. листа
Круговое движение }	
Нечто о мистике[31] }	
Жезл Аарона[32]	4 печ. листа
О ритмическом жесте (остаток не написан)	2½ печ. листа

1½ + 2 + 1½ +2 ½+ 1½ +4 +2½=*15 ½ печ. листов.*

Из них на лицо:

2+1½ + 2½ + 1½ + 4 + 1½ =*12 печ. листов*».

По этому (написанному не позднее марта) плану в «Кризисе сознания» 15½ печатных листов; 25 апреля, как мы видели, Белый жаловался Иванову-Разумнику, что «книга разрослась», а 5 мая пишет, что «“Кризис сознания” вышел в 18 печ<атных> листов»[33] – т. е. к концу весны Белый что-то еще в него добавил относительно имеющегося плана. Нет сомнений, что это статья «О смысле познания», над которой он работал непосредственно после «Ритмического жеста»[34].

Однако этот издательский план – «Кризис сознания» 1917 г. – не осуществился. 9 июня 1918 года Белый печатает в газете «Жизнь» статью «Кризис жизни и творчества»[35] с характерным объяснением исторической катастрофы неверным (т. е. кантианским) способом мышления и неверным употреблением слов как обозначений понятий. Непосредственно вызывающее войну господство машин – только следствие упомянутого.

Примерно тогда же Белый знакомится с С.М. Алянским, главой «Алконоста», и предлагает «Кризис сознания» ему. В начале переговоров с Алянским проект еще назывался «Кризисом сознания»[36] и так анонсировался в издании «Алконостом» летом 1918 г. «Соловьиного сада» А.А. Блока. Но Белый быстро меняет план, создавая четырехчастную схему цикла «На перевале»:

– «Кризис жизни»,
– «Кризис мысли»,
– «Кризис культуры»,
– «Кризис слова».

В таком виде цикл анонсировался в алконостовских изданиях первых трех «Кризисов»[37].

Летом 1918 г. Белый быстро пишет – точнее, в основном монтирует из статей в «Биржевых ведомостях», «Жизни» и некоторых других материалов – «Кризис жизни», затем пишет «Кризис

мысли», осенью – «Кризис культуры»[38]. Эти три кризиса были изданы Алянским и переизданы в Берлине в издательстве Гржебина в 1922 г.[39]

Но оставался четвертый, обозначенный в аннотациях как «Кризис слова». Весной 1919 г., как ясно по письмам к Алянскому, Белый снова пересматривает план, причем много раз. Начало марта 1919 г.: «вместо “Кризиса слова”, т. е. 4-ой части “На перевале”, дам “*Кризис Я”,* составленный из тем “Дневника”»[40]. «Дневник» – это недавние статьи Белого «Дневник писателя»[41], развивающие, в частности, принципиальную для «Кризисов» тему отказа от привычных жанровых форм. Середина марта: «А вместо 4-го выпуска “Кризиса сознания” даю: “Новое сознание” (материал почти обработанный уже готов)»[42]. «Кризисом сознания» здесь автор в спешке называет весь цикл четырех «Кризисов»; именно это название продолжало оставаться для него привычным. Эти планы также не осуществились.

Зимой, 28 января 1920 г., Белый заключает с издательством Гржебина договор на Собрание сочинений и составляет его план, который в начале июля отправляет Иванову-Разумнику[43]. В этом собрании «Кризисом сознания» назван XVI том. Он должен был включать три уже написанных и изданных «Кризиса» («мысли», «жизни» и «культуры»), а также некоторые статьи и доклады революционных лет («Утопия», «Революция и культура», «Дневник писателя», «Песнь солнценосца»[44]) и неизданную тогда «Глоссолалию». Последняя в планах Белого иногда занимала место четвертого «Кризиса», «Кризиса слова»[45].

Этот том тоже не состоялся вместе со всем «гржебинским» Собранием сочинений. Невзирая на его план, Белый практически сразу, в августе, стал писать новый, завершенный осенью и на сей раз окончательный «Кризис сознания», цельную книгу, доведенную до машинописи. Она также была предназначена для «Алконоста»: «Есть для Вас 4-ый Кризис, но не “Кризис Слова”, а новый (вновь написанный)», – пишет Белый Алянскому в начале 1921 г.[46]; Алянский был согласен его издать, но не смог. В 1922 г. в Берлине Белый не включил «Кризис сознания» в перепечатку «На перевале» в издательстве Гржебина вместе с тремя изданными «Кризисами» (возможно, просто потому, что она делалась с алконостовских книг, а рукописи у него с собой не было). В 1932 г. писатель сам сдал его в архив, сопроводив письмом к будущим исследователям[47], и он так и остается неизданным[48].

Таким образом, четырехчастный цикл был завершен; характерно упрямство Белого в написании четвертой части – даже предлагая Алянскому весной 1919 г. в качестве 4-го то одно, то другое, Белый самой четырехчастности ни разу не нарушает. Четыре части – привычный для Белого план симфонии; «Кризисы» похожи на симфонии музыкальностью и спонтанностью; лирическая проза непосредственного наблюдения, пейзажа или урбанистической зарисовки переходит в них в размышления общего характера, научные, философские или мистические, имеющие пределом понимание исторической судьбы человечества. Если считать, что цикл завершен, то, как четвертая часть 1-й и 4-й симфонии описывает то ли рай, то ли другое нездешнее место, так и в четвертый «Кризис» включено толкование Евангелия и «истинного» (т. е. для Белого такого, как у апостола Павла) христианства.

Книга, которая является непосредственным продолжением дневника, начатого в Дорнахе примерно с началом войны, – это «Кризис жизни». В итоговом виде[49] он собран таким образом:

«Кризис жизни», главки	*Источники*
1	«Гремящая тишина»[50] (1, без начала, сокращено)
2	«Кризис жизни»[51] (1)
3	«Кризис жизни» (1, 2); «Горизонты сознания»[52] (3, одна фраза)
4	«Гремящая тишина» (2, из разных мест, частично)
5–6	«Кризис жизни» (2, начало)
7	«Природа»[53] (2, сокр.)
8	«Горизонты сознания» (1, конец); «Природа» (3, конец)
9	«Кризис жизни» (2)
10–14	«О злободневном и вечном»[54] (1–3, незнач. правка)
15	«Кризис жизни» (2 конец, 3)

16	«Гремящая тишина» (1 – после того, что в 17)
17	«Гремящая тишина» (1, сокр., доб.)
18	«Гремящая тишина» (2, 3, отдельные фразы)
19	
20–22	«Верное знание»[55] (1–4, сильно сокращено)
23–24	«Жизнь»[56] (1–3, сильно сокращено)
25	«Гремящая тишина» (2, пара фраз); «Горизонты сознания» 3 (пара фраз)
26	«Гремящая тишина» (2, 3 из разных мест)
27	«Гремящая тишина» (3)
28	«Горизонты сознания» (1 первая половина; небольшая правка)
29–30	
31–33	«Мысли из лени»[57]
34–39	«У немецкой границы»[58] (1–3, незнач. правка)
40	«Горизонты сознания» (2, несколько фраз)
41–43	«Мертвые города»[59] (2–3, сокр.)
44	«Гремящая тишина» (3)
45–54	«Восток или запад» (из «Эпохи»)[60] (1–10)
46–50	«Восток или запад»[61] (1–5)
55–62	«Восток или запад» (из «Эпохи») (50–57)
63	«Горизонты сознания» (3, одна фраза)

В результате получилось, что некоторые статьи из «Биржевых ведомостей» не вошли вообще, например «Современные немцы», «Петроград и Москва в освещении прессы немецкой Швейцарии», значительная часть «Горизонтов сознания», «Природы»; некоторые, напротив, вошли целиком и подряд: «У немецкой границы», «О злободневном и вечном», «Мертвые города» (кроме начала). Некоторые же, а именно первые три, а именно «Гремящая тишина», «Горизонты сознания» и «Кризис жизни», в разной степени (в особенности первая, в меньшей степени вторая, еще в меньшей третья), разносятся автором в разные места книги и развиваются. Белый делает их повторяющимися лейтмотивами цело-

го, если снова прибегать к метафоре симфонической музыки, или основными линиями мозаики (метафору мозаики он также применял к своему способу письма в поздний период[62]). То, что исходные тексты мозаики «Кризиса жизни», в отличие от многих потерянных им черновиков, сохранились, делает книгу прозрачной для исследования этой формы. Из более ранних вещей по форме на «Кризис жизни» больше всего похоже также описывающее Базель «Круговое движение» 1912 г., статья, «вся методология которой», по выражению Ф. Степуна, должна быть решительно изъята из компетенции философии и эстетики и вручена, как это ни странно, компетенции хореографии»[63]; «круговое движение», возвраты в исходную точку – характеристика и содержания статьи, и ее формы.

Такой исходной точкой, или лейтмотивом, в «Кризисе жизни», как следует из представленной выше схемы, является статья «Гремящая тишина». Буквально это словосочетание обозначает именно грохот пушек «лотарингской кампании», негромкий в отдалении и ставший за два года настолько привычным (ведь линия фронта не двигалась, и этим Первая мировая изводила чуть ли не больше всего), что воспринимается как тишина, подобно стершимся повседневным звукам, подобно «реву местного водопадика». Аллегорическое значение развивает в тех же статьях (в «Горизонтах сознания») сам Белый; это предсказания Ницше, Ибсена и других о грядущем кризисе, предсказания, которые Европа не расслышала.

Однако этот образ в творчестве Белого значительно старше войны. Как свидетельствует вошедшая в «Луг зеленый» статья о Брюсове, вначале это было определение поэзии, или, точней, символистской поэзии, которая всегда есть «предвкушение громов последних и тишины последней»[64]. Это определение поэзии как смутного пророчества. Летом 1911 г. Белый жил с Асей Тургеневой в имении ее родителей на Волыни, под Луцком, и, по его уверениям, они (а равно и третьи лица) постоянно слышали некий будто бы грохот телеги, которой при этом не было. В письмах к Блоку именно этого времени Белый говорит об этом звуке еще в контексте «есть же на свете таинственные вещи»[65]. В более поздних документах Белый вспоминает его неоднократно, утвер-

ждая, что это был именно тот звук, который он слушал в Базеле два года; это звук войны, особенно тяжко прошедшей по Волыни. Белый связывает с ним свое творчество этого периода, в котором часты образы скачущих в бой рыцарей, и творчество Блока периода стихов о Куликовской битве[66], которые тоже означали предчувствие войны. Мало того, в начале 20-х гг. Белый утверждает, что такой же звук слышал и в июле 1914 г., когда в обществе других антропософов был на Балтийском море; все слышали с моря будто бы гром пушек, – как предвестие войны, которая начнется через месяц[67]. Даже то вдохновение, которое весной 1901 г. привело его к сочинению II Симфонии, он описывает в терминах мрачного грома, которого не слышно в тишине[68]. Таким образом тема поэтического вдохновения и исторической катастрофы сливаются окончательно; миссия Кассандры, непонятой пророчицы – это и есть миссия поэта-символиста. Предельным референтом, или означаемым, или просто смыслом творчества оказывается не политика, но история, меняющая жизнь народов. В «Мастерстве Гоголя», к концу деятельности Белого, этот принцип анализа выражен вполне эксплицитно.

В «Кризисе жизни» Белый создал жанровую модель, которую повторил как минимум потом еще трижды, в других «Кризисах», особенно в последнем, неизданном. Аполитичный индивидуум, вырванный катастрофой быта из привычных объяснительных схем, своего рода двойным гражданством, о котором говорилось выше, из объяснений, к которым подталкивает война, воспринимает историю непосредственным наблюдением, потому начало развития текста – всегда пейзажная, бытовая или урбанистическая экфраза, проникнутая чувством, но скрупулезно детализированная, от которой совершается переход к различным объяснениям – философским, иногда образно-символическим (в конце «Кризиса мысли»), историко-философским, историко-культурным, иногда взятым даже из точных наук (математики в «Кризисе мысли», физики в «Кризисе сознания»), а также из науки, которую Белый считал своей и называл «теорией слова» (в «Кризисе сознания»). Результат выглядит аморфным с точки зрения традиционной жанровой системы и среди книг Белого в

наибольшей степени отвечает определению «поток сознания», которое нередко к нему применялось. Иными словами, формой, которую впоследствии назвали «потоком сознания», Белый пробовал описать его кризис – а война является скорее следствием такового, чем причиной. Но сознание Белого всегда ищет смысла и объяснения, потому спонтанность его «потока сознания» не оборачивается бессмысленностью.

Наконец, можно сказать два слова об эстетике описательной части «Кризисов». Творчество позднего Белого иногда сравнивают со стилистикой немецкого экспрессионизма (см., например, работы Т. Николеску[69]); Я. Шулова показывает в «Москве» эстетику немецкого Ренессанса, Гольбейна и Кранаха[70]. С этим нельзя не согласиться, особенно помня о таком художнике, как Отто Дикс, работы которого 20-х гг., преувеличенно красочные, преувеличенно заостренные и детализированные, гротескные, хотя изображают Германию, являлись бы лучшими иллюстрациями к «Москве». Известность Дикса начиналась с работ военных лет, в которых окопы соседствует с черепами, напоминающими гравюры немецкого Ренессанса; к концу своей деятельности Дикс иногда воспроизводил манеру мастеров немецкого Возрождения один в один. В «Кризисе жизни» и в одной из составивших его статей, «У немецкой границы», Белый сам называет такую же стилистическую доминанту – гравюры Ганса Гольбейна-младшего из цикла «Dance macabre», на которых весело скалящийся скелет вторгается в заботливо прорисованные бытовые сценки.

[1] Лет с трех – см.: *Белый А*. Между двух революций. М., 1931. С. 177.

[2] *Штейнер Р.* У врат посвящения / Пер. А. Белого; публ. С. В. Казачкова // Литературное обозрение. 1995. № 4/5 (252). С. 69–74.

[3] *Belyj A.* Die Anthroposophie und Rußland // Die Drei. 4. Heft (July 1922).

[4] Биржевые ведомости. 1916. № 15573. 22 мая, утр. вып. С. 2.

[5] *Лавров А. В., Гречишкин А. С.* Символисты вблизи. СПб, 2004. С. 376–382.

[6] *Белый А.* На перевале. М.; Б., 1922. С. 152 (Кризис культуры, гл. 6).

[7] *Белый А.* Материал к биографии (интимный...), июнь 1915 (см.: *Малмстад Дж.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. № 8. М., 1992. С. 470 и след.). Ася Тургенева участвовала в постановке.

[8] *Белый А*. Круговое движение // Труды и дни. 1912. № 4–5. С.57. Гл. 11.

[9] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 64.

[10] *Лавров А.В.* Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском доме // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 год. Л., 1980. С. 39.

[11] Биржевые ведомости. 1916. № 15442. 15 марта, утр. вып. С. 2.

[12] Минувшее. М., 1992. №. 6. С. 407 (август 1914).

[13] Это гром пушек *(нем.)*.

[14] Минувшее. № 8. С. 409.

[15] Там же. С. 410.

[16] *Белый А*. Ракурс к дневнику (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 77).

[17] Из «Жизни без Аси» (ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 31. Ед. хр. 1): «Октябрь, 1–30, Москва. Написана глава книги “Александрия”» (речь о статье «Александрия и мы в проблеме Востока Запада»); 26 января 1917 г.: «*с благодарностью принимаю Ваше любезное предложение устоить статью мою “Жезл Аарона”, если только он, этот жезл, будет напечатан ранее лета, ибо он входит в книгу мою “Кризис сознания”, которая появится летом или к осени. Мне только надо будет записать 2-ю часть и все это переписать*» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 92). См. ниже о том, что главами «Кризиса сознания» автор считал «О ритмическом жесте».

[18] *Белый А*. Арабески. М., 1911. С. 161–210.

[19] *Белый А*. Работа и чтение (ОР РГБ. Ф. 25. К. 31. Ед. хр. 6).

[20] *Белый А*. Жизнь без Аси.

[21] ОР РГБ. Ф. 25. К. 4. Ед. хр. 1. Л. 3, 51.

[22] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 100.

[23] Там же. С. 108.

[24] Комментарий Иванова-Разумника цитирует А.В. Лавров (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 109).

[25] ОР РГБ. Ф. 25. К. 3. Ед. хр. 6. Л. 44 об.

[26] Т. е. «имеющийся материал для книги».

[27] Лекция, которую Белый читал в ноябре 1916 г. в Москве (см. «Жизнь без Аси»), а 16 февраля 1917 г. в Петербургском религиозно-философском обществе. Содержание известно по рецензии в «Утре России».

[28] Доклад, который Белый написал в октябре 1916 г. (см.: «Жизнь без Аси»; «Себе на память», № 247) и прочитал в Московском религиозно-философском обществе 30 ноября, а в Петербургском 12 февраля 1917 г. Текст доклада, являющийся на самом деле неполной рукописью статьи «Восток

или запад» (Эпоха. М.: Альциона, 1918. Сб. 1. С. 161–210), сохранился, издан М.С. Киктевым в: Ариаварта. 1998. № 2. С. 257–278 (перепечатан: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге [Петрограде]: История в материалах и документах [1907–1917]. М., 2009. Т. 3. С. 476–498).

[29] Напечатано в: О религии Льва Толстого. М., 1912. С. 142–171.

[30] Вероятно, это наброски, озаглавленные «Кризис знания», в составе которых сохранился и этот подсчет листов; они являются ранней редакцией книг «Кризис жизни» и «Кризис мысли».

[31] Белый объединяет фигурной скобкой довоенные статьи из «Трудов и дней». «Круговое движение» напечатано в: № 4–5, июль–октябрь 1912 г. С. 51–73; «Нечто о мистике» № 2, март–апрель 1912 г. С. 46–52. «Символизм» – по всей вероятности, открывающая тот же номер журнала статья «О символизме» (с. 1–7), но нельзя исключать, что статья с тем же названием из предыдущего номера (№ 1, январь–февраль 1912 г. С.10–24).

[32] Напечатан в «Скифах» (С. 155–212).

[33] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 108.

[34] «*Март.* Сергиев Посад. <...> оканчиваю свой “*Ритм и смысл”*; пишу “*О смысле познания*”» (*Белый А*. Ракурс к дневнику»... Л. 86); «*“Ритмический жест”* пишется у Вас и доделывается у С. М. Соловьева (в Посаде): февраль–март. “*О смысле познания”* пишется в марте–апреле» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка... С. 514). Эти свидетельства вместе с содержательной связью финала «Ритмического жеста» и тематики «О смысле познания» убеждают, что дата «1916» под изданием «О смысле познания» (Пб., 1922; переизд.: Минск, 1991) – результат ошибки. К примеру, под написанным в 1918 г. в Москве «Кризисом жизни» Белый также поставил дату «Дорнах, 1916 год».

[35] К ней примыкает архивный набросок характерной тематики и стилистики (ОР РГБ. Ф. 25. К. 3. Ед. хр. 12. Л. 2об.–3).

[36] Письмо Алянского от 6 июля 1918 г. (Андрей Белый и С. М. Алянский. Переписка // Лица. СПб., 2002. Вып. 9. С. 69).

[37] Первые два в 1918, третий в 1920 г.

[38] Среди его источников несомненно, лекции, читавшиеся в Антропософском обществе одновременно с работой над ним, осенью–зимой 1918 г. («О живоносном ручье европейской культуры», «О короне любви и мистерии смерти в антропософском раскрытии», «Зимнее странствие, ночь: полуночное солнце культуры»; см.: *Мальмстад Дж*. Андрей Белый и антропософия // Минувшее. № 9. М., 1992. С. 475–476, 479, 484).

[39] *Белый А.* На перевале. М.; Б., 1922.

[40] Андрей Белый и С. М. Алянский. Переписка. С. 88.

[41] *Белый А*. Дневник писателя // Записки мечтателей. 1919. № 1. С.119–132; *Белый А*. Дневник писателя: Почему я не могу культурно работать // Записки мечтателей. 1921. № 2/3. С. 113–131.

[42] Андрей Белый и С. М. Алянский. Переписка. С. 90–91.

[43] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 205.

[44] «Утопия» напечатана в «Записках мечтателей» (1921. Вып. 2–3. С. 139–144; подписана *Alter Ego*), «Песнь солнценосца» – в «Скифах» (1918. Вып. 2. С. 6–10). «Революция и культура» опубликована отдельной брошюрой (М., 1917).

[45] См. подробней в упомянутых письмах к Алянскому.

[46] Андрей Белый и С. М. Алянский. Переписка. С. 105.

[47] РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 4.

[48] Заключительная часть издана отдельно под другим названием (*Белый А.* Евангелие как драма / Изд. Э. Чистякова. М., 1996). В ней точно отражены материалы публичной лекции сентября 1920 г. «Две стихии в современном христианстве» (см.: *Мальмстад Дж.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее. № 9. С. 480).

[49] Детали процесса можно уточнить по упоминавшейся рукописи «Кризис знания».

[50] Биржевые ведомости. 1916. № 15442. 15 марта (утр. вып.) С. 2.

[51] Там же. № 15472. 30 марта, утр. вып. С. 2.

[52] Там же. № 15446. 17 марта, утр. вып. С. 2.

[53] Там же. № 15488. 7 апреля, утр. вып. С. 2.

[54] Там же. № 15635. 23 июня, утр. вып.

[55] Жизнь. 1918. № 10. 4 мая (21 апр.). С. 2.

[56] Там же. № 14. 12 мая (29 апр.). С. 3.

[57] Алессандро Комелли. «Мысли из лени» Андрея Белого [Из дневника философских мыслей] // Russian Literature. LVIII (2005). Pp. 85–92.

[58] Биржевые ведомости. 1916 г. № 15573. 29 апр., утр. вып. С. 2.

[59] Там же. № 15745. 17 авг. (утр. вып.). С. 2.

[60] Эпоха. М.: Альциона, 1918. Сб. 1. С. 161–210.

[61] Биржевые ведомости. 1916. № 15661. 6 июля, утр. вып. С. 2.

[62] *Бугаева К. Н.* Воспоминания об Андрее Белом. СПб., 2001. С. 191.

[63] *Степун Ф. А*. Открытое письмо Андрея Белого по поводу статьи «Круговое движение» // Труды и дни. М., 1912. № 4–5. С. 75.

[64] *Белый А*. Луг зеленый. М., 1910. С. 164.

[65] Андрей Белый, Александр Блок. Переписка / Изд. А. В. Лавров. М., 2001. С. 454 (письмо от 1/14 мая 1912 г.).

[66] *Белый А*. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 384–386 (гл. 9, главка «Время разочарований»). Ср. примерно то же в: *Белый А*. Между двух революций. Часть вторая // Литературное наследство. М., 1937. Т. 27/28. С. 447–448.

[67] *Белый А*. Материал к биографии (интимный)... // Минувшее. № 6. М., 1992. С. 401.

[68] Они с Петровским «переживали незабываемые вечера грозных предчувствий какого-то огромного будущего»: «А. С. в эти годы всегда поднимал во мне переживания грозного, над нами нависшего «конца»; гром апокалиптических событий из будущего ясно чувствовался; просидев вечер у Петровского, я возвращался домой Мертвым переулком и переживал Москву совсем по-особенному; целые ночи я проводил в моей арбатской квартире без сна, пугаясь тишины ‹...›» («Материал к биографии (интимный)», цит. по: Переписка Андрея Белого и А. С. Петровского / Вступ. ст., сост., коммент. и подг. текста Дж. Малмстада. М., 2007. С. 10).

[69] *Николеску Т.* Белый и экспрессионизм // Андрей Белый в изменяющемся мире. К 125-летию со дня рождения. М., 2008. С. 441–451.

[70] *Шулова Я. А.* «Петербург» и «Москва» А. Белого: (Вопросы генезиса поэтики). СПб., 2009. С. 246–292.

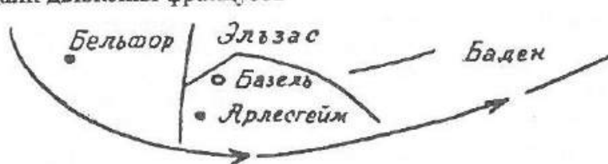
«Пушки Эльзаса» – «узел душевных событий» А. Белого эпохи Первой мировой войны

Андрей Белый – русский писатель, встретивший Первую мировую войну в нейтральной Швейцарии, в непосредственной близости от полей сражений французской и немецкой армий, пережил начало войны как личную, духовную трагедию. В письме Иванову-Разумнику, датированном первой половиной августа (ст. ст.) 1914 г., Белый подробно и точно описывает место своего пребывания и рисует карту военных действий: «Вокруг нас война; всю предыдущую неделю мы жили в районе пушечных выстрелов: бой у Бельфора, Альткирхена, Мюльгаузена мы слышали; у нас дребезжали стекла от пушечных выстрелов; долина, где мы живем, в случае, если бы повернули на нас пушки в Германии или во Франции, оказалась бы под огнем; все эти дни…»[1]

Свое нахождение в нейтральной Швейцарии во время войны Белый переживает как необходимость служения духу мира, созидания храма, объединяющего человечество для созидания культуры будущего. В письме Иванову-Разумнику 3(16) марта 1915 г. он пишет: «Отрезанность от России меня давит, и я уже начинаю хотеть, чтобы нас, ратников 2-го ополчения, поскорей призывали: но сам, своею волей не могу бросить дела, за которое мы с женой взялись: более чем когда-либо чувствую необходимость, прямо долг, отсиживаться при *Johannesbau*[2] именно сейчас, когда все живое и огромное отхлынуло либо на западный либо на восточный фронт, – именно теперь в качестве русского жить с немцами и англичанами и не отдаваться своим естественным чувствам и стремлениям, а строить *Bau* – этот знак “мира всего мира” – мне и кажется важным. Конечно, я не стал бы сидеть здесь, если бы чувствовалось, что час – наступил, что

Сначала ждали движения французов

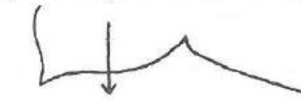
Движение обходное в Баден
Но французы пошли:

Потом французы стали как будто теснить на нас:

и все думали, что французы войдут в нашу долину.

пришла пора всем – без исключения – послужить России. Под службою я разумею реальное дело, а не “лекцию”. <…> Вот мне и кажется: в Россию мне надо ехать разве что – в лазарет, во фронт; и совсем не кажется мне важным возвращаться в Россию “*an und für sich*”[3]. <…>

А теперь, когда уже 7 ½ месяцев неустанно гремят пушки недалеко от нас, когда многие бросили *Ваи* и разъехались, должна быть кучка людей, кто сейчас, переборовши себя, остался бы на месте. Психология наша, русских при *Ваи*, вовсе не психология равнодушия, а психология добровольно отсиживающихся в осаде и выносящих всю тяжесть осады, чтобы именно в дни и часы всеобщей брани “храм мира любви” созидался.

Ваи (не говоря о внутреннем его смысле) в чисто архитектоническом смысле будет единственным и первым в мире (если смогут его довести до конца), и задача нас, русских при *Ваи*, в том, чтобы *Ваи* был и русским тоже. Говорю, если смогут его довести до конца, т. е. если соберут денег для постройки, и если – не разбежимся мы, добровольцы: а соблазн разбежаться есть; в самом деле: сонная, спящая Швейцария, сонный, спящий Базель, нездоровая местность, туман, грязь, убогие деревушки, чисто физические трудности и физическая усталость от работы здесь, а пушки напоминают: всего за несколько километров – все иное: напряженная жизнь, шум и дело; мировая война за несколько километров, и сон – здесь. Соблазн великий!.. Но я сказал себе, что уеду отсюда – либо во фронт, либо на прямое дело, а пока буду выносить страду – “здесь”. Простите, что пишу это все, но я чувствую и знаю тот укор, который бросают нам теперь из России. И право: психологически хотелось бы ответить на него лишь тем, что от работы здесь, минуя города, поехать и умереть на полях сражения, если придет час умирать за Россию. Но часа нет еще!..»[4]

В январе–июне 1915 г. А. Белый пишет книгу «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности», где снова и снова повторяет: «В событиях индивидуальных, интимных есть поступь эпохи; в событиях кружковых ее нет: есть ее искривление. События эпохальные крадутся по уединеннейшим, скрытнейшим индивидуальным сознаниям: то, что вынашивал базельский

экс-профессор, по имени Фридрих Ницше, что было голосом внутренней жизни какого-то Генриха Ибсена, чем болел Достоевский, что бросило молодого доцента Владимира Соловьева в Египет из Англии, то вскричало впоследствии тысячами рефератов и книг, пронеслось по душевному морю Европы; и – ныне обстало: событиями…»[5]

Именно такие личные, интимные переживания Белого, по ощущению его, и вызвали, и сломали хребет мировой войны. Так, в «Записках чудака» он, описывая свое переживание начала войны, связывает его прежде всего с событиями собственной духовной жизни:

«Разразилась война.

Мне казалось в первую осень войны: это я ее вызвал: во мне начиналась она; непримиримый сознательный бой с двойниками моими кипел уж с июня (война разразилася в августе)»[6]. Описание значительнейших событий духовной жизни дается пунктиром. Отточия разделяют фрагменты текста главки «Война»: «единство сознанья распалось: я был – над собой, под собой; в точке прежнего “Я” – образовалась дыра.

Тут-то вот и разразилась война: загремели орудия из Эльзаса; гремели два года..
....

Окошко уютного домика выходило в долину; весною глядели в него белокурые вишни; в проглядные полосы зорь проницали мохнатые кисти лиловых глициний; перед ненастьем отчетливо разрывались пары; островерхие гребни Эльзаса синели; оттуда болтала в заре говорливая пушка.

Так взрывы во мне стали взрывами мира; война расползалась из меня – вкруг меня»[7].

В то время он воспринимал все происходящее вокруг него как проявление вовне, в мире физическом, войны духовной и ощущал наличие своей личной вины в развязывании мировой войны. В письмах, публицистике и прозе Белого тема «Пушки Эльзаса» манифестирует динамический комплекс мотивов, в середине жизни перехваченный грохотом пушек мировой войны и расширяющийся в прошлое и будущее.

«Я хочу описать одно место. И – один момент времени. Это место мне стало родным; я к нему иногда обращаю свой взор; воспоминание строит мне образы; вижу явственно: образы, восстающие здесь мне, из этого места, – значительней всех, восстававших мне в жизни» – так начинаются «Воспоминания странного человека, Андрея Белого».

Момент, пережитый мной здесь, быть может, – значительнейший из моментов, когда-либо посланных человече-ству; он – момент начала падения огромного периода времени, столетия окостеневавшего великолепными памятниками культуры: *объявление мировой, небывалой войны* (курсив наш. – *О.Ш.*)

Место, близкое мне, затерялось под Базелем между двумя швейцарскими деревеньками: Арлесгеймом и Базелем. Это место есть холм; он зелеными склонами мягко сбегает в долину; долина же тянется до границы Эльзаса, откуда – перед дождем, когда небо особенно ясно, проступят, синея, далекие гребни Вогез; и – опять запахнутся густеющим воздухом»[8]. А.В. Лавров, комментируя употребление наименования Базеля в качестве города и деревушки одновременно, в соответствующем примечании отмечает: «Так в автографе. Видимо, описка; подразумевается: Дорнахом». Однако в этой описке Белого можно разглядеть также и момент смещения, сдвига биографического материала в эстетическое (символическое). Так в более поздних текстах именно Базель будет связан с темой «пушек Эльзаса», а Дорнах останется обозначением места духовных событий и строительства Иоаннова здания. Например, в четвертой части «Кризиса культуры» Белый писал: «Я под Базелем сам себе рассказал свою жизнь, когда терны вонзались в чело здесь – в мучительном Дорнахе; громыхали орудия – там, из Эльзаса, оповещая весь мир о падении и разрушении зданий культуры»[9].

Описание «значительнейшего момента, когда-либо посланного человечеству», завершается пейзажной зарисовкой, детали которой также будут воскрешать память о нем: «На зеленеющих склонах расселися старые, черепитчатые домишки; здесь и там проступают они красноватыми пятнами крыш из плодовых деревьев, разряжаясь и снова сближаясь; зимами, когда зелени нет, обнаруживаются здесь и там деревеньки: как на ладони, стоят они;

Вид на Гетенаум и котельную. Открытка с пометами Андрея Белого. На обороте письмо Белого матери. [1915]. РГАЛИ. Опубликовано: Андрей Белый. Линия жизни / Отв. ред. М.Л. Спивак; сост. И.Б. Делекторская, Е.В. Наседкина, М.Л. Спивак; художник Е.А. Поликашин; Комитет по культуре г. Москвы, ГМП; ГЛМ; РГАЛИ. М., 2010. 272 с. : ил., фот. С. 232

и точно бросаются к вам, приближаясь невероятно (и кажется: до этой старой, седеющей колоколенки протяните руку – наверное вы дотянетесь; а когда побежит в марте зелень волной от долины и быстро подымется вверх, одевая деревья, кустарники, травы и затопляя домишки, то все отдалится; и даже ближняя крыша, пока – <последующий текст утрачен: 10 листов автографа, за исключением фрагмента *II*>»[10].

В финале «Кризисов культуры» эта тема прозвучит снова: «Здесь – в Базеле, в Дорнахе – я подолгу смотрю на оранжево-красную черепицу домов; и – меня окружают, как Ницше, кретины; здесь предан сожжению прах Моргенштерна. Отсюда я слушаю говоры пушек в Эльзасе; переживаю здесь гибель культуры; встречаю рождение новой; и – созерцаю два купола ясного здания»[11].

«Воспоминания странного человека, Андрея Белого», названные их публикатором, А.В. Лавровым, прототекстом для «За-

писок чудака», можно также назвать «прототекстом» и для темы «пушек Эльзаса». Квалифицируя этот текст как «своего рода текст-программу, текст-абрис, текст-предварительный конспект будущего масштабного произведения», А.В. Лавров, отмечает в нем признаки «форсированной орнаментальной стилистики», когда темы, лаконично обозначенные в прототексте, развертываются в пространные повествования, восполняясь и обогащаясь дополнительными штрихами, деталями, описаниями, целыми эпизодами[12].

Тема «пушек Эльзаса» и их грохота скрепляет собой в единое целое цикл текстов, именуемых «Кризисами», эпистолярное наследие, автобиографическую, научную и художественную прозу. Так в прототекте проясняется связь темы двойничества, научного познания природы (наблюдения, описания, классификации), буржуазной действительности с темой кризиса культуры, когда «боги, демоны, души», закованные в оковы культуры, восстали «горластыми жерлами пушек из волн».

Например, во фрагменте II «Воспоминаний странного человека, Андрея Белого» возможно проследить логические связи, которые автор устанавливает между темами. В других текстах они уже предстанут самостоятельными, как бы примыкающими друг к другу. В этом смысле примечательна тема природы – двойника и ужаса ее явления, подобного встрече с призраком:

«Наблюдение такое природы возможно в период, когда вся она обернулась явлением: убежав из души, нам *предстала* (“явилась”), как призрак.

Наблюдение, описание, классификация убежавшей от нас части <,> явленной перед нами как п<рирода?> <,> наш жест: от вторжения бессмыслицы с аккуратно размеренной <?>, буржуазной <?> действительности.

Природа – двойник; встреча с ней для комнатного сознания есть ужас; от ужаса мы – закрываемся стенами: наблюдение, описание; классификация есть стена. Но за стеной ждет *двойник*.

Современные “опыты” часто – бои с двойниками; разнообразие опытов истерзало на части явленье природы; отношение наше к нему – точно к телу врага, по которому мы бьем мечом; и итоги дробленья – кусочки действительности; мы их прячем в

темницы: музеев и спиртовых препаратов; номенклатура научных понятий – градация камер тюремного замка природы; боги, демоны, души, тая свои лики в вуалях стихий, истомились в гробах: в классификационных системах. Мы заключили стихии паровозных существ в паровозных и пароходных котлах: в динамите и порохе; не удивительно: боги, демоны, души разбили оковы; и – расползаются вокруг нас: страшным миром машин; демоны, от которых оторваны мы и с которыми мы столетья боролись, терзая их груди киркой, повосстали вкруг нас – не из пены морской (как бывало): горластыми жерлами пушек из волн»[13].

Этот фрагмент во многом проясняет связь образов-тем четвертой части «Кризисов культуры»:

«В Базеле проживал Фридрих Ницше; он есть лезвие всей культуры; трагический кризис ее – в его жизненном кризисе. “Некогда с моим именем будет связываться воспоминание о чем-то огромном, – о кризисе, какого никогда не было на земле, о самой глубокой коллизии совести|… [“Ecce homo”[14]. Стр. 114.] – проговорила культура устами его; он взорвал сам себя; он взорвал в себе “немца”: *“они для него невозможны”* [Idem. Стр. 111.]*;* взорвал в себе “доброго”, *“ибо добрые не могут созидать: они… начало конца”* [Idem. Стр. 118.]; он взорвал человека в себе – в то мгновенье культуры, когда достигала последняя необычайных размахов: “В тот совершенный день, когда все достигает зрелости и не одни только виноградные гроздья краснеют, упал луч солнца и на мою жизнь: я оглянулся назад, я посмотрел вперед, и никогда не видел я сразу столько хороших вещей” [Idem. Стр. 6.].

Первое посещение Базеля (помню его, как сейчас) *было мне* в сентябре – в совершенные дни, когда явственно проступили мне контуры великолепнейшего “Евангелия от Марка”, *звучащие в лекциях Штейнера:* “Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему”… *Этим гласом был Ницше.*

Помню я Базель в те дни: виноградные листья краснели; и бросило солнце на жизнь мою луч; я впоследствии сам рассказал себе *жизнь,* мои первые детские опыты сознавания – в час, когда голос “Евангелия от Марка” гремел оглушительно над двадцатым

столетием: все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне (13:2). “Скажи нам, когда это будет?” (13:4).

“Когда же услышите о войнах и военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть; но это еще не конец. Ибо восстанет народ на народ и царство на царство… и будут глады и смятения… Предаст же брат брата на смерть и отец детей; и восстанут дети на родителей и умертвят их… Когда же увидите мерзость запустения… тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; а кто на кровле, тот не сходи в дом… Ибо в те дни будет такая скорбь, какой не было от начала творения… И если бы Господь не сократил тех дней, то не спаслась бы никакая плоть… И когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко…” (13:7, 8, 12, 14, 15, 19, 20, 29).

Я под Базелем сам себе рассказал свою жизнь, когда терны вонзались в чело здесь – в мучительном Дорнахе; громыхали орудия – там, из Эльзаса, оповещая весь мир о падении и разрушении зданий культуры.

Мне послышался голос того, кто страдал здесь, как я: “Политика… растворится в духовной войне… Формы… старого общества будут взорваны… Будут войны, которых никогда еще не было на земле… Я динамит… Я знаю свой жребий” [“Ecce homo”. Стр. 114, 115.].

Рейн – бешеный в Базеле; здесь, опрокинувшись в струи, ткет ясное солнце златистые кольца, летящие, переливаясь и разбиваясь на струях, в окаменелые берега, населенные множеством нибелунгов, ведущих с богами упорные войны за рейнское золото; вся история капитализма, приведшая к ужасам мировой катастрофы и к гибели современной культуры, – оплотневание солнечных блесков, играющих на поверхности вод; возвращение золота Рейну и есть возвращенье богатств, принадлежащих природным стихиям, – природным стихиям.

И Ницше, увидевши ценности в золоте, из которого отливали в Германии императоров и полководцев, отверг это золото; оплотневшие ценности, золото, он заклинал отдать водам, провидел он золото Солнца там именно, где для нас само солнце – тяжелый и косный металл.

Он пытался быть Зигфридом: есть легенда, что Вагнер, осознавая героя, зарисовал в нем черты экс-профессора Ницше, поднявшего над Европою на рубеже двух эпох страшный меч – меч духовной войны.

“Я хожу среди людей, как среди обломков будущего: того будущего, что вижу я” [*Фр. Ницше:* “Так говорил Заратустра”.].

“Я благостный вестник, какого никогда не было, я знаю задачи такой высоты, для которых до сих пор недоставало понятий; впервые с меня опять существуют надежды” [*Фр. Ницше:* “Ecce homo”. Стр. 115.]»[15].

Возвращение золота Рейну, возвращение богатств, принадлежащих природным стихиям, – природным стихиям – это развернутая протометафора темы «богов, демонов, душ», восставших «горластыми жерлами пушек из волн», – темы, впервые прозвучавшей в «Воспоминаниях странного человека, Андрея Белого».

«Оплотневание солнечных блесков» в золото Рейна, как и «оплотневание импульсов культуры» в музейные экспонаты, предметы изучения, наблюдения, классификации, по Белому, есть заточение их, катастрофа, приведшая к ужасам мировой катастрофы и к гибели современной культуры.

[1] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с., ил. С. 48.

[2] Иоанново здание (Bau), или Гетенаум – антропософский храм в Дорнахе под Базелем, над постройкой которого А. Белый с женой Асей Тургеневой трудились в 1913–1916 гг. Проект был разработан Р. Штейнером. Строительство здания, символизировавшего идею полного слияния духа и материи, было завершено в 1921 г. «Храм» имел два купола, соответственно большего и меньшего размера, каждый из которых внутри был двойным в целях достижения лучшего акустического эффекта. По предсказаниям автора проекта, здание Гетенаума должно было простоять 300 лет, однако в ночь под 1923 год оно сгорело.

[3] Самому по себе; безотносительно (*нем.*)

[4] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 51–52.

[5] *Белый А.* Собр. соч.: Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Общ. ред. В.М. Пискунова; сост., коммент. м послесл. И.Н. Лагутиной. М.: Республика, 2000. 719 с. С. 26.

[6] Записки чудака // Белый А. Собр. соч.: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Общ. ред. и сост. В.М. Пискунов. М.: Республика, 1997. 543 с. С. 361.

[7] Там же. С. 362.

[8] Воспоминания странного человека, Андрея Белого // МИРЫ Андрея Белого / [Сост. К. Ичин и М. Спивак]. Белград: Филол. ф-т Белград. ун-та; Москва: Гос. музей А.С. Пушкина, Мемориальная квартира Андрея Белого, 2011 (Cebojно :Grafičar). 888 с. С. I.

[9] *Белый А.* Кризис культуры // Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. 528 с. С. 262.

[10] *Белый А.* Воспоминания странного человека, Андрея Белого.

[11] *Белый А.* Кризис культуры. С. 296.

[12] Воспоминания странного человека Андрея Белого / Предисл., публ. и примеч. А.В. Лаврова // МИРЫ Андрея Белого. С. 54.

[13] Там же. С. II.

[14] *Ницше Ф.* Автобиография (Ecce homo) / Пер. с нем. под ред. и с предисл. Ю.М. Антоновского. СПб.: Прометей Н.Н. Михайлова. 1911; *Он же.* Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого / Пер. с нем. Ю.М. Антоновского. 2-е изд., испр. СПб.: Тип. Альтшулера, 1903.

[15] *Белый А.* Кризис культуры. С. 262–263.

Д.В. Верташов

Две войны в газетной публицистике Ф. Сологуба

Военная тема в публицистике Сологуба занимала значительное место и была тесно связана с размышлениями писателя о роли России в мире. Первый раз эта тема попала в газетные статьи Сологуба во время Дальневосточной войны с Японией 1904–1905 гг., в период его постоянного сотрудничества с газетой «Новости», но наиболее широкое освещение она получила в эпоху Первой мировой войны на колонках «Биржевых ведомостей» и журнала «Отечество». В настоящем докладе предпринята попытка кратко представить и сравнить два периода военной публицистики Сологуба, дать комплексный обзор его основных взглядов на два главных вооруженных конфликта с участием России в первые два десятилетия XX века.

Тема Русско-японской войны в творчестве Сологуба до сих пор не привлекала должного внимания исследователей, однако, не рассмотрев позицию писателя по отношению к важнейшим политическим и международным событиям его времени, практически невозможно в полной мере представить процесс его идейного самоопределения.

Обе войны особенно обострили у писателя Сологуба чувство истории. Являясь современником колоссальных исторических потрясений, он стремился постичь их смысл, найти в них глубинные закономерности исторического развития.

Дальневосточная война в восприятии Сологуба выступает как прелюдия для дальнейших взаимоотношений России, представляющей западный менталитет, и Японии, восточной державы: «*Теперешняя война поучительна, помимо прочего, еще и потому, что мы наблюдаем в ней не только встречу и борьбу двух рас, двух*

противоположных мировоззрений, “их поединок роковой”, но и намечаемый мало-помалу их синтез, их слияние. Пусть оно еще дело далекого будущего, но основы его уже заложены. И прочно заложены <…> последствия этого столкновения выйдут далеко за пределы простого международного спора. История народов получает, наконец, всемирное значение» [Сологуб, 1904].

Подобный ход мыслей был созвучен взглядам Владимира Соловьева на проблему исторической роли России в противостоянии восточного и западного начала, решение которой русский философ искал в идее синтеза двух антиномических начал: индивидуалистической культуры Запада и культуры Востока, подчиняющей все личное всеобщему порядку.

Вопрос самобытности русского мировоззрения, занимающего пограничное место между Востоком и Западом, давно волновал отечественную мысль (Чаадаев, Герцен, славянофилы, Данилевский, Тютчев, Леонтьев, Достоевский) и был обострен в начале XX в. событиями Дальневосточной войны.

Общее восприятие русскими символистами Дальневосточной войны находилось в контексте актуализированной ими дихотомии «Запад–Восток». Историософская концепция Соловьева использовалась в произведениях младших русских символистов (А. Блока, А. Белого) как отправная точка. Параллельно сходные концепции развивались в историософских построениях Д.С. Мережковского.

Тартуская исследовательница Е. Григорьева в своей статье о влиянии Ф. Сологуба на творческое становление Андрея Белого пишет: «Для Сологуба проблема “Запад–Восток” встает в связи с русско-японской войной, что получило отражение в статьях 1904–05 гг. и в решении “восточной” темы в романе “Навьи чары” (1907–1909)» [Григорьева, 2000, с. 108–149].

Если в стихотворении В. Соловьева «Панмонголизм» (1894) прослеживается, прежде всего, идея исторического возмездия и военной опасности, идущей с Востока на христианскую цивилизацию [Минц, 2004, с. 295–296], то для Сологуба принципиально важно не столкновение, а совмещение западного и восточного миров, которое в потенциале может привести к формированию нового мировоззрения на русской почве: «*Взаимопроникновение этих двух начал скорее дает возможность предсказывать их будущий синтез, создание нового, более совершенного миропостижения, новой морали, новой метафизики. И этот синтез особенно ярко предчувствуется на русской почве*» [Сологуб, 1904].

В программной статье «Жалость и любовь», речь идет о том, что буддийская мораль Востока основана на жалости, другая, европейская, христианская, – на любви: *«Если жалость вытекает из признания бытия призрачным, то любовь питается утверждением бытия и признанием его благостной цели. <…> Это – мораль, которая наполняет сердце мужеством и бодростью и ведет европейские народы по пути преуспевания»* [Сологуб, 1904]. Но христианские народы уже подверглись сильному проникновению в свою повседневную жизнь буддийских начал: на деле европейские народы руководствуются – *«в области чувства более состраданием, чем любовью, в области метафизики – пессимизмом, в религии – атеизмом»* [Сологуб, 1904].

Следует отметить, что Сологуб не верит в окончательную победу одного над другим – «равно могучих течений исторической энергии» – христианства или буддизма, поэтому выступает за идею синтеза, о которой также говорит Триродов, главный герой его романа «Навьи чары», почти дословно повторяя мысли, изложенные в статье «Жалость и любовь»: «Вы, кажется, видите в этой войне только политический смысл? Нет, очень признаю. Но, по-моему, кроме глупых и преступных деяний тех или других лиц, есть и более общие причины. У истории есть своя диалектика. Была бы война или не была бы, все равно в той или иной форме непременно произошло бы роковое столкновение, начался бы решительный поединок двух миров, двух миропониманий, двух моралей, Будды и Христа» [Сологуб, 2002, с. 205].

До начала 1905 г. Сологуб открыто выступает за победу и колониальную предприимчивость Российского государства, поддерживая тем самым официальную политику российского самодержавия на Дальнем Востоке. Уже первая статья 1904 г., напечатанная в «Новостях» за 19 июня под названием «Робкие таланты», посвящена теме единения и консолидации российского общества в военное

время, для убедительности своей гражданской позиции Сологуб приводит в пример имена Верещагина и Пушкина. Он констатирует, что даже самые талантливые художники не могут находиться в стороне от злободневных событий своего времени и считает позорным любое уклонение людей творческих профессий от службы в действующей армии.

Призывы к победе звучат в статьях «Международное право», «Харакири» и многих других. Однако к концу 1904 г., убедившись в невозможности победить, Сологуб ратует за перемирие: продолжение военных действий вело лишь к умножению жертв. Переходной в эволюции взглядов Сологуба на военную кампанию 1904–1905 гг. является статья «Колония на Суматре». Сологуб здесь выступает за дальнейшие мирные приобретения Российской империи в Тихом океане, ибо, по его мнению, «*...деятельная колониальная политика способствует подъему внутри страны*» [Сологуб, 1904]. Он называет военные действия «*маньчжурской авантюрой*» и предлагает купить у Голландии часть колоний в Зондском архипелаге: «*...Если вспомнить, что эмиграция из России с годами не уменьшается, если посмотреть какое превосходное для целей русской дальневосточной политики положение занимает хотя бы остров Суматра, то хочется сказать, что лучшего приобретения Россия не могла бы сделать* [Сологуб, 1904].

В этой же статье проявляется новое отношение автора к русско-японской войне, вызванное происходящими событиями: «*...Если успех предстает сомнительным, то гораздо достойнее великого государства поскорее прикончить неудачное предприятие. Не дипломатии же умирают на полях сражений, а те же самые «плательщики налогов»* [Сологуб, 1904]. К концу 1904 г. тема Русско-японской войны в публицистике Сологуба начинает получать новую интерпретацию, связанную с критикой политического строя.

Композиция многих статей Сологуба 1904 г. строится на сопоставлении двух мировоззрений: русского и японского. Так, в статье «Коварные пленники» автор пишет, что «вражда всегда от незнания» [Сологуб, 1904]. Сологуб прямо симпатизирует не только «храбрости», но и «культурности» японцев. Например, в статье

«Поведение», он ставит в пример японскую систему образования и отношение к воспитанию детей. Схожие положительные оценки у него получает и японская армия.

Совершенно иначе в публицистике периода Первой мировой войны Сологуб отзывается о немецкой культуре и армии. Еще в статье за 1905 г. «Лукавство сравнений» он называет Германию «родиной современного милитаризма», которая *«является источником постоянной тревоги, постоянных опасений всемирной войны»* [Сологуб, 1904].

Спустя десятилетие события Первой мировой войны обращают публицистику Сологуба к вечному вопросу русской мысли о России и Европе. Творчество писателя данного периода подробно рассмотрено в монографии Бена Хеллмана [Хеллман, 1989, с. 211–239]. В размышлениях Сологуба периода Первой мировой войны о месте России в мире многие исследователи выявляют связь эстетической позиции писателя со славянофильскими воззрениями и «в качестве ключевой оппозиции его произведений военного времени выделяют противопоставление миролюбивой русской душе воинственной и агрессивной души Германии» [Мисникевич, 2011, с. 401].

Пафос военной публицистики Сологуба лег в основу лекции «Россия в мечтах и ожиданиях», с которой Сологуб в 1915–1917 гг. объездил всю Российскую империю. Первая мировая война воспринималась Сологубом не только как небывалый по своим масштабам вооруженный конфликт, но и как борьба славянской расы против крайностей материальной европейской культуры в лице Германии. Возлагая всю ответственность за начавшуюся войну на немцев, писатель считал, что культура материалистического Запада постепенно приходит в упадок. Он отдает должное «высокому развитию немецкой цивилизации», однако его возмущает беспринципная жестокость немцев на полях сражений, они «беспощадны к христианским святыням, с особенным неистовством превращают храмы в развалины, оскверняют церкви» [Гримм, 1914, с. 77].

Вместе с тем европейская ориентация, которая доминировала среди русской элиты со времен Петра I, оказалась, по Сологубу, несостоятельной, так как не смогла органично прижиться «на

русской почве»: *«Европейская ориентация у нас терпит кризис, размеры которого так велики, как мы теперь только с трудом можем представить, потому, что европейская культура потребна нам только отчасти, в предметной своей части, а не целиком, как мы хотели ее взять. Никогда, думаю я, не дойдем мы до того "культа вещей", которым так характеризуется та же немецкая цивилизация, и никогда душу свою, Марию, не променяем на тело ее, Марфу. Этот культ вещей порабощает европейца, и держит его в очень тесных рамках буржуазного бытия. Мы свободны от этого рабства вещам, и должны остаться свободными»* [Сологуб, 1914].

В статье Сологуба «Отечество для всех» роль русской интеллигенции видится им в служении воинствующему народу, в содействии достижению стоящих перед ним ратных целей.

Отношение Сологуба к Мировой войне перекликалось с идеями неославянофилов, общим мнением которых о войне было то, что она явила собой не столкновение государств, а борьбу национальностей и культур. На долю России выпала особенно важная миссия в войне. Н.А. Бердяев в работе «Судьба России» писал: «Германская раса истощит себя в милитаристическом империализме. Бьет тот час мировой истории, когда славянская раса во главе с Россией призывается к определяющей роли в жизни человечества» [Бердяев, 2000, с. 235].

Одной из основных стратегических целей России в войне Сологуб видел завоевание Константинополя. В статье «Порог житницы» он писал: «*Кто бы ни сидел в Константинополе, кроме русских, все это будет одинаково нелепо. Никто, кроме России, не может вывозить из Черного моря такого громадного количества товаров, нужных для Западной Европы»* [Сологуб, 1915].

Писатель воспринимал Мировую войну как роковое знамение, которое должно принести множество поучительных, полезных плодов для российского общества, и возлагал особенные надежды на союз с Англией. Он считал, что из всех мировых держав только Россия и Англия строят основы своего могущества на землях и племенах религиозного Востока, а не материалистического Запада. Этим странам в будущем «*предстоит великая задача объединить в одну мировую громаду миролюбивые и во истину культурные народы Индии, Китая, Японии. И когда это соединение народов мистического Востока произойдет, измученной земле дарована будет последняя свобода и дарован будет благостный мир. Но для этого надо, чтобы Россия поняла свое призвание – быть Востоком и строить свою культуру на высоких мистических откровениях, ведущих народы к миру и к любви»* [Сологуб, 1915].

По глубокому убеждению Сологуба, в военное время выходили на поверхность и проявлялись скрытые в обыденной жизни глубинные черты общего народного сознания. Война должна ускорить в европейских народах процесс национального самосознания, стать средством пробуждения в русском народе неведомых ранее сил: *«Испытывая противника, попутно испытывают путем сравнения и самих себя. Испытывают людей и порядки, строй жизни и склад своих и чужих характеров и нравов. Вопросом о том, кто такие они, обострится вопрос о том, кто же мы сами»* [Сологуб, 1915].

Подводя итоги, можно отметить, что во взглядах Сологуба на обе войны было много общего. Статьи периода первой Мировой в целом продолжают основные темы и мотивы, затронутые писателем еще во время русско-японской войны. Однако есть некоторые отличия, например, если к японской культуре и армии Сологуб относился с нескрываемым уважением, то Германия в его статьях, описывалась в более сдержанном тоне. Во время русско-японской войны Сологуб сосредоточил свою публицистическую мысль главным образом на дихотомии «Запад–Восток», сравнивая буддийскую мораль с христианской. В эпоху же первой Мировой войны он особенно часто обращался к извечной проблеме русской мысли «Россия и Европа».

Литература

Бердяев Н.С. Судьба России. М., 2000.

Григорьева Е. Федор Сологуб в мифе Андрея Белого // Блоковский сборник. Тарту, 2000. [Вып.] 15. С. 108–149.

Гримм Э.Д. Пьяные илоты. Немецкие бесчинства и европейская культура // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 76–93.

Минц З.Г. Владимир Соловьев – поэт // Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 295–296.

Мисникевич Т.В. «Польский вопрос» в лирике и публицистике Федора Сологуба // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 401–411.

Сологуб Ф.К. Выбор ориентаций // Отечество: Иллюстрированная летопись. 1914. № 6. 14 дек.

Сологуб Ф.К. Завоевание правды // Биржевые ведомости. 1915. 7 апр..

Сологуб Ф.К. Жалость и любовь // Новости. 1904. № 230. 21 авг.

Сологуб Ф.К. Коварные пленники // Новости. 1904. № 270. 30 сент.

Сологуб Ф.К. Колония на Суматре (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 328. 3 л.).

Сологуб Ф.К. Лукавство сравнений (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 343. 4 л.).

Сологуб Ф.К. Мировая громада // Биржевые ведомости. 1915. 28 янв.

Сологуб Ф.К. Порог житницы // Биржевые ведомости. 1915. 20 февр.

Сологуб Ф.К. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4: Творимая легенда. М., 2002.

Сологуб Ф.К. Харакири // Новости. 1904. № 273. 3 окт.

Хеллман Б. Когда время славянофильствовало. Русские философы и Первая мировая война // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Проблемы истории русской литературы начала XX века. Helsinki, 1989. P. 211–239.

Н.А. Богомолов

Неосуществленный цикл О.Э. Мандельштама и журнальная полемика 1915 г.[1]

То, что стихи Мандельштама могут, а зачастую и должны восприниматься не только сами по себе, исключительно как замкнутый на себя текст, но и среди текстов иных, которые проясняют смысл того, который интересует читателя / исследователя, давно уже стало аксиомой. Однако широта этого контекста для пишущих об этом авторов колеблется от предельно широкого (именно так чаще всего и бывает) до очень локального. Мы хотели бы предложить сегодня толкование причин появления одного не до конца сформированного и утраченного в последующих публикациях мандельштамовского цикла, исходя из места и времени его появления.

Соотношение поэзии Мандельштама с современными общественными и политическими темами, обсуждавшимися на страницах повременной печати, стало, особенно в последние годы, предметом значительного внимания. Не претендуя на исчерпание накопившейся обширной литературы, назовем только несколько работ, вплотную и подробно посвященных этой теме: книга и статья Д.М. Сегала[2], небольшие книги М.Л. Гаспарова[3] и О.А. Лекманова[4]. Разные по своим целям, задачам и методологии, они нацелены, однако, на то, чтобы продемонстрировать: стихи Мандельштама должны быть рассмотрены не только в «большом» контексте идей великих авторов, но и в более узком, предопределенном темами и запросами своей эпохи.

Нас заинтересовала небольшая публикация Мандельштама, состоящая из трех стихотворений. В просуществовавшем лишь полгода еженедельном журнале «Голос жизни» в № 14 от 1 апреля 1915 г. была страничка стихов (с. 10), на которой слева разме-

щались стихи: *Мандельштам О.* Из цикла «Рим». 1. «О временах простых и грубых…»; 2. (Памяти Воронихина) [«На площадь выбежав, свободен…»], 3. «Посох мой – моя свобода…», а справа следовали два стихотворения поэта совсем иного, как будто бы ни в чем не сравнимого с Мандельштамом: *Тиняков Александр.* Слава будням; Цивилизация[5].

Историю публикации мандельштамовского текста узнать легко. В дневнике С.П. Каблукова за 6 февраля 1915 г. читаем: «Вчера днем был у Мережковских. <…> Главная же цель моего посещения – пристроить в “Голосе жизни”, редактируемом Философовым, некоторые стихотворения И. Мандельштама. Гиппиус берет “Египтянина”, “В морозном воздухе…”, “Я не слыхал рассказов Оссиана…”, “Неумолимые слова…”, “Посох мой…”, “Казанский собор”, “О временах простых и грубых…”. Уведомил об этом Мандельштама, спрашивая, согласен ли он отдать эти стихи “Голосу жизни” по 50 к. за строку»[6]. Из этих семи стихотворений шесть были в журнале напечатаны, только «Я не слыхал рассказов Оссиана…» осталось неопубликованным – скорее всего поскольку журнал прекратился: вторая подборка мандельштамовских стихов появилась в № 25, а № 26 стал последним.

Для нас существенно, что стихотворения в журнал отбирала З.Н. Гиппиус и, вероятно, она же занималась дальнейшей их судьбой. Вообще, стихотворный раздел в «Голосе жизни» теснейшим образом связан с ее интересами и знакомствами. Не говоря о публикациях собственных ее стихов, следует отметить, что она была в давних и тесных отношениях с П.С. Соловьевой (Allegro), С.А. Андреевским, своим дальним родственником Вл.В. Гиппиусом (дважды печатавшимся в журнале под псевдонимом Вл. Бестужев), А. Блоком. В круг ее младших друзей и учеников входили Н. Ястребов, М. Шагинян, ставшие ей близкими уже в годы эмиграции Г. Иванов и Г. Адамович. Кажется, есть основания приписать появившиеся в № 22 стихи Владимира Зыбина «Суламита» будущему секретарю Мережковских В.А. Злобину. Есениным она была чрезвычайно заинтересована и писала о нем. Конечно, были в журнале стихи и тех авторов, о связях которых с Гиппиус мы знаем мало или не знаем вообще (акмеисты по своей бывшей общности[7] – Н. Гумилев, С. Городецкий и А. Ахматова[8]; Н. Клюев и А. Ширяевец, М. Моравская, Н. Бруни, М. Струве, А. Толмачев, Р. Ивнев, Н. Адуев, Л. Галич (Габрилович), Д. Крючков), но все же, как кажется, в отборе поэтических имен прослеживается определенная линия, где появление стихов Мандельштама выглядит совершенно логичным. Но почему здесь, в таком соседстве, и почему циклом, который потом никогда у Мандельштама не фигурировал?

Как кажется, ответ заключается именно в соседстве на одной полосе двух поэтов, о котором мы говорили. Подтверждается это и тем, что непосредственно предшествует стихам Мандельштама статья М. Шагинян «Европа и мы. Ответ г. Тинякову». Понятно, что ответ этот – часть спора, который проходил на страницах не только «Голоса жизни», но в основном все-таки в этом журнале.

Формально началось все статьей Тинякова «К переоценке ценностей», напечатанной в восьмом номере. Если попробовать вкратце изложить ее суть, то, видимо, получится примерно вот что: «Великая по своим размерам война должна привести и к великим внутренним переменам. Она властно требует от нас переоценки, – если не всех, то большинства культурных ценностей. И прежде всего она требует пересмотра, упорядочения и углубления наших отношений к западно-европейской цивилизации. <…> К началу XX века несоответствие между достижениями материальной, интеллектуальной и духовной культуры на Западе стало угрожающим. Рядом с гигантским развитием техники и всяческих прикладных знаний шло в Европе моральное одичание <…> Технический прогресс заставляет человеческий организм видоизменяться быстрее, чем этого требуют законы природы, он заставляет людей сообразовать работу своего сознания с работой всяческих машин, и в конце концов машина подчиняет себе человека физически и умственно. <…> Опьяненные внешними победами над природой, люди перестают думать о внутренней борьбе и, благодаря этому, они преждевременно слабеют физически, развращаются умственно, мельчают духовно. <…> Мы еще должны долго и много работать, чтобы воспринять и воспитать в себе европейское, германское упорство, немецкую волю; но с помощью этой воли мы должны развивать не технику, не фабрики и заводы, не пути сооб-

щения, а наше нравственное “я”. “Пусть побывавшая в европейской школе Марфа хлопочет и заботится о всем внешнем, – хозяйкою нашего великого русского дома останется все же мечтательная и молитвенная Мария, сидящая у ног Христовых”, – пишет Сологуб. Но если так, то хозяйке нашего дома не нужны броненосцы и граммофоны и заботы о чем-либо подобном, ибо Мария не забудет слов Учителя, сказанных ее сестре: “Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно”. Здесь не может быть колебаний и совмещений: Христос и Эдиссон идут в разные стороны, и если нам душа Марии действительно ближе души Марфы, то мы пойдем за Христом, не слушая того, что нам будет кричать Эдиссон в усовершенствованную телефонную трубку. И не только сами пойдем, но и наших западных братьев попытаемся увлечь на наш путь!»

Здесь Тиняков открыто полемизирует с Ф. Сологубом и вообще с позицией журнала «Отечество». Еще в конце 1914 г. Сологуб писал о современных проблемах:

«Перед нами стоит трагический вопрос: сохранить ли нам нашу влюбленность в европейскую, в частности, в германскую, культуру, или это европейское, германское разлюбить.

....
....
....
....
....
....
....
....
....

Вот в этом-то и состоит наша интеллигентская трагедия. Кто милее: Европа или Россия? Где наша истинная родина? в степях восточной Европы или в парках Версаля? <…>

Интеллигенция же наша переживает критический момент. Если она и для себя желает от последствий этой войны некоего блага, если она хочет, чтобы и для нее эта война стала освободительною, то ей придется многое преобразовать в строе своего

миропостижения. Европейская ориентация, проводимая слишком прямолинейно и в тех областях, где она не потребна, оказывается для нас столь же трагическою, как для поляков могла бы оказаться ориентация австрийская, если бы поляки пожелали в этом упорствовать.

Кризис европейской ориентации состоит не в том, что европейская культура оказалась несостоятельною <…>

Европейская, в частности, германская культура еще крепка и добротна, что и сказывается, между прочим, в той деловитости и в том одушевлении, с какими германцы ведут эту войну. Но нам-то культура эта несродни.

Европейская ориентация у нас терпит кризис, – размеры которого так велики, как мы теперь только с трудом можем представить, – потому что европейская культура потребна нам только *отчасти*, в предметной своей части, а не целиком, как мы хотели ее взять. Никогда, думаю я, не дойдем мы до того “культа вещей”, которым так характеризуется та же немецкая цивилизация, и никогда душу свою, Марию, не променяем на тело ее, Марфу. <…>

Это не значит, конечно, что нам следует отвергнуть материальную культуру Европы. Технику и законодательство, манеру строить дороги и дома и строить даже внешние формы жизни, – все это будем брать по-прежнему или даже еще энергичнее, но всему этому дадим только служебное значение. Пусть побывавшая в европейской школе Марфа хлопочет и заботится о всем внешнем, – хозяйкою нашего великого русского дома останется все же мечтательная и молитвенная Мария, сидящая у ног Христовых.

Мы – не Запад и никогда Западом не будем. Мы – Восток религиозный и мистический, Восток Христа, предтечами которого были и Платон, и Будда, и Конфуций. Трагедию нашу мы должны разрешить в том, чтобы над крушением европейской ориентации вознести то новое слово, которое мы давно обещаем миру, но которое уже давно дано нам в мистическом миропостижении Востока. Довольно нам ориентироваться на Запад, пора нам найти в самих себе нашу правду и нашу свободу, опереться на исконное свое, вспомнить древние наши были, оживить в душе торжественные звоны вечевых колоколов.

В идеалистичности нашей интеллигенции, в ее высокой незаинтересованности лично для себя, вот в этом нашем прекрасном свойстве и сказывается наша тоска по тому сокровищу, которое нам дано, но которое мы держим под спудом»[9].

Сологубовская нота восхищения интеллигенцией была хотя бы отчасти продиктована позицией всего журнала, в редакционном манифесте уже второго номера писавшего:

«Наше общественное развитие совершалось под знаменем служения народу. Любовь к народу одушевляла нашу интеллигенцию и нашу литературу. Заботы об облегчении народной тяготы, о благе народа направляли деятельность нашей интеллигенции, отдававшейся этому делу беззаветно и безоглядно[10]. Пришла война; нездешней силой брошен наш народ на арену мировой войны; безумное нападение врага вынуждает народ к защите. И на границах нашей земли борется наша армия – самое лучшее народное представительство из всех, что были до сих пор в России. Эта армия должна сломить упорство врага и обеспечить достойное существование нашей родине.

Интеллигенция остается верной своему старому знамени, верной заветам своих духовных вождей. Служение воинствующему народу, содействие к достижению стоящих перед ним ратных целей, – вот та истинно демократическая задача, которая раскрыта теперь перед нашей интеллигенцией. Не только материального содействия, материальной помощи требует воинствующий народ – такое требование наименее обременительно для духа, – но поддержки духовной, создаваемой уверенностью в полном слиянии надежд мирного населения и чаяний русского войска. Интеллигенция русская, не останавливавшаяся никогда перед самыми дорогими жертвами, не раз отдававшая жизни лучших своих сынов, не может и не должна остановиться и перед жертвой духа, которая вызывается основным фактом – приятием войны.

Все способности своего духа, всю свою энергию должна исчерпать русская интеллигенция для того, чтобы помочь вожделенной цели русского воинства – победе. Ни “предрассуждения” мирного времени, ни “перспективы” будущего, которые, возникая в сознании интеллигенции, пугают ее, не должны иметь места в

мотивах ее деятельности. Воинствующий народ одушевлен желанием победы, и интеллигенция должна употребить все свои усилия к тому, чтобы это одушевление росло беспрерывно и становилось все более и более энтузиастическим»[11].

Но для общей позиции «Голоса жизни» не менее важно было и то, что «Отечество» (также в редакционной статье) весьма резко отвечало на выступления Мережковских первых военных месяцев:

«Д.С. Мережковский возмущен нашим отношением к войне. Мы с любовью и благоговением относимся к ратному труду, подъятому русским народом, и высказываем убеждение, что все русские люди, каждый в своей сфере, должны содействовать достижению основной задачи войны – полнейшей и скорейшей победе над врагами. Русская интеллигенция не может, не должна отказать в словах любви и сочувствия русскому народу, ведущему войну……………………………………………………………

………………………………………………………………
…………………………………………………………………
…………………………………………………………………
…………………………………………………………………
…………………………………………………………………
…………………………………………… Какая злость и какое бездушие нужно для того, чтобы делать такие уподобления!

Идет жестокая война. Кровь и ответственность на всех нас. Слезы, стоны, клики сочувствия несутся со всех сторон; никто не может чувствовать себя не затронутым войной. Один Д.С. Мережковский избрал благую часть: он умыл руки в крови, как некое историческое лицо, и, отойдя в сторону, стал подсвистывать и подхихикивать всем, кто говорит, что война – не постороннее нам дело, а наше, кровное наше дело»[12].

Конечно, впрямую отвечать на такие обвинения было бы весьма затруднительно, особенно ввиду военной цензуры, оставившей следы в виде строк точек даже во вполне благонамеренных текстах Сологуба и редакции «Отечества». Кажется, именно поэтому для полемики Мережковские, используя «Голос жизни», доверили слово Тинякову, вхожему к Сологубу и даже печатавшемуся в его журнале[13], а также публиковавшемуся в «Отечестве»[14].

На статью «К переоценке ценностей» первой Тинякову отвечала Гиппиус, писавшая: «Очень опасен уклон статьи г. Тинякова <…> Опасен и неверен, хотя исходит автор из верных положений, – о *двойственности* культуры. <…> Переразвитие внешней культуры ведет к механике, к автоматизму – к падению; переразвитие стороны внутренней – к разъединению, к вымиранию, к одичанию – т. е. опять к падению. У нас и у немцев – две разные, но *равные* опасности. Перепроизводство внешней культуры у немцев в ущерб внутренней (всякое ненормальное развитие одной стороны идет в ущерб другой, соответственно умаляет ее), грозит им механикой, разложением личности; наше переразвитие духовное, не гармонирующее с уровнем нашего внешнего развития, носит в себе ту же, обратную, но равно страшную угрозу. А г. Тиняков предлагает нам следовать дальше как раз по этому, самому для нас опасному склону. <…> К вырождению ли духа ведет путь или к вырождению плоти – на конце обоих одинаковая гибель. Допустим, что в Германии разлагается личность; а мы будем ли правее и счастливее, если у нас начнет разлагаться – общество? “Христос и Эдиссон идут в разные стороны”, – утверждает г. Тиняков. Сопоставление не из удачных, но все равно, мы берем не личности, а принципы. И тут я должен в сотый, в тысячный раз сказать: нет, они именно идут в одну сторону, вместе, неразрывно слитые в одном *движении*. Мало того: в Христе уже есть Эдиссон, и отречение от Эдиссона равносильно отречению от Христа»[15].

Следующей была Шагинян, статью которой мы уже упоминали. В запальчивости она во многом была несправедлива по отношению к Тинякову, который отвечал ей[16], после чего полемика на страницах журнала прекратилась, но Тиняков продолжал думать и писать, результатом чего явилась его рецензия на книгу С.Н. Булгакова «Война и русское самосознание», в которой он попрекал Булгакова теми же самыми положениями, которыми ранее попрекали его самого: «Спора нет – переразвитие техники, угрожающее Западной Европе, не может быть названо явлением положительным. Современная война гораздо красноречивее Герцена доказывает, что забота об одном лишь материальном развитии при слабом внимании к совершенствованию моральному

приводит не к прогрессу, а к катастрофе. Но порицанию в данном случае может подлежать лишь временное направление западно-европейской активности, а не сама активность. Критиковать западно-европейскую культуру и даже внешнюю цивилизацию русским людям следует с величайшей осторожностью. Уклон к одностороннему, исключительно материальному развитию, конечно, опасен, но смертельно опасным он может быть лишь для нации, бедной духовно и умственно. Думать иначе, высказывать, например, мысль, – что Германия съедена техникой и мещанством, – значит высказывать неверие в жестокую мощь общеевропейского духа, своеобразной ветвью которого является и наш русский дух… И если Германии угрожает одностороннее развитие техники, нам угрожает враг более опасный, старинный наш недуг: недоразвитие воли, выражающееся во всякого рода внешних неустройствах. Устремляя все свое внимание на цели конечные и последние, мы – в то же время не исполняем нашего земного назначения, и живем шатко, безнравственно, безрадостно и безвкусно. Г. Булгаков склонен думать, что причиною этого является наше возвышенное стремление к “невидимому, небесному граду”, какового стремления совсем-де нет у “мещанской” Европы… Но что, если это стремление уже в достаточной степени выцвело и полиняло в русской душе? Что, если наша внешняя бедность является уже не следствием внутреннего богатства, а всего-навсего результатом лени и бессилия?!»[17] Впрочем, для наших целей это уже не слишком существенно.

Существенно то, что стихи Мандельштама были вставлены в сердцевину полемики о судьбах России, ее нынешнем и грядущем предназначении. Конечно, полемика эта для читателя начала XXI века выглядит наивной и повторяющей азы русской и западной историософской мысли, но в то время она такой не представлялась. Виртуальный цикл Мандельштама «Рим» должен был представлять «западническую» точку зрения, и не только в полемике между публицистическими выступлениями, но и в поэзии, ибо два стихотворения Тинякова откровенно фиксировали его тогдашние убеждения. В стихотворении «Слава будням» воспевается повседневность в противовес «мечте-царевне» (об этом Тиняков – в еще

более откровенной форме – будет писать в целом ряде рецензий, в том числе и на книги лично близких ему авторов[18]), а в «Цивилизации» проклинаются достижения последней:

Из камня мы громады строим,
Из стали делаем зверей
И, точно псы пред смертью, воем
При мертвом свете фонарей.

Понятно, что для внимательного читателя журнала, следившего за внутренней полемикой, становилось очевидно, что и стихи Мандельштама следует понимать не столько как осмысление извечных проблем, волновавших еще Чаадаева[19], сколько как реплику в остром споре весны 1915 г. И этот контекст осмысления стихов должен быть ясен также и современным читателям.

Вероятно, такое «инструментальное» использование стихов Мандельштама и побудило их автора в дальнейшем отказаться от представления всех или, по крайней мере, большей части «римских» стихов в виде единого цикла. Помещенная в раскрываемый нами контекст публикация выглядела слишком сиюминутной, слишком привязанной к обстоятельствам дня, а потому оказалась скомпрометированной, и в дальнейшем Мандельштам, оставляя стихи в итоговых собраниях, подавал их разрозненно.

[1] Первоначальный краткий вариант статьи опубликован: Созидающая верность: К 90-летию А.А. Тахо-Годи. Вып. 16. М., 2012. С. 297–304. (Б-ка А.Ф. Лосева; Спецвып.). Для настоящего издания текст увеличен в два раза.

[2] *Сегал Д.* Осип Мандельштам: История и поэтика. Jerusalem; Berkeley: Berkeley Slavic Specialtues, [1998]. Ч. I. Кн. 1–2 // Slavica Hierosolymitana. Vol. VIII–IX; *Он же.* «Сумерки свободы»: О некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Сегал Д. Литература как охранная грамота. М., 2006. С. 458–517.

[3] *Гаспаров М.Л.* О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. М., 1996.

[4] *Лекманов О.А.* Поэт и газеты: Стихи О. Мандельштама 1930-х годов. Saarbrücken, 2011; *Он же.* Читатель газет: Пресса как фон стихотворений Мандельштама 1930-х годов // «Сохрани мою речь…». М., 2011. Вып. 5/2. С. 495–605; см. также его кн.: Русская литература XX века: Журнальные и газетные «ключи». Этюды. М., 2005.

[5] Тексты стихотворений Мандельштама общеизвестны, тексты же Тинякова воспроизведены: *Тиняков А. (Одинокий).* Стихотворения. Томск; М., 2002. С. 83–84, 127–128. Первое было включено во вторую книгу его стихов – «Треугольник» (Пг., 1922), второе планировалось включить в книгу «Весна в подполье», так и оставшуюся в рукописи («Слава будням» также входила в эту неизданную книгу).

[6] *Мандельштам О.* Камень. Л., 1990. С. 249.

[7] Напомним, что к 1915 г. былое единство группы акмеистов оказалось основательно нарушенным: поссорились Гумилев и Городецкий, прекратил существование «Цех поэтов», Нарбут и Зенкевич все более склонялись к «левизне», выражая намерение вступить в коалицию с кубофутуристами.

[8] Она вообще удостоилась всяческих «оммажей» на страницах журнала.

[9] *Сологуб Ф.* Выбор ориентации // Отечество. 1914. № 6. С. 104–105, 107.

[10] Ср. в статье Сологуба: «Мне кажется, что нет другого сословия или класса, обреченного на более скорбную трагедию, чем прекрасная, многострадальная русская интеллигенция. Каждый класс имеет свой интерес, отстаивает его, как умеет, и видит врага в том, кто и есть его враг. Русская интеллигенция привыкла видеть свой интерес в торжестве справедливости и гуманности, в устройстве счастия для мужика, для рабочего, для Польши, для евреев» (Отечество. 1914. № 5. С. 105).

[11] Война, народ и интеллигенция // Отечество. 1914, № 2. 9 нояб. 2-я стор. обложки.

[12] Редакция. Вынужденный ответ // Отечество. 1914. № 7. С. 140.

[13] См.: *Тиняков А.* «Комплименты» // Дневники писателей. 1914. № 3–4. С. 24–28.

[14] *Тиняков А.* Фальшивые итоги // Отечество. 1915. № 2. С. 35–39.

[15] *А. Кр<айний>.* Равноценности // Голос жизни. 1915. 25 февр. № 9. С. 1.

[16] *Тиняков А.* Письмо в редакцию // Голос жизни. 1915. № 18. 29 апр. С. 18.

[17] *Тиняков А.* Византиец XX века // Речь. 1915. № 211 (3234). 3(16) авг. С. 3–4.

[18] См., напр., его отзывы на «Озимь» (*Чернохлебов И.* Критика с погоста // Голос жизни. 1915. № 19. 6 мая. С. 19–20) и «Лебединые клики» Б. Садовского (Речь. 1915. № 246 (3269). 7 (20) сент. С. 3–4), «Радугу» М. Долинова (Ежемесячный журнал. 1915. № 7. С. 157) и др.

[19] О чаадаевских подтекстах «Посоха» пишут все комментаторы.

О.А. Лекманов

«Стихи о неизвестном солдате» Осипа Мандельштама: опыт прочтения

Сложнейшие «Стихи о неизвестном солдате» (1937) – это и камень Грааля, но и камень преткновения для исследователей творчества Мандельштама. Очень многие мандельштамоведы в какой-то момент своей научной биографии решали для себя: «Готов!» – и принимались упоенно анализировать самое длинное и самое темное стихотворение поэта. Было сделано множество ценнейших наблюдений, выявлено несколько убедительнейших подтекстов, однако стихотворение в целом продолжает оставаться загадочным и недопонятым.

И вот мы тоже ощущаем, что не в силах более противиться желанию предъявить результаты собственного (недо)понимания этого эпохального текста, так сказать, urbi et orbi.

Самым удобным способом интерпретации показалось нам построфное комментирующее чтение стихотворения[1]. Отброшенные поэтом строфы и строки для объяснения темных мест не привлекались. Ловлей подтекстов в этой работе мы тоже почти не занимались, а из наблюдений предшественников самыми существенными для нас оказались два – одно более общее, другое более частное.

Более общее – вчитываясь в строки «Стихов о неизвестном солдате», нужно всё время держать в памяти ключевой микрофрагмент из мандельштамовского «Разговора о Данте» (1933): «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку»[2].

Более частное наблюдение – современники автора «Стихов о неизвестном солдате» хорошо помнили то страшное и символическое впечатление, которое на всё человечество произвело появ-

ление в небе аэропланов в годы Первой мировой войны. Теперь и Небо воспринималось не как утешитель и свидетель, а как активный участник кровопролитных сражений. Соответственно, новый смысл обрела привычная для описания войны метафора Апокалипсиса – кары Неба человечеству за его грехи.

Разумеется, очень часто мы будем совпадать в своих гипотезах и выводах с филологами, анализировавшими «Стихи о неизвестном солдате» до нас, а иногда просто использовать их замечательные находки. После некоторых колебаний и размышлений мы решились в данном варианте работы не загромождать текст бесчисленными ссылками.

Заранее просим прощения у всех без желания обиженных.

* * *

(I) Этот воздух пусть будет свидетелем,
Дальнобойное сердце его,
И в землянках, всеядный и деятельный,
Океан без окна – вещество.

Под «воздухом» здесь, очевидно, подразумевается небо в двух его воплощениях: (а) небо над полем битвы со стучащим «сердцем» – военным аэропланом в эпицентре (в которое, возможно, целится дальнобойное орудие и которое само может выступить в роли дальнобойного орудия) и (б) небо («воздушный океан»), заполняющее собой окопы и землянки (в землянках, в отличие от обыкновенных домов, нет окон, поэтому и небесное «вещество» изображается у Мандельштама «без окна»).

Почему окопный «воздух» тоже описывается как небо? Потому, что смерть теперь правит бал и на небе, и на земле, и под землей, следовательно, разница между «воздухом» над землей и под землей утрачивается. Соответственно, оба неба призываются в свидетели на грядущем Страшном Суде (ср. идиому: «Призываю небо в свидетели!»).

(II) До чего эти звезды изветливы!
Всё им нужно глядеть – для чего? –
В осужденье судьи и свидетеля,
В океан без окна, вещество…

«Судебная» тема развивается. Картина дополняется образом звезд-доносчиц («изветливы» от «навет»). 3–4-я строки, по-видимому, могут пониматься двояко. Либо: (а) звезды глядят на поле битвы, осуждая не только ее свидетеля (небо), но и самогó судью-Бога (допустившего участие неба в битве); либо: (б) звезды сверху глядят на место «осужденья» «судьи и свидетеля», т. е. на («в») окопы поля битвы.

(III) Помнит дождь, неприветливый сеятель,
Безымянная манна его,
Как лесистые крестики метили
Океан или клин боевой.

Начнем с попытки объяснения 3–4-й строк этой строфы: словосочетание «клин боевой» наводит на мысль, что «крестики», метящие воздушный «океан», – это аэропланы с деревянными («лесистыми») крыльями и фрагментами корпуса. Но «лесистые крестики» – это, без сомнения, и деревянные могильные кресты. Таким образом, небо и земля как место гибели и даже возможного упокоения сражающихся солдат вновь и уже более явственно предстают в стихотворении отраженными друг в друге (еще более прямо об этом будет сказано в V строфе). Если принять эту интерпретацию, то «дождь» из первой строки третьей строфы без насилия над текстом превратится в «неприветливого сеятеля» сбрасываемых с аэроплана бомб, без разбора дарующих свою страшную «безымянную манну» находящимся внизу солдатам. Тогда эпитет «безымянная» (смерть) из второй строки этой строфы встает в один ряд с эпитетом «неизвестный» (солдат) из заглавия всего стихотворения.

(IV) Будут люди, холодные, хилые,
Убивать, холодать, голодать –
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.

В этой строфе для нас самое интересное – соотношение прошедшего и будущего времен. Ничто не мешало Мандельштаму начать третью строку со слова «хоть», и тогда бы смысл высказывания был предельно ясным: люди всё равно будут убивать

друг друга, хотя трагический символ прошедшей войны (могила неизвестного солдата), казалось бы, мог послужить для сражающихся предостережением. Но у Мандельштама, кажется, речь идет о другом: люди еще только «будут» убивать друг друга на полях сражений, а «неизвестный солдат» уже «положен» в своей «знаменитой могиле». Подобно тому как одно пространство (земля) в стихотворении отражается в другом (небе), а небо – в земле, будущее в «Стихах о неизвестном солдате» отражается в прошлом, а прошлое – в будущем (ср. далее в финальной строфе стихотворения: «…и столетья // Окружают меня огнем» – и предшествующие, и грядущие).

(V) Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой воздушной могилой
Без руля и крыла совладать.

В этой строфе (где впервые в стихотворении появляется «я») план укрупняется: перед нами уже не обобщенные поле битвы, звезды, дождь, люди, а конкретный падающий самолет и погибающий в нем летчик. Особое внимание обратим на словосочетание «воздушной могилы» из 3-й строки этой строфы, в котором сконденсировано намеченное ранее со(противо)поставление земли и неба. Поскольку теперь убивают и в небе, прямо там можно хоронить, как раньше хоронили в земле (к которой неуклонно приближается «ласточка» – аэроплан). Не обойтись в данном случае и без указания на многократно отмеченный подтекст – «Демон» Лермонтова с его строками: «На воздушном океане / Без руля и без ветрил / Тихо плавают в тумане / Хоры стройные светил».

(VI) И за Лермонтова Михаила
Я отдам тебе строгий отчет,
Как горбатого учит могила
И воздушная яма влечет.

Еще один крупный план. Цитата из «Демона» ассоциативно притягивает в стихотворение упоминание о Лермонтове – поэте и воине, за судьбу которого автор (тоже поэт) готов дать «строгий

отчет» читателю (или Богу на Страшном Суде?). Здесь впервые в «Стихах о неизвестном солдате» намечается собственное местоположение Мандельштама относительно участников всех прошлых и будущих войн. Он – рассказчик о трагических событиях. Авиационный термин уже и того времени «воздушная яма» перекликается в строфе с «воздушной могилой» из предыдущего четверостишия.

(VII) Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры,
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами,
Ядовитого холода ягодами
Растяжимых созвездий шатры –
Золотые созвездий жиры…

Здесь – возвращение общего плана. Изображаются звезды – символ карающего неба, доносчики на Страшном Суде («ябеды») и, возможно, похожие на падающие звезды, сбрасываемые с аэропланов бомбы. Кроме того, поэт развивает, возникшую еще в зачине стихотворения тему еды и голода на войне («всеядный» (I) – «манна» (III) – «голодать» (IV) – «виноградинами», «ягодами», «жиры» (VII)). Но, наверное, самое главное для нас – это отметить впервые заявленную в комментируемом фрагменте тему губительного света, падающего на землю с неба, не света жизни (традиционная интерпретация этого мотива в поэзии), а света смерти. В VII фрагменте содержится ответ на вопрос II строфы: «для чего» звездам «нужно глядеть» на поле боя? Для того чтобы угрожать человечеству карой небесной.

(VIII) Аравийское месиво, крошево,
Свет размолотых в луч скоростей,
И своими косыми подошвами
Луч стоит на сетчатке моей.

В строфе развивается тема смертоносного света, в 1–2-й строках освещающего давние наполеоновские кровопролитные битвы в Египте и добивающего (в 3–4-й строках) до современности, бьющего в глаза современному поэту-рассказчику.

(IX) Миллионы убитых задешево
Протоптали тропу в пустоте –
Доброй ночи, всего им хорошего
От лица земляных крепостей.

В строфе, во-первых, возобновляется со(противо)поставление неба (как «пустоты») и земли («землянки», здесь это и окопы на поле боя, и могилы) и, во-вторых (в 3–4-й строках), вводится тема милосердной ночной (и земляночной) тьмы, неброско противопоставленной жестокому свету. В первой строке IX строфы начинает разворачиваться циническая тема коммерческой выгоды войны («задешево»), которая будет продолжена в X, XIV и XVI строфах.

(X и XI) Неподкупное небо окопное,
Небо крупных оптовых смертей –
За тобой, от тебя, целокупное,
Я губами несусь в темноте –

За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил, –
Развороченных – пасмурный, оспенный
И придымленный гений могил.

Попробуем прочитать эти две на первый взгляд очень темные строфы, опираясь на нашу интерпретацию предыдущих фрагментов «Стихов о неизвестном солдате» и тем самым проверяя их на убедительность.

«Небо окопное» – это «воздух» из «землянок» (ср. в I строфе), который образует нерасчленимую целокупность с подлинно небесным «воздухом» (ср. в том же I четверостишии). Целокупность эта складывается потому, что в небе теперь, как и на земле, убивают («небо смертей»).

Эпитеты «неподкупное» и «крупных оптовых» продолжают коммерческую тему, начатую в IX строфе.

Строки «За тобой, от тебя, целокупное, / Я губами несусь в темноте» развивают автометаописательную тему поэта, рассказывающего о войне (ср. в VI строфе) в спасительной тьме (ср. в IX строфе), сменившей апокалипсическую вспышку света (ср. в

VII и VIII строфах). А в целом образ несущегося в темном небе над полем битвы поэта, обрамленный мотивами, уже встречавшимися нам в VI, «лермонтовской», строфе «Стихов о неизвестном солдате», как представляется, провоцирует читателя вообразить себе главного героя произведения, цитировавшегося в этой строфе, – Демона.

(XII) Хорошо умирает пехота,
И поет хорошо хор ночной
Над улыбкой приплюснутой Швейка,
И над птичьим копьем Дон-Кихота,
И над рыцарской птичьей плюсной.
И дружи́т с человеком калека –
Им обоим найдется работа,
И стучит по околицам века
Костылей деревянных семейка –
Эй, товарищество, – шар земной!

В зачине строфы ратный труд солдат-пехотинцев сопоставляется с пением погребального хора (в том числе и хора ночных светил?) и тем самым – с «трудовой деятельностью» поэта, поющего скорбную песнь «над» телами погибших ранее воинов (и одновременно знаковых персонажей истории мировой литературы). Эти воины перечисляются в неслучайном порядке: от Новейшего времени (Швейк) к Возрождению (Дон-Кихот) и Средневековью (рыцарь). Во второй половине комментируемого фрагмента литературные ассоциации, как представляется, дополняются живописными в духе Босха или Брейгеля-старшего. В финальной строке впервые в стихотворении возникает гражданский окрашенная («товарищество») и по сути своей оптимистическая тема взаимовыручки людьми друг друга.

(XIII) Для того ль должен череп развиться
Во весь лоб – от виска до виска,
Чтоб в его дорогие глазницы
Не могли не вливаться войска?
Развивается череп от жизни

Во весь лоб – от виска до виска,
Чистотой своих швов он дразнит себя,
Понимающим куполом яснится,
Мыслью пенится, сам себе снится –
Чаша чаш и отчизна отчизне –
Звездным рубчиком шитый чепец –
Чепчик счастья – Шекспира отец…

Перевод с темного языка стихотворения на общечеловеческий: для того ль человечество тысячелетиями развивало свой интеллект, чтобы он послужил созданию смертоносного оружия? Нет! Интеллект развивается от служения жизни, а не смерти, и тогда вмещающий его череп становится похожим на храм, вырастая до звезд и порождая таких титанов мысли, как Шекспир.

(XIV) Ясность ясеневая, зоркость яворовая
Чуть-чуть красная мчится в свой дом,
Как бы обмороками затоваривая
Оба неба с их тусклым огнем.

Ясень и явор – это деревья. То есть Мандельштам возвращается к образности III строфы, где изображались аэропланы с деревянными деталями корпуса, и V строфы, в которой описывалось падение аэроплана на землю. По-видимому, и в комментируемой строфе речь идет о том, как подбитый аэроплан «мчится» к земле, к месту, где его изготовили («в свой дом»), «чуть-чуть» красный от стыда за то, что был использован в военных целях. «Обмороками» (смертями) «затовариваются» (опять слово из коммерческого лексикона) «оба неба», читай – и земля, и небо, в котором теперь тоже идет война. «Тусклый огонь» здесь – символ тлеющего огня войны, всегда готового разгореться в яркое пламя (о губительном свете см. в VII и VIII фрагментах).

(XV) Нам союзно лишь то, что избыточно,
Впереди не провал, а промер,
И бороться за воздух прожиточный –
Эта слава другим не в пример.

Вслед за М.Л. Гаспаровым мы полагаем, что эта строфа – самая «советская», обращенная в сиюминутность, сигналом чего является уже слово «союзно» в первой ее строке. Как кажется, имеется в виду борьба Советского Союза против войны – за «воздух прожиточный», за «мирное небо над головой». В этом небе будут летать не военные бомбардировщики и истребители, а самолеты, перевозящие мирных пассажиров, пусть даже это будет избыточной роскошью в сравнении, например, с железнодорожным передвижением. Миролюбивая политика Советского Союза достойна прославления в сравнении с вынашиванием планов военной агрессии другими государствами (последняя строка строфы), и только она способна превратить маячащий у человечества впереди «провал» («воздушную яму», «воздушную могилу») в «промер» – четко просчитанный путь (вторая строка строфы).

(XVI) И сознанье свое затоваривая
Полуобморочным бытием,
Я ль без выбора пью это варево,
Свою голову ем под огнем?

От разговора о выборе целой страны Мандельштам переходит к разговору о личном выборе конкретного человека. У него теперь появилась возможность жить не в вечном страхе ожидания войны и не губить свой драгоценный интеллект (мозг, «голову») в окопах (или в размышлениях над созданием нового оружия). Строфа завершает страшную тему голода на войне, начатую еще в зачине «Стихов о неизвестном солдате».

(XVII) Для чего ж заготовлена тара
Обаянья в пространстве пустом,
Если белые звезды обратно
Чуть-чуть красные мчатся в свой дом?

Чуешь, мачеха звездного табора,
Ночь, – что будет сейчас и потом?

Для того ли небо было создано таким прекрасным и мирным, чтобы стать еще одной ареной войны, чтобы с него падали на землю там же и изготовленные самолеты (и бомбы)? Хоть ты, темная ночь, не мать, но мачеха испускающих яркий губительный свет звезд, подобно гадающей цыганке, ответь: что ждет человечество в ближайшем и отдаленном будущем?

(XVIII) Напрягаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотком:
– Я рожден в девяносто четвертом…
– Я рожден в девяносто втором…
И, в кулак зажимая истертый
Год рожденья, с гурьбой и гуртом
Я шепчу обескровленным ртом:
– Я рожден в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном
Ненадежном году, и столетья
Окружают меня огнем.

Как и итоговый вариант «Высокой болезни» Бориса Пастернака, страшно темное стихотворение Мандельштама завершается чрезвычайно внятным, прозрачным фрагментом. «Я» утрачивает индивидуальные черты, перестает быть поэтом и вливается в ряды призывников на грядущей мировой войне.

Хотелось бы упредить два почти неизбежных упрека из многих, которые могут возникнуть после прочтения этой заметки.

Первый: в заметке не прослежен сюжет «Стихов о неизвестном солдате», а, в лучшем случае, лишь вязка мотивов мандельштамовского текста. Соглашусь, но с одной оговоркой: на мой взгляд, сквозного сюжета в стихотворении и нет, а представляет оно собой именно что хаотическое развертывание нескольких мотивов.

Второй упрек: очень многие образы все равно остаются неясными. С этим соглашусь тоже, но со второй оговоркой: задача моего быстрого чтения состояла не в попытке прояснения всех

образов стихотворения, а в стремлении прочитать текст на одном дыхании, охватить его единым взглядом.

Если это хоть в какой-то степени удалось, буду считать свою задачу выполненной.

[1] Как известно, стихотворение Мандельштама насчитывает множество редакций. Мы разбирали его по тексту, напечатанному в издании: *Мандельштам О.Э.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2009. Т. 1. С. 228 – 231.

[2] Там же. М., 2010. Т. 2. С. 166.

Н.Ю. Грякалова

Русские писатели – героической Бельгии

Специальный выпуск газеты «День»

21 октября 1914 г. вышел в свет специальный выпуск столичной газеты «День», посвященный «Героической Бельгии», – эти слова были напечатаны крупным шрифтом на всех полосах 286-го номера. Литературный отдел газеты находился в руках историка литературы и общественного движения П.Е. Щеголева, в недалеком прошлом связанного с либерально-демократическим Союзом освобождения, а в описываемый период – широко известного в модернистских литературных кругах. Со свойственной ему энергией он привлек к ангажированному историческим моментом проекту крупные литературные силы. В данном и в последующих номерах были опубликованы стихотворения З. Гиппиус «Три креста», Ф. Сологуба «Утешение Бельгии», Вл. Пяста «Бельгии», эссе Д. Мережковского «Убийца лебедей», «Поэза о Бельгии» Игоря Северянина, публицистическое обращение Л. Андреева «Бельгийцам», литературно-критический обзор Вл. Гиппиуса под характерным названием «Бельгийские пророчества», а также стихотворение А. Блока «Антверпен», которое станет предметом нашего анализа.

Сначала несколько слов о Бельгии – «маленькой стране с большой историей» [Блок, 1962, с. 411], принявшей на себя первые испытания начавшейся европейской войны, и ее монархе – короле Альберте I, портреты которого в разных ракурсах украшали в осенние месяцы не только газету «День».

Король Альберт I и его супруга Елизавета были нетипичной семейной парой на фоне декаданса европейских монархий. Королевская чета избегала роскоши, ценила радости семейной жизни, много внимания уделяла благотворительности, меценатству – устроенный королевой Елизаветой литературный салон посещали

Рис. 1. Король Бельгии Альберт I.
Фотография из «Книги короля Альберта» (М., 1915)

известные деятели культуры (например, Э. Верхарн) и представители художественной богемы. Король Альберт вел здоровый образ жизни, много путешествовал, часто инкогнито, был не только искусным наездником, но и управлял автомобилем и мотоциклом, а страсть к альпинизму стала причиной его трагической гибели в феврале 1934 г. при восхождении на одну из вершин в Арденнах.

«Король-рыцарь», «король-солдат» приобрел поистине всенародную популярность в годы Первой мировой войны. В ночь на 4 августа, в ответ на отказ пропустить германские войска через территорию нейтральной Бельгии, Германия начала военное вторжение. Согласно 68-й статье Конституции, Альберт стал главнокомандующим бельгийской армией. После ожесточенного сопротивления территория страны была оккупирована. Именно здесь после нескольких десятилетий европейского мира развернулась война нового типа: с воздушными налетами, отравляющими газами, с массовыми актами насилия против гражданского населения; воображение потрясали случаи вандализма: были разрушены объекты, имеющие культурно-историческую ценность в частности, была сожжена Лувенская библиотека с ее богатейшим собранием средневековых рукописей. После трехнедельной осады Антверпена (20 сентября – 10 октября 1914 г.) город был сдан, бельгийская армия перешла под командование французских вооруженных сил. Своим упорным сопротивлением бельгийцы дали возможность Англии и Франции подготовиться к решающему сражению на Марне.

5 сентября 1914 г. император Николай II наградил короля Альберта орденом Св. Георгия 4-й степени, а в ноябре того же года ему была пожалована 3-я степень этого ордена. Фотомонтаж, помещенный на обложке журнала «Нива» от 23 августа 1914 г. (ст. ст.), – групповой портрет российского императора, английского короля Георга V и короля Бельгии Альберта I – призван был продемонстрировать не только военный союз европейских монархов. Фотография акцентировала физиогномическое сходство Николая Романова и его кузена Георга, которые действительно были удивительно похожи. С бельгийским королевским двором представители русского престола были связаны династическими браками еще в начале XIX в. Подпись «Августейшие братья по оружию» подразумевала также родственные отношения монархов, представителей Саксен-Кобург-Готской династии (правда, в ходе войны Георг V отказался от личных и семейных германских титулов и взял фамилию Виндзор).

Публикация была своевременной. С 5(18) августа по 8(21) сентября 1914 г. в Галиции на фронте протяженностью свы-

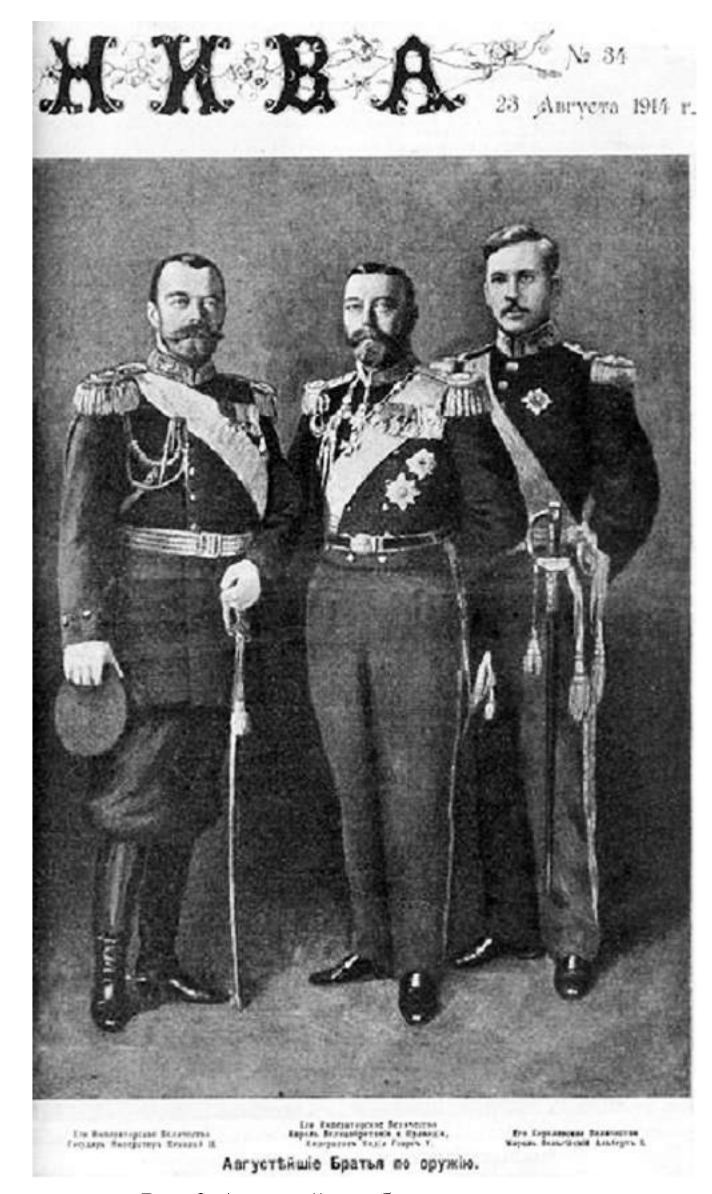

Рис. 2. Августейшие братья по оружию.
Обложка журнала «Нива»

ше 400 км происходило одно из крупнейших сражений Первой мировой войны между русской и австро-венгерской армиями, закончившееся победой русских войск. 22 августа было ознаменовано взятием Львова и Галича, 23-е – победой в наступлении между Люблином и Холмом – факты, отмеченные Блоком в записной книжке № 44 под соответствующими датами [Блок, 1965, с. 237].

В упомянутой книжке-ежедневнике (начиная с 1914 г. Блок предпочитает именно такой тип записной книжки) под 29 сентября читаем: «<…> Звонил Щеголев, просил к четвергу или пятнице что-нибудь для “Дня” (о Бельгии) <…> – стихи или прозу» [Блок, 1965, с. 241]. Напомним, что накануне, 26 сентября по юлианскому календарю (ст. ст.) пал Антверпен (в Европе, живущей по григорианскому календарю, это 10 октября).

Четверг и пятница – 2 и 3 октября (ст. ст.) – почти полностью поглощены работой над собранием стихотворений Аполлона Григорьева. Но о своем обещании Блок помнит и 4 октября записывает: «Пробую бельгийские стихи» [Блок, 1965, с. 242]. И он действительно *пробует*. Что же из этой попытки получается? Первоначальная редакция стихотворения «Антверпен» («Пусть это время далеко…») представлена в разделе «Другие редакции и варианты» 3-го тома академического Полного собрания сочинений и писем А.А. Блока. Текстологическая работа проведена редактором-составителем Н.В. Лощинской, ею же воссоздана история текста, подробно описан данный черновой автограф и характер правки, а также составлен реальный комментарий к стихотворению [Блок, 1997, с. 376–381, 811–813]. Однако в движении «от замысла к воплощению», в процессе которого происходила борьба риторики и лирики, черновая редакция и варианты текста известного стихотворения не анализировались.

Итак, Блок начинает с эпической «длинной строки»: «Над шумящим пожаром войны». Возможно, сказалась ритмическая инерция: 1 сентября 1914 г. было написано стихотворение «Петроградское небо мутилось дождем…» – шедевр блоковской лирики военной поры (опубликовано под заглавием «На войну» 21 сентября в газете «Русское слово» в рубрике «По поводу войны» вместе со стих. «Россия» («Грешить бесстыдно, непробудно…»)).

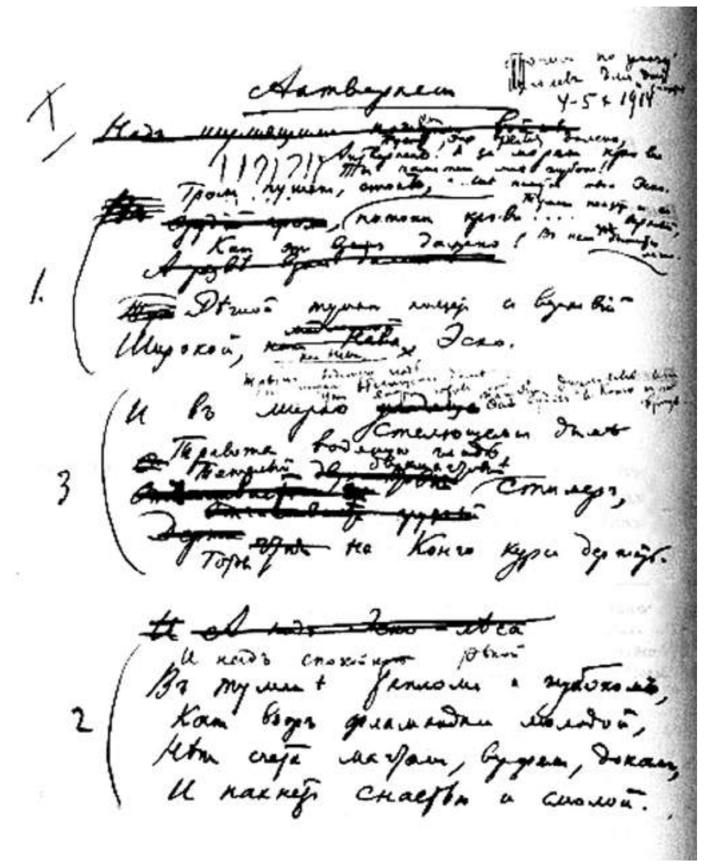

Рис. 3. Черновой автограф стихотворения «Антверпен». ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 1

Такое начало не удовлетворило поэта, и строка была зачеркнута. Следующая попытка вообще не дала результата, строка лишь начата одним предлогом: В <... >. Далее Блок предпринимает радикальный ход – отказывается от первоначальной ритмической матрицы. При этом «машины письма» делают свое безличное дело, услужливо подбрасывая расхожие клише:

а. Орудий гром, потоки крови…
А разве время далеко?
б. начато: Гром пушек, стоны <...>

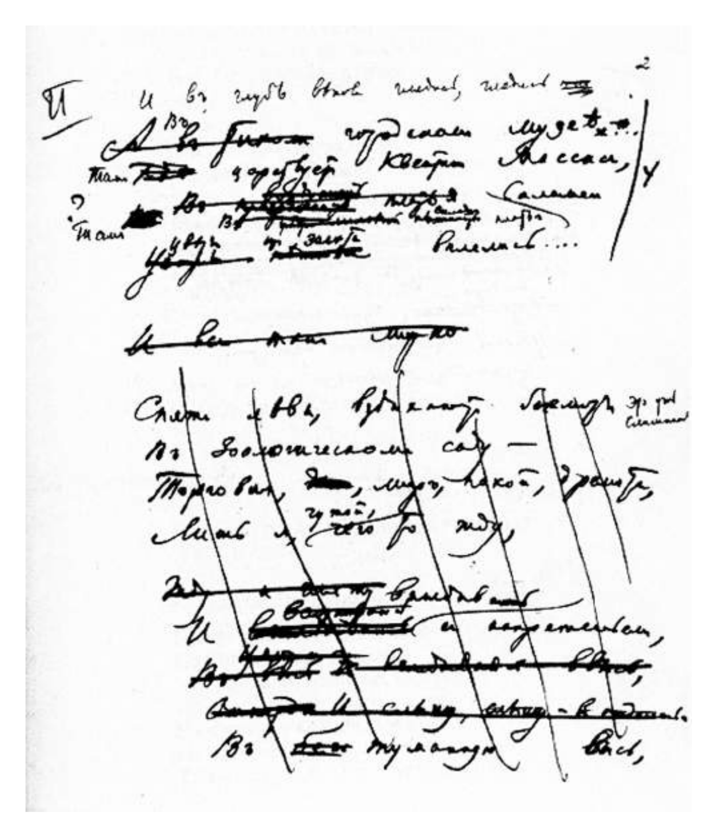

Рис. 4. Черновой автограф стихотворения «Антверпен».
ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 2

в. Гром пушек, стон, потоки крови…
Как это время далеко!

Навязчивый «гром пушек» вызывает явное раздражение: над строкой – ряд экспрессивных знаков:!!?!?!! Похоже, что они фиксируют момент творческого ожидания…

Найденный образ *далекого времени* (сначала в форме риторического вопроса, затем – столь же риторического восклицания) дает наконец импульс к развитию *лирического* сюжета: стихотворение строится как *воспоминание* о посещении Антверпена летом 1911 г. во время путешествия по Европе [Грякалова, 2008, с. 201–219; Грякалова, 2009, с. 643–663]. Лирика, постепенно и с

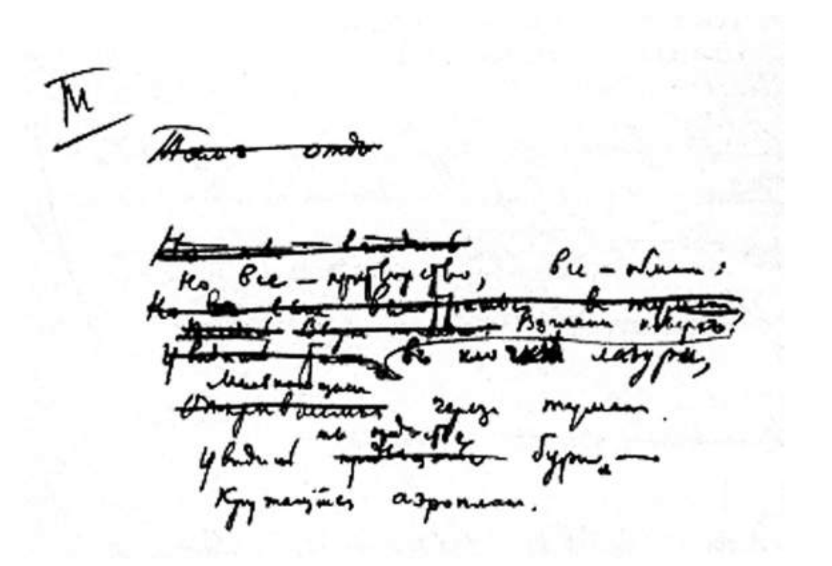

Рис. 5. Черновой автограф стихотворения «Антверпен».
ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 2 об.

трудом, начинает вытеснять риторику. Мнемоническая поэтика диктует свою (псевдо)логику лирических событий, которые в данном случае соответствуют последовательности реальных фактов трехдневного пребывания в Антверпене, что легко восстанавливается по ежедневным письмам Блока матери и жене. Новое препятствие возникает при попытке переложения в рифмованные строки воспоминания о посещении Зоологического сада: строки «Спят львы, вздыхают бегемоты / В Зоологическом саду» сопровождены пометой «это уж слишком!» (рис. 4). Соответствующая строфа первоначальной редакции в окончательный текст не вошла. Но она не пропала втуне, а пробудила поток ассоциаций, приведший к заключительной строфе (именно во время прогулки по Зоологическому саду поэт увидел парящий в небе «Блерио»), где была репрезентирована излюбленная Блоком идея противостояния культуры и цивилизации: олицетворение последней – «предвестье бури – / Кружащийся аэроплан» – образ достаточно распространенный в эпоху покорения воздуха (ср. хотя бы визуальную заставку данной конференции – работу Н. Гончаровой «Ангелы и аэроплан»).

Время идет… 6 октября Блок записывает: «Последний срок для представления в “День” отчета о своих чувствах, по возможности, к Бельгии, в стихах или в прозе. Я же чувствую только Россию одну» [Блок, 1965, с. 242]. И, наконец, приписка: «Вчера послал “Антверпен”» [Там же].

Результатами Блок удовлетворен не был, как всегда, когда нужно было писать к сроку или по заказу. На автографе в правом верхнем углу листа помета: «строчил по заказу Щеголева для “Дня” (газеты)» (рис. 3).

Антверпен

Пусть это время далеко,
Антверпен! – И за морем крови
Ты памятен мне глубоко…
Речной туман ползет с верховий
Широкой, как Нева, Эско.

В тумане теплом и глубоком,
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, докам,
И пахнет снастью и смолой.

Тревожа водяную гладь,
В широком стелющемся дыме
Уж якоря готов отдать
Тяжелый двухмачтовый стимер…
Ему на Конго курс держать…

А ты – во мглу веков глядись
В спокойном городском музее:
Там царствует Квентин Массис;
Там в складки платья Саломеи
Цветы из золота вплелись…

Но всё – притворство, всё – обман:
Взгляни наверх… В клочке лазури,
Мелькающем через туман,
Увидишь ты предвестье бури –
Кружащийся аэроплан.

[Блок, 1997, с. 106]

Стихотворение строится как ретроспекция и воскрешает те мгновения реальности, которые, запечатлевшись в памяти и будучи извлеченными из нее, трансформировались в образы, а творческий акт – в *воображаемое путешествие.* Блоком активно задействован инструментарий символистской поэтики. Экспозиция маркирована образом тумана, который репрезентирует *реальность онейрическую*, то есть сновидческую, воображаемую – реальность сна, грезы [Башляр, 1999]. Он повторен по принципу эха во второй строфе, причем эпитетами *теплый* и *глубокий* связан с обволакивающей субстанцией «женского» (союзом «как» вводится сравнение со *взором фламандки молодой*) и поддержан образами близкого семантического ряда и метафизического качества: *водяная гладь*, *стелющийся дым*, *мгла веков*, *прозрачность* (вариант: *воздушность*) *платья Саломеи*. Все это создает эффект иллюзии, грезы, иррациональной «магии» искусства, демонстрируя зыбкость границ между реальным и воображаемым и их фундаментальную амбивалентность. В то же время функцию «эффекта реальности» (Р. Барт) берут на себя визуально-ольфакторные характеристики пространства, дополненные приметами времени: «тяжелый двухмачтовый стимер», берущий курс на Конго, – явный намек на интересы Бельгии в колониальной Африке, что вносит *тревожную* ноту в беспечное существование лирического субъекта, погруженного в созерцание шедевров живописи «в спокойном городском музее». На этом гипнотизирующем и в то же время пронизанном токами современности фоне последняя строфа воспринимается как кода: она разряжает сгущенную атмосферу и возвращает к реальным впечатлениям, осмысляемым опять-таки в провиденциально-метафизической перспективе от лица трансперсонального субъекта. Суггестивная поэтика избавляла от необходимости апеллировать к риторике и пафосу исторического момента, что выделяло «меди-

умическое» стихотворение Блока на фоне поэтических откликов «на злобу дня» ближайших сподвижников по литературному цеху.

Критика, как и следовало ожидать, встретила блоковское «признание в любви к Бельгии» достаточно прохладно. Показателен отклик Г. Иванова: «испытание огнем» (так называлась его обзорная статья о «военных стихах» в журнале «Аполлон»), по его мнению, стихи Блока не выдержали. «“Антверпен” Блока – прекрасен, но очень отдаленно, географически только, касается войны, как и все, впрочем, опыты Блока в “военном роде”» [Иванов, 1914, с. 58].

Стихотворение неоднократно публиковалось в изданиях благотворительного характера: «Бельгийском сборнике», сборнике «Современная война в русской поэзии. На помощь Польше» (оба – 1915), в антологии «Военные стихи современных русских поэтов» (1917) [см.: Блок, 1997, с. 811]. Но еще одна публикация, осуществленная, правда, без ведома автора, не учтена в 3-м томе академического издания. Это «Книга короля Альберта», дважды выходившая в 1915 г. в московском издательстве «Идея» В.О. Португалова, былого соратника Щеголева по Союзу освобождения. Она представляет собой перевод английского издания (аналогичное – на французском языке) одноименной книги, где были собраны высказывания европейских и американских политических и общественных деятелей, а также писателей по поводу бельгийских событий и военного гения короля Альберта [Бусыгина, с. 81–83]. Русское издание отличалось включением литературного отдела, который представлял собой простую перепечатку из «бельгийского выпуска» газеты «День» стихотворной подборки, а также выступления Л. Андреева, что было, впрочем, отмечено издателем.

Заметим, что героизации образа бельгийского монарха отдал дань, например, И.Е. Репин: на 43-й выставке Товарищества передвижных художественных выставок, открывшейся в Москве в декабре 1914 г. и затем переехавшей в Петербург, экспонировалась его картина «Бельгийский король Альберт в момент взрыва плотины в 1914 году» (1914–1915, Самарский обл. худож. музей). Иронически сравнивая ее с «псевдоклассическим» полотном Жака Луи Давида «Переход Наполеона через перевал Сен-Бернар в Альпах»,

Рис. 6. «Бельгийский король Альберт
в момент взрыва плотины в 1914 году». Картина И.Е. Репина. 1914

И. Ясинский в одном из обзоров художественных выставок для газеты «Биржевые ведомости» писал: «Король – верхом во весь рост, и голова коня сделана поразительно. Огонь ужаса брызжет из его глаз. Король, говорят, непохож. Может быть, судя по фотографиям. Репин сделал короля Альберта бледным и изможденным <…>. Он очень слабо держит поводья, а конь кольцом изогнул голову. За конем взрываются шрапнели; в воде, заливающей страну, отражается пламя смерти. Подобно тому как псевдоклассический Давид изображал Наполеона перескакивающим на белом коне через Альпы, дабы в его лице представить силу и победоносную мощь революционной Франции, так в лице короля Альберта Репин захотел представить самоотверженную Бельгию» [Ясинский, 2010, т. II, с. 379]. Критик справедливо расценил данное произведение как художественную неудачу крупного мастера, вынеся беспощадный приговор: это «есть бледная и более или менее вымученная иллюстрация праздника смерти. <…> При чем тут король Альберт? <…> даже Репин погас, поскольку он хотел быть певцом войны» [Ясинский, 2010, т. I, с. 652, 653].

Создавая образцы поэтических упражнений на актуальную тему, поэты не мудрствовали лукаво: каждый работал в своей

парадигме, эксплуатируя типичные риторические клише, в меру своего таланта отдавая дань историческому моменту. Любопытным штрихом к характеристике литературной активности мастеров символистского цеха в годы войны, когда не последним мотивом была материальная сторона дела, является свидетельство современника: «От Сологуба пошел к Мережковским, у которых застал Измайлова. Он явился к ним с предложением писать для “Биржевых ведомостей” заметки на военную тему. Мережковский сказал, что ему нужно подумать, зато Зина с готовностью согласилась, но потребовала сорок копеек за печатную строку» [Фидлер, 2008, с. 646]. На страницах «Дня» и, соответственно, в литературном отделе «Книги короля Альберта» метафизические резиньяции З. Гиппиус («Три креста» («О, Бельгия, земля святых смертей!..»)) на темы Голгофы, страдания и воскресения и столь же метафизическая дедикация Вл. Пяста («Бельгии») соседствовали с лубочными двустишиями Ф. Сологуба («Утешение Бельгии»), переложившего пророчества известной прорицательницы мадам де Теб на язык агитационной поэзии с преизбытком союзнического пафоса. Игорь Северянин в изобретенном им жанре «поэзы» попытался отойти от военной риторики, жонглируя расхожими «образами Бельгии» («О, Бельгия, синяя птица / С глазами принцессы Малэн!..). Блок же риторике войны противопоставил мнемоническую поэтику, сделав «героическую Бельгию» местом не столько исторической, сколько *личной памяти*.

Литература

Башляр Г. Грезы о воздухе: Опыт о воображении движения / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М., 1999.

Блок А. Собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. В.Н. Орлова. Т. 6: Проза. 1918–1921. М.; Л., 1962.

Блок А. Записные книжки: 1901–1920. М., 1965.

Блок А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 3.

Бусыгина Е.А. О переводе Вячеслава Иванова из Анни Виванти // Русская литература. 2011. № 4.

Грякалова Н.Ю. Человек модерна: Биография – рефлексия – письмо. СПб., 2008.

Грякалова Н.Ю. По следам одного путешествия: (Бельгийский эпизод в биографии Александра Блока) // Korean Journal of Russian Language and Literature. [Seoul]. 2009. Vol. 21. N 4.

Иванов Г. Испытание огнем (Военные стихи) // Аполлон. 1914. № 8.

Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения / Изд. подг. К. Азадовский. М., 2008.

Ясинский И.И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний: В 2 т. М., 2010.

В.В. Лазутин

«Когда кончится? Чего жду?»

Первая мировая война в «Чукоккале» и «Дневнике» Корнея Чуковского

Само возникновение «Чукоккалы», рукописного альманаха Корнея Чуковского, непосредственно связано с началом Первой мировой войны. Самые первые записи в «Чукоккале» появляются в июне 1914 г., т. е. за два месяца до начала войны.

С военной темой в альманахе связаны так или иначе около трех десятков записей, большинство из которых относится к августу и сентябрю 1914 г., т. е. к самым первым неделям войны.

Первая «военная» запись датирована 20 июля (все даты даны по старому стилю. – *В.Л.*), днем обнародования Николаем II манифеста о вступлении России в войну с Германией, которая за день до этого объявляет войну России. Запись сделана рукой самого Чуковского, он описывает события этого дня в Куоккале:

> 20-го июля 1914 г. в день св. пророка Ильи, в первый день Великой Европейской Войны, в 70-летнюю годовщину И.Е. Репина, мы, праздновавшие с дорогим именинником этот день, собрались у Чуковских и читали «Пир во время чумы». Н.И. Кульбина потребовали немедленно в Гл. Штаб. За Арнштамом прислали артельщика для немедленного отъезда из Куоккала. Е.П. Кульбина пришла с опозданием, но без вечерней газеты и сообщила о взятии немцами какого-то Люксенбурга, о к-ром мы все спрашиваем, где он? Все обсуждали, что делать, и оказалось, что твердо решили оставаться в Куоккала и не поддаваться общей панике за исключением Арнштамов, к-рые ушли укладывать вещи [Чукоккала, 26, 28].

Записи, относящиеся к августу и сентябрю 1914 г. по большей части носят характер предположений о длительности и итогах начавшейся войны. В своих комментариях к альманаху Чуковский вспоминает: «Через несколько дней после начала войны я предложил моим гостям написать мне в “Чукоккалу”, чего они ждут от войны, и когда она может закончиться» [Чукоккала, 13]. Большинство из ответивших на вопросы «Когда кончится? Чего жду?», которые Чуковский написал наверху одного из первых листов «Чукоккалы» 3 августа 1914 г., высказывали очень оптимистические оценки как итогов, так и продолжительности военной кампании:

> Уверен, что окончится к 25 декабря. Жду полного разгрома швабов (К. Чуковский).
>
> К Рождеству. Жду разгрома тевтонов (Н. Евреинов).
>
> Чем скорее, тем лучше – жду федеративной германской республики (И. Репин) [Чукоккала, 13].

Из записей этого дня только одна – автограф художника Юрия Анненкова – выбивается из общего тона:

> Когда кончится война – не знаю и ничего от войны не жду, но я жду, чтобы скорее ожили ноги моего отца, которые отекли во время его бегства из Берлина (Юр. Анненков) [Чукоккала, 14].

Но уже через месяц интонация записей начинает меняться. Так, депутат Государственной думы от конституционных демократов и сотрудник газеты «Речь» Иосиф Владимирович Гессен уже намного более сдержан:

> <…> Не сомневаюсь ни на минуту, что самая война непосредственно закончится разгромом Германии и уничтожением Австрии <…>. Но последствия войны неисчерпаемы, она поставит <…> целый ряд вопросов, разрешение коих потребует величайшего напряжения и вызовет огромные потрясения [Чукоккала, 48].

Запись Гессена сделана 9 сентября 1914 г., на соседних с ней листах расположены еще два ответа на мини-анкету Чуковского. Журналист, сотрудник «Современного слова» Н.П. Ашешов оставляет запись, все еще полную оптимизма:

> Новая светозарная эпоха. Полное проявление могучих красот русского духа. Полоса напряженной активности. В насыщенной новым творчеством атмосфере – рождение новых светочей, новых Пушкина и Толстого. Счастливы те, кто будет жить в период полного расцвета России! [Чукоккала, 48]

А фельетонист газеты «Речь» Владимир Азов иронически беспокоится о судьбе русской литературы поле войны:

Я думаю, после войны с русской литературой хорошо будет. <…> Издатели, конечно, воспользуются случаем и понизят гонорары. Но русская литература «вынесет все и широкую, ясную грудью дорогу проложит себе». Англия мощная покровительница угнетенных народов, конечно урегулирует на европейском конгрессе вопрос об авансах [Чукоккала, 49].

Записи Ашешова и Азова не датированы, но, по всей вероятности, сделаны в то же время, что и запись Гессена. Обращает на себя внимание то, что в них уже нет прогнозов о скором окончании военных действий.

Отношение к начавшейся войне как к действительно трагическому событию истории впервые появляется в записи Зинаиды Гиппиус, датированной августом 1914 г. без точного указания числа:

Поэты, не пишите слишком рано,
Победа еще в руке Господней.
Сегодня еще дымятся раны,
Никакие слова не нужны сегодня.

В часы неоправданного страданья
И не решенной битвы –
Нужно целомудрие молчанья
И, может быть, тихие молитвы…
[Чукоккала, 36–37]

Писатель Лазарь Кармен оставляет в «Чукоккале» две записи, одна из которых, судя по всему, является ответом на мини-анкету Чуковского:

Чем кончится Великая Война? Сейчас в точности сказать не могу. Скажу только, что кончится она…чьей-то победой. И еще скажу, что в этой войне погибнет – много памятников, ценных картин и… альбомов… [Чукоккала, 57]

Дата под этой записью не проставлена, соседние же записи относятся к середине – второй половине сентября 1914 г. Вторая же запись Кармена относится к моменту взятия германскими войсками бельгийского Антверпена 27 сентября:

Искренне говорю – будь прокляты пруссаки, засыпавшие, здорово живешь, огнем и свинцом милую Бельгию. Все время стоит передо мной картина бегства бельгийских матерей, жен и сестер под дождем снарядов и в черном дыму в соседнюю Голландию. Как должны страдать нежный Роденбах – певец Брюгге, Метерлинк и Верхарн! [Чукоккала, 58]

Кроме записей, так или иначе оценивающих военные события, в «Чукоккале» появляется и ряд изоматериалов, имеющих отношение к Первой мировой войне. Так, уже 10 августа, под впечатлением от первых дней войны, Репин делает в альманахе две зарисовки, на одной из которых изображен один из гостей Чуковского, напомнивший художнику своими усами кайзера Вильгельма II, а на другой – немецкий рабочий, везущий связанного Вильгельма на тачке [Чукоккала, 41].

В тот же день Юрий Анненков заносит в «Чукоккалу» абстрактный рисунок, на котором символически изображает страны Антанты, противостоящие Германии. Рядом с этим рисунком 21 октября Василий Каменский записывает свое стихотворение «На бой!», заканчивающееся строками:

Бей барррабан, – к наступленью – шагом марш
мы – славные – сильные – вольные – мы русские
мы победим! [Чукоккала, 40]

А месяцем ранее, 21 сентября, Юрий Анненков и Николай Евреинов рисуют в «Чукоккале» ребус, в котором зашифрована фраза «Кшесинская, станцуя краковяк в Берлине, захваченном русскими, докажет мощь царя» [Чукоккала, 40].

Давид Бурлюк заносит в «Чукоккалу» стихотворение под заглавием «Марсово поле»:

Закат ушел и нет надежды
Что вновь забрезжит свет
Прилежно прозирают вежды
Но дух им шепчет «нет».

Это стихотворение сопровождается рисунком, символически изображающим Россию (в виде богатыря на коне), поражающую Германию (в виде обнаженной женской фигуры).

После записей, относящихся к октябрю 1914 г., военная тема в «Чукоккале» не возникает почти целый год. Очередной всплеск записей, имеющих отношение к Первой мировой войне, приходится на первую годовщину ее начала – август и сентябрь 1915 г. Этих записей всего четыре, и открывает их автограф Леонида Андреева, сделанный 8 августа:

<…> Сейчас только на одном великом театре идет великая трагедия – это война; но посмотрите, с какой тоской и отвращением принимаются ее страшные трагические формы и суть, с какой поспешностью тысячи маленьких театриков стараются заглушить ее синайский голос писком Петрушки, с какой яростью растревоженных кур ее дикой мощи и грозным призывам противопоставляют свои драмы и комедийки.

Ибо что это значит: услышать голос войны? Это пойти на исповедь и покаяние, переоценить себя, жену, детей и дом, перестроить жизнь, поднять душу и напоить ее крестными страданиями уста, ожечь желчью. Услышать войну – это услышать самого разгневанного Бога <…> [Чукоккала, 94].

Главная мысль записи Андреева, ее эсхатологический характер, представляющий войну как ситуацию полной переоценки ценностей, ставящей человека перед окончательными вопросами бытия, открывающей последнюю истину, звучит, пусть и в более сдержанной интонацией, в записи священника Григория Петрова, датированной 21 октября 1915 года:

Война самый точный градусник для определения и высшей доблести и крайней подлости человека и народов [Чукоккала, 59].

Одна из двух оставшихся записей принадлежит писателю Борису Лазаревскому. Она датирована 2 сентября 1915 г. и, судя по тому, что расположена почти в самом начале «Чукоккалы», отвечает на вопросы «Когда кончится? Чего жду?», заданные владельцем альманаха своим гостям более года назад. В ней уже нет того оптимизма, который звучал в ответах на мини-анкету Чуковского в первые дни войны, но зато присутствует откровенная неприязнь к противнику, которой не было у авторов записей годичной давности:

Без всяких оснований – интуитивно предполагаю, что война окончится к 20-му января 1916 года. Жду от нее укрощения немецкого холоднодушия и их

чисто хорьковской жестокости, которая есть результат перерождения головного мозга и всей нервной системы на почве векового употребления пива… [Чукоккала, 32]

11 ноября 1915 г. в «Чукоккале» оставляет автограф военный корреспондент лондонской «Таймс» Роберт Вильтон, начинающийся словами:

Нигде не чувствовалась такая близость между нашими народами как среди простых русских солдат в окопах [Чукоккала, 59].

После ноября 1915 г. записи о войне в «Чукоккале» не появляются.

В «Дневнике» Корнея Чуковского записей, посвященных войне немного. По большей части это связано с тем, что тетради за 1914 и 1916 гг. сохранились лишь частично, а дневник за 1915 г. отсутствует полностью. Но, тем не менее, даже по сохранившимся частям Дневника можно увидеть, что тенденция в упоминании войны совпадает с той, что мы увидели в «Чукоккале» – начало военных действий отмечено появлением соответствующих записей, в то время, как уже, по крайней мере, с середины войны эта тема полностью пропадает из поля зрения Чуковского. Так, за весь 1917 г. она не появляется в «Дневнике» ни разу. Никак не отмечены и окончание войны и заключение Брестского мира.

Первая запись, в которой появляется военная тема датирована 22 июля 1914 г.:

Война… Бена берут в солдаты. Очень жалко [Дневник, 195].

Речь здесь идет о призыве на фронт в первой волне мобилизации поэта-футуриста Бенедикта Лифшица.

27 июля – упоминание о встрече с Сергеем Городецким, который «пишет патриотические стихи, и когда мы проходили мимо германского посольства – выразил радость, что оно так разгромлено» [Дневник, 196]. В этой же записи рассказ о визите к А.Ф. Кони, который передает Чуковскому новости из Зимнего дворца: «Государь говорил речь народным представителям. Кони рассказал странное:

будто когда государю Германия уже объявила войну и государь, поработав, пошел в 1 ч. ночи пить к государыне чай, принесли телеграмму от Вильгельма II: прошу отложить мобилизацию. Но Кони, к[а]к и Репин, не оглушен этой войной. Репин во вр[емя] всеобщей паники, когда все бегут из Финляндии, красит свой дом (снаружи) и до азарта занят насыпанием в Пенатах холма на том месте, где было болото <…>» [Дневник, 196].

И, наконец, 4 августа Чуковский описывает свою встречу с Еленой Анатольевной Молчановой, секретарем Николая Евреинова, которая находится в состоянии паники по поводу начала войны: «<…> она б[ыла] в городе и крикнула издали: новости. Что такое? Мы накануне войны с Турцией. Завтра будет объявлена! – Четыре мильона русских лавой идут на Берлин: там им такие волчьи ямы и западни. Два мильона пройдут, а два мильона в резерве. – В Берлине ужас – революция неминуема. Оказывается, кайзер в третьем поколении уже сифилитик: безумный! Что делали с русскими в Германии! <…> Все это она говорила трясясь, так-то сологубо-передоновски» [Дневник, 198].

Таким образом, «Чукоккалу» и «Дневник» Корнея Чуковского можно воспринимать как ценное свидетельство, фиксирующее представления о Первой мировой войне, сложившиеся в среде той части петербургской интеллигенции, к которой принадлежал Чуковский. В самый первый период война хотя уже и воспринимается как «великая», тем не менее преобладают прогнозы об очень скором ее окончании и победе русского оружия. Но уже через месяц восторженно-патриотические оценки сменяются куда более сдержанными, а надежды на скорое окончание боевых действий уступают место восприятию войны как трагического и переломного события как в русской, так и в европейской истории. Тот же факт, что начиная с ноября 1914 г. военная тема практически полностью исчезает и из альманаха, и из «Дневника» указывает на то, что, начиная с середины осени 1914 г. Первая мировая война становится постоянным фоном повседневной жизни, фоном трагическим и отчасти даже имеющим апокалиптический характер, но находящимся на периферии сознания, не фиксирующего на себе особенного внимания.

А начиная с 1917 г. и авторов «Чукоккалы» и самого Чуковского в «Дневнике» занимают уже по большей части события внутренней политики и истории.

Литература

Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Премьера, 1999.

Чуковский К.И. Дневник: 1901–1921 // Чуковский К.И. Собр. соч.: В 15 т. М.: Терра – Книжный клуб, 2006. Т. 11.

Ю.Б. Орлицкий

Первая мировая война в названиях русских поэтических книг

Такое масштабное явление, как мировая война, отразилось во всех сферах общественной и культурной жизни России; не могло оно не найти своего выражения и в такой на первой взгляд частной ее стороне, как заглавия поэтических книг, выходивших в те годы в стране. Более того: именно в таком далеком от прямого идеологического воздействия поле влияние исторических событий на художественную практику можно проследить особенно хорошо.

Материалом нашего предварительного исследования послужил составляемый небольшим научным коллективом электронный словарь, призванный включить максимально возможное количество стихотворных книг (как авторских, так и коллективных сборников и альманахов), вышедших в России и за ее рубежами на русском языке.

Для интересующего нас периода основой послужило капитальное библиографическое собрание Л. Турчинского «Русские поэты XX века: Материалы для библиографии» (М., 2007). Однако, как известно, и в этой библиографии есть определенные лакуны: так, составитель сознательно не учитывал отдельные издания небольших стихотворений, выходившие в том числе и в годы Первой мировой войны. Мы по возможности постарались дополнить материал, однако, без сомнения, нельзя говорить об исчерпывающей полноте выборки.

Тем не менее, и тот материал, которым мы на сегодня располагаем, позволяет с большой степенью уверенности и объективности говорить о том, какой представлялась современникам, поэтам и читателям, Первая мировая с титульных страниц поэтических книг.

Необходимо обговорить также принципы, по которым мы выделяли в общем массиве «военные» заглавия. Прежде всего это те из них, в которых содержится само слово «война» и производные от него (например, «военный»). Далее, мы причисляли к этой группе слова, отсылающие к конкретным событиям войны и ее известным локусом, а также содержащие военную лексику. Наконец, нами учитывались также книги, содержащие военную лексику в подзаголовках (например, «стихи о войне», «фронтовые песни» и т. д.). В результате отбора оказалось, что из 1591 названия поэтических книг, вышедших на русском языке с 1914 по 1917 г., 242 можно считать связанными с войной; вот как они распределялись по годам:

1914	512 книг	78 военных	15 %
1915	441	122	27,5 %
1916	334	31	9 %
1917	304	11	4 %
Всего	1591	242	15 %

Как видим, большинство военных названий приходится на два первых года Первой мировой; некоторое отставание в 1914 г. вызвано тем, что война началась в середине года. То есть можно говорить об определенном пике военной темы в стихотворной продукции этих лет, приходящемся на 1915 год, и о последующем угасании интереса к этой теме. В 1917 г. военная тема почти полностью вытесняется революционной, а среди книг 1918 г. нами не обнаружено ни одной, озаглавленной с применением военной лексики.

При этом почти все учтенные нами книги представляют собой стихотворную публицистику, причем в большинстве своем – достаточно невысокого художественного качества. Значительная часть из них (более половины) представляет собой небольшие (2–18 с.) брошюры, содержащие одно или несколько стихотворений. Их, как правило, характеризует оперативность отклика на злобо-дневные события, апелляция к их реальности, документализм. Достаточно много книг сатирического содержания, высмеивающих противника и его лидеров.

Среди авторов, большинство из которых не издавали прежде стихотворных книг, оказываются такие известные (или ставшие

таковыми в дальнейшем) русские поэты, как Сологуб, Гиппиус, Волошин, Гиляровский, Г. Иванов, Щепкина-Куперник, Дон Аминадо, Сергей Соловьев, Рославлев, Агнивцев, Евг. Венский, Городецкий, Несмелов, Калинников, Цензор, Оленич-Гнененко.

Подавляющее большинство книг вышло в столицах; при этом заметно увеличение доли книг, выпущенных в Москве, по сравнению с предыдущими годами. В провинции книг с военными названиями выходили единицы, больше всего их выпущено в Одессе, многие куплетисты которой перешли к обличению Вильгельма, в подмосковном Орехове-Зуеве, Воронеже и Саратове. В 1916 г. появляется несколько книг, в качестве места издания которых обозначена «Зона военных действий».

По тематическому признаку можно в первую очередь выделить названия патриотические, строго говоря военными в полном смысле слова не являющиеся (например, «Стихи о России» А. Блока (1915), «Слава России» Н. Голицына (1914), К. Миних (1916) и Е. Аврамова (с восклицательным знаком в конце; два издания – 1914 и 1915) и т. п.; «Матушка Русь» И. Трубина (1915). Ряд названий представляют собой патриотические призывы: «На войну! С нами бог!» Н. Линдена, «За родину, за Русь» А. Гагарина, «За идеал Руси свободной» А. Навроцкого.

При этом историческое осмысление войны оказывается минимальным, несмотря на то что только что закончилось крупномасштабное празднование столетнего юбилея войны 1812 года, последние поэтические книги о которой вышли в 1913 г. (например, «Кантата к 100-летию Отечественной войны» А. Котомкина и «Война с Наполеоном» С. Яниславского). Названия с исторической перспективой появляются в основном уже в 1916 г. («Тевтонский кайзер» Н. Щербакова, «Укрощение тевтонов или война против войны» Н. Ковалевского, «Князь Вячко и меченосцы. Ист. поэма из эпохи войн XIII столетия – завоевание немцами Прибалт. края» А. Котомкина-Савинского; «Витязи Руси» Е. Аврамова и «Священная война» А. Львовой).

Интересно в этом смысле и то, как авторы определяют статус идущей войны: в трех названиях она «Великая всемирная Отечественная», еще в двух – «Вторая отечественная», по одному разу

Первая мировая названа «Великой Отечественной», «Великой мировой», «Современной отечественной», «Великой европейской» и просто «Отечественной» – вот тут очевидно сказался опыт юбилейных торжеств. При этом в первый год после названия войны ставилась ее дата – «1914 года»; потом, когда стал очевиден затяжной ее характер, – «1914–1915 г.», позднее датировки вообще исчезли.

Практически не попадают в заглавия книг реальные персонажи – герои войны (за исключением книги Б. Свободина «Верховному главнокомадующему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу»), зато стихотворцы нередко апеллируют к солдатам (Старый солдат» В. Малиновского, казакам («1914 год. Казаки» В. Гиляровского); добровольцам (Герой-доброволец» Е. Аврамова), в числе заглавных героев можно назвать также фронтовой медперсонал («Сестра милосердия» Н. Голицына).

Героями книг оказываются, в полном соответствии с отечественной лубочной традицией, героические персонажи из народа: М. Коханский называет свою книгу «Донской казак Козьма Крючков, убивший 11 немцев и получивший 16 ран», этому же реальному персонажу адресует свое произведение В. Вишняков («Первые герои в нашу войну: Былина о казаке Крючкове и казначее Соколове») и известный в прошлом одесский куплетист Андрей Васильевич Прохорович («Песни первого георгиевского кавалера Козьмы Крючкова, отважного и неустрашимого героя Великой всемирной Отечественной войны 1914, который в бою получил 16 ран, остался жив и вновь пошел на бой»); еще две книги этот автор приписывает другому герою войны («Песни войны Волкова, взявшего неприятельское знамя» и «Новые песни войны Авакуума Волкова, который совершил ряд отважных героических подвигов») и одну – союзнику («Песни воздушного боя Великой всемирной Отечественной войны 1914 года. О героич. подвиге знаменитого французского авиатора – летчика Герроса»).

Особую группу составляют книги непосредственных участников войны, которые, заявляя об этом, тоже косвенно претендует на статус героев; особенно много таких книг появляется в 1916 г.

Например, книга Л. Махарадзе прямо называется «Стихи солдата», другие авторы позиционируют свой статус в подзаголовке: (В. Петров. «Вперед, герои!.. Стихи Донского казака»; Амурский (Отрепьев Георгий Яковлевич). «Под блиндажом. Стихотворения окопного солдата-феодосийца». Я. Третьяков дает там же еще более подробное самоописание: «Взятие Варшавы. На передовых позициях составил доброволец Я.И. Третьяков, 199 пех. Кронштадтского полка 9 роты»; на место и обстоятельство сочинения своего произведения указывает также П. Нахабов («За Родину! (В свободную минуту после боя)», а еще два автора демонстрируют свою причастность к воинству указанием на место издания – «действующая армия» (П. Савченко. Пение пуль: Стихи. Очередь первая» и В. Ушаков, рядовой, «Песни Трубчевского баяна»). Наконец, Г. Воинов выпускает свои «Песни раненого солдата» в Москве, в издательстве районного лазарета.

Кроме того, еще три автора подписывают свои книги указаниями на статус, так или иначе связанный с военными действиями: это кн. Ф. Косаткин-Ростовский, выпустивший за три первых года войны три книги с одинаковым заглавием «С войны (листки походной тетради)»; А. Метелкин считает необходимым указать в подзаголовке произведения свою сословную принадлежность («Война России с Австро-Германией. Поэма крестьянина А.С. Метелкина»); наконец, Клавдия Павловна Миних дает своей книге чрезвычайно выразительный «военный» подзаголовок – «Слава России. В память великой войны 1914–1916 гг. Патриотические стихотворения Клавдии Миних правнучки сына генерал-фельдмаршала Русской армии».

Однако наиболее многочисленными оказываются в годы войны названия книг сатирического характера, в основном тоже написанных в лубочной традиции. Главной мишенью их выступает кайзер Вильгельм (И. Веселый. «Вильгельм с Сатаной»; В. Высоцкий. «Как чорт Вильгельма выдумал»; Р. Меч. «Вильгельм в аду», И. Тутов. «Вильгельм Кровавый»; Н. Коссов-Гопт. «Сон Вильгельма. Сказки в стихах»; Р. Меч. «Сказка о Вильгельме-пруссаке, Франце-балде и русском казаке»; А. Степанов. «Сказка-быль о немецком царе Вильгельме Жестоком»); ему же адресует свое стихотворное обличение еще один автор («Письмо Роберта Адельгейма императору Вильгельму II». Несколько книг включают в заглавие название главной страны (например, «Германия-убийца» П. Травина, «Германиада» А.).

Иногда рядом с германским вождем появляются его союзники: П. Янов-Витязь. «Стихотворения о Вильгельме и его шайке»; И. Тутов. «Вильгельм Кровавый и Франц-Иосиф Лукавый» и «Вильгельм II и его союзники Хаджи-Вильгельм и Энвер Паша», Н.Н.Х. «Солдатская песня о Вильгельме-усаче, Франц Иосифехрыче, магомет Али-сыче».

Один из авторов открыто признает «лубочность» своего мышления (Давыдов Я. (Жгут). «Солдатские песни воюющих держав. Лубочные наброски»). Существует также книга, составитель которой В. Лехно представляет читателю, как выглядит «Война в шаржах и карикатурах периодических изданий».

Обличительными по своему пафосу оказываются также названия книг, связанные с основными трагедиями мировой войны. Прежде всего это «окровавленная», пользуясь названием книги Э. Верхарна, оперативно переведенной на русский язык, Бельгия, которая отразилась в названиях пяти книг: «Антверпен пал, но Бельгия жива!» А. Навроцкого, «Славный король Альберт. Новые военные песни Бельгии» А. Петрова, «Погибель Бельгии» А. Соколовой, «Песни о Бельгии, собранные Евгением Вильчинским» и выдержавший два издания сборник стихотворений Т. Щепкиной-Куперник «Песни брюссельских кружевниц».

Еще две книги обращены к братской Сербии: «Призыв о помощи Сербии» И. Бельникова и «Сербскому народу» Н. Броницкой; к ним примыкает название книги П. Колмыкова «Грудью за славян». Также дважды в названиях возникает ставший символом немецкого автора памятник французского искусства: это «Колокол Реймского Собора» А. Навроцкого и «Звонарь Реймского собора» М. Стремина (Сергея Михайловича Проскурина).

Ряд названий включает упоминания о жертвах войны; это книги Э. Свенцицкого «Герои и жертвы великой войны» и «Иммортели поэзии. 1. Дети, погибшие на войне», «В пользу жертв Войны» М. Сарандинаки, «Жертвам войны. С миру по нитке – голому рубашка. Заповеди казака. Казачьи песни и военные стихотворе-

ния» А. Кудактина, «Дайте мне силы и здоровья. Новая народная песня жертвы германского насилия» И. Фотографова, единственная в нашем материале книга, вышедшая за океаном, – «Жертвам войны. Новые песни рабочих и лирические стихотворения: Сказка, похожая на правду» Л. Краевского (Нью-Йорк), «Умирающий воин» Ал. Платонова. В 1916 г. появляются и книги, связанные с госпиталями: это упоминавшиеся уже «Песни раненого солдата» Г. Воинова и книга И. Заржицкого «Врачу. – Госпитальная кровать. – В лазарете. – Кто победит?».

Среди жанров, выносимых в заглавия, решительно преобладают фольклорные, в первую очередь песни (Н.Р. «Новые боевые песни военных героев»; А. Петров «Новые боевые песни» и «Кубанские казаки. Новые казацкие военные песни»; «Песни войны» М. Колчина и т. д. – вплоть до бельгийских, упомянутых в начале этого обзора). Разумеется, реально это – не фольклорные, а авторские произведения. Точно так же вызывает сомнение аутентичность изданной известным фольклористом В Симаковым книги «Новейшие деревенские частушки про войну, про немцев, казаков, монополию, рекрутчину и т. д.» и книги В. Лехно «Солдатские частушки, записанные со слов раненых».

Из других жанров, упоминающихся в заглавиях, необходимо отметить поэмы (в том числе и лирическую С. Севрюкова «Мировая война»), сказки, рассказы в стихах (В. Вишняков. «Наша армия. Рассказы в стихах»), даже куплеты (А. Сурин. «Песни и куплеты про войну 1914 г. Выдумал Арсиков-Сурин. Первый сборник») и пародии (Н. Тихомиров. «Патриотический сборник пародий»).

Наконец, сами названия. Среди них, как мы уже видели, решительно преобладают простые по структуре неметафорические (наряду со специфическими длинными, условно говоря – лубочными). В силу простоты многие из них повторяются: так, просто «Война» назвали свои сборники Ф. Сологуб, М. Ватсон, В. Михайлова, А. Крученых; см. также книги К. Алмазова «Великая война», А. Львовой «Священная война», В. Горбачева «Современная Отечественная война», И. Иконникова «Отечественная война 1915 г.», А. Крученых «Вселенская война».

Еще три автора (Л. Моносзон, М. Моравская, В. Бушуев (Вячеслав Иннокентьевич Бутаков)) назвали свои книги «Стихи о войне», столько же книг имеют это словосочетание в подзаголовке. «Песни войны» выпустили Дон Аминадо и И. Каллиников, книгу «Песни о войне и лирика» – З. Зембицкая.

Из собственно военных реалий чаще всего упоминаются сражения (например, «Приключения двух влюбленных, или Бой подводной лодки с германской эскадрой», «Битва в воздухе, или Как Иван и Степан били немца сверху», «Падение Перемышля, грозной австрийской твердыни» – анонимные сочинения начала войны), значительно реже – материальные объекты («Шрапнели» и «Бомба» П. Травина).

Очень мало в это время встречается военных заглавий, связанных с культурной традицией: мы обнаружили только два, перекликающихся с русской классикой: «Бояновы песни славянам» А. Со-вича и «Певец в стане германских воинов» Н. Я-ова.

Необходимо отметить также, что в эти же годы появляется ряд книг, включающих в заглавие военную лексику; прежде всего это книги футуристов и близких к ним авторов, причем далеко не всегда речь в них идет конкретно о Первой мировой. Это и упоминавшиеся уже книги А. Крученых, и «Шлепнувшиеся аэропланы» А. Чичерина, и «Кавалерийские победы» К. Бутковского, и «Шрапнель страстей. Лирионетты» Д. Хаита. В книге В. Вишнякова «В тылу армии» автора выдает жанровый подзаголовок – «Лиризы». Впрочем, для футуристов воинственные названия были характерны и ранее (например, «Взорваль», «Бух лесиный», «Победа над солнцем» и т. п.).

Подводя итоги, скажем, что даже предварительный взгляд на названия русских стихотворных книг, выпущенных в годы Первой мировой войны, прекрасно отражает настроения русского общества этой эпохи и их эволюцию.

М.М. Павлова

«Вижу отсюда: буча из-за войны разгорается…»

Из писем Т.Н. Гиппиус к З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковскому и Д.В. Философову. Апрель–август 1917 г.[*]

«Синяя книга» З.Н. Гиппиус принадлежит к наиболее ценным художественно-публицистическим документам эпохи Первой мировой войны и Февральской революции. Этот общественно-политический дневник (1914–1917), неоднократно переиздававшийся[1] и обретший статус литературно-исторического памятника, до настоящего времени не получил надлежащего источниковедческого и реального комментария, отдельные его фрагменты остаются невнятными и непроясненными.

Значительная часть записей, требующих развернутого комментария, относится к весне–лету 1917 г., когда Гиппиус находилась вдалеке от эпицентра политических катаклизмов и источников информации.

8 апреля Мережковские и Д.В. Философов выехали для поправки здоровья в Кисловодск, где на даче Мавритания провели четыре месяца. По возвращении в Петроград (7 августа) они сразу же отправились в Дружноселье на Красную дачу под Гатчиной (имение кн. Витгенштейна), где оставались в дни Корниловского мятежа и большевистского переворота, вплоть до зимы.

В течение продолжительного времени Мережковские в Кисловодске не получали почту и, что особенно важно для автора «Современной записи»[2], петроградские и московские газеты. Весной 1917 г. в Донской области произошло колоссальное наводнение (самое большое за триста лет): были полностью затоплены десятки станиц и хуторов, ширина разлива Дона в некоторых местах достигала 40 км, с самых высоких точек Ростова противоположный берег разлива не просматривался, движение поездов прекратилось.

* Публикация подготовлена при поддержке Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University.

Местные газеты – «Пятигорское эхо», «Кавказский край» и немногие другие питались преимущественно перепечатками из столичной прессы, при отсутствии коммуникаций новости о событиях в Петрограде и центральной части России приходили в Кисловодск окольными путями и с большим опозданием.

23 апреля Гиппиус сообщала Владимиру Злобину: «Бесполезно вам писать, т. к. почта явно не ходит. По крайней мере, я еще ничего с почты не получала, получила лишь несколько писем с оказией; в них писалось, что мне много писалось – и все напрасно. Дон отрезал нас от России»[3].

В тот же день она отметила в «Синей книге»: «Грандиозный разлив Дона; мост провалился, почта не ходит. Мы отрезаны. Смешно записывать отрывочные сведения из местных газет и случайного петербургского письма[4]. У меня есть догадки, но как это сидеть и гадать впустую? Отмечу то, что вижу отсюда: буча из-за войны разгорается. <...> Кажется, положение острое. (Издали)».

После Февральской революции Мережковские и Философов были «кооптированы» А.Ф. Керенским в конфиденты[5] (о чем упоминается в «Синей книге»). Их ближайший сподвижник по религиозно-общественной деятельности А.В. Карташев (и фактически член семьи)[6] занял пост товарища обер-прокурора Синода; двоюродный брат З. Гиппиус В.А. Степанов в марте был назначен товарищем министра торговли и промышленности[7]. Близость к кулисам власти, а также самые широкие связи в прессе и в думских кругах позволяли Мережковским следить за событиями не только из их квартиры на Сергиевской, 83, но также из стен Мариинского, Таврического и Зимнего дворцов.

В месяцы вынужденной изоляции от общественно-политической жизни Гиппиус продолжала вести дневник – анализировала соотношение сил между Временным правительством и Советом солдатских и рабочих депутатов, «революционными оборонцами» и «пораженцами», позицию Керенского и представителей «буржуазии» (П.Н. Милюкова, А.И. Гучкова и др.), думские «страсти», реальные шансы захвата власти ленинцами («тришками»[8]); тактику

лидеров умеренных социалистов и групп: Г.В. Плеханова, И.Г. Церетели, Н.Д. Авксентьева, В.М. Чернова, А.Р. Гоца и др.; положение на фронте, реляции союзникам… И прогнозировала будущее.

Из текста «Синей книги» явствует, что Гиппиус была осведомлена о пертурбациях во Временном правительстве в период с апрельского по июльский кризис, о колебаниях общественного мнения по отношению к власти и вопросу о мире с Германией, о смене настроений на улицах столицы и в кружках интеллигенции.

Наряду с прессой, которую после восстановления пострадавших из-за наводнения железнодорожных путей стали, хотя и с перебоями, доставлять в Кисловодск, важным источником сведений о событиях в Петрограде были письма из дома, приходившие с оказией и обычной почтой. 18 июня З. Гиппиус отметила в «Синей книге»: «Положение тяжелое. Знаем это из кучи газет, из *петербургских писем*, из атмосферного ощущения» (курсив мой. – *М.П.*).

Из трех младших сестер писательницы Татьяна Николаевна Гиппиус (1877–1957), или Тата[9], как ее называли в семейном кругу, была теснее всех связана с Мережковскими и Д.В. Философовым. Она принимала деятельное участие в их религиозно-общественной жизни[10], а в годы первой парижской эмиграции (1906–1908) и длительные периоды пребывания за границей (1911–1913) брала на себя обязанности их постоянного корреспондента и «общественного осведомителя».

Письма (точнее, «дневники»[11]) Т. Гиппиус 1917 г. с полным правом можно назвать одним из источников «Синей книги» (своего рода претекстом); они существенно дополняют записи, в которых многое по воле автора осталось недоговоренным, и в то же время прочитываются как продолжение внутрисемейных разговоров Мережковских о войне, Керенском, Корнилове, Савинкове, судьбе России.

В некотором смысле оба «дневника» образуют единый текст: основываются на одних и тех же источниках информации; связаны общими темами: отношение к войне и революции различных политических партий, интеллигенции, «улицы», толпы – народа; вероятность для России в обстоятельствах революции достойного или не достойного выхода из войны (через сепаратный мир с Германией).

Оба автора осмысляют события посредством одних и тех же политических символов, говорят на одном – «семейном» языке, местами понятном только для близкого круга посвященных. Под «раками», вероятно, подразумевали «левых», не принявших лозунг «революционного оборончества», попятившихся назад; под «вилами» – «полуоборонцев», и т. п.

Как в «Синей книге», так и в «дневниках» темы войны и революций неразрывны. С самого начала войны Мережковские ожидали революцию, которая в своем положительном исходе мыслилась ими исключительно как религиозная. В зависимости от близости/удаленности заветной цели менялась их позиция по отношению к войне: пораженческая – в 1914–1916 гг., по отношению к царизму, а не к России и армии (победа антирелигиозна, поскольку ведет к укреплению самодержавия), оборонческая – после Февральской революции. Т. Гиппиус всецело разделяла позицию Мережковских: «Только до революции и был отдых с теми, кто организовал Россию и пытался вести войну *помимо* царя, *вопреки* царю. А после революции с теми, кто пытается вести войну *помимо* социалистов, вопреки социализму. Так ясно надо сказать (п<отому> ч<то> война *противоположна* социализму)» (из письма от 30 июня).

«Дневники» Т. Гиппиус 1917 г. обращены персонально к трем адресатам: З. Гиппиус, Д.В. Философову (он также вел свой общественно-политический дневник[12]), «всем» – Мережковским и Философову; в отдельных случаях они продублированы в своей содержательной части. Однако при расположении всего корпуса семейной переписки в хронологической последовательности образуется связный текст, который можно озаглавить: Петроград в апреле–августе 1917 г. глазами очевидца.

Для объективной оценки политической ситуации и общественного климата в Петрограде Мережковские нуждались в фактах; в записях «Синей книги» лейтмотивом звучат ламентации об информационном голоде: «В Петербурге 21-го было побоище. Вооруженные рабочие стреляли в безоружных солдат <...> Мы знаем здесь… почти ничего не знаем. <...> Газеты беспорядочны. Письма запаздывают» (2 мая) и т. п.

В своих обзорах и сводках Т. Гиппиус выступает прежде всего в роли наблюдателя, ее форпост – «улица»: «Улицу видят только как контрреволюционную, мудрости ее в трагич<еские> моменты не знают. А улица – это коллектив, это народ, Россия. Тут и прачка, и старик, и прислуга, и солдат, и швейцар, и офицер, и интеллигент, и мальчишка, и рабочий, и профессор. Создается общественное мнение, очень тонко передающееся и вовсе не “толпное”, не звериное, а разумное» (12 июля); «Я через улицу войну приняла трагически и жертвенно, как весь народ и рабочие» (4 мая).

Изо дня в день она ходит по Петрограду и прислушивается к голосу толпы – под «ленинским» балконом у дворца Кшесинской; на Марсовом поле, где отпевали жертв Февральской революции (и поминали их совместно с погибшими на фронте – после официальных похорон, которые прошли без религиозных церемоний); во время первомайских маршей и стычек манифестантов в дни апрельского кризиса – у Мариинского дворца (правительственной резиденции), на Невском, Морской, Садовой и др.; фиксирует надписи на плакатах участников антивоенных митингов и демонстраций в поддержку Временного правительства (21–22 апреля и 3–4 июля).

О совершенных дозорах она сообщала в Кисловодск, 15 апреля: «…у Думы инвалиды – споры с ленинцами. Крики, плакат – знамя красное выхватили при нас, пополам разломали о землю. Что на знамени – не знаю, против Ленина что-то. Матрос-ленинец уверяет, кричит, что надо воевать с Вильгельмом, а с народом мир. Германский вопрос, всех волнующий, – почему через Германию проехал?»; 18 апреля (1 мая н.ст.): «1-го мая ходила по улицам, слушала в толпах народ, где *раки* зимуют. Слушала *церковный голос народа*, *а не партий*»; 25 апреля: «…эти дни и 1 мая все время на улицах собирались кучи и разгорались странные споры ленинцев с русскими гражданами. <…> Особенно потрясающе, когда говорят приехавшие с фронта. Чувствуется, что они что-то *знают* такое, что не передается словами <...> ни в одной куче не было “зверства” – т. е. убить Ленина, повесить и т. д. “Убрать, изолировать, посадить в сумасшедший дом, отправить в Германию, арестовать (самое крайнее), выгнать из дворца Кшесинской”».

Свои наблюдения и заметки Т. Гиппиус сверяла с прессой, обращая внимание Мережковских на степень достоверности репортажей с мест событий: «Получаете ли вы “Речь”? “День”? “Биржевку”? Это 3 газеты, в которых отражается более или менее верно все, что происходило. “Дело народа” перегибает, “Правда” совсем недоброкачествен<ная> газета» (27 апреля).

Благодаря министерским «портфелям» Карташева и Степанова «семья» была в курсе основных мероприятий Временного правительства и Думы; через «заграничных друзей» – Илью и Амалию Фондаминских[13] приходили сведения из эсеровского ЦК, Совета крестьянских депутатов, Совета солдатских и рабочих депутатов, через Бориса Савинкова[14] – вести о правительственных делах и настроениях в армии.

По возвращении из эмиграции (они вернулись 8 апреля, через день после отъезда Мережковских)[15] Фондаминские поселились в их квартире на Сергиевской, Савинков – на квартире П.М. Макарова[16]. О встречах с «Борисом» и «Илюшей», разговорах с Амалией Тата посылала короткие сводки сестре, 13 апреля: «Видела Амалию сегодня и, наконец, Илюшу и Савинкова (его на одну секунду, только попрощались)!»; 15 апреля: «Звонила к Амалии. У нее кишенье. Илюша на разрыв. Во вторник маевка, м<ожет> б<ыть>, увижусь с ней»; в мае: «Впечатление на меня он (Борис Савинков. – *М.П.*) произвел самое отрадное. Фундаминского не видал. Где-то он там, среди всяких Черновых Викторов и К°»; 30 июня: «Завтра опять еду в П<етер>б<ург>. Зайду к Амалии»[17]; 12 июля: «Амалия мне кое-что рассказывает, понемножку про дела партийные, про Илюшу» и т. п.

Главным критерием оценки событий и деятельности политических лидеров в «дневниках» Т. Гиппиус избирается «церковность», понимаемая специфически, по-своему (по-«общинному»): «Церковность – органичность, жизнь – одно, а партийность, механичность, дело – другое. Церковность предполагает рост зерна из земли, а партийность работает на поверхности, сеет, жнет и собирает в житницы для сего дня. Отличие этой революции в ее церковном характере, органически выросла из земли *с навозом* (война, кровь)»; «Для каждого момента есть своя *церковность*, момент жизни. И партийность – момент *дела*».

В соответствии с «церковностью» расставлялись политические приоритеты. В «дьяволы», «разлагатели жизни» однозначно попадали большевики-интернационалисты и «вилы», к которым были причислены левые эсеры и В. Чернов (лидер правых, представитель центра партии) и даже сподвижники Мережковских в их религиозно-философской деятельности – А.А. Мейер[18] и К.А. Половцова[19]. Отличительная черта «дьяволов» – «ненависть» к России. Показательно в этой связи признание Н. Гиппиус: «Теперь мне надо от человека только чтоб он любил Россию, как что-то реально существующее, живое, святое. Если этого нет – человек для меня проваливается весь, и, в лучшем случае, пустота, в худшем – дьявол передо мной вместо него. <...> Я нежной любовью люблю Родзянко, Шульгина, Милюкова, Гучкова. <...> Мейер от дьявола. Я вижу в Мейере дьявола – от святых раков»[20].

Политическими симпатиями наделялись все, кто под знаком войны и революции «церковно» Россию соединяет. В представлении Т. Гиппиус это прежде всего Г.В. Плеханов – глава группы «Единство», редактор одноименной газеты, автор знаменитого обращения «Отечество в опасности»: «Плеханов – какой умный человек. “Единство” его читаю с удовольствием и чувствую, что я плехановка с оправданием его *религиозно*» (3 мая); «Плеханов *церковен* (революц<ионно>-церков<ен>) – в нем *соединение несоединимого*, он *антиномичен*, как вся *наша* позиция, – и от этого пафос» (4 мая).

Рядом с Плехановым – А.Ф. Керенский, единственный представитель «социалистов» в первом составе Временного правительства (эсер), символ подлинной «церковности» – «соединение несоединимого» [21]. 4 мая, сразу же после вступления Керенского на пост военного и морского министра, который он занял после ухода А.И. Гучкова (вновь «соединил», поступил «церковно»), Тата писала Мережковским: «Керенский удостоился у Наты теперь почетного места, вместе с Гучковым и Милюковым, весь в Национальных лентах висит под военной свечкой… из бумаги. У Гучкова бант, а у Милюкова 3 союзнических флага».

«Церковную» деятельность Временного правительства, с точки зрения «религиозного коллектива» Мережковских, необходимо было поддерживать. 18 июня началось наступление по всему Юго-Западному фронту, однако 6 июля было приостановлено по причине небоеспособности армии. 30 июня Тата сообщала в Кисловодск: «И сейчас вот мы, я, Ната, ярко захотели пойти добровольцами». 10 июля сестры присутствовали на организационном собрании женского батальона, однако их намерение записаться в добровольческую армию не осуществилось (см. письмо от 13 июля).

В разгар второго правительственного кризиса, в результате которого из него вышли кадеты, Н. Гиппиус, наиболее «правая» в семье, писала старшей сестре: «Здесь все утихомирилось с виду. Идут аресты многочисленные <большевиков>. Нет моих кадетов в правительстве, и не очень-то я ему теперь верю. Все самодельно, все ненадежно. Могут так наподлить, что все ахнут. Только Керенский ведет себя мощно. Честь ему и хвала. Хоть тоже не очень он надежен, но пока ведет себя безупречно» (10 июля)[22].

Большое место в корреспонденциях в Кисловодск занимают «отчеты» о настроениях внутри семьи и ближайшем круге Мережковских. Полного согласия («церковности») между ними не было; об этом красноречиво свидетельствует пародия Т. Гиппиус, в которой она представила Карташева контрреволюционером, с плакатом «Долой министров-социалистов!», Нату – монархисткой, в костюме казака исполняющей «Боже, царя храни», о себе написала: «*Я* – разорвала с Антоном из-за его контрреволюционности, с Натой из-за казачества, с Амалией из-за кадетов, с Степановыми из-за социалистов, с Флёровой[23] из-за ее большевизма. С полными руками непреображенных символов, не имея пристанища, где на ночь приклонить голову – ночую на площадке детского сада Юлии Ивановны»[24].

В письме сестре 17 апреля Т. Гиппиус сетовала: «Мы *забыли* свою атмосферу, утеряли свою единственную *жемчужину* – понимание сущности вещей и *церковную* революционность – соединение несоединимостей. Мы наше зерно пороховое, зародыш взрывности будущей, перестали хранить и жадно расползлись по партиям». В скором времени целостность их принципиально «надпартийного» религиозного коллектива была нарушена: в

августе Карташев примкнул к кадетам (последовательным «оборонцам»).

«Дневники» Т. Гиппиус – единственный в своем роде документ, подсвечивающий скрытые стороны общественно-политической и религиозной деятельности Мережковских и Философова в период Первой мировой войны и Февральской революции. Из авторитетных трудов В.И. Старцева и А.И. Серкова известно, что в 1914 г., в самом начале войны, по инициативе Верховного Совета «Великого Востока народов России» была учреждена «ложа Мережковского», в которую вошли: А.Я. Гальперн, З.Н. Гиппиус, А.В. Карташев, А.Ф. Керенский, А.А. Мейер, Д.С. Мережковский, Н.В. Некрасов[25]. На квартире В.А. Степанова в Петербурге проходили два из четырех конвентов русских масонов, в том числе последний в 1916 г.[26]

Фактически все члены «ложи Мережковского» упоминаются в «Синей книге» и письмах-«дневниках» Т. Гиппиус. Однако, как нам представляется, этот факт еще не дает оснований для каких-либо определенных выводов; нельзя не согласиться с мнением Г.З. Иоффе, одного из видных знатоков отечественной историографии: «Несмотря на то что тема "Масоны и Февральская революция" в последние годы довольно широко обсуждается, она все же не выходит из сферы предположений и преувеличений. Недоуменных вопросов здесь возникает намного больше, чем дается ясных ответов»[27].

В публикацию включены в подавляющем большинстве фрагменты из писем Т.Н. Гиппиус 1917 г. к З.Н. и Д.С. Мережковским и Д.В. Философову, выбранные в соответствии с проблематикой сборника. Письма хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде Мережковских: ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 60 (З.Н. Гиппиус); 176, 178 (Д. Философову); 216–218 (З. Гиппиус, Д. Мережковскому, Д. Философову).

Тексты воспроизводятся по автографам, с сохранением отдельных пунктуационных и орфографических особенностей оригинала. Мы нашли целесообразным сохранить непоследовательное написание строчных и прописных букв в названиях институтов власти, политических партий и некоторых других (Временное правительство, Совет солдатских и рабочих депутатов, партия Народной свободы и т. п.) – как факт общественного сознания в период, предшествовавший активному процессу сакрализации одних и десакрализации других институтов власти.

В приложении приводятся военные молитвы, написанные коллективно – Т.Н. Гиппиус, А.В. Карташевым, З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковским – в 1914–1916 гг.

Выражаю глубокую признательность доктору исторических наук Борису Ивановичу Колоницкому за консультации и ценные советы, учтенные в нашей работе.

[1] *Гиппиус З.* Синяя книга: Петербургские дневники. 1914–1918. Белград: Изд. Русской библиотеки, 1929; Петербургские дневники 1914–1919 / Предисл. Н.Н Берберовой. Нью-Йорк: Орфей, 1982; 2-е изд.: Нью-Йорк: Телекс, 1990; Дневники: В 2 т. / Вступ. ст. и сост. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999.

[2] Рукопись дневника З. Гиппиус в первой редакции называлась «Современная запись» (ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 1–4).

[3] ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 41. В очередном безответном письме к ней 5 мая Злобин констатировал: «Очевидно, никакие письма никуда не доходят. Я Вам неоднократно писал» (Там же. Ед. хр. 66. Л. 11). Владимир Ананьевич Злобин (1894–1967) – поэт, в 1912–1917 гг. студент юридического, с 1918 г. – историко-филологического факультета Петроградского университета; секретарь Мережковских, с 1919 г. вместе с ними в эмиграции. О вхождении Злобина в круг Мережковских см.: Новые материалы к ранней биографии В.А. Злобина / Публ. М.М. Павловой // Русская литература. 2013. № 1. С. 153–164.

[4] 4 мая 1917 г. Т. Гиппиус сообщала Философову: «Твое 3-е письмо, Дима милый, получила. Как долго идут письма, как пропадают. Всего, значит, имею 3 твоих письма и 1 Зинину открытку и 2 телегр<аммы>. Я Вам пишу 2-е письмо и 9 открыток» (ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 218. Л. 29). Все открытки, посланные Т. Гиппиус в Кисловодск, пронумерованы.

[5] См.: *Колоницкий Б.* А.Ф. Керенский и Мережковские в 1917 году // Литературное обозрение. 1991. № 3. С. 98–106; А.Ф. Керенский и круг

Мережковских // Петроградская интеллигенция в 1917 году: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1990. С. 53–82.

[6] Антон Владимирович Карташев (1875–1960) – бывший профессор Духовной академии, преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах, специалист по истории Русской православной церкви, многие годы провел под одной крышей с Т.Н. и Н.Н. Гиппиус как ближайший друг семьи (и член младшего «троебратства» неохристианской общины Мережковских); товарищ обер-прокурора Синода в первых составах Временного правительства, в июле 1917 г. избран обер-прокурором Синода, после упразднения должности в августе 1917 г. назначен главой Министерства исповеданий Временного правительства; с 1919 г. в эмиграции; был одним из основателей и профессором Свято-Сергиевского богословского института в Париже (1925–1960).

[7] Василий Александрович Степанов (1871 или 1873–1920), двоюродный брат сестер Гиппиус (по материнской линии), депутат III и IV Государственной думы; в марте–июле 1917 г. товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства; после ухода в отставку А.И. Коновалова, с 19 мая, управляющий министерством. Возглавлял военную комиссию ЦК партии кадетов; выступал за выход кадетов из Временного правительства, 8 июля подал в отставку (в знак протеста против решения о предоставлении Украине независимости); 3 октября был избран в Предпарламент; баллотировался во Всероссийское учредительное собрание от Псковской губернии. После прихода к власти большевиков активно участвовал в формировании в Петрограде офицерских отрядов, которые направлялись на Дон, занимался организацией системы финансирования Добровольческой армии; участвовал в работе Донского гражданского совета во главе с генералом М.В. Алексеевым. Был одним из основателей Правого центра, членом Союза возрождения России, входил в состав правления Национального центра. В 1918–1919 гг. член Особого совещания при генерале А.И. Деникине. В феврале 1920 г. эвакуировался из Новороссийска в Константинополь, затем переехал в Париж, где занимался организацией помощи войскам генерала П.Н. Врангеля. В мае 1920 г. выехал в Крым для того, чтобы информировать генерала Врангеля о настроениях в политических кругах Франции. Скончался на пароходе, возвращаясь во Францию (см.: Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. С. 593–594; автор статьи М. Голостенев). Сведения о семье Степанова, бежавшей в Европу из Константинополя, содержатся в письмах А.Н. Гиппиус к З.Н. Гиппиус (Amherst Center for Russian Culture. Merezhovsky's Papers. Box 2. Folder 10–15).

[8] См. в «Синей книге» запись от 5 апреля 1917 г.: «Вот Ленин… Да, приехал-таки этот “Тришка” наконец! Встреча была помпезная, с прожекторами. Но… он приехал через Германию. Немцы набрали целую кучу таких “вредных” тришек, дали целый поезд, запломбировали его (чтоб дух на немецкую землю не прошел) и отправили нам: получайте».

[9] Наиболее полные сведения о сестрах Т.Н. Гиппиус, Наталье Николаевне Гиппиус (1880–1963) и Анне Николаевне Гиппиус (псевд. Анна Гиз; 1875 (по др. дан., 1872)–1942) содержатся в публ.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В*. А.А. Блок. Письма к Т.Н. Гиппиус // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 209–217; Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 260–271; Истории «новой» христианской любви: Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М.М. Павловой // Эротизм без берегов: Сб. ст. и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 391–455; в мемуарах: *Филиппов Б*. Всплывшее в памяти: Рассказы. Очерки. Воспоминания. London, 1990. С. 253–259; впервые: Новый журнал. 1988. № 171. С. 246–255; *Ковалев Б.Н*. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России: 1941–1944. М., 2004. С. 379–380; *Мантейфель С*. Воспоминания о Татьяне Николаевне и Наталье Николаевне Гиппиус // Мантейфель С. Бегство из погибели: Воспоминания, стихи. Великий Новгород, 2010. С. 108–147; впервые: Чело. [Великий Новгород], 2000. № 1. С. 38–47 (о послевоенном новгородском периоде); *Белавская А.П*. Воспоминания о Т.Н. и Н.Н. Гиппиус / Публ. М.М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 707–721.

[10] См. вступ. статью к публ.: Истории «новой» христианской любви: Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов. С. 391–406.

[11] «Дневниками» Таты в домашнем обиходе называли письма, которые она иногда почти ежедневно писала Мережковским и Философову во время их отсутствия в Петербурге/Петрограде. «Дневники» Т. Гиппиус 1914–1917 гг. хранятся в Отделе рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки (в фонде Мережковских); «дневники» 1906–

1908, 1911–1913 гг. из архива Мережковских – в Центре русской культуры Амхерста (США).

[12] См.: *Философов Д.В.* Дневник (1917–1918) / Публ., вступ. ст., коммент. Б. Колоницкого // Звезда.1992. № 1–3.

[13] Илья Исидорович Фондаминский (Фундаминский; псевд. Бунаков, Непобедимый и др.; 1880–1942) – видный эсер, публицист, с Мережковскими познакомился в Петербурге в 1905 г., сблизились в 1906–1907 гг.; до весны 1910 г. оставался ортодоксальным эсером в признании террора, был техническим посредником между партией и Савинковым, пытавшимся после разоблачения Е.Ф. Азефа возродить Боевую организацию; в годы Первой мировой войны последовательный оборонец; на 3-м съезде партии избран в состав ЦК, принадлежал в нем к правому крылу, член редакции «Дело народа», товарищ председателя Совета крестьянских депутатов, в 1917 г. – комиссар Черноморского флота; с 1919 г. во Франции вместе с женой (Амалией Осиповной Фондаминской, урожд. Гавронской; 1882–1935); один из редакторов журнала «Современные записки» (1920–1940). Подробнее см.: Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. С. 658–659 (автор статьи Н. Ерофеев).

[14] Борис Викторович Савинков (1879–1925) – видный эсер-боевик, руководитель Боевой организации, писатель (псевд. Ропшин); летом 1917 г. – комиссар Временного правительства на фронте, затем управляющий военным министерством Временного правительства, во время выступления Корнилова принял пост петроградского военного генерал-губернатора, затем в отставке. История отношений и многолетней дружбы Мережковских с Савинковым подробно освещается в изд.: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. СПб., 2009.

[15] С возвращением из эмиграции Савинкова и Фондаминского Мережковские связывали политические надежды, см. в «Синей книге» запись 5 апреля (Фондаминский – под именем «Ел.»).

[16] Павел Михайлович Макаров (1872–1922) – инженер-архитектор, масон; давний знакомый Савинкова; в августе 1917 г. назначен комиссаром Временного правительства, по поручению Керенского сопровождал в Тобольск царскую семью; в годы войны в доме Макарова на Разъезжей собирались представители радикальной интеллигенции. См. воспоминания Д.В. Философова в некрологе: За свободу. [Варшава], 1922. 2 дек.; фрагмент процитирован в кн.: *Старцев В.И.* Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 128.

[17] ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 60. Л. 5.

[18] Александр Александрович Мейер (1875–1939) – религиозный мыслитель, активист Религиозно-философского общества; в 1918 г. – один из организаторов Вольфилы, в 1917–1928 гг. – глава религиозно-философского кружка «Воскресенье», в 1928 г. арестован, отбывал срок на Соловках и в Белбалтлаге (см.: «Дело А.А. Мейера» / Публ., подгот. текста, вступ. заметка и примеч. И. Флиге и А. Даниэля // Звезда. 2006. №. 11. С. 157–207).

[19] Ксения Анатольевна Половцова (1887–1947) – художница, архитектор, дочь сенатора А.В. Половцова; в 1914–1917 гг. – секретарь Религиозно-философского общества; после 1917 г. преподавала рисование и черчение в школе; вторая жена А.А. Мейера, в 1928 г. арестована вместе с ним, Т.Н. Гиппиус и другими членами кружка «Воскресенье», осуждена на семь лет лагерей, отбывала срок на Соловках и в Белбалтлаге; в 1930 г. (как и Мейер) была перемещена в Ленинград, допрошена по «Академическому делу» и снова отправлена на Соловки; освобождена в 1933 г. досрочно. См. о ней: *Лихачев Д.С.* Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. С. 220–230; *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А.И. Добкина. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992 (гл. II: «Воскресенье»).

[20] Письмо Д.В. Философову от 14 мая 1917 (ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 169).

[21] См. в «Синей книге» запись 5 марта, в которой Гиппиус одобрительно цитирует реплику о Керенском из дневника Философова: «Даже Д.В., вечный противник Керенского, вечно споривший с ним, сегодня признал: “А.Ф. оказался живым воплощением революционного и государственного пафоса”».

[22] ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 41.

[23] В.А. Флёрова участвовала в работе Петроградского религиозно-философского общества, входила в близкое окружение А.А. Мейера и К.А. Половцовой.

[24] Т.Н. Гиппиус преподавала в гимназии Марии Александровны Шидловской и ее дочери Юлии Ивановны (ул. Шпалерная, 7). О гимназии М.А. Шидловской см.: *Лосский Б.Н.* Наша семья в пору лихолетья // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Т. 11. С. 149–150.

[25] См.: *Серков А.И.* Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 1144; см. также: *Старцев В.И.* Тайны русских масонов. СПб., 2004.

[26] *Серков А.И.* История русского масонства: 1845–1945. СПб., 1997. С. 114.

[27] *Иоффе Г. З.* «Белое дело»: Генерал Корнилов. М.: Наука, 1989. С. 33.

1917

12 апреля

Была на Марсовом Поле и под Ленинским балконом. Опишу! <…>[1] Есть сейчас люди 2-х родов: с радостью говорящие *да* тем проблемам и надеждам, которые мерцают, есть другие, которые говорят *нет* тому, что действительно заслуживает отрицанья. Есть бодрые, и есть скулящие («нас разбили» – лозунг фронтовых пораженцев, по свидетельству Володи Ратькова[2], я запомнила). Илюша[3] принадлежит к первым. Очень я ему рада и чувствую сразу его своим. Какое-то «Христос Воскрес» в нем есть, несмотря ни на что. <…> Он – *хозяин России*: «Она наша». И вот эта царственность *новая*, а не рабство – чувствуется. Рабий бунт[4] кончен[5].

15 апреля

15 апр. 1917 г. Воскресенье

<...> В воскресенье после вашего отъезда[6] мы с Натой, уже собравшись идти в Калашниковскую биржу на митинг Партии Народной Свободы[7], почувствовали, что лучше идти на Марсово поле – туда английская и французская делегации (?) должны были возложить венки[8]. Мы зашли к нянечке[9], взяли у нее красных яиц и пошли туда. Что ожидали, то и увидали: труп <?>, валяющийся под ногами среди прохода и пыли и досок. Углубленные рвы (спуститься можно, не глубоко, иногда почти вровень), кое-где натыканы колы для указанья, где могилы; какой-то жалкий кое-где, очень изредка завядший цветок в горшке или засохшая ветка. Через могилы проходят для сокращенья пути; через могилы перекинуты кое-где помосты, стоят на них солдаты и собирают деньги на памятник, – ведра висят для этого[10]. Через Марсово поле ездят напрямки экипажи, моторы и велосипеды и обдают пылью. Я хотела положить красное яйцо и была в растерянности – куда? такое впечатление, что бросить под ноги, положить на пол. Положила я его у засохшей веточки – ярко, издали его видно, кто-то сзади радостно приветствовал «красивое яичко!» Но должна признаться –

трудное дело положить яйцо на эту могилу – как-то все прячутся и стыдятся. «Стыдно верить». Второе яйцо положила под протест двух страшных евреев: «барышня, нельзя туда ходить!» Похороны еврейского стиля – бросить под ноги, как поганое. А чтить только их память. Душою с вами, а труп – без почтения. Он *нужен* здесь, с утилитарной точки зрения, для демонстрации. Для знака. Но и для памятника нельзя, грешно не давать покоя умершим. Все-таки больно. У Толстого зеленая трава, – скройте, заройте меня в траву густую, под небо, *с землей*, с плотью[11]. А здесь не по-братски, а по-товарищески, городско, фабрично, подножно, без тайны, без тишины. Или хорони с благоговением к личности, *к трупам*, или сожги, – с почтением, но «не обращай вниманья», не «пользуйся ими». Я утверждаю, что этот оттенок *есть*. Уверила, что будет цветник, памятник, будет красота, но *эти дни* – все равно незабвенны, дни равнодушия к хождению по могилам, к доскам. Я думала, что будут все могилы в цветах, и чувствовала себя какой-то юродивой, не знающей, кого чтить. И чувствуется, что стыдно и сентиментально бросать цветы на могилы, т. е. на пол. Но так как я всегда надеюсь на лучшее, то хочу ждать, сама куплю цветов – на 18 апр<еля>[12], пойду к ним опять.

Во вторник 11-го была Радуница. От Шидловской[13] опять я пошла на Марсово поле, чтоб узнать, как насчет религии, было известие, что будут панихиды и крестные ходы[14]. Опоздала, крестные ходы кончились. Так: на помосте над могилами – рундук линючий, зеленый, на нем две слинялые красных попоны, на них стоят просвирки и воткнуты в них оплывшие желтые тоненькие свечки, восковые. Лежат рядом яйца, довольно много. Масса обгорелых оплывших свечек: это общие, – непрерывно служатся панихиды и свечи раздаются народу. Я подошла. Стоит священник, служит. Народ вокруг кольцом, довольно много. Неподалеку, не обращая на службу внимания, говорят кучки, довольно громко. Убогость рундука и попон меня не поразила и не опечалила – не из чего тут торжествовать, и что кучки тут же под небом рядом – хорошо. Служили по «здесь, во граде сем и на поле брани жизнь свою и свободу и благо Родины положивших» – и за «правду и свободу Родины убиенных»[15] и за … еще забыла. Было несколько панихид,

приходили один за другим священники, единоверцы. Ходили по могилам. Пели «Христос воскрес». У одной могилы стояла мать, какая-то лавочница, должно быть. Надо рвом у ног ее цветочек – гиацинт, весь кирпичами заложен, чтобы не утащили верно (моих яиц уже не было) и на кирп<и>че жалостно стоял сосуд с рисом. Рассказывала, что сыну 16 лет, рабочий, его ранили с 27 на 28 февраля. Умер от ран. Все прибегал и трясся от волненья. Говорили – скажи хоть, где будешь, убьют, и не узнаем. «Ничего, убьют – с честью похоронят товарищи». 5 дней был болен, за час до смерти все кричал: «Товарищи, за мной! Товарищи, не предавайте!». Говорила: «сейчас день такой – склонение духовенства к народу произошло». Потом видела ее – стояла на панихиде. Я подошла к рабочему, который заведовал всеми панихидами, расспросить. Он радостно говорит: «как покойники-то наши радуются сейчас! Дождались и они Пасхи! Да и день-то какой хороший, солнце!» – (и, правда, было тепло). Сиял сам. А солдат тут рядом говорит задумчиво: «да, так красивее». «Вы не видали, – мне говорит тот же рабочий, – утром тут крестные ходы были, хоругви несли! Плакаты и надписи: свободная церковь свободного народа. Да и когда похоронили, – тоже панихиды были….»

В кучках говорили тревожно о том, что<бы> маршев<ых> рот не посылать, что это подвох со стороны правительства[16]. Что хотят в Петербург нагнать солдат вместо этого из *городовых*. Один бредил что-то о том, что городовые собираются в Самаре (!) в полки, чтоб идти сюда. Темно, хмуро и безрадостно. Слабые голоса фронтового типа, трезвого <?>.

Пошла оттуда к балкону Кшесинской. Там еще темнее. Преобладают ленинцы. В толпе был (как думается, он – по рассказам) Ленин. Я не знала, что это он, но было как-то неприятно смотреть. Здоровый, розовый, рослый и с презрением к противникам. Ушел в дом. Другой еврейчик рядом. Остался, еще презрительнее и наглей. «Что мне тут с каждым отдельно разговаривать – горла не хватит – вот я оттуда с балкона!». Говорил о вражде, которую сеют буржуи между солдатами и рабочими. Стал уходить – я к нему. Говорю – вы, вот, говорите о розни, а скажите, вы вражду не сеете сейчас? «Мы говорим открыто – мы возбуждаем вражду

между классами!» «А что из этого выйдет сейчас – вам все равно?» «Будет победа народа над буржуазией!» – убежал. Какие-то сзади две работницы на меня напали, ругали буржуев (что-то – не помню – я сказала) и говорят: наплюй ей в глаза – только утрется, вот буржуи какие. Я бы им всем горло перерезала». Один с фронта приехал, спорил. «Я на 2 дня сюда приехал, посмотреть, что здесь делается, и уеду с печалью». Спорил, щека дергалась, бледный. Одни темные, другие с сознанием, по ощущенью, бессильны в своем желании спасти, и что спасенье в том, чтоб работать и воевать *вместе*. Точь-в-точь – мы. Злятся и издеваются темные, плачут в истерике бессильные. Если *усилить* настроения, – то такие ноты слышатся. Одни стоят за свою *правду*, подлинную правду *вообще*, другие за правду *сейчас*, какую-то «общую» правду, ради *России*, более узко.

Сегодня, 15-го на Казанской площади все кучки были противоленинские, и ленинцев вели в комиссариат солдаты по требованию публики. Та же картина и у дома Кшесинской – иная, чем прошлый раз. Масса солдат. Один замухрышка солдатик, на «о» говорит, в лепешке какой-то вместо фуражки, как бы в чепчике, – очень возмущался в кучке перед Казанским собором, с офицером раненым там вместе дружественно говорили за продолжение войны. Офицер говорил, что рабочие только часть народа России, что есть еще крестьяне и что всем нужно думать не о себе, прежде всего. Говорили спокойно очень, что сейчас в государстве денег нет, и требованья все свои надо сократить. Офицеры тоже мало получают – вот перчатка у меня рваная, говорит, и шинель в дырках (правда), а денег себе сейчас требовать нельзя. «Думать о родине надо! прежде себя».

Этот солдатик в чепце, глядь, оказался у Кшесинской и опять патриотически снова заговорил. Его подхватил «солдат из разоренной местности», ковенской губернии, и пошло расти возмущенье. У этого солдата глотка здоровая, всем слышно. Подхватили его под руки, качать! Рады, слезы на глазах – как-то трагично уж очень это все. Мать какая-то его благодарила. Говорит – у меня сыновья на войне – и все-таки я говорю – надо воевать – и не хочешь, а надо.

Он говорит: товарищи! Позорно нам оставаться здесь у этого дома, мы не должны здесь быть! <…>

<приписки внизу листа:> А у Думы инвалиды – споры с ленинцами[17]. Крики, плакат – знамя красное выхватили при нас, пополам разломали о землю. Что на знамени – не знаю, против Ленина что-то. Матрос-ленинец уверяет, кричит, что надо воевать с Вильгельмом, а с народом мир. Германский вопрос, всех волнующий, – почему через Германию проехал?

Мейер в ярости на Ленина. А все-таки все не к худу.

17 апреля

17 апр. Суббота. 11 ½ утра

Хотя я через ½ часа уйду к Шидловской, но решила писать. Это письмо начну, и буду продолжать как дневник, подробно. Ну, его, дневник для потомства, который я пытаюсь вести в тетрадях. Знаю уж эти тетради, все равно никому не нужно. А письмо, по крайней мере, *сейчас* послужит кому-нибудь, может быть, что-нибудь отразит. Решила так: по мере сил по открытке писать ежедневно и параллельно писать большие письма, писать, что хочу и как хочу и когда хочу, как бы для себя. Открытки – «телеграфного свойства», а это – «газетно-статейного». <…>

«Ленинство» сделалось злобой дня[18] и, *по-моему*, этот интерес – стиля *модности* какой-то. У меня-то уверенность, что это будет с позором побеждено. Как в начале войны была «опасность» со стороны *накипи* прошлого, *националистической*, которая застилала глаза и пугала, но была беспочвенна, наросла на подлинности в принятии войны, так, с другой стороны, теперь та же накипь будущего, призрачная, хочет победить ту же подлинность в принятии войны. Та накипь портила правду, и эта – тоже портит. Ложь, отец лжи, соблазн. Соблазн оттого, что манит вечной правдой, слова манящие, лукавые, драгоценные для *русского* юродивого сердца (мешок Данилова, обитателя земного шара)[19] – у которого странно-национальная особенность – всемирность, братство, больше, чем «товарищество». (Русский зовет: тетка, дядья! бабушка, братцы, дедушка – и т. д. все такое родственное, любовное.) Все, если бы

их спросить по совести, к чему влечет, распустившиеся русские – все Евгении Ивановы, большевики, утверждающие свое юродство, благодать, потому что его связывают с Богом. Историчность и есть тот «бетон», о котором хлопочет Антон. Т<о> е<сть> Дмитрий, говорящий Евг. Иванову: «Иванов, вам надо заграницу!», и Антон, посылающий большевика*[20] Соколова[21] к Струве[22] – в сущности желают одного и того же, с нашей точки зрения, России (если признать, что «Росия есть»).

Зина, ты мне говоришь, что я и туда и сюда, что я нигде. Скажу на это тебе следующее. Мы *забыли* свою атмосферу, утеряли свою единственную *жемчужину* – понимание сущности вещей и *церковную* революционность – соединение несоединимостей. Мы наше зерно пороховое, зародыш взрывности будущей, перестали хранить и жадно расползлись по партиям. Церковность, органичность, жизнь – одно, а партийность, механичность, дело – другое. Церковность предполагает рост зерна из земли, а партийность работает на поверхности, сеет, жнет и собирает в житницы для сего дня. Отличие этой революции в ее церковном характере, органически выросла из земли *с навозом* (война, кровь). Навоз таскали все (и даже дьяволы служили – отрицательно).

Церковность в принятии войны, в *характере* принятия. Церковность в росте организаций народных по *всей* России, церковность в участии *всех*, даже в Пуришкевиче[23], работающем *положительно*, за *да*. Церковность в Временном Правительстве*[24] и всех сил на *да* направленных. И церковность в поступке Керенского (соединение несоединяемого)[25]. Когда одна часть хочет быть целым, как левая она не церковна, а партийна. И когда партийность, – то вопросы момента на первом плане. Вопросы часа и вопросы минуты. Мейер смешивает понятия церковности и партийности и органичность с механичностью. В этом все дело. И часть с целым. Я еще буду потом говорить, как с собой[26].

20 апреля

Ант<он> с Илюшей встретятся на мужских делах. Илюша очень хочет видеть Антона. Мейеру передавала о том, что Зина хо-

чет их познакомить с Илюшей, но они как-то не очень друг на друга реагируют. Почему – еще не поняла. И Амалия на Ксению[27] – тоже. <…> 1-го мая ходила по улицам, слушала в толпах народ, где раки зимуют. Слушала *церковный голос народа*, *а не партий*. И он вот какой: есть *Россия*, мы все *братья* (и германский народ), народ один, нам чужого не надо, жертвуем собой ради других, надо освободить Бельгию и др. народы, война с *Вильгельмом до победного конца*. Это все военная свечка, это церковный лозунг, мои выписки 1915 г., *из псалма*: избавь, господи, нас от врагов наших. Не меч спасет нас, не на меч уповаем, но Ты господи, спасешь нас. Восстань, Господи, защити дело твое, ибо наполнилась земля насилием и кровью и враг наш это тот, кот<орый> был для нас то же, что мы, друг наш, близкий нам. Услышь, Господи, и смири восстающих на правду и мир. При умножении скорби земли – Господь защита, поклонимся Ему, ибо он Единый царь и все народы – народы паствы его и овцы руки Его[28].

25 апреля

25 апр. 1917 г.

Самое лучшее средство (в моей системе воспитания) заставить прекратить третьеклассника неистовствовать и будоражить класс – возложить на него какое-нибудь ответственное поручение. Он делается разумным и распоряжается наравне со старшими, воспитателем и т. д. Наши *левые* товарищи – это 3е-классники <так!> нуждаются в такой системе. Не нравится тебе, как правят, – иди, пожалуйста, сам. Не хотят, – говорят, слиняем, как Керенский, а нам нельзя линять, т. е. брать на себя ответственность. 6 раз предлагалось составить коалиционное правительство, и отказывались[29]. Вы прочтете, конечно, в газетах и весь ход поймете, но хотелось бы передать спокойно и беспристрастно, как очевидице, все, что было на улице в эти 2 дня. <…> Начну просто и по порядку.

Днем 20 – тревога. Временное Правительство… нота Милюкова…[30] Амалия что-то недоговаривает… А если Временное Правительство уйдет и его заменят социалисты?..[31] Вообще в воздухе тревога. На улице кучки. Но т<ак> к<ак> за эти дни и

1 мая все время на улицах собирались кучи и разгорались странные споры ленинцев с русскими гражданами – то это еще было не ново[32]. Вечером еду мимо Думы на 18 № в Городскую думу[33] на митинг социалистических групп – о войне доклад, послушать их и свящ<енника> Раевского*[34]. Выхожу на Михайловской[35] – необычный вид Невского. Огромные митинговые толпы, посреди улицы, не считаясь с трамваем, в воздухе гроза. Пошла было в здание Думы, и вышла, – нет сил в 4-х стенах. Погода хорошая, белый вечер. У Казанского собора большая толпа. Негодующие крики на подозрительного, шпикового вида ленинца. Наступает толпа так грозно, что тот ушел. Уйти дали, но пошли за ним, преследуя. Ноты глубокого негодования и возмущенья. Люди трагически возмущены, но свирепости и злобы не было. Негодование возбуждают и сами «ленинцы», их вызывающий тон, подсмеиванье; этот стоит, курит папиросу, а кругом люди из себя выходят. Особенно потрясающе, когда говорят приехавшие с фронта. Чувствуется, что они что-то *знают* такое, что не передается словами, но отчего у них дрожат мускулы на лице, отчего они бледные и готовы унизиться до паденья на колени, до унизительной земной просьбы. Это поистине желание предать себя, чтоб спасти Россию. Печать мученичества. Невыносимо и стыдно смотреть им в лицо: *Сейчас* мученичество на них и на ответственных лицах правительства. Причем, я наблюдала, что ни в одной куче не было «зверства» – т. е.: убить Ленина, повесить и т. д. «Убрать, изолировать, посадить в сумасшедший дом, отправить в Германию, арестовать (самое крайнее), выгнать из дворца Кшесинской».

Стоя в толпе у Казанского Собора, я увидела маленькую кучку манифестантов, – с грязной тряпочкой – длинным узким красным флагом[36] – край от палки оторван – и криво и бледно написано на нем мелом: верить Временному правительству… Вид внешний очень подозрительный, не внушающий доверия. Впереди какой-то человек в кепи и затем матрос кричат – товарищи, присоединяйтесь, доверие Временному правительству! Думаю – погоди, нет ли здесь какой пакости… пошла сначала рядом. Все недоверчиво стоят – смотрят – не присоединяются. Кричит: «да здравствует временное правительство и совет рабочих и солдатских депутатов!» А, думаю, –

это доброкачественная, не злостная, не вызывающая демонстрация, а тон верный взят, тон «да», а не «не» – и присоединилась. Пошли скоро, нервно к Мариинскому дворцу[37]. Свернули на Морскую[38]. Навстречу идет процессия – роскошные плакаты, надпись: 1) «долой Милюкова», 2) «да здравствует Интернационал». Произошло замешательство, знамена поколебались, потом разошлись мирно[39]. Толпа немного увеличилась наша, кричали «ура» временному правительству и совету рабочих депутатов. Шли рядом, рука в руку, нога в ногу, как научили ходить за день похорон рабочие[40]. На площади уже смеркалось. Стояли разные люди. Были недовольные Милюковым. Слышалось «империалист<ические> захватч<ики>», «германский народ», «братанье», «буржуазные правительства», «тайный договор». Зловеще. Стали подъезжать – Львов[41], Гримм[42], еще кто-то. Говорили с лестницы вестибюля, народ встречал восторженно, ура. Толпа все росла. Я с каким-то поспорила, спокойно. Они сердились. Два приличных субъекта. Странно: у всех противников как бы завешаны глаза и уши на то, что сейчас реально происходит: не видят – есть война, есть Россия, есть Союзники. И посему злятся. Это все как бы неважно, и не так надо *вести* войну, а *кончить* войну надо с германским народом как-то, помимо правительств, – и своего и союзнических, и Вильгельма, за их спинами, самовольно. И что (совершенно чудесная идея) германский народ не слышит призыва, ему не позволяет услышать буржуазия (как наша, так и английская и германская). Правительства, буржуазия, английское правительство ведь не хотело Ленина пустить в Россию, он и приехал через Германию.

А Вильгельм, война – это деталь! (!) Да и Николай II деталь. Штюрмер предатель[43] – пустяки (тон). «Та же банда буржуазных правителей держит наших товарищей, германский народ – как в тюрьме, он ничего не знает. А вот уж братанье идет на фронте, значит, дело идет на лад»… и т. д. (А братанье и раньше было, Пасхальное[44], у меня в книге сохранен целый ряд такого трогательного, *человеческого* братанья на празднике*[45]).

Да, язык не двигается говорить в тоне ленинцев у дома Кшесинской о России и войне. «России нет» – этот запах от них идет («ленинцы»).

Дальше. Со стороны Исаакиевского собора пришла процессия рабочих с плакатами «долой временное правительство». Но пришли (угрюмые) и растаяли в этой толпе. Как, куда исчезли, не уследила, потонули. Но все было мирно.

Потом наша процессия пошла, собравшись, опять к Морской. Непрерывно возглашалось: да здравствует временное правительство и совет рабочих и солдатских депутатов! Ура! Понесли свою жалкую тряпочку. Наш вожак надрывается в крике. Какой-то озлобленный солдат пытался кричать: «долой Ленина», идем «к Ленину», но его не поддерживали, – мальчики класса VI какого-то училища тоже пытались кричать долой Ленина, но тут я с полным правом воспитательницы по системе Монтессори[46] им воспротивилась. Что не надо уничтожающих лозунгов, и только утверждающие; сейчас такой момент – да, а не <нрзб.>.

Послушались. На углу Невского на *нас* прямо, в упор, идет другая демонстрация, – и встретились. Увидала солдатские шинели и винтовки и убежала в сторону от греха. Гул народа, крики ура, Невский полон. (Трамваи ходят все же.) Подождала на углу. Опять вожак – матрос неутомимый собрал нашу жалкую кучку. Знамени уже нет, у нас его вырвали. Нас – маленькая группа. Видя нас в таком униженном состоянии, – никто не присоединяется. В нашей кучке возмущенье вооруженьем. Какой-то реалист, мой сосед, возмущается: – «это придется самому револьвер носить! На безоружных с винтовками…» Наш матрос остановился и собравшейся толпе рассказал о печальном инциденте митинговым голосом: «Это были не солдаты, – солдаты с нами были, – это была кучка хулиганов!» Его приветствовали криками ура. Тут я ушла, и уже дальше раздались опять крики, и со стороны Казанского собора приближалась огромная процессия за временное правительство. Должна сказать, что это было очень волнующее зрелище. «Спасибо, милые!» – вот что хотелось сказать. Уже крики громче: «Долой Ленина! Товарищи! Да здравствует временное прави-тельство! Ура! Товарищи, присоединяйтесь!» Их приветствует *Невский* (п<отому> ч<то> народ – по всему Невскому), и голос – *общий* – «ура! Да здравствует временное правительство». Кричат ура (как в идеале рисовались прежде овации народа царю). Ох, все-таки как это все больно и потрясающе.

Я из цепи как вышла, задела за руку и потеряла шляпу (мне ее дали), в нос кто-то нечаянно меня двинул, но, в общем, порядок полный и толпа нисколько не паническая. И я тоже[47].

Эта процессия очень утешила – она уже внушала надежду на победу, – а то на площади еще каких-то 2 истеричных курсистки ко мне кинулись «Милюков арестован?» О, нет, улица знала бы раньше всяких курсисток, если бы он был арестован! Львов (обер-прокурор) говорил речь с лестницы Мариинского дворца, еще Гримм – в это время, значит, арестов нет. Вот 2-й день описать хорошо надо было бы, замечательный день. <…> Я видела *сущность* явлений, и мне важно в виду наших всех споров особенно узнавать, что народ, вообще, вместе, а не части, не партии.

Я сейчас думала: 2 стороны теперь. Со всех 2-х сторон – *слезы* (правда, искренность). Но одну сторону слезы сопровождаются <так!> еще 1) слюни 2) сопли…. а с другой 1) пот 2) кровь. Т.е. сейчас стоять на позиции антигосударственной – это роспуск, слюнтяйская сантиментальность <*так!*> (Волочкова[48] о «братстве народушков»), отращиванье волос Евг. Иванова[49], вонь Василевского[50], вши, а м<ожет> б<ыть> … и *преображение мира*. С другой стороны – воля, рассудок, железный панцирь, сжатые зубы, а м<ожет> б<ыть> … и убиванье святости, пяточек от полу, юродства Евг. Иванова, Данилова мешка («обитатель земного шара»). Два Риска – и там и тут. А хочется чуда! А хочется распуститься! А хочется мирной жизни, а хочется сказать, – не убий! А надо: рассудок, подтянуться, война, иди в атаку, — а то при тебе *все равно*.

Кто русский, – тот знает, что национальная черта русских – всемирное братство. Потому-то заикнись об этом, растолкуй об интернационале, – *свое* узнает, да еще освятит и углубит. Но и распустится.

«До Берлина пойдем, Берлин возьмем, – а потом им отдадим. У Вильгельма отнимем, народу отдадим», – война с Вильгельмом, чтоб потом мир с народом, – это говорит властитель, а не раб, тварь дрожащая, заискивающая.

Помочь надо немцам войной, а не слюни распускать на крови[51].

27 апреля

Получаете ли вы «Речь»? «День»? «Биржевку»? Это 3 газеты, в которых отражается более или менее верно все, что происходило. «Дело народа» перегибает, «Правда» совсем недоброкачествен<ная> газета. Одним словом, в «Речи» и «Бирж<евке>» о событиях все, что нужно было фактически. <…> Чувствую благодарность «Единству»[52] и загран<ичным> друзьям, Сов<ет> кр<естьянских> депутатов – создание их[53]. «Спасибо милые» – вот есть это в душе. И за *весь день 21-го*, тем *всем*, кот<орые> выразили признание Временному Правительству. Спасибо за себя и за *все*. «Спасибо милый» – Керенскому, спасибо милые – армии, спасибо милый – Церетели за его резолюцию в Совете рабочих депутатов[54]. За единение. За церковность этого момента. Для каждого момента есть своя *церковность*, момент жизни. И партийность – момент *дела*. Сейчас партия и дело посторонились – идет жизнь и церковность, идет *вместе*, идет коллектив религиозный. И надо смиренье. Очень сегодня верно в «Единстве» передовица[55] (сохранила) – о соц<иалистическом> обществе и пути к нему[56].

30 апреля

Сегодня речь Керенского хорошая*[57]. Как раз о рабстве русского народа[58]. Речь именно человека труждающегося и обремененного. Та же *печать* бремени и ига лежала на Гучкове[59] и др. в эти трудные 2 дня.

Расскажу о дне 22-го апреля. Я была у Поликсены[60].<...> Пришла в панике, что на Невском Гражданская война, стрельба – и т. д.[61]

Мы с Поликсеной вышли в цветочный магазин – Караулову[62] заказать крест из цветов от Р<елигиозно->Ф<илософского> Об<щест>ва*[63]. Там близко площадь Мариинского театра. Простились. Вышла. Погода средняя. Толпа большая. Спокойная по действиям, но упорная и стойкая. Паникой, страхом «толпяным» от нее не веет. И не праздно-любопытная, а с очень определенным

общим каким-то упором. Говорят ораторы со ступенек, все кричат ура. Говорил матрос о стрельбе, что «мы пришли сюда, чтоб спросить Временное правительство, что оно думает предпринять, чтоб оградить мирных жителей от подобного вооруженного нападенья». Солдат рассказывал, как он вырвал винтовку. Вызвали из толпы свидетелей, пошли вместе в Мариинский дворец. Матроса этого выбрали председателем. На балкон вышли <нрзб.> министры. (Видела и Васю[64], а Ант<он> не вышел, потому что было очень холодно). Говорили Гримм и Зарудный[65] и еще Волков[66] о том, что меры будут приняты. Им овации, временному правительству. Говорили опять из толпы солдаты, главным образом. Один замечательно живописно своеобразно, так что писателю записать бы его речь стоило. Темы – Ленин, Временное правительство. Отрицательное отношение к Ленину[67]. Солдат *идеально* выставил должное отношение и сущность этого явления, нам бы поучиться осудить эти «вилы»*[68].

Под «Лениным» *скопом* осуждалась *вся* вильная линия и была жажда *здоровья* и решительности в действиях – *в этот* момент. Доверия, доверия власти! Власть единая, наша! Верим вам, а вы верьте нам, а не тем, кто хочет вас долой. Мы – голос России, Россия ваша и наша, а те – «ленинцы» *о ней* забыли, как о живой, как о матери. Верьте и действуйте!

Когда на автомобиле появились солдатские депутаты и стали уговаривать успокоиться, толпа искренно отвечала: да мы спокойны, вы тем говорите, к ленинцам идите, нам нечего об этом напоминать.

Появились Скобелев и Богданов[69]. Богданов говорил, в сущности, спокойно и правильно; что не нужно страстей сейчас, что Ленина трогать нечего, не стоит, каждый имеет право пропаганды, что он с Лениным не согласен, что надо потерпеть, что совет рабочих депутатов с временным правительством *сговариваются*[70]. Но не дал утоления, потому что говорил не на тему. Ни горяч, ни холоден; ни друг и ни враг. А только *другу* спокойному и беспристрастному поверили бы. Толпа слушала холодно и явно осуждала позицию Совета рабочих и солдатских депутатов, как не понимающего своего положения и имеющего поползновение встать ря-

дом с правительством. «Как *единое* – утверждаю – как Временное правительство с помощью*[71] друзей – солдатских и рабочих депутатов, а как контролирующее учреждение и мешающий орган – осуждаю» – толпа так смотрела угрюмо, печально и с тревогой. Но не было *злобы*, была печаль. Злобу я видала за это время только у «ленинцев», у тех, кто за «не», а не за «да». Потом Скобелев, когда какой-то прапорщик все хотел перебить Богданова что-то сказать, – обозлился и стал как-то по-дьявольски гримасничать брезгливо и кривляться, точно бес. Очень было неприятно. Потом я пошла было к Невскому, п<отому> <что> толпы с знаменами «За Временное Правительство» все стали прибывать, с криками ура, и я побоялась не выбраться из толпы. Но не могла уйти. От Казанского собора, с митинга все шел народ. Одна процессия за другой. И радостно приветствовали толпу перед дворцом. Тут шли и с английским флагом и кричали французам: Vive la France. Я на Морскую, только что хочу идти домой – опять навстречу процессия – я опять не могу – поворачиваюсь, иду назад. И погода разгулялась, солнце, закат, хорошо и такое «церковного духа» единение, радостного – как первые дни революции. И все кругом свои: и никто над тобой не властен – дух внутреннего благородства. Пристала к одной процессии работниц какой-то фабрики. Схватила какую-то под ручку и обратно пошла, и пела «Вставай подымайся рабочий народ»[72], как они. Потому что они не *за себя* пришли, я им обрадовалась, и что душу свою как бы потеряли, чтобы найти ее в церковности.

Потом часть флагов отделилась и пошла по Фонтанке. Я с ними, опять рядами, очень много. Остановились у военного министерства[73] и тут, Гучков, больной, говорил речь. Овации, толпа чуть не давила друг друга, чтоб послушать. Весь мостик и та сторона Фонтанки – в народе. Рядом, в частную квартиру вызвали по телефону «Милюкова или Керенского, кого-нибудь из Временного правительства» (это характерно, что требовали *символа*). Ждали. Составили цепь (я хоть в цепи поучаствовала всласть). Встретили с овациями Милюкова, принесли Гучкову кресло – на балкон частного дома. Милюков говорил о том, что сегодня экзамен зрелости государственного народа <?>[74]. Видела в толпе разных людей.

Растроганных. Пот и кровь. Как надо было возмутить «петроградского гражданина», чтоб спровоцировать такие овации на улице с таким подъемом протеста и утверждения России. Никто здесь не разбирал, кто Гучков – октябрист ли, буржуй и т. д. – он за единение, за Россию как целое, за союзников.

Ушла на Невский. Там опять группы, споры, возмущенье Лениным. Уже пья <не дописано. – *М.П.*> Да, перед уходом на Фонтанку, часу в 8-м – начале 9 – словила воззвание партии народной свободы о том, чтоб поддерживать Временное Правительство. Но было уже ни к чему, все шло без них и делалось все грандиознее и грандиознее, триумфальнее.

У Гостиного двора встретилась процессия с флагами белыми и красными пополам, почему-то Невский побежал за ними и окружать стал. Они пели рабочую песню, – и это сигналом послужило (за временное правительство кричать ура, без песен). Побежали, главным образом, солдаты, которые до этого всех просили расходиться по домам (от Совета рабочих и солдатских депутатов было отдано распоряжение об этом). Очень сильно побежали с криками. Побоялась, что меня свалят с ног. Жутко за все стало, стемнело, зловеще. Зашла в часовенку у Гостиного двора[75]. Купила свечку, а там тишина, только свечник-дьячок в смятении на улицу выглядывает. Два солдата, серые спины. Священник Евангелие читает: «возьмите иго мое на себя, ибо я кроток и смирен сердцем – иго мое не тяжко и бремя мое легко»[76]. Именно тяжкое бремя, а со Христом – легче. Поставила военную свечку.

Вышла: Невский черный, солдатский, кричащий, в волнении. Где-нибудь, верно, тут и стреляли, как оказалось, я не слыхала. Около 10 ч. вечера[77].

По *тону* величавости, внутреннего благородства и тишины, по зрелости и «церковности» – этот день 21-го апреля был подобен двум первым дням революции. Похороны[78], как и 1 мая, – тревога при празднике официально признанном.

Караулову мы с Натой заказали крест из живых белых лилий с красной лентой. Надпись золотая: «Р<елигиозно->Ф<илософское> Об<щест>во своему члену В.А. Караулову» за 60 р.

Антон возложил 23 апреля на могилу и говорил коротенькую речь. С фронта приехал сын Караулова. И надрывно было его слушать, тревожно, когда он говорил о решении бороться до конца[79]. Кто-то ему крикнул «спасибо!» Дай Бог нам побольше таких сыновей, как сын Караулова! Антон должен был говорить после этого — и едва удерживался, чтобы говорить спокойным тоном. Он говорил о том, что не надо стыдиться любви к родине…

Вечером в зале Биржи был митинг в память Караулова, выступал Антон. Очередь на вход была от Биржи, по набережной на несколько линий[80]. Даже страшно. Попали вместе с Антоном. Овации членам временного правительства были опять и всем участникам[81] [82].

2 мая

Гучков ушел[83]. В «Единстве» хорошая статья сегодня Плеханова «Отечество в опасности» об «антинационале» и «интернационале»[84]. О дисциплине, разложении армии. Нападает на совет рабочих депутатов, разбирает слабости, грозящие России. Готова ему в ноги поклониться за его мудрость. Он призывает стать выше сектантского догматизма и партийных предубеждений, сплотиться левым партиям во имя лозунга «отечество в опасности» – зовет к церковности опять-таки. «Спасибо, милый».

За Гучкова как за символ. Умный человек и живой. Я не хочу раков, я не могу с раками больше. Я изнемогаю, потому что раки не тут зимуют, для себя я знаю решительно. Раки есть социалистические, потому что *социализм* – человеческое и христианское в корне, съедающее государство, явление. Но эти живые раки – они не с Нахамкисами, не с разлагателями жизни[85]. Так мучиться, спасаться от них свечками, как от дьяволов, и любить этих сдэчных <так!> раков я не могу. Во всяком случае, *путь* к ракам другой. Они узурпаторы, воры, развратники. Развращают детей, соблазняют конфеткой и насилуют за углом. А конфетка не *их* духа, они ее украли. Они ложь, небытие. Я не могу этого духа небытия выносить, это насилие дьявола над религиозной живой человеческой совестью, вечно Монтессори, вечно примиренье – братанье с дьяволом какое-то

<…> Амалия переезжает завтра на квартиру. Обещала в воскресенье взять ее в Казанский собор к обедне. Мы с Натой (Ната выдумала) ходим каждый день в Казанский собор ставить свечку Воскресенью и Николаю Чудотворцу (он военный) и Божией Матери (мамочкиной). Не смейтесь. Нечем нагнетать молитву, негде быть. Наша военная горит каждый вечер, но она все-таки не обще признанная всеми нами (Зиной и Дмитрием не признанная), поэтому, как Временное правительство мучимое и разлагаемое безвластно, и страна разлагается без силы, – так и наш коллектив бессилен, когда не целен. Подпираемся костылями. Сегодня я была. Священник служил молебен и читал Евангелие «просите, и дастся вам, стучите, и отверзется»[86]. И о том, что отец небесный тем паче даст просящим у него. И я это приняла, как известное давно мне слово. И еще горит перед иконой причастия (чудотворной) лампадка день и ночь. И еще перед сном перечитываю вслух все, что выписано из псалмов о войне. И еще те молитвы, которые написаны. Очень хорошая молитва Антона[87]. Не понимаю никак, почему мы не собирались за 3 года, почему?

А м<ожет> б<ыть>, из всех испытаний выйдем победителями? М<ожет> б<ыть>, нужно искушение? И правда – посередине?

Татьяна

1) Война до полной победы. ↘
Правда здесь.
2) Мир всего мира. ↗

3 мая

Уже Гучкова нет, нет и Милюкова. Остается встать на высокую гору высоты Эльбруса и беспристрастно взирать на историю и следить за пароксизмами болезни. Наблюдать за лечением, ждать кризиса и утешаться, что история не бессмыслица и Бог не дурак. Иначе можно разложиться окончательно или начать сходить с ума. С высоты Эльбруса видна «болезнь» перелома жизненного

в России, а может быть, и дальше – от детства к юношеству или от юношества к взрослому возрасту – я не знаю. Но чувствую, что эти спазмы и корчи не случайны и даже, может быть, естественны. Может быть, и *наши* корчи были не к смерти, я так утешалась и утешалась. Мы болели вместе с Россией, и из корчей выковывается правда России. *Человеческая* правда.

В сущности, как естественно было бы кинуться навстречу молодому юродству и взлететь пяточками кверху – так и свойственно. Но… «несоединимо» и «надо считаться». Милюков – чуждый «мущина», без «тайны» в жизни, – что же заставляет за него так держаться с «слезой», которой он абсолютно *по существу* не вызывает? В чем дело? Только сегодняшняя *минутка*, не соединяющий день, а минутка.

И м<ожет> б<ыть>, его святость-то на минутку, и это надо принять почти *сверху вниз*, не борясь, п<отому> ч<то> он *уже* отдал себя, пережился для будущего строительства, а сейчас, *пока* нужны снаряды и пушки, нужны и Милюковы. Потому что война – мужское дело. Оттого так и вышло: на одних плакатах – «долой Ленина», «Ленина и компанию – в Германию», на других – «да здравствует Милюков», «да здравствует временное правительство и совет рабочих и солдатских депутатов». Сейчас, на сию *минутку* существуют «победники» и «пораженцы». Плеханов – какой умный человек. «Единство» его читаю с удовольствием и чувствую, что я плехановка с оправданием его *религиозно*.

Вчера была на лекции Мейера «Церковь и Государство» на агитаторских курсах[88]. Он где-нибудь да читает каждый день. Вчера аудитория была рабочая, и он защищал церковь и религию от Нахамкисов. Говорил просто и хорошо, но многое напрасно, очень далеко и поэтому несколько туманно, а м<ожет> б<ыть>, и соблазнительно. Вопросы интересные ему задавали.

<...>

Антон просит вам передать, что назревает тоска по органичности, религиозности против с-дэков, марксизма и прочей механичности. Что тут лицо зверя, а не человеческое, не живое, а маска; что, м<ожет> б<ыть>, социализм вольется совсем в другие формы, а что

в этом призрак и ложь. Ната каждый день читает псалмы, обставила военную свечку, как могла, украсила. Дай Бог воскресенья.

Еще кризис не закончился. Из завтрашних газет узнаете. Завтра уезжает Савинков на фронт. Амалия мне про него до сих пор ничего не успела рассказать. Что-то нехорошее[89]. Завтра идем на крестьянский съезд[90] [91].

4 мая

4-е четверг

<...> Перед уходом Гучкова – перед начавшимся кризисом – иду к старухам[92], читаю «Вечернее время»*[93] на улице, навстречу какой-то солдат в кожаной куртке. Видит, что я читаю – «Что? Родина на краю гибели?». Я оглянулась, и такое издевательское лицо, насмешливое, что-то дьявольское, что стало страшновато. Сказала ему только «да» на всю улицу и не успела больше, – прошел мимо. А назад когда шла – первый вечер без фонарей (1 мая), темно, силуэты по Шпалерной, а кто – неизвестно. Жутковато, как во сне. Навстречу идут два солдата, обнявшись, посреди улицы. Шатаются и пьяными голосами поют хрипло, вря:

«отречемся <так!> от старого мира! Отрясем его прах с наших ног!» – вот улица как разговаривает, символически. Знаешь, когда грозно, когда церковно, когда зловеще. Я через улицу войну приняла трагически и жертвенно, как весь народ и рабочие – тогда было благородно. Было «ради» на сию минутку. Теперь 3 рода людей: 1) Сия минутка *мое* дело как дело общее – Гучков + Плеханов, 2) Сия минутка *не* мое дело (Мейер) 3) сией минуткой воспользуюсь, она моя (ленины для меня)[94].

Слава Богу, горизонт расчищается. Лишь бы расчистился. Ушел Милюков, ну и ушел, если это делу помогает, пусть уходят хоть все. Я думаю, что и члены Врем<енного> Правит<ельства> не за власть держатся, а рыцарски хотят помочь России. К сожалению, только *эта* половина национальна и на страже *России*, и начинают проникаться и левые, что, если не скажешь – *есть* Россия, то провалишься. Не то что так: «я не говорю, что нет России», «я не говорю, что не надо воевать, воевать, конечно, нужно, но до полной победы – нельзя». Да чего бояться?

Война с самого начала, *в существе*, русскими *взята*, как не захватническая. Это внутри завито было, органически. Оттого и праведность жертвенная была. И национальность была, как бы с праведностью ощущаема. М<ожет> б<ыть>, у Гучкова и был оттенок Руси, но он был не современен, а потому не страшен, уже как отжившая накипь, шелуха. И союзники исторически вели войну не старую… впрочем, я все о том же надоевшем…

Правда, нужная <так!> средняя линия церковная и, может быть, она найдена будет и в коалиционном министерстве. Учатся друг от друга. Только без религии страшно, но надо в середине воздвигнуть военную свечку, и все будет хорошо. Миро-военную? Нет, в военной *уже завит* органически мир. В этой военной. Так чувствовалось всегда. Татьяна

59-й псалом хороший[95]. Ната под военной свечкой повесила Гучкова и Милюкова и украсила их национальной лентой (сегодня Ксения придет!) из бумаги. У Гучкова бант, а у Милюкова 3 союзнических флага. Когда свеча горит – они скрываются во тьме. У меня в углу перед военной свечкой лежит сам Нахамкис[96], жаждущий преображенья и соединения с войной: 1-майский жетон[97], а Ната протестует. Вот – багажи разные. А у Антона хоругвь Х<риста> в красном и гигантское красное яйцо.

<сверху листа приписано:> Плеханов *церковен* (революц<ионно>-церков<ен>) – в нем *соединение несоединимого*, он *антиномичен*, как вся *наша* позиция, – и от этого пафос[98].

8, 10 мая

Канун Троицы. Ната едет с Антоном на лошад<ях> врем<енного> прав<ительства> кататься (он по делам) и в Каз<анский> собор заедет. Еще и Коновалова[99] преображать теперь будет под воен<ной> свечкой. Вчера была на лекц<ии> Мейера. Хорошая лекция, благородн<ый> тон, п<отому> ч<то> «вильная». И изменил позиции – культуру защищает и тварь преображает[100]. А насчет того, *когда* будет момент полного переворота – не говорит, наоборот, – о сегодняшнем, о сей минутке – не надо, не будем. В этом все. <…> А как сейчас жить, где сейчас быть – это не наше дело, а где-то, где-то. <…> Поразительно, что Евг. Ив<анов>

интернационалист и жертвенно готов отдать Россию. Женская пассивность, благородное жертвенное самозаклание[101].

7 июня, Прибытково[102]

Я *сейчас*, пока Нахамкис не преобразился до откровенного *активного* признания необходимости вести войну до *конца* (такое нужно *решенье*, чтоб что-нибудь вышло), считаю, что *партия* сейчас *непораженческая* (как партия целиком) только кадетская. Остальные стараются об ней забыть. Пока. Но, Слава Богу, кажется, в вопросе о войне отдельные *лица* с.-р. не только говорят «мы не говорим, что не надо наступать!» (Мейер говорил, что он никогда не был пораженцем).[103]

9 июня, Прибытково

Сегодня попали на организационное собрание «армии чести», идущей на французский фронт[104]. Офицеры – солдатами. «Спасибо милые». Решено исключить «политику» единогласно. На русский фронт – тоже, особо формируется. Невозможно не потрясаться. Я не могу быть равнодушной. Есть надежда, и есть радость. Здоровая волна идет оттуда, откуда ждали ее столько времени. Со стороны социалистов, я думаю, этому способствуют с.ры и Гримм. Слава Богу![105]

13 июня

Вчера видела организаторш «женского военно-народного союза добровольцев»: несколько нас пришло за билетами, а они оказались еще не готовы[106]. Т<ак> что поговорили. Какие-то все лица милые, и у тех, кто пришел-то помогать. Ничего нарочитого. Вроде курсисток, деловых, очень женственных, только без выпячиванья своего или чужого пола. Просто люди, которые родились женщинами.

Нельзя же жить в казарме с солдатами – ну и собрались для общежитья вместе. У них ученье общее, обязательное. И когда пройдут курс солдатск<ого> обучения (и на велосипеде, из револьв<ера>

стрельба), тогда по образованию, по способностям и выносливости и желанию будет распределена работа. Образован<ые> могут быть на телеграфе, неграмотн<ые>, но физически сильные – на физич<ескую> работу. Но отряд не будет распылен. И при нем будет медиц<инский> персонал: или Петропав<ловской> больницы или союза городов[107]. <…> Меня удивило, напр<имер>: одна замечательно милая девушка с голубыми глазами, с приятной улыбкой, – как совершенно просто рассказывала, что она была у Бочкаревой[108] и ушла сюда. «Там совсем не то – она очень грубая. И дерется. И они все там считают за какую-то честь быть неряшливыми, у них даже насекомые. Читают “Правду”. Говорят – ну, что теперь уж с нежностями, не барыня! Не причесываются. И многие от них уходят». А другая совсем молоденькая, с серьезным лицом, какая-то приказчица из Гостиного двора. Просила билетов для распространения «подороже». «Я там среди богатых купцов буду распространять». Сама уже стриженая, уже доброволец. Не знаю, как пойдет у них – пока хорошее впечатление. Организаторша (тоже молодая) озабоченно мне говорила: «вот не знаю только, как мне сделать, чтоб на кроватях не лежали, чем бы занять? И семечки грызут – ну, этого-то не будет, надо чтоб было чистенько, чтоб примером служить… Я думаю, Нате записаться через 6 недель, во 2-ю очередь. А я еще про себя не знаю, боюсь оскандалиться <...>.

Я понимаю, отчего так жить тяжело сейчас. Мы, как мы, фактически религиозный нуль. Т<о> е<сть> некуда идти. Нам же, самим. В самый мучительный момент – нигде. В самый мучительный момент – нигде. И вот я подумала: Маркович[109] шел на войну – как-то у Ксении крутился, благословлялся Волочковыми[110], а не нами, т. е. не вместе. И сейчас вот мы, я, Ната, ярко захотели пойти добровольцами – и не подумали «благословиться». А сами за себя решили. Я еще хоть *теперь* об этом думаю, с точки зрения часовенки. И представь – я могу не пойти из-за красных ног из-за старости, или <из->за того, что в *тылу* часовенку надо хранить, могу Нату не пустить тоже, не веря в ее выносливость – но чтоб подумать: а м<ожет> б<ыть>, *часовенка бы не позволила?* – этого я *не могу* себе представить. Значит, что же это? Я все-таки военную свечку не только жгу, но и воплотить хочу, как правду??![111]

30 июня

Керенский удостоился у Наты теперь почетного места, вместе с Гучковым и Милюковым, весь в Национальных лентах висит под военной свечкой[112]. Завтра опять еду в П<етер>б<ург>. Зайду к Амалии. М<ожет> б<ыть>, Антон что-нибудь узнал об эвакуации подробнее[113]. По-видимому, ждут серьезных операций на Рижском фронте, – по газетам судя. Говорится довольно открыто о том, что даст Бог – и здесь инициатива будет в наших руках. Что немцы готовятся, что колыбели русской Революции – Петрограду, надо надеяться, не будет грозить серьезных опасностей, ибо солдаты не подпустят и т. д. Представьте себе, что сидя *здесь*, так мучительно живя все это больное, чудовищное, предательское время и ощущая оздоровление нынешних минут, – теряешь (в радостном отдыхе от позора и внутреннего кошмара) сознание опасности или боязнь немецкого нашествия. Т<о> е<сть> немецкое нашествие есть *несчастье*, но не позор, не безумие, не униженье, не паденье. До революции *этот же* кошмар *униженья* переживался в предательстве нашего царя и компании, и безумие – в пораженцах. Никогда за все три года не было душевного отдыха от позора!

Только до революции и был отдых с теми, кто организовал Россию и пытался вести войну *помимо* царя, *вопреки* царю. А после революции с теми, кто пытается вести войну *помимо* социалистов, вопреки социализму. Так ясно надо сказать (п<отому> ч<то> война *противоположна* социализму). Совместить нельзя. Только можно – *чудесно* совмещать*[114]. И по-новому религиозно, с «сей минуточкой». От «хлеба насущного на сей день» до «да приидет Царствие Твое». Мы не партийны (односторонни), а церковны (двухсторонни). А церковность искать надо не в раках только, ибо это только схемы, без живого содержания, которые и есть «хлеб насущный». Только *чаша*, без того, что внутри. Нельзя пить и есть, нельзя *жить* со схемами. Как раз это – была тема нашего разговора с Мейер<ом>, 1 ½ часового, по телефону. Он говорил, что все его схемы осуществляются в жизни и что схемы жизнью не ломаются. Пусть, но схема – это форма без живого содержимого.

<...>

Синод скучный и мне и Антону. Все там от Львова[115] в ужасе. Подлизывается к левым, прикидывается, а все его прекрасно видят насквозь. Вася[116] ему говорит: вот вы ездите в Москву[117], почему во Временном Правительстве Карташева не попросите вместо вас ехать? «Да, это важно, тем более что это даже будет и там многим приятнее: ведь Карташев правее меня». (Он там возится с демокр<атическим> духовенством и думает, что это верх левизны – Аггеевы[118]). После этого он Ант<она> очень благодарил (вспоминает про Антона, когда ему кто-нибудь напомнит) и Ант<он> вместо него был во Врем<енном> Правит<ельстве>, что-то отстоял и вообще без Львова ему гораздо лучше. Он просто «голова» правосл<авной> церкви и ставит ее на подобающее ей место, чтоб не было смешения, «будто бы» полноты и т. д. А Львов именно без головы и одевает ее в одежду «христианского социализма». Антон *там* чувствует себя отдыхновенно с *чистым* монахом Сергием Финляндским[119], а Львов в этом стиле видит, очевидно, черносотенство и ставит Церковь на аггеевскую позицию. Как странно. Кроме «головы», Антон играет роль и чернорабочего, и это ужасно обидно и возмутительно. А он не умеет от этого освободиться. Может быть, и нельзя, я не увидела, но предполагаю, что, может быть, и можно.

Ася[120] в Киеве. Пойдет в мобилизацию. Ната говорит, что если она не пойдет в добровольцы, то перестанет себя уважать и откажется от *личного существования*. Не «подымать дух»[121] она хочет, а быть со всеми в деле, близком к защите России. То, что в ее стиле делать[122].

12 июля

Твой дневник, Дима[123] милый, получила и оценила тогда, все понимаю и утверждаю. Он у меня на даче. Амалия мне коечто рассказывает, понемножку про дела партийные, про Илюшу. Я не пишу, п<отому> ч<то> не люблю передавать слова других. За что травили, как «правых», Савинк<ова>, Илюшу, Авксентьева (в совете крест<ьянских> депутат<ов>: Авксен<тьев> очень *резко* председательствовал против «петроградского гарнизона» и

его большевистского влияния)[124], теперь сами к этому же приходят. Ты писал письмо – еще не знал о нашем позоре и кошмаре на фронтах и о *требовании смерт<ной> казни* в телеграмме Корнилова, Савинкова и Филоненко[125]. Керенский отменил смертн<ую> казнь, он же должен ее утвердить[126]. Неизбежно, а то готовится контрреволюц<ия>, и готовится диктатор черносотен<ец>, так говорится в телеграмме Корнилова, кот<орую> вы наверно читали[127]. И этого Корнилова отправили из «Петрограда» после 21 апреля за то, что он тогда вызвал войска для охраны жителей от Ленинцев[128]. И Чхеидзе писал: «а зачем Корнилов вызвал войска? подумайте-ка, братцы… И… приказ от Совета р<абочих> и с<олдатских> деп<утатов>: никаких начальников не слушать, – только с разрешенья советов р<абочих> и с<олдатских> депут<атов> войскам выходить на улицу!»[129] Не забуду и запугиванья («Родзянко стреляет!»). Родзянко говорил солдатам: «а спросите-ка Родзянко, братцы, что он думает о земле?» Провокашечка поганая. Противно все вспоминать, больше ничего. Истинный друг народа! Теперь что-то замолк.

Вовек не забуду улицу 21-го апреля, эти *мученья*, пытки от бессилья. Знаешь, что надо сделать, а ни заставить, ни убедить нельзя. «Берегите *власть* от трещин, помогите ей!» – так улица говорила (смысл) Совету р<абочих> и с<олдатских> депут<атов>.

Как-то душа закаменела. Не то страшно, не то совсем спокойно. Не то позор, не то жгучая жалость. У меня Россия связалась с Г<осударственной> Думой, п<отому> ч<то> когда я ходила к Шидловской и утром и вечером, – все на Думу смотрела[130] и думала о России. До революции, и после, и сейчас. И то мне противно, что Василевские[131] такие не могут такую Думу спасти – Россию, красивую. То стыдно, что я тоже вшивая и ничего сделать не могу, то радостно, – что сделалось, и гордо, то страшно, когда «отрекнемся <так!> от старого мира» – пьяный петрогр<адский> гарнизон, – то горько и обидно и неутолимо раскаянье, – сейчас. А против Думы с революц<ионных> дней все тот же красный плакат с надписью: «да здравствует свобода!»

Сейчас улица моя требует (и я с ней), чтобы сказали все вместе: «Нет» – большевикам, все партии, все советы, все комитеты.

Выплюнули бы их от себя, как вредную гаду. (Костя[132] уверяет, что это делается, что они ставятся под давление *большинства*, т<ак> что свои идеи не имеют права проповедовать, но я ему не очень верю). И не смотреть-то только носик в носик, партия в партию, и делать свои домашние дела. Надо на улицу посмотреть и уважать. Улицу видят только как контрреволюционную, мудрости ее в трагич<еские> моменты не знают. А улица – это коллектив, это народ, Россия. Тут и прачка, и старик, и прислуга, и солдат, и швейцар и офицер, и интеллигент, и мальчишка, и рабочий, и профессор. Создается общественное мнение, очень тонко передающееся и вовсе не «толпное», не звериное, а разумное. Поразительно мудрую прачку я нашла раз. Часа 2 мы с ней (и еще 2 прислуги были с нами, тоже умные) стояли против Инженерного замка, где женский батальон учится. И говорили. Она, глав<ным> обр<азом>, говорила. Староватая, невзрачная, из какой-то прачечной мастерской. Трезвая, жгучая, и так бы с ней не расстался. И другая – толстая, заикающаяся, говорить не умеет, а мудрость яркая. Все о солдатах, о буржуях, о ленинцах. Еще до шпионства вскрывшегося[133] – улица знала, что оно есть. Значит, до чего все советы р<абочих> и с<олдатских> депут<ов> не живую, выдуманную линию вели, против всего народа, не ослепленного партиями. Еще я с матерями в трамваях ездила. У одной сына убили, у другой – в плену. Обе простые старые бабы. Обе трезвые и о ленинцах шепотом, с опаской, как о городовых Ник<олая> II. Еще до всяких историй 4 июля. Еще была потряс<ающая> картина шествия бежавших из плена, в Думу[134]. Я, кажется, не писала тебе, как мать старая-старая говорила. Плакала. Толпе говорила. У нее 3 сына на войне, 2 убиты. Она о пленных мучилась. И рассказывал один старый-старый офицер, как он ходил много раз в совет р<абочих> и с<олдатских> депут<ов>, о помощи пленным чтоб доложить. И как его заставляли все дожидаться (как в старые времена), пороги обивать надо было. И это дело поставили последним, как неважное. <…> Ты говоришь, что сейчас думает Христос? (ты хорошо это написал, как о живом, здешнем). Христос, я знаю где. Он зовет к единению, к церковности. К *общей* часовенке и *военной* свечке весь народ, как в мобилиз<ацию> и революцию. Все повторяется, как у нас. К сей военной минуточке подойти *всем народом*, а не всеми партиями.

Авксентьев тоже хотел револ<юции> *после* победы. Молодец. Оказывается, Масловского уже выперли из «Дела народа»[135]. Я очень рада, пусть выпирают эту гаду отовсюду. Сколько народу перепортили. Нату трезво не хочу пускать на войну. П<отому> ч<то> она такая желтая и страшная, хуже чем зимой. А она рвется. <...>

2

Второе, что улица хочет – это *единения* всех партий в государственную, человеческую, русскую партию, даже не партию, а *власть*. Самую решительную, самую ясную, самую определенную и *не* психологическую. *Приказывай*, а не предлагай, возьми от нас *свободу* и неси ее за нас, дай нам успокоиться, а уж мы тебя поддержим. Довольно воззваний, ничего не понимаем – что за контрреволюция? что это, другое чем большевики? откуда она?

Истомилась улица, опять хвосты. Карточки, а в лавках пусто. Буквально *пусто*. Не знаешь, куда зайти, чтобы яиц достать. «Нигде нет». <…>

Я стояла за газетой в очереди («Вечернее время») и слушала «улицу» свою. «А что, скажешь совет раб<очих> депут<атов> велел выходить им?» (это уж из мужской кухни) рабочие говорят. «Да, солдаты темная масса», – «да ты сам, наверно, большевик, что защищаешь». И обсуждают бегство наших, лица темные, больно, стыдно видно. И вообще улица вся подавленная. Уж нет наглости и подсолнухов. И разгула. Стыдно. Угрюмо.

Маркович письмо прислал. С фронта румынского. Пишет (еще и о наступлении не знал), что война так всех от старших до младших измучила, что все жаждут мира и на всякий слух накидываются, разукрашают <так!>. Но стоят на твердой точке зренья, нужно наступление и т. д. Отнош<ения> между офиц<ерами> и солдат<ами> отличные. Общее мнение – *навалиться* бы *всем народом* – и война к осени бы была кончена. Война *должна быть* кончена к осени, зиму не продержаться, говорит – иначе будет такой публичный дом, какого Россия от роду не видела. Все это вместе, с нашим бегством вместо того, чтобы навалиться *всем народом*, это противоречие – трагическое до слез. До кровавого пота надо было бы сейчас всем народом молиться у военной свечки. <...>

<приписка по правому полю листа:> А все-таки, я *верю* в *чудо*. Давайте вместе верить и жечь *военную* свечку.

<на отдельном листе:>

Вот для пародии Зининой *материал*.

Антон – контрреволюционер. Несет плакат с надписью: долой министров-социалистов, вся власть временному комитету Госуд<арственной> Думы. Ведет пропаганду погромную.

Ната поет «Боже царя храни». Одета в костюм казака Крючкова[136], в штанах. Лампасы и хохол из-под фуражки.

Я – разорвала с Антоном из-за его контрреволюционности, с Натой из-за казачества, с Амалией из-за кадетов, с Степановыми из-за социалистов, с Флёровой[137] из-за ее большевизма. С полными руками непреображенных символов, не имея пристанища, где на ночь приклонить голову – ночую на площадке детского сада Юлии Ивановны (от которой все еще жду чуда, по системе Монтессори).

PS. Конечно, это несколько преувеличено[138].

16 июля

Петроградские лавки медленно, но верно опустошаются. Рады, что есть еще консервы. Без изворотливости не достать молока, яиц, масла. С 15 августа начнется Собор[139] и Антону предстоит или переселиться в Москву или ездить часто туда. Патрон[140] невыносим для всех, с кем сталкивается. Ант<он> похудел, но не болен. Успокоение, но не устроенье. <…> Димину статью о русском офицере читала сегодня в «Речи»[141]. Как раз вовремя пришлась, п.ч. на офицеров только обвиненья, а вместе с тем они как сознательные люди на фронте мучатся. До *кровавого пота* (судя по некоторым в толпе, по лицам и словам, и по армии чести). Я с удовлетворением прочла. Амалия здорова. Устала, п<отому> ч<то> В.Н. Фигнер[142] все у нее и требует вниманья и ухода. Илюша в Гельсингфорсе с Соколовым[143]. Прислал телегр<амму>, что все благополучно[144].

28 июля <?>

Ты, наверное, в негодовании, что Антон в кадеты поступил. Это сознательно, на сегодняшний день. Кадеты сейчас единственные государственники, заграница для Иванова[145]. На эту минуту, для России Антон кадет. Я вообще, по себе, невоплотимая, поэтому уважаю людей, способных воплощаться. Сейчас для госуд<арственной> работы надо воплотиться. И Антон принял, совершенно сознательно, ощущая всю тесноту кадетскую и близорукость, – принес эту жертву России. Он очень много рассказывал интересного за эти дни. Перелом – к национализму, остановка революц<ии> и увяданье духа в советах (со слов Книжника, члена Сов<ета> Р<абочих> депут<атов>[146]), которым дышали большевиками. С-дэки слиняли без большевиков, а с-ры, соединяясь с кадетами, окрасились в национальн<ые> цвета. В этом спасение России.

28 августа

<На бланках «Оберпрокурора Священного Синода»>

28 авг. 3 ч. ночи. В постели.

Вот что происходит: Корнилов поднял восстание, как предсказ<ывал> Сав<инков>. За его спиной Лукомский «злой гений» (сухомлиновец)[147]. Ставка, Командный состав, Кавалерия, Конногвардейцы (кажется) <,> Керенский на левой стороне, которая одно время вся (с большевиками) думала стать единой против контрреволюции. Но у них какой-то раскол произошел (мне Мейер говорил по телефону) и их ослабил. М<ейер> говорил, что советы авторитет<ом> не пользуются, а силу взяли большевистск<ие> организации. След<овательно>: справа темный честный Корнилов, которым воспользовалась черная сотня, а слева – советы с большевиками – «правительственные войска». Казаки – «за спасенье от гражд<анской> войны» – неопределенно. Говорили с Керенск<им> и поехали к Корнилову за сведениями. Войска Корнилова так: заняли по Ц. С. дороге станцию «Семрино» (или подобное название)[148] в 10 верстах от Царского Села, за Вырицей, на этой станции сближаются 3 дороги: Варшав<ская>, Никол<аевская>, Царскосельская. Гатчина – ближайшее место от этого Семрина. Следовательно, выходит, что

уже *сейчас* вы отрезаны от Петрограда. И мы от вас. (Но не бойтесь – во всяком случае, Корнилова войск меньше можно бояться, чем «правительст<венных>» с большевиками). Перерезав дороги, Корнилов хочет устроить осаду Петрограда, чтоб он сдался без крови. Город спокоен. Никаких митингов уличных и выступлений. Полное спокойствие.

Все министры подали в отставку. И Чернов[149]. Керенский – жалок. Ан<тон> говорит, что у него впечатл<ение>, что он пустит пулю в лоб. Некрасов[150] лежит на диване в полном пессимизме. Есть выход: Алексеев и Милюков были у Керенского[151]. Милюков предлагает быть посредником, замараться о контрреволюцию, т. е. попытаться спасти Россию от гражд<анской> войны, начав с Корнил<овым> переговоры. Теперь все зависит от Керенского, согласится ли он уйти, предоставив все Алексееву. Все кадеты-министры единогласно советовали (и Терещенко[152]) Керенскому уйти: правительство, объявив Корнилова мятежником (воззвание Керенского), не может вести переговоры. А м<ожет> б<ыть>, в этом единств<енное> средство удержать кровь. Послы союзных держав моментально, когда начнется гражд<анская> война, – уезжают из Петрограда. Савинков командует здесь в штабе правит<ельственными> войсками против Корнилова[153]. Помнишь, он говорил? Кто кого (если не вместе)? Говорит, что защищает свободу. И это страшно. Потому что все-таки с либерданами[154] и все-таки с большевиками. Антон «преображает», старает<ся>, кадет в революционеров, но, кажется, они не преображаются. Ант<он> действует в смысле решительного посредничества между Петрогр<адом> и Корниловым, чтоб спасти остатки революции, ибо, если победит Савинков, – затопчут большевики и придет подлинная контрревол<юция> Пуришкевича. А Корнилов не царист – у него Россия первее царя. И еще надежда есть на Алексеева и переговоры[155].

Хотя М<илюков> склоняется защищать «правительство» против контрреволюции…

Теперь мне приехать будет нельзя, п<отому> ч<то> то, зачем я поехала в П<етер>б<ург>, будет именно сегодня. На Сиверской сейчас, пожалуй, даже спокойнее, чем здесь.

29 августа

<На бланке РФО>

Утро 8 ½ ч. 29-го вторник.

Ибо, как говорится, план Корн<илова> избежать крови, но окружив П<етер>б<ург>, поморив его голодом для сдачи правит<ельства>.

В своих 2-х манифестах (безграмотн<ых>, по словам Антона) сказано Корниловым, что Правительство сейчас в руках большевиков, которые являются выразителями желаний Вильгельма. Что он – казак и крестьянин и желает свободы России[156]. Но, конечно, он не знает, кто им может руководить за спиной. Ант<он> говорит, что идет тьма слева. Победит тьма слева – мы будем во власти победителей – большевиков. Будет справа – черносотенцев. Хотя если справа, то не с Николаем, п<отому> ч<то> Николай сгнил и был свергнут *праведно,* органически, революцией, а с кем – еще неизвестно. Вся сейчас надежда на Алексеева и, может быть, на энергию кадет. Он, говорят, прекрасный *человек*.

Вечером поздно были слухи, что Царское в Корниловск<их> руках и что корниловцы потрепали правительственные войска.

Мне ехать не советуют, потому что сейчас надо *выжидать*, чтоб не попасть куда-нибудь. Сегодня – решающий день. Антон в 12 ч. едет в Ц.К. Он уже себя министром больше не считает. И говорит, что кадеты мучились недели уже 2, хотели, но не считали возможным подать в отставку. Их Керенский в этой Корниловской истории игнорировал совершенно не по-товарищески. Всю свою линию провел без них, и они не могут *отвечать* за то, что происходит сейчас. Некрас<ов>, Терещ<енко>, Кер<енский> и Гальперн[157] – вот их правит<ельство> последних дней. Антона и др<угих> кадетов положение было *унизительно-комическое*. [Сейчас у Керенского и Гоц[158] и Церетели.] Часто в газетах бывало раньше, чем они узнавали, что делается.

Когда все министры-кадеты, не сговариваясь, сказали Кер<енскому>, что он должен уйти – он ничего не сказал. И ушел. Как царь. И вообще страшно повторенье. И Зимний дворец. [В га-

зете] Ан<тон> говорил, что было мистически страшно, как на глазах правит<ельство> *таяло* и распадалось. Так что пока там надо остаться. Сухари есть еще у нас на столе и в верхнем левом комоде. Он не заперт. Консервы в корзине, что в кладовой, запасные, на дне. Об одном я только очень прошу, и предрекаю и заклинаю, – не тушите свечку. Мне почему-то кажется, что тушить ее *грех*. Если потухла – зажгите. Топите комнату и хоть одну, чтоб зажгли. На Диму надеюсь.

Маркович ранен в ногу. В Одессе в лазарете. Задето сухожилие. Пуля не вынута. Потерял много крови, везли 10 верст, не могли кровь унять. Поэтому операция – извлечение пули – отложено. Нат<алья> Ив<ановна> под Одессой. Поручаю их Андрею[159], когда он поедет. Андрей застрял, п<отому> ч<то> сведения получены о том, что Ливеровский приказал разобрать рельсы[160].

А я думаю, что Савинков мог бы еще и сейчас спасти все, не допуская крови. Взяв из черносотенных рук власть. Жгите, умоляю, не тушите.

Татьяна

Сейчас звонил Костя, глаза на лоб, в панике. Привез семью в город. Боится дикой дивизии[161], кот<орая> должна вечером пройти. Поезда ходят без расписанья. Костя через час обещал позвонить. Не знаю, как с вами быть. Но…

пришла нянечка. Народ (бабы и пр.) за Корнилова. Муж<ской> гарнизон сдался. И Костиной паники не боюсь както. Или *весь* Корнилов с *дисциплиной* – враг. Враг семечек, враг «револ<юционной> демократии». Лиза[162] говорит, что могут быть *грабежи* в *междуцарствие* около Петрограда. Но ведь и *здесь* тоже? Не знаю, что вам совет<овать>. *Ант<он>* спокоен, думает, лучше вам ждать. У Степанова[163] тоже нет паники, чтоб вам уезжать. Дима, подумай, как быть: вечером, если вам сегодня ехать, то попадете в войска Корнилова. Хорошо сегодня ехать, но приехал Вася.

Тата

Пришли газеты[164].

31 августа

Я еще чувствую трудность оттуда отрываться из-за Антона: он сейчас так «радикально» настроен, что его могут арестовать, как изъяли переводчицу из «Речи»[165]. Еще бы: во временном правительстве, говоря речь о том, что Кер<енском>у надо передать власть Алексееву для реорганизации кабинета, он кончил словом «развратная сволочь» по адресу Петроградского гарнизона и пр. Это когда Керенский был в слабости и был еще выход, а *сейчас* Некрасов уже от него отворачивается и сердится на него. Антон же решил, что он будет *бороться*, берет это право (говорил кадетам). Если войдет в Министерство. Но я думаю, что он *неудобен*. К счастью. А то страшно. Кажется, я вчера об этом не сказала? Говорю, чтоб поняли, почему мне трудно ехать сюда, помимо моего вечного желанья и устремленья быть среди жизни. Т.

Целую. Х<ристос> с вами.

<на обороте:> Всем, всем, всем[166].

[1] Речь идет о митинге «ленинцев» перед особняком балерины Матильды Феликсовны Кшесинской (1872–1971); здание расположено на углу Троицкой площади, от которого расходятся Большая Дворянская улица и дуга Кронверкского проспекта (построено в 1904–1906 гг., архитектор А.И. фон Гоген). После разгрома и разграбления особняка 28 февраля 1917 г. его заняли солдаты мастерских запасного броневого автомобильного дивизиона; в марте–июле 1917 г. здесь располагался Центральный комитет большевиков, а также Военная организация РСДРП; особняк стал штабом большевиков, а «балкон» – трибуной большевистских ораторов; сюда после возвращения из эмиграции в ночь с 3 на 4 апреля 1917 г. прибыл В. Ленин, с 4 апреля по 4 июля он почти ежедневно бывал в «штабе» и регулярно выступал с балкона перед собранием рабочих, солдат и матросов. Особняк постоянно находился в поле зрения газетчиков, см., например, репортаж обозревателя «Биржевых ведомостей» о митинге, на котором, вероятно, присутствовала Т. Гиппиус (описание митинга в данной записи отсутствует): «Палаццо бывшей романовской фаворитки занято теперь социал-демократическим комитетом. А павильон, прев-

ращенный в ораторскую трибуну, занят ленинцами и правдистами. Все партии устраивают митинги в закрытых помещениях. Ленинцам и правдистам как-то первым пришло в голову вынести митинги под открытое небо, прямо на улицы и на площади. Вчера с утра и до позднего вечера перед особняком Кшесинской сменялись народные толпы. Выступали кое-кто из только что вернувшихся эмигрантов, один из которых в сильных чертах нарисовал картину возмутительного ареста Троцкого в Канаде. Эти эмигранты, вернувшиеся не через Германию, а "дорогой смерти", вызвали большое сочувствие аудитории. Выступал несколько раз и сам Ленин. Он так сильно жестикулировал, что моментами являлось опасение, как бы он не свалился за невысокую решетку. Ленин, как водится, бранил буржуазию, выбранил Родзянко, и заявил, что не будет возражать тем "мерзавцам", которые говорят, что ленинцы подкуплены германцами. А возгласы в этом смысле, действительно, раздавались в толпе. Из толпы подавали записки, были желающие говорить. Но с трибуны заявили, что это "наша трибуна". И после долгих пререканий согласились дать голос только одному противнику, офицеру, только что приехавшему с фронта и возвращавшемуся туда обратно. Офицер этот заявил, что он крестьянин, произведен в прапорщики царским правительством, которому он понадобился в качестве пушечного мяса, что на фронте нужны люди, что ряды там теперь пополняются больными, харкающими кровью, что туда присылают даже солдат с отстреленными пальцами, и что поэтому не надо противиться распоряжению военного министра об отправке части Петроградского гарнизона на фронт. Ленинцы затем старались рассеять впечатление, произведенное этим оратором. Рекомендовали не поддаваться этим "плаксивым" и "слезливым" ламентациям. <...> Сочувственно принимались их выпады против буржуазии. Но отношение к войне и призывы к немедленному миру вызывали негодующие протесты отдельных лиц. Ленинцы, бывшие в толпе, всеми силами старались эти протесты заглушить, призывали даже на помощь милиционеров, и какую-то женщину чуть было не отправили в комиссариат» (*Лукиан* [*Любошиц С.Б.*] Заметки // Биржевые ведомости. 1917. 11 апр. № 16176. Утр. вып. С. 2). Далее отсылка на газету «Биржевые ведомости» приводится сокращенно: *БВ*.

[2] Ратьков-Рожнов Владимир Николаевич (1891–1918) – племянник Д.В. Философова, сын Зинаиды Владимировны (урожд. Философовой) и Николая Александровича Ратьковых-Рожновых; офицер Добровольческой армии (убит под Ростовом в бою с красноармейцами). В «Синей книге» в записи от 2 августа 1914 г. З. Гиппиус отметила: «Володя-студент перешагнул через горе матери: "Да, это эгоизм, но я все равно пойду, не могу не идти", – и уехал вчера с преображенцами»; в записи от 22 октября 1916 г.: «Был у нас Вол. Ратьков. (Он с первого дня на войне. Грудь в крестах. А сам, по-моему, сумасшедший. Все они полусумасшедшие "оттуда". Все до слез доводящие одним видом своим» (*Гиппиус З*. Дневники: В 2 т. М.: НПК «Интелвак», 1999. Т. 1. С. 386, 428.).

[3] Илья Исидорович Фондаминский, см. вступ. статью. Газета «Речь» сообщала о торжественной встрече прибывших 8 апреля на Финляндский вокзал политэмигрантов: Н. Авксентьева, Б. Савинкова, И. Фондаминского-Бунакова, В. Чернова, Л. Дейча, Б. Моисеенко и др.: «Встречать прибывших эмигрантов собрались свыше 10 тысяч граждан и части разных войсковых частей петроградского гарнизона и флотских экипажей с оркестром и музыкой. Когда эмигранты вышли из вагона, многотысячная толпа огласила воздух криками "ура" и военные оркестры заиграли Марсельезу» (Приезд политических эмигрантов // Речь. 1917. 9 апр. № 82. С. 5). Т. Гиппиус, по-видимому, встречала Фондаминских, поскольку должна была их проводить на квартиру Мережковских.

[4] Перифраза основного тезиса статьи Н.А. Бердяева «О частном и историческом взгляде на жизнь» (опубл.: *БВ*. 1916. 6 сент. № 15785. Утр. вып. С. 2; в сб. Бердяева «Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности». М., 1918). Ср.: «Отношение к войне очень разделяет людей на два типа, которым трудно сговориться. Одни смотрят на войну, как и на все на свете, с частной точки зрения, с точки зрения личной или семейной жизни, блага и счастья людей или их страданий и несчастья. Другие смотрят на войну с сверхличной, исторической, мировой точки зрения, с точки зрения ценности национальности, государственности, исторических задач, исторической судьбы народов и всего человечества. <...> Лишь такой углубленный взгляд делает меня свободным, гражданином моего отечества и гражданином вселенной. "Частный" же взгляд на жизнь, для которого все историческое, мировое сверхличное – чуждое и инородное, делает рабом, способным лишь на рабий бунт» (цит. по *БВ*).

[5] Зинаиде Гиппиус: ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 60. Л. 4. Далее отсылки даны сокращенно, без указания места хранения и фонда.

[6] Мережковские уехали в Кисловодск в субботу 8 апреля 1917 г.

[7] В 1917 г. здание Калашниковской хлебной биржи использовали для проведения митингов различных партий (построено в 1906 г. по заказу купца Е.С. Калашникова для зерновой биржи; архитектор Н.А. Дрягин). 9 апреля московский районный комитет Партии народной свободы организовал здесь первое публичное собрание, привлекшее в зал Калашниковской биржи многочисленную публику. Выступавшие ораторы – лидеры кадетской партии М.М. Винавер, Н.В. Некрасов, М.С. Аджемов призы-

вали к сохранению единства в рядах демократии, осуждали деятельность «ленинцев», сеющих рознь и провоцирующих гражданскую войну; отчет о собрании см.: Речь. 1917. 11 апр. № 83. С. 5. Здесь же 10 апреля состоялся митинг под председательством М.В. Родзянко, тема: «Об организации Англии во время войны»; выступали: Д. Бьюкенен (посол Великобритании), Блэр (полковник английской армии), Н.В. Некрасов (министр путей сообщения), П.Н. Милюков (министр иностранных дел) и др.

[8] В апреле 1917 г. в Петроград прибыли делегации социалистических партий союзнических стран; 9 апреля французские и английские депутаты-социалисты посетили Марсово поле. Газета «Единство» сообщала: «9-го апреля в три часа дня, французские и английские депутаты-социалисты отправились к братской могиле героев революции и возложили художественный серебряный венок на “Холм Свободы”. Собралась многочисленная толпа солдат, моряков и рабочих. У могилы был выставлен почетный караул при оркестре музыки. В воздухе реяли траурные и красные флаги с надписью “слава героям”, “да живет память народная в борцах за свободу”. К братской могиле подошла манифестация съезда учителей, несшая знамена с надписью: “Дайте народу свет”. К могиле прибыл Г.В. Плеханов, обратившийся к гражданам с речью. Один из учителей, обратившись к народу, сказал: – Клянетесь ли вы отстоять эту землю? Толпа ответила: – Клянемся! Многие бросились на землю и целовали ее. Хор с пением похоронного марша обошел могилы павших» ([*Б. п.*] Союзные социалисты у братской могилы // Единство. 1917. 9 апреля. № 9. С. 3).

[9] Дарья Павловна Соколова – няня сестер Гиппиус, жила вместе с Мережковскими на Сергиевской, 83, после их отъезда в эмиграцию (бежали из Петрограда в декабре 1919 г.) – в их квартире вместе с Т.Н. и Н.Н. Гиппиус.

[10] В этот же день газета «Биржевые ведомости» (1917. 15 апр. № 16184. Утр. вып. С. 4) напечатала заметку «Марсово Поле», в которой сообщалось: «Печальный вид имеет место успокоения жертв великой Русской Революции. Могилы все еще не приведены в порядок, местами еще не засыпанные, огорожены грязными досками, служащими почему-то для прохода публики. Кругом и около намусорено, грязно. Бросают окурки, грызут и бросают семечки, точно это не святое место, а базарная площадь. Были железные колонки, по которым проходила цепь. Где остатки великого народного шествия 23-го марта? Почему из многочисленных флагов, венков, цветов здесь не оставлена хотя бы маленькая часть, которая свидетельствовала бы многочисленным паломникам о великом и печальном дне похорон?»

[11] Лев Толстой завещал похоронить себя в овраге, где была закопана легендарная «зеленая палочка» (в детстве старший брат Николай, играя с детьми, вырезал на зеленой палочке секрет всеобщего счастья и закопал ее на краю оврага неподалеку от яснополянского дома). «Зеленая палочка» – статья Л. Толстого (1905) – содержит популярное изложение основ христианства (первонач. название «Вера»), впервые опубликована в 1911 г. в газете «Русское слово» (2 янв. № 1) и издательством «Посредник» (№ 915). «Воспоминания детства», вероятно, были известны Т. Гиппиус по изд.: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. / Под ред. П.И. Бирюкова. М., 1912. Т. 1 (см. с. 358–360); см. комментарий Н.К. Гудзия в: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. / Под общ. ред. В.Г. Черткова. М.; Л. 1936. Т.36. С. 737–741.

[12] То есть 1-го мая по новому стилю.

[13] В гимназии Марии Александровны Шидловской и ее дочери Юлии Ивановны (Шпалерная, 7, недалеко от Таврического дворца), где преподавала Т.Н. Гиппиус, воспитывались дети А.Ф. Керенского (сыновья Олег и Глеб), Л.Б. Каменева, Л.Д. Троцкого и Ю.М. Стеклова и, вероятно, других политических деятелей. В письмах к близким 1917 г. Т. Гиппиус сообщала: «Керенскую (Ольгу Львовну, жену Керенского. – *М.П.*) видела на родительском собрании. Говорит, что доктора находят, что ему очень удачно сделали операцию и посылают на отдых, неизвестно куда поедут – это для здоровья его все равно. Или в Финляндию, а может быть в Малороссию» (13 марта, Философову: ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 176. Л.11); «У Шидловской учится сын Нахамкиса в детском саду под фамилией Стеклова. Сейчас буду с ним по телефону говорить – требовать плату за ученье – не дают, да и все! Очень типично» (4 мая, Мережковским и Философову: Там же. Ед. хр. 216. Л. 29).

[14] Вероятно, отклик на постановление Временного правительства о похоронах жертв революции, которое предполагалось совершить по гражданскому обряду. Эту идею поддержали многие представители интеллигенции. Например, Ф. Сологуб в статье «Святая могила» писал: «Благодатный характер нашего переворота отразился и на этой прекрасной мысли и в то же время воистину благочестивой. И то обстоятельство, что похороны последних жертв захлебнувшегося в крови безумного царствования предполагаются гражданскими, т. е. без участия духовенства, нисколько не отнимает у этой прекрасной могилы ее благочестивой осиянности. Конечно, похороны должны быть гражданскими, так как хоронить придется людей разных исповеданий, людей верующих, и вместе с ними равнодушных к вопросам религии. <...> И хорошо, что их похоронят всех вместе, – погибших в братском подвиге восстания положат в одной братской могиле» (*БВ*. 1917. 11 марта. № 16130. Утр. вып. С. 3). Ср. также

заметку в «Биржевых ведомостях» под заголовком «Слово духовенству»: «Проф. Б. Титлимов в “Дне” обращается с укоризной к пастырям, пожелавшим участвовать в похоронах жертв революции. Он напоминает им время, когда тысячи русских людей умирали на виселицах и под пулями усмирителей: Почему вы молчали, представители церкви Божией, высшей носительницы правды на земле?» (*БВ*. 1917. 12 марта. № 16132. Утр. вып. С. 7). Постановление Временного правительства (о погребении без отпевания) вызвало возмущение со стороны верующих, см.: *Философов Д.В.* Дневник // Звезда. 1993. № 2. С. 198.

[15] Слова ежедневной молитвы православного богослужения об упокоении душ всех положивших свою жизнь на поле брани.

[16] Маршевые роты для пополнения армии формировались постоянно с самого начала войны – из запасных батальонов находившихся на фронте полков, новобранцев и т. н. эвакуированных солдат (выписанных из госпиталей после ранений). В ходе революции между Временным правительством и Советами было принято решение о невыводе частей революционного гарнизона из Петрограда. Однако в условиях двоевластия оно могло интерпретироваться по-разному, вопрос об отправке маршевых рот стал важным политическим вопросом (см.: *Соболев Г.Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л.: Наука, 1985). 9 апреля газета «Единство» сообщила, что «маршевые роты будут отправлены в течение ближайших дней» (1917. № 9. С. 3). 10 апреля в Таврическом дворце состоялось частное совещание солдатской секции Совета солдатских и рабочих депутатов, принявшее резолюцию о посылке маршевых рот (Речь. 1917. 11 апр. № 83. С. 4). 13 апреля «Речь» поместила заметку об отправке на фронт первого пополнения: «10 апреля в 3 часа дня, с Варшавского вокзала отправляется в действующую армию первый эшелон революционных маршевых рот запасного батальона гвардии Петроградского полка (одновременно ушел эшелон революционных измайловцев)», роты провожала «громадная толпа народа, с оркестром и плакатом: “Идем на войну для свободы”» (1917. 13 апр. № 85. С. 4); 15 апреля «Речь» писала: «Ввиду появившихся в некоторых газетах нападок по поводу отправки на фронт маршевых рот, нам сообщают, что все маршевые роты отправляются на фронт по соглашению между Временным Правительством и Исполнительным Комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов» (Речь. 1917. 15 апр. № 87. С. 5). 16 апреля 1917 г. состоялось заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, открывшееся докладом Н.Д. Соколова об отправке маршевых рот, от имени Исполнительного комитета была принята резолюция: «Имея в виду, с одной стороны, обязательство о невыводе Петроградского гарнизона, принятое 2-го марта Временным

Правительством, и с другой, учитывая военно-техническую необходимость пополнения воинских частей, находящихся на фронте, <…> Совет Рабочих и Солдатских Депутатов признает необходимость отправлять на фронт маршевые роты по мере установления надобности» (Единство. 1917. 17 апр. № 16. С. 3).

[17] Митинг инвалидов освещался в прессе, наиболее подробный отчет поместила газета «Речь»: «В 11-м часу утра 16 апреля на Казанской площади собралась огромная толпа инвалидов и направилась к Таврическому дворцу. В манифестации приняли участие почти все инвалиды, находящиеся на излечении в петроградских лазаретах, и много уже выписавшихся из лазаретов инвалидов. Те из инвалидов, которые не могут самостоятельно передвигаться, прибыли в грузовых автомобилях, на линейках бывшей придворной Конюшенной части, в экипажах, на извозчиках и на обыкновенных автомобилях. Часть манифестантов прошла в Таврический дворец, часть устроила митинг перед зданием Таврического дворца. На знаменах манифестантов-инвалидов были надписи: “Отдадим последние силы для торжества свободы”, “Ленина и компанию обратно в Германию”, “Здоровые, заменяйте больных в окопах”, “Пересмотрите законы о пенсиях”, “Война до победного конца, до полного уничтожения германского милитаризма”, “Наши раны требуют победы”, “Отечество в опасности”, “Пролитая нами кровь требует войны до победы”. Особенно много плакатов с надписями, направленными против ленинцев» и т. д. Перед инвалидами выступали: М.И. Скобелев (товарищ председателя Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов), заявивший, что, не будучи сторонником тактики Ленина, он признает за ним право на свободную агитацию (его речь была прервана криками протеста); К.А. Гвоздев – с призывом прекратить войну “путем соглашения с германским пролетариатом”. В здании Таврического дворца также происходил бурный митинг, после примирительной речи Церетели (“с идеями Ленина надо бороться не насилием, а доводами”) выступил М.В. Родзянко, который принес благодарность защитникам родины за их жертвы и заявил, что “Война должна быть доведена до конца!”, слова Родзянко были покрыты продолжительными и бурными криками ”ура”. Инвалиды приняли резолюцию, в которой было выражено доверие Временному Правительству и резкий протест против агитации Ленина, “сеющей рознь в рядах революционной армии”» (Манифестация инвалидов // Речь. 1917. 17 апр. № 89. С. 5).

[18] Газеты, которые регулярно читала Т. Гиппиус («Речь», «Единство», «Биржевые ведомости», «День», «Вечернее время»), ежедневно печатали разного рода антиленинские материалы (статьи, письма в редакцию

и т. п.). Например, 15 апреля в газете «Единство» (1917. № 15. С. 3), под общим заголовком «К деятельности Ленина», были помещены заметки: 1) «Исполнит. комиссия Сов. Солд. Депутатов о деятельности Ленина», содержавшая призыв оказать сопротивление ленинской пропаганде, «которая есть контрреволюционная по своей сути»; 2) «Заявление солдат Прожекторной роты», с требованием выдворить Ленина за пределы столицы («заявляем свое глубокое сожаление, что в Петроград прибыл человек, присутствие которого в настоящий момент нежелательно, в виду его дезорганизаторской работы, вредящей закреплению свободы»); 3) «Ленинизм», где опубликована резолюция, принятая на объединенном всех политических фракций собрании офицеров и солдат Петроградского интендантского вещевого склада, состоявшемся 14 апреля; в резолюции говорилось об антивоенной пропаганде и контрреволюционной деятельности Ленина, в частности: «Эта коренная ломка отразится на благополучном окончании настоящего революционного движения, служа лишь в пользу полной анархии, угрожает нашей молодой свободе новым порабощением германскому милитаризму и явится полной разрухой экономической жизни страны», в заключение был выдвинут лозунг «Долой Ленинизм»; 4) «Самосуд», в которой сообщалось, что у особняка Кшесинской был арестован солдат за то, что доказывал собравшимся, что Ленин приехал через Германию.

В газете «Речь» 18 апреля (1917. № 90. С. 4) была опубликована заметка «Иск о выселении Ленина и др. из особняка Кшесинской», в которой сообщалось, что по доверенности М.Ф. Кшесинской присяжный поверенный В.С. Хесин обратился к мировому судье с прошением выселить из ее дома и очистить его от имущества ответчиков, которыми являются Петроградский комитет социал-демократической партии, ЦК той же партии, Центральное бюро профессиональных союзов, Петроградский районный комитет партии социалистов-революционеров, клуб военных организаций, кандидат прав В.И. Ульянов, под литературным псевдонимом Ленин, и др.

Газета «Биржевые ведомости» 18 апреля сообщала о выступлении Ленина в Совете солдатских депутатов, состоявшемся 17 апреля «с целью дать объяснения по целому ряду принципиальных вопросов». «Выступление Ленина произвело своего рода сенсацию», его речь сопровождали выкриками: «Поезжайте-ка в свою Германию проповедовать свои идеи!», «Довольно! Довольно!» и «Не желаем! Не желаем!» (Выступление Ленина // *БВ*. 1917. 18 апр. № 16190. Утр. вып. С. 4).

Газета «Вечернее время» 19 апреля поместила у себя статью Ал. Ксюнина «Страшный Ленин», в которой высмеивалось то же выступление

Ленина в Таврическом дворце: «Где же Ленин?.. Неужели этот маленький плешивый? <…> Сам Ленин вовсе нестрашный. Он, оказывается, пришел, “чтобы протестовать” против резолюции Исполнительной комиссии о том, что его ленинская пропаганда так же вредна, как и контрреволюция справа. <…> Ленин говорил без особенного задора, часто останавливается и снова повторяет свою мысль. Говорит бледно и для серьезной аудитории совершенно неубедительно. <…> После Ленина Либер показался мне первоклассным оратором. Ленин это демагог, и то бездоказательный и притом трусливый» (Вечернее время. 1917. 19 апр. (2 мая). № 1799. С. 2).

[19] Виктор Александрович Данилов (1850–1916) – участник революционного движения 1870-х гг., по своим убеждениям примыкал к сектантству, вел пропаганду среди молокан; не раз привлекался к суду, проходил по процессу 193-х (1874); после последнего ареста в 1881 г. был приговорен к 4 годам каторги с последующим поселением в Сибирь; по возвращении из ссылки стал выступать как религиозный проповедник, принимал участие в деятельности различных христианских сект; публицист, сотрудник молоканского журнала «Духовный христианин». В 1914–1915 гг. участвовал в заседаниях Петроградского религиозно-философского общества, в прениях по докладам на темы, связанные с Первой мировой войной (национализм, патриотизм, всеобщее разоружение и пр.), см.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: В 3 т. // Вступ. ст. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева; Сост. и подгот. текста О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян; Примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, С.А. Мартьянова, О.В. Самоцветова, Л.В. Хачатурян. М.: Русский путь, 2009. Т. 2. С. 498; Т. 3: 1914–1917. С. 92–95; 113, 132, 206, 541, 559–562, 570.

Попытки Данилова установить более тесные контакты с Мережковскими ни к чему не привели, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы: письмо Философова Данилову от 17 апреля 1909 г. (ОР РНБ. Ф. 238. Ед. хр. 300), письмо Данилова Мережковскому от 8 февраля 1915 г., а также обращенная к Мережковским и Философову статья «Из дневника обитателя Земного шара, человека религии-знания» (15 февр. 1915). Статья содержала выпад против деятельности масонов, осуждение германского милитаризма и пропаганду идеи всеобщего разоружения (Там же. Ед. хр. 96, 97), в поздней редакции под заглавием «С кем ведем мы войну и как ее окончить?» опубликована: Духовный христианин. 1916. № 1/2. С. 7–16. *Обитатель Земного Шара* – так себя называл Данилов, в некрологе его памяти Тан (Богораз), знавший его в годы сибирской каторги, вспоминал: «…и паспорта у него не было. Отбыв свою каторгу

и ссылку, он отказался возвратиться в “первобытное состояние” и приписаться в сибирские крестьяне. После долгих мытарств ему выдали такую бумагу: “Предъявитель сего, именующий себя Обитатель Земного Шара, Виктор Александрович Данилов есть именно то лицо, за которое себя выдает. В чем удостоверяю подписью и приложением казенной печати» (*БВ*. 1916. 25 янв. № 15344. Утр. вып. С. 2). *Мешок Данилова* – одна из ярких примет внешнего облика мыслителя: «И вот он выходит на Невский в своем оригинальном наряде. Широкое пальто из крестьянского сукна. На ногах башмаки и голенища от валенок: в виде гетр. Рубаха на груди расстегнута. На поясе мешки, на груди другие. В этих мешках он носил бумагу и чернила, начатую рукопись, завтрак, покупки из лавки» (Там же).

[20] **спасенье России* <*Примеч. автора*.>

[21] Николай Дмитриевич Соколов (1870–1928) – известный адвокат и общественный деятель, З. Гиппиус называла его «грешником» из-за близости к большевикам в первые месяцы после Февральской революции; один из авторов и редакторов «Приказа № 1», положившего начало развалу царской армии.

[22] Петр Бернгардович Струве (1870–1944) после Февральской революции последовательно проводил антисоциалистическую и оборонческую линию на страницах издававшихся им журналов «Русская мысль» и «Русская свобода» (начал выходить в апреле 1917 г., с участием Н.А. Бердяева, А.С. Изгоева, В.В. Шульгина); см., например, его «программные» статьи: «Освобожденная Россия» (Русская мысль. 1917. Кн. 2), «Иллюзии социалистов» (Русская свобода. 1917. № 7) и др. В апреле–мае 1917 г. – директор Экономического департамента МИД, в мае был избран в академики Российской академии наук.

[23] Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920) – монархист, один из лидеров черносотенного Союза русского народа и создатель Союза Михаила Архангела; думский деятель (депутат II, III и IV Государственной думы от правого блока); после Февральской революции вел активную работу по созданию подпольных вооруженных организаций монархического толка. Возможно, Т. Гиппиус имеет в виду высказывания Пуришкевича по поводу вероятности заключения сепаратного мира – по приезде в Петроград с фронта Пуришкевич комментировал для печати текущие события: «…хотя между союзниками существует соглашение о незаключении сепаратного мира, но в отношении России сделана оговорка, что соглашение это недействительно в случае внутренних беспорядков» (Утро России. 1917. 3 марта. № 60. С. 4). 17 апреля в газете «Биржевые ведомости» была напечатана заметка «Инцидент с В.М. Пуришкевичем», в которой сообщалось, что во время стоянки поезда на станции Луга тот выбросил пачку монархической литературы с его личным штемпелем на обложках, пачка хранилась в его депутатском вагоне. Стрелочники подняли эти экземпляры и сообщили о находке местному комиссару. «Немедленно милиция и пролетарский надзор направились к вагону, занимаемому Пуришкевичем, произвели там тщательный обыск и нашли около 700 экземпляров монархической литературы. Пуришкевич был задержан. На допросе он заявил, что все происшедшее является плодом недоразумения. Действительно, в вагоне у него хранилось 700 экземпляров литературы, которую депутат приобрел еще за несколько месяцев до революции, чтобы распространять на фронте. После революции депутат поручил истопнику остатки этой литературы сжечь, но последний, очевидно, по ошибке выбросил несколько экземпляров на путь. В.М. Пуришкевич заявил, что он никакого намерения не имел распространять эту литературу на фронте; и в доказательство депутат привел то обстоятельство, что везет на фронт 10000 экз. воззваний Временного Правительства и других организаций, которые он будет распространять среди солдат. Объяснение В.М. Пуришкевича удовлетворило следственные власти, которые распорядились после телеграфного сношения с министром юстиции его освободить» (*БВ*. 1917. 20 апр. № 16192. Утр. вып. С. 4).

[24] * в соединении сил «разных партий».<*Примеч. автора*.>

[25] Т. Гиппиус оценивает тактику Керенского в едином ключе с З. Гиппиус, ср. записи в «Синей книги» 4 марта: «В Керенском – потенция моста, соединение тех и других, и преображения их во что-то единое третье, революционно-творческое, (единственно-нужное сейчас)» (о кадетах и «голых левых»); 7 марта: «Керенский – сейчас единственный ни на одном из “двух берегов”, а там, где быть надлежит: с русской революцией. Единственный. Один».

[26] Мережковским и Философову: Ед. хр. 218. Л. 1–8.

[27] Ксения Анатольевна Половцова, см. о ней в примеч. к вступ. статье.

[28] Далее вариация на тему псалма 43 и др.

Мережковским и Философову: Ед. хр. 226. Л. 1.

[29] Первое коалиционное правительство с участием социалистов было образовано 5 (18) мая 1917 г. (см. примеч. 25).

[30] 18 апреля 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства Павел Николаевич Милюков (1859–1943) передал ноту правительствам Англии и Франции, 19 апреля она была напечатана в газетах вместе с повторно опубликованной декларацией Временного правительства от 27 марта 1917 г.; в ней говорилось, что Россия продолжает оставаться верной договорам с союзниками. Нота спровоцировала массовые волнения, которые привели к правительственному кризису. Печать бурно реагиро-

вала на события; газета «Биржевые ведомости» в заметке «Нота союзникам» ставила вопрос: «Кому и зачем нужен был этот плод министерского творчества? (Ведь Временное Правительство уже высказало все и ясно нотой от 27 марта.) Неясность ноты уже стала источником толкований, возбуждающих настроения масс, которые переводят смысл дипломатической ноты в плоскость общеполитических внутренних взаимоотношений правительства и демократии. На этой почве вырастает опасность для молодой народной свободы, единственная защита которой – единение всех классов. Министерством допущена ошибка, но эта ошибка, к счастью, не принадлежит к разряду непоправимых. Сейчас задача заключается, прежде всего, в том, чтобы не обострять положения. У себя мы можем сейчас идти разными путями к одной цели, но в области международных отношений у нас не может быть двух Россий с двумя решениями» (*БВ*. 1917. 21 апр. № 16194. Утр. вып. С. 3). Там же в разделе «Отголоски ноты министра иностранных дел П.Н. Милюкова союзникам» печатались репортажи о происходивших демонстрациях, организованных различными партиями и войсковыми частями (участвовали Финский, Московский и 180 полк, часть 2-го Балтийского флота; всего 15 тыс. солдат).

[31] Вечером 21 апреля состоялось совместное заседание правительства и руководства Совета, на котором министр-председатель Г.Е. Львов впервые поставил вопрос о коллективной отставке членов кабинета и образовании коалиционного правительства (соглашение между Временным правительством и Исполкомом Петроградского совета о создании коалиции достигнуто не было).

[32] Репортажи о праздновании 1-го мая печатались во всех столичных газетах, в большинстве случаев с подробным отчетом о митингах и демонстрациях, проходивших в центральных районах города; из отчетов следовало, что в день первомайского праздника во всем Петрограде царило общее воодушевление, это был настоящий праздник всенародного согласия. Газета «Речь» освещала торжество исключительно в идиллических тонах: «В 12 часов дня Невский проспект на перекрестке Садовой ул. трудно было пройти, так как непрерывно одна за другой проходили многотысячные манифестации. Весь Невский пр. представлял из себя двигающийся лес красных флагов, знамен, плакатов; отовсюду доносились звуки военных оркестров, играющих интернационал и национальные гимны: польский, латышский, малороссийский и др. Звуки оркестров сливались с пением многотысячных хоров: тут и голоса еврейского Бунда, печальные татарские песни, тут и польские мотивы, песни всех народностей, населяющих Россию. На углу Садовой и Невского пр. развевается огромный красно-зеленый флаг общества международного языка эсперанто. Оратор этого общества призывал записываться в члены общества эсперанто и его внимательно слушали. Вообще надо заметить, что всех ораторов слушали со вниманием, спокойно, в полной мере соблюдая свободу слова, давая каждому высказываться. Садовая ул. к Марсову полю была предоставлена исключительно только манифестантам, которые стройными рядами выходили на Марсово поле. К 12 час. дня Марсово поле представляло из себя редкую по красоте картину. Оно было запружено толпами народа. Только посредине оставался небольшой проход для шествия манифестантов. Десятки автомобилей стояли по разным концам поля, украшенные гигантскими флагами-плакатами. Вот автомобиль, на котором развевается огромное красное знамя с изображением Карла Маркса и подписью “Газета «Правда»”. Рядом с этим знаменем развевается другое, черное. С автомобиля два оратора произносят речи. Один оратор стоит на одном конце автомобильной платформы и разъясняет смысл анархического учения. На противоположной стороне платформы большевик-правдист излагает свою точку зрения. Обоих ораторов толпа спокойно слушает. <...> Говорили речи солдаты, рабочие, чиновники, курсистки, студенты, инженеры. С одного автомобиля инженер от имени русской интеллигенции призывает народ сохранять единство и объясняет значение призывов Временного Правительства. <...> Мы должны сплотиться вокруг него, так как оно является выразителем всей народной воли, выразителем культурным, имеющим большой политический опыт и обладающим глубоко национальным сердцем. У Временного Правительства русское сердце. Сердце русского народа, и каждый, любящий свою родину, должен чувствовать и понимать Временное Правительство. Громкие крики “ура” покрывали речь этого оратора. <...> Приезжали на Марсово поле и произносили речи члены Исполнительного комитета Совета солдатских и рабочих депутатов, Н.С. Чхеидзе, Скобелев, Церетели и др.» и далее в том же духе следовал обзор празднества у Александровского сада, на Исаакиевской площади, в цирке Чинизели, где под шумные приветственные овации выступал Керенский, на площади Казанского собора и на Театральной площади; «между Аничковым мостом и Екатерининским сквером происходили многолюдные митинги, где выступали представители социал-революционеров, социал-демократов, национальных партий и групп – грузинских, армянских, татарских, еврейских, польских, эстонских и т. д. Выступали ораторы – солдаты, только что приехавшие с позиции. Эти ораторы делились своими впечатлениями с фронта, говорили, что на фронте солдаты тоже готовы защищать свободную Россию и народоправство, как и в глубоком тылу, и в революционном Петрограде. <...> Следует еще отметить манифестацию амнистированных уголовных. Над-

пись на их знамени гласит: “Дайте нам скорее паспорта”» (Речь. 1917. 20 апр.. № 91. С. 4). В этом же номере в рубрике «Последние новости» опубликована нота Временного правительства иностранным державам от 18 апреля.

[33] То есть по маршруту трамвая № 18 от Таврического дворца, где заседала Государственная дума, – на Невский, 33, к зданию Петроградской городской думы (орган городского самоуправления).

[34] ***смотри дальше <Примеч. и курсив автора>*. Павел Васильевич Раевский (1878–1940) – священник, богослов, действительный член РФО в Санкт-Петербурге / Петрограде; в 1915–1926 гг. настоятель Спасо-Бочаринской церкви на Выборгской стороне; в 1922 г. примкнул к обновленцам, см. биографическую справку: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: В 3 т. М., 2009. Т. 3. С. 576.

[35] Михайловская улица проходит в центре Петербурга: от площади Искусств (ранее Михайловской пл.) до Невского проспекта – прямо к зданию Городской думы.

[36] Длинные узкие флаги – характерная примета протестных выступлений эпохи мировой войны и Февральской революции; иногда их изготавливали из национального российского флага: отрывали синюю и белую полосы и оставляли только красную (см.: *Колоницкий Б.И*. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 25–26).

[37] Мариинский дворец (часть ансамбля Исаакиевской площади, построен в 1839–1844 гг. по проекту архитектора А.И. Штакеншнейдера), после Февральской революции был занят Временным правительством, работавшим здесь до июня 1917 г., с 7 августа во дворце начала работать Всероссийская комиссия по выборам в Учредительное собрание.

[38] Большая Морская улица проходит от Невского проспекта до пересечения Мойки и Крюкова канала через Исаакиевскую площадь, на которой находится Мариинский дворец; в 1929 г. Мариинская площадь перед дворцом вошла в состав Исаакиевской площади (в 1923 г. переименована в площадь Воровского, в 1944 г. название возвращено).

[39] Ср. отчет с места событий на углу Морской и Невского пр.: «На углу этих улиц произошло столкновение между двумя колоннами манифестантов, причем матросы 2-го Балтийского флотского экипажа штыками проткнули белые знамена сторонников Временного Правительства и Милюкова» (За и против Временного Правительства // *БВ*. 1917. 21 апр. № 16194. Утр. вып. С. 3).

[40] Речь идет о торжественных похоронах жертв Февральской револю-

ции на Марсовом поле 23 марта 1917 г. Об организации и церемониале похорон см.: *Колоницкий Б.И*. Символы власти и борьба за власть. С. 48–56 (гл.: Праздники свободы).

[41] Владимир Николаевич Львов (2-й) (1872–1934) – депутат Думы 3-го (октябрист, в апреле 1910 г. вышел из фракции, затем независимый националист) и 4-го созыва от Самарской губ. (фракция центра, товарищ председателя); 27 февраля 1917 г. избран членом Временного комитета Государственной думы. Со 2 марта по 21 июля обер-прокурор Синода.

[42] Давид Давидович Гримм (1864–1941) – профессор, крупнейший в России знаток римского права; с 1907 г. член Государственного совета по выборам от Академии наук и российских университетов; входил в думский Прогрессивный блок. В апреле 1917 г. вошел в состав Временного правительства в качестве товарища министра просвещения.

[43] Борис Владимирович Штюрмер (1848–1917) – член Государственного совета с 1904 г.; с 1916 г. – председатель Совета министров (январь–ноябрь 1916), с 3 марта по 7 июля того же года одновременно министр внутренних дел, с 7 июля по ноябрь – министр иностранных дел; после Февральской революции арестован, умер в Петропавловской крепости.

Назначение Штюрмера на министерские посты вызвало рост оппозиционных настроений. А.И. Гучков характеризовал его «если не готовым уже предателем, то готовым предать». На открытии осенней сессии Государственной думы 1 ноября 1916 г. была зачитана декларация Прогрессивного блока с требованием немедленной отставки правительства Штюрмера. П.Н. Милюков произнес свою ставшую знаменитой антиправительственную речь, в которой, не имея на то достоверных оснований, обвинил императрицу Александру Федоровну и премьер-министра Штюрмера в подготовке сепаратного мира с Германией; обвинение в германофильстве и государственной измене Милюков аргументировал заметками в немецких газетах, рефреном его выступления были слова: «Что это, глупость или измена?». Речь была размножена на гектографе (хотя была запрещена к распространению Штюрмером) и нашла горячий отклик в политических кругах, косвенно ускорила Февральскую революцию. См.: *Ганелин Р.Ш.* Сторонники сепаратного мира с Германией в царской России // Проблемы истории международных отношений: Сб. ст. памяти академика Е.В. Тарле. [Б.м.], 1972. С. 126–155. Об исторической речи Милюкова, вероятно, не случайно 22 апреля 1917 г., в разгар антивоенных волнений, вызванных «нотой», напомнила газета «Речь»: «…народ взял ее (речь. – *М.П.*) штурмом. Это был первый взрыв, первая мина под старую бюрократию» (Речь. 1917. № 93. С. 5).

[44] Тема пасхальных братаний в апрельские дни широко освещалась в

печати; например, публицист газеты «Дело народа» Н. Фалеев в статье «Братание в окопах» писал: «В пасхальные дни по всему фронту молчали пушки, не взвивались ракеты <…> Что бы ни говорили злопыхающие победоносители во что бы то ни стало, факт остается фактом и его следует признать: среди окопных сидельцев в пасхальные дни чувствовалось особое настроение, успокоительное, примирительное, совершенно мирное настроение. И мы и немцы хотели на минуту забыться от ужасов окружающей обстановки, на минуту отойти от жерл пушек и не слышать непременного лая орудий и “осознать” тишину. Кое-какие сведения и слухи проникли уже в печать. Мы ходили в гости к немцам, немцы ходили в гости к нам. <…> Куда? В окопы. Немцы угощали наших кофе и приличным вином. Мы угощали их кислыми щами, здоровеннейшей кашей с маслом. <…> Больше двух лет длится убийственная война. Не первую Пасху встречаем мы в окопах. В прошлом году такое же братание происходило в те же пасхальные дни. Так же размахивали обе стороны белыми флагами, так же сходились и расходились <...>. Уходили не только отдельные лица, – случалось, уходили и целые батальоны» (Дело народа. 1917. 23 апр. С. 1). Либеральная печать возлагала ответственность за дезорганизацию армии всецело на большевиков, обвиняя их в преступной пораженческой агитации, которую они неустанно вели на страницах «Правды», например: 21 апреля 1917 г. «Правда» напечатала ленинское «Воззвание к солдатам всех воюющих стран», оно было издано на языках воюющих стран и распространено на фронте (см.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. М.; Л., 1969. Т. 31. С. 293–296, 555), и мн. др. Об организации братаний на русско-германском фронте в 1916–1917 гг. и, в частности, подрывной деятельности австрогерманских спецслужб, участвовавших в организации протестного движения в русской армии см.: *Базанов С.Н.* Из истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество. 1900–1941 гг.: Статьи и документы. М., 1999. С. 52–64; *Базанов С.Н., Пронин А.В.* Бумеранг братания: Подрывная деятельность австро-германских спецслужб против русских войск в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 50–57.

[45] *сейчас братанье с коньяком и с средством от вшей, и без погон, чтоб № не показывать <*Примеч. автора*>.

Немецкие солдаты закрывали тряпочками погоны, чтобы не был виден номер полка. Об этом писал Вл. Самойлов в газете «Русская воля» (1917), его очерки использовал А.И. Солженицын в «Красном колесе» (сообщено Б.И. Колоницким).

[46] Система воспитания, предложенная в первой половине XX в. итальянским педагогом, врачом и мыслителем Марией Монтессори (1870–1952), основана на индивидуальном подходе педагога к каждому ребенку, развитие индивидуальности является приоритетом.

[47] Далее вымарано пять строк.

[48] Вероятно, одна из сестер Волочковых: Александра Георгиевна или Екатерина Георгиевна. Они обе состояли действительными членами Петроградского религиозно-философского общества с 1913 г.

[49] Евгений Павлович Иванов (1879–1942) – писатель, друг А.А. Блока; действительный член Петроградского религиозно-философского общества; был причастен к религиозной жизни Мережковских, см.: Истории «новой» христианской любви: Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 391–455.

[50] Возможно, Григорий Афанасьевич Василевский, действительный член Петроградского религиозно-философского общества; в заседании 8 марта 1915 г. читал доклад «Виновата ли германская культура», в дискуссии принимали участие Д.В. Философов, Д.С. Мережковский, А.В. Карташев, А.А. Мейер и др. (впервые доклад и прения опубл.: Записки Петроградского Религиозно-философского общества 1914–1915. Пг., 1916. Вып. VI. С. 97–110).

[51] Мережковским и Философову: Ед. хр. 218. Л. 11–16.

[52] С началом Первой мировой войны Плеханов образовал свою социал-демократическую группу, в которую вошли главным образом меньшевики-оборонцы. Организационно группа оформилась после Февральской революции, с начала 1917 до января 1918 г. издавала в Петрограде газету «Единство» (редактор Г.В. Плеханов); члены группы выступали в поддержку Временного правительства и за продолжение войны с Германией. В апреле 1917 г. в газете был напечатан цикл оборонческих статей Плеханова под общим заголовком «Война и мир». Т. Гиппиус разделяла политическую платформу «Единства», прежде всего установку на консолидацию всех левых партий вокруг Временного правительства. См., например, письмо Плеханова к согражданам, опубликованное в газете с репортажем о праздновании 1 Мая: «Задача левых партий в России заключается в систематическом упрочении позиций, добытых только что совершившейся революцией. Для решения этой задачи они должны не низвергать Временное Правительство, как этого хотели бы некоторые политические фанатики, а дружно поддержать его»; там же: «Другое условие прочности свободы – не быть побежденными германским империализмом <…> принимая участие в войне и защищая родину с оружием в руках, как это делают социалисты-демократы всех стран» (*БВ*. 1917. 20 апр. № 16192. Утр. вып. С. 5).

[53] Речь идет о подготовке Всероссийского съезда крестьянских депутатов, который работал в Петрограде 4 (17)–28 мая (10 июня) 1917 г. В организации съезда принимали участие вернувшиеся в феврале 1917 г. из эмиграции деятели эсеровской партии: И.И. Фондаминский (избран товарищем председателя Исполкома Совета крестьянских депутатов), Н.Д. Авксентьев (избран членом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, председателем Всероссийского совета крестьянских депутатов), В.М. Чернов (с 5 мая 1917 г. министр земледелия коалиционного Временного правительства) и др.

Вероятно, выражая «благодарность» «заграничным друзьям», Т. Гиппиус имела также в виду передовицы, опубликованные в «Деле народа» 27 апреля. В статье «Задачи России» Авксентьев писал: «Слепцы или безнадежные доктринеры те, кто теперь открыто проводит лозунг: долой войну, во что бы то ни стало. Слепцы или безнадежные те, которые теперь видят противоречие между международной и национальной задачами России. <...> Дать разбить противнику революцию в России – значит задушить революцию, значит дать возможность притаившейся контрреволюции <нанести> предательский удар в спину свободной России» (Дело народа. 1917. 27 апр.. № 34. С. 1). В статье «Коалиционное правительство и война» (Там же) В. Чернов поддержал идею создания коалиционного правительства, при условии пересмотра вопроса о целях войны (в сторону мира); несмотря на «вильную» тактику Чернова, сам факт готовности эсеров войти в коалиционное правительство в тот момент Мережковские оценивал позитивно.

[54] Ираклий Георгиевич Церетели (1881–1959) – один из лидеров меньшевиков, депутат II Государственной думы; с марта 1917 г. входил в состав Исполкома Петроградского совета, «революционный оборонец»; в качестве министра почт и телеграфов вошел в первое коалиционное Временное правительство, с 8 по 24 июля временно управляющий Министерством внутренних дел. На Всероссийском совещании Советов (29 марта/11 апреля – 3/16 апреля) выступал с докладом об отношении к войне; принятая по его предложению резолюция содержала призыв к демократии мобилизовать все силы страны для укрепления фронта и тыла, а также к объединению на общей платформе всех социал-демократов.

[55] В редакционной статье «Революционный юбилей», приуроченной к одиннадцатой годовщине созыва I Государственной думы, осуждалась экстремистская тактика Ленина – призыв к вооруженному восстанию и немедленному захвату власти. Автор передовицы писал: «Снова, как и 11 лет тому назад, мы призываем пролетариат России следовать путем европейского социализма и его испытанной тактике. Только широкое и

принципиально последовательное участие рабочего класса в политической жизни буржуазного государства обеспечит укрепление демократической позиции классового рабочего движения, вплоть до осуществления конечной цели – социалистического общества» (Единство. 1917. 27 апр. № 24. С. 1).

[56] Зинаиде Гиппиус: Ед. хр. 60. Л. 8 (открытое письмо).

[57] *поразительно подделывают речи. «День» перестала покупать – возмущает эта фальшь – в «Речи» полно, «Биржевка» сокращ<енно>, а «Новая жизнь» – *врет*. *<Примеч. автора>* .

[58] В выступлении на съезде делегатов фронта (29 апреля) Керенский выразил тревогу за будущее страны и революции: «…и я пришел к вам потому, что силы мои на исходе, потому что я не чувствую в себе прежней смелости… у меня нет прежней уверенности, что перед нами не взбунтовавшиеся рабы, а сознательные граждане, творящие новое государство <...>. Мы хлебнули свободы, и мы немного охмелели. Но не опьянение нужно нам, а величайшая трезвость и дисциплина». Он заявил, что правительство сможет спасти Россию от гибели только при условии полного доверия и поддержки революционного народа, и в заключение сказал: «Я жалею, что не умер тогда, два месяца назад, я умер бы с великой мечтой, что раз навсегда для России загорелась новая жизнь. Что мы умеем без хлыста и палки управлять своим государством, не так, как им управляли прежние деспоты. <…> Мой диагноз: если сейчас не будут всеми сознаны трагизм и безвыходность положения, если не поймут, что сейчас на всех лежит ответственность, если наш государственный организм не будет действовать так же правильно, как хорошо прилаженный часовой механизм, тогда все, о чем мы мечтали, к чему стремимся, будет отброшено еще на несколько лет назад, а может быть, затоплено кровью» (Речь Керенского // Единство. 1917. 30 апр. № 27. С. 3). Керенского поддержал выступавший за ним Церетели: «Та тревога, о которой говорит Керенский, царит и среди нас. <...> У нас одна опасность – опасность дезорганизации и смуты» и т. д. (стенографический отчет там же).

[59] Александр Иванович Гучков (1862–1936) – лидер партии «Союз 17 октября»; председатель III Государственной думы (1910–1911), член Государственного совета (1907; 1915–1917); в марте–мае 1917 г. военный и морской министр в первом составе Временного правительства; в апреле из-за неспособности противостоять разложению армии подал в отставку; официально покинул Временное правительство в мае, вместе с П.Н. Милюковым. В апреле «Речь» и др. газеты регулярно помещали сообщения о состоянии здоровья Гучкова, который был вынужден прервать свое пребывание в Ставке из-за болезни и вернуться в Петроград. См. также примеч. 80.

[60] Поликсена Сергеевна Соловьева (1887–1924) – поэтесса, псевд. Allegro; сестра философа В.С. Соловьева; в 1905–1912 гг. совместно с подругой, Н.И. Манасеиной, издавала детский журнал «Тропинка», в котором сотрудничала Т.Н. Гиппиус в качестве иллюстратора; входила в ближайший круг сестер Гиппиус. В это время П.С. Соловьева жила на Офицерской улице (д. 9), рядом с Мариинским театром.

[61] По сообщению газеты «Известия Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов» (1917. 23 апр. № 48. С. 5), со слов очевидца, вооруженное столкновение манифестантов было зафиксировано в середине дня на углу Невского и Екатерининского канала: «Со стороны защитников Временного Правительства были сделаны по рабочим выстрелы; <…> со стороны рабочих выстрелов не было, была лишь борьба из-за древка знамени и оружия». Другую версию столкновения демонстрантов напечатала газета «Речь» в отчете о митинге сторонников Временного правительства, проходившем на Мариинской площади. По сообщению газеты, во время митинга на площадь подошла новая манифестация, в составе которой были свидетели кровавого столкновения манифестантов на Невском, произошедшего около 4 ч. дня. По словам очевидца, «группа лиц, вооруженных винтовками, несла плакат “Долой войну”. Встретив на своем пути манифестацию сторонников Временного Правительства, лица эти вступили с ними в борьбу; раздались выстрелы, причем были раненые. Сообщение это произвело потрясающее впечатление. Раздались крики: “Позор”, “Немедленно арестовать Ленина”, “Долой изменников родины” и т. д.» (Речь. 1917. 22 апр. № 93).

[62] Василий Андреевич Караулов (1854–1910) – народоволец, в 1884 г. осужден в каторжные работы, после освобождения в 1889 г. отправлен в Иркутскую губернию, работал фельдшером в селе Устюг, затем вместе с женой был переведен в Красноярск, под надзор полиции; в 1908 г. стал частным поверенным при Красноярском окружном суде; осенью 1905 г. возглавил в Красноярске партию народной свободы; в 1907 г. избран в III Государственную думу, где представлял взгляды политической оппозиции (правых кадетов). Смерть Караулова была воспринята его сподвижниками как событие общественного значения. А.А. Мейер писал: «Для РФО этот человек был особенно дорог тем, что сумел в своей тонкой и чуткой душе совместить горячее и живое общественное чувство, заставившее его испытать все ужасы каторги, – с глубокой христианской религиозностью. Это было именно то сочетание, которое главные деятели Общества, задававшие в нем тон, хотели видеть вообще в русской интеллигенции» (*Мейер А.А*. Петербургское Религиозно-философское общество // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: В 3 т. Т. 3: 1914–1917. С. 511).

[63]* Заказали на Невском. Из белых лилий живых (красных цветов нигде нет) с красной лентой: Р.Ф. Об-во своему члену В.А. Караулову. <*Примеч. автора*.>

[64] В.А. Степанов.

[65] Александр Сергеевич Зарудный (1863–1934) – адвокат, в марте 1917 г. был назначен товарищем министра юстиции Временного правительства; входил в группу специалистов Особого совещания Временного правительства по подготовке проекта Положения о выборах в Учредительное собрание; входил в третий состав (второй коалиционный) Временного правительства от Трудовой народно-социалистической партии; курировал следствие по делу большевиков, обвиненных в государственной измене, организации восстания и шпионаже в пользу Германии.

[66] Николай Константинович Волков (1875–после 1920) – депутат III и IV Государственной думы от Забайкальской области; в феврале 1917 г. назначен комиссаром в Министерство земледелия, 2 марта – товарищем министра земледелия А.И. Шингарева; поддерживал предложение Н.В. Некрасова о сотрудничестве с левыми партиями в правительстве; 3 октября 1917 г. вошел в состав Предпарламента.

[67] Газета «Речь» в отчете о митинге сообщала, что участники манифестации заявили: «Мы требуем немедленного ареста Ленина и высылки его из пределов России» (1917. 22 апр. № 93).

[68]* он говорил о мечтах Ленина, которые не соответствуют действительности, что он невольно обманывает и что надо самим иметь голову на плечах. Назвал дом Кшесинской гнилым болотом. И все без злобы, а с юмором <*Примеч. автора*>.

[69] Матвей Иванович Скобелев (1885–1938) – меньшевик; депутат IV Государственной думы; заместитель председателя Петроградского совета и председателя ЦИК I Съезда Советов (июнь 1917), 5 мая в коалиционном Временном правительстве занял пост министра труда; один из лидеров эсеро-меньшевистского блока. Борис Осипович Богданов (1884–1960) – меньшевик, оборонец, один из организаторов военно-промышленных комитетов, член Организационного комитета меньшевиков, возглавлял правое крыло партии, член Исполкома Петроградского совета. Входил в состав комиссии, рассматривавшей вопрос об условиях участия социалистов в коалиционном правительстве. Во время Корниловского мятежа – член Комитета народной борьбы с контрреволюцией.

[70] 23 апреля 1917 г. в Таврическом дворце состоялась собрание представителей полковых и батальонных комитетов Петроградского гарнизона для обсуждения вопроса об отношении к Временному правительству. Выступавший на этом собрании от имени Исполнительного комитета

Б.О. Богданов сообщил о ликвидации конфликта и решении Исполнительного комитета восстановить прежние взаимоотношения с Временным правительством; большинство ораторов высказались за прямое участие социалистов в правительстве и образование коалиционного министерства.

[71] * м.б. и изменяющей даже кое-что в позиции Вр<еменного> Прав<ительства>, но как советчик, друг, а не враг. <*Примеч. автора*.>

[72] «Вставай, подымайся, рабочий народ...» – первая строка припева «Рабочей Марсельезы» («Отречемся от старого мира!..»); слова П.Л. Лаврова, исполнялась на музыку «Марсельезы» (автор Клод Жозеф Руже де Лиль). Временное правительство утвердило «Марсельезу» в качестве государственного гимна 2 (15) марта 1917 г.; первое время она исполнялась под оригинальную французскую мелодию, но затем композитор А.К. Глазунов видоизменил музыку так, чтобы она лучше соответствовала русским словам. В среде левых партий «Марсельеза» была встречена неоднозначно, 4 апреля 1917 г. Петроградский совет принял решение исполнять «Интернационал» вместо «Марсельезы», решение не имело поддержки со стороны Временного правительства, окончательное решение о гимне, предполагалось, должно принять будущее Учредительное собрание. Об оппозиции гимнов («символов власти») см.: *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть. С. 285–303.

[73] Вероятно, ошибочно: имеется в виду резиденция военного министра на набережной реки Мойки, д. 67, у Красного моста (чаще всего его называют «дом П.А. Кочубея» или «дом военного министра»); в 1900–1915 гг. квартиру занимал В.А. Сухомлинов, а в 1915–1916 гг. А.А. Поливанов.

[74] Ср. отчет о событии в газете «Речь»: «21 апреля состоялась грандиозная манифестация, устроенная партией народной свободы. Манифестация направилась к Невскому пр. от помещения клуба партии народной свободы на Французскую набережную. Впереди манифестации ехал автомобиль, на котором находился флаг с надписью “Доверие Временному Правительству”. <…> Здесь же на автомобиле находились плакаты с надписью “Победа свободных демократий”, “Долой германский милитаризм”, “Да здравствует Временное Правительство”, “Да здравствует Милюков”, “Долой анархию”, “Да здравствует революционный народ и армия”. <…> Толпа все время возрастала, и в момент прибытия к Мариинскому дворцу число манифестантов достигло нескольких десятков тысяч. По всему пути шествия манифестантов встречали громовым “ура” в честь Временного Правительства, армии и в честь союзников. На Морской улице манифестанты встретили двух французских офицеров. Манифестанты подняли французских офицеров на руки и внесли их в автомобиль, в котором находились члены Центрального Комитета. М.М. Винавер приветствовал в лице французских офицеров нашу благородную союзницу Францию. Толпа в ответ на это огласила воздух кликами “Vivat la France”. <…> Была образована цепь, через которую делегаты от манифестантов вместе с двумя французскими офицерами направились в Мариинский дворец. Министров, однако, во дворце не оказалось. <…> Затем манифестанты отправились к квартире военного министра. Здесь произнесли речи – военный министр А.И. Гучков и министр иностранных дел П.Н. Милюков, которому толпа устроила продолжительную овацию» (Речь. 1917. 22 апр. № 93. С. 6).

[75] Часовня во имя Христа Спасителя Гуслицкого Спасо-Преображенского мужского монастыря Московской губернии, построенная между Гостиным Двором и Городской думой перед портиком Перинной линии в 1860–1861 гг. по проекту архитектора А.М. Горностаева, в русском стиле; в 1919 г. часовня стала приходским храмом, в 1929 г. снесена как «уродливая» по требованию общества «Старый Петербург».

[76] Мф 11:29.

[77] Об этом случае сообщала газета «Известия Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов» (1917. 23 апр. № 48. С. 5) в заметке «Письмо в редакцию» за подписью Б.В. Авилов: «Около 10 ч. вечера 21 апреля на углу Невского и Садовой при столкновении демонстрантов были произведены выстрелы из ружей, в результате которых оказались убитые и раненые. <...> первые выстрелы раздались со стороны Публичной Библиотеки, навстречу демонстрантам, которые несли плакаты “Долой Временное Правительство”». Аналогичная заметка – о стрельбе по рабочим 21 апреля на углу Невского и Садовой ул. в десять часов вечера – была напечатана в газете «Дело народа» (1917. 25 апр. № 32. С. 2: *Коган Н*. Кто же начал стрелять первым? Письмо в редакцию).

[78] Речь идет о торжественных похоронах жертв Февральской революции на Марсовом поле, состоявшихся 23 марта 1917 г.

[79] О панихиде газета «Вечернее время» писала: «Вчера на Волковом <так!> кладбище была снята доска, прибитая старым правительством на памятник бывшего члена Гос. Думы третьего созыва В.А. Караулова. В 9 часов утра в соборе Волкова кладбища была совершена заупокойная литургия и панихида, служил архиепископ Сергий Финляндский. По окончании литургии все перешли на могилу В.А. Караулова. У памятника собралась тысячная толпа. <…> На могиле была совершена лития, после чего были произнесены речи». А.В. Карташев не упомянут в списке выступавших (упомянуты: Сергий Финляндский, Н.В. Некрасов, М.М. Винавер и др.); далее сообщалось: «Последним говорил сын по-

койного, офицер, только что вернувшийся с фронта. Он призвал исполнить заветы отца, говорил о необходимости бороться за светлое будущее России, за молодую свободу и отстаивать от варвара, попирающего наши земли. На могилу В.А. Караулова было возложено много венков от целого ряда общественных организаций. Доска, несколько лет закрывавшая слова, начертанные на памятнике В.А. Караулова, была снята. На памятнике запечатлены слова, сказанные покойным на дикий выкрик члена Гос. Думы священника Вераксина: “Каторга”, по адресу В.А. Караулова. “Да, я был каторжником, с бритой головой и с кандалами на ногах я мерил бесконечную Владимирку. Я мерил ее за то, что в свое время смел желать и говорить о том, чтобы вы были собраны в этом собрании. И то, что я был каторжником, составляет мою гордость на всю мою жизнь. В той могучей волне, которая вынесла вас в эту залу, есть одна моя капля, капля моей крови и моих слез: она мала и не заметна, но я знаю ее существование перед Богом и людьми”» ([*Б. п.*] Памятник заговорил // Вечернее время. 1917. 24 апр. (17 мая). № 1803. С. 2).

[80] То есть очередь из желавших попасть на митинг в здание Биржи протянулась на несколько линий Васильевского острова.

[81] Подробный отчет о панихиде на Волковском кладбище и вечере в фондовой бирже 23 апреля см.: Памяти В.А. Караулова // Речь. 25 апр. 1917. № 95; Памяти Караулова: На Волковом <так!> кладбище. Собрание в зале фондовой биржи // *БВ*. 1917. 25 апр. № 16200. Утр. вып. С. 6. По сообщению газет, на вечере присутствовало 6000 человек; собрание памяти покойного члена Государственной думы В.А. Караулова превратилось в большую манифестацию в честь Временного правительства; выступали: А.В. Карташев, Н.В. Некрасов, А.И. Шингарев, К.М. Аггеев, М.М. Винавер, П.Н. Милюков и др. В своей речи Карташев призвал собравшихся «во имя светлой памяти покойного борца не допустить того, чтобы сыны России впали в грех матереубийства и допустили Россию погибнуть от внешнего врага». Призыв был встречен «шумными аплодисментами, не смолкавшими в течение нескольких минут»; затем выступал сын Караулова, «с негодованием отвергший обвинения своего отца в ренегатстве и призвавший во имя его памяти стать на защиту родины». Криками «ура» и громкими аплодисментами был встречен приезд П.Н. Милюкова: «Винаверу пришлось прервать свою речь, толпа расступилась, и министр иностранных дел Временного Правительства с красной розой в петлице прошел через весь зал на трибуну. Шумные рукоплескания и крики ура, “Да здравствует Временное Правительство”, “да здравствует культурная Россия в лице П.Н. Милюкова”, “Многие лета П.Н. Милюкову”, “Доверие Временному Правительству” потрясали зал в течение четверти часа» (Там же).

[82] Мережковским и Философову: Ед. хр. 218. Л. 18–22.

[83] 30 апреля 1917 г. А.И. Гучков обратился к министру-председателю Г.Е. Львову с просьбой об отставке, в тот же день на частном совещании членов Государственной думы он мотивировал причины ухода: ленинская агитация, развал фронта, контроль за действиями главнокомандующего со стороны Совета солдатских и рабочих депутатов, уход начальника Петроградского гарнизона ген. Корнилова; нежелание «разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении родины» – «Я ушел от власти, потому что ее просто не было; болезнь заключается в странном разделении между властью и ответственностью: на одних полнота власти, но без тени ответственности, а на видимых носителях власти полнота ответственности, но без тени власти» (Кризис власти: Отставка А.И. Гучкова. Беседа с А.И. Гучковым // *БВ*. 1917. 2 мая. № 16212. Утр. вып. С. 4).

[84] Статья «Отечество в опасности» (Единство. 1917. 2 мая. № 28. С. 1) начинается с цитаты из опубликованной 2 мая в «Единстве» речи Керенского («Мой диагноз: если сейчас не будут всеми сознаны трагизм и безвыходность положения, <...> тогда все, о чем мы мечтали, к чему стремимся, будет отброшено еще на несколько лет назад, а, может быть, затоплено кровью», – см. примеч. 53), которую Плеханов дополнил: «и отброшено назад не только на несколько лет, а на продолжительное и, – как знать? – весьма продолжительное время». Он констатировал, что военная мощь России подорвана разложением армии, начавшимся с массового братания на русско-германском фронте, а также уходом в отставку лиц высшего военного состава (Гучков объявил о своей отставке на съезде делегатов фронта 29 апреля, одновременно с поста начальника Петроградского военного округа ушел ген. Корнилов). Во избежание установления «диктатуры нескольких десятков лиц» (т. е. ленинцев), Плеханов призвал предоставить полноту власти высшему командному составу армии (без резолюции Советов по поводу отдаваемых воинскими начальниками приказов), запретить братания; немедленно создать коалиционное правительство (вечером 28 апреля вопрос о коалиции был поставлен на голосование Исполнительного комитета, итог был отрицательным: 23 голоса против 22, при 8 воздержавшихся); в своем обращении он писал: «Как для апостола Павла не существовало ни иудеев, ни обрезанных, ни необрезанных, а существовали только сторонники его понимания христианства, так и для нас в этом вопросе не должно быть ни меньшевиков, ни большевиков, ни членов организации “Единства”, ни социал-демократов, ни социалистов-революционеров, а должны существовать только люди, сознающие, что их отечество в опасности и что для его спасения необ-

ходим могучий порыв революционной энергии, способный поднять нас выше сектантского догматизма и партийных предупреждений». Плеханов особо подчеркнул противоречивое положение Керенского, входящего в состав министерства и принадлежащего к партии, которая «считает это несогласным со своими принципами» (после Февраля Керенский заявил о принадлежности к партии социалистов-революционеров).

[85] Юрий Михайлович Стеклов (псевдоним Ю. Невзоров, настоящее имя Овший Моисеевич Нахамкис; 1873–1941) – социал-демократ, публицист, литературный критик; после Февральской революции – член Исполкома Петроградского совета; в 1917–1925 гг. – редактор газеты «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» (впоследствии «Известия ВЦИК», «Известия»).

…разлагатели жизни…– Возможно, аллюзия на сборники «Литературный распад: Критический сборник. Кн. 1» (СПб.: Кн-во «Зерно», 1908) и «Литературный распад. Кн. вторая: Критический сборник» (СПб.: Кн-во «EOS», 1909), в которых Стеклов выступил идеологом и автором «программных» статей (первый сборник открывается его статьей «Социально-политические условия литературного распада»).

[86] Мф 7:7–8; Лк 11:9.

[87] Текст молитвы о войне см. в Приложении.

[88] Лекция была опубликована в виде брошюры: *Мейер А.А*. Церковь и государство: (Лекции, читанные на курсы агитаторов). Пг.: изд. Народного университета им. Л.И. Лутугина, 1917. 7 стр.

…агитаторские курсы – сеть общеобразовательных курсов при народном университете, преимущественно для рабочих. Начиная с 1910-х гг. А.А. Мейер постоянно сотрудничал с Обществом народных университетов, о его лекторской деятельности см. во вступ. ст. С. Далинского в кн.: *Мейер А.А*. Философские сочинения. Paris: Edution de la Press Libre, 1982. С. 14–16. Здесь, вероятно, имеются в виду курсы при Народном университете, основанном в память профессора геологии, «отца» отечественной угольной промышленности Леонида Ивановича Лутугина (1864–1915). Университет был открыт в 1916 г. и функционировал в виде нескольких отделений (наиболее известное: «Безбородкинское»); в составе комиссии по увековечению памяти Лутугина и в числе пожертвовавших деньги на создание университета: К.К. Арсеньев, Н.И. Астров, Л.М. Брамсон, М. Горький, А.Ф. Керенский, М.М. Ковалевский, В.Г. Короленко, О.О. Грузенберг, П.И. Пальчинский и др.; в числе известных педагогов: М.В. Бернацкий, А.А. Гизетти, А.Я. Гуревич, О.А. Добиаш-Рождественская, Э.Ф. Лесгафт и мн. др. Деятельность университета после Февральской революции развивалась в рамках общественно-просветительской программы Временного правительства, что нашло отражение в «политической платформе» народного университета, выработанной на общем собрании лекторов, см.: Народный университет им. Л.И. Лутугина: Отчет о деятельности за 1916–1917 уч. год. Пг., 1917. С. 22–23.

[89] В апреле Савинков был назначен комиссаром Временного правительства 7-й армии, с 28 июня – комиссар Юго-Западного фронта. 17 апреля Савинков писал З. Гиппиус: «Партия меня бойкотирует за “патриотизм” за Россию. А Илюша с партией. Он не бойкотирует меня, конечно. Но он не свой»; в письме 2 июля: «“Свои” ли мы? Я всей душой с Керенским. Илюша почти чужой. Авксентьев тоже. Нахамкисы всех видов, рангов и положений почти враги» (Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. СПб., 2009. С. 309, 311).

[90] 4 (17) мая в Петрограде открылся I Всероссийский съезд крестьянских депутатов (работал по 28 мая/10 июня).

[91] Мережковским и Философову: Ед. хр. 218. Л. 23–28.

[92] То есть к П.С. Соловьевой и Наталье Ивановне Манасеиной (1869–1930) – издательнице детского журнала «Тропинка» (совместно с П.С. Соловьевой).

[93] *у него наверху крупным шрифтом: Родина на краю гибели! <*Примеч. автора*>

В 1917 г. газета «Вечернее время» в каждом номере вверху полосы (после заголовка газеты) печатала злободневные лозунги, они набирались крупным жирным шрифтом и сразу же привлекали к себе внимание, например такие: «В нашей победе торжество революции» (19 апреля), «Братание на фронте гибель армии» (20 апреля), «Доверие Временному Правительству» (21 апреля), «Гражданская война величайшее бедствие» (22 апреля), «Россия ждет единения и власти» (3 мая). Номер «Вечернего времени» с лозунгом «Помните, – Россия на краю гибели» из знаменитой речи Керенского (29 апреля) вышел 1 (14) мая (№ 1809), под ним был напечатан большой портрет Гучкова.

[94] Т. Гиппиус упрощает позицию Мейера по отношению к социал-демократам, см. его статьи 1917 г.: «Народ не толпа» (СПб.: изд. «Друзей Свободы», 1917.12 с. Без имени автора); «Что такое свобода?» (Пг.: изд. Союза Солдат-Республиканцев, 1917. (№ 3). 16 с.); «Церковь и государство».

[95] 59 псалом Давида содержит мольбы о спасении во время войны, см. Псалтырь.

[96] Возможно, здесь подразумевается позиция «революционного оборончества», которую занимал Ю.М. Стеклов в Исполкоме Петроград-

ского совета. По предположению Б.И. Колоницкого, возможно также, речь идет не о конкретном человеке, а некоей персонификации: Стеклов олицетворяет позицию Совета, которая до приезда Церетели и др. политэмигрантов содержала значительный блок антивоенной риторики. Ср. запись З. Гиппиус по поводу декларации Совета рабочих и солдатских депутатов о войне в «Синей книге», 16 марта 1917 г.: «"К народам всего мира" – не плохо, несмотря на некоторые места, которые можно истолковать, как "подозрительные", и на корявый, чисто эсдечный, не русский язык кое-где. Но сущность мне близка, сущность, в конце концов, приближается к знаменитому заявлению Вильсона. Эти "без аннексий и контрибуций" и есть, ведь, его мир "без победы". Общий тон отнюдь не "долой войну" немедленно, а напротив, "защищать свободу своей земли до последней капли крови"».

[97] Жетон (металлическая монета) с надписью «Да здравствует 1-е мая Свободной России», выпущенный после Февральской революции накануне первомайского праздника.

[98] Мережковским и Философову: Ед. хр. 218. Л. 29–30.

[99] Александр Иванович Коновалов (1875–1949) – крупный промышленник, член IV Государственной думы; с 1915 г. – товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета, один из организаторов думского Прогрессивного блока (член Бюро), принадлежал к его левому крылу. В марте–мае, сентябре–октябре 1917 г. министр торговли и промышленности Временного правительства. Весной 1917 г. осуждал силовое подавление выступлений леворадикальных политических сил. С июля 1917 г. член Партии народной свободы. 25 октября (7 ноября) 1917 г., в условиях большевистского переворота, в качестве заместителя министра-председателя после отъезда А.Ф. Керенского из Петрограда проводил последнее заседание Временного правительства. В тот же день вместе с другими министрами был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Находясь под стражей, был избран членом Учредительного собрания от кадетской партии.

[100] Ср. запись А. Блока от 8 (21) мая 1917 г., в Троицу, о лекции Мейера: «Я пришел почему-то в робкое Религиозно-философское общество. Тату и Нату приятно было увидеть. Говорит Мейер, говорит, *внедряясь*, перед малой аудиторией, по-видимому, присматриваясь к ней. Она какая-то, черт ее знает, приличная. Мейер потихоньку подползает к тому, что религиозное разрушение *больше* обычно революционного, ибо истинные ценности не уничтожимы. Но аудитория скромна. Она *все* выслушает <...>. Есть боязнь не разрушения, а *опустошения*. <...> "Опустошение самого дела революции – вот опасность. Для того чтобы быть сейчас с революцией, нужно быть немного марксистом. Величайшая положительная сторона марксизма – то, что он не останавливается на *просто* политическом перевороте, он предполагает продолжение. Величайшая отрицательная сторона – нечувствие свободы, матерьялистическое отрицание личности"» (*Блок А.А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 340–341).

[101] Зинаиде Гиппиус: Ед. хр. 60. Л. 10–11 (открытые письма).

[102] Прибытково – дачный поселок под Гатчиной, по Варшавской железной дороге от Петербурга, в котором с 1890-х гг. отдыхала интеллигенция; в 1916 г. Т. и Н. Гиппиус начали строительство своего дома в Прибыткове, завершить которое им помешали политические катаклизмы.

[103] Зинаиде Гиппиус: Там же. Л. 15 (открытое письмо).

[104] «Армия чести» – одна из военно-патриотических организаций; формирование ударных батальонов осуществлял созданный 13 июня 1917 г. Всероссийский центральный комитет по организации Добровольческой революционной армии.

[105] Зинаиде Гиппиус: Ед. хр. 60. Л. 15 (открытое письмо).

[106] См.: Женские маршевые отряды // Вечернее время. 1917. 7 (20) июня. № 1840. С. 3. В заметке сообщалось: «С таким девизом возникла в Петрограде новая организация – "Женский военно-народный союз добровольцев". Союз основан с целью воскресить упавший дух армии и непосредственным участием в военных действиях против неприятеля доказать необходимость наступления во имя спасения чести, достоинства и свободы России. Для осуществления этих основных задач приступлено к формированию женских маршевых отрядов. Запись женщин, желающих вступить в отряды, производится во временном помещении женского Политехнического института. Группа слушательниц женского Политехнического института <…> еще до возникновения "Батальона смерти" унтер-офицера Бочкаревой, обратилась в военное министерство с ходатайством о разрешении формировать женские маршевые отряды, для участия в военных действиях, и для просветительско-агитационной работы в рядах наших войск. <...> Первоначально союз предполагал объединиться с батальоном Бочкаревой. От этого однако пришлось отказаться. Запись в организацию идет успешно. До вчерашнего дня записалось около 350 человек добровольцев. На днях состоится общее собрание всех записавшихся добровольцев для всестороннего освещения деятельности отрядов», после чего «состоится медицинское освидетельствование и будет приступлено к регулярным занятиям. Занятия под руководством офицеров и солдат предполагается начать на будущей неделе; продолжатся они двадцать дней, после чего добровольцами будет принесена присяга. Форма для добровольцев установлена следующая: гимнастерка и френч

и полушаровары, берет, ботинки, бинты. В свободное от службы время ношение формы необязательно, так же как и необязательна острижка волос».

[107] Петропавловская больница на Архиерейской ул. (в 1918 г. переименована в улицу Льва Толстого, а больница – в больницу Эрисмана, в 1935 г. передана Первому медицинскому институту). Госпитали Союза земств и городов – благотворительные лазареты для раненых военнослужащих, созданные общественными организациями. В годы Первой мировой войны в Петрограде была развернута целая сеть благотворительных лазаретов, в числе самых больших был Петроградский госпиталь № 1, открытый в октябре 1914 г. в помещениях Политехнического и Лесного институтов.

[108] Мария Леонтьевна Бочкарева (1889–1920) – одна из первых русских женщин-офицеров (произведена во время революции 1917 г.), поручик; создала первый в истории русской армии женский батальон; кавалер Георгиевского креста. См. о ней: Родина: Российский исторический журнал. 1993. № 8–9. С. 81; Яшка: Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. М.: Воениздат, 2001; *Дроков С.В*. Мария Бочкарева: Краткий биографический очерк русского воина // Русский исторический сборник. М.: Кучково поле, 2010. Т. 2. С. 195.

[109] Мережковским и Философову: Ед. хр. 216. Л. 1–4.

[110] Марк Осипович Маркович – член Петроградского религиозно-философского общества; он и его жена Наталья Ивановна входили в Религиозно-философский кружок А.А. Мейера и К.А. Половцовой; оба часто упоминаются в письмах Т. Гиппиус к близким; в 1916 г. М.О. Маркович поступил прапорщиком в 171-й пехотный запасной батальон; в письме от 29 ноября 1916 г., вероятно, по просьбе Марковича Т. Гиппиус сообщала ему адреса иконных лавок, в которых можно было недорого приобрести иконы для солдат, а также выражала желание написать икону для него: «…я с радостью написала бы икону сама. Просто хочется как-нибудь в войне поучаствовать с вами» (ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 264). В архиве Половцовых сохранились два письма Марковича к К. Половцовой и его доклад или тезисы лекции 1917 г. «Причины государственного переворота» – краткий очерк освободительной борьбы от декабристов до Февральской революции (ОР РНБ. Ф. 601. Ед. хр. 1652, 2083).

[111] См. примеч. 48.

[112] Во второй половине июня 1917 г. Керенский, занявший после ухода Гучкова пост военного и морского министра, находился на фронте в действующей армии; 29 июня он прибыл в Киев, где его ждали министр почт и телеграфа Церетели и министр иностранных дел Терещенко, для переговоров с Центральной радой по вопросу об автономии Украины; затем к ним присоединился министр путей сообщения и министр финансов Некрасов.

[113] Слухи об эвакуации, вероятно, возникли в связи с угрозой прорыва немцев под Ригой, что могло создать реальную угрозу Петрограду (прорыв Рижского фронта произошел в августе 1917 г., непосредственно перед Корниловским мятежом).

[114] * вот где революция! по какому-то религиозно. <*Примеч. автора*.>

[115] Обер-прокурор Синода В.Н. Львов.

[116] В.А. Степанов.

[117] Вероятно, речь идет об участии Львова в работе Предсоборного совета в Москве, на котором 4 июля 1917 г. было приято «Положение о созыве Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви в Москве 15 августа 1917 года».

[118] Константин Маркович Аггеев (1868–1920) – священник, один из создателей «Братства церковного обновления», публицист, действительный член Петроградского религиозно-философского общества; с апреля 1917 г. председатель Учебного комитета при Святейшем синоде, член Поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 гг. Ср. замечание о «левизне» Аггеева (и ему подобных священников-«демократов») в «Синей книге», в записи от 25 марта 1917 г.: «Толстого они не пошли провожать, и не только "не стремились", а даже молиться о нем не молились… начальство запретило. Тот же Аггеев, из страха перед "е. н.", как он сам признался, даже на толстовское заседание Рел.-Фил. О-ва не пошел. (После смерти Толстого)».

[119] Сергей Финляндский (наст. имя Страгородский Иван Николаевич; 1867–1944) – священник, богослов, автор богослужебных текстов и духовных стихов; ректор Санкт-Петербургской духовной академии (с 1901 г.); участник религиозно-философских собраний (1901–1903), с 1905 г. архиепископ Финляндский и Выборгский; был единственным членом Святейшего синода, оставленным В.Н. Львовым после роспуска старого состава; с августа 1917 г. архиепископ Владимирский и Шуйский; участник Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг.; впоследствии патриарший местоблюститель Русской православной церкви, в 1943 г. избран Патриархом Московским и всея Руси.

[120] Анна Николаевна Гиппиус (псевд. Анна Гиз; 1875 (по др. дан.,1872)–1942**)** – вторая из четырех сестер Гиппиус, получила образование на высших женских медицинских курсах, практиковала как врач; в период Гражданской войны служила в санитарном поезде в частях генерала Деникина, с 1919 г. в эмиграции. См. о ней: *Белавская А.П*. Воспоминания

о Т.Н. и Н.Н. Гиппиус / Публ. М.М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 707–716.

[121] См. примеч. 105.

[122] Мережковским и Философову: Ед. хр. 217. Л. 11 об.–12; 17 об.–18 об.

[123] См.: *Философов Д.В*. Дневник (1917–1918) / Публ., вступ. ст., коммент. Б. Колоницкого // Звезда.1992. № 1–3.

[124] Николай Дмитриевич Авксентьев (1878–1943) – один из лидеров эсеров, в июле–августе 1917 г. занимал пост министра внутренних дел Временного правительства, в сентябре–октябре был председателем Предпарламента, член Учредительного собрания. Возможно, упоминание об Авксентьеве навеяно его выступлениями на экстренных заседаниях ЦК Совета рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов, состоявшихся 7 и 9 июля в связи с июльским кризисом Временного правительства и известиями о провале наступления на Юго-Западном фронте (стенографические отчеты заседаний печатались в газетах).

На заседании 7 июля Авксентьев обвинил большевиков в неподчинении большинству (июльское выступление), вследствие которого судьба революции оказалась в опасности (Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 9 июля. № 113. С. 7); на заседании 9 июля, обращаясь к оппонентам, он заявил: «Тов. Луначарский сказал, что боги, верно, отнимают у нас разум. А где был разум т. Луначарского и его друзей за прошлые 3 месяца? Мы все время говорили, все время предупреждали друзей т. Луначарского, что, если вести ту программу и агитацию, которую вели они, мы придем к трагической развязке. Теперь же они говорят о соглашении. Но теперь речь не о соглашении <...> Теперь все, кто не с нами, тот противник» (Там же. 11 июля. № 114. С. 3).

[125] 7 июля 1917 г. Л.Г. Корнилов был назначен главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта, вечером того же дня он направил Временному правительству телеграмму с предложением принять меры по ужесточению дисциплины на фронте: ввести смертную казнь и полевые суды.

Максимилиан Максимилианович Филоненко (ум. ок. 1950) – эсер, в 1917 г. в период Корниловского мятежа – Верховный комиссар при Ставке; был близок Савинкову. См. о нем: Красная книга ВЧК. М., 1990 Т. 2; записи в «Синей книге» от 10, 11,17 августа 1917 г. Эмигрировал в США.

[126] Постановление Временного правительства об отмене смертной казни, принятое 12 марта 1917 г., как и «Декларация прав солдата», утвержденная 5 марта (Вестник Временного правительства. 1917. 12 марта.

№ 12), было вынужденной мерой – ответом на рост революционного движения в армии, вызванного Приказом № 1 Петросовета. Приказ предназначался для Петроградского гарнизона, но в короткое время вышел за его пределы и получил широкое распространение в армии и на флоте. В нем была намечена широкая программа по демократизации царской армии, предписывавшая избрание солдатских комитетов, которые были обязаны подчиняться Петросовету, а также: установить контроль над оружием, предоставить солдатам гражданские права, отменить все службы вставания во фронт и отдание чести, титулование офицеров, запретить грубое обращение к солдатам со стороны командного состава (Приказ № 1 был опубликован 2 марта 1917 г. в газете «Известия Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов»). А.И. Гучков пытался переадресовать Приказ № 1 исключительно в область тыла, но его идея была встречена в штыки Петросоветом, позднее он вспоминал: «Стеклов очень резко возражал и, в конце концов, он своим упорством взял верх, и тогда, чтобы получить единогласие, они остановились на этом компромиссе, который мне предложили. <…> Как ни вреден был Приказ № 1, но, если бы мы были в силах принять ряд мер к прекращению той агитации, которая велась, можно было бы последствия довольно быстро ликвидировать. Но, к сожалению, этого нельзя было сделать: вопрос об аресте таких людей и не мог быть поднят потому, что это знаменовало бы собой разрыв с Советом» (Гучков Александр Иванович рассказывает… Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М.: ТОО Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. С. 70–71).

Приказ Керенского о восстановлении смертной казни на время войны для военнослужащих был опубликован 13 июля (см., например: Речь, 1917, № 162. С. 3); документу предшествовал ряд «подготовительных» операций: 6 июля было принято постановление о строгом наказании виновных за призывы к невыполнению распоряжений власти, воинские чины вменялось наказывать как за государственную измену; 7 июля Керенский издал распоряжение об аресте всех лиц, ведущих агитацию с призывом к свержению Временного правительства, против наступления и неповиновения начальству; он потребовал немедленно предать суду всех арестованных, запретить издание и распространение в армии газет «Правда», «Окопная правда», «Солдатская правда» (см.: Революционное движение в России в июле 1917 г.: Июльский кризис. М., 1959. С. 290–293). 8 июля, после неудавшегося наступления, Корнилов доложил Львову о необходимости применения в действующей армии исключительных мер, вплоть до введения смертной казни; 16 июля после совещания в

Ставке, на котором с докладом выступал А.И Деникин, Керенский принял решение об изъятии из армии политики и наведении в ней порядка. См.: *Гаврилов Л.М.* Истоки и финал демократизации русской армии // Армия и общество. 1900–1941 гг.: Статьи и документы. М., 1999. С. 77–114.

[127] Текст телеграммы ген. Корнилова и телеграммы комиссаров 7-й армии Б. Савинкова и 8-й армии М. Филоненко печатался во всех центральных газетах, см., например: Смертная казнь на фронте // Утро России. 1917. 12 июля. № 169. С. 2; Заявление ген. Корнилова // Речь. 1917. 11 июля. № 160. С. 3.

Цитирую в извлечениях по тексту первой публикации телеграмму ген. Корнилова: «Армия обезумевших темных людей, не ограждавшихся властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые даже нельзя назвать полями сражений, царит сплошной ужас, позор и срам, которого русская армия еще не знала с самого начала своего существования. Это бедствие может быть прекращено. И этот стыд может быть смыт или революционным правительством, или, если оно не сумеет этого сделать, то неизбежным ходом истории будут выдвинуты другие люди, которые, сняв бесчестие, вместе с тем уничтожат завоевания революции, и потому тоже не могут дать счастья стране. Выбора нет: революционная власть должна стать на путь определенный и твердый. Лишь в этом спасение родины и свободы. Я, генерал Корнилов, вся жизнь которого от первого сознательного существования до ныне, проходит в служении родине, заявляю, что отечество гибнет, и потому, хоть не спрошенный, требую немедленного прекращения наступления, наступления на всех фронтах, в целях сохранения и спасения армии для ее реорганизации на началах строгой дисциплины, и дабы не жертвовать жизнью не многих героев, имеющих право увидеть лучшие дни. Необходимо немедленно, как меры, временно исключительно вызываемой безысходностью создавшегося положения, введение смертной казни и учреждение полевых судов на театре военных действий. <...> Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценою гибели немногих изменников, предателей, трусов. Сообщаю вам, стоящим у кормила власти, что родина накануне безвозвратной гибели, что время слов и увещеваний прошло, что необходима непоколебимая государственно-революционная власть. <...> Я заявляю, что, если правительство не утвердит предлагаемых мною мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и воспользоваться ею по ее действительному назначению – защиты родины и свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия главнокомандующего» и т. д. Под подписью ген. Корнилова помещена записка Б. Савинкова: «Со своей стороны вполне разделяю мнение генерала Корнилова и поддерживаю вышесказанное им от слова до слова. Савинков». В своих телеграммах Савинков и Филоненко всецело поддерживали требования ген. Корнилова. См. также: Дело генерала Л.Г. Корнилова. Август 1917 – июнь 1918: Документы: В 2 т. М.: Материк; Междунар. фонд «Демократия», 2003.

[128] Газета «Речь» сообщала об инциденте: «21 апреля, около трех часов дня, в штабе округа были получены донесения о движении с окраин города больших вооруженных масс и о начавшейся на Невском проспекте стрельбе рабочих по невооруженным солдатам и публике, причем появились сведения, что на Невском были даже убитые и раненые. Поэтому, в целях обеспечения мирного населения столицы от возможных насилий, главнокомандующий петроградского военного округа был принужден отдать приказание о вызове на Дворцовую площадь нескольких частей гарнизона. <...> Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов по телефону сообщил в штаб, что вызов войск может спровоцировать осложнение. После переговоров с делегацией Исполнительного Комитета Корнилов отменил свое приказание» (От Временного Правительства // Речь.1917. 26 апр. № 95. С. 3).

[129] Николай (Карло) Семенович Чхеидзе (1864–1926) – один из лидеров меньшевизма; депутат III и IV Государственной думы от Тифлисской губернии, председатель меньшевистской фракции в IV Думе. Во время Первой мировой войны – центрист, выступал за участие рабочих в военно-промышленных комитетах, против национально-освободительного движения в Грузии. После Февральской революции член Временного комитета Государственной думы, председатель Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, председатель ВЦИК 1-го созыва. Участник Московского совещания.

[130] Школа Шидловской находилась на Шпалерной улице, неподалеку от Таврического дворца, в котором заседала Дума.

[131] О ком идет речь, установить не удалось.

[132] Костя Василевский (?) многократно упоминается в письмах Т. Гиппиус близким, летом 1917 г. сестры Т. и Н. Гиппиус жили рядом с ним в Прибыткове; сведениями о нем мы не располагаем.

[133] Сразу после июльского выступления большевиков в печати появились сообщения о связях Ленина с немцами («германский агент») и получении им немецких денег через А.Л. Парвуса и Я.С. Ганецкого; впервые публичное обвинение большевиков в шпионаже было предъявлено в статье Г. Алексинского и В. Панкратова «Ленин, Ганецкий и Ко – шпионы!» (Живое слово. 1917. 5 (18) июля). В письме Мережковским 12 июля Т. Гиппиус, по-видимому, имела в виду заметку «Ленин, Парвус, Раковский, Мухин и Ко», напечатанную в «Вечернем времени» (1917. 12 июля. № 1869. С. 1).

[134] О шествии военнопленных к Думе никаких сведений в центральных газетах мы не нашли; вместе с тем с конца июня и в продолжение июля в прессе систематически печатались материалы о катастрофическом положении военнопленных и бежавших из плена, а также объявления о сборе пожертвований военнопленным и их семьям.

[135] Масловский Сергей Дмитриевич (псевд. Мстиславский; 1876–1943) – писатель, публицист эсеровской газеты «Дело народа»; член президиума II Всероссийского съезда Советов. О провокаторстве Мстиславского есть запись в «Синей книге» З. Гиппиус (28 февраля 1917 г.); слухи основывались на двух эпизодах его биографии: 1) в связи с деятельностью в эсеровской партии однажды он был арестован и освобожден и при этом не потерял место библиотекаря в Академии Генштаба; 2) по сообщению А.Я. Гальперна, Мстиславский на одном из масонских заседаний предложил организовать покушение на Николая II, что сразу же вызвало подозрения присутствовавших (см.: *Николаевский Б.И*. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 64–66). Здесь, вероятно, отклик на публикацию: *Барсов Ник*. Львы и леопарды // Речь. 1917. 13 июля. № 162. С. 2 (см.: «Могучий лев, гроза лесов – Г. Масловский, он же Мстиславский, устрашавший своей “левизной” даже “Дело народа”, в конце концов, оказался бывшим сотрудником “Правительственного Вестника”» и т. д.).

[136] Козьма Фирсович Крючков (1890–1919) – донской казак; был первым награжден Георгиевским крестом в Первую мировую войну (получил крест 4-й степени за уничтожение в бою 11 немцев).

Хохол из-под фуражки – запоминающаяся деталь внешности героя, запечатленная на фотографии в популярном журнале «Искра» (1914. № 33).

[137] В.А. Флёрова участвовала в работе Петроградского религиозно-философского общества, входила в близкое окружение А.А. Мейера и К.А. Половцовой.

[138] Философову: Ед. хр. 178. Л. 1–4.

[139] Всероссийский Поместный собор Русской православной церкви работал в Москве с 15 августа 1917 по 20 сентября 1918 г.

[140] В.Н. Львов.

[141] В статье «Русский офицер» (Речь. 1917. 16 июля. № 165. С. 2) Философов писал: «По совести говоря, в данное время нет положения труднее, нежели положение русского офицера»; в качестве документального свидетельства он привел письмо с фронта молодого офицера, недавнего студента (вероятно, своего племянника Володи Ратькова-Рожнова, см. примеч. 2): «…безумно вести этих людей, счастливых какой-то свободой, в бой, о котором они очень мало теперь думают» и т. д. Статья явилась злободневным откликом на почти ежедневные сообщения в прессе о случаях неповиновения солдат офицерам, учинении над офицерами самосудов, о падении дисциплины на фронте вследствие большевистской пораженческой агитации. За день до публикации статьи Философова газета «Речь» (1917. 16 июля. № 165. С. 2) напечатала сообщение об аресте 4 июля в Свеаборге 7 офицеров, произведенном секцией охраны народной свободы Исполкома Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих. Офицеры были арестованы на основании недоказанного обвинения; их обвинили в причастности к подавлению Свеаборгского восстания 1906 г.; в том же номере была напечатана заметка «Большевистская работа на Рижском фронте» и т. п. Надежды на восстановление авторитета офицерства, без которого невозможно оздоровление русской армии, Философов связывал с назначением Керенского на пост военного и морского министра: «Керенский – сам человек беззаветного мужества. Он теперь ближе вошел в жизнь фронта, и, нет сомнения, по достоинству оценил и понял русского среднего офицера. Правительственные комиссары при армии подобраны очень удачно. Это все мужественные, испытанные революционеры, которые так же, как и Керенский, дадут русскому офицерству нравственную опору»; в то же время Философов выражал неуверенность в успешности принятых правительством мер (отмена Приказа № 1): «Но надо сказать откровенно, что слишком долго фронтовых офицеров оставляли без всякой опоры и поддержки. Сначала их так же, как и солдат, держали в полном неведении в ходе революции, а потом осчастливили приказом № 1. Социалистическая печать абсолютно их игнорировала и обнаружила этим большую легкомысленность. Теперь нет ни одного социалистического органа, который не говорил бы о разрухе, анархии, но одной из причин этих явлений надо признать ожесточенное дискредитирование офицерства, чем занимались многие “сознательные” товарищи. Борясь с негодными элементами офицерства, они безрассудно оскорбляли принижением их, возлагали на них бремена неудобоносимые» (Там же).

[142] Вера Николаевна Фигнер (1852–1942) – член Исполнительного комитета «Народной воли», участвовала в подготовке покушений на Александра II; в 1884 г. приговорена к вечной каторге, 20 лет находилась в одиночном заключении в Шлиссельбургской крепости, в 1906–1915 гг. – в эмиграции; в апреле 1917 г. была избрана членом Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов; в июне – кандидатом в члены Учредительного собрания. 18 июня 1917 г. подписала воззвание старых революционеров ко всем гражданам России за продолжение войны «до победного конца».

[143] Поездка Фондаминского и Соколова в Гельсингфорс, возможно, была приурочена к торжественной церемонии в память Свеаборгского восстания (17 июля 1906 г.). В день одиннадцатой годовщины расстрела

матросов и офицеров на Лагерном острове (29 июля) эсеровская партия устроила гражданскую панихиду с участием представителей исполнительных комитетов различных советов. Фондаминский был причастен к организации восстания на крейсере «Память Азова» (20 июля), вспыхнувшего в Ревеле после подавления Свеаборгского. 20 июля он прибыл на крейсер в шлюпке вместе с двумя агитаторами, к тому моменту восстание было уже подавлено, Фондаминский был арестован матросами, сохранившими верность присяге; военно-морской суд, проходивший дважды, оправдал его; из опасения нового суда он вместе с женой эмигрировал во Францию. Этот биографический эпизод описан ближайшим партийным соратником Фондаминских В.М. Зензиновым в книге воспоминаний «Пережитое» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953).

[144] Зинаиде Гиппиус: Ед. хр. 60. Л. 22 (открытое письмо).

[145] См. примеч. 49.

[146] Иван Сергеевич Книжник-Ветров (наст. имя и фамилия: Израиль Самойлович (по др. данным: Соломонович) Бланк, 1878–1965) – публицист, историк революционного народничества, теоретик анархизма; с июня 1917 г. член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

[147] Александр Сергеевич Лукомский (1868–1939) – генерал-лейтенант, участник Первой мировой войны. После Февральской революции 2 апреля 1917 г. назначен командиром 1-го армейского корпуса; со 2 июня – начальник штаба Верховного главнокомандующего. Поддержал выступление генерала Корнилова, был арестован вместе с ним в Могилеве, в сентябре заключен в Быховскую тюрьму, откуда вместе с другими генералами бежал в ноябре 1917 г. Видный деятель Белого движения, один из организаторов Добровольческой армии. Военная карьера Лукомского развивалась под началом и при поддержке Сухомлинова, в годы его командования войсками Киевского военного округа (вступил в должность в 1904 г.) и позднее. Владимир Александрович Сухомлинов (1848–1926) – в 1909–1915 гг. военный министр. В сентябре 1916 г. приговорен судом к бессрочной каторге за неподготовленность армии к войне; каторга была заменена заключением в Петропавловскую крепость; 1 мая 1918 г. освобожден как достигший 70-летнего возраста; эмигрировал.

[148] Станция и поселок Семрино (Гатчинский район Ленинградской области) основаны в 1903 г. на строящейся железнодорожной ветке Павловск–Вырица; 28 августа 1917 г. станцию блокировали Ингушский и Черкесский полки 3-й бригады Кавказской Туземной конной дивизии.

[149] Газета «Речь» сообщала: «После краткого обмена мнениями министры – члены партии народной свободы и министры-социалисты, желая

предоставить А.Ф. Керенскому полную свободу действий, одновременно заявили о своей отставке, выразив вместе с тем готовность остаться пока в своих ведомствах» (Отставка министров // Речь. 1917. 28 авг. (10 сент.). Экстренный вып. С. 1). Ср. запись в «Синей книге», 12 августа: «На Керенского будто бы повлияла телеграмма Корнилова, который требовал, чтобы Сав-ва не удалять, а также, чтобы все кадеты явились к нему с отставками. Едва он их умастит». 25 августа подали в отставку министры-кадеты – это было частью задуманного корниловцами плана; одновременно подал в отставку министр-эсер В.М. Чернов, который, напротив, не желал принимать участие в плане Корнилова.

[150] Николай Виссарионович Некрасов (1879–1940) – член III и IV Государственной думы, министр путей сообщения и министр финансов Временного правительства; последний генерал-губернатор Финляндии (сентябрь–ноябрь 1917).

[151] Генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев (1857–1918) – в 1917 г. Верховный главнокомандующий Русской армии (2 апреля – 21 мая); в августе 1917 г. во время Корниловского выступления согласился возглавить Ставку, чтобы спасти генерала Корнилова; 1 сентября по приказу Керенского арестовал Корнилова и его ближайших подчиненных (генералов Романовского, Лукомского и ряд старших офицеров), они были взяты под стражу и помещены в Быхове в здании монастыря (в Ставке); через неделю Алексеев ушел в отставку с поста Начальника штаба при Верховном главнокомандующем.

[152] Михаил Иванович Терещенко (1886–1956) – крупный предприниматель, владелец сахарорафинадных заводов, крупный землевладелец, банкир, издатель. В первом составе Временного правительства был министром финансов; во втором–четвертом составах правительства – министром иностранных дел.

[153] В июле 1917 г. Савинков был назначен управляющим военным министерством и товарищем военного министра (Керенского), его считали реальным претендентом на роль диктатора, способного сконцентрировать в своих руках всю полноту власти в стране. 22 августа по указанию Керенского он прибыл в Ставку для переговоров с Корниловым и, согласовав ряд вопросов, вернулся в Петроград; 27 августа во время наступления Корнилова на Петроград был назначен военным губернатором Петрограда и исполняющим обязанности командующего войсками Петроградского военного округа; с целью не допустить полного разрыва Ставки с правительством предложил Корнилову уладить конфликт и получил его согласие, однако события 27–28 августа помешали переговорам (см. примеч. 154); 30 августа подал в отставку, не согласный с изменениями

в политике Временного правительства. Ср. записи о Савинкове и Корниловском мятеже в «Синей книге» (8– 31 августа 1917 г.).

[154] В «Синей книге» под 12 августа 1917 г. З. Гиппиус заметила: «…“либерданы” (кличка мелкой сошки из кучек “Либера” и “Дана”). Один – в очках, другой – в pince-nez». Михаил Исаакович Либер (наст. фам. Гольдман; 1880–1937) – один из лидеров Бунда и меньшевиков; в 1907–1912 гг. член ЦК РСДРП; в 1917 г. член Исполкома Петроградского совета; Федор Ильич Дан (наст. фам. Гурвич; 1871–1947) – один из лидеров меньшевиков; в 1917 г. член Исполкома Петроградского совета и Президиума ВЦИК 1-го созыва.

[155] О переговорах Керенского с Милюковым и Алексеевым в связи с «делом Корнилова» см.: *Иоффе Г.З.* «Белое дело»: Генерал Корнилов. М.: Наука, 1989. С. 148–150.

[156] «Манифестам» предшествовали следующие события: 26 августа Корнилов подписал приказ о формировании отдельной Петроградской армии, назначил главнокомандующим армии генерала Александра Михайловича Крымова (1871–1917), отдав ему предписание: при начале выступления большевиков немедленно идти с корпусом на Петроград, занять город, обезоружить части гарнизона, которые примкнут к большевикам, разогнать Советы. 27 августа Керенский объявил, что Петроград и Петроградская губерния находятся на военном положении, и отправил Корнилову телеграмму с требованием сдать командование и выехать в Петроград. Корнилов отказался подчиниться распоряжению Керенского, Временное правительство объявило его изменником (в газетах появилось сообщение от «министра-председателя» с обвинением Корнилова в установлении порядка, «противоречащего завоеваниям революции»).

В ночь на 28 августа Корнилов разослал объявление по всем линиям железной дороги – всем начальствующим лицам и дорожным комитетам о провокации с целью парализовать приказ Керенского блокировать движение войск Крымова на Петроград (утром 28 августа оно было напечатано в газетах) и обращение «Ко всем русским людям», в котором говорилось: «Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистских Советов действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба, и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри. Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, храмы, – молите Господа Бога о явлении величайшего чуда, чуда спасения родимой земли. Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что лично мне ничего не надо, кроме сохранения великой России, клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни». Оба «манифеста» были опубликованы в газетах утром 28 августа. Этот момент принято считать началом Корниловского мятежа. См.: Армия и общество: 1900–1941 гг.: Статьи и документы / Ин-т рос. истории РАН; Отв. ред. В.П. Дмитренко. М., 1999. С. 315–316; см.: *Иоффе Г.З.* Белое дело: Генерал Корнилов. С. 123–125.

[157] Александр Яковлевич Гальперн (1879–1956) – присяжный стряпчий, ближайший помощник В.А. Маклакова по адвокатской деятельности; в феврале 1917 г. сменил В.Д. Набокова в кабинете Керенского на посту управляющего делами Временного правительства; масон, входил в «ложу Мережковского». См.: *Серков А.И.* Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 1144.

[158] Абрам Рафаилович Гоц (1882–1940) – лидер эсеровской фракции в Петроградском совете; на III съезде партии эсеров избран товарищем председателя съезда, членом ЦК партии; член Президиума ВЦИК 1-го созыва, был избран его председателем.

[159] Неустановленное лицо. О супругах Маркович см. примеч. 109.

[160] Александр Васильевич Ливеровский (1867–1951) – инженер путей сообщения; товарищ министра путей сообщения Временного правительства; во время выступления генерала Корнилова способствовал передаче в Ставку обращения Временного правительства к железнодорожникам, которое отказался передавать министр путей сообщения П.П. Юренев. На основе этого обращения были прекращены перевозки корниловских войск в направлении Петрограда; кроме того, Ливеровский отдал приказ разобрать стрелочные переводы на станциях Дно и Новосокольники.

[161] «Дикая», или Кавказская Туземная конная, дивизия. 25 августа 1917 г. Корнилов направил 3-й кавалерийский корпус из резерва Румынского фронта и Туземную дивизию в Петроград. Эти части должны были стать основой Отдельной Петроградской армии, подчиненной непосредственно Ставке. 24 августа он назначил главнокомандующим отдельной Петроградской армией генерала Крымова, возложив на него задачу подавления выступлений в столице.

[162] Елизавета Владимировна Карташева, младшая сестра А.В. Карташева, училась в Петербурге на Женских медицинских курсах, работала фельдшером в Петропавловской больнице; после бегства Карташева из России жила вместе с сестрами Т.Н. и Н.Н. Гиппиус, видимо, до ареста Татьяны Николаевны; ее дальнейшая судьба нам неизвестна.

[163] В.А. Степанов.

[164] Мережковским и Философову: Ед. хр. 217. Л. 20–26.

[165] 28 августа 1917 г. экстренный выпуск газеты «Речь» вышел с цензурным запрещением ряда материалов (на первой и второй полосе были вынуты статьи). 30 августа в газетах было опубликовано «Обязательное постановление Петроградского военного генерал-губернатора» Савинкова, в связи с введением в столице военного положения. Согласно постановлению, воспрещалось оглашать в печати распоряжение генерала Корнилова и его штаба; призывать к поддержке восстания против Временного правительства и низвержению верховной власти в стране; разглашать сведения из неофициальных источников о мерах и распоряжениях Временного правительства, направленных на подавление мятежа и т. п. За нарушение правил виновные подвергаются в административном порядке заключению в тюрьму или крепость на срок до трех месяцев или денежному штрафу; периодические издания подлежат приостановлению, типографии закрытию или секвестру (см.: Вечернее время. 1917. 30 авг. № 1911. С. 2). По-видимому, увольнение переводчицы было связано с нарушением правил «Обязательного постановления».

[166] Мережковским и Философову: Ед. хр. 219. Л. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикуемые молитвы являются частью корпуса молитвенных текстов, написанных членами религиозной общины Мережковских в 1900–1910-е годы и предназначавшихся для так называемой Иоанновой церкви (церкви Третьего Завета), учрежденной З. Гиппиус, Д. Мережковским и Д. Философовым в 1899 г.[1]

В настоящее время известны два «молитвенника», опубликованные Т. Пахмусс[2]. В «дневниках» Т. Гиппиус (1906–1908) содержатся также литургии на Пасху и Троицу.

Военные молитвы – наиболее поздние из известных нам эзотерических текстов семьи. Как и «молитвенники»[3], они создавались коллективно: в их написании принимали участие все члены братства, рукописи Т. Гиппиус испещрены пометами и вставками З. Гиппиус.

Заголовки («Сей час», «Сейчас», «Всегда») отсылают к тексту «дневников» 1917 г., которые, в свою очередь, могут служить развернутым комментарием к военным молитвам, например: «Христос, я знаю где. Он зовет к единению, к церковности. К *общей* часовенке и *военной* свечке весь народ, как в мобилиз<ацию> и революцию. Все повторяется, как у нас. К сей военной минуточке подойти *всем народом*, а не всеми партиями» (12 июля) и т. п.

Тексты молитв воспроизводятся по автографам: РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 37. Вычеркнутые слова заключены в прямые скобки; вписанное рукой З. Гиппиус или Т. Гиппиус, приводится в косых скобках: \ /, примечания публикатора – в угловых.

Л. 1–4
<Рукой Т. Гиппиус <?>, с правкой карандашом.>

Молитвы разные

I

Боже, будь милостив [ко всем] \к/ нам
и благослови нас, освети нас светом
Лица Твоего, чтобы познали на земле путь
Твой, во всех народах спасение твое.

Укажи нам, Господи, путь твой, по которому
нам идти, ибо к Тебе возносим мы душу нашу.
Научи нас исполнять волю Твою,
потому что Ты – Бог наш. Дух Твой
да введет нас в землю Правды.

Не оставь нас, Господи, Боже наш, не удаляйся от нас, [отклони от нас удары Твои] услышь нас.

Услышь, Господи, молитву нашу, поспеши
на помощь нам. Ради Правды Твоей –
выведи из напасти душу нашу, ибо
ты один – помощь наша и Избавитель наш.

Боже, Именем Твоим спаси нас и Силою Твоею суди нас, ибо ты один знаешь безумие наше и грехи наши не скрыты от тебя.

В дни скорби ищем Господа – изнемогает дух наш, душа отказывается от утешения; мы бедны и страдаем – приди на помощь нам, Господи, – помощь Твоя – восста\но/вит нас, избавь нас от тьмы и прости нам грехи наши ради Имени Твоего.

Ты посылал на нас тьму и опять оживлял нас – Ты возвышал нас и утешал нас. Зовем тебя – и ты услышишь нас, избавишь нас от тьмы и защитишь нас, ибо в скорби нашей ты с нами, Господи.

При умножении скорбей наших – Господь один защита наша и сила наша. Поклонимся ему – он Царь наш, и все народы – народы паствы Его и овцы руки Его. Мы заблудились, как овцы потерянные – не оставь нас. Помощь наша от Тебя Господи. Милость твоя – утешение нам.

Сотвори с детьми Твоими по милости Твоей и путям Твоим научи нас.

Утверди стопы наши в слове Твоем и не дай овладеть нами греху. Избавь нас от угнетения человеческого и научи искать волю Твою.

Откровенья Твои – Правда. Правда Твоя – правда вечная и живая и закон твой – истина. Правда откровений твоих вечна и вечен суд Правды Твоей. [Вразуми нас и будем жить. – Укрепи нас – и спасемся. Поддержи нас и познаем откровения Твои.]

Всем сердцем зовем Тебя – услышь нас. Призываем – спаси нас, – ради Имени Твоего оживи нас.

Услышь голос наш по милости Твоей – по суду Твоему – оживи нас.

Близок Ты, Господи, вступись в дело Твое и защити нас.

По милости Твоей – оживи нас.

По Правде Твоей – оживи нас.

По суду Твоему – оживи нас.

Помоги хранить повеления Твои и откровения Твои – все пути наши пред Тобою.

Мы заблудились, как овцы, – не оставь нас, помощью своей, надеемся на тебя, надеется душа \наша/.

В дни, когда звали мы Тебя – Ты услышал нас, вселил в душу нашу бодрость. [И теперь] Ты среди скорби оживишь нас и спасет нас рука Твоя.

<Рукой Т. Гиппиус.>

II

Испытай нас, Боже, и узнай сердце наше. Испытай нас и узнай помышления наши – не на опасном ли мы пути – направь нас на путь Твой истинный.

Услышь, Господи, голос молений наших,

Господи, Господи, сила спасения нашего,

Господи, поспеши к нам, внемли голосу молений наших, даруй [людям] боящимся Тебя знамя [Твое], чтоб подняли его ради [правды и] Истины.

Господи, на Тебя уповаем – не отринь души нашей. Выведи из темницы душу нашу. Уныл в нас дух, изнемогаем. Онемело в нас сердце. Но близок Господь к сокрушенным сердцем, Господь внемлет узникам.

Будем на Господа надеяться, предадим Ему пути наши и волю нашу и Он поможет нам жить на земле, хранить Правду Его и совершать Дело Его.

По милости своей Он оживит нас.

По Правде своей оживит нас.

По Суду своему оживит нас.

На Тебя надеемся, Господи.

Темы молитв и молитвы военные

Л. 4

<Рукой З. Гиппиус, зелеными чернилами.>

На Танину тему (совершенно точно)

Господи сил и всякой плоти! Тебе молимся, Господи, скорую помощь подай нам [во брани] в борьбе с иноплеменным врагом нашим, скорую победу пошли нам и всем, с нами и за нас сражающимся, да восторжествует правда на земле.

Родину нашу, Господи, сохрани, укрепи, да послужит ей грозное испытание во славу, во обновление и возрастание сил.

Ниспошли нам, Господи, мудрость, волю, и уменье в борьбе за родину нашу, за народ наш, и за другие народы, угнетенные врагами нашими.

Дух бодрый, и светлый, и крепкий сохрани во всех нас[, с нами вместе сражающихся, умирающих и побеждающих, раненых, плененных] людях твоих, за общее святое дело сражающихся, умирающих и одолевающих. Всех нас, далеких и близких, слей воедино, в единую волю, в единую любовь, просвети и научи нас Твоей мудростью, [освяти] прими и освяти дела рук наших Твоей благодатью.

Л. 5–5 об.

<Рукой Т. Гиппиус, правка и вставки рукой З. Гиппиус, карандашом, черными и зелеными чернилами; подчеркивания выделены курсивом.>

Сейчас

Хочу м<олиться> о России

О скорой победе нашей (всех союзников) над (немцами), нашими (сейчас) *врагами*, как о торжестве правды (сейчас).

О спасении, освобождении, воскресении к новой жизни после войны России. О том, чтоб война послужила этапом к этой жизни.

О послании нам \мудрости/, силы, воли, сознания и уменья для борьбы за свободу России и ее \будущ<ую>/ жизнь после войны. Об угнетенных народах (Бельгия и т. д.).

Об *умерших, умирающих, раненых*, *сражающихся* и *идущих на войну* (о поддержании в них духа бодрости).

О том, чтоб нам как можно ярче сознавать, понимать и чувствовать, что мы *вместе* с *ними* (нашими солдатами) делаем *одно* темное, человеческое и святое (сейчас) дело (общее). \(Святое – это утверждать)./

Чтоб Христ<ос> принял \к себе/ нашу боль, темноту человеческую, кровь и простую человеческую любовь и просветил, просвятил <так!> ее, а нас научил и наставил своей Божьей любовью и Божьей мудростью.

Л. 6

<Рукой Т. Гиппиус, с правкой и дополнениями рукой Т. Гиппиус - карандашом, З. Гиппиус - зелеными чернилами.>

Всегда

(Еще всегда)

Чтоб кончился \навсегда/ ужас войны, чтоб люди \народы/ опомнились от безумия своего, чтоб настал мир праведный \вечный/ о том, чтоб страсти человеч<еские> просветились, о новом устройстве людей на земле, праведном, на *человеческом* и *божьем* законе, чтоб народы научились жить вместе в признании друг друга, \сознавая себя одним *божьим народом*./

<Далее вписано рукой З. Гиппиус.>

Надо и об этом и о многом другом, чему нас научила война. В общем если – то это молитва о Царствии Божьем на земле.

В частности же (вне войны) она не нужна, потому что надо молиться о *первом*, т. е. о состоянии, когда наименьше возможна война, ибо она *одно из* миллиона следствий отсутствия этого состояния. Отчего бы не молиться *всегда*, чтобы не было еврейских погромов, например?

Л. 7–8

<Рукой Т. Гиппиус, с правкой рукой З. Гиппиус зелеными и черными чернилами.>

Сей час

Сдержанный Антон

Яви, Господи, правду Твою среди мятущихся народов и племен, замышляющих тщетное. Помоги правому делу; да не будет посрамлен праведный [русский] (союзники), да не восторжествует нечестивый (немцы). Да притупятся мечи насильников \(немцев)/ и да воскреснет свобода угнетенных *Сербия и Бельгия и беженцы евреи*/.

Помяни Духа Твоего, Господи, и умири мир Твой и обнови лицо земли \(русской – нет, вообще земли)./

Спаси, сохрани и помилуй родину нашу. Да не угаснет в ней дух жизни и свободы. Да пройдем тьму испытаний без соблазна и достигнем светлых дней избавления. Дай, Господи, терпение и утешение страждущим и умирающим братьям нашим, болящих исцели и восставь, скорбящих укрепи, брань угаси и мир миру Твоему даруй.

<Далее рукой З. Гиппиус, зелеными чернилами.>

Боже, Боже, от скорби отяжелело сердце наше. Не входи, Боже, в суд с людьми твоими, но милостью Твоей покрой нас, под крылья твои собери нас. Любовь нашу, землю родную, защити, охрани, \Духом крепким и сильным напой ее,/ да возникнет правда из земли, и приникнет истина с небес ради единства славы Твоей.

Боже, Боже, не входи в суд с людьми твоими! Помощи твоей молим, благости Твоей ожидаем, все пред Тобой стоим в единой скорби нашей, всем милости требующим, помоги, помоги, Господи!

Л. 9

<Рукой З. Гиппиус зелеными чернилами, на отдельном листе.>

Несдержанный Антон

Яви, Господи, правду Твою среди мятущихся народов и племен. Помоги нашему правому делу; да не будем мы посрамлены, да не восторжествует враг наш, да притупится насильнический

меч Германии и да воскреснет свобода угнетенных ею [народов] племен славянских и Бельгии. Пошли Духа Твоего, Господи, и умири мир Твой и обнови лицо земли.

Спаси, сохрани и помилуй родину нашу. Да не угаснет в ней дух жизни и свободы. Да прейдет тьму испытаний без соблазна и достигнем светлых дней избавления. Дай, Господи, терпение и утешение за нас страдающим и умирающим братьям нашим, болящих исцели и восставь, скорбящих укрепи. Брань угаси и мир миру Твоему даруй.

Л. 10

<Рукой Д. Мережковского, на отдельном листе.>

Господи, молимся Тебе:
сохрани, помилуй и спаси землю нашу.

Спаси всякий град и страну
от огня, меча, насилья,
нашествия иноплеменных
и междоусобной брани.

Господи, молимся Тебе
о всех людях Твоих, братьях наших,
на земле, на море, на всяком месте
живущих, страдающих,
умирающих и ожидающих помощи
Твоей, и не ожидающих.

Господи, молимся Тебе:
Даруй мир \Твой/ миру Твоему.

Господи, молимся Тебе
и о нас, стоящих пред Тобой:
соедини нас в Имя Твое,
яви в нас Силу Твою,
приведи нас в Царство Твое.

[1] О «церкви» Мережковских см.: *Гиппиус З.* О Бывшем // Возрождение. [Париж], 1970. № 218. С.57–75; № 219. С.52–70; № 220. С. 53–75 (Публ. Т. Пахмусс); *Гиппиус З.* Дневники: В 2 т. / Вступ. ст. и сост. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. С. 89–164; в предисловии Т. Пахмусс к публикации писем З. Гиппиус к Д. Философову в кн.: *Pachmuss T.* Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippius: Из переписки З.Н. Гиппиус. München, 1972. С.59–60; *Пахмусс Т.А.* Страницы из прошлого: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.В. Философова и близких к ним в «Главном» // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1997. М., 1998. С. 70–114; Истории «новой» христианской любви: Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М.М. Павловой // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 391–455.

[2] См.: *Гиппиус З.Н.* The Prayer Book [Молитвенник] // Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippius / Comp. by T. Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. С. 713–770; Молитвенная книга Зинаиды Гиппиус / Публ. Т. Пахмусс // Новый Журнал. [Нью-Йорк], 2004. № 234 (март). С. 142–167.

[3] В молитвенной книге З. Гиппиус, опубликованной Т. Пахмусс, имеются поправки и вставки рукою Мережковсого, Т. Гиппиус и Философова.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕРИОДИКА О ВОЙНЕ

Г.В. Мурзо

Губернский город – «лицом к войне»

На материале газетных публикаций 1914–1915 гг.

Губернский город – это Ярославль, а материалом послужили номера газеты «Голос» за указанный в названии период. Издавался «Голос» с 1909 г. Его учредителями были К.Ф. Некрасов[1] и Н.П. Дружинин[2], либералы по убеждениям, члены I Государственной думы от партии кадетов. Одна из самых демократичных в крае, газета к 1914 г. приобрела заслуженный моральный авторитет у горожан, была известна в северных губерниях, имела хорошую подписку. Откликаясь на зов времени, она вносила значительный вклад в просвещение народных масс и воспитание социальной отзывчивости у интеллигенции.

Наша задача – показать (насколько позволяют рамки статьи, не претендуя на исчерпанность) характер вызванной войной общественной деятельности горожан, роль газеты в ее организации, осмыслении и оценке.

Выступая в определенный отрезок времени в качестве редактора, Н.П. Дружинин был одновременно и активно действующим журналистом, вел в «Голосе» рубрику «Отклики», содержащую развернутые комментарии к наиболее значимым событиям мировой и отечественной жизни, включая жизнь города. К.Ф. Некрасов, отдававший много сил и времени делам собственного книгоиздательства, не бывший к тому же профессиональным журналистом, выступал на страницах газеты редко, что называется, «по случаю».

Такой неординарный случай, когда, казалось, нельзя молчать, представился ему в связи с началом русско-германской войны. Страницы июльских и августовских газет 1914 г. убеждают: Ярославль, как и вся Россия, жил «на нерве»; с утра до вечера кипела уличная жизнь, все ждали известий, штурмовали газет-

чиков – газеты брали нарасхват. «…Мы полны нового томленья Под шорох утренних газет», – отзовется стихами на происходившее Н.С. Ашукин[3], бывший тогда секретарем «Книгоиздательства К.Ф. Некрасова» и писавший для «Голоса» [2].

22 июля (4 авг.) 1914 г. «Голос» опубликовал Высочайший манифест, Объявление о военном положении и Обращение к русской армии и народу (населению), подписанное Николаем II. Здесь же был предъявлен в виде развернутых цитат обзор столичных газет, с которыми и прежде сотрудничал ярославский «Голос». «Русские ведомости», «Русское слово», «Раннее утро», «Утро России» и «Голос Москвы» были единодушны в оценках события и призывах:

«Вставай же, великий русский народ! История зовет тебя совершить… подвиг, перед которым бледнеет все, что когда-либо видел мир. Мы должны бороться не только за свою честь, попранное право и справедливость, но и за самое существование как государства и народа <…>, за светлое будущее всего человечества, за уничтожение чудовищного гнезда милитаризма и освобождение великого немецкого народа…»;

«…“Худой мир лучше доброй ссоры”, – твердит пословица <русского> народа, характеру которого всегда органически были противны и шовинизм, и националистическое самохвальство. Но под “худым” миром мы никогда не подразумевали мира, который сохраняется “во что бы то ни стало”, “несмотря ни на что”. Такой мир <…> сменяется борьбой на “полях чести”. Не мы ее вызывали, и не мы будем радоваться этой борьбе, но в полном сознании неисчислимых жертв, которых она потребует <…>, мы вступили в нее в надежде “не посрамить земли русской”» [14, с. 2].

Высказывания, по ситуации, крайне риторичны: война была свершившимся фактом, а публицистические «мы» и «русские» призваны сделать читателя безусловным сторонником официальной политики государства. Тому же способствовали исторические реминисценции, которых не избежал и К.Ф. Некрасов, выразивший свою позицию в статье «Единая Россия», набранной на первой полосе того же номера. Мысленно апеллируя к «малодушным голосам» (им не было предоставлено места на страницах газеты),

указывающим на неготовность России к войне, пишущий утверждал: «Именно так и только так могла и должна была поступить Россия! <…> Уже нет живых свидетелей той героической войны, которую вели наши деды 100 лет тому назад. Но я не ошибусь, сказав, что внутренняя сосредоточенная решимость, серьезность и глубина сознания важности исторического момента – те же, что были в 12-м году» [13, с. 1].

В патриотическом порыве Некрасов говорил о значении единения всех партий перед лицом угрозы государственности, о цементирующей силе любви к Родине, о могуществе народа-воина, выступившего за отечество и веру. Эту последнюю мысль Некрасов утверждал как наиболее важную, она станет камертоном ярославского «Голоса».

Тема Польши, где быстро разворачивались военные действия, займет особое положение, и представлять ее будет В.Я. Брюсов, с которым Некрасов был связан деловыми и дружескими отношениями. 26 июля (8 авг.) на третьей газетной полосе, в разделе «Ярославская жизнь», выделялось набранное жирным шрифтом объявление: «Известный писатель Вал. Я. Брюсов, отправляющийся на театр военных действий, вчера телеграфно уведомил нашу редакцию, что он изъявляет согласие быть корреспондентом “Голоса” с театра войны» [15, с. 2].

Конечно, это было большой удачей для провинциальной газеты, не имевшей права посылать собственных корреспондентов в действующую армию [12, с. 34]. Брюсов ехал на фронт представителем «Русских ведомостей».

Начиная с 31 августа (13 сент.) 1914 г. объемные, иногда многочастные корреспонденции Брюсова печатались в «литературном» подвале на второй и третьей страницах «Голоса»[4]. Они являлись результатом поездок, совершаемых поэтом в прифронтовую зону и освобожденные районы Польши и Галиции, и стали потрясающими воображение иллюстрациями к скупым строчкам информационных сообщений, или «депеш», печатавшихся в газете и содержащих всю доступную правду о войне. В «Голосе» они подавались под рубрикой «Война в Европе», «Мировая война» или «Отголоски войны», «Дневник войны».

Брюсов был щепетилен в подаче материала, старался опираться на собственные впечатления или проверенные факты из рассказов очевидцев, оговаривал сомнительные, не мог и не хотел (общая тенденция пишущих о войне в ее начале) избежать страшных картин увиденного, но и не нагнетал намеренно ужасов. Его зарисовки были «живописны». В интервью московской газете во время своего короткого пребывания дома зимой 1915 г., отстаивая право военного наблюдателя на откровенность, подчеркнул, что «публика не может довольствоваться» сообщениями штаба Верховного главнокомандующего, что «читателю хочется иметь наряду с фактом – картины! Знать те условия, в которых живет армия, ясно представлять себе, как происходит разведка, бой, что такое окопы, обстрел аэропланов и т. д.» [1, с. 150–151].

Газета не только в целом и в имеющихся подробностях информировала горожан о ходе войны, но и стимулировала, поощряла их благотворительную деятельность. Этому способствовали также выступления на страницах «Голоса» хорошо известных ярославцам людей[5].

Назовем кн. Е. Трубецкого, в одной из первых своих статей провозгласившего помощь Польше, которую он называл «русской Бельгией», «народным делом», заострявшего внимание на пропагандистских и организаторских возможностях газеты [20, с. 3]. Он сам прочитал в Ярославском губернском земстве при необычайном подъеме переполнившей зал публики лекцию на тему «Национальный вопрос, Константинополь и святая София». Выступление носило не только политический, но и культурно-просветительский характер и импонировало собравшимся тем, что говорящий в своих рассуждениях обращался к иконописным сокровищам Ярославля [17, с. 2].

Прерогативой земца Д.И. Шаховского были хозяйственные вопросы. «Голос» публиковал специально для него написанные и перепечатанные из других газет статьи кн. Шаховского «Общеземская организация», «Мобилизация хозяйства», «Земский союз». Но было и такие, где говорилось о необходимости делать политические выводы из опыта войны [23, с. 1]. Задача этих публикаций – вскрыть общественные резервы, чтобы приспособиться к войне,

предупредить возможные общественные катаклизмы, поддержать дух воюющих.

О настроении, духе бойцов читатели «Голоса» узнавали из иных материалов, не менее для них важных, – писем с фронта. Обращения солдат, судя по опубликованным отзывам ярославцев, производили должное впечатление и стремление к соучастию. Примером может послужить письмо студента Демидовского лицея, «подпрапорщика Н.А.», к своему профессору:

«Сижу сейчас в окопе. Моя рота в сторожевом охранении. Ночью ожидается нападение <…>. Сейчас нас обстреливают <…>. Через наши головы летят также снаряды нашей артиллерии. Их шум и вой веселят наше сердце.

Сижу и думаю о том, что было бы без этой войны. Вспомнилась одна из Ваших лекций <…>. Мое глубокое желание по окончании войны приехать в Ярославль и осенью сдать экзамены. Мы ведь думаем, что война скоро кончится, и на масленицу я уже буду в Ярославле.

О том, что все переживаемые ужасы мы тут оправдываем <высокой целью>, писать не буду. Там, в России, все это, наверное, вылилось в яркие звуч<ные> формы. Мы же мало рассуждаем и думаем об этом. Заботы текущего дня, опасности и напряжение <…> подавляют мысль о великом <…> [16, с. 3].

Говорилось также о том, что «вести» (контекст позволяет думать, что речь идет о газетах и письмах близких) не доходят до передовых позиций. Мы не знаем, когда и как изменилась эта ситуация, но мы знаем наверняка, что к масленице подпрапорщик Н.А. не вернулся домой.

Война становилась затяжной, и мысль о «великом» была потеснена мыслью о «добром»: город помогал пострадавшим от войны, поддерживал воюющих. Не последнюю роль играли дети. Они писали, слали на фронт незамысловатые подарки и получали ответы. «Голос» набрасывал на обнародованный диалог не свойственный пишущим публицистический флер: «…Школьники делаются адресатами писем. И еще каких писем! Самых дорогих – из действующей армии. “У нас, Миша, – пишет солдатик, – мясо 35 копеек фунт, а табак – полтинник четверка, а французская бул-

ка 20 копеек. Я твой табачок получил и курю. Опиши, как у вас?” И Миша пишет, серьезно, вдумчиво, старательно. Делом своим Миша гордится. Маленький Миша чувствует себя гражданином» [18, с. 3].

Конечно, цитатами из солдатских писем не только инкрустировался авторский текст – они воспроизводились полностью, иногда сопровождались благодарностью, адресованной родителям и редакции газеты. Например, было опубликовано письмо, полученное Васей, Володей, Колей, Леной и Милочкой Латышевыми из села Великое, что под Ярославлем. От лица группы солдат писал И.С. Какорский:

«С высоких Карпат, из-под стен грозного Перемышля, где свистят пули и поют гранаты свои заупокойные песни, а смерть как призрак, стоит со своей страшной неумолимой косой, – и вот из такого страшного ада-боя мы, солдатики… роты… полка, шлем вам, дорогие и добрые детки, свои почтения и кланяемся до самой матушки-земли, и горячо благодарим…» [19, с. 3–4].

Дальше по просьбе детей И.С. Какорский описывает солдатскую жизнь и необычный праздник Рождества в окопе. И если начало письма носит лубочный характер, то вторая часть – неплохо оформленный, достаточно пространный рассказ. Но речь сейчас не о возможном «литературном» вмешательстве: даже если диалог был поощряемой и контролируемой газетой акцией, он не вызывал сомнения в искренности обеих сторон.

Письма дополняли воспроизведенные в газете устные рассказы осевших в Ярославле или бывших здесь проездом беженцев, раненых, пленных. Еще раз подчеркнем, что маленькие и простенькие (возможно, намеренно упрощенные) эти картинки не терялись рядом с изображением частностей войны известными авторами. Например, не раз печатались «Голосом» высказывания об увиденном в зоне боевых действий Александрой Львовной Толстой, бывшей там с санитарным поездом Всероссийского земского союза в качестве сестры милосердия. Она говорила о прекрасном оборудовании поезда, самоотверженной работе санитаров, «одушевленных любовью к ближнему», о раненых, среди которых встречались и немцы, об отношении к русским местного населения. Жителям прилегающих к фронту местностей она представлялась так: «Я дочь Толстого. Он был против войны» [5, с. 1; 21, с. 1].

Единый газетный текст о войне имел и метатекстовые элементы в виде отсылок-объявлений о демонстрируемых в «электротеатре» кинофрагментах: «На месте военных действий», «В окопах», «Атака», «Места после боя», «Под русскими знаменами (Вторая отечественная война 1914–1915)», «Снимки с натуры: награждение за храбрость» и других [22, с. 1].

Голоса разной общественной силы, политического регистра и стилистической тональности, сливаясь, создавали общий публицистический посыл, у которого были свои вдохновители. Кроме уже названных выше, ярко представал на страницах «Голоса» П.Н. Милюков, лидер партии кадетов. Его лекция «Война и европейская интеллигенция», напечатанная газетой, еще не фиксировала, а только предупреждала изменения в настроении общества. Целью ее были политическое просвещение и агитация, а задач две: *охарактеризовать* связанные с войной настроения интеллигенции и *указать*, в каком направлении должно развиваться отношение к войне, какие желания относительно ее исхода «диктуются лучшими упованиями и всем символом веры прогрессивного авангарда <…> общества» [3, с. 2]. Опубликованный отрывок содержал объяснение и оправдание войны, призванной стать последней.

Комментатором «Голоса», как уже было сказано, выступал Н Дружинин. Приведем его мнение, высказанное в разное время, прямо адресованное жителям Ярославля и в определенной степени ими обусловленное:

«Два с половиной месяца длится война. Она потребовала уже от сражающихся громадных жертв, но оттого стала еще ожесточенней. Нужно, чтобы страна сохранила свойственное ей величие, ведь война разворачивается в российских пределах. Требуется еще больше усилий общества, направленных на поддержание нормальной жизни, народного хозяйства, на удовлетворение нужд армии, на предоставление раненым героям всего необходимого, на устройство бесчисленных семей, которые несут жертвы» [8, с. 2];

«Не ослабевает патриотическое настроение, идет глубже: война сделалась народной. Блестящий успех второго сбора вещей,

помощь раненым, пожертвования и другие благотворительные акции…» [9, с. 1].

Уже в январских номерах газеты 1915 г. он, в соответствии с общим настроением, фиксирует внимание читателей на тяготах войны и противоправных действиях немцев, которые без обиняков называет зверствами, противопоставляя нравственной стойкости русских на фронте и в тылу [10, с. 1].

«Отклики» Дружинина легко коррелировали не только с позицией названных выше общественных предводителей, но и с мнением тех авторов «Голоса», предметом внимания которых была собственно городская жизнь. Возьмем опубликованную на исходе 1914 г. статью без подписи (ничто не мешает отнести ее к числу редакционных) «Война и культурные задачи», которая позволяет не только актуализировать отдельные установки, но и подвести итог сделанному горожанами в первый год войны: денежные сборы и работа в лазаретах, агрономическая помощь деревне; борьба с беспризорностью и борьба за трезвость; внедрение начал образованности, распространение знаний через лекции, книги и журналы; обеспечение селян газетами, а раненых и пленных книгами, культурное попечительство в виде концертов и спектаклей, частью благотворительных. Статья заканчивалась эффектным призывом и известными строчками Н.А. Некрасова:

«Никто не должен отказываться от общественной работы! Пусть никто не смущается размерами своих сил, не отговаривается непривычкой к общественной деятельности: общественные выступления не для всех, но собрать книги, газеты, деньги и вещи для беженцев и семей запасных, их детям-сиротам, прислать в редакцию интересные письма с фронта могут все.

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ…» [4, с. 1].

Повторим доказываемый нами тезис: газета искала и находила пути и способы консолидации усилий всего населения губернии в борьбе с все увеличивающимися тяготами войны, подчеркивала ответственную роль интеллигенции и учащейся молодежи в этой борьбе, выступала ее организатором.

Как известно, уже к концу первого года войны общественное настроение стало меняться, единства, о котором говорили публицисты, не было, отношение к войне превратилось в одну из главных проблем. Газета в качестве субъекта общественного дискурса также претерпевала существенные изменения. Ее голосу стали свойственны критические ноты:

«Сейчас многие – конечно, не на передовых позициях – жалуются на усталость от “продолжительной войны”, отворачивают свой нос от газет с “депешами” <…>, притворяются влюбленными в кроткую гуманность, которая от них ничего не требует и позволяет спать спокойно. Это – плохо, это – голос бессилия…» [11, с. 2].

Конкретные наблюдения и выводы, однако, требуют продолжения исследования.

Литература

1. *Ашукин Н.С., Щербаков Р.Л.* Брюсов. М.: Молодая гвардия, 2006.
2. *Ашукин Н.* Современники // Голос. 1914. № 202. 3(16) сент.
3. Война и европейская интеллигенция (Из «Рус. ведом.») // Голос. 1915. № 16. 21 янв. (3 февр.).
4. Война и культурные задачи: (О частном почине в культурной работе) // Голос. 1914. № 284. 11(25) дек.
5. В санитарном поезде // Голос. 1914. № 271. 25 нояб. (8 дек.).
6. Встреча праздников в окопах // Голос. 1915. № 20. 25 янв. (7 февр.).
7. *Гущина Е.В.* Биографический сборник Демидовского университета / Е.В. Гущина, Д.К. Морозов, Ю.Г. Салова. Ярославль, Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2008.
8. *Дружинин Н.* Величие среди испытаний // Голос. 1914. № 229. 5(18) окт.
9. *Дружинин Н.* Война и народ // Голос. 1914. № 287. 14(28) дек.
10. *Дружинин Н.* Немецкие зверства // Голос. 1915. № 11. 15(28) янв.
11. Л. Андреев о войне // Голос. 1915. № 34. 12(25) февр.
12. *Махотина С.Я.* Время и пресса (1890-е – 1918 гг.) // Махотина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М.: Наука–Флинта, 2004. С. 7–37.
13. *Некрасов К.* Единая Россия // Голос. 1914. № 167. 22 июля (4 авг.).

14. Обзор печати (об объявлении войны Германией) // Голос. 1914. № 167. 22 июля (4 авг.).
15. [Объявление о согласии В.Я. Брюсова сотрудничать с «Голосом»] // Голос. 1914. № 171. 26 июля (8 авг.).
16. О войне (из частного письма) // Голос. 1914. № 244. 23 окт. (5 нояб.).
17. Отклик на лекцию кн. Трубецкого [«Национальный вопрос, Константинополь и святая София»], прочитанную в зале губернского земства 14 декабря // Голос. 1915. № 13. 17(30) янв.
18. Радость школьников // Голос. 1915. № 19 24 янв. (6 февр.).
19. Рождественская елка в окопах // Голос. 1915. № 23. 29 янв. (10 февр.)
20. *Трубецкой Е.Н.* Русское народное дело // Голос. 1914. № 236. 14 (27) окт.
21. У А.Л. Толстой // Голос. 1914. № 248. 28 окт. (10 нояб.).
22. [Художественный электротеатр] // Голос. 1914. № 283. 10(24) дек.
23. *Шаховской Д.И.* «Путь к победе» или «Потрясенный народ» // Голос. 1915. № 155. 9(22) июля.

[1] Константин Федорович Некрасов (1873–1940) – племянник Н.А. Некрасова (сын его младшего брата), бывший земский деятель.

[2] Николай Петрович Дружинин (1858–1941) – сотрудник местных и столичных изданий, автор многих книг по крестьянскому вопросу.

[3] Николай Сергеевич Ашукин (1890–1972) – библиограф, литературовед (автор фундаментальных трудов о жизни и творчестве Н.А. Некрасова и В.Я. Брюсова).

[4] Всего их 13. Еще две были перепечатками из «Русских ведомостей». Сведения о них содержатся в статье «В.Я. Брюсов – военный корреспондент ярославского “Голоса”» этого же сборника.

[5] Д.И. Шаховской, земский деятель, публицист, один из лидеров партии кадетов, в 1908–1912 гг. жил и работал в Ярославской губернии; Е.Н. Трубецкой после окончания юридического факультета в Московском университете преподавал в должности приват-доцента в Демидовском юридическом лицее (1886–1897). В интересующие нас годы был профессором Московского университета [7, с.201].

И.Б. Белова

Влияние прессы на общественные настроения провинции в период Первой мировой войны

По материалам центральных губерний Европейской России

В период Первой мировой войны отмечался всеобщий интерес населения к военным событиям. Ведь только к августу 1914 г. было мобилизовано почти 4 млн, а до конца года – более 6,5 млн чел. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., средний процент взятых в армию по 50 губерниям России составлял 47,4 % от числа трудоспособных мужчин. Современники отмечали: «Все интересуются исключительно обстоятельствами войны и с живым интересом читают все газеты, описывающие подробно военные действия» (ГАБО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 305. Л. 71–71 об). На улице всегда можно было видеть кучки народа, читающего расклеенные газеты, телеграфные бюллетени о военных событиях. Особенно многолюдно было в базарные дни, когда приезжие крестьяне собирались вокруг какого-нибудь грамотного односельчанина и слушали фронтовые известия (КК. 29. VIII. 1915. № 96). Газеты раскупались за 1–2 часа. К примеру, в один из дней августа 1915 г. в Калуге прошел слух, что пали Дарданеллы, осаждаемые союзными войсками. Современник писал: «Известие это чрезвычайно всех взволновало и обрадовало. В городе только и разговоров было, что о взятии Дарданелл. Все поздравляли друг друга с радостным событием. Чтобы проверить слух, все с нетерпением ждали утренних телеграмм и газет, которые покупались нарасхват. Но там о взятии Дарданелл ничего не было сказано…» (КК. 13. VIII. 1915. № 89). Настроение населения несколько понизилось, все стали ждать вечерних газет.

По заключению местной административной власти, к военным действиям у населения наблюдался «глубокий интерес и

совершенно сознательное отношение» (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д-во. Л. 7). Столичная актриса В.П. Веригина вспоминала: «Куда я ни заходила, везде висела на стене карта, утыканная флажками, которые продавались в магазинах специально для патриотически настроенной публики… Если в каком-нибудь доме и не висела такая карта, то все-таки велись разговоры о сражениях…» [Александр Блок…, с. 481]. И.С. Шмелев в рассказе «На большой дороге» отмечал, что практически все разговоры калужских крестьян, заходивших в один из июльских дней 1915 г. в чайную, были связаны с войной. Так, мужики спорили, «какой будут итальянцы веры», «почему Америка не воюет», говорили о пленных, которых «выписываем на уборку», про военные наборы и артиллерию, где хорошо служить, так как «сам палишь – тебя не видать», а сын хозяина чайной, готовившийся к призыву, заявлял: «Я с ероплана бонбы буду кидать!» [Шмелев, с. 327–333]. «…Надо посмотреть, – говорил современник, – как в уездных городках читают газеты, коверкая слова и добиваясь в них смысла, и тогда не скажете, что война не народная. Интерес к войне, интерес активный, глубоко захватывает население» [Съезды…, с. 156]. Деревня испытывала «газетный голод», газеты зачитывались «до дыр». «По станциям железной дороги стоят крестьяне, протягивая руки за газетой. Чем дальше деревня от центра, тем просьбы о газете многочисленнее», – отмечал провинциальный журналист (КК. 29. VIII. 1915. № 96). В «Губернских ведомостях» регулярно печатались списки убитых, раненых и без вести пропавших нижних чинов – местных уроженцев. Многие сельские жители специально добирались до города, чтобы увидеть в газете эти списки.

Пресса, ориентируясь на существующие настроения, старалась предоставлять интересующую население информацию с максимальной оперативностью. Это удавалось лучше всего ежедневным центральным газетам. Текущие события войны, названной в прессе Второй Отечественной, стали ее главной темой. В России в 1915 г. появилось 200 новых газет и 280 журналов, в 1916 г. – 110 газет и 240 журналов [Белогурова, 2006, с. 32]. Самой популярной и доступной по цене (9 руб. в год) центральной газетой в провинции, в том числе в рабочей среде, было «Русское

слово». Эта самая крупная после «Нового времени» ежедневная газета либерального направления издавалась в Москве И.Д. Сытиным. Газету называли «фабрикой новостей» [Там же, с. 26]. Тираж «Русского слова» за период с 1895 по 1917 гг. возрос с 10 тыс. до миллиона экземпляров [Вострышев, 2003, с. 335]. Можно отметить, что с начала Первой мировой войны до апреля 1915 г. военным корреспондентом «Русского слова» на Юго-Западном фронте был депутат I Государственной думы от Калужской губернии, земский деятель, член кадетской партии В.П. Обнинский. Его статьи первых месяцев войны были посвящены вопросам организации помощи раненым воинам.

Абсолютное большинство материалов местной периодической печати в течение всего военного периода было посвящено проблемам, связанным с войной. Все, что освещала местная пресса в начале войны, продолжало оставаться на страницах печатных изданий до февральских событий 1917 г. Это сообщения о положении на фронтах, о победах России и ее союзников, военных подвигах и заслуженных наградах, о снабжении армии, помощи семьям фронтовиков, беженцам, инвалидам войны, русским военнопленным и многие другие. Менялась только так называемая главная тема дня. Если в 1915 г. основное внимание пресса уделяла освещению помощи фронту и пострадавшим от военных действий, то в 1916 г. ведущей темой стали дороговизна и частые перебои в снабжении предметами первой необходимости. Так, в конце 1916 – начале 1917 г. обсуждались достоинства и недостатки распределительной системы снабжения предметами первой необходимости; предложения по уменьшению очередей, получению топлива из местных материалов, реквизиции запасов хлеба у местных производителей; сообщалось об открытии дешевых, бесплатных и вегетарианских столовых и др. В этот период местная пресса, освещая сельскую жизнь, бичевала массовое увлечение крестьян, имевших «лишние» деньги, азартными играми (КЦОВ. 1. II. 1917. № 4). Пресса поддерживала сельские сходы, выносившие приговоры о воспрещении азартных игр. Например, в одном только Мосальском уезде Калужской губернии за декабрь 1915 г. было вынесено 135 приговоров о воспрещении азартных

игр (КК. 17. XII. 1915. № 149). В карты на деньги играли взрослые обоего пола, подростки и даже дети (ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Л. 14). Святейший синод по ходатайству министерства финансов разрешил сельскому духовенству учреждать в приходах сберегательные кассы. Власти полагали, что, заведуя этими кассами, духовенство «использует все возможные средства, приложит все усилия для удержания народа от неразумного мотовства и пагубного пользования деньгами» (КЦОВ. 1. II. 1917. № 4).

Местная пресса ориентировала население на победоносное окончание войны, на оказание помощи действующей армии и всем пострадавшим от военных бедствий, разъясняла неизбежность ухудшения жизни, имеющего временный, обратимый характер. Так, накануне вступления России в третий год войны одна из местных газет писала: «…Можно жалеть, что такую массу жертв повлекла за собой война, но теперь все мы хорошо знаем, что она была неизбежна… Не будем же унывать на пороге в храм победы» (ГК. 3. VIII. 1916. № 3). В другом ее номере отдавалось должное силе духа русского солдата: «Нынешняя война показала все величие и всю мощь духа русского солдата. Сознание долга и глубочайшая преданность в нем настолько велики, что ни сталь, ни бетон, ни смертоносные газы… не в силах остановить его геройского подвига» (ГК. 28. IX. 1916. № 59). В январе 1917 г. газеты печатали речь главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала А.А. Брусилова, произнесенную им на встрече Нового 1917 года. Брусилов, в частности, сказал: «Я лично, как по имеющимся в моем распоряжении сведениям, так и по глубокой моей вере, вполне убежден, как в том, что я жив и стою здесь, перед вами, что в этом году враг будет, наконец, окончательно разбит. Мы его уничтожать совсем не желаем, но мы должны его наказать за то море крови, которым он залил Европу. Мы должны убить в нем его злую силу милитаризма…» (ГК. 8. I. 1917. № 8).

Провинциальная печать уделяла много внимания анализу состояния продовольственного дела с изложением причин продовольственных затруднений и мер правительства по их преодолению. Она, в частности, сообщала: «Так как железные дороги перегружены перевозкою военных грузов, то не может быть и

Новыя вѣсти изъ газетъ.

речи о полном восстановлении нормального передвижения всех прочих грузов… пришлось выделить главные предметы и для своевременной их доставки, организовать так называемую “плановую перевозку”, по которой каждая губерния может использовать периодически известное число вагонов для срочного провоза в них нужнейших товаров по некоторым железным дорогам». При этом проводилась мысль, что во время войны «каждый гражданин несет повинность, один, отдавая на защиту родины свою жизнь и здоровье, другие… должны нести некоторые тяготы в своей повседневной жизни…» (ГК. 10. VIII. 1916. № 10; 11.VIII.1916. № 11; 12. VIII. 1916. № 12).

Пресса оповещала население о датах проведения всероссийских и местных благотворительных акций, пропагандировала их, сообщала об итогах, разъясняла, на что будут потрачены

собранные денежные средства, куда будут направлены продукты и одежда, помещала на своих страницах благодарности получивших материальную и моральную поддержку. Редакции газет, кроме того, выступали в роли посредников, собирая пожертвования для передачи их благотворительным организациям.

Местная пресса поднимала вопрос об отсутствии должного надзора за вражескими военнопленными, чем было недовольно местное население, имевшее представление о содержании своих родственников и земляков – русских военнопленных в лагерях в Германии и Австро-Венгрии (ВТ. 26. V. 1916).

Провинция, безусловно, интересовалась событиями внутриполитической жизни. Благодаря периодической печати она была свидетелем министерской чехарды в столице, борьбы в Государственной думе оппозиционного большинства за правительство народного доверия, которое будет способно, по его мнению, выиграть войну. В политических обзорах конца 1915 г. губернских жандармских управлений стало сообщаться о реакции населения на отставку ряда министров: «Участившаяся за последнее время смена высших представителей правительственной власти несколько нервировала общественное настроение, и местное население в этих фактах усматривало… отсутствие дружественного единения в общем ходе правительственной деятельности» (ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Л. 3). К примеру, газета «Калужский курьер» освещала открытие думской сессии 9 февраля 1916 г., перепечатав сообщения Петроградского телеграфного агентства, приводившего стенографические отчеты выступлений депутатов – представителей Прогрессивного блока. Так, С.И. Шидловский заявил о необходимости создания нового правительства из лиц, «готовых решительно изменить применявшиеся доселе способы управления». В.В. Шульгин критиковал ошибки прежнего правительства Горемыкина за отсутствие у него плана мобилизации промышленности. П.Н. Милюков заявил, что сейчас не может быть и речи о доверии, а только о некотором формальном параллельном действии с правительством, которое «продолжает дезорганизацию духовного настроения народа» (КК. 11. II. 1916. № 32). Созыв Государственной думы газета считала политическим событием

более важным, чем смена очередного министра она писала, что у Прогрессивного думского блока «есть уже готовая программа реформ, проведение которых в жизнь крайне желательно теперь же и вполне возможно», тем более что «прошло то время, когда войны велись и победы одерживались силами одних только правительственных организаций» (КК. 28. I. 1916. № 22).

Слухи о попытках правительства пойти на сепаратный мир с Германией и ее союзниками часто появлялись в прессе с 1915 г. Знаменитая популистская речь П.Н. Милюкова – «Глупость или измена» – на открытии зимней сессии IV Государственной думы 1 ноября 1916 г., отставка премьер-министра Б.В. Штюрмера 10 ноября способствовали тому, что слухи, ходившие по стране, теперь получили в глазах общества подтверждение с высокой трибуны. Речь Милюкова вызвала огромный резонанс в стране и, запрещенная для печати, быстро «разлетелась» повсюду в рукописных копиях в огромном количестве. Кроме того, речь была нелегально размножена в нескольких типографиях [Аврех, 1985, с. 120]. О речи Милюкова в губернских газетах не упоминалось. Однако сообщалось о выступлении другого представителя думской оппозиции – С.И. Шидловского, «критиковавшего действия правительства» (ГК. 3. XI. 1916. № 95).

Последующие заседания Государственной думы освещались местными газетами, приводившими довольно полное изложение депутатских речей, в том числе и П.Н. Милюкова. Так, на заседании 22 ноября 1916 г. он начал свое выступление указанием на оживление страны после думских речей: «…Дума пустила электрическую искру, дала луч света, показала стране, где опасность, и затеплилась надежда. Никогда речи членов думы не читались в захолустных местах с таким интересом, читались они и за рабочими станками, читались и там, где прежде господствовали прокламации… При таком настроении страны все можно бы сделать, если бы за думой стояло правительство, которое нужно. Необходима сильная твердая власть; необходима немедленно коренная реформа системы управления… С таким правительством работать мы не можем, ибо не можем поручиться, что доведем страну до победы… Настоящее правительство не может разре-

шить ни одного вопроса, поставленного великой войной. Единственный исход – добиться правительства, заслуживающего доверия страны» (ГК. 23. XI. 1916. № 115). Думская оппозиция сумела взбудоражить так называемое образованное общество, внушить, что предательская власть вырывает у него из рук победу, которая несомненна, лишь стоит за дело взяться «правительству, пользующемуся доверием народа». Эта пропаганда повлияла на среднее чиновничество и армейскую администрацию. Проникая в неграмотные народные низы и армию, она вызывала подозрение, что «господа» сговорились с немцами [Катков, 1997, с. 234].

В донесениях о настроениях в уездах Центральной России стало сообщаться, что население озабочено отсутствием согласия между правительством и Государственной думой, а затем – что симпатии населения на стороне Государственной думы. «Большие надежды возлагаются на Думу…, ругают правительство, говорят, что дело не обходится без измены. Особенно достается Штюрмеру. Много разговоров о Распутине», – так описывал настроение провинции в 1916 г. современник [Оськин, 1998, с. 256]. Житель г. Жиздры, Калужской губернии, вспоминал, что в конце 1916 – начале 1917 г. в Жиздру доставлялась единственная газета – «Русское слово», в которой подробно описывались заседания Государственной думы, беспрерывные смены министров, убийство какого-то высокопоставленного лица (Распутин), фамилию которого запрещено было упоминать [Борьба…, с. 85]. Уездные исправники сообщали в рапортах: «К правительству население последнее время стало относиться недоверчиво, ожидая открытия Государственной думы, высказывая взгляд, что важные вопросы в такое тяжелое время должны обсуждаться не отдельными лицами, а Государственной думой», «…Большинство интеллигенции уезда симпатизирует Государственной думе в ее отношениях с правительством», «Население в массе всех слоев стоит на стороне Думы, несомненно под влиянием газет…, только незначительная часть из служащих и землевладельцев одобряет те перемены, которые происходят в последнее время в правительстве» [Общество…, с. 19–20, 36].

Таким образом, в период Первой мировой войны население провинции проявляло всеобщий интерес к ходу военных действий и просто к событиям, связанным с войной. «Фабрикой новостей» служили периодические печатные издания, тиражи которых значительно возросли. Вместе с тем пресса оказывала влияние на общественные настроения провинции. Она ориентировала население на победоносное окончание войны, помощь армии и всем пострадавшим от военных бедствий, терпимое отношение к неизбежному ухудшению условий жизни. С другой стороны, пресса освещала и комментировала деятельность Государственной думы, являвшейся очагом легальной оппозиции. Звучавшая с думской трибуны постоянная критика исполнительной власти в условиях непрекращающегося роста дороговизны и дефицита товаров первой необходимости способствовала распространению в обществе недовольства бессилием власти, неверия в возможность совместной плодотворной работы исполнительной и законодательной власти по улучшению социально-экономической ситуации в стране. Эти настроения в значительной степени обусловили всеобщую расположенность к новому правительству, сформированному «народными представителями, пользующимися доверием страны», после февральских событий.

Литература

Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы М., 1985.

Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М.,1980. Т. 1.

Белогурова Т.А. Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Смоленск, 2006.

Борьба продолжается: (Воспоминания К.В. Медведева) // В борьбе за октябрь. Сб. воспоминаний. Калуга, 1957.

Вострышев М.И. Московские обыватели. Создатель книжной империи. М., 2003. (ЖЗЛ).

Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 376. Оп.1. Д. 305.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДП 4 Д-во. 1914. Д .108. Ч. 26.

ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 167. Ч. 54.
Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997.
Общество и революция: Калужская губерния в 1917 году. Сборник документов / Под ред. В.Я. Филимонова. Калуга, 1999.
Оськин Д.П. Записки прапорщика. М., 1998.
Съезды и конференции к.-д. партии. М., 2000. Т.3. Кн.1.
Шмелев И.С. Собр. соч.: В 5 т. Т.1. М., 1998.

К.В. Козлов

Начало Первой мировой войны в освещении провинциальной церковной публицистики

На материале «Епархиальных ведомостей»

Вступление Российской империи в Первую мировую войну поставило в число первоочередных национальных задач необходимость адекватного информационного освещения происходивших событий и, как следствие, формирования патриотического сознания. В России в начале XX в. эту задачу решала периодическая печать, представленная большим количеством центральных и региональных изданий.

Еще одним традиционным информационным каналом, связующим власть и общество в дореволюционной России, продолжала оставаться Русская православная церковь, в первую очередь в лице приходского духовенства. Задачи мобилизации общества во время национальных бедствий решались этим духовенством с помощью проповеди. В условиях военного времени значение проповеди актуализировалось благодаря такой особенности этого жанра церковной публицистики, как способность охвата в качестве слушателей практически всего православного населения страны.

К началу XX в. в гомилетике сложился особый вид проповеди, «отвечающей на вопросы современности, и исходною точкою для себя поставляющей воззрения современного человека», – публицистическая проповедь [Певницкий В.Ф., 1906, с. 103]. Используя уникальные возможности данного вида проповеди, православное духовенство и осуществляло информирование прихожан, которое способствовало образованию у последних адекватного, т. е. отвечающего правительственной политике, понимания происходящих эпохальных внешнеполитических событий в связи с вступлением России в Первую мировую войну.

Проповеди являлись формой публичного устного обращения священника к мирянам и произносились, как правило, в храме либо в том месте, где провожали уходящих на войну мобилизованных. Однако с начала войны сложилась практика публикации текстов проповедей в «Епархиальных ведомостях». Причем в каждом случае указывалась дата и место публичного произнесения публикуемой проповеди. Как правило, их размещали во второй – неофициальной – части издания.

Распоряжением Синода от 20 июля 1914 г. православному духовенству было предписано «в своих поучениях располагать свою паству к содействию всеми мерами и способами успеху войны и облегчению участи, так или иначе от нея потерявших», а также «призвать всех православных людей… оставить взаимные несогласия, ссоры, распри и обиды, крепкою стеною сплотиться у царского престола». Далее было сделано указание на содержание пастырской проповеди, в которой необходимо было обратить внимание мирян на следующие моменты: во-первых, добросовестно выполнять возложенные на них в связи с начавшейся войной новые обязанности («по царскому зову охотно и бодро идти на защиту Отечества всеми способами и мерами, какими кому предназначено и указано»); во-вторых, актуализировать героическую традицию отечественной военной истории («не щадя, по примеру славных своих предков, своих сил»), в том числе указав на потенциальную роль исторической памяти как средства для передачи потомству дурной славы по поводу нечестивых деяний «ленивых, своекорыстных и предателей»; в-третьих, утвердить прихожан в убеждении, что тем из них, «кои принесут свое достояние и свою жизнь на алтарь Отечества, уготована вечная слава в роды родов» [Распоряжение Святейшего Синода «О Высочайшем манифесте о войне с Германией» от 20 июля 1914 г., 1914, с. 519–520].

Ориентируясь на общие установки, заданные священноначалием, приходское духовенство варьировало содержание отдельных проповедей в зависимости от целевой аудитории, будь то гражданские лица, остававшиеся в тылу, либо военнослужащие, отправлявшиеся на театр военных действий. Здесь мы предпримем попытку тематического рассмотрения публицистической проповеди, обращенной к последней категории слушателей в течение июля–ноября 1914 г. Выбор этого периода связан с тем, что именно тогда происходило определение содержания внебогослужебной деятельности Русской православной церкви в условиях начавшейся войны. Составной частью ее являлось создание церковными деятелями соответствующих публицистических произведений, и прежде всего проповедей.

Центральным эпизодом практически каждой проповеди было объяснение причин Первой мировой войны, а также необходимости вступления в нее Российской империи. Как было заявлено с катехизической простотой в одной из проповедей диакона В. Саввинского, опубликованной в «Астраханских епархиальных ведомостях»: «Для чего и зачем?» И далее был дан ответ: «Для того, чтобы защитить своих братьев по вере и крови – славян сербов от коварного их врага – Австрии, который, попирая божеские и человеческие права и законы, хочет поработить их своей власти, а может быть и уничтожить их совсем, стереть их» [Саввинский В., 1914, с. 516].

С точки зрения проповедников, Российская империя ведет оборонительную войну, поскольку ее исторической миссией является защита «своих собратий от дикого произвола врагов во имя правды Божией, во имя христианской веры, во имя человечности и братской любви» [Феодосий, 1914, с. 340]. Уникальность ситуации, в которой оказалась Россия, заключается в том, что она в свое время помогала обоим участникам конфликта: с одной стороны, Сербии, находившейся под «тяжким игом варварского фанатизма мусульманской Турции», с другой – Австрии и Германии, предоставив им возможность «объединить свои народы под скипетром монархов». То есть Россия, по мысли проповедников, была вправе ожидать благодарности от немецкого и австрийского государей. Однако, вопреки этому и несмотря на миролюбивую дипломатию Николая II, враги «дерзко обнажили свой меч против нас» [Феодосий, 1914, с. 340–341].

В духовном плане источником войны в проповедях называется «сатанинская гордыня врага», страшные проявления которой

подлежат не только пресечению военными средствами, но и напрямую подпадают по юрисдикцию Божьего суда: «На начинающего Бог!» [Феодосий, 1914, с. 341].

Используя различные эпитеты, проповедники раскрывали сакральный смысл вооруженной защиты Отечества. Воинская служба в условиях войны рассматривается как «великая святая миссия», а воины являются «как бы видимыми ангелами-хранителями своего обожаемого Великого Царя, Святой Православной Церкви, своего доблестного Отечества», поскольку выступают на защиту не только своих родных и близких, но даже незнакомых людей – «всей земли Русской» [Феодосий, 1914, с. 341]. Вместе с солдатами на войну – «этот суд народов» – идут «Господь – Спаситель мира», Пресвятая Богородица – «Владычница мира», и вместе с ней ангелы и все святые. Это должно было утвердить солдат в мысли, что «увидят то враги ужаснутся, увидят, что “с нами Бог!”» [Диаталович Н., 1914, с. 254].

В проповедях военного времени большое внимание уделялось толкованию понятия «христолюбивое (любимое Христом. – *К.К.*) воинство», в ряды которого вступали мобилизованные. Так, например, священник А. Гордеев в поучении, опубликованном в тех же «Астраханских епархиальных ведомостях», так объяснял особое отношение Спасителя к воинству: «Воинское звание приятно и угодно Богу. Есть воинство не только на земле, но и на небе, к каковому воинству принадлежат ангелы Божии во главе с Архистратигом Михаилом, всегда изображаемым св. Церковью на иконах с огненным мечом» [Гордеев А., 1914, с. 673–674].

В качестве примера христолюбивых воинов приводились христианские святые, как-то: священномученик Корнилий Сотник, святой мученик Иоанн Воин, святой великомученик Дмитрий Солунский, святой великомученик Георгий Победоносец, святой равноапостольный Константин Великий, святые благоверные князья Андрей Боголюбский и Александр Невский, земная деятельность которых была связана с военной службой. Эти святые, равно как и многие другие, «предстоя перед престолом Божиим, молятся об избавлении нас грешных от врагов внутренних и внешних» [Гордеев А., 1914, с. 673–674].

Возможным исходом участия военнослужащих в боевых действиях была гибель, или, языком проповеди, «мученическая кончина». Ключевым пунктом рассуждений на этот счет был евангельский завет «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 13,15), согласно которому высшим проявлением христианской любви следует считать самопожертвование [Толковая Библия…, 2008, с. 1167]. Исходя из этого, воин, погибший на поле брани, «принесет великую святую и драгоценную жертву в очах Божиих» и «такому герою-страстотерпцу, по верованию нашей православной Церкви, уготован на небеси нетленный венец мученический, подобно прочим мученикам и исповедникам за веру Христову» [Саввинский В., 1914, с. 517]. Важным моментом здесь является конкретизация святости воинского подвига указанием на чин, в котором осуществляется канонизация, – страстотерпец – праведник, погибший от рук убийцы, причем, возможно, не только иноверца, но и своих же единоверцев и даже близких людей. Исповеднический подвиг предполагает несение страданий за проповедь христианства, а мученичество – дар христианской кончины. Особый характер подвига страстотерпцев заключается в незлобии и непротивлении врагам. На первый взгляд подобная трактовка христианской кончины воина может показаться странной в связи с упомянутой выше основной функцией публицистической проповеди. Однако, на наш взгляд, это связано с двумя обстоятельствами: во-первых, в сознании православного русского человека XIX–XX вв., включенного в систему религиозного образования, чины святых были очевидными катехизическими началами; во-вторых, это напрямую указывало на духовное состояние жертвенности мобилизованных.

Непременной частью проповеди также являлось установление преемственности между уходящими на фронт призывниками и героями отечественной военной истории: «Поможет Господь одолеть врага, как неоднократно помогал нашим предкам» [Гордеев А., 1914, с. 674]. Слушателям предлагалось вспомнить святых Андрея Боголюбского, Александра Невского, Дмитрия Донского. Из российских царей вспоминали Александра I и Александра II, в связи с Отечественной войной 1812 г. и войной за освобожде-

ние балканских народов от турецкого ига 1877–1878 гг., соответственно.

Наряду с общепринятыми героями российского военного пантеона А.В. Суворовым и М.И. Кутузовым, в отдельных случаях встречались новые фамилии, связанные с историей отдельной войсковой части или целого сословия. Так, например, в прощальном слове солдатам 1 Сибирского полка, принимавшего участие в Русско-японской войне, автор «Владивостокских епархиальных ведомостей» священник Н. Диаталович сказал: «...пусть никто не скажет про вас, что вы не потомки бесстрашных скифов, отважных славян, грозных россиян, победителей Наполеона: пусть никто не усомнится, что Кутузов, Скобелев, Кондратенко, Макаров – наши предки» [Диаталович Н., 1914, с. 253–254]. Не случайным представляется упоминание здесь героев этой войны: генерал-лейтенанта Р.И. Кондратенко и вице-адмирала С.О. Макарова, светлый образ которых должен был вдохновить бойцов-дальневосточников на подвиги.

Применительно к донскому казачеству подобными героями являлись полководец Отечественной войны 1812 г. атаман М.И. Платов и участник Кавказских войн первой половины XIX в. генерал Я.П. Бакланов. В этой связи мы хотели бы привести характерное высказывание священника С. Широкова, проповеди которого публиковались в «Донских епархиальных ведомостях»: «Под сенью двуглавого орла, эмблемы царственного могущества, зоркости и быстроты, искони покоится трон наших Государей. Над этим орлом, как бы одухотворяя его и оберегая Царский престол и восседающих на нем, витает дух всех доблестных русских героев, покрывших себя бессмертной воинской славой. Тут и дух генералиссимуса Суворова и графа Кутузова; тут дух графа Платова и генерала Бакланова, наших главных сынов Дона <...> Вы – плоть от плоти ваших предков, летавших в боях с незабвенными Платовым, Баклановым… Вы – орлята тех славных орлов…» [Широков С., 1914, с. 1149].

Особое внимание в проповедях обращалось на молитвенный опыт военнослужащих как условие спасения в духовном и физическом плане: «Защищая Отечество, воины должны полагаться не

на одну свою физическую силу, но главное – на духовное оружие: веру, надежду, любовь и молитву» [Гордеев А., 1914, с. 673–674]. В качестве наиболее яркого примера приводилась биография генерал-адъютанта Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена, участника многих военных кампаний первой половины – середины XIX в., который отличался глубокой религиозностью и выдающейся храбростью. В моменты смертельной опасности генерал читал псалом Давида «Живый в помощи высших…» и ни в одном из почти ста сражений не был ранен или контужен [Троицкий С., 1914, с. 1060].

Кроме того, зачастую давались практические рекомендации по структуре воинской молитвы. Задаваясь вопросом: «О чем следует молиться воину?», проповедники тут же отвечали на него: «О том, чтобы Господь помог ему честно и грозно совершить предстоящее дело, исполнил сердце его мужеством, даровал силы душевные, подкрепил силы телесные, не допустил до малодушия, сохранил жизнь и здравие среди сени смертной» [Троицкий С., 1914, с. 1058–1059]. Акцентировали внимание и на том, к кому следует обращать молитвы: «Возложите все свое упование и надежду на милость и помощь Божию, Царицы Небесной – Матери Божией и св. угодников, покровителей ваших святых храмов, при которых вы живете» [Саввинский В., 1914, с. 517]. Иногда в проповедях содержался текст специальной молитвы для воина. Так, например, в прощальное слово священника Н. Диаталовича, опубликованное во «Владивостокских епархиальных ведомостях», был включен текст такой молитвы: «Отче наш! Да будет воля твоя! Если судил Ты нам помереть, то умрем, ибо куда сокроемся мы от десницы твоей? В руце Твои продаем дух наш… От тебя сей дух получили и Тебе возвращаем; если Ты судил нам с поля брани живыми возвратиться, то возвратимся, ибо кто может волю Твою…» [Диаталович Н., 1914, с. 254].

В общем массиве опубликованных на страницах «Епархиальных ведомостей» проповедей обращают на себя внимание уникальные образцы текстов, ориентированных на отдельные сословные группы, а именно крестьянство и казачество.

Обращение в проповедях к крестьянам было связано с тем, что мобилизация на войну началась в разгар летних полевых работ.

Это обстоятельство было особенно тягостным для призывников из крестьян, так как, не завершив летнего цикла полевых работ, они фактически обрекали свои семьи на голод в следующем году. Эта трагическая ситуация обратила на себя самое пристальное внимание со стороны приходских священников: «Весть о мобилизации явилась для всех полной неожиданностью. Все были заняты уборкой урожая хлебов, ни о какой военной тревоге не помышляя…» [Полторакин И., 1914, с. 1102]. В данном контексте тема незавершенных сельскохозяйственных работ рассматривалась как еще одна составляющая жертвенного подвига мобилизованных: «Забыв на это время нас, старых отца и мать, жен молодых, малых детей и неубранные поля, вы и тут являетесь достойными учениками Христа, Который порицает того, “кто любит больше Его отца, или матерь, или жену, или детей, или поля”» [Широков С., 1914, с. 1150–1151]

В проповеди, предназначенной для донских казаков, было акцентировано внимание слушателей как на цель их воинской службы, так и на характер службы. Так, священник И. Полторакин, обращаясь к призываемым на действительную службу казакам с проповедью, опубликованной затем в «Донских епархиальных ведомостях», сказал: «Быть может, укажут вам идти на защиту единоверных и единоплеменных братьев наших сербов от грубого и дерзкого произвола и насилия Австро-Венгрии, а может быть придется нести внутреннюю службу. Но где бы ни пришлось вам служить, с полным смирением и покорностью примите этот призыв помазанника Божия…» [Полторакин И., 1914, с. 1102–1103]. На наш взгляд, это было связано с практикой привлечения казачьих подразделений к выполнению полицейских функций во время первой русской революции 1905–1907 гг., что вызывало негодование донского казачества. Пастырское назидание касалось подобной возможности во время начавшейся войны, когда казачьи части, находившиеся в тылу (и несущие, соответственно, внутреннюю службу, в отличие от участвовавших в боевых действиях или несущих полевую службу), могли быть использованы для поддержания порядка в стране.

В целом, рассматривая проповеди, опубликованные в провинциальных «Епархиальных ведомостях» в первые месяцы войны, можно заключить, что приходское духовенство, руководствуясь установками Синода, создало замечательные памятники гомилетики. В них была ярко выражена точка зрения Святейшего Синода на события, связанные с началом Первой мировой войны и вступлением в нее Российской империи. Публикация текстов проповедей в «Епархиальных ведомостях» делала их образцовыми для других священников, которым еще предстояло говорить прощальные слова своим прихожанам. Кроме того, хотелось бы отметить, что факт постоянной публикации текстов этих проповедей, которые были изначально предназначены для малообразованных слоев населения, свидетельствует о том, что они были также востребованы широкими кругами провинциальной воцерковленной интеллигенции. Это обстоятельство, в свою очередь, позволяет говорить о высокой культурной и интеллектуальной ценности данных произведений церковной публицистики.

Литература

Гордеев А., свящ. Поучение, сказанное запасным нижним чинам в с. Тамбовке при отправлении их на действительную военную службу // Астраханские епархиальные ведомости. 1914. № 27. С. 672–675.

Диаталович Н., свящ. Прощальное слово 1 Сибирскому полку перед выступлением на войну // Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. № 18. С. 253–254.

Певницкий В.Ф. Церковное красноречие и его основные законы. Киев: Тип. И.И. Горбунова, 1906. 296 с.

Полторакин И., свящ. Проводы из станицы Калитвенской казаков 2 и 3 очереди, призываемых на действительную службу по случаю войны Сербов с Австро-Венгрией // Донские епархиальные ведомости. 1914. № 23. С. 1102–1105.

Распоряжение Святейшего Синода «О Высочайшем манифесте о войне с Германией» от 20 июля 1914 г. // Донские епархиальные ведомости. 1914. № 23. С. 517–520.

Саввинский В., диакон. Речь по совершении молебствия, перед возглашением многолетия, по случаю объявленной мобилизации, к запасным

нижним чинам в г. Енотаевске, на дворе казарм, 20 июля сего 1914 г. // Астраханские епархиальные ведомости. 1914. № 21. С. 516–520.

Толковая Библия, или комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / Под. ред. А.П. Лопухина. М.: ДАРЪ, 2008. Т. 1. 1232 с.

Троицкий С., прот. Как православный русский воин должен готовиться к бою // Донские епархиальные ведомости. 1914. № 22. С. 1058–1060;

Феодосий, иером. Речь, сказанная пред напутственным молебствием в уроч. Славянке при отправлении на театр военных действий 3 и 4 батальонов 8 Сибирского стрелкового полка и 7, 8 батарей 2 Сибирской артиллерийской бригады 24 августа 1914 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. 1914. № 21. С. 340–342.

Широков С., свящ. Пастырское слово христолюбивому казачьему воинству // Донские епархиальные ведомости. 1914. № 24. С. 1149–1151.

А.В. Ключарева

Участие Тульской епархии в событиях Первой мировой войны

Анализ «Тульских епархиальных ведомостей» как исторического источника

Одним из самых трагических событий в истории России является Первая мировая война 1914–1918 гг. Война стала испытанием, в котором проверялась не только сила духа и патриотизм русского народа, не только уровень военной организации в стране, но и умение высших руководителей страны организовать защиту государства, а также ее внутреннюю жизнь. Военные события оказали влияние на деятельность всех государственных институтов, общественных организаций, в том числе и на деятельность Русской православной церкви.

В комплексе источников о событиях Первой мировой войны важнейшую группу составляют материалы периодической печати, церковная и светская публицистика. Они свидетельствуют о всеобщем патриотическом подъеме общества в начале войны, содержат конкретные примеры героических подвигов русских воинов, а также священнослужителей на полях боев. Такие материалы содержатся в следующих периодических изданиях: журналах «Богословский вестник», «Православное обозрение», «Церковный вестник», «Церковные ведомости», «Христианское чтение», «Православно-русское слово», «Русский вестник», «Русский труд»; газетах «Колокол», «Московские ведомости», «Новое время», «Русское слово», «Слово», а также в местных периодических изданиях – «Епархиальных ведомостях».

Важнейшим источником для реконструкции приходской жизни в Тульской епархии являются «Тульские епархиальные ведомости», на страницах которых публиковались официальные материалы, т. е. высочайшие указы, определения и постановления Святейшего Синода, распоряжения епархиального архиерея,

постановления Тульской духовной консистории. В неофициальной части редакция «Ведомостей» не заключала себя в слишком строгие рамки и занималась разработкой вопросов духовно-пастырской, церковно-народной, исторической и современно-бытовой жизни епархии, что определяет очень высокую значимость «Тульских епархиальных ведомостей» как исторического источника. Важно обратить внимание на отдел, который почти не встречался в «Ведомостях» других епархий, – это отдел, называвшийся беллетристическим, состоявший преимущественно из рассказов о быте духовенства и простого народа.

В военное время «Тульские епархиальные ведомости» становятся одним из важнейших печатных органов не только епархии, но и губернии. На страницах журнала публиковались официальные материалы органов церковного управления разного уровня – центрального и епархиального, анализ которых позволяет проследить особенности взаимодействия государственных и церковных структур в условиях войны, выяснить, как реагировали в губерниях, удаленных от театра военных действий, на известия о ходе военных действий.

В целом материалы, публиковавшиеся на страницах ТЕВ, условно можно разделить на несколько групп.

Во-первых, это официальные материалы – законодательные акты, высочайшие указы и манифесты, имевшие отношение к церковной жизни; определения и указы Синода, публиковавшиеся в официальных периодических изданиях – «Церковных ведомостях», «Церковном вестнике», а также дублировавшиеся в местных епархиальных ведомостях.

Вторую группу составляют материалы так называемой епархиальной хроники, в этот раздел следует отнести распоряжения епархиального начальства, а также непосредственно характеристику жизнедеятельности епархии в военное время.

В третью группу входят отчеты о деятельности различных организаций, созданных в епархии с началом военных действий. Это прежде всего журналы Тульского епархиального комитета по сбору пожертвований на нужды войны, дававшего подробный отчет о своей деятельности на страницах каждого номера.

Особую группу составляют публицистические материалы, входившие в неофициальную часть издания и представляющие большой интерес не только с исторической, но и с литературной точки зрения.

Уже 20 июля 1914 г. вышел Высочайший манифест о войне с Германией, опубликованный в официальных периодических изданиях страны [ЦВ. 1914. № 30. С. 348]. В тот же день Святейший Синод вынес определение № 6503 об организации во всех православных приходах помощи семьям лиц, находящихся в войсках. Согласно данному определению в каждом приходе немедленно образовывались особые попечительские советы, заботившиеся о семьях лиц, находящихся в войсках [ЦВ. 1914. № 30. С. 349]. Именно этот документ стал основополагающим руководством к действию для церковнослужителей на всех уровнях – от сельского прихода до столичного кафедрального собора.

Редакция ТЕВ отреагировала на начало военных действий пространной статьей, опубликованной в неофициальной части журнала 8 августа 1914 г., под названием «Родина зовет!» [ТЕВ. 8 авг. 1914. № 30. С. 127–130]. Статья была пронизана глубоко патриотическим духом и пафосом. Интересно, что осуждение войны как таковой сменилось утверждением ее справедливого характера, глубокого смысла и значения в конкретных обстоятельствах. «Страшен, безнравственен облик войны, но чиста и возвышенна остается среди разыгравшейся кровавой вакханалии душа русского Царя и его народа, выступивших на грозную борьбу не изза корыстных расчетов, а на защиту слабых, угнетенных наших братств…» [ТЕВ. 8 авг. 1914. № 30. С. 127].

«Настоящая великая война…обязывает и всех, остающихся в местах своего жительства, нести все свои силы и средства на алтарь Отечества!» – с такими словами обратился император Николай II к гражданам уже в первые часы войны (Гос. архив Тульской области. Ф. 3. Оп.8. Д. 2273. Л. 1). Затем в центральной печати данное выражение начинает употребляться довольно часто, в местной статье новая война тоже названа «великой»: «Начинается первый акт великой беспримерной борьбы могущественнейших народов мира, пред грандиозным масштабом которой меркнет даже вели-

чие нашей первой отечественной войны» [ТЕВ. 8 авг. 1914. № 30. С. 128].

Данная публикация являлась одновременно обращением за помощью к различным слоям населения: «…отзовитесь же вы, сильные духом… Отзовитесь и вы, сильные материальными средствами… И ты, освященная рать Христова, православное русское духовенство, приди на помощь многострадальной родине» [ТЕВ. 8 авг. 1914. № 30. С. 129–130].

Таким образом, уже в первом номере ТЕВ, вышедшем после начала войны России и Германии, были сформулированы основные направления в деятельности церкви в новых условиях: благотворительность; особое молитвенное служение духовенства, включавшее совершение особых молебнов, панихид; а также активная работа с паствой с целью поднятия патриотического духа и активизации помощи пострадавшим.

Следующий номер неофициальной части ТЕВ содержал уже конкретные примеры проявления патриотических чувств народа. «Пример, достойный подражания» – так называлась статья, где описывались мероприятия, целью которых было поднять патриотическое настроение среди населения: «Свое чувство любви к Родине проявляется и в захолустьях с не меньшей силой, чем в главных центрах культурно-общественной жизни в столичных и губернских городах» [ТЕВ. 15–22 авг. 1914. № 31–32]. Выражалось данное чувство прежде всего в проведении молебнов и чтении манифестов.

В дальнейшем подобные патриотические воззвания содержались почти в каждом номере: «В виду военной бури», «За трезвость», «Поучение по случаю настоящей войны», «Скорбящим по русским воинам» и т. д. [ТЕВ. № 33–34, 35, 37]

Уже в конце 1914 – начале 1915 г. по распоряжению Его Императорского Величества вышел указ Синода о призрении выздоравливающих и увечных воинов и детей лиц, павших в бою: «Многие из раненых и больных воинов, по выходу из госпиталей, нуждаются в спокойном отдыхе для восстановления здоровья и сил. Получившим увечья необходимо призрение до времени, когда будут изысканы для них новые способы дальнейшего обеспечения

в жизни. Дети павших в бою требуют приюта. Святейший Синод обращается ко всем православным людям Российской Империи, православным обителям и всем церковным установлениям с новым призывом – откликнуться своим содействием и к удовлетворению указанных новых потребностей, вызванных настоящим временем войны» (Гос. архив Тульской области. Ф. 3. Оп. 8. Д. 2273. Л. 1). Примечательно, что данный указ является, по сути, обращением ко всем гражданам, неравнодушным к происходящим событиям.

Данный документ довольно точно определил проблемы, с которыми пришлось столкнуться государству уже через несколько месяцев после начала военных действий. Это нехватка госпиталей и лазаретов для раненых, вопрос о содержании увечных воинов, которые получили травмы, не позволяющие вернуться в воинский строй, об их дальнейшем содержании должны были позаботиться государство и церковь. Еще один важный вопрос – это содержание детей воинов, погибших в бою.

Статистические документы позволяют выяснить, как обозначенные проблемы решались в целом на государственном уровне, а как на местах. Ежемесячные отчеты поступали из каждого прихода епархии к благочинному округа, благочинный формировал отчет епархиальному начальству, затем годовой или квартальный отчет о состоянии епархии за год подавал преосвященный архиерей в Святейший Синод. Для нас большую ценность имеют отчеты о деятельности различных организаций Тульской епархии, которые публиковались в центральных церковных журналах и в «Тульских епархиальных ведомостях». Например, в Прибавлениях к Церковным Ведомостям № 12–13 за 1915 год опубликован отчет о деятельности в деле оказания помощи больным и раненым на войне воинам Тульской епархии (Прибавления к Церковным ведомостям. 1915. № 12–13. С. 422–423).

Подробнейшие отчеты о своей деятельности в ТЕВ публиковал Тульский епархиальный комитет по сбору пожертвований. Например, уже в журнале Комитета от 18 августа 1914 г. содержится информация о деятельности монастырей – сообщение Новосильского Святодухова монастыря о согласии предоставить помещение для устройства лазарета на 5 кроватей, сообщение на-

стоятельницы Успенского Иверского женского монастыря о согласии дать помещение для 6 раненых воинов и о командировании в общину Красного Креста г. Венева 8 сестер [ТЕВ. 1 окт. 1914. № 37. С. 419]. В таких журналах сообщались сведения о пожертвованиях в пользу раненых воинов, их семей.

Большой интерес представляют отчеты церковно-приходских попечительств о своей деятельности в военное время. Например, церковно-приходское попечительство Александро-Невского храма г. Тулы проводило разнообразную работу: совершало воскресные молебны о даровании победы русскому воинству, оборудовало и содержало на свои средства 2 кровати в городском лазарете, отправило книги для чтения раненым и больным воинам, раздавало пособия семьям воинов [ТЕВ. 22 сент. 1914. № 36. С. 404–406].

Актуальной проблемой церковной жизни начала XX в. была активизация приходской жизни и предоставление самостоятельности приходам. В связи с этим интерес представляет статья, опубликованная в № 35 ТЕВ от 15 сентября 1914 г., «Первое испытание приходской самостоятельности», написанная в качестве разъяснения на предложение Святейшего Синода образовать в каждом приходе попечительские советы для заботы о семьях лиц, находящихся на войне. «Никому так не близка и не видна нужда осиротевших временно или навсегда семей защитников Отечества, как своей же приходской среде, местному пастырю, причту и соприхожанам. Пусть наши приходские церкви и сами приходы не богаты, но первую помощь они всегда смогут подать» [ТЕВ. 15 сент. 1914. № 35. С. 500]. В связи с этим Синод предложил учредить собрание прихожан, которое должно было избрать попечительский совет, в который кроме священника с причтом должны были войти церковный староста и выборные из прихожан. Данный Совет должен был составлять список семей, выяснить их имущественное положение и оказать необходимую помощь. Создание таких Советов рассматривалось государственным и церковным руководством как важный шаг на пути к реформе прихода. «В виду чрезвычайного момента высшие церковные власти пошли навстречу приходской самодеятельности с широким доверием. Отбрасывая связывающие путы бюрократической регламентации, церковная власть позволяет на деле осуществить то, чего так страстно на словах добивались сторонники приходской реформы» [ТЕВ. 15 сент. 1914. № 35. С. 501]. Такие приходские Советы начали создаваться во многих приходах и смогли оказать помощь разного рода многим нуждающимся семьям.

Большой интерес представляет епархиальная хроника, подробно отчитывавшаяся о деятельности епархиального архиерея. Еженедельно архиерей совершал молебны в разных храмах епархии и монастырях о даровании победы русскому и союзному оружию, а также выезжал в военные лагеря. Так, 9 августа 1914 г. архиепископ Парфений служил молебен для 228 Задонского полка, отправлявшегося на театр военных действий, в сентябре освятил лазарет Городского управления на 85 раненых, через месяц освятил лазарет при Покровском храме г. Тулы и т. д. [ТЕВ. № 31–32. 15–22 авг. 1914. № 31–32; 1 окт. 1914. № 37; 8 окт. 1914. № 38].

Таким образом, «Тульские епархиальные ведомости» отображали в полной мере разнообразную жизнь Тульской епархии в военное время с ее проблемами и особенностями. Этот журнал являлся выразителем деятельности тульского духовенства, направления которой в военное время были разнообразны. Священнослужители должны были организовать работу на местах (сбор пожертвований, устройство госпиталей для раненых, забота о семьях погибших и раненых воинов, в том числе создание приютов для их детей). Оставшиеся на приходах пастыри обязаны были оказывать постоянную духовно-нравственную поддержку семьям лиц, призванных в войска. Они же руководили приходской благотворительностью на пользу и нужды раненых и больных воинов и их семей.

Епархиальное духовенство выделяло из своей среды многих священнослужителей, добровольно отправившихся в действующую армию для исполнения пастырских обязанностей в войсковых частях и госпиталях.

Таким образом, анализ «Тульских епархиальных ведомостей» 1914–1917 гг. позволяет получить достаточно репрезентативную историческую информацию о положении Тульской епархии в годы Первой мировой войны, степени ее участия в общероссийском патриотическом движении и роли в поддержке нуждающихся в военное время в заботе групп населения.

Изучение регионального аспекта имеет особую важность, поскольку незначительная удаленность от Москвы, возможность быстрого проникновения столичных идей и настроений в среду «ближней провинции» также способствуют многофакторному научному анализу проблем Первой мировой войны.

Источники

Государственный архив Тульской области. Ф. 3. Оп. 8. Д. 2273.
Прибавления к «Церковным ведомостям». 1915. № 12–13.
Тульские епархиальные ведомости (ТЕВ). 1914. 8 авг. № 30.
ТЕВ. 1914. 15–22 авг. № 31–32.
ТЕВ. 1914. 1–8 сент. № 33–34.
ТЕВ. 1914. 15 сент. № 35.
ТЕВ. 1914. 22 сент. № 36.
ТЕВ. 1914. 1 окт. № 37.
ТЕВ. 1914. 8 окт. № 38.
ТЕВ. 1915–1917.
ЦВ. 1914. № 30. С. 348

С.В. Букалова

Военная пропаганда Русской православной церкви

По материалам «Орловских епархиальных ведомостей» в годы Первой мировой войны

Церковная периодика является оригинальным источником по истории Первой мировой войны. Она освещает прежде всего такие малоизученные и малосвязанные между собой темы, как идеология участия России в войне и роль православной церкви в военных усилиях страны. Церковная проповедь была одним из наиболее доступных и массовых видов официальной военной пропаганды. Реконструировать ее содержание возможно на основе такого источника, как «Епархиальные ведомости». В Орловской областной публичной библиотеке им. И.А. Бунина хранится полный комплект номеров «Орловских епархиальных ведомостей» за весь дореволюционный период войны. Знакомство с ним позволяет составить разностороннее представление о взглядах духовенства на происходящие события.

Еженедельный журнал «Орловские епархиальные ведомости» издавался при Орловской духовной семинарии с 1865 года и был обязательным к выписке всеми приходами Орловской и Ливенской епархии. Церковная газета «Колокол» в статье «Эхо епархиальной жизни» (№ 2628 от 8 февраля 1915 г.), критикуя отсталость епархиальных изданий, в числе нескольких образцовых «Епархиальных ведомостей» называет и орловские, отмечая актуальность и практическую пользу их материалов: они «будят мысль епархиального духовенства, указывают ему меры к поднятию приходской жизни, миссионерской деятельности, зовут к трезвой жизни словом и делом».

«Орловские епархиальные ведомости» посвящали свои страницы не только частным религиозным вопросам, широко освещались темы просвещения, улучшения нравственных основ народ-

ной жизни, социального положения населения. Журнал регулярно предоставлял возможность выступить с заметками о различных проблемах деревенской жизни. До наших дней сохранил значение краеведческий материал, публиковавшийся в «Епархиальных ведомостях» членами Орловского церковного историко-архивного общества.

Редактором «Орловских епархиальных ведомостей» на протяжении многих лет был ректор Орловской духовной семинарии, митрофорный протоиерей Владимир Антонович Сахаров (в марте 1916 г. исполнялось 25 лет его служения в должности ректора), выборщик в Государственную думу от города Орла. Он же был и автором многочисленных публикаций. Другими постоянными авторами были преподаватель семинарии В. Азбукин и законоучитель 1-й Орловской мужской гимназии А. Бархатов. Основное публицистическое содержание «Орловских епархиальных ведомостей» составляют сочинения местных авторов. В единичных случаях «Епархиальные ведомости» помещали перепечатку материалов из других источников, показавшихся особенно полезными или интересными их редактору, например статью П. Струве из «Русской мысли». Уникальным курьезом выглядят размещенные в «Епархиальных ведомостях» предсказания французской прорицательницы госпожи Тэб, взятые из «Нового времени» [ОЕВ, 1914, с. 903].

Журнал состоял из двух отделов: официального и неофициального. Официальная часть содержала распоряжения Синода и епархиального начальства, календарь служб и расписание богослужений с участием епископа, объявления о вакантных местах и перемещениях церковнослужителей, проводимых благотворительных мероприятиях всероссийского масштаба.

Неофициальный отдел был призван обслуживать местные интересы, его содержание было довольно разнообразным. Предполагалось, что сельское духовенство, по ограниченности средств не выписывающее центральную прессу, сможет использовать материалы, размещенные в «Епархиальных ведомостях», в качестве основы для своих собственных проповедей [Кондратенко, 2008, с. 86]. Проповеди, произнесенные в церкви и затем опубликованные, отмечались особо. Сквозная нумерация страниц выпусков «Орловских епархиальных ведомостей» за год, независимо в официальном и неофициальном отделах, указывает на то, что они должны были объединяться подписчиками в подшивки.

Публицистические материалы могли быть посвящены церковным праздникам или историческим событиям (Крещению Руси, Полтавской битве, событиям Смутного времени), «царским дням». Множество живых подробностей содержала хроника Высочайших посещений губернии. Например, при визите в.кн. Елизаветы Федоровны в приют для девочек-сирот из семей беженцев в Знаменском женском монастыре г. Ельца, пятилетняя малютка преподнесла гостье букетик незабудок, а Николай II, общаясь с народом на станции Брянск, подарил мальчику серебряные часы.

Со второго полугодия 1916 г. «Орловские епархиальные ведомости» выходят раз в две недели из-за вздорожания бумаги и увеличения платы за набор, а с марта 1917 г. – строенными номерами.

* * *

Накануне войны православная церковь России переживала состояние кризиса. Ее авторитет в обществе падал с каждым годом. Интеллигенция была «заражена» атеизмом, простой народ – хулиганством. Однако затем «грянул гром войны, и мы перекрестились», – вспоминал первые дни и месяцы мировой войны В.А. Сахаров [Сахаров, 1916, с. 11]. Массовая мобилизация, тревога за судьбу близких вызвали значительный рост посещаемости церквей. Православные иерархи восприняли это обстоятельство как начало возвращения общества к духовным ценностям. Говоря о необходимости живой проповеди для закрепления религиозного чувства, они указывали, что проповедь должна быть связана с повседневными человеческими переживаниями, должна разъяснять основы веры – содержательная военная пропаганда и агитация не упоминалась прямо в ряду ее задач, к которым относились укрепление духа, утешение и стимулирование благотворительности [Пастырская роль…, 1915, с. 715]. Тем не менее активизировавшееся с началом войны религиозное чувство народной массы возлагало на священнослужителей особую ответственность: «...мысль

народная, встревоженная военной грозой, делается восприимчивой к призывам и толкованиям, суждениям и убеждениям. Осведомленные о происходящем относятся к нему сознательно» [ОЕВ, 1914, с. 778].

Поскольку каких-либо разъяснительных материалов, исходивших от центрального руководства, почти не появлялось, священники должны были давать свою трактовку событий, основанную на их сфере образования, потому в анализе преобладали не конкретно-политические, международные аспекты, а разнообразный спектр идей морально-нравственного круга.

Среди статей неофициальной части «Орловских епархиальных ведомостей» стали преобладать очерки, имевшие единый и единственный мотив своего создания – войну. Публицистические материалы были посвящены таким темам, как оценка целей войны и ее характера, взаимоотношений фронта и тыла. Цели «военной» проповеди были довольно диверсифицированы: она должна была знакомить прихожан с происходящими событиями и разъяснять их смысл; укреплять дух и утешать в минуту личного горя, поддерживая «общее бодрое настроение», а также стимулировать благотворительность. Церковная проповедь вносила свой заметный вклад в создание «образа врага» в массовом сознании, в развитие у призывников мотивации к участию в войне.

Для воодушевления призванной под знамена народной массы требовалось такое объяснение смысла войны, с которым согласился бы каждый. Но его трудно было сформулировать в рациональных категориях. Целевая и ценностно-смысловая структура участия России в войне была определена преимущественно в 1914 г. В ее основе лежали этические категории *славы, чести* и *долга*, подробно разрабатывался мотив *духовного подвига*, совершаемого воинами. Красной нитью проходит через работы разных авторов тема жертвенности, самоотречения, составляющих неотъемлемую часть христианского мировоззрения, а также подчиненности частных интересов великой исторической миссии России. Мобилизованные характеризуются как «уже не принадлежащие себе… но всецело отданные и сами отдающие себя Родине, охотно и мужественно жертвующие собою» [Азбукин, 1914, с. 39, с. 1012].

Уже в описании первой мобилизации встречается мысль о том, что никакие земные награды не соизмеримы в полной мере с совершавшимся духовным подвигом самоотвержения.

* * *

С определенной точки зрения военная проповедь выглядит как пораженческая. Она не столько направлена на формирование патриотических мотивов мобилизационной активности разных групп населения, сколько эксплуатирует сложившиеся в массовом сознании концепты. Война изначально была воспринята народом как стихийное бедствие, время поста. Церковь также активно развивала тему войны как божьего наказания за грехи народа: «Отечество наше переживает тяжелые испытания великой и грозной войны, которая собой знаменует гнев божий на человечество и родину нашу. Прогневили мы Господа и Владыку своего и нужно нам, чадам Церкви Божией, сынам народа русского, многолюднее собираться и теснее объединяться в молитве и покаянии, чтобы общим нашим сердечным воплем умилостивить Создателя», – взывал к своей пастве епископ Елецкий Павел [Павел, 1915, с. 570]. Военная гроза трактовалась как обстоятельство действия. Ее оценка как «ниспосланного испытания» придавала ей объективный, природный и потому безличный характер. В этом случае даже враг был не сильно виноват в развязывании войны: немцы уподоблялись библейским Гогу и Магогу, орудию божественной воли, не имеющему собственной материальной цели («Нас убеждают, что нынешние события создал “кайзер” из своего сумасшедшего честолюбия и властолюбия. Не слишком ли большая сила приписывается им; не слишком ли много значения придают личному человеческому ничтожеству, не преувеличивают ли движущие силы преходящих человеческих интересов?» [Азбукин, 1914, с. 47, с. 1210]). При этом в православной публицистике мотив войны-наказания интеллектуально обогащается, развиваясь в непосредственной связи с темой целей войны и трансформируется в образ войны как искупления: «Россия выступила как поборница правды, покровительница слабых, угнетаемых, и во имя этого должна принести на

алтарь войны *свою великую искупительную жертву*» [Бархатов, 1914, с. 863] (выд. авт.).

Обратим внимание на то, что жертва оценивалась и как искупительная («теперь Русь в потоках крови омывает свои преступления, что совершила она, уклоняясь от вековой исторической идеи своего существования» [Азбукин, 1915, с. 687]), и как залог будущего торжества («Все жертвы, приносимые нашей Родиной, служат одной великой цели – победе над врагом. Наша победа… даст нам долгий и прочный мир, сделает невозможным самоистребление христианских народов» [Поучение…, 1916, с. 486]). Таким образом, достижение победы над противником становилось ближайшей конкретной целью ведения войны, а мир оказывался наградой победителям (хотя ее же получали и побежденные).

По мере продолжения войны начинает складываться культ принесенных жертв. Новый глава Орловско-Ливенской епархии, назначенный в конце 1916 г., предписывал, чтобы во всех церквях епархии были заведены синодики, в которые внесены были бы для поминовения за богослужением в воскресные и праздничные дни и особо положенные для поминовения дни все убиенные в текущую войну прихожане по каждой церкви [Распоряжения…, 1916, с. 579]. С осени 1916 г. стали публиковаться краткие биографии выпускников семинарии, погибших на фронте, с подробностями их гибели. Указывалось, что «типы героев должны быть особенно внедряемы в юное сознание будущих защитников Родины» [Что может…, 1915, С. 38], для чего преподавателям Закона Божьего в учебных заведениях рекомендовалось провозглашать «вечную память» павшим героям с разъяснением их подвигов. Мы видим, что смерть почти отождествляется с подвигом.

Жертвенная миссия русского солдата раскрывалась через тему морально-нравственного обновления европейской цивилизации: «Война получает значение какой-то благодатной силы, толкающей Русь к великому делу, навстречу к ее высокому мировому призванию» [Исторические…, 1914, с. 805]. Под этим «великим делом» подразумевалось переустройство жизни западной, а возможно и всей мировой цивилизации. В основу такой трансформации предлагалось положить ценности русского православия:

«Современная война должна начать новую эру в жизни народов; она нелицеприятно подводит итоги культуры и громко свидетельствует о том, что счастье человечества – не в одной науке, не в одной силе или искусстве» [Бархатов, 1915, с. 658–659]. Конструируя образ врага, противостоящего православному воинству, церковная публицистика акцентирует рационализм и материализм германской (и всей западноевропейской) цивилизации. Подчеркивается, что жестокость и размах войны являются следствием немецкой расчетливости и слепой веры во всемогущество технического прогресса: «После Лютера христианская вера постепенно стала угасать в сердцах его последователей; вместо живой, деятельной веры выступает холодный разум, бездушие и биржевой расчет. И вот перед нами естественные плоды немецкой веры» [Там же]. Горделивому «сверхчеловеческому» и в итоге человеконенавистническому ницшеанству последовательно противопоставляется христианское смирение. В итоге две противоборствующие стороны – русские и немцы – предстают в образе волков и овец, вот только последние всегда пассивны и всегда жертвы.

Превозношение «незлобливых душ», их морального превосходства над машиной механизированной войны приводило порой к неожиданным эффектам: «Мощь народная, сила духовная, сметливость, выносливость, терпение, смиренное сознание посещения Божия отлично заменяет нам преимущества немецкой техники» [Ключев, 1915, с. 91]; «С нами Бог, и Он не в силе, а в правде. Враг на колесницах и на конях, он на цеппелинах и с удушающими газами, и с разрывными пулями; а мы – главным образом с упованием на милость Божию, на заступничество Царицы Небесной и святых угодников, наших молитвенников и скорых помощников» [Бархатов, 1915, с. 658–659]. С одной стороны, тезис о покровительстве высших сил выглядит естественным в свете декларируемого ценностно-целевого содержания войны («Великая цель войны – показать, что право и правда выше силы» [Ивановский, 1915, с. 425]). Оправдана и попытка использовать представление о божественном заступничестве в период военных поражений (Великое отступление 1915 г.). Начальный период войны выявил отставание русской армии в технике и обеспеченности боеприпасами («снарядный го-

лод»), которое на первых порах могло было быть компенсировано только идеологическими средствами. С другой стороны, противопоставление удушающих газов и разрывных пуль эфемерному заступничеству Царицы Небесной, прямое утверждение, что «орудия нашего воинствования не плотские, но духовные» вряд ли были способны воодушевить подлежащих призыву в армию. Вплоть до 1917 г. даже в отношении союзников сохраняется дихотомия «русского» и «западного» как противопоставление материального и духовного: «Бесконечной *живой* стеною протянулся от моря до моря русский фронт. Силою *стали и железа* стоят на Западе англичане и французы» [К-ов, 1917, с. 3].

* * *

В последние годы существования Российской империи православие продолжало оставаться важной частью народного самосознания и государственной идеологии, так же как и православная церковь – важным элементом механизма государственного управления. Следует признать, что церковно-православный взгляд на природу войны воздействовал на формирование ценностных ориентаций массы прихожан и становился одним из факторов, определяющих их социальную активность. Первоначально приходские священники видели свою задачу в укреплении стихийного подъема религиозности народной массы, но довольно скоро была осознана необходимость использовать проповедь как средство собственно военной пропаганды и агитации.

В провинциальной православной публицистике создавалась особая, по-своему целостная и оригинальная трактовка Великой Европейской войны. Если в первые месяцы войны, начавшейся на подъеме славянской солидарности, она рассматривалась как *путь к цели* (освобождению славянства от германизма и его консолидации под российской эгидой), то довольно скоро возникает и получает преобладание тема *войны как переживания*. Последовательное обращение к конкретным целям войны, ввиду их неопределенности на официальном уровне и трудности их достижения, было редким. Очевидно, они не могли служить побудительным мотивом для мобилизационной активности населения. По прошествии трех месяцев войны уже не встречается упоминаний о сербах и братской помощи славянам. Война получает внутренний смысл как средство подъема народного духа. После Великого отступления война превратилась в самоценный процесс, а место конкретных целей заняла абстрактно-эмоциональная категория Победы.

Оценивая воздействие церковной пропаганды на формирование мотивации к участию в войне и веры в победу у новобранцев и запасных, ожидающих своей очереди призыва, следует признать, что религиозная трактовка причин и характера войны в целом не способствовала сохранению настроений патриотического подъема. Даже апелляция к поддержке высших сил: «Сильные Богом, им ниспровергаем замыслы и всякое превозношение наших врагов, взимающееся на разум Божий, им разрушаются твердыни (2 Кор 10, 4)» оборачивалась на деле признанием технического отставания от противника. Акцент делался на идее самопожертвования, на теме искупительных страданий и смерти, делающей павшего героем. Круг «священных жертв» сознательно расширялся церковью: на вопрос прихожан о том, как молиться о без вести пропавших, прямо давался совет молиться за упокой [ОЕВ, 1916, с. 826]. Закономерно, что в следующем номере (неофициальный отдел) помещались молитвы о помощи ангелов на поле брани.

Можно прийти к выводу, что военная пропаганда Русской православной церкви, по форме наиболее доступная для большинства населения страны, по своему содержанию не являлась эффективным инструментом мобилизационной политики. Содержание церковной проповеди складывалось стихийно и не было подчинено задачам государственного управления. Игнорирование государством идеологической составляющей ведения войны сужало разнообразие управленческих механизмов и по мере ее продолжения приводило к нарастанию отчуждения народа от власти.

Литература

Азбукин В. Бога глас воззвал… // Орловские епархиальные ведомости (ОЕВ), неоф. отд. 1914 г. С. 47, 1210.

Азбукин В. Незаметные герои // ОЕВ, неоф. отд. 1914 г. С. 39, 1012.

Азбукин В. По поводу 900-летия кончины св. равноапостольного князя Владимира Киевского // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. С. 29, 687.

Бархатов А. Речь перед началом учения в Орловской 1-й гимназии // ОЕВ, неоф. отд. 1914 г. С. 34, 863.

Бархатов А. Слово в день Полтавской победы // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. С. 27–28, 656–659.

Ивановский К. Война, ее причины и цели // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. С. 17, 425.

Исторические дни (редакционная статья) // ОЕВ, неоф. отд. 1914 г. С. 32, 805.

Ключев А. Две культуры // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. С. 4, 91.

Кондратенко А.И. Два века как один день: Страницы истории орловской журналистики. Орел, 2008. 504 с. С. 86.

К-ов Н. 1-го Января 1917 г. // ОЕВ, неоф. отд. 1917 г. С. 1–3.

Орловские Епархиальные ведомости, официальный отдел. 1914 г. № 31. С. 778.

Орловские Епархиальные ведомости, официальный отдел. 1914 г. № 35. С. 903.

Орловские Епархиальные ведомости, неоф. отд. (без автора) 1916 г. №. 42–43. С. 826.

Павел, еп. Елецкий. Слово по случаю 500-летия явления чудотворной иконы святителя Николая // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. №. 23. С. 570.

Пастырская роль духовенства в условиях войны (без автора) // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. №. 31. С. 715.

Поучение на день Рождения Государыни Императрицы Марии Феодоровны (без автора) // ОЕВ, неоф. отд. 1916 г. № 44–45. С. 486.

Распоряжение епархиального начальства // ОЕВ, официальный отдел. 1916 г. № 50–51. С. 579.

Сахаров В.А. Слово в день Нового года // «Орловские епархиальные ведомости», неоф. отд. 1916 г. № 1. С. 11.

Что может законоучитель в настоящее время в школе (без автора) // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. №. 2 С. 38.

ПРЕССА И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Л.Ф. Кацис

Первая мировая война в репортажах В. Жаботинского в «Русских ведомостях» и в мемуарных книгах («Слово о полку» и «Повесть моих дней»)

Еще не так давно заявленной темы не могло и существовать. Ведь известная в русском переводе с иврита мемуарная книга «Повесть моих дней» («Сипур ямай») не столько рассказывала о журналистской деятельности Altalen'ы (основной псевдоним В. Жаботинского этих лет), сколько констатировала: «Кстати, я не знаю, кто распространил слух, будто я принадлежал в свое время к “первой шеренге” авторов *общей* печати в России. Это преувеличение, одна из “легенд”. В Одессе и на юге я был популярен, среди евреев, по большей части, но Петербурга я не “завоевал”. Если я не ошибаюсь, более сильное впечатление производили мои письма из Лондона в годы войны, которые печатались в московской газете “Русские ведомости”, но этой славы я уже не успел вкусить, потому что не вернулся в Россию, да и газета эта была разгромлена и читателей ее уже нет в живых»[1].

Такое можно было написать только «в книге, напечатанной в Тель-Авиве»[2] и на иврите, – все-таки многие читатели «Русских ведомостей» еще жили к 1936 г. в эмиграции… Но мемуарные книги В. Жаботинского включены в сложную систему, тактику и стратегию их автора. Ее мы здесь рассматривать не будем, но сказать об этом необходимо[3].

А русские читатели еще в 1928 г. могли прочесть в другой книге – «Воспоминания. История еврейского легиона по воспоминаниям его инициатора», в первой главе «Как зародилась мысль о легионе», о декабре 1914 года следующее: «Шел уже пятый месяц войны, и уже три месяца и больше, в роли корреспондента “Русских Ведомостей”, я скитался по разным углам невеселого тогдашнего света. Редакция мне поручила не столько писать о самой

войне, сколько о настроениях в связи с войной. В Швеции надо было выяснить, разделяет ли тамошнее общество новую веру Свен Гедина – будто Россия задумала отобрать у Норвегии не то Нарвик, не то даже Берген, чтобы этим путем приобрести, раз не дают ей Константинополя, незамерзающую гавань на теплом Гольфстриме вместо теплого Босфора; если разделяет, то нет ли опасности, что шведы примкнут к Германии и объявят России войну»[4].

Библиография Жаботинского подтверждает, что в «Русских ведомостях» 03.09.1914 г., действительно появилась статья «Свен Гедин и война»[5]. Таким образом, сообщение Жаботинского о «трех месяцах» работы военным корреспондентом оказывается точным, как календарь. Казалось бы, нам следует лишь проследить по «Слову о полку» маршруты военного корреспондента Жаботинского и этим удовлетвориться. Существует, однако, одно обстоятельство, заставляющее нас отнестись к сообщениям книги о становлении еврейского легиона более внимательно.

Дело в том, что в Архиве Института Жаботинского (Mahon Jabotinsky) в Тель-Авиве хранятся рукопись ивритского текста этой книги и авторизованный или авторский ее перевод на английский язык. Эта машинопись содержит третью часть книги «Повесть моих дней», которая как раз посвящена работе В. Жаботинского в газете «Русские ведомости». И в этой главке мы находим нечто, что заставляет остановить внимание.

Жаботинский пишет: «Я не помню, поверил ли я в войну тогда, в течение лета 1914. Действительно, около двух с половиной лет до этого, я опубликовал в Одесской газете (“Одесские новости”. – *Л.К.*) за 1 января 1912 года статью, в которой я предсказывал события во всей их полноте – наполовину правильно, наполовину нет. Название той статьи – “Гороскоп”, она была напечатана и в одном из русских сборников моих статей (“Фельетоны”, Берлин, 1922. – *Л.К.*). Я сомневаюсь, однако, что я предугадал то лето, происшедшее убийство австрийского кронпринца и все его последствия. Мне кажется, что вызвал вновь мои ощущения, связанные с войной: от этого первого момента со всей силой своей души я верил и надеялся на поражение России. Если бы судьба войны зависела в те недели от меня, я бы решил ее следующим образом:

быстрый мир на Западе безо всяких победителей и побежденных – но прежде всего – поражение России. Я не знаю, стоит ли говорить здесь о том, что это было вовсе не потому, что я ненавидел свою родину и потому мечтал о разгроме ее армии: я полагал, что если Россия будет бита на полях сражений, она сможет двинуться в сторону свободы. Но если она бы победила, то победил бы режим рабства»[6].

Результатом этого было острое ощущение одиночества даже, как отмечает мемуарист, среди евреев, хотя «десятью годами ранее во время войны с Японией это мнение царило среди всей интеллигенции, даже среди прогрессивных христианских кругов». Между тем Жаботинский размышляет о разности той ситуации, когда проникновение Японии в Сибирь могло меньше волновать интеллигенцию, чем приход германцев в Россию, либо симпатии к Англии перевешивали соответствующее отношение к Германии.

Эта ситуация привела к тому, что В. Жаботинский решился обнародовать подобные свои взгляды: «Еще один инцидент, также типичный для описания режима рабства, за разрушение которого я молился: в одном дружеском доме я встретил редактора популярной газеты “Биржевые новости”, политически влиятельной газеты, однако глубоко почитавшей патриотизм. Он прислушался к моему “против” и пригласил меня обосновать мои еретические взгляды в статье. Я написал ее осторожно, но я был абсолютно определенен: все надежды на реформы режима, если “мы” выиграем безнадежны, и все те, кто хочет победы, “должны осознавать”, что приносят этим в жертву все свои “прогрессивные мечты”. Статья была напечатана, а редакция даже не получила выговора от цензора».

Речь здесь идет о вполне реальной и конкретной статье В. Жаботинский «Пессимист и оптимист» из «Биржевых ведомостей» за 10.08.1914 г. Таким образом, статья Жаботинского, уже напечатанная на 9–10-й день войны, в которую вступила Россия, должна рассматриваться как, по-видимому, первая «пораженческая» публикация в открытой печати. Сама по себе статья действительно очень осторожная – это диалог в вагоне двух собеседников, выражающих противоположные позиции. Маленькая цитата из нее дает понять, что имел в виду Жаботинский: «Победа всегда

счастье, особенно в такой симпатичной и великодушной войне, как эта. Но я просто констатирую непреложную для меня истину: после побед требовать широких реформ бессмысленно. После победы никаких реформ не будет и не должно быть».

Такого рода радикальная позиция была вполне нормальна для Жаботинского – крайнего федералиста. Он считал, что неизбежен развал империй, а следовательно, образование новых национальных государств. Понятно, что и образование еврейского государства в Палестине с неизбежностью предусматривало распад Османской империи.

Но пока биография Жаботинского совершила поворот, связанный именно с самым началом мировой войны. Случилось так, что его знакомый коммерсант Исаак Гольдберг искал человека для занятия его бизнесом в Голландии. Жаботинский предложил себя. На следующий день, как пишет он в мемуарах, рванулся на вокзал и сел на поезд в Москву. «Газета “Русские ведомости” была чем-то вроде пра-пра-дедушки настоящей русской прессы, храмом прогрессивной либеральной традиции». Так Жаботинский, хотя и не знал никого из редакции, был все же послан корреспондентом на Западный фронт с договором – до момента возвращения.

Свое путешествие Жаботинский кратко описал так: «В начале сентября я пересек границу, в середине декабря я прибыл в Египет; за десять недель я посетил Швецию, Норвегию, Голландию, Бельгию, Испанию, Португалию, Марокко, Алжир, Тунис, Сардинию и Италию. Я мог бы составить целую книгу из моих впечатлений от этого путешествия – присматриваясь к миру, который был уже охвачен сумасшествием, но все еще не осознал, что это был яд – но пока целая книга остается невозможной», автор просит у читателя разрешения сфокусироваться на наиболее интересных моментах.

Это были моменты, почерпнутые нами в не опубликованных по сей день по-русски мемуарах Жаботинского. А вот их прояснение уже в «Слове о полку». Причем в этой книге в 1928 году Жаботинский менее всего хотел информировать своих русскоязычных читателей о «пораженчестве» в Первой мировой войне. Итак, на данный момент, если мы хотим проследить хронику размышлений Жаботинского, мы должны были начать с 1 января 1912 года и «Одесских новостей», продолжить статьей от 10.08.1914 г. в «Биржевых ведомостях» и лишь теперь обратиться к «Русским ведомостям», которые упоминались ранее. Итак, мы возвращаемся к Свену Гедину, имя которого находится в заголовке первой из имеющихся наиболее полной библиографии Жаботинского «Свен Гедин и война» в «Русских ведомостях» за 3 сентября 1914 г.

Вот как описывает свое журналистское задание Жаботинский в «Слове о полку», ставшем доступным русским читателям в 1928 г.: «Редакция мне поручила <...> писать <...> о настроениях в связи с войной. В Швеции надо было выяснить, разделяет ли тамошнее общество новую веру Свен Гедина[7] <...> В Англии мне поручено было присмотреться, нет ли доли правды в остроте, которая бойко тогда ходила по ресторациям земли русской и прочих земель, – что британский лев “готов воевать до последней капли русской крови”. Во Франции “выяснять” было нечего – французские настроения даже у остряков не вызывали никаких сомнений: там нужно было просто приглядеться – если пустят – к быту фронта; посмотреть Реймс и проверить, действительно ли немцы вконец расстреляли прекрасный собор; а также сообщить, бодро ли держится Париж или уныло. Но на месте оказалось, что “Париж” переведен уже в Бордо: правительственным учреждениям пришлось на время удалиться из угрожаемой столицы; я поехал в Бордо и там в одно мокрое утро я прочел на стене афишу о том, что Турция фактически примкнула к центральным державам и начала военные действия. Признаюсь: до того утра я себя чувствовал, в Бордо и повсюду, просто наблюдателем, без особенных каких-либо побуждений пламенно желать одной стороне полной победы и полного разгрома другой. Ориентация моя в то время писалась так: мир вничью, и как можно скорее. Турецкий жест в одно короткое утро сделал из меня фанатика войны до конца – сделал эту войну “моею”»[8].

Вообще говоря, небольшой абзац о том, что журналист должен был выяснить у Свена Гедина, не вступит ли его страна в войну вследствие неких действий России против Турции или Норвегии и т.д., выглядит как не совсем журналистское задание. Сейчас у нас

нет достаточных средств для занятий политической конспирологией и историей военной разведки. Однако это впечатление нас не оставляет. Мы надеемся вернуться к этому вопросу в дальнейших публикациях о Жаботинском времен Первой мировой войны, пока же вновь обратимся к неопубликованным по-русски мемуарам, где вся эта история излагается несколько иначе. И это изложение позволяет существенно углубить наши представления о душевном и даже духовном мире военного корреспондента «Русских ведомостей». Поэтому есть смысл привести достаточно обширные отрывки из «Повести моих дней» в переводе с английского.

Наиболее важным симптомом умственного состояния Северной (как и всей остальной) Европы было, по мнению Жаботинского, сумасшествие. «Я обнаружил первые симптомы этого через день после пересечения границы в Хафаранде, в Стокгольме. Я не ожидал такого сюрприза. Я должен признаться, что до того мы вообще не подозревали, что в Швеции есть какие-то политические интересы, стремление к имперскому государственному строительству, захватнические аппетиты и т.д. Действительно, в начале столетия, около двадцати лет тому назад, литературные и театральные вкусы удовлетворялись нами именно скандинавской продукцией, и мы получали этот духовный посыл как некий бальзам из-за Самбатиона, из некоего легендарного парадиза, находящегося по ту сторону реальности. У нас было впечатление, что Христиания (теперь называемая Осло), Стокгольм и Копенгаген существуют для того, чтобы поддерживать нас книгами, театром и это – все. До нас не доходила возможность того, что эти столицы также впутаны также и в другие взаимоотношения. В русской прессе мы привыкли читать статьи, прославляющие Кнута Гамсуна и Сельму Лагерлеф, но в разделе иностранных новостей их родные страны практически не упоминались, так как ничего подобного “событиям” не случалось не могло бы там когда-либо произойти».

С учетом того, сколько места одесский и питерский журналист и театральный критик посвятил Генрику Ибсену и другим скандинавским классикам[9], мы не можем не понять, что для него изменение духовного статуса Северной Европы не могло быть безболезненным. Однако употребление таких терминов, как «Самбатион» или «парадиз», заставляет насторожиться при чтении следующего эпизода, собственно, того самого, где мы узнаем, как именно попал к Свену Гедину Владимир Жаботинский.

Итак: «Однако даже до того, как я имел время встретить кого-либо в Стокгольме, я увидел книгу в окошке магазина с цветной картинкой на обложке из шести подводных лодок: морской бой, два военных корабля объяты огнем и дымят друг на друга, один из них несет русский флаг, а другой флаг Швеции. Я вошел внутрь и купил книгу: она была дешевой, это была книга для масс. Автор скрыл свое имя, однако предисловие сообщало, что он был морским офицером. Я просмотрел книгу: ее содержание говорило о войне в ближайшем будущем между Россией и Швецией, а после многочисленных взлетов и падений Швеция победит».

Далее Жаботинский говорит о том, что настоящий журналист, как он упоминал ранее, никогда не пойдет что-то узнавать у официальных лиц, сидящих за мостами и стенами дворцов. Поэтому идти надо к брату-журналисту, который все и объяснит.

«Я показал книгу моему коллеге и спросил:

– Что это? Это случайно или симптоматично?

Он открыл мне секреты, о которых у меня не было ни тончайших догадок, ни слухов. Он говорил об оккультных конструкциях русской политики, о которых мы, ни ваш покорный слуга, ни мои коллеги из главных газет, не имели понятия в С.-Петербурге, в то время как здесь, в Скандинавии (как он мне сказал), эти вещи являются публичными и известны каждому мужчине, женщине и ребенку в деталях. России необходим северный не замерзающий зимой порт. Равно как Англия никогда не даст лишить себя Стамбула на юге, русские издали посматривают на западное побережье Скандинавии. Норвежский порт Берген – это и есть их цель. Здесь проходит Гольфстрим, нет льда, ну а остальное ясно без объяснений. Россия лишь ждет удобного момента напасть на своих северных соседей. План этот не связан с этой войной; это традиционная цель с незапамятных времен; и здесь в Швеции люди знают об этом, готовятся, и раскручивают свои сны.

Я попытался возразить ему, что все это форменная ложь, что в Петербурге нет ни официального представителя, ни совет-

ника Министерства иностранных дел, ни журналиста самой дешевой газеты, кто мечтал бы о подобных вещах. А истина в том, что десятью годами ранее те же возбужденные русские отправились искать незамерзающий порт на Дальнем Востоке, а не здесь, на Севере, ну и так далее. Я тщетно старался. Он не верил мне. Вся Скандинавия не верит, потому что Берген закрыт, Швеция и Норвегия слабы и – короче говоря, его аргументы напомнили мне знаменитое обвинение против евреев: "Что здесь нет серебряных ложек? У тебя нет двух рук? Ты разве не вор по рождению и происхождению? Это понятно…"»

Тут-то редактор и послал Жаботинского к Свену Гедину. А Гедин повторил все сначала. Это каждый может обнаружить в статье о нем в «Русских ведомостях».

Таким образом, в мемуарах Жаботинского нашлись две разных причины, по которым журналист решил обратиться к Свену Гедину. Общей осталась лишь одна: желание узнать нечто о политике и взглядах на войну в Скандинавии. Результат мы видим.

Однако далее Жаботинский показывает, что, поехав дальше, он увидел то же самое и в Тунисе, в Италии, и в Испании, и в Португалии. Мир сходил с ума. Однако российский журналист-сионист искал во всем этом смысла. При этом слово *Палестина* довольно долго не появляется в его мемуарах. В то время как Иорданский фронт упоминается сразу после беседы с Гедином о Бергене и перед упоминанием о поездке с журналистами в Христианию. Кстати, заметим, в Голландию, которая была, как кажется, первой целью поездки в Европу, Жаботинский прибудет уже на втором круге объезда континента и после посещения Палестины.

В рамках данной статьи, которая призвана лишь начать анализ газетных и мемуарных текстов Жаботинского о Первой мировой войне, мы не будем анализировать все передвижения нашего героя, тем более что их легко отследить просто по библиографии названий его газетных статей, а лишь скажем, что статьи со словом *Палестина* в заглавии появятся в «Русских ведомостях» 11, 17 января и 10 февраля 1915 г. А пока Жаботинский упоминает о том, как его соратник по войне в Палестине полковник Паттерсон рассказывает ему некую историю[10]. На рынке дрались десятки человек. И один из них спросил: это частная драка или чужой может принять в ней участие? Так и Швеция – мирная страна, как и Норвегия, однако обе они имеют романтическое прошлое, однако и им хочется принять участие в битве великих держав.

Сейчас мы остановимся, чтобы обратить внимание на то, что маршрут, по которому Жаботинский ехал в Голландию, несколько странен. Напомним его, на сей раз с датами и названиями соответствующих статей в «Русских ведомостях»: «Свен Гедин и война», 03.09.1914 (Стокгольм); «По опустошенной Бельгии», 16.09.1914; «Через Англию», 20.09.1914; «Младший брат Лувена», 27.09.1914; «В Реймсе», 28.09.1914; «Антверпен перед бомбардировкой», 28.09.1914; «Бомбы в Остенде», 30.09.1914; «Во Франции», 01.10.1914; «На фронте союзных войск», 09.10.1914; «Военные мытарства», 28.10.1914; «Раненые», 30.10.1914; «Гунн», 01.11.1914; «В Париже», 02.11.1914; «Винкельрид среди нации», 08.11.1914; «Дух войск», 09.11.1914; «Проездом по Испании», 23.11.1914; «В Северной Африке», 02.11.1914; «В Португалии», 11.12. 1914; «Гибралтар», 16.12.1914; «От Марокко до Туниса», 20.12.1914; «Из французской Африки», 04.01.1915; «На севере Африки. Туземцы», 06.01.1915, а затем те три публикации о Палестине и Египте, которые мы уже упоминали.

После чего – возвращение через Афины в Европу.

Данный список тем, дат и названий грешит двумя пропусками. Нет здесь ни Христиании, ни Голландии, упомянутых в мемуарах. Восстановим эти пробелы. Как следует из «Повести моих дней», в Христианию Жаботинский поехал с группой журналистов из Стокгольма. Следовательно, это могло быть (если было) в период между беседой со Свеном Гедином, опубликованной 03.09.1914, и поездкой «По опустошенной Бельгии», описанной 16.09.1914. Времени на все вполне достаточно. А в Голландии Жаботинский оказался, по его собственным словам, после Лондона, т.е. Англии, описанной 20.09.1914, и Бельгией, описанной 20.09.1914. Здесь, правда, мы имеем нормальную еженедельную публикацию собственного корреспондента, поэтому, хотя времени на краткое посещение Голландии после пересечения Ла-Манша хватает, однако делами Исаака Гольдберга, пославшего его за границу, Жаботинский занимался явно недолго…

Мы проделали весь этот анализ соотношения двух книг мемуаров Жаботинского с целью анализа его маршрута, который не был необычным для русских мистиков (теософов и антропософов) в тот период. Вот, например, описание планов путешествия А. Минцловой, которая в 1898 г. «писала Борису Николевичу Хавскому: «По всей вероятности, я не буду в декабре в Петербурге и даже в Европе. Быть может, в Египте, в Алжире, в Тунисе. Быть может, на Крите или в Сицилии, в Англии и, наконец, возможно, что зимовать я буду в Норвегии и весной лишь вернусь в Петербург. Пока еще все это неопределенно и туманно. Возможно, что и в Париже я буду, но когда – не знаю»[11].

Этот маршрут Н.А. Богомолов вполне обоснованно относит к моменту становления Анны-Рудольф как оккультистки.

А вот следующий пример: «Минцлова, как это часто с нею бывало, отправилась снова в Германию удивительным кружным путем – через Выборг (где рассталась с Ивановым), Або (ныне Турку), через всю Швецию от Стокгольма до Трелерборга и оттуда на остров Рюген. И там она сталкивается с той реальностью, которую воспринимает через призму оккультных представлений о ходе человеческой истории вообще»[12].

Похоже, что мистический остров Рюген, который был связан у русских теософствующих мистиков и антропософов с проповедью доктора Штайнера о будущем славянства, независимо от того, был ли там Жаботинский, не мог не быть ему известен.

Та географическая зона, куда отправился Жаботинский, имела важнейшее значение для русских мистиков. Там находился древнейший славянский поселок Аркона. Мы сейчас не будем приводить здесь мистические тексты Минцловой, связывающие Восток, Запад и Атлантиду, и ее же впечатления от чтения статей Вячеслава Иванова, связанных с борьбой Иакова-Израиля с Богом. Все это есть в книге Н.А. Богомолова. Здесь же мы приведем довольно длинный отрывок из мемуаров Андрея Белого, который Н.А. Богомолов прямо связывает с впечатлениями от Рюгена Анны Минцловой.

Вот этот текст: «На следующий день мы поехали на маленьком пароходике в Рюген; и посетили Аркону, место древнего славянского поселка; по словам д-ра, здесь был некогда центр славянских мистерий, – а ныне – здесь стоят огромные столбы для радио-депеш; <…> вот что мне привиделось: мне показалось, что передо мною отчетливо развернулся ряд ярких и совершенно невероятных образов, неизвестно откуда появившихся; мне показалось, что странные, могучие силы вырываются из недр земли; и эти силы принадлежат когда-то здесь жившим арконцам, истребленным норманнами; они, арконцы, – ушли под землю; и ныне, там под землей, заваленные наслоениями позднейшей германской культуры, они продолжают развивать свои страшные подземные, вулканические силы, рвущиеся наружу, чтобы опрокинуть все, смести работу веков, отомстить за свою гибель и лавой разлиться по Европе; я подслушал как бы голоса: “Мы еще – придем; мы вернемся; мы – уже возвращаемся: отомстить за нашу гибель!”[13] И тут какая-то дикая сила, исходящая из недр земли, охватила меня, вошла в меня; и – я как бы внутренно сказал то, что по существу не принадлежало к миру моего сознания; я – сказал себе: “*Карта Европы изменится: все перевернется вверх дном*”. И тут мне мелькнуло место будущих страшных боев, где на одной стороне сражались выходцы из недр земли, вновь воплощенные в жизнь, а на другой – представители древней, норманнской и тевтонской культуры, как бы перевоплощенные рыцари; местом боя представилась – Польша, Литва (знал ли я, что бои здесь закипят уже через месяц?); и эти слова: “Все перевернется вверх дном” – соединились у меня с Польшей, Литвой, и с образами выпирающих из земли древних, загубленных арконцев».

За этим, из подземных недр возник некий калмык, т.е. представитель монголоидной расы, идущей на Европу, чтобы тоже отомстить и тоже из подземных недр[14].

Казалось бы, подобные мистические откровения, основанные и на теософских, и на, разумеется, антропософских идеях и образах[15], не могли быть важны и интересны практическому политику и далекому от всякой, как кажется, мистики Жаботинскому. Но не будем забывать, что вслед за фронтовыми главами его мемуаров следует глава «Еврейский акцент», связанная уже с Турцией и Палестиной. Однако в базовой хрестоматии сионистских

текстов находится поэма Хаима-Нахмана Бялика в переводе Владимира Жаботинского «Мертвецы пустыни» (1902), основанная на талмудическом сюжете о богатырях, которые остаются под землей, пока евреи не вернутся из изгнания. Эпиграф к поэме гласит: «Сказал мне тот Араб: пойдем, я покажу тебе Мертвецов Пустыни. Я пошел к ним и видел их; они казались только одурманенными, и лежали они навзничь. У одного из них было согнуто колено; тот Араб въехал под колено верхом на верблюде, в руке его поднятое копье – и не коснулся его» (Из странствий Рабба-Бар-Ханы: Baba Bathra 73, 74)[16].

А сам Жаботинский пояснил это так: «На этой канве Бялик вышил свое видение. Нечеловеческим величием облекает он этих титанов, этих непокоренных предков покорного потомства. Они лежат, распростертые в царственной сонной мощи; ни один из властителей пустыни – ни орел, ни змей, ни лев – не смеет приблизиться, робея и смиряясь перед окаменелым воплощением мужественной силы. Только буря, иногда, раз во много столетий, пробуждает их ото сна; тогда древние мятежники, побежденные, но не укрощенные, подымаются, потрясая мечами, и повторяют клятву – бороться, бороться против объединенной силы всех стихий и против самого Бога…»[17].

Мы не будем сейчас решать вопрос о том, как повлияли и повлияли ли вообще переводы Жаботинского из Бялика на Белого. Хотя Бялика переводили и Вяч. Иванов, вокруг которого идет вся философская игра Минцловой, и Валерий Брюсов. Определенное влияние имели переводы Бялика на полемику вокруг «собачьих» стихов Ф. Сологуба с участием В.П. Буренина в «Новом времени» и т.д. Вопрос этот заслуживает отдельного рассмотрения, и здесь мы его только упоминаем.

Для нас важно, что ассоциации обоих участников осмысления мировой бойни, практически одновременные (так как Белый окончил свои записи между 1923 и 1928 гг., а Жаботинский издал «Слово о полку» в 1928), вызвали у обоих аналогичные ощущения, скорректированные, разумеется, культурно-религиозной направленностью их мыслей. Недаром после всех описаний фронтов в Европе у Жаботинского следует главка «Еврейский акцент», уже

специально посвященная проблемам распада Турции и перспектив сионизма.

На данном этапе нам представляется достаточным констатировать все эти явно мистические размышления обоих авторов, оставив на будущее анализ военных публикаций Жаботинского в «Русских ведомостях» до следующей работы. В дальнейшем военные размышления Жаботинского будут переплетены с размышлениями общекультурного плана, которые сами по себе уже были предметом анализа[18]. В любом случае, Жаботинский оказывается уже сейчас включен в широкий контекст русской культуры начала XX, а это заставляет все более внимательно присматриваться к его как бы чисто политическим текстам.

[1] *Жаботинский В. (З.)* Повесть моих дней // Жаботинский В. (З.). О железной стене. Речи, статьи, воспоминания. Минск, 2004. С. 503.

[2] Там же. С. 521.

[3] Об этом см. специально: *Katsis L.* Vladimir (Zeev) Jabotinsky and His Recently Discovered Works: Problems of Attribution and Analysis // Russian Jewish European Culture 1918–1937. Studies in Judaica Series. Vol. 13. Brill; Leiden, 2012. P. 417–436.

[4] *Жаботинский В. (З.).* Слово о полку: История еврейского легиона по воспоминаниям его инициатора // Жаботинский В. (З.). О железной стене... С. 303.

[5] The Writings of Ze’ev Jabotinsky. A Bibliography (1897–1940) / Ed. by M. Graur. Tel-Aviv, 2007. P. 152. В дальнейшем мы будем пользоваться сведениями из этого важного издания.

[6] В настоящее время нами вместе с проф. Брайаном Хоровитцем готовится комментированное издание этого источника по-английски. В данном издании мы исходим из того, что обе части мемуаров – и «Повесть моих дней», и «Слово о полку» – являются частью одного текста. Хотя русский вариант «Повести моих дней» не известен. В несколько иной компоновке, затрудняющей анализ, эти тексты опубликованы в собрании сочинений Жаботинского на иврите, дважды напечатанном в Израиле в конце 1940–1950-х гг.

[7] Свен А́ндерс Геди́н (*швед.* Sven Anders Hedin; 19 февраля 1865, Стокгольм – 26 ноября 1952, Стокгольм) – шведский путешественник, гео-

граф, журналист, писатель, график, общественный деятель. Гедин, будучи консерватором, связанным с пангерманистским движением, стоял на германофильских позициях в Первую мировую войну, открыто высказывался в поддержку Гитлера, во время Первой и Второй мировых войн публиковал статьи и книги в поддержку Германии. Гитлер считал его одним из своих кумиров юности и друзей. В то же время по ходатайству Гедина в Германии были спасены несколько еврейских семей, в Норвегии – помилованы участники заговора против оккупантов (смертную казнь им заменили 10-летним заключением, причем почти все они пережили войну). Когда в начале 1940-х Гедин подготовил к печати антиамериканскую книгу, в Германии отказались ее публиковать, поскольку в ней он признал, что является на 1/16 евреем и не собирается отказываться от своего происхождения. Тем не менее, когда Гитлер совершил самоубийство, Гедин написал некролог для газеты «Дагенс Нюхетер», где писал о нем в положительных тонах. О нем см. специально: *Хозиков В*. Забытый кумир фюрера: Жизнь Свена Гедина. М.: Яуза; Эксмо, 2004.

[8] *Жаботинский В. (З.)* Слово о полку... С. 303.

[9] См. хотя бы вышедшие на сегодняшний день тома II–IV первого Полного собрания сочинений Владимира (Зеева) Жаботинского в 9 т. (Минск, 2008–2012).

[10] Джон Генри Паттерсон (*англ.* John Henry Patterson; 10 ноября 1867 – 18 июня 1947) – англо-ирландский военный, охотник, писатель. Убийца львов-людоедов из Цаво, командир Еврейского легиона во время Первой мировой войны, автор четырех документальных книг. С его предисловием в 1945 г. в Америке выйдет история Легиона по-английски. Об этом человеке писал К. Чуковский, он помогал еврейским легионерам во главе с Трумпельдором в Галлиполи и т. д. См. «With the Zionists at Gallipoli» (1916) и «With the Judaeans in Palestine» (1922). По-русски см.: *Шульман А.* «Хорошо умереть за родину!» Жизнь Иосифа Трумпельдора // Иосиф Трумпельдор. Гехолуц. Новый путь. Биография. Воспоминания. Статьи. Феодосия; Москва, 2012. С. 51–62 (На полях Галлиполи. Еврейский легион). Интересные соображения об образе Паттерсона у Жаботинского см.: *Вайскопф М.* Любовь к дальнему: Заметки о русскоязычном творчестве Владимира Жаботинского // Вестник еврейского университета. М.; Иерусалим, 2006. № 11(29). С. 224–228.

[11] См.: *Богомолов Н.* Маленькая монография: Anna-Rudolpf // Богомолов Н. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999. С. 28.

[12] Там же. С. 81.

[13] Все это Белый слышит сквозь шелест травы, в которую он уткнулся. Как показывают наши работы, это сдобренное антропософской идеологией изложение так называемого Славянского единства. См. *Кацис Л., Одесский М.* «Славянская взаимность»: Модель и топика: Очерки. М., 2011. Там же ряд глав, связанных с Первой мировой войной.

[14] Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Исторический альманах. Париж, 1988. [Вып.] 6. С. 402–403.

[15] Большой историософский фон этих размышлений находится в «Истории становления самосознающей души» Андрея Белого, готовящейся к публикации российско-германским коллективом под руководством проф. Х. Щталь и д-ра М. Спивак. Наиболее наглядно это видно на «исторических» диаграммах, которые мы рассматривали в рамках этой работы. См.: *Кацис Л.* Семантика рисунков Андрея Белого, соотносимых с «Историей самосознающей души» // Миры Андрея Белого. Белград, 2011. С. 638–656.

[16] *Бялик Х.-Н.* Мертвецы пустыни // Бялик Х.Н. Песни и поэмы / Авториз. пер. с еврейского и введение Вл. Жаботинского. 3-е изд., доп., с портретом автора. СПб., 1914. С. 155.

[17] *Жаботинский Вл.* Введение // Бялик Х.Н. Песни и поэмы. С. 41.

[18] *Вайскопф М.* Любовь к дальнему: заметки о русскоязычном творчестве Владимира Жаботинского // Вестник еврейского университета. М; Иерусалим. 2006. № 11(29). С. 216–224 (Жаботинский и поиски фабулы в теории практике русского авангарда – о статье «Фабула» из «Русских ведомостей» от 15.01. 1917).

А.И. Мариниченко

Статья «Сумерки Европы» Г.А. Ландау в контексте общественной реакции России на начало Первой мировой войны

Начало Первой мировой войны вызвало понятную реакцию российского общества и его интеллектуальных кругов. Философско-художественное осмысление этой трагедии содержится в работах многих выдающихся писателей и публицистов того времени: Л.Н. Андреева, Н.А. Бердяева, А.А. Блока, Н.С. Гумилева, Д.С. Мережковского, Ф.А. Степуна и др. Заметное место в ряду произведений подобного рода занимает статья «Сумерки Европы» («Северные записки», 1914) философа, культуролога и публициста Григория Адольфовича Ландау (1877–1941).

Заметим, что, несмотря на активную публицистическую деятельность, фигура Ландау долгое время оставалась в тени внимания и современников, и исследователей. Его дебют в российской печати состоялся в 1903 г. С этого момента он регулярно публиковал политологические и культурологические статьи и эссе в журналах «Бодрое слово», «Еврейский мир»; газетах «Восход», «Еврейское обозрение»; с 1913 г. – в журналах «Вестник Европы», «Современник», «Северные записки» и др.

Эмигрировав в 1920 г., Ландау становится постоянным сотрудником берлинской газеты «Руль», а также выступает со страниц парижских, берлинских, рижских и гельсингфорсских журналов и газет. Среди его литературно-критических работ, на наш взгляд, значительный интерес представляют статьи, посвященные рецепции русской классики: «Пушкин, как воспитатель» (Руль. 1924. 8 июня. С. 2–3) и «Тезисы против Достоевского» (Числа. Париж, 1932. № 6. С. 145–163; переизд.: Классика отечественной словесности в литературной критике русской эмиграции 1920–1930-х годов: Хрестоматия. Саранск, 2009. С. 103–111). В этот период

им также были написаны книги «Закат Европы» (Берлин, 1923) и «Эпиграфы» (Берлин, 1927; переизд.: *Ландау Г.А.* Эпиграфы. М.: Пробел, 1997. 94 с.).

Судьба Г.А. Ландау трагична: в 1938 г. он эмигрировал из гитлеровской Германии в Латвию, и после ее присоединения к СССР был арестован в Риге органами НКВД; в июле 1941 г. погиб в заключении.

Показательно упоминание Ландау Г.В. Ивановым в переписке с В.Ф. Марковым в 1956 г.: «Известно ли Вам это имя? Мало кому известно. Был вроде как гениальный человек, еврей с наружностью Баратынского. В начале 20-х годов издал поразительный (до всякого Шпенглера) “Закат Европы”. Эмиграция его не переварила – другой Ландау – Алданов – полностью удовлетворил ее запросы» [Ivanov, 1994, S. 43]. Ф.А. Степун оставляет аналогичное свидетельство: «Природа наделила Григория Адольфовича блестящими дарованиями, но жизнь жестоко насмеялась над его даровитостью: то немногое, что он написал, мало до кого дошло и мало на кого произвело должное впечатление» [Степун, 1956, с. 301]. Причины литературных неудач автора виделись Степуну в его идеологической чуждости каким-либо лагерям.

Особо ценным для нас является замечание Степуна по поводу собственной реакции на статью Ландау: «Помню, с каким захватывающим волнением читал я в галицийском окопе только что появившуюся в “Северных записках” статью Ландау “Сумерки Европы”. В этой замечательной статье было уже в 1914-м году высказано многое, что впоследствии создало мировую славу Освальду Шпенглеру» [Степун, 1956, с. 301].

Обращает на себя внимание, что уже через несколько месяцев после начала войны для Ландау стали очевидны ее эсхатологические последствия для европейской цивилизации. По мнению автора, в последние века стержнем общечеловеческой культуры являлось наследие трех руководящих держав – Англии, Франции и Германии. Первая мировая война нанесла сокрушительный удар по западноевропейской культурной гегемонии. В интерпретации Ландау процесс трансформации европейской культуры из мировой и всечеловеческой в провинциальную и частичную начался до

войны и не завершится сразу же по ее окончании. Без войны западный мир должен был постепенно изменить привычный облик, распространяясь на новые центры и впитывая в себя их достижения. Срыв культурной непрерывности, «остановка», «ослабление», «потемнение» и истолковываются автором как «сумеречность».

Центральное место в работе Ландау занимает анализ важнейших для Запада последствий мировой катастрофы, определенных им как «материальное разрушение», «уничтожение живой силы» и «моральное затмение».

Автор закономерно указывает на прямую зависимость объема потерь материальной культуры различных государств от степени их приближенности к континентальным странам. «Если в некоторой степени мир вообще будет сброшен с достигнутого уровня материального расцвета, то Западная Европа будет лежать в развалинах» [Ландау, 1923, с. 22]. Неравномерность разрушений, с его точки зрения, скажется в период восстановления. Безотносительно того, какая из европейских держав окажется победительницей, Ландау предрекает возвышение Японии и Америки, сохранивших свои силы неизрасходованными.

Под «уничтожением живой силы» автор подразумевает не только физическую смерть, но и лишение трудоспособности в силу нервных потрясений, крушения прежних жизненных ориентиров. Поэтому ближайшие десятилетия видятся ему «эпохой стариков и детей», «эпохой утомленных и недозрелых» [Ландау, 1923, с. 26]. Ландау одним из первых укажет на неизбежность и необратимость гендерных изменений в обществе, вызванных резким сокращением численности населения: «На братской могиле миллионов мужчин будет построен храм женского равноправия; и в этом будет, вероятно, – или во всяком случае может быть – одно из великих в более отдаленном будущем последствий войны» [Ландау, 1923, с. 26].

Одним из наиболее деструктивных результатов войны Ландау находит «моральное затмение», т. е. установление атмосферы ненависти и подозрения между народами Западной Европы, губительной как в экономическом, так и в духовном плане.

В понимании автора, мировая война влечет за собой смещение центров культуры. В статье он подробно останавливается на двух аспектах этого процесса – политическом и духовном.

Прежде всего Ландау говорит об отчетливо наметившемся уже к концу XIX в. противостоянии ослабленной Западной Европы и «расцветающих молодых держав» – Японии, Северной Америки и России, которые частично уже побывали в столкновении (Япония–Россия), а частично еще стоят перед перспективой военного конфликта (Япония–Америка). «Сдвинулась ось мировой политики, протянулись силовые линии – уже не по европейскому, а по мировому полю, переместились центры сил» [Ландау, 1923, с. 35].

Анализируя духовные аспекты человеческого наследия, Ландау отмечает, что к последней трети XIX в. культурные достижения России становятся все более самодостаточными; Америка оказывает влияние на Европу, уступающую ей в уровне интенсификации жизни, своими политическими идеями и техническими изобретениями; кроме того, в западном обществе неуклонно возрастает интерес к религиозному и художественному потенциалу Дальнего Востока, «буддийским настроениям и японскому миросозерцанию» [Ландау, 1923, с. 38]. Если раньше творческие потоки и влияния синтезировались в мировую культуру «в европейской кузнице, на наковальне европейской традиции» [Ландау, 1923, с. 38], то теперь отлаженный веками механизм дал сбой, знаменующий окончание великой эпохи.

Однако, несмотря ни на что, автор не утрачивает оптимистического видения происходящего: провинциализация Западной Европы означает не только ее низведение, но и возвышение новых творческих центров.

Общеизвестно, что идея гибели Запада была крайне актуальна для культурного сознания первых десятилетий XX в. Нельзя не отметить, что по замыслу и отчасти по подходам к исследуемой проблеме анализируемая статья оказывается созвучной работе О. Шпенглера «Закат Европы» (1918–1922), на что указывалось уже современниками Ландау (И.С. Лукашом, Ф.А. Степуном и др.).

В «Сумерках Европы» Ландау не пытается подвести итоги случившемуся, а достаточно точно прогнозирует грядущие геополитические и культурологические изменения. Глубокое погружение в проблему и ее адекватное восприятие свидетельствуют о незаурядности автора как философа культуры, политика и публициста. Самому Ландау статья также казалась чрезвычайно важной,

поэтому в 1923 г. он, не внося никаких изменений и дополнений, превращает ее во введение к одноименной книге – наиболее значительному своему философскому сочинению.

Выход книги не вызвал широкого резонанса в эмигрантской среде. Отчасти объяснение этому дает И.С. Лукаш: «Можно с уверенностью сказать, что труд Г.А. Ландау “Сумерки Европы” <…> просто неизвестен “подавляющему” большинству эмиграции. До нее “не дошло” и не дошло, может быть, потому, что мыслитель Ландау пребывает в том умозрительном плане, где умолкают, перестают быть повелительными и становятся ничтожными все те эмоции и все те вымыслы эмоций, которыми еще живем мы. В этом смысле Ландау не с нами, а как бы перед нами: это фигура будущей синтетической эпохи, которой налицо еще нет» [Лукаш, 1930, с. 3].

Немногочисленные отзывы на книгу были далеки от однозначного одобрения. В частности, С.И. Гессен в своей объемной рецензии, опубликованной в «Современных записках» (1923. Кн. XVI) под псевдонимом Sergius, полемизировал с основными положениями работы Ландау. Так, связывая важнейший философский мотив книги с «разрушительной идейностью», Гессен выявляет противоречие между критикуемым Ландау «утопическим максимализмом целей» и психологией самого автора, позаимствовавшей многое от психологии войны. Впрочем, рецензент не умаляет достоинств и самобытности исследования. Главные и лучшие страницы книги посвящены, с его точки зрения, апологии «европеизма». Оригинальность авторской позиции при этом заключается в том, что «позади обычно приписываемого новоевропейской культуре материализма и техницизма, он вскрывает “жизнь вечно бодрствующего за техникой духа, непрерывно следящего, осуществляющего, проверяющего, восстанавливающего”, нравственный героизм, “уровень морального напряжения”, который далеко возвышается над другими эпохами» [Sergius, 1923, с. 438]. Гессен подчеркивает, что именно в этих фрагментах «чувствуется в зародыше целая интересная по замыслу система нравственной философии» [Sergius, 1923, с. 438].

Совершенно очевидно, что статья «Сумерки Европы» представляет собой один из интереснейших опытов философско-критического осмысления Первой мировой войны и ее последствий для мировой и русской культуры.

Литература

Ivanov G., Odoevceva I. Briefe an Vladimir Markov 1955–1957 / Mit einer Einl. hrsg. von H. Rjthe. Köln; Weimar; Wien, 1994. 111 S.

Sergius. [Рец. на кн.:] Ландау Г.А. Сумерки Европы. Берлин: Слово, 1923 // Современные записки. 1923. Кн. XVI. С. 436–444.

Ландау Г.А. Сумерки Европы. Берлин: Слово, 1923. 374 с.

Лукаш И.С. Эпиграфы // Возрождение. 1930. 22 мая. С. 3.

Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. Т. 1. 398 с.

О.А. Симонова

Женские журналы в Первую мировую войну

Начало XX в. в России знаменуется пиком развития женского движения и одновременно расцветом периодической печати. Совпавшие во времени два этих процесса вызвали к жизни небывалое дотоле количество женских изданий. Сильное влияние на развитие женской периодики оказала Первая мировая война: появляются новые издания, а уже существовавшие меняют свое содержание.

С началом войны женские журналы печатают много материалов, посвященных описанию деятельности женщин в связи с создавшейся обстановкой. Интересно рассмотреть, как эти издания восприняли войну и какой они видели роль женщины в ней. Сравним публицистику в типологически разных журналах: традиционном дамском «Журнале для хозяек» и феминистском «Женском вестнике». Также важно проанализировать публикации в изданиях, появление которых было вызвано Первой мировой войной: журналах «Женская жизнь» и «Женщина и война». Эти издания a priori были ориентированы на освещение участия женщин в войне.

«Журнал для хозяек», задуманный как практическое руководство для женщин в ведении домашнего хозяйства, выходил в Москве в 1912–1926 гг. под редакцией А.В. Лобанова. С началом Первой мировой войны в журнале резко увеличивается количество публицистики, расширяется круг тем, освещаемых на страницах издания. Говорится об освоении женщинами новых профессий, об увеличении их доступа к образованию.

Часто журналисты требуют от читательниц высказать собственное мнение, проявить гражданскую позицию. Например, автор статьи «Борьба с зеленым змием», рассказывая о вводе на все время войны сухого закона, с радостью воспринятого в деревне,

борется с пассивностью интеллигентных женщин. Он призывает их подписать клятвенное обещание не употреблять алкоголь и не разрешать это делать мужу и детям [Анчар, 1914][1]. Подобные ограничения предъявляются журналом и к моде. Оперная артистка Де-Лозио-Лосская призывает женщин отказаться на время войны от таких дорогих вещей, как кружева, вышивки, перья и разные украшения для шляп [Де-Лозио-Лосская, 1914].

Но если вначале война воспринималась журналом большей частью как средство приобщения женщины к общественной деятельности, то уже с 1915 г. издание описывает возникшие сложности. Постоянно обсуждаются вопросы дороговизны и дефицита товаров и методов борьбы с ними [Веге, 1915; Готвальт, 1915], проблемы беженцев [К.М., 1915]. Разрушенная семейная жизнь привела к таким последствиям, как рост проституции [Ш2, 1916] и романы женщин с пленными врагами [Ник, 1916]. «Журнал для хозяек» не забывает, что одной из основных функций его читательниц является материнство. Ставится вопрос о том, как дети воспринимают войну, как она отразится на их психике [Скворцов, 1917; Кай, 1917]. Описывается случай, когда дети лепили снежную бабу, взяв в качестве каркаса труп австрийца [Ш1, 1916][1].

Споры о женских ролях, ведущиеся с начала издания, продолжаются. Ключевым становится вопрос о месте женщины в этой войне. Некоторые авторы предпочитают видеть ее в роли хранительницы домашнего очага: «Прежде всего, конечно, женщина обязана сохранить целость и неприкосновенность семейного очага, в котором бы свободно и беспечально росло и развивалось молодое поколение» [Костылев, 1914]. Английская исследовательница Аудитт Шэрон пишет об общей тенденции дамских журналов сопротивляться радикальным изменениям в женских жизнях, вносимым войной [Sharon, 1994, p. 90]. Философия журналов «базируется на условном христианском учении и стремлении противодействовать соблазнам пола и суфражизму, компенсируя это поддержанием морально высшей традиционной идентичности» [Sharon, 1994, p. 92].

[1] В 1914 году «Журнал для хозяек» назывался «Журнал для хозяек и женская жизнь».

Даже ожидая от читательниц активности, авторы издания требуют от женщины привычной незаметности на общественной сцене и терпимости: «Нам не нужно героинь: времена Иоанны д’Арк и Жанны Гашетт отошли в вечность; нам нужны скромные, простые работницы, движимые великой любовью, способные взяться за любое дело, не спрашивая – интересно оно или нет; нужно, чтобы не осталось ни одной равнодушной, инертной женщины, и тогда они выполнят свой высокий долг любви и милосердия, долг дочерей к великой общественной матери, истекающей кровью и слезами» [Е.В., 1914].

Дискуссии о роли женщины не оригинальны, но показывают патриархальность взглядов редакции (возглавляемой издателем-мужчиной). И хотя некоторые авторы журнала призывают женщин пойти на войну, редакция четко распределяет гендерные роли: «Долг и обязанность мужчин сражаться, защищать свою родину и во что бы то ни стало добиваться окончательной победы над врагом. Главный долг и обязанность женщин в это время поддерживать огонь семейного очага, сохранять и выращивать у этого огня новых борцов за родину и строителей новой жизни» [Редакция, 1915]. Заявления в пользу традиционной роли женщины были близки читательницам тем, что оправдывали и даже чествовали их положение хозяек.

Степень традиционности издания определяется его отношением к женскому движению. Если работа благотворительных женских обществ в помощь раненым и военнопленным оценивается «Журналом для хозяек» положительно [Горский, 1916; Скворцов, 1916], то феминистские организации, на взгляд авторов, во время войны «страдают полным отсутствием деятельности» [Виртин, 1915]. Журнал отмечает ограниченность суфражизма, понимая задачу женского движения как достижение экономического равноправия [Петровский, 1917]. Издание, согласно своей практической ориентации, стремится изменить женскую жизнь в экономическом плане. В тяжелые военные годы редакция неоднократно пишет о необходимости создания общества для совместных закупок товаров, для организации детских садов, для создания столовой и т. д. [Виртин, 1915].

Пример «Журнала для хозяек» показывает, что вызванное Первой мировой войной расширение женской активности и рост ее самостоятельности встречали сопротивление традиционалистов. Дамский журнал, приоткрывая завесу над общественной жизнью женщины, подчеркивает приоритет семьи и ведения домашнего хозяйства для своих читательниц.

«Журнал для хозяек» не мог удовлетворить возросшей потребности в информации о войне. Для заполнения лакуны редакция издания решила выпускать двухнедельный иллюстрированный журнал «Женская жизнь». Он выходил в Москве с 1914 по 1916 г. Редакция «Женской жизни» стремилась сделать журнал «спутником женщины, ее задушевным другом и твердым руководителем в ее общественной жизни» [На рубеже, 1915]. Издание показывает читательнице возможности для ее реализации за пределами семьи. Возрастающая роль женщины в современном обществе связывается прежде всего с войной, которая стала «поворотной эпохой» в ее жизни.

Ощущением «нового», перемен в жизни женщины проникнуты все номера журнала, что выражено уже в поэтике названий статей: «Новые ценности» Ив. Анского, «На новых путях» В.Н. Останковича, «На заре новых дней» и «Грядущее» З. Перевaловой, «Новые пути» Юл. Зайцевой, «Обновление русской жизни и женщины» Ник. Ардашева, «На новом пути» Торе Гама.

Война явилась «экзаменом женской гражданственности и испытанием нравственных сил женщины» [Анский, 1915]. Именно здесь она проявила себя как воин, стала солдатом [Анский, 1915]. Война дала возможность женщине опровергнуть утверждение, что она «существо низшее, слабое, ни на что не способное» [На рубеже, 1915]. Вместе с тем энтузиазм авторов не затмевает появившихся проблем. Например, Нина Иванова ставит вопрос о том, что делать с детьми, родившимися у изнасилованных на войне женщин [Иванова1, 1915]. «Отрадным явлением» признается сокращение проституции в связи с запретом торговли спиртными напитками [Н.К., 1915].

В первое время войны издание пристально следит за ее ходом [И.М., 1914], но постепенно хроника военных событий выме-

щается со страниц журнала, и тема войны присутствует лишь в связи с женской темой. Отмечается, что многие женщины стали сестрами милосердия, приняли участие в создании и деятельности благотворительных обществ в поддержку русской армии.

Авторы обращают повышенное внимание на насущные проблемы женщин на войне. Так, например, высказывается предложение об упрощении одежды сестер милосердия, о придании ей практичного и функционального вида. «Война меньше всего требует женственности и трогательности» [Штатский, 1914], – заявляет автор статьи. Глобальные вопросы жизни и смерти должны вытеснять собой в сознании женщины ее мелочные интересы, в число которых входят заботы о внешнем виде. Война – «не время думать о нарядах» [Иванова, 1916]. Пышность и богатство женских платьев и украшений противопоставляются боли и страданиям раненых воинов. Нина Иванова в статье «О модах» пишет: «Когда я смотрю на багровеющие рубины кулонов и браслетов, чей так ярок контраст с белизной шей и рук, то не могу отогнать от себя назойливой мысли:

– Так, быть может, краснеет на снегу застывшая кровь тех, кто любил эти руки» [Иванова, 1916].

Хотя основным пафосом издания является вовлечение женщины в общественную деятельность, «Женскую жизнь» скорее можно назвать умеренно феминистским журналом. Издание критикует деятельность почти всех женских организаций. Редакция подчеркивает свою беспартийность и пишет о своем стремлении освещать «пути женского движения и расставлять на нем вехи» [На рубеже, 1915]. Подобно «Журналу для хозяек», «Женская жизнь» трактует освобождение женщины как достижение экономического равноправия.

Вслед за «Женской жизнью» в Москве появляется феминистский журнал «Женщина и война», первый и единственный номер которого вышел в марте 1915 г. под редакцией А.К. Яковлевой. Редакция рассматривала войну как наилучшее время для проявления женской активности: «Согласно отжившей, мужской морали, уделом оставшейся дома женщины должны были бы быть печаль и беспомощные слезы. Но в исторический момент, переживаемый

теперь Россией, женщина доказала, что ей некогда плакать» [Яковлева, 1915]. Содержание издания (статьи о женщинах на войне, о женском труде, фотографии женщин-воинов) подтверждало заданную линию. Таким образом, журнал полностью сконцентрировался на теме участия женщин в войне.

Единственным продолжающимся ультрафеминистским изданием, выходившим в России в годы войны, был журнал «Женский вестник». Он выпускался в Петрограде в 1904–1917 гг. ежемесячно и издавался усилиями врача и феминистки Марии Ивановны Покровской. Первую мировую войну издание восприняло как новую эру в жизни общества, и женщин в особенности. Военные номера «Женского вестника» пронизаны идеей слома старой цивилизации и зарождения нового мироустройства, развивается мысль о необходимости женского участия в построении нового общества.

В самом начале войны Покровская пишет статью «Самоистребление Европы», в которой в феминистском ключе анализирует причины войны и призывает женщин вмешаться в ход событий. На взгляд Покровской, истоки войны лежат в мужском господстве: «Манией величия и властолюбия в большей или меньшей степени заражена вся мужская половина рода человеческого, дающая тон современной культуре. <…> Александр Македонский, Аттила, Чингис-Хан, Наполеон I и самое последнее издание – Вильгельм II – вот ряд исторических лиц, которые, так сказать, сконцентрировали в себе склонность мужчин к власти и господству при помощи грубой силы» [Покровская, 1914, с. 171]. Цивилизация гибнет из-за того, что миром правят мужчины. Изменить ход истории можно, только предоставив женщинам равное с мужчинами участие в жизни общества: «Женщины! Ваша очередь выступить вперед на сцену! Вы должны вывести человечество из этого ужасного круговорота. Вам прирожденно миролюбие, вы с отвращением смотрите на рабство» [Покровская, 1914, с. 172]. Покровская уверена, что женщины смогут победить власть грубой силы, но для этого они должны сами стать свободными. Она надеется, что война послужит прозрению и освобождению женщин.

Журнал последовательно проводит мысль, что именно женщины, дарующие жизнь, должны бороться за ее сохранение. «Пусть настоящая война будет последней войной цивилизованного мира. Если этого нельзя сделать, то стоит ли жить? Можно ли женщинам жертвовать жизнью для рождения детей, если каждые сорок лет их сыновья должны быть убиваемы механическими орудиями, а дочери изнасилованы и умирать с голоду?» [Женщины и война, 1914, с. 271].

Уже в 1914 г., когда в обществе царили идеи войны до победного конца, журнал, в целом настроенный патриотически, все же призывал своих читательниц: «Матери, жены, сестры и дочери! К вам взывает редакция “Женского вестника”, направьте ваши усилия на достижение великой цели: создания длительного прочного мира, мира навсегда! Его требует благо и прогресс человечества» [Война и мир, 1914]. Важно, что здесь в обращении подчеркиваются родственные связи: «матери, жены, сестры и дочери» (а не универсальное «женщины», отмечающее только пол), редакция акцентирует взаимосвязанность всех людей. Вообще, журнал представляет женщин не как группу людей со специфическими интересами, а как часть человечества, притом лучшую часть. Утверждается их особая гуманность и миролюбие. На этом фоне казусом звучат идеи «уподобления» женщин мужчинам, необходимости допущения их во все традиционно мужские сферы деятельности, в том числе и в армию.

«Женский вестник» часто публикует истории женщин-солдат: «Вопреки господствующим взглядам, что роль женщины на войне заключается в помощи раненым и больным, русские женщины стремятся с оружием в руках защищать свое отечество» [Иванова, 1914]. Издание воспроизводит историю женского участия в предыдущих войнах [Бутми, 1915; Женщины в крымскую кампанию, 1915]. Говорится даже о способности женщин заниматься военной стратегией [Женщины и война, 1915]. В этом заложено явное, правда, не осознаваемое журналом противоречие. Объясняется это тем, что Покровская развивала концепцию «феминизма мужских прав» [Юкина, 2007, с. 269], т. е. первый этап устранения гендерного неравенства понимался ею как предоставление женщинам всех мужских прав.

Именно Первая мировая война открыла для женщин новые возможности, они показали себя способными быть равными мужчинам во всем. «Пусть после войны мужчины вспомнят о заслугах и самопожертвовании женщин и перестанут отказывать им в равноправии» [Война, 1914], – пишет «Женский вестник». В специальной рубрике «Женщины и война» журнал освещает труд и положение женщин в этот период.

В военные годы в журнале продолжали подниматься такие довоенные проблемы, как избирательные права женщин, неравная оплата женского и мужского труда, страхование и охрана материнства, устройство детских яслей, проституция. В конце 1915 г. «Женский вестник» отмечает возникающие в Петрограде трудности с продовольствием, его дороговизну. Риторика сменяется конкретными делами, журнал начинает принимать активное участие в жизни, редакция пытается организовать кооперативную столовую [Иванова2, 1915].

Таким образом, если в традиционных дамских журналах тема войны не стала единственной в те годы, то в феминистских изданиях, как журналах идеологических, большинство материалов так или иначе затрагивают этот мировой конфликт, который воспринимается изданиями как возможность реализовать идею освобождения женщины. Дамские журналы были гораздо более разнообразны по своему содержанию, что и привлекало читательниц.

Общей чертой всех журналов стало отношение к войне не как к самоценной теме, а только как к новому периоду в жизни женщины, этапу в становлении женской личности. Война расколола историю на два этапа: первый – довоенный, исключительно мужской, второй – с участием женщин. Таким образом, война обеспечила женщине выход в общество и на производство. Поэтому освещение событий этой эпохи на страницах женских журналов дается через призму их влияния на женские судьбы.

Во всех женских изданиях высказывается мысль, что война вынуждает женщину выразить свою гражданскую позицию. Но если «Журнал для хозяек» ожидает от женщины типичных проявлений заботы, благотворительности, готовности исполнять чужой труд, то феминистские журналы смело призывают читательниц занимать все мужские позиции, в том числе и в армии.

В целом же, можно говорить о том, что описываемые женские журналы выражали патриотические взгляды на войну, требуя от своих читательниц не оставаться в стороне от происходящих событий.

Литература

Анский Ив. Новые ценности // Женская жизнь. 1915. № 4. С. 1–2.

Анчар. Борьба с зеленым змием // Журнал для хозяек и женская жизнь. 1914. № 21. С. 21–23.

Бутми Н. В плену у японцев // Женский вестник. 1915. № 7–8. С. 126–131.

Веге [Готвальт В.А.] Дровяные анекдоты (Из сказок действительности) // Журнал для хозяек. 1915. № 22. С. 28.

Виртин М. [Энгельгард В.В.] Женские общества // Журнал для хозяек. 1915. № 16. С. 1–2.

Война // Женский вестник. 1914. № 9. С. 173–174.

Война и мир // Женский вестник. 1914. № 9. С. 192–193.

Горский В. Милосердие справедливости // Журнал для хозяек. 1916. № 8. С. 20.

Готвальт В. Скачут… и прячут // Журнал для хозяек. 1915. № 23. С. 26–27.

Де-Лозио-Лосская. [Письмо в редакцию] в статье: К.М. Война и наряды // Журнал для хозяек и женская жизнь. 1914. № 19. С. 5.

Е.В. Герои и героизм // Журнал для хозяек и женская жизнь. 1914. № 17. С. 22.

Женщины в крымскую кампанию // Женский вестник. 1915. № 9. С. 153–154.

Женщины и война // Женский вестник. 1914. № 12. С. 267–272.

Женщины и война // Женский вестник. 1915. № 1. С. 21–25.

И.М. Итоги войны // Женская жизнь. 1914. № 1–3.

Иванов А.И. Первая мировая война в русской литературе (1914–1918). Тамбов, 2005.

Иванова Н. О модах: (Письмо в редакцию) // Женская жизнь. 1916. № 4. С. 19.

Иванова. Женщины и война // Женский вестник. 1914. № 11. С. 234.

Иванова1 – *Иванова Н*. Дети насилия // Женская жизнь. 1915. № 7. С. 5.

Иванова2 – *Иванова*. К вопросу о дороговизне // Женский вестник. 1915. № 10. С. 170–171.

К.М. Беженцы // Журнал для хозяек. 1915. № 19. С. 16.

Кай. Дети без детства // Журнал для хозяек. 1917. № 3. С. 29.

Костылев Вал. Женщина, семья и война // Журнал для хозяек и женская жизнь. 1914. № 17. С. 28.

Н.К. Отрадное явление // Женская жизнь. 1915. № 3. С. 8.

На рубеже // Женская жизнь. 1915. № 1. С. 2.

Ник. То, против чего надо протестовать // Журнал для хозяек. 1916. № 6. С. 23–24.

Петровский В. На верный путь // Журнал для хозяек. 1917. № 2. С. 1–2.

Покровская М.И. Самоистребление Европы // Женский вестник. 1914. № 9. С. 170–173.

Редакция. Пятый год (От редакции) // Журнал для хозяек. 1915. № 21. С. 1–2.

Скворцов Н.А. Война и творческая работа женщины // Журнал для хозяек. 1916. № 10. С. 21.

Скворцов Н.А. Душа ребенка: Война и переживания детей // Журнал для хозяек. 1917. № 2. С. 28–29; № 4. С. 11–12.

Ш1 – *Ш. Елизавета*. Надо быть готовым // Журнал для хозяек. 1916. № 6. С. 4–5.

Ш2 – *Ш. Елизавета*. Вечно новое: (К борьбе с проституцией) // Журнал для хозяек. 1916. № 11. С. 21.

Штатский. Проект маленькой реформы // Женская жизнь. 1914. № 2. С. 13.

Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.

Яковлева А.К. Призыв к женщинам // Женщина и война. 1915. № 1. С. 1.

Sharon O. Fighting Forces, Writing Women: Identity and Ideology in the First World War. L.; N. Y., 1994.

М.В. Козьменко

Полузабытый «Голос жизни» – «пораженческий» еженедельник

Журнал «Голос жизни» выходил в Петрограде в течение девяти месяцев с начала октября 1914 г. по 24 июня 1915 г. Несмотря на кратковременность его существования, издание стало ярким феноменом русской периодики эпохи Первой мировой войны.

Издателем «еженедельного литературно-политического иллюстрированного журнала» был Евгений Иванович Маурин (?–1925), который наиболее известен как автор исторических авантюрно-приключенческих романов. Одни названия этих произведений – «Могильный цветок», «Возлюбленная фаворита», «Кровавый пир», «На обломках трона», «Венценосный раб», «Герцогиня и конюх», «Гренадеры императрицы», «Около плахи» – должны подсказать нам, почему они до сих пор регулярно воспроизводятся сразу несколькими российскими коммерческими издательствами.

Но в журнале «Голос жизни» Маурин проявляет себя в основном как театральный критик, являясь автором рецензий на текущую театральную продукцию.

В первых номерах журнала наиболее яркой фигурой становится Сергей Городецкий, который почти в каждом номере помещает свои стихи, рассказы или публицистические статьи. Даже первая обложка журнала – работы Городецкого, который, как известно, был неплохим художником. Это копия фрагмента инкрустации Матео ди Джованни на полу Сиеннского собора на тему избиения младенцев по приказанию Ирода, царя Иудейского (рис. 1).

Обложки журнала (эта и сменившая ее в 1915 г., выполненная Сергеем Чехониным (рис. 2)) отражают вместе с названием его своеобразную, так сказать, «пораженческую» направленность. Название еженедельника – «Голос жизни» (вероятно, связанное с

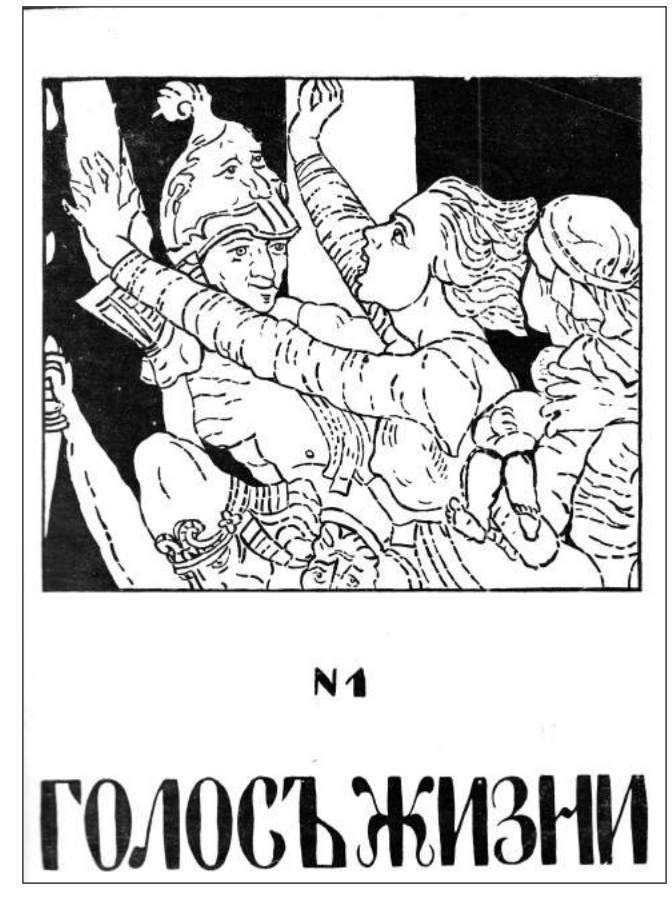

Рис. 1

заголовком раннего романа К. Гамсуна) – выделяется среди типичных для военного времени именований периодических изданий (в основном определяемых военной или патриотической лексикой) и, как можно предположить, ориентирует читателя на «мирные» и общегуманистические ценности. И если в черно-белой обложке Городецкого «голос жизни» еще окружен образами насилия и страха, то в двуцветной, коричневато-палевой, сдержанной гамме рисунка Чехонина главными мотивами становятся молодость, надежда, покой и созидание.

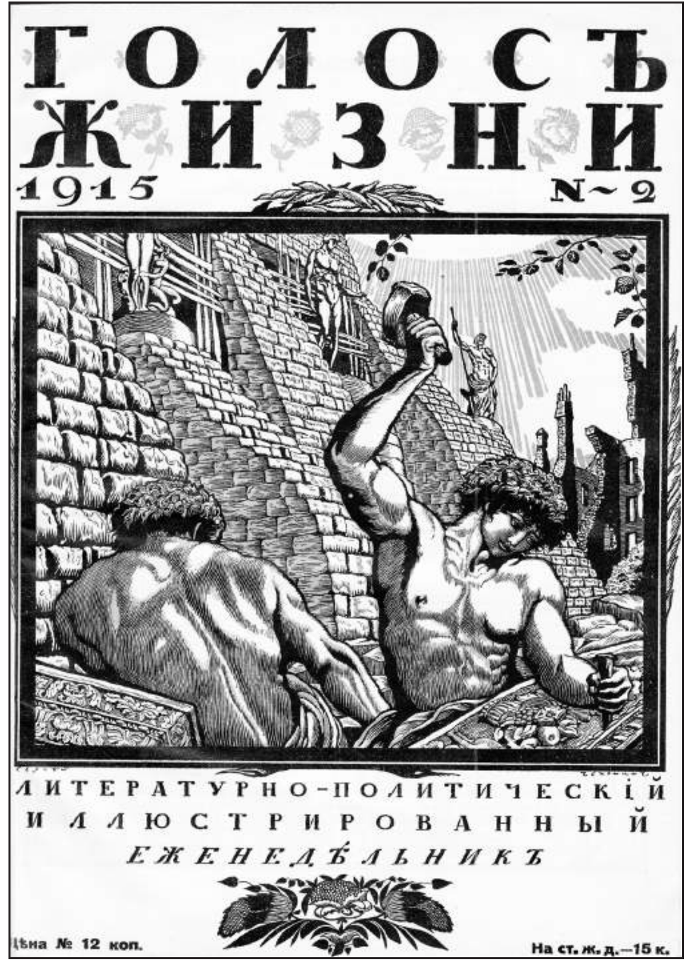

Рис. 2

Разумеется, ни цензурные условия, ни самая общественная атмосфера первого (1914) года войны не позволили бы журналу в значительной степени выпасть из общего тона. Так, в статье того же Сергея Городецкого «Любовь к немцу» выражено недовольство слишком гуманным обращением с немецкими военнопленными, которых якобы угощают шоколадом и вообще окружают чрезмерным вниманием (особенно если это раненые). Хотя, по слухам,

сами немцы раненых пленных закапывают живыми в землю. Вывод автора очень показателен для публицистики тех лет: «любить немца – значит бить его» (1914. № 2. С. 12–14).

Но вместе с тем уже в самых первых номерах «Голоса жизни» звучат довольно отчетливые ноты протеста если не против самой войны, то против пропагандистского угара, порой перехлестывающего, по мнению авторов журнала, границы здравого смысла.

В театральных рецензиях Евгения Маурина регулярно высмеиваются ультрапатриотические сценические поделки. Так, уже в первом номере – под характерным заголовком «Чей позор?» – появляется его отзыв на постановку в суворинском театре пьесы известного актера Мамонта Дальского «Позор Германии». Разобрав фабульную сторону этого опуса, которая основана на весьма неумелом использовании газетных сообщений, рецензент переходит к рассмотрению его сценических достоинств: «И ведь даже с чисто внешней стороны произведение г. Дальского неудачно до смешного. Пьеса наивна до неловкости, в ней нет совершенно эффектов, нет нарастания мелодраматической жути. И если она все-таки бьет по нервам, если она вызывает массовые истерики у дам, то только потому, что из-за надуманной сценической пошлятинки на читателя глядит великий и леденящий ужас неприкрашенной действительности. И с этой точки зрения произведение г. Дальского не только бездарно, но и безнравственно, так как оно рассчитано исключительно на прикосновение к кровоточащим ранам, на коммерческое использование священной скорби тех, кто уже понес в столкновении с германским варварством потери близкими людьми» (1914. № 1. С. 22). Красноречивы заголовки других театральных отзывов Маурина («Патриотизм в миниатюре, или Миниатюрный патриотизм» – 1914. № 2. С. 19–20; «Кустарного дела драматургия» – № 6. С. 15–17; «“Реймсский собор” и г-жа Павлова» – 1914. № 7. С. 18; «Ненастоящее» – № 10. С. 19–20, и др.)

Владимир Азов в фельетоне «Аллопекс–фукс» говорит будто бы о логических неувязках в известном докладе о немецкой культуре В.Ф. Эрна, сделанном в Религиозно-философском обществе им. В. Соловьева и опубликованном позже в «Русской мысли» (1914. № 12. <Отд. 2>. С. 116–124) под названием «От Канта к Круппу».

На самом деле фельетонисту явно претит сам пафос Эрна, уравнивающего высшие духовные ценности с реалиями германского милитаризма: «Кантовский феноменализм содержит в себе, – как скорлупа яйцо, что ли, – прусский милитаризм конца XIX – начала XX века. Таинственная кантовская “вещь в себе” становится не только достижимой, но и доступной для перевозки, правда – только по очень хорошим дорогам, ибо эта “вещь в себе” есть не что иное, как крупповский сюрприз – 42-хметровая мортира. Кант выявляется нам таким образом ретроспективным агентом фирмы “Крупп в Эссене”, прикрывшим флером своей философии, как дымовой завесой, будущие крупповские 16-тидюймовые ноумены. Понятными становятся также высящиеся на границах умопостигаемого мира антиномии Канта: как нельзя более очевидно, что под этими антиномиями автор “Грез духовидца” разумел 18000-тонные броненосные крейсеры “Гебен” и “Бреслау”» (1914. № 2. С. 11).

Но наиболее ярким общественно-политическим жестом журнала становится публикация доклада Д.С. Мережковского «О религиозной лжи национализма», сделанного в петроградском Религиозно-философском обществе 26 октября 1914 г. Доклад содержал резкие инвективы в адрес неославянофильских веяний, существенно усилившихся с началом войны (по поводу этого феномена в целом отсылаю к работе Бена Хеллмана «Когда время славянофильствовало»[1]). Знаменательно, что публикация Мережковского является одним из немногих материалов журнала, подвергшихся цензурной чистке (ср. журнальную публикацию с несколькими «зияниями» вместо текста и полную стенограмму выступления[2]).

Уже исходные тезисы Мережковского существенно расходятся с основным вектором как официальной пропаганды, так и неославянофильских штудий того времени: «Война с милитаризмом, война с войною – таков желательный для нас, должный смысл настоящей войны.

Но таков ли смысл данный, действительный? Против милитаризма, как ложной культуры, выставляется принцип культуры истинной, всечеловеческой. Но принцип этот оказывается на наших глазах отвлеченным и бездейственным. Никогда еще, за память европейского человечества, не бывало такого попрания самой идеи культуры всечеловеческой» (1914. № 4. С. 22).

Опираясь в основном на историософско-политические высказывания Тютчева (являвшиеся, по Мережковскому, наиболее последовательным и прозрачным выражением славянофильской доктрины) и пытаясь показать, что любой национализм органично порождает империализм, в своих выводах Мережковский приходит к следующему: «В настоящей войне происходит торжество славянофильского национализма, окончательно выродившегося в “зоологический патриотизм”. Вот почему исконная задача русской общественности – борьба с национализмом – сейчас труднее и ответственнее, чем когда-либо. Борьба велась доныне в позитивной плоскости. Но окончательное преодоление славянофильского национализма возможно только в той плоскости, где сам он движется, а именно – в религиозной.

В этом отношении польская интеллигенция может быть сейчас могущественной идейной союзницей интеллигенции русской. В учении польского мессианизма вопрос об отношении национальной правды к человеческой поставлен религиозно, т. е. именно так, как должна была и не сумела поставить его русская интеллигенция. Польский мессианизм наиболее противоположен русскому славянофильскому национализму. Сущность идеи мессианской – не хищное, насильственное господство одного народа надо всеми другими, а служение, самоотречение, страдание, жертва. <…>

Великие страдальческие судьбы Польши – небывалая всемирно-историческая Голгофа. Ни один народ так не страдал, кроме народа Божьего, народа Мессии по преимуществу, – Израиля. Польша и есть новый Израиль, воистину новый народ Божий. Идея жертвенного служения воплотилась в нем, как ни в одном из христианских народов. Россия страдала за Европу; Польша страдает за Россию. “Язвами ее мы исцелеем”. В этом смысле польский народ – воистину народ “богоносец”.

Лучшее лекарство от застарелой русской болезни славянофильского национализма – польский мессианизм, жертвенное служение народа высшей правде всечеловеческой. Вот почему совершающееся ныне духовное сближение Польши с Россией может быть

спасением обоих народов. “Еще Польша не сгинула” – да прозвучит в наших сердцах как вечный завет: “еще Россия не погибла”.

Вместе погибали – вместе и спасемся» (1914. № 4. С. 23–24).

И хотя статья Мережковского сопровождалась полемическими откликами на нее А.В. Карташова («О национализме») и Л. Галича («Ядовитая праведность») (Там же. С. 24–26), резкость этого антиславянофильского памфлета на общем фоне была явственно ощутима.

В седьмом номере журнала за 1914 г., под названием «Великий путь» был помещен доклад «История в христианстве», сделанный в том же петроградском Религиозно-философском обществе 9 ноября 1914 г. Зинаидой Гиппиус. Именно благодаря христианству, считает она, у человечества, прошедшего «великий путь» религиозно-морального восхождения, только недавно появился новый стыд – стыд войны: «Когда шли войны филистимлян с евреями, даже когда варвары надвигались на Рим, внутреннее состояние воюющих было естественно (и праведно, по времени) на уровне их дела. Для того же дела *теперь* – необходимо *снижение* духа и сознания, отступление с уже занятых позиций. Ведь перед тем осознанием войны, отношением к ней, которое уже достигнуто современным человечеством, – духовное состояние, потребное для войны, может казаться почти безумием! Да и называется безумием в нормальное время.

Бесцельны старанья возвысить войну, как таковую; надо *снизиться* до нее; и счастливы те, кому дано сделать это с инстинктивной простотой. “Война есть наитруднейшее подчинение Богу. Простота есть покорность Богу; от Него не уйдешь. И *они* – просты” (Л. Толстой).

Да, он верен, другого пути *нет.* Верен в том, что идти на войну, принять войну, снизиться, возвратиться, – *надо.* Но путь этот – не должен быть изменническим. Потерять душу, положить душу свою – должно, а изменить ей нельзя. Не потому мы примем войну, что вот эта война – как бы не война, как бы чем-то может быть оправдана. *Ничем* она не может быть оправдана. На войну честно надо смотреть, как на поворот назад, загиб, *петлю*, удлиняющую всемирный путь человечества» (1914. № 7. С. 13–14).

Гиппиус вторит Мережковскому, утверждая, что понятие национальности лишь предварительный этап единой общности человечества, которое в будущем должно объединиться во вселенской церкви. «Война – не борьба между “вчера” и “сегодня”; это борьба *внутри* “вчера”. Но если в какой бы то ни было части человечества, большой или малой, еще жива и действенна вчерашняя святыня, – она жива *для всех.* Смысл общего исторического пути, который объемлется вселенским, триединым христианством, именно *в общности* этого пути. Воля человечества – достичь цели пути, “спастись”; но спастись оно может лишь во всей целокупности. Если гибель-то общая; замедления, возвраты на пути – общие; и спасение – общее.

Мы не смогли утвердить наше “сегодня”; не отдали всех сил на то, чтобы загоралась борьба желанная, – утренняя. Мы ее еще не достойны; ведь мы или спали, или ходили по воздушным ступеням.

Обратимся же, вернемся к земле, к жизни, где сейчас пылает наш вечерний огонь – *последняя* война. Если он действительно будет для нас огнем искупления и очищения, если мы, теряя душу, все-таки не изменим ей, – совсем *другими* мы выйдем из огня. С *другими* силами мы встретим наше утро. И оно уже не погаснет. За нашей волей, за волей земного человечества, встанет Воля Божья» (Там же. С. 15–16).

Если вернуться к понятию «стыд войны», которое не в последнюю очередь влияло на облик журнала, то нужно еще раз отметить, что чаще всего его проявления носили не прямой, а скорее косвенный, «отраженный» характер.

Например, таковой ракурс явлен в резко негативном отношении к Леониду Андрееву (прежде всего как к «военному» публицисту). Гиппиус – Антон Крайний как бы фокусирует в самой личности давнего литературного противника образ «соловья над кровью», оголтелого ура-патриота, захлебывающегося в пропагандистском раже. Разумеется, Андреев-публицист был фигурой куда более сложной (что отмечено в докладе А.И. Иванова; см. наст. изд., с. 170–180), но Антон Крайний был сконцентрирован только на созданном им виртуальном образе писателя.

Симптоматичен в этом плане фельетон «Апогей» с его хлестким, на грани приличий, началом: «Он был всегда человек увлекающийся и громкий на слова. А что с ним сталось “в чаду войны” (заглавие статьи Розанова в “Н. Вр.”) – уму непостижимо. Не знаешь, как и определить. Вот разве: одна юная гимназистка жаловалась в письме, что хочет и не может “довести себя до апогея”. Г-ну Л. Андрееву посчастливилось: именно *довел себя до апогея*.

Я заметил, что цитаты из Л. Андреева sunt odiosa. Непонятно, однако – факт. Ничего, обойдусь и рассказом об андреевских апогейных действах. Прежде всего – количество. За какую газетину, за какой журналишко ни возьмись – он! И “День”, и “Биржевые”, и прочие, а “Отечество” (к счастью, в кавычках) так прямо затоплено. Л. Андреев и на сцене Александринки, и на эстраде в виде Бельгии, и в “инициативной группе” печати, вместе с А. Столыпиным, – на собрании в думском зале.

В зале я не был, как проявился апогей г. Андреева там – не знаю. А как в литературе – немножко знаю. “Отечество”, например. Это ведь – наш нео-Сатирикон, ежели судить по карикатурам. Сидит на задней странице громадный, в красках, немец и гложет окровавленную человечью кость; а вдали – бледные фигуры “ученых всего мира”, бессильно “протестующих”. Картинку, очевидно, поясняет статья Л. Андреева, с криком протестующего против протеста ученых и литераторов Москвы, которые протестовали… впрочем, все знают, против чего они протестовали.

Какое же содержание андреевского апогея, или хоть цвет, и вкус, если в “апогеях” не до содержания?

А цвет и вкус обыкновенные. Раз нельзя приводить собственные слова Андреева, – приведу очень близкие, повторяющие г. Андреева, слова В. Розанова (“Нов. Время”, № 13891): “Этих мерзавцев-немцев надо колотить по морде – ружьем, плетью, кулаком, чем попало… Идите и старый, и малый против этих ученых зверей”» (1914. № 9. С. 14).

Заметно, как искусный памфлетист Антон Крайний переносит полемический жар с почти «бесплотного» (ибо лишенного «одиозных» цитат) Андреева на иных, более серьезных по сути

(явленной и в цитате, и в картинке) противников – журнал «Отечество» и Розанова.

Андреев так или иначе поминается почти в каждом фельетоне Гиппиус, помещенном в «Голосе жизни». Разумеется, журнал публикует и зубодробительную рецензию на его пьесу «Король, закон и свобода» (1915. № 1. С. 18), посвященную мужественному сопротивлению Бельгии кайзеровской оккупации. Даже далекая от злободневности заметка писателя о постановке «Фауста» отмечена язвительной репликой Е. Маурина (1914. № 5. С. 19–20).

В номере 11 (от 24 декабря) 1914 г. в объявлении от редакции говорится: «С настоящего номера журнал “Голос Жизни” выходит при ближайшем участии Д.В. Философова и при расширенном составе сотрудников». Объявление звучало как декларация более чем узаконивающая «присутствие» в журнале «тройственного союза» (Мережковский–Гиппиус–Философов). По справедливому суждению Бена Хеллмана, Гиппиус публиковалась в «Голосе жизни» почти как в собственном журнале[3]. За короткий период его существования в нем было помещено три ее стихотворения, рассказ и девять статей (см. Приложение). Философов был автором семи публикаций (хотя, по некоторым признакам, он мог вести и анонимную рубрику «Обо всем», появившуюся в журнале первый раз как раз в том самом одиннадцатом номере, в котором было декларировано его ближайшее участие). Мережковский же (помимо вышеуказанного доклада) отметился лишь большой статьей «Жизнь Байрона», так как формат еженедельника был, скорее всего, маловат для его обычно размашистых писаний.

О привлечении в журнал круга молодых литераторов, близких к Гиппиус, сказано в докладе Н.А. Богомолова (см. наст. изд., с. 291–302). Впрочем, там же говорится, что не весь спектр молодых (и признанных) поэтов определялся пристрастиями круга Мережковских. Журнал так и не стал их «семейным» органом. Так, активно в нем печатался – как прозаик и публицист – Георгий Чулков, недруг Мережковских в эпоху «Весов» и «Золотого руна». В журнале появился и его доклад, прочитанный в Религиозно-философском обществе, – «Оправдание символизма» (1915. № 24, 25), а также (помимо иных отдельных публикаций) цикл

статей, подчеркнуто озаглавленный «Письма со стороны» (1915. № 17–20, 23). В журнале напечатаны два рассказа Федора Сологуба (1914, № 4 и 10), хотя в нем же (правда, через год после сологубовских публикаций) Антон Крайний пишет о «горячечном бреде» его «раненой музы» – вдохновительницы военных стихов и рассказов писателя (1915. № 24. С. 1–2).

Вообще многоголосая полемичность отличала «Голос жизни» от многих других изданий, волею суровой эпохи влекущихся к монохромной, «партийной» идеологии. О полемическом контексте, окружавшем публикацию цикла О. Мандельштама «Рим» (включавшем и внутрижурнальный диалог Мариэтты Шагинян и Александра Тинякова), говорится в уже упомянутом докладе Н.А. Богомолова. О футуризме пишет молодой Николай Ястребов – и с нем вступает в спор маститая Гиппиус (1915. № 17). На ту же модную тему полемизируют Философов и Виктор Шкловский (1915. № 18). Да и просто постоянное соседство на страницах еженедельника мэтров и литературной молоди: с одной стороны – А. Ремизова, Ф. Сологуба, Н. Клюева, А. Блока, а с другой – Ольги Форш, Сергея Есенина (его подборка стихов предварялась статьей-благословением самой Гиппиус, укрывшейся на сей раз за псевдонимом Роман Аренский (1915. № 17)), Михаила Козырева, Виктора Ховина и многих других, – делало пространство журнала многокрасочным и полифоничным.

Уникальность журнала проявлялась и в стремлении объединить форматы изданий разного типа. С одной стороны – это динамика еженедельника, наличие нескольких хроник: военно-политической, общественной, литературно-художественной, актуализация материала, близкая к газетной, – благодаря рецензиям (прежде всего театральным) и фельетонам. С другой стороны – капитальность «толстого» журнала, публикация докладов Религиозно-философского общества, работы Мережковского «Жизнь Байрона», растянувшейся на три номера, научных, «профессорских» статей по истории, международной политике, экономике, военному делу. А с точки зрения иллюстративного ряда: с одной стороны – насыщенность страниц журнала актуальными фотографиями с фронта, с другой – обилие художественных иллюстраций,

в основном далеких от злободневности и принадлежавших таким мастерам, как Чехонин, Лев Бруни, Добужинский, Альтман, Митурич, Серов, что сближало еженедельник с изданиями типа «Мир искусства».

Своеобразный синтетизм, содержательная и иллюстративная объемность издания, одновременное присутствие мэтров и молодых талантов – все это делает «Голос жизни» ярким феноменом русской периодики военных лет и взывает к более пристальному вниманию к журналу со стороны исследователей.

[1] *Hellman B.* Когда время славянофильствовало: Русские философы и Первая мировая война // Hellman B. Встречи и столкновения: Статьи по русской литературе / Meeting and Clashes: Articles on Russian Literature. Helsinki, 2009. (Slavica Helsingiensia; 36). С. 9–29.

[2] РФО – *Мережковский Д.С.* О религиозной лжи национализма // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах: В 3 т. М., 2009. Т. 3. С. 16–24.

[3] *Hellman B.* Poets of Hope and Despairs. The Russian Symbolists in War and Revolution (1914–1917) / Institute for Russian and East European Studies. Helsinki, [1995]. P. 149.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГОЛОС ЖИЗНИ
Еженедельный литературно-политический иллюстрированный журнал
Петроград, 1914–1915

РОСПИСЬ СОДЕРЖАНИЯ
Составитель М.В. Козьменко

1914

№ 1 <октябрь (после 7)>

2-я с. обл. *Г.П.* Неделя войны <военная хроника>

С. 1–2. *Ремизов Алексей.* Земные тайности. Народные сказки: 1. Урвина; 2. Спрыг-трава

С. 3–4. *Галич Леонид.* Пыльная завеса. Статья

С. 4–5. *Семенов Е.П.* Анатоль Франс и война

С. 6, 8. *Блок Александр.* Черная кровь. Стихотворения

С. 7. *Добужинский М.* Собор в Брюгге. Рисунок

С. 8–10. *Арабажин К.И., проф.* Две культуры. Статья

С. 11–15. *Городецкий Сергей.* Дети. Рассказ. С рис. автора

С. 15–17. *Плетнев В.Д., проф.* Владельцы приворотного зелья. Статья

С. 17–18. *Сергеев В.* Письма с войны. (Наше наступление на Карпаты)

С. 18–20. *Курчинский М.А., проф.* Война и финансы. Статья

С. 20–<21>. *Леонидов Е.* Маркиз ди Сан-Джулиано и политика Италии. Статья

С. <21–22>. *Маурин Евг.* Чей позор? («Позор Германии» – драма в 4 действиях из современной войны, соч. Мамонта Дальского)

№ 2 <октябрь (после 13)>

2-я с. обл. *Плетнев В.Д., проф.* Политическая трясина. Статья.

С. 1–2. *Городецкий Сергей.* Песни Червонной Руси. Стихотворения: Червонная Русь; Роман; Воротарь; Поп-Иван и Попадья; Карпаты

С. 3–4. *Галич Леонид.* Санкт-Петербург – Петроград. Набросок

С. 5. *Ремизов Алексей.* Земные тайности. Народные сказки: 1. Гол-камень; 2. Пчелик

С. 6, 8–10. *Зворыкин Н.* Две казни смертные. Рассказ

С. 7. *Добужинский М.* Улица в Брюгге. Рисунок

С. 11. *Азов Влад.* Аллопекс – фукс. <О докладе о немецкой культуре В.Ф. Эрна, сделанном в Религиозно-философском обществе им. В. Соловьева>

С. 12–14. *Городецкий Сергей.* Любовь к немцу. (Почти не парадоксы)

С. 14. *Семенов Е.* Сербия и Освободительная война

С. 15–16. *Курдюмов Ив.* Студенчество и война. Статья

С. 16–17. *Курчинский М.А., проф.* Справедливый налог. Статья.

С. 18–19. *Об искусствах и литературе. Вести и мнения.* <Хроника культурной жизни>

С. 19–20. *Маурин Евг.* Патриотизм в миниатюре, или миниатюрный патриотизм. (Театр «Кривое Зеркало» З.В. Холмский; «Литейный интимный театр», «Троицкий театр миниатюр»)

С. 20–<21>. *Сергеев В.* Письма с войны

С. <21–22>. *Г.П.* Неделя войны

№ 3 <октябрь (после 20)>

2-я с. обл. *Семенов Е.* «Наш Париж». Статья

С. 1–3. *Брусянин В.В.* Белый голубок. Рассказ

С. 4–5. *Накатов И.* Немецкая женщина. Очерк

С. 5. *Качалов Герман.* Шестистишие (с итальянского)

С. 6. *Иванов Георгий.* Три голоса. Стихотворения

С. 8. *Городецкий Сергей.* Чары Меркурия

С. 8. *Качалов Герман.* Новый Колумб. Стихотворение

С. 9–11. *Маурин Евг.* «Фауст» Гуно как драматическое произведение

С. 12. *Блок Александр.* Утро в Москве. Стихотворения

С. 12–15. *Муйжель В.В.* Под осенним небом. Рассказ

С. 16–17. *Арабажин К.И., проф.* Литература и война

С. 17. *Об искусствах и литературе. Вести и мнения*

С. 18–20. *Галич Леонид.* Немец как мужчина-в-себе

С. 20–21. *Плетнев В.Д., проф.* Турецкий фарс
С. 21–22. *Г.П.* Неделя войны <военная хроника>

№ 4 <конец октября – начало ноября>
2-я с. обл. *Г.П.* Неделя войны
С. 1–10. *Сологуб Федор.* День встреч. Рассказ
С. 11–12. *Антон Крайний <Гиппиус З.Н.>.* В наши времена
С. 12. *Об искусствах и литературе. Вести и мнения*
С. 13. *Иванов Георгий.* Столица на Неве. Стихотворение
С. 14–15. *Накатов И.* Бог Гогенцоллернов
С. 16–17. *Галич Леонид.* Война и мир
С. 17–19. *Арабажин К.И., проф.* Русское общество и польский вопрос
С. 20–21. *Маурин Евг.* Лермонтов – Народный дом – Самойлов
С. 22–24. *Мережковский Д.С.* О религиозной лжи национализма
С. 24–25. *Карташов А.В., проф.* О национализме
С. 25–26. *Галич Леонид.* Ядовитая праведность
С. 26. Содерж.

№ 5. 9 ноября
2-я с. обл. *Г.П.* Неделя войны
С. 1–3. *Ремизов Алексей*. Морока. Сказка
С. 4–5. *Плетнев В.Д., проф.* Глухие и слепые
С. 6–7 *Карачарова В.М.* Встреча. Рассказ
С. 8–9. *Семенов Е.П.* Золотая книга Бельгии
С. 10. *Эрберг Конст.* Одоление. Стихотворения
С. 12–13. *Кармен.* Ночной выстрел. Рассказ
С. 14–15. *Курчинский М.А., проф.* Исключительное время
С. 16. *Сергеев В.* Письма с войны
С. 17. *Брусянина Мария.* Королю Альберту. Стихотворение
С. 17. *Об искусстве и литературе. Вести и мнения*
С. 18. *Азов Влад.* По ту сторону войны
С. 19–20. *Маурин Евг.* <Без загол. Об отзыве Л.Н. Андреева о постановке «Фауста»>
С. 21 *Накатов И.* Мечом и культурой

№ 6. 13 ноября
С. 1–3. *Верхоустинский Б.* Маленький барабанщик. Рассказ
С. 4–5. *Антон Крайний <Гиппиус З.Н.>* Искажения
С. 5. *Качалов Г.* Валькирии. Стих.
С. 6–8. *Городецкий Сергей.* Пан Иезус. Рассказ
С. 10. *Галич Леонид.* Лунный свет из Ясной Поляны
С. 12. *Ирецкий В.* Далекое недавно
С. 13–14. *Северянин Игорь.* Балтика. Стихотворения
С. 15–17. *Маурин Евг.* Кустарного дела драматургия
С. 18–19. *Изгоев А.С.* Письма к молодежи. Письмо первое
С. 19–20. *Семенов Е.П.* О Болгарии
С. 21. *Г.П.* Неделя войны

№ 7. 22 ноября
2-я с. обл. *Чеботаревская Ан.* День Всех Святых. Статья
С. 1–4. *Брусянин В.* Кончилась фамилия Вергилиных. Рассказ
С. 5–6. *Накатов И.* Тень великого. Публицист. этюд
С. 7–8. *Ахматова А.* Стихотворения
С. 9–12. *Кохановский Вл.* Встреча в лесу. Рассказ
13–17. *Гиппиус З.Н.* Великий Путь. Статья
18. *Маурин Евг.* «Реймсский собор» и г-жа Павлова
С. 19. *Об искусстве и литературе. Вести и мнения*
С. 20. *Бернштейн Н.* Музыка. Венок на могилу А.Г. Рубинштейна
С. 21. *Г.П.* Неделя войны

№ 8. 30 ноября
С. 1–3 *Курчинский М.А., проф.* Немецкое оружие. Статья
С. 4–8. *Гиппиус З.Н.* Все переменилось. Рассказ
С. 9–11. *Арабажин Н.И., проф.* Проблема добра. Статья
С. 12. *Крючков Дм.* Серебряные животики. Лапландская сказочка
С. 13. *Верхоустинский Б.* Рубаха; Заставщица; Червы. Стихотворения
С. 14–15. *Иванов Георгий.* Ализэр. Шотландская легенда

С. 16–18. *Маурин Евг., Бернштейн Ник.* «Пиковая дама» на сцене «Театра музыкальной драмы»

С. 19–20. *Георгиевский Г.П.* Военный обзор

№ 9. 10 декабря

С. 1–3. *Плетнев В.Д., проф.* События повелевают. Статья по русско-польскому вопросу

С. 3–4. *Семенов Е.П.* Народ и армия джентльменов. Статья

С. 5–7. *Ремизов Алексей.* Клад. Народная сказка

С. 8–9. *Накатов И.* В тумане. Статья

С. 10–13. *Саксаганская Анна.* Иван Владыкин. Военный рассказ

С. 14. *Антон Крайний <Гиппиус З.Н.>.* Апогей <В содерж. подзагол.: Статья по поводу «творчества» Леонида Андреева>

С. 15. *Бел-Конь-Любомирская А.* Слезы панны. Стихотворение

С. 16. *Бернштейн Ник.* Музыкальные поминки по А.К. Лядове. Статья

С. 17. Достоевский и современность. Статья

С. 18. *Об искусстве и литературе. Вести и мнения*

С. 19–20. *Георгиевский Г.П.* Военный обзор

№ 10. 17 декабря

С. 1. *Философов Д.* Крикуны и молчальники

С. 4–8. *Сологуб Ф.* Три лампады. Военный рассказ

С. 10–12. *Боном Ж.* С западного фронта. Письма офицера

С. 13. *Верхоустинский Б.* Просуленная. Стихотворение

С. 14–17. *Маурин Евг.* Очаг. Военный рассказ

С. 18. *Об искусстве и литературе. Вести и мнения*

С. 19–20. *Маурин Евг.* Ненастоящее. Статья

№ 11. 24 декабря

2-я с. обл. <Письмо в редакцию от Имп. Вольного Экономического Общества>

С. 1–2. *Обо всем:* Праздники; «Насилие» <о запрете алкоголя>; «В столицах шум, гремят витии…»; *От Редакции*

С. 3–4. *Славинский М.* Потери и приобретения. <Статья>. <О возможных негативных морально-психологических последствиях войны>

С. 5–8. *Крачковский Дм.* Серебряная паутина. <Рассказ>

С. 9. *Ропшин В.* Стихотворения: На юге; Angelus

С. 10–11. *Баронов Г.* Ненужное сердце. <Очерк>. *<Ценз. пропуски>*

С. 12–15. *Левин Д.* Предсказания ген Куропаткина. <О кн.: *Морской А.* Военная мощь России. 1914>

С. 16–18. *Соловьев В.* Русский военный лубок нашего времени

Об искусстве и литературе

С. 19–20. *Д.Ф. <Философов Д.В.>* «Война» Арцыбашева

С. 20. *В.И.* Французские литераторы в 1870 году

С. 20. <Хроника>

1915

№ 1. 1 января

2-я с. обл. Содерж.; Объявл.

С. 1. *Гиппиус З.* Молодому Веку. Стихотворение

С. 2. *Ego.* Новогодние пожелания

С. 3–5. *Туган-Барановский М.* Русская интеллигенция и национализм. Статья

С. 6–12. *Добронравов Леонид.* Dance Macabre. Рассказ

С. 13–15. *Мережковский Д.* Байрон. 1. Жизнь Байрона

С. 16–17. *Петров С.* Выставка «Искусство союзных народов»

С. 18. *Романов Вл.* «Король, закон и свобода»

С. 19–20. *Об искусстве и литературе. Вести и мнения. Театр*

№ 2. 6 января

С. 1–2. *Обо всем:* 1) Война и беллетристы; 2) Лучший друг желудка

С. 3–6. *Слезкин Юрий*. Нищенка. Рассказ

С. 7. *Соловьева П. (Allegro).* Красный сумрак. Вечерняя молитва. Стихотворения

С. 8–10. *Мережковский Д.* Байрон: II. Жизнь Байрона

С. 11–15. *Шипулинский Ф.* Веселая немка. Рассказ

С. 16–17. *Коробка Н.* Украинский народ в прошлом и настоящем

С. 18–19. *Слонимская Ю.* В защиту публики

С. 20–21. *Об искусстве и литературе. Вести и мнения:* Д.Ф. <Философов Д.В.> «Весеннее порошье»

С. 22. Хроника

№ 3. 13 января

С. 1–2. *Обо всем:* Жалко; Кавычки

С. 3–4. *Чеботаревская Анастасия.* Брюгге. Статья

С. 5–6. *Антон Крайний <Гиппиус З.Н.>*. Скажите прямо! Статья

С. 7–12. *Ауслендер Сергей*. Сон Флоренции. Рассказ

С. 13. *Андреевский С.* Стихотворения

С. 15–16. *Слонимская Ю.* Капитошка стал антрепренером. Театральная быль

С. 17–19. *Сумароков А.* Большая неприятность в трех томах

С. 20. *Об искусстве и литературе. Вести и мнения:* Д.Ф. <Философов Д.В.> Анри Бергсон и война

С. 20. Хроника

№ 4. 21 января

С. 1–2. *Обо всем:* Три дня; Марфа и Мария; Хорошо нынче пишут; Стрельская

С. 3–6. *Гиппиус З.* Странный закон. Рассказ

С. 7. *Бестужев Вл. <Гиппиус В.В.>* Меч. Стихотворения

С. 8–9. *Ремизов А.М.* Бычок. Народная сказка

С. 10–13. *Мережковский Д.* Байрон: III. Религия Байрона

С. 14–17. *И.З.* Борьба за Месопотамию

Об искусстве и литературе. Вести и мнения:

С. 18–19. *Ирецкий В.* Венок живым и мертвым (King Albert book)

С. 19–20. *Слонимская Ю.* Два брата Лермонтова

С. 20. Хроника

№ 5. 28 января

С. 1–2. *От Редакции* <О завершении копирайта на произведения Л.Н. Толстого>

С. 3. *Левин Д.* Толстой и Карлейль. Статья

С. 4–9. *Крючков Дм.* Без родины. Рассказ

С. 10. *Блок А.* Бесповоротно. Стихотворения

С. 12–16. *Данков Ив.* Он. Рассказ

С. 17. *Мейер Д.* Частное и общее. Статья

Вести и мнения:

С. 19–20. *Маурин Евг*. В театральной Москве

С. 20. Хроника

С. 20. К рисункам Г.К. Лукомского

№ 6. 3 февраля

С. 1. *Б.п.* † А.М. Колюбакин

С. 2. *Обо всем:* Писатели и политика; Красивый брюнет; Кто о чем; Позор Германии или Дальского

С. 3–6. *Соколов К.Н.* Великие европейские конгрессы. Историч. очерк

С. 7–14. *Добронравов Леонид.* Животворящее. Рассказ

С. 15–17. Солдатские письма

С. 18. *Накатов И.* В железном кольце. Статья

Об искусстве и литературе. Вести и мнения:

С. 19–20. *И.* Германская литература и война

С. 20. Хроника

С. 20. *Бородин Н.* М.М. Ковалевский – заложник. Заметка

№ 7. 11 февраля

С. 1–2. *Обо всем:* Маленькая справка; Легкая дорожка

С. 3–7. *Городецкий С.* Четыре пищи. Рассказ

С. 8–10. *Шутянов П.* Неоскандинавизм. Статья

С. 12–15. *Форш Ольга.* Марсельеза. Рассказ

С. 16. *Сидоров Д.* 1870-й год и французская карикатура. Статья

С. 17–18. *Псковитинов Е.* † Акакий Церетели. Статья

С. 19–20. *Об искусстве и литературе. Вести и мнения:* Полемика и действительность; Меценаты

№ 8. 18 февраля

С. 1–2. *Обо всем:* Мармаледов и стереоскоп; Идея нации

С. 3–8. *Адамович Георгий.* Веселые кони. Рассказ

С. 9. *Бруни Николай.* На Неве. Стихотворение

С. 12–14. *Тиняков Александр.* К переоценке ценностей
С. 15–16. *Коханский Вл.* В лесу. Рассказ
С. 17–18. *Г.П.* Сарыкамышско-ардаганская авантюра. Очерк
Об искусстве и литературе. Вести и мнения:
С. 19–20. *Слонимская Ю.* Е.М. Грановская
С. 20. Хроника

№ 9. 23 февраля
Обо всем:
1) *А. Кр. <Гиппиус З.Н.>* Равноценности
2) С. 1–2. *И.В.* Золото в России
3) С. 2. *Т.* Ненужная лекция на важную тему
С. 3–4. *Бородин Н.* Остендэ и морское побережье Бельгии. Статья
С. 5–8. *Окунев Н.* На войне. Боевые впечатления
С. 9. *Моравская М.* Золушка
С. 10–11. *Н.С., студент.* Студенческий журнал. Статья
С. 12–14. Солдатские письма
С. 15–18. *Бестужев В. <Гиппиус В.В.>* Литературно-общественная смена
Об искусстве и литературе. Вести и мнения:
С. 19–20. *Р.Р.* Ананасы в ханже
С. 20. *Крючков Д.* Тихие песни
С. 20. Хроника

№ 10. 4 марта
С. 1–2. *Обо всем:* 1) Говорят; 2) Брянчащие болтуны; 3) Англичанин о России; 4) Возвращение М.М. Ковалевского; 5) *От Редакции.*
С. 3–5. *Walpole Hugh*. Русские англичане. Статья
С. 6–9. *Соболь Андрей*. Ностальгия. Рассказ
С. 10–11. *Новорусский М.* Очевидная нецелесообразность. Статья
С. 12. *Иванов Георгий.* Стихотворение
С. 14–16. *Митрохин Д.* «Бедствия войны» Жака Калло. Статья
С. 17–18. *Гиппиус Владимир.* Памяти Г.М. Григорьева. Статья

Вести и мнения:
С. 19. *Соглядатай.* «Бродячая собака»
С. 19–20. *Крючков Д.* Немое искусство
С. 20. Хроника

№ 11. 11 марта
С. 1–2. *Обо всем*: Гр. С.Ю. Витте
С. 3. *Толмачев Александр*. Стихотворения
С. 4–5. *Каллиников Иосиф.* Как мужик у немца отелился. Народная сказка
С. 6–8. *Соколов Н.* Великие европейские конгрессы. Очерк. II
С. 9. *Ястребов Н.* Стихотворения
С. 10–14. *Чеботаревская Анастасия*. Две Зины. Рассказ
С. 15–16. *Ларин О. (Р-нович И.)* Лиссабонское землетрясение и трели соловья. Статья
С. 17–18. *А.М.* Кающиеся интеллигенты. Статья
Вести и мнения:
С. 18–20. *Слонимский Николай.* «Зеленое кольцо»
С. 20. Цыганщина в литературе
С. 20. Хроника

№ 12. 18 марта
С. 2. *От Редакции*
С. 3–4. *Гиппиус Вл.* Н.С. Лесков. Статья
С. 5–8. *Карачарова В.* Зимняя поездка. Рассказ
С. 8. *Адамович Георгий.* Балтийский ветер. Стихотворения
С. 9–10. *Новорусский М.* Очевидная нецелесообразность
С. 11–13. *Ремизов Алексей.* Яйцо ягиное. Сказка
С. 14–15. *Ростиславов А.* Курортный вопрос. Статья
С. 16–18. *Владимиров И.* Наша промышленность и роль Германии. Статья
Вести и мнения:
С. 19. *Videns.* Выставка «Мира Искусства». Статья
С. 19–20. Геральдика; Провинция в столице; Первый брюсовианец; Вновь открытое стихотворение В.А. Жуковского. Хроника

№ 13. 25 марта

С. 1. *Ивнев Рюрик.* Двадцать второе марта. Стихотворение

С. 2–3. В армию. Ответное письмо воинам. Три письма к Пасхе. Стихотворения

С. 4–10. *Окунев Як.* Пустошка. Рассказ

С. 11–12. *Ахматова А.* Стихотворения

С. 13–15. *Псковитинов Е.* Кавказ – художественная сокровищница. Статья

С. 16–20. *Ремизов Алексей.* На все Господь. Рассказ

С. 21–22. *Козырев Михаил.* Комната. Рассказ

№ 14. 1 апреля

С. 1–2. *Курдюмов Ив.* Плюс и минус. Статья

С. 3–7. *Добронравов Леонид*. Каменный гроб. Рассказ

С. 8–9. *Шагинян М.* Европа и мы. (Ответ г. Тинякову). Статья II

С. 10. *Мандельштам О.* <3 стихотворения> Из цикла «Рим»

С. 10. *Тиняков Александр.* Слава будням; Цивилизация. Стихотворения

С. 11. *Городецкий Сергей.* Ушедшему брату. Стихотворения

С. 12–13. *Галич Леонид.* Человек без завещания. Странички (1)

С. 14–16. *Крючков Дмитрий.* Вяча. Рассказ

С. 17–19. *Чубинов Г.* Сваны. Очерк

С. 20. Хроника.

С. 20. *От Редакции*

С. 20. Новые книги, поступившие в Редакцию для отзыва

№ 15. 5 апреля

С. 1–2. *Курдюмов Ив.* Евреи. Статья

С. 2. *Соловьева Поликсена.* Молчание. Стихотворение

С. 3–5. *Городецкий Сергей.* Слезный отдых. Рассказ

С. 6. *Чулков Георгий*. Всадники. Статья

С. 7–12. *Брусянин В.* Вечера корпий. Рассказ

С. 13–15. *Долгов Н.* Пафос Чехова. Статья

С. 16–17. *Моравский Вал.* На Тихом океане. Статья

Вести и мнения:

С. 18–19. *С-ий К-в.* Последние концерты Кусевицкого

С. 19. *Крючков Д.* Кустарный труд

С. 19–20. *Лернер Д.* Пращур русского футуризма

С. 20. Великопостное чтение; Пророчество

С. 20. *Тиняков Александр.* Библиографические поправки

№ 16. 15 апреля

С. 1–2. *Обо всем:* Дорогие могилы; Милльон; Злоупотребление именем Пушкина

С. 3–7. *Чапыгин А.* По следу. Рассказ

С. 8–11. *Чернохлебов Иван <Тиняков А.И.>*. В.В. Розанов и война. Статья

С. 12. *Гиппиус З.* Свет; Неизвестная. Стихотворения

С. 13. *Блок Александр.* Пристал ко мне нищий дурак; Один. Стихотворения

С. 14–15. *Новорусский М.* Просеянная нация. Статья

С. 16. *И. К-н.* Современная молодежь. Статья

С. 17–19. *Р-невич Н.* Истинное происшествие. Статья

Вести и мнения:

С. 19–20. *Крючков Дмитрий.* Жертва своей торопливости

С. 20. *Философов Д.* Издатели-монополисты

№ 17. 22 апреля

С. 1–2. *Курдюмов Ив.* Парадоксы. Статья

С. 3–4. *Шутяков П.* Война и народное хозяйство в Германии. Статья

С. 5–6. *Козырев Михаил*. Разрыдалась. Рассказ

С. 7–8. *Ястребов Н.* Зори грядущего. Статья

С. 9–10. *Антон Крайний <Гиппиус З.Н.>* Зори ли? Грядущего ли? Статья

С. 12. *Аренский Р. <Гиппиус З.Н.>* Земля и камень. Статья

С. 13. *Есенин Сергей.* Гусляр; Пахнет рыхлыми драченами; Богомолки; Рыбак. Стихотворения

С. 14–18. *Снегина О.* Тени теней. Рассказ

Вести и мнения:

С. 19. *Кремнев Борис <Чулков Г.И.>* Письма со стороны (I)

С. 19–20. *Крючков Дмитрий.* Подспудная красота
С. 20. <Хроника:> Verba; Стяг безграмотности
С. 20. Книги, поступившие в Редакцию

№ 18. 29 апреля
С. 1–2. *Ред.* Теперь или после? Статья
С. 3–5. *Философов Д.* Разложение футуризма. Статья
С. 6–9. *Шкловский В.* Предпосылки футуризма. Статья
С. 10–11. *Долгов Н.* Стихия светлого юмора. Статья
С. 12–14. *Зубовский Юрий.* Травля. Рассказ
С. 16. *С-ий К-в.* А.Н. Скрябин. Статья
С. 18. *Тиняков Александр*. Письмо в редакцию
Вести и мнения:
С. 19–20. *Кремнев Борис <Чулков Г.И.>* Письма со стороны (II)
С. 20. *Обыватель*. Выставка военная и мирная
С. 20. *Лернер Н.* Из неизданных рисунков Пушкина (портрет Грибоедова и автопортрет)

№ 19. 6 мая
С. 1–2. *Обо всем:* Бифуркация и концентры; Вялая перебранка; Закрытие сезона
С. 3–5. *Дубнова-Эрлих С.Л.* Перец. Статья
С. 6. *Адамович Георгий.* У самого моря. Статья
С. 7–11. *Шагинян М.* Голова Медузы. Рассказ
С. 12. *Толмачев Александр.* Послушайте. Статья
С. 12–13. *Антон Крайний <Гиппиус З.Н.>*. Мой post-scriptum. Статья
С. 14. *Страничка стихов: Бруни Николай; Струве М.; Адуев Николай*
С. 15–18. *Слонимский Николай.* А.Н. Скрябин. Статья
Вести и мнения:
С. 18–19. *Кремнев Борис <Чулков Г.И.>* Письма со стороны (III)
С. 19–20. *Чернохлебов Иван <Тиняков А.И.>* Критика с погоста <О книге «Озимь» Б. Садовского>
С. 20. *Старый читатель.* Находка

№ 20. 15 мая
С. 1. *Д.Ф. <Философов Д.В.>* Бесстрашное терпение
С. 1–2. *Обо всем:* Говорливое молчание; Переборщил; «Известный» композитор
С. 3–4. *Слицан О.* Мечтатель. Рассказ
С. 5–6. *Крючков Д.* Галицийская выставка. Статья
С. 7–8. *Чулков Георгий.* Славяне и Пушкин. Статья
С. 9–12. *Бруни Николай.* Дорогой цветок. Рассказ
С. 13–14. *Клюев Николай*. Стихотворения
С. 15–16. *Пинегин Д.* Тайная красота. Статья
Вести и мнения:
С. 17–18. *Кремнев Борис <Чулков Г.И.>* Письма со стороны (IV)
С. 20. *Ст. Ж.* Молодые голоса
С. 20. Книги, поступившие в Редакцию для отзыва

№ 21. 20 мая
2-я с. обл. *Ред.* После похорон <В.Я. Богучарского>
С. 1–2. *Кускова Е.Д.* Памяти друга. Статья
С. 3–4. *Борисов Ал.* Суббота. (Из путевых впечатлений). Рассказ
С. 5–7. *Новорусский М.* Самодовлеющее производство
С. 8. *Зыбин Владимир*. Суламита. Стихотворение
С. 9–10. *Шутяков П.* Война и культура. Статья
С. 11–14. *Толмачева М.* Политики. Рассказ
С. 15. *Каллиников И.* Солдат с того света. Сказка
С. 16–17. *Ивнев Рюрик.* Игра теней. Рассказ
С. 18. *Оксенов Иннокентий*. Еще о молодежи. Рассказ
С. 18–19. *Сандомирский Мих.* Верочка. Рассказ
Вести и мнения:
С. 20. *Крючков Д.* 1. Тризна по Достоевскому; 2. Вечер нового русского романса
С. 20. Поправки

№ 22. 27 мая

С. 1–2. *Бланк Р.* Россия и Англия

С. 3–5. *Чулков Георгий.* История Христофора. Рассказ

С. 6–8. *Ховин Виктор.* Голос из подполья. Статья <против футуристов>

С. 9. *Гумилев Н.* Стихотворения

С. 10–14. *Шагинян М.* Армянское зодчество. Статья

С. 15–17. *Долгов Н.* Немецкое влияние в русском театре. Статья

Вести и мнения:

С. 18. *Лернер Н.* Письмо в редакцию

С. 20. *Паклин.* Фукидид и Владимир Каренин

№ 23. 3 июня

С. 1–2. *Философов Д.* Хлеб и надхлебие. Статья <о В.Я. Богучарском>

С. 4–9. *Чапыгин А*. Больной. Рассказ

С. 10. *Андреевский С.* Карсавина. Статья

С. 12–14. *Галич Леонид.* Terror antiquus. Стихотворение

С. 14–19. *Лернер Н.* Из тьмы времен. (Еврейство 2500 лет назад). Статья

Вести и мнения:

С. 19–20. *Кремнев Борис <Чулков Г.И.>*. Письма со стороны (V)

№ 24. 10 июня

С. 1–2. *Антон Крайний <Гиппиус З.Н.>*. Раненая муза. Статья

С. 3. *Страничка стихов: Ширяевец Александр; Струве М.*

С. 4–6. *Крючков Дмитрий.* В вагоне. Рассказ

С. 7–12. *Соколов К.* Великие европейские конгрессы. (Очерк III)

С. 13–17. *Чулков Г.* Оправдание символизма. I. Искусство и жизнь. Статья

С. 18–19. *Зубовский Юрий*. В эти дни: 1. Курилка; 2. Старушка. Рассказы

Вести и мнения:

С. 20. *Слонимский Николай*. Мариэтта Шагинян. «Узкие врата»

№ 25. 17 июня

С. 1–2. *Яновский Е.* О «подводной блокаде». Статья

С. 3–6. *Верхоустинский Б.* Молодик и дикомыть. Рассказ

С. 7–12. *Чулков Георгий.* Оправдание символизма. (Статья II)

С. 13. *Мандельштам О.* Стихи

С. 14–17. *Сазонов М.* Отрок Хведор. Рассказ

С. 18. *Сандомирский М.* Зоя. Рассказ

С. 19–20. *Крючков Д.* На кукольной выставке. Статья

№ 26. 24 июня

С. 1. *От Редакции* <краткое объявление о прекращении выхода журнала>

С. 2–3. *Новорусский М.* Совокупность звеньев. Статья

С. 4–8. *Зайкин П.* Искатель. Рассказ

С. 9–12. *Городецкий Сергей.* Чистая случайность. Рассказ

С. 13. *Страничка стихов: Шагинян Мариэтта; Крючков Д.*

С. 14–16. *Берман Л.* Мушка на шее. Статья.

Е.В. Агарин

Антивоенные выступления в журналах толстовцев 1916–1918 гг.

Антимилитаризм в той или иной его форме стал спутником большинства, если не всех наиболее длительных и кровавых войн Нового времени; Первая мировая война, в свою очередь, стала и первой войной, накануне и в годы которой антимилитаристское движение получило столь широкое распространение и обрело международный статус. В рамках нашей темы только обратим внимание на то, что военная апология насилия во имя физического уничтожения других людей, ставших по прихоти истории врагами, наиболее явно вступает в противоречие с некоторыми принципами религий или, по крайней мере, этики. В России накануне и во время Первой мировой войны подобный диссонанс весьма остро и болезненно был пережит теми людьми, чьи религиозно-этические убеждения претендовали на наибольшую последовательность. Среди таких людей скромное место занимали и последователи учения Л.Н. Толстого – толстовцы, в периодических изданиях которых в 1916–1918 гг. указанное выше противоречие становилось лейтмотивом.

Философское учение Толстого было близко пантеизму и в основе своей имело созданную мыслителем, своеобразную интерпретацию христианства как этической системы, очищенной от мистического элемента. Опираясь непосредственно на Евангелие, Л.Н. Толстой отрицал значение таинств, обрядов, священнослужителей, церкви вообще, как посредника между богом и людьми; верил в духовное единство всех людей, как детей одного отца, независимо от их народности или вероучения; видел в братской любви ту силу, которая способна разрушить границы государств и превратить человечество в дружную семью. [Толстой, 2011, с. 13–86]. Философия Л.Н. Толстого имела много составных элементов, иногда даже вступавших друг с другом в противоречие. Но к 1914–1918 гг. именно религиозный, а не этический или социальный аспект его философии становится ведущим в восприятии его последователей. С.Г. Петров отметил эту тенденцию развития толстовства: после 1905 г. «все большее влияние стали приобретать круги, рассматривавшие толстовство как религию» [Петров, 1989, с. 174]; к периоду Первой мировой войны этот процесс уже достиг результатов. Толстовство чаще воспринимается своими последователями как религиозное учение [Ернефельт, 1917, с. 8; Булгаков, 1917, с. 7]. Важной, если не главной заповедью толстовской религии был тезис о непротивлении злу насилием, что подразумевало полный и безусловный отказ от применения насилия в любых ситуациях и от пассивного участия в таковом. Сам по себе толстовский пацифизм простирается далеко за пределы антимилитаризма и пронизывает все сферы социальных отношений. Вполне естественно поэтому, что толстовцы, агитируя в своей печати против Первой мировой войны, выступали и против феномена войны вообще. Но вместе с тем их антивоенные публикации не представляли собой пресные религиозно-сектантские апелляции к священным текстам или авторитетам; напротив, толстовцы зафиксировали здесь свое необычное восприятие сложной политической ситуации 1916–1918 гг. Рассмотреть это восприятие в его связи с постоянно менявшейся обстановкой тех лет является нашей задачей.

Не лишним будет отметить, что большинство толстовцев вовсе не были сторонними наблюдателями кровавой драмы 1914–1918 гг., оставившими свой след в антимилитаристском движении только в виде ряда антивоенных публикаций. Как только война была развязана, толстовцы откликнулись антивоенными воззваниями [Наблюдение за последователями, 1910; Наблюдение за деятельностью, 1910]. За подписание и распространение этих документов некоторые последователи мыслителя были арестованы царским правительством и судимы на так называемом процессе 28-ми толстовцев, окончательно завершившемся только летом 1916 г. освобождением из заключения большинства подсудимых [Булгаков, 1922; Сухотина-Толстая, 1984, с. 481–484]. Еще боль-

шее число толстовцев по своим убеждениям отказывалось идти в армию и непосредственно участвовать в бойне либо проходить альтернативную службу; эти толстовцы подвергались гонениям со стороны сначала самодержавия, потом Временного правительства, наконец, Совета народных комиссаров [Списки лиц, 1919; Списки лиц, 1927–28]. В этом смысле толстовский антимилитаризм был в полной мере выстрадан в борьбе за убеждения, а не являлся рафинированным теоретико-публицистическим продуктом.

Первый толстовский журнал «Единение» выходит во второй половине 1916 г. в Москве на средства наиболее деятельного и убежденного толстовца В.Г. Черткова; в этом году вышло три номера «Единения». Ситуация внутри страны едва ли располагала к ведению антивоенной пропаганды в печати; тем более что многие толстовцы недавно были освобождены из-под стражи после указанного выше процесса 28-ми. Вероятно, поэтому сначала толстовцы в журнале высказываются о войне мало, преимущественно аккуратными намеками в связи с раскрытием других, основных тем своих статей. Во втором номере журнала так поступают Х. Досев в обширной работе о воспитании [Досев, 1916, с. 33], В. Булгаков в некрологе толстовцу Рафаилу Буткевичу, отказавшемуся в 1914 г. от военной службы [Булгаков, 1916, с. 91]. В третьем номере И. Горбунов-Посадов высказывает более определенное суждение о войне: «Пока народы молятся перед алтарями каждый своего отдельного Бога, а не перед алтарем Истинного Единого Отца всех, до тех пор будут распри и борьба народов и кровавые их столкновения» [Горбунов-Посадов, 1916, с. 26]. Там же и П.И. Бирюков в статье о вегетарианском конгрессе отмечает органическую связь капиталистического устройства и происходящей войны: «...все ужасы войны суть только проявление инстинктов, которые были воспитаны в людях капиталистическим устройством» [Бирюков, 1916, с. 65]. До конца февраля 1917 г. в свет вышел только еще один, четвертый выпуск «Единения», но интересных нам антивоенных выступлений журнал не содержал.

Февральская революция и последовавшие за ней события, вероятно, отодвинули на второй план или сделали затруднительным для толстовцев издание журнала. Следующий его номер, обозначенный как первый в 1917 г., вышел только в июне. Всего же в период между двумя революциями 1917 г. вышло четыре номера, два последних были изданы уже под обновленным названием журнала – «Голос Толстого и Единение». К моменту возобновления издания общественно-политическая ситуация уже существенно изменилась. Интерес представляют следующие события общей истории России: во-первых, провозглашение Временным правительством ряда свобод, в том числе и свободы слова; во-вторых, нежелание новой власти немедленно завершить войну, нашедшее отражение в апрельской ноте П.Н. Милюкова о продолжении действий на фронте до победного конца; в-третьих, ощутимый рост антимилитаристских настроений и на фронте, и в российском обществе в целом.

Свобода печати позволила толстовцам намного активнее, чем прежде, публиковать призывы против войны, теперь ни одно антимилитаристское происшествие не оставалось в их журналах без внимания. В то же время надежда на прекращение войны Временным правительством после апреля 1917 г. продолжает все более слабеть. Недовольство новой властью начинает в журнале периодически проступать. «Важнейшее в настоящую минуту для русского народа проявление свободы – право неучастия в ныне свирепствующей войне – с самого начала не было допущено нашим “демократическим” правительством» [Чертков, 1917а, с. 8]. «Чем дальше затягивается война, тем яснее становится вопрос и зарождается недоверие к правящим кругам… безразлично, кто бы ни был у кормила правления, да и как тут верить, когда не осуществляются желания народа» [Обмен мыслей, 1917б, с. 15]. Наибольшее негодование в толстовской печати вызвало восстановление Временным правительством смертной казни на фронте и учреждение военно-полевых судов в июле 1917 г. «Разве можно требовать, чтобы свобода охранялась…людьми, лишенными основного права живого существа – права на жизнь?» [Шохор-Троцкий, 1917, с. 11]. «Прошло всего три месяца, и вот уже снова, к стыду и негодованию, России восстановлен этот отвратительный вид братоубийства» [Чертков, 1917а, с. 8].

Интересно, что толстовцы, предпочитавшие все же чаще называть себя анархистами, хотя и с оговорками о своем особом, хри-

стианском понимании сути анархизма, действительно возлагали надежды на прекращение войны на существующую власть, оставив в стороне свое непримиримое отрицание государства. Помимо вышеописанного, эти надежды выразились, например, в обращении толстовца С. Белинького «К участникам Государственного Совещания» [Белинький, 1917, с. 11]. В нем автор подчеркивает, что демократическая власть неуклонно теряет доверие из-за нерешенности вопроса о войне, предлагает своеобразную программу ведения переговоров с Германией и с союзниками по Антанте; он отмечает при этом, что мир следует заключить непременно, даже ценой самых непомерных уступок и в ущерб Российскому государству, потому что «народ менее дорожит свободой и государством, чем правом заниматься мирным трудом» [Там же, с. 11]. Разочарование демократической властью постепенно дополняется надеждой на иную политическую силу, которая способна положить конец войне, – на социал-демократов. Эта надежда отчетливо проступила в статье В. Крашенинникова, который уже в июне обратился с пожеланием мира не к Временному правительству, а непосредственно к социал-демократам [Крашенинников, 1917, с. 10]. Рост симпатий к большевикам выразился, например, и в случаях цитирования их газет на страницах «Единения» [Чертков, 1917б, с. 9; Обзор печати, 1917, с. 12]. Вполне вероятно, что неуклонный рост влияния большевистской партии между революциями толстовцы отчетливо ощущали, ведь меньшевиков, эсеров и др. они вовсе не удостаивали такого внимания.

Рост же антимилитаристских настроений вызвал в толстовской печати не столь однозначную реакцию, как могло бы казаться. Естественно, что учащавшиеся случаи братаний на фронте и отказов воевать вызывали у толстовцев практически эйфорию неизбежно приближавшегося, действительно народного, а не узко политического мира с противником. Так, В.Г. Чертков в статье «О прекращении войны» рассматривает случаи братания с неприятелем на фронте как проявление неуклонного роста внутреннего сознания русского народа, который уже превысил уровень «кулачной расправы» и выходит из состояния военного гипноза [Чертков, 1917б, с. 4]. Страницы журналов периода между двумя революци-

ями 1917 г. пестрят самыми разнообразными сведениями об антимилитаристских воззваниях, резолюциях и объявлениях, сообщениями об отказах от военной службы в России и за рубежом. В то же самое время давала о себе знать и абсолютность толстовского пацифизма. Характерный взгляд выразил в своем письме в редакцию один из ее корреспондентов: «Относительно войны, мне кажется, нам следует всегда иметь в виду, что протестовать против нее можно только с точки зрения греха всякого убийства и насилия вообще… Все крики “Долой войну” по соображениям экономическим, политическим, социалистическим и всяким другим имеют столько же оснований, как и крик “война до победного конца” – по тем же основаниям» [Обмен мыслей, 1917а, с. 14]. Обратной стороной такого максимализма уже тогда становился пессимизм. В качестве причины войны в толстовских статьях, как правило, неизбежно рассматривается повреждение нравов, которое не проходит по-прежнему. Например: «Война есть неизбежное следствие беззаконной, греховной жизни и отдельных людей, и целых народов, так как современный мир, по духу жизни своей антихристианский, языческий, хотя и называется христианским. Войны неизбежны и в будущем» [Конашевич, 1917, с. 6].

Приход к власти большевистской партии в октябре 1917 г. и очередная смена общественно-политической ситуации в России в этот раз едва ли способствовали кардинальному повороту в тематике антивоенных публикаций толстовцев. В период после 25 октября и до заключения Брестского мира вышли еще два номера журнала «Голос Толстого и Единение» в 1917 г. Следующий, первый выпуск в 1918 г. вышел с задержкой, в апреле, но содержал последние отклики толстовцев о миновавшей войне. Кроме того, в конце 1917 г. начал выходить и другой толстовский журнал – «Обновление жизни», но он был посвящен преимущественно философским размышлениям и не содержал столь явных антимилитаристских призывов.

Этот период толстовских антивоенных выступлений прошел под знаком все более возрастающего пессимизма. Прежде всего, сравнительная насильственность и жестокость октябрьской смены власти бесповоротно пресекли начавшие проявляться летом

1917 г. симпатии со стороны толстовцев к рабочей партии [Новиков, 1917, с. 9; Медведков, 1917, с. 12]. Естественно, что тому же содействовали и многочисленные обстоятельства идеологического характера. Перемирие с Германией, последовавшее за декретом о мире, как это ни странно, не вызвало значимого отклика в толстовских журналах. По-видимому, это можно объяснить, во-первых, продолжавшимся еще около четырех месяцев ожиданием мира и окончательного выхода России из войны и, во-вторых, другими, куда более трагичными событиями – постепенным началом Гражданской войны.

Осмелимся предположить, что толстовцы могли ощущать теперь ошибочность обозначенного тезиса Черткова о резком росте сознания русских, проявлявшемся в усилении антивоенных настроений. Антимилитаризм был им преждевременно принят за пацифизм – и теперь тот же народ развязывал войну гражданскую. Подобное наблюдение сделал в журнале К. Конашевич: «Теперь в России среди солдат и рабочих создалось течение против войны. Это потому, что те и другие сознали, что продолжение войны выгодно богатым классам, а они только жертвы приносят. А коснись интересов тех же рабочих и солдат, и они готовы лить и чужую, и свою кровь» [Конашевич, 1917, с. 11]. Драматичная смена одной войны другой давала, видимо, плодородную почву все более отчаянному пессимизму толстовцев, который начинает чаще отражаться в их письмах в редакцию журнала в конце 1917 г.: «Мы, очевидно, не выпили всей чаши до дна, а мечтам о наступлении полного мира, по-видимому, еще не скоро суждено осуществиться… Переменились декорации и вывески, а служение осталось прежнее, и способы и приемы тоже» [К.И., 1917, с. 18]. Видимо, не вполне разделяли толстовцы и надежд на создание международной организации «Лига наций» для дальнейшего урегулирования конфликтов. По поводу этой идеи мирового сообщества высказалась редакция журнала: «Трудно согласиться, чтобы можно было создать такой орган, который насилием и принуждением заставил бы людей отвратиться от насилия» [Из печати, 1918, с. 14].

Тема Гражданской войны в течение нескольких зимних месяцев 1917–1918 гг. успешно вытеснила антивоенные призывы

со страниц журнала. Погруженностью толстовцев в отчаянные попытки остановить своими призывами очередную «братоубийственную бойню» объясняется, видимо, и их невнимательность к долгожданному миру в Бресте и к выходу России из войны. Однако последний интересующий нас выпуск журнала – первый номер 1918 г. – содержит, пожалуй, наиболее эффектный и характерный пример толстовской антивоенной пропаганды. На первую страницу издания была помещена картина одного из западных журналов «Расстрел Христа воюющими народами». У стены, приговоренный к расстрелу, одиноко стоит Иисус Христос, грустно и решительно смотрящий вперед на выстроенную напротив него шеренгу солдат. Они уже направили ружья в его сторону и должны вот-вот произвести выстрелы. Каждый из них одет в свою военную форму – английскую, французскую, германскую, русскую и т. д. Солдат так много, что их строй уходит за горизонт. В составленном И. Горбуновым-Посадовым тексте к картине есть приговор Христу, который зачитывается перед расстрелом одним из офицеров. Согласно ему Иисус признается виновным в «преступном подстрекательстве к отказу от военной службы и от участия в войне <…>, к измене государству и родине, к бунту и мятежу» [Горбунов-Посадов, 1918, с. 4]. Этой аллегорией, своеобразно подводящей итог выступлениям толстовцев против войны, мы и завершим наш обзор их антимилитаристских публикаций в 1916–1918 гг.

Итак, антивоенная тема в толстовских журналах этого периода прошла несколько этапов развития, непосредственно связанных со сменой общественно-политической обстановки в стране, и, несмотря на заключение мира в Бресте, завершилась в итоге на более или менее пессимистической ноте: будущее России, да и всего мира вызывало опасение у толстовцев. Увы, этим опасениям предстоит сбыться, и XX век станет самым кровавым столетием в истории; а христианские народы не раз еще соберутся вместе и казнят Иисуса Христа, если мы последуем метафоре той картины. С другой стороны, толстовцы активно содействовали развитию антимилитаристского движения и поэтому с полным правом могут быть рассмотрены как одни из предшественников антимилитаризма наших дней. Ведь и сегодня в гуманистических принци-

пах общества или же в идеологии ненасильственного разрешения конфликтов вполне можно найти явное сходство с пацифистскими идеями толстовцев.

Литература

Бирюков П. Вегетарианский социальный конгресс на Монтэ-Верита // Единение. М., 1916. № 3. С. 65–70.

Белинький С. Участникам Государственного Совещания // Голос Толстого и Единение. М., 1917. № 3. С. 11.

Булгаков В. Р.А. Буткевич // Единение. М., 1916. № 2. С. 91–92.

Булгаков В. Толстой, как религиозный учитель // Обновление жизни. М., 1917. № 2. С. 6–8.

Булгаков В.Ф. Опомнитесь, люди-братья! История воззвания единомышленников Л.Н. Толстого против мировой войны 1914–1918 гг. М., 1922.

Горбунов-Посадов И. Из записной книжки // Единение. М., 1916. № 3. С. 25–34.

Горбунов-Посадов И. Расстрел Христа воюющими народами // Голос Толстого и Единение. М., 1918. № 1. С. 4.

Наблюдение за последователями Л.Н. Толстого, о толстовцах, отказавшихся от военной службы и т. д. 1910 (ГАРФ. Ф. ДП-ОО. Оп. 240. Д. 123).

Наблюдение за деятельностью последователей Л.Н. Толстого («толстовцев»). 1910 (ГАРФ. Ф. ДП-ОО. Оп. 240. Д. 123 прод.).

Досев Х. Религия, воспитание и образование // Единение. М., 1916. № 2. С. 25–38.

Ернефелььт А. Толстой // Голос Толстого и Единение. М., 1917. № 3. С. 7–8.

Из печати // Голос Толстого и Единение. М., 1918. № 1. С. 14–15.

К.И. Священная война // Голос Толстого и Единение. М., 1917. № 6. С. 18.

Крашенинников К. О прочном мире: Обращение к социалистам // Единение. М., 1917. № 1. С. 10–11.

Конашевич К. Признаем друг в друге брата // Голос Толстого и Единение. М., 1917. № 4. С. 6–7.

Медведков В. Восстание в Москве (встречи и переживания) // Голос Толстого и Единение. М., № 5. С. 12.

Новиков М. Две свободы: ложная и истинная // Голос Толстого и Единение. М., 1917. № 5. С. 8–11.

Обмен мыслей // Единение. М., 1917а. № 2. С. 14–15.

Обмен мыслей // Единение. М., 1917б. № 4. С. 13–15.

Обзор печати // Голос Толстого и Единение. М., 1917. № 3. С. 12–13.

Петров С.Г. Толстовство и средние слои: (К постановке вопроса) // Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989. С. 171–178.

Списки лиц, отказавшихся от военной службы при царском и временном правительствах. 1919 (ОР РГБ. Ф. 435. К. 81. Ед.хр. 2).

Списки лиц (единомышленников Л.Н. Толстого), отказавшихся от военной службы и отбывающих наказание за свои религиозные убеждения. 1927–1928 (ОР РГБ. Ф. 435. К. 81. Ед.хр. 2.).

Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1984.

Толстой Л.Н. Путь жизни. М., 2011.

Чертков В. О смертной казни // Голос Толстого и Единение. М., 1917а. № 3. С. 8–9.

Чертков В. О прекращении войны // Голос Толстого и Единение. М., 1917б. № 2. С. 7–9.

Шохор-Троцкий К. Голос о смертной казни // Единение. М., 1917. № 2. С. 11.

С.Н. Третьякова

Военная тема на страницах журнала «Летопись»

Мировая война оказала серьезнейшее влияние на состояние всего русского общества, вызвала – по крайней мере в начальный период – почти всеобщий патриотический подъем. И в центре этого, естественно, находилась печать. Многие издания активно включились в разработку военной тематики. Практически единственным солидным журналом, последовательно выступавшим против войны, стала «Летопись». Журнал был создан по инициативе А.М. Горького, который воспринимал войну как главного врага культуры.

История журнала не обойдена вниманием исследователей, которых привлекала и фигура самого писателя, и направленность материалов издания. Но большинство этих работ, написанных еще в советский период, «портят» идеологические установки, что вполне объяснимо. Это очень ярко видно по той характеристике, которая была дана журналу в многотомной «Литературной энциклопедии» 1929–1939 гг. и где утверждалось, что «интернационализм "Летописи" был половинчатым, ограниченным, трусливым», а «разоблачение империалистического характера мировой войны производилось крайне нерешительно» [ЛЭ, с. 340]. Отметим содержательную статью о журнале Т.Н. Дубинской, а из работ последнего времени – серию статей Е.Н. Никитина.

Думается, что пора уходить от оценочных суждений о том, правильно или нет понимали сам Горький и другие сотрудники журнала тогдашнюю ситуацию. Важно, что Горький смог объединить вокруг своего издания единомышленников. Важно, что журнал Горького был практически единственным, в котором не только не поддерживали, но и осмеливались критиковать патриотические

призывы. Для этого необходимо было и определенное мужество, когда со всех сторон громко звучали шовинистические лозунги. Война фактически расколола российское общество, и нередко бывшие единомышленники и соратники оказывались по разные стороны идеологической борьбы. Хотя в итоге, может быть, этот раскол и стал главной причиной поражения России в войне.

Вообще, сам вопрос об отношении к мировой войне очень сложный и неоднозначный. Для одних речь шла о защите Отечества и «войне до победного конца» (отсюда и искренний патриотизм), другие воспринимали войну только как разрушительную силу, для третьих победа в войне или даже поражение в ней были способом достижения своих политических целей. Имеется в виду Циммервальдская конференция (сентябрь 1915 г.), которая выступила против социал-шовинизма и начавшейся мировой войны, определив ее характер как империалистический. На конференции был принят манифест с призывом начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций. Ряд делегатов поддержали идею В.И. Ленина о поражении своих правительств в войне, что ускорило бы победу социалистической революции в России, а затем и в мире. Эти взгляды, получившие название «пораженческих», разделяли не только сторонники В.И. Ленина, но и некоторые умеренные представители освободительного движения. Но «пораженцами» нередко называли и тех, кто просто выступал против войны как таковой.

Первый номер «Летописи» вышел в свет в декабре 1915 г., хотя замысел подобного издания возник у Горького гораздо раньше. Писатель не мог остаться в стороне от этой мировой проблемы. В письме одному из своих корреспондентов он писал: «...сейчас необходим орган, который питал бы провинцию и вообще Русь идеями, способными организовать общественное самосознание. Война, несомненно, усилит националистические настроения и мысли правящих классов, но можно ожидать, что она понизит национальный шовинизм демократии… И разбиваться нам в разных работах не время. Напротив, следует объединиться на одном деле» [Дубинская, с. 202].

По своему типу «Летопись» была обычным «толстым» изданием с отделом беллетристики, научным отделом, внутренним

обозрением, библиографией и т. д. Традиционные отделы иногда исчезали, появлялись новые, но тип журнала не менялся [Махонина]. Тираж составлял 10–12 тыс. экземпляров [Захарова]. Журнал издавался два года, половина этого периода была окрашена другим важнейшим событием – Февральской революцией, занявшей первое место на страницах печати. Очевидно, издание в этот момент начало испытывать определенные трудности, в том числе и финансовые: в 1917 г. стали выходить сдвоенные и даже строенные номера. К тому же журнал не успевал за быстро меняющейся ситуацией в стране. В этих условиях Горький переключился на издание газеты «Новая жизнь». Со временем доля публицистических материалов будет уменьшаться и соответственно увеличиваться литературный отдел.

Официально издателем «Летописи» по документам числился А.Н. Тихонов, а редактором А.Т. Радзишевский (Р. Арский). Горький руководил беллетристическим отделом [Дубинская, с. 203–204]. Но как вспоминал Радзишевский (Арский), именно Горький «был центром и душой всего предприятия. Если бы его изъяли даже на время, если бы тогда он не мог почему-либо работать, журнал несомненно захирел бы и развалился. В наиболее тяжелые моменты Горький поддерживал и утешал всех» [Арский, с. 330].

Горький привлек к сотрудничеству лучших российских и иностранных литераторов, среди них И. Бунин, А. Блок, В. Шишков, К. Тренев, И. Вольнов, В. Маяковский, Ф. Гладков, А. Чапыгин, Р. Роллан, Б. Шоу, Г. Уэллс, А. Франс, М. Гольдшмит, Э. Штильгебауэр и др. Публицистическую работу в «Летописи» вели А. Богданов, Н. Суханов, В. Базаров, Б. Авилов, С. Вольский, Р. Арский, А. Ерманский, А. Никитский и др. (напомним, что большинство авторов печатались под псевдонимами). Они представляли разные партии и течения, но их сближало отношение к войне. Сам Горький не относил себя к талантливым публицистам, но иногда и он не мог остаться в стороне. В первом же номере «Летописи» он поместил статью «Две души», которая вызвала бурное обсуждение и возмущение взглядами Горького на русский национальный характер и культуру. Но так как об этом уже очень много написано, мы не будем еще раз рассматривать эту тему.

Первый – декабрьский – номер был особенно показательным и должен был дать читателю полное представление о направлении журнала. Помимо литературных сочинений и уже упомянутой статьи Горького, в первой книжке редакция поместила еще несколько публицистических материалов, среди них «Единство культуры и национализм» (В. Базаров), «Дорожный разговор» (В. Плуталов), где в беседе попутчиков проявлялись разные точки зрения на тему, а также памфлет «Нужны ли убеждения?». В последнем критиковался «оборонческий патриотизм» социалистов, которые отказались от идеи пролетарского интернационализма и предпочли «соединиться» со «своими» правительствами, развязавшими войну. Памфлет также вызвал шумную реакцию и возмущение.

Просматривая в наши дни, спустя почти столетие, номера журналов, на первый взгляд и не скажешь, что это «пораженческий» журнал, как его традиционно принято характеризовать. Но не надо забывать об общественных настроениях и условиях того времени, особенно о цензуре. Ряд статей просто не допускался к печати, другие содержат большие купюры. Поэтому прямых призывов к осуждению войны и тем более к «поражению» быть не могло. Многие материалы содержат завуалированное отрицательное отношение к войне. Корреспонденты «Летописи» не вели «репортажей из окопов», чтобы показать весь ужас «мировой бойни» (да у них и не было такой возможности). Но очерки о жизни в условиях военного времени, конечно, есть: «Бытовые штрихи (письмо из Рима)» (Р. Григорьев); «Набеги цеппелинов (над Парижем)» и «В лагерной стоянке» (Е. Панн); «Мобилизация, да не та» (А. Ерманский); «Балканская Голгофа» (В. Калинин); «Из Франции. В рабочей толпе» (Н. Егоров) и др.

В статье С. Лурье, например, рассматривались вопросы войны и мира на примере древнегреческих войн. В исторической статье можно было прямо говорить, что «война не только преступна: она еще и бессмысленна, так как решительно ничего не разрешает». И ссылаться на Аристофана, который осуждал войну [1916, № 6, с. 184–202]. А. Лозовский использует для этого французскую литературу. И знакомит читателя с вопросами, которые обсуждаются на страницах союзной периодической печати. Эти вопросы

касаются будущего Европы: «...как обезопасить Европу и все цивилизованное человечество от повторения в будущем страшного кровавого побоища, унесшего миллионы молодых и цветущих жизней? Как наказать виновников и зачинщиков мировой войны, чтобы отбить у них на долгие годы охоту пускаться в кровавые авантюры, нарушая законы нравственности и права?» [1915, декабрь, с. 208].

Как вспоминал Арский, Горький «старался подбирать материал таким образом, чтобы всегда и неизменно проводилась мысль о необходимости борьбы с войной и противодействия ей. Все заметки и рассказы служили этой основной цели. Само собой разумеется, все они подвергались постоянным наскокам со стороны цензуры». Так как острая публицистика имела мало шансов пройти через цензуру, приходилось прибегать к косвенным методам. Арский отмечал, что они в отделе публицистики «решили пользоваться каждой возможностью, каждой заметкой, чтобы подчеркивать свое непримиримое отношение к войне, при помощи цифр и фактов доказывать ужас войны и ее преступления. При этом мы резко отмежевались от других журналов, которые старались доказать, что во всем виноваты только немцы» [Арский, с. 328]. Цензурное ведомство уже было готово закрыть издание, но Февральская революция помешала.

В кратком обзоре невозможно рассмотреть все, что печаталось в журнале на тему войны, – это и литературные произведения, и большие публицистические циклы статей, и репортажи из других стран. Все, что писалось о жизни современной России, так или иначе имело отношение к войне, в условиях которой жила страна. Война наложила свой отпечаток на все: экономику, политическую и общественную жизнь, культуру и литературу. Несмотря на интернациональный характер издания, главной, на наш взгляд, была тема России. Многие публикации международного характера прямо или косвенно наводили читателей на мысли о сравнении с Россией. И даже сериал «Письма знатного иностранца» В. Симпльтона [1916, № 4–7] был пародией на тот образ «Святой Руси», который стал очень популярным в годы мировой войны в союзной Великобритании.

Серию публицистических статей, в которых последовательно рассматривались вопросы о происхождении войны, интересах России в этой войне, отношениях между Россией и ее союзниками написал для журнала Н. Суханов [1916, № 2–5]. Если либеральная буржуазная печать приветствовала союз с европейскими демократиями, которые видели в таком сближении условие для политических реформ и преобразований в России, то в «Летописи» проводилась мысль об экономической выгоде для Англии и Франции союза с Россией. Автор убеждал читателей, что промышленный капитал Англии и Франции «лихорадочно готовится к тому, чтобы занять место Германии на всех ее внешних рынках и в том числе в России. С самого начала войны об этом говорит вся союзная пресса. Война, однако, не создала такого настроения, а скорее была создана им. Война только развязала языки и обнаружила истинные стремления западноевропейской буржуазии. …Сначала все эти планы были густо окутаны *политическим* флером и проводились в плоскости борьбы с “германизмом”. Затем чисто экономическая их сущность стала обнаруживаться уже без всяких прикрас» [1916, № 4, с. 192–193].

В области материальных интересов «война несет нам одни жертвы, но не выгоды», был уверен публицист. Таких же взглядов придерживался и сам Горький. Отвечая на полемику, возникшую по поводу его статьи «Две души», в «Письмах к читателю» он еще раз заметил, что «английские капиталисты рассматривают Русь как Африку, Индию, как будущую ее колонию» [1916, № 3, с. 173].

Очень много статей посвящено экономическому состоянию России, что видно даже по перечислению названий: «Дороговизна» (Н. Рожков); «Заработная плата в военное время» (Р. Арский); «Война и наша валюта» (Г. Зеземан); «Война и народное хозяйство» (Б. Авилов); «Новые прямые налоги», «Война и биржа», «Бюджет 1917 года» (все – А. Никитский); «О спекуляции» (И. Давидзон); «Алчущие и жаждущие: (Продовольственный кризис и кризис общественности. Пьяный вопрос)» (С. Вольский) и др. И все эти авторы приходят к заключению о негативном в целом воздействии войны на экономику России.

Б. Авилов в статье «Война и народное хозяйство» настаивает на том, что война – это «колоссальная непроизводительная затра-

та продуктов народного труда». Капиталы, затраченные на нужды войны, не способствуют образованию новых ценностей, а извлекают из хозяйственного оборота ценности, созданные раньше. Тот громадный спрос, который испытывает армия на предметы потребления, не обусловливает создания новых ценностей в других отраслях труда, так как все эти затраты оплачиваются не из текущего дохода народного хозяйства, а из средств казны. А военные затраты казны представляют собой расходование национального капитала, накопленного за ряд лет [1916, № 1, с. 361–362].

В. Базаров в статье «Текущий момент и перспективы» констатирует, что начинает рассеиваться тот угар, который вот уже несколько месяцев отравлял мысль нашего «общества». Точных данных относительно размера тех опустошений, которые произвела война, нет. Но опыт предыдущих войн (Русско-японской и др.) показывает, что «ликвидация войны», т. е. расходы, связанные с возвращением страны к «нормальному» состоянию, обыкновенно значительно превышают стоимость самой войны. Но ни одна из прежних войн не затрагивала так глубоко народного хозяйства, не производила таких гигантских разрушений в экономике воюющих стран, как нынешняя «война народов» [1916, № 5, с. 162–164].

Размышляя об экономических проблемах и трудностях, вызванных войной, авторы естественно рассматривают и то, как в России эти проблемы решаются. При этом реальная ситуация опровергла бытовавшие ранее убеждения, что «Россия, обладающая в изобилии хлебом и всеми необходимыми сырыми материалами, легче может перенести бремя войны, чем западноевропейские державы, нуждающиеся в привозном сырье». В результате речь ведется не только о неготовности, но и о неспособности правительства и всего общества к их быстрому и эффективному решению. И тема войны, таким образом, переходит в тему судьбы России…

По мнению С. Вольского, «современный продовольственный кризис – это прежде всего кризис экономической *организации*, обслуживающей нужды страны, кризис тех административных, общественных и частно-предпринимательских органов, которые ведают распределением продуктов». Если страна, импортирующая продукты, неспособна целесообразно распределять их, – это

значит, что она не может приспособиться к новым условиям, не обладает достаточной гибкостью, слаба и несовершенна в своей организации. Под организацией автор понимает «общественность в самых разнообразных ее проявлениях. Земства, кооперативы, профессиональные союзы, кредитные общества, клубы, даже кружки самообразования – все это социальные ячейки, в обычное время выполняющие специфические задачи, но в исключительный момент могущие сослужить огромную службу в сфере общенациональных вопросов и нужд». Страна, в которой эти ячейки развиты и привыкли к свободной деятельности, окажется несравненно гибче, чем страна, в которой они слабы и немногочисленны [1916, № 2, с. 264–265].

Как видно, война проявила слабые места российской жизни, которые сейчас стали особенно очевидны – неспособность организовать продовольственное снабжение, слабость «гражданского общества» на местах, серьезные различия жизни в столицах и провинции, особенно отдаленной, их отношение к насущным проблемам времени. Спустя несколько месяцев об этом же писал М. Петров, отмечая, что «хозяйственная разруха застала наши муниципалитеты врасплох. Городские думы, “не предвидевшие” неминуемого хозяйственного расстройства в начале войны и не предпринимавшие *никаких* мер для предотвращения тяжелых последствий в тылу, столь же мало отзывчивы оказались и в тот момент, когда эти “последствия” были налицо. Равнодушие городских дум отмечалось в печати в разных концах России» [1916, № 11, с. 280].

А. Ерманский также согласен с тем, что «лицом к лицу с этим кризисом наша российская отсталость выступила еще более выпукло». Но война оказывала и другое воздействие. Она ускорила развитие общественно-политического сознания. Если в Севастопольскую кампанию принято было считать месяц за год, то теперь, в период мировой войны можно считать месяц за десятилетие. «Но результаты этого процесса, так сказать, интенсификации нашей общественно-интеллектуальной культуры могут сказаться лишь впоследствии. Теперь же мы имеем пред собою лишь быструю смену фазисов мобилизации верхних слоев нашей общественности. И явный смысл этой смены – тот, что мобилизация в

общем выдыхается, сводится на *нет*. Еще и года не прошло, как началась она на съезде промышленников в конце мая, а уже изжили себя чуть не все ее формы, – вплоть до прогрессивного блока – “парламентской” разновидности той же мобилизации общественных верхов» [1916, № 7, с. 257].

Война ускорила и мировое развитие в целом. О «новой Европе» пишет С. Вольский. Мировая война, будучи результатом предыдущего экономического процесса, не меняет его направления, а лишь до чрезвычайности ускоряет его темп. То, что при нормальных условиях было бы совершено в десятилетия, осуществляется в течение месяцев. «На взбаламученной поверхности национальной жизни внезапно появляются новые государственно-правовые формации, кажущиеся как будто временными и случайными, на самом же деле знаменующие переход к новому строю общественных отношений. Прекратится война, может быть, даже будут перекованы мечи на серпы, – но эти формации останутся жить и наложат свой отпечаток на все перипетии социально-политической борьбы ближайшего будущего». Новой Европе придется считаться с «воцарением индустриально-финансовой аристократии, заменяющей или по крайней мере стремящейся заменить демократию – олигархией, полного человека – “частичным человеком”, парламентаризм – просвещенной диктатурой вождей-специалистов» [1916, № 1, с. 248]. И после войны возврата к «старым очагам и старым идолам» не произойдет, уверен автор. И он окажется прав.

Большинство исследователей высоко оценивают антимилитаристическую деятельность горьковского журнала, отмечая, что он стал «главной легальной трибуной антивоенных идей на русской почве», «оставил значительный след в русской журналистике и истории общественной мысли своего времени», «получил признание у свободомыслящих людей» и т. п.

Авторы-публицисты последовательно показывали, к каким последствиям война может привести и приводит: рост цен, инфляция, чрезмерные затраты и неизбежный грядущий кризис, отсутствие политических и экономических выгод для России в этой войне, «лукавство» союзников, необходимость и неизбежность внутренних перемен. Именно на это и была нацелена деятельность жур-

нала «Летопись». Материалы заставляли задумываться о будущем страны.

В начальный период войны «пораженчество» большинством общества воспринималось как «измена». Однако с ходом войны общественные настроения стали меняться, и лишь на последнем этапе эти идеи начали находить отклик, особенно в армии, уставшей от длительной войны и поражений. Не думаем, что именно «пораженческая» деятельность журнала привела страну к революции 1917 г. и падению самодержавия. Причины всего произошедшего в этот период в нашей стране гораздо глубже, но то, что в этом «виновата» война, против которой и выступали «летописцы», сомнений не вызывает.

Литература

Арский Р. М. Горький во время войны 1914 г. // Горький в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 327–334.

Бережной Л.Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л., 1975.

Дубинская Т.Н. Летопись // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905–1917 гг. Большевистские и общедемократические издания. М., 1984. С. 202–227.

Епанчин Ю.Л. М. Горький и журнал «Летопись» в годы Первой мировой войны http://www.sgu.ru/files/nodes/9850/06.pdf (дата обращения 26.09.2012).

Захарова М.В. «Летопись», журнал // Энциклопедический словарь Петербурга. http://encspb.ru/object/2804027731? lc=ru (дата обращения 25.10.2012).

Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1932. Т. 6. С. 339–341.

Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2002. http://evartist.narod.ru/text1/93.htm (дата обращения 26.09.2012).

Никитин Е.Н. Журнал А.М. Горького «Летопись» // Библиография. 2011. № 4, 5, 6; 2012. № 1.

Нинов А. М. Горький и «Летопись» // Нева. 1966. № 1. С. 176–181.

Д.Г. Гужва

Военная цензура русской периодической печати в годы Первой мировой войны

1 августа (н. ст.) 1914 г. Российская империя вступила в Первую мировую войну в составе крупнейшей коалиции воюющих держав – Антанты. Война потребовала перестройки всех сфер жизнедеятельности российского общества в целях мобилизации человеческих и материальных ресурсов на достижение победы. Важнейшее место в решении этих задач заняла отечественная периодическая печать.

В Первую мировую войну официальная российская периодическая печать руководствовалась документами (законами, постановлениями, положениями и приказами), принятыми как накануне, так и в ходе войны. Для предотвращения утечки секретной информации посредством печати была введена военная цензура. 2 августа 1914 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков подписал «Перечень сведений, касающийся внешней безопасности России или ее Вооруженных Сил и сооружений, предназначенных для военной обороны страны, сообщение коих в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещалось», включавший 18 запретительных пунктов [Собрание Узаконений… 1914. № 191. Ст. 2056]. Вскоре был утвержден еще более полный «Перечень» из 25 пунктов, дополненный запретом к публикации сведений, касающихся личного состава воинских частей, боеготовности армии и флота, потерь в личном и материальном составе армии и флота, волнений среди жителей занятых нашими войсками областей и др. [Собрание Узаконений… 1914. № 203. Ст. 2079]. 31 июля (13 августа) 1915 г. вышел последний за годы войны «Перечень», состоявший из 30 пунктов [Собрание Узаконений… 1915. № 220. Ст. 1710]. Однако необходимо отметить, что все ранее перечисленные запреты распространялись только на печатные, а не на устные высказывания.

Основным законом, которым в своей деятельности руководствовалась российская пресса, было «Временное положение о военной цензуре» [Собрание Узаконений…, 1914. № 192. Ст. 2057], утвержденное Николаем II на следующий день после начала войны. За основу данного нормативно-правового акта был взят проект «Положения о военной цензуре», разработанный Главным управлением Генерального штаба осенью 1909 г. (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 1).

«Временное положение о военной цензуре» регламентировало все аспекты жизнедеятельности прессы и журналистов. Согласно «Положению» министру внутренних дел предоставлялось право запрещать при объявлении мобилизации во время войны сообщение сведений, касающихся внешней безопасности России или ее вооруженных сил, а также сооружений, предназначенных для военной обороны страны. Виновные в разглашении этих сведений могли подвергаться тюремному заключению. Такому же наказанию подвергались виновные в возбуждении акций к прекращению войны. Также главнокомандующему или командующему отдельной армией разрешалось в случае необходимости для успеха ведения войны запрещать собственной властью в подчиненной им местности выпуск периодических изданий [Собрание Узаконений… 1914. № 192. Ст. 2057].

«Временное положение о военной цензуре» состояло из девяти глав. В первой главе излагались общие положения о военной цензуре. Прежде всего объяснялось, что военная цензура есть мера исключительная и имеет назначение не допускать при объявлении мобилизации армии, а также во время войны оглашения и распространения сведений, наносящих вред военным интересам государства. Военная цензура могла устанавливаться в полном объеме или частично. В полном объеме военная цензура функционировала в местах ведения военных действий, а частичная – вне таких мест. В первом случае все указанные материалы просматривались предварительно. Во втором цензура распространялась на международную почтовую и телеграфную переписку, а на внутреннюю – по распоряжению главных начальников военных округов.

Вторая глава определяла организацию учреждений военной цензуры. На фронте ее осуществляли штабы командующих армиями, фронтами и военными округами. За пределами фронтовых районов эта задача возлагалась на Главную военно-цензурную комиссию, находившуюся при Главном управлении Генерального штаба, и местные военно-цензурные комиссии, состоявшие при штабах военных округов.

В третьей главе были прописаны обязанности учреждений военной цензуры. Права и обязанности военных цензоров были изложены в следующих трех главах «Положения». В четвертой главе определялся порядок цензуры произведений печати на театре военных действиях. Ее первая статья гласила, что военным цензорам вменялось в обязанность не допускать к опубликованию сведений, даже если они были и не предусмотрены подробными правилами, издаваемыми военным министром по применению настоящего временного положения, которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства. Таким образом, эта статья значительно расширяла права военного цензора и давала ему возможность запретить до разрешения в высшей инстанции любую корреспонденцию, если он посчитает, что в ней разглашается военная тайна.

Глава пятая определяла взаимоотношения военного цензора и типографий, литографий, металлографии, а также заведений, производящих и продающих типографские шрифты, краски и т. п. и осуществлявших книжную торговлю на фронте. Глава шестая устанавливала военную цензуру почтовых отправлений и телеграмм. О военной цензуре речей и докладов говорилось в седьмой главе. Глава восьмая сообщала об ответственности за нарушения по военной цензуре. Согласно ей ответственность за содержание публикуемых в периодических изданиях сведений и изображений нес редактор, и он считался главным виновником, если требования военной цензуры были его газетой или журналом нарушены.

Дела о нарушении требований военной цензуры возбуждались штабами армий, фронта или военных округов, а также учреждениями и должностными лицами по принадлежности. Когда в выпущенных в свет изданиях обнаруживались нарушения, то на них

мог налагаться арест. Девятая глава «Положения» устанавливала штаты Главной военно-цензурной комиссии и местной военно-цензурной комиссии.

Применение на практике «Временного положения о военной цензуре» вскрыло ряд недостатков в организации цензуры. Во-первых, несовершенство ее обусловливалось существенным различием в отношении цензуры к печати в тех местностях, где она была введена в полном объеме – на театре военных действий, и в частичном – вне его. Во-вторых, самой спорной в «Положении» (касаемо периодической печати) была статья 31, согласно которой военным цензорам всех степеней предоставлялось право «не допускать к опубликованию путем печати всякого рода сведений, хотя бы и не предусмотренных правилами, но которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства» [Собрание Узаконений… 1914. № 192. Ст. 2057]. Исходя из такой постановки вопроса, военный цензор по личному усмотрению мог допустить или не допустить материал к опубликованию либо допустить его в печать частично, вымарывая подозрительные, по его мнению, места. В результате такой «правки» публикация нередко теряла свой первоначальный смысл и была непонятна читателю.

В итоге в ситуацию пришлось вмешаться высшему командованию русской армии. В телеграмме от 2(15) августа 1915 г. начальник штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерал-лейтенант А.А. Гулевич обратил внимание военных цензоров на злоупотребление ими ст. 31 «Временного положения о военной цензуре» (РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1001. Л. 656–657). Основные мероприятия по совершенствованию нормативно-правовой базы деятельности прессы в области военной цензуры были завершены летом 1915 г. и до отречения Николая II от престола существенных изменений не претерпели.

Необходимо отметить, что командование русской армии пристально следило за тем, чтобы на передовую не попадали издания различных пацифистских и революционных организаций, могущие негативно повлиять на морально-психологическое состояние нижних чинов и офицеров. Например, в декабре 1914 г. в телеграмме начальнику штаба 1-й армии генерал-майору К.К. Баиову от на-

чальника штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерала от кавалерии В.А. Орановского сообщалось, что, по полученным агентурным сведениям, пацифистские общества, наряду с революционными кружками, стремятся использовать в больших объемах доставку печати в действующую армию, госпитали и лазареты, а также в эшелоны с войсками, с целью распространения революционных и антивоенных воззваний, вкладывая их в газеты и журналы. Главнокомандующий потребовал, чтобы в войска армии не пропускали никакую печатную продукцию, «исходящую от общества “Мир” и ему подобных пацифистских организаций» (РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1003. Л. 10). В июле 1915 г., согласно приказу начальника штаба Верховного главнокомандующего, был запрещен для высылки в войска издаваемый в Петрограде духовный листок «Сеятель» как проповедующий «пацифистические» идеи, а также было предписано запретить «обращение названного издания в управлениях, учреждениях и заведениях военного ведомства вне театра военных действий» (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2116. Л. 1). В секретных телеграммах от штаба Верховного главнокомандующего в адрес редакторов газет категорически запрещалось печатать сведения о стрельбе немцев снарядами, распространяющими ядовитые газы и о действии этих снарядов; о польских легионах, «ибо таких нет»; о беженцах; о начале наступления на том или ином участке фронта; о забастовках и т. д. (РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1001. Лл. 219, 224, 225, 482; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 899. Л. 100, 104, 109).

После Февральской революции 1917 г. новая власть не осталась в стороне от проблем печати в целом и цензуры в частности. Она приняла непосредственное участие в совершенствовании существовавшей нормативно-правовой базы по данному вопросу. 27 апреля (10 мая) 1917 г. вышло постановление Временного правительства «О печати», согласно которому «печать и торговля произведениями печати стали свободными» [Собрание Узаконений… 1917. № 109. Ст. 597]. Применение к ним административных взысканий не допускалось. Однако после провала июньского наступления, одной из причин которого стала гласность и свобода слова в печати, чем и воспользовались антиправительственные организации, новой власти пришлось пожалеть о принятии столь недальновидного закона. В спешном порядке, один за другим, Временным правительством было подписано три постановления, регламентирующих деятельность военных и фискальных органов в районе боевых действий.

Согласно изменению от 12(25) июля 1917 г., внесенному в закон «О печати», военному министру и министру внутренних дел было предоставлено право закрывать периодические издания, призывающие к окончанию войны, неповиновению начальникам и к свержению Временного правительства, а редакторов этих газет привлекать к судебной ответственности (ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1б. Л. 74). В соответствии с этими поправками, был издан приказ Военного и морского министра А.Ф. Керенского, вменявший в обязанность всем начальникам и комиссарам Временного правительства тщательно следить за нераспространением в действующей армии оппозиционных газет, а в случае их появления – немедленно выходить с ходатайством об их закрытии. Одновременно сообщалось о закрытии большевистских изданий «Солдатская правда» и «Окопная правда» (РГВИА. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 619. Л. 90).

14 (27) июля 1917 г. было подписано постановление «О воспрещении оглашения в печати без предварительного просмотра военною цензурою сведений, относящихся к военным действиям» [Собрание Узаконений… 1917. № 189. Ст. 1129], согласно которому запрещалось помещать в периодических изданиях и других произведениях печати без предварительного просмотра военной цензурой сведений, относящихся к военным действиям российской армии и флота, а также о состоянии армии и флота и о мероприятиях военного характера, разглашение которых может нанести ущерб интересам российских или союзных армий и флотов. Особенность этого документа заключалась в том, что ввести его в действие предписывалось оперативно, при помощи телеграфа, до обнародования в «Вестнике Временного правительства». Такая поспешность в доведении закона до широкой общественности ярко свидетельствовала о его важности.

Заключительным нормативным актом в череде законов Временного правительства, касающихся военной цензуры, стало постановление «О специальной военной цензуре печати» от 26 июля

(8 августа) 1917 г. [Собрание Узаконений… 1917. № 199. Ст. 1130], действие которого предполагалось «на время настоящей войны до ратификации мирного договора». Постановление включало в себя пять глав и перечень сведений, подлежащих предварительному просмотру военной цензурой, состоявший из 30 статей. По своему содержанию оно мало чем отличалось от «Временного положения о военной цензуре», за исключением отсутствия некоторых глав и расширенного перечня запрещенных для публикации сведений.

После Октябрьской революции 1917 г. одним из первых законов, изданных большевиками, стал Декрет СНК РСФСР «О печати» [Собрание Узаконений… 1942. № 1. Ст. 7], подписанный В.И. Лениным 9 ноября 1917 г. В документе отмечалось, что «буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии… она не менее опасна… чем бомбы и пулеметы. Как только новый порядок упрочится, всякие административные меры на печать будут прекращены…». Этим же декретом СНК постановил закрыть органы прессы, призывающие к открытому сопротивлению и неповиновению рабочему и крестьянскому правительству, сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов, призывающих к деяниям явно преступного, т. е. уголовно наказуемого характера.

Исследователь истории отечественной печати Г.В. Жирков отмечал, что этот декрет не был обычным юридическим законом о печати, а являлся программным документом большевиков. Декрет не ликвидировал буржуазную и мелкобуржуазную прессу, а лишь преследовал призывы к открытому сопротивлению и неповиновению Советской власти, ложь и клевету, т. е. имел больше агитационный характер [Жирков, 1999, с. 12]. На основании декрета с октября 1917 г. по июнь 1918 г. были закрыты или прекратили существование по другим причинам более 470 антиправительственных изданий [Гончаров, 1969, с. 16]. Оппозиция в ответ на это использовала старый революционный прием прессы: печатный орган вновь воскресал под измененным названием. Так, «Голос солдата» за три месяца сменил девять названий, но в итоге все равно перестал существовать [Жирков, 2001, с. 229].

В ответ на тактику смены названий газет Совнарком 28 января 1918 г. принимает декрет «О революционном трибунале печати». В его ведение передавалось рассмотрение преступлений и проступков против народа, совершаемых путем использования печати [Собрание Узаконений… 1917–1918. № 28. Ст. 362]. Трибунал состоял из трех человек, избиравшихся на срок не более трех месяцев. Заседание происходило публично, при большом стечении журналистов. Приговор являлся окончательным и обжалованию не подлежал. В исполнение он приводился Красной гвардией, милицией, войсками и исполнительными органами республики. Декрет определял следующие виды наказания: денежный штраф, выражение общественного порицания, помещение на видном месте приговора или же специальное опровержение ложных сведений, остановка издания могла быть временной или окончательной, конфискация в общенародную собственность типографий или имущества издания печати, лишение свободы, удаление из столицы, отдельных местностей или пределов Российской республики, а также лишение виновного всех или некоторых политических прав. Просуществовали трибуналы печати до мая 1918 г.

Демонстрируя лояльность к органам печати, новое правительство, в лице народного комиссара по военным делам РСФСР Н.И. Подвойского, издало два приказа, касающихся военной цензуры. 12 января 1918 г. был упразднен институт военных цензоров в военных почтово-телеграфных контрольных бюро [Собрание Узаконений… 1917–1918. № 16. Ст. 230], а 26 января нарком подписал приказ «Об упразднении военной цензуры печати», дела которой передавались в ведение Военного почтово-телеграфного контроля [Собрание Узаконений… 1917–1918. № 19. Ст. 294]. Однако нестабильное положение советской власти привело к тому, что уже в декабре 1918 г. правительством было принято положение «О военной цензуре» [Собрание Узаконений… 1917–1918. № 97. Ст. 987], которое по своему содержанию было почти полностью идентично царскому «Временному положению о военной цензуре».

Говоря об организации военной цензуры в годы Первой мировой войны, необходимо также упомянуть о «Положении о военных корреспондентах в военное время» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 78–84), которое было разработано Главным управлением Генерального штаба в 1912 г. с учетом ранее проведенных Россией

войн (Русско-турецкой 1877–1878 гг. и Русско-японской 1904–1905 гг.). Согласно Положению «военным корреспондентом на театре военных действий считалось лицо, особо уполномоченное редакцией издания или телеграфным агентством для сообщения сведений с театра войны и утвержденное в этом звании начальником Генерального штаба» [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 78]. Подчеркивалось, что, кроме утвержденных начальником Генштаба военных корреспондентов, ни одно лицо не имело права посылать с театра войны какие-либо сведения, предназначенные для печати. Предусматривался допуск в армию 20 (в том числе 10 иностранных) корреспондентов. Военным корреспондентам разрешалось пользоваться фотоаппаратами. Кроме корреспондентов на театр военных действий допускались три русских военных фотографа (из профессионалов), утверждаемых в этом звании также начальником Генштаба. Военным фотографам запрещалась подготовка текстовых публикаций, им разрешалось лишь помещать под иллюстрациями краткие подписи.

Военные корреспонденты и фотографы утверждались в этих званиях после того, как давали подписку, что они обязуются беспрекословно подчиняться всем требованиям «Положения», а также соответствующим взысканиям в случае нарушения этих требований. Утвержденные в своем звании военные корреспонденты и фотографы получали от Главного управления Генерального штаба (ГУ ГШ) специальные удостоверения и нарукавные повязки. Ношение последних было обязательно в тех районах, в которых действовало «Положение о полевом управлении войск». Список военных корреспондентов и военных фотографов публиковался ГУ ГШ для всеобщего сведения и сообщался начальнику штаба главнокомандующего (начальнику штаба отдельной армии) для отдания его в приказе. В списке указывались: фамилия, имя, отчество военного корреспондента (фотографа); номер его нарукавной повязки, соответствующий тому номеру, под которым военный корреспондент (фотограф) занесен в список ГУ ГШ; представителем какого издания (агентства) он является (если издание иностранное, то также название страны, в которой выходит издание); время отправления корреспондента (фотографа) на фронт, а также к кому он должен явиться по прибытии. Обязательным условием для военного корреспондента было, чтобы он являлся подданным государства, в котором издавалось представляемое им издание (агентство). Военным фотографом мог быть только русский подданный.

Лица, желавшие быть утвержденными в звании военных корреспондентов, подавали в ГУ ГШ прошение на имя начальника Генерального штаба. К прошению прикладывались: удостоверение редакции (агентства) о том, что соискатель действительно уполномочен на это редакцией; документ, удостоверяющий личность; три фотографические карточки с собственноручной подписью просителя, надлежащим образом засвидетельствованные; свидетельство о благонадежности для русских подданных, а для иностранных – рекомендация нашего дипломатического представителя и военного агента в соответствующем государстве; денежный залог в размере: для русских военных корреспондентов – 25 000 рублей, для иностранных корреспондентов – 75 000 франков, а для военного фотографа – 10 000 рублей (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 82).

В случае утверждения просителя в звании военного корреспондента представленный им залог хранился в ГУ ГШ для удержания из него штрафов, если таковые будут наложены. В случае же отказа залог возвращался просителю вместе с остальными документами. Также требовалось представить нотариальное обязательство редакции (агентства) о том, что в случае уменьшения залога путем удержания из него штрафных сумм до половины первоначального размера редакция немедленно доводит залоговую сумму до установленной нормы.

Согласно «Положению» на фронте военные корреспонденты и военные фотографы находились в ведении начальника военно-цензурного отделения при штабе главнокомандующего, к которому они обязаны были явиться немедленно по прибытии в действующую армию. Из документов военному корреспонденту возвращались: удостоверение ГУ ГШ об утверждении в должности военного корреспондента и военного фотографа; документ, удостоверяющий личность, и одна фотографическая карточка, засвидетельствованная начальником военно-цензурного отделения при штабе главнокомандующего. Все эти документы должны были постоянно находиться

при военном корреспонденте и немедленно предъявляться им для проверки по первому требованию военного начальства. Приступить к работе военный корреспондент и военный фотограф могли лишь после разрешения на это начальника военно-цензурного управления при штабе главнокомандующего. Для личных нужд журналист мог иметь прислугу, но не более одного человека. Как им, так и прислуге запрещалась отлучка за пределы района расположения штаба главнокомандующего.

Военный корреспондент или фотограф, допущенный на театр военных действий, мог сложить с себя обязанности военного корреспондента (фотографа) лишь по ходатайству перед начальником штаба главнокомандующего. Отказавшегося от звания военного корреспондента или фотографа немедленно высылали из действующей армии, причем до перехода им границ театра военных действий он должен был выполнять правила «Положения».

Военные корреспонденты осведомлялись о ходе дел у начальника военно-цензурного отделения. Вся корреспонденция, предназначенная к отправке с театра войны для печати, представлялась предварительно для цензуры в двух экземплярах, один из которых оставался в военно-цензурном отделении. Иностранные военные корреспонденты должны были представлять свои материалы лишь на французском, немецком или английском языках. Корреспонденции на иных языках не пропускались. Все иллюстрации представлялись также в двух экземплярах. Каждая из них должна была иметь подпись.

Что касается наказаний, налагаемых за нарушение правил военной цензуры, то кроме общих наказаний в «Положении» предусматривались особые взыскания за нарушение требований, предъявляемых к военным корреспондентам (фотографам) при работе на фронте. Военный корреспондент (фотограф), замеченный без нарукавной повязки, подвергался штрафу: в первый раз в размере от 25 до 100 рублей, во второй раз – от 100 до 300 рублей, в третий и последующие разы – 500 рублей. Если журналист (фотограф) отправил без предварительного представления начальнику военно-цензурного отделения корреспонденцию или иллюстрацию, предназначенную для печати или не предназначенную, но затем напечатанную, он подвергался за это: в первый раз штрафу 3 000

рублей, во второй раз – лишению звания военного корреспондента (фотографа) (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 82). В случае, если военный корреспондент (фотограф) отлучался без соответствующего разрешения начальника военно-цензурного отделения за пределы района расположения штаба главнокомандующего, пробыл в отлучке не более трех суток и затем возвращался в район расположения штаба, он подвергался за это: в первый раз штрафу от 3 000 до 5 000 рублей, во второй – от 5 000 до 10 000 рублей и в третий раз – лишению звания военного корреспондента (фотографа) (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 82).

Военный корреспондент (фотограф), отлучившийся без соответствующего на то разрешения начальника военно-цензурного отделения за пределы района расположения штаба главнокомандующего и пробывший в отлучке более трех суток или же совсем не явившийся обратно, подвергался за это лишению звания военного корреспондента (фотографа) и сверх того: 1) если во время отлучки он пребывал в местностях, на которые распространяется действие «Положения о полевом управлении войск», – заключению в тюрьму гражданского ведомства на срок от шести месяцев до одного года; 2) если он пребывал во время отлучки вне местности, на которую распространяется действие «Положения о полевом управлении войск», – заключению в тюрьму гражданского ведомства на срок от трех до шести месяцев (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4895. Л. 82). Взыскания за нарушение требований военной цензуры, а также взыскания, перечисленные в «Положении», за исключением наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом, налагались на военного корреспондента (фотографа) в административном порядке властью начальника штаба главнокомандующего по представлению начальника военно-цензурного отделения. Административные взыскания, наложенные на военных корреспондентов и фотографов, обжалованию не подлежали.

О каждом взыскании, наложенном на военного корреспондента (фотографа), связанном с денежным штрафом, сообщалось в ГУ ГШ для удержания соответствующей суммы из залога виновного. Штрафные суммы вносились в доход государства. Лишение звания военного корреспондента (фотографа) было связано с

последующей высылкой в одну из внутренних губерний России, где он отдавался под гласный надзор полиции до прекращения боевых действий. Свой залог или оставшуюся его часть, военные корреспонденты (фотографы) получали лично в ГУ ГШ после прекращения действия военной цензуры.

Однако, несмотря на столь строгие меры по предотвращению утечки секретных сведений посредством печати, в начале войны в сообщении от военного министерства говорилось, что осведомление населения о ходе ведения боевых действий будет вестись в пределах возможного и «общество должно мириться с краткостью и вероятной скудностью тех сведений, которые ему будут сообщаться» [Русский инвалид, 1914, № 159]. Также сообщалось, что сведения о французских и сербских войсках будут передаваться в очень ограниченном объеме, как и о наших войсках, для того чтобы путем их огласки не навредить успеху борьбы с общим врагом. В то же время в первый же день вступления в должность начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н.Н. Янушкевич указал в телеграмме начальникам военных округов, что «корреспонденты в армию допущены не будут» [Лемке, 1920, с. 133]. 7 (20) сентября 1914 г. в приказе войскам 1-й армии за подписью командующего армией генерала от кавалерии фон П.К. Ренненкампфа было объявлено, что в некоторых газетах появляются телеграммы и заметки под рубрикой: «От собственных корреспондентов из действующей армии». Ввиду того, что корреспонденты в действующую армию не допущены, появление в печати корреспонденций из армии недопустимо (РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1003. Л. 6).

Однако по прошествии нескольких недель войны, ввиду появления в русской печати публикаций и сообщений под рубрикой «от собственных корреспондентов из действующей армии», содержание и факты которых поддавались сомнению из-за отсутствия корреспондентов на передовой, позиция русского командования по отношению к печати изменилась. В сентябре 1914 г. великий князь Николай Николаевич (младший) потребовал «во всех штабах корпусов и отдельно действующих отрядов назначить особых офицеров, которым был бы поручен сбор соответственных мате-

риалов в целях официального или неофициального помещения этих данных в печати» [Лемке, 1920, с. 135].

Подводя итог деятельности военной цензуры по отношению к периодической печати, можно констатировать, что Российская империя вступила в Первую мировую войну с достаточно обеспеченной нормативно-правовой базой в вопросах печати. Это стало возможно благодаря учтенному опыту информационного обеспечения в предыдущих войнах (Русско-турецкой 1877–1878 гг. и Русско-японской 1904–1905 гг.); заранее подготовленной законодательной базе в области печати («Положение о военных корреспондентах в военное время», «Временное положение о военной цензуре» и неоднократно дорабатывавшиеся с учетом изменения обстановки «Перечни сведений по военной и военно-морской частям, оглашение коих в печати воспрещалось»), а также постоянному контролю со стороны правительства, которое, несмотря на неоднократную смену политических курсов в государстве, не пускало на самотек вопросы регулирования деятельности прессы как важного информационного и пропагандистского средства.

Литература

Гончаров А.А. Борьба Советской власти с контрреволюционной буржуазной и мелкобуржуазной печатью (25 октября 1917 г. – июль 1918 г.) // Вестник Московского университета. М., 1969.

Жирков Г.В. Журналистика двух Россий: 1917–1920 гг. СПб., 1999.

Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.

Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Пг., 1920.

Русский инвалид. 1914.

Собрание Узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1914.

Собрание Узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1915.

Собрание Узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917–1918.

Собрание Узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1942.

Д.Д. Лотарева

Писатель и две войны

Письмо Евгения Лундберга в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны (1942 г.)

Первая мировая война, в которую Россия вступила совершенно неожиданно практически для всех слоев населения, стала большим потрясением для общества. И если в начале войны в образованных и художественных кругах боевые действия с энтузиазмом одобрялись (хоть и с разных позиций), то впоследствии осмысление причин, хода и результатов войны стало более пессимистичным. Катастрофичность последствий и бессмысленность жертв казались все очевиднее.

Практически все русские писатели и поэты поддерживали войну, хотя видели ее по-разному. Даже те, кто осуждал военные действия, высказывали свое несогласие осторожно[1]. И лишь немногие решались на открытое неприятие и призыв к поражению в войне. Среди этого меньшинства – Евгений Германович Лундберг (1883–1965), к 1914 г. имевший за плечами достаточно бурную биографию, которую строил в соответствии с воззрениями философа Льва Шестова, чьи работы открыл для себя еще в 1902 г. В опубликованной в 1898 г. работе «Шекспир и его критик Брандес» Шестов порицал ограниченность и недостаточность научного познания как средства «ориентировки» человека в мире; высказывал недоверие к общим идеям, системам, мировоззрениям, заслоняющим реальную действительность во всей ее красоте и многообразии. Он считал, что главное – это конкретная человеческая жизнь с ее трагизмом, не принимал формальную, принудительную мораль.

В 16 лет Лундберг ушел из дома после конфликта с родителями на религиозной почве, долго скитался, общаясь с крестьянами, революционерами, сектантами, о чем написал сборник рассказов, очеркови этюдов (опубликован в 1909 г.). Его девизом стали

слова Шестова: «Если все люди – дети Бога, значит, можно ничего не бояться и ничего не жалеть».

С 1903 г. Лундберг входит в литературные круги Петербурга, познакомившись с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус. Андрей Белый считал его символистом. Молодой человек имел очень широкий круг знакомств среди писателей, философов, революционеров, общественных деятелей (А. Блок, С. Бобров, А. Ремизов, О. Форш, Б. Пастернак, Вс. Мейерхольд, Р. Иванов-Разумник, К. Станиславский, С. Мстиславский и мн. др.).

Однако литератору было мало литературы. По словам его современников, Лундберг обладал мятущимся характером и жаждал действия. От экспериментов над собой (голодовки, проживание в лепрозории, симуляция немоты и намеренное попадание в разного рода экстремальные ситуации) он перешел к работе над преобразованием действительности. Так, в 1905 г. он примкнул к полулегальному Христианскому братству борьбы, созданному философом В.Ф. Эрном и религиозным писателем В.П. Свентицким, и агитировал рабочих Иваново-Вознесенска. Он призывал их отказаться от узкоэкономических требований и старался пробудить в бастующих идею борьбы за «Правду Христову», противопоставив ее борьбе за экономические цели, служащие лишь эгоистическому желанию обогащения и благополучия. Вместо стачки за хлеб насущный он и другие агитаторы призывали восстать против тех, кто оскверняет мир – храм Господень, делая его домом торговли и вертепом разбойников, где безбожные сытые бездельники крадут труд бесправных, голодных и нищих рабочих[2].

Программу Христианского братства Лундберг также распространял на Юге России. Он верил во «всенародную», «всесословную», «всепрощающую революцию».

После ареста в 1909 г. и пребывания в крепости, откуда его вызволил Шестов, он уехал за границу, а вернулся в Россию как раз к началу войны.

Начиная с 1900-х гг. и в особенности с 1912 г. Лундберг постоянно занимался журналистской работой, сотрудничая в самых разных изданиях («Новый путь», «Журнал для всех», «Русская мысль» и др.). В основном Лундберг публиковал рецензии и кри-

тические статьи, реже – рассказы. При этом его работы часто не соответствовали концепции журналов. Например, как вспоминал сам автор, в мистическом «Новом пути» он был представителем скептического направления.

Судя по его запискам, Лундберг был прекрасно осведомлен обо всех идейных и философских течениях Серебряного века – символизме, мистическом анархизме, антропософии, масонстве, левом народничестве. Идейно поддерживал левых эсеров, что, вероятно, сформировало его отрицательное отношение к войне.

С середины 1914 г. он возглавил литературный отдел журнала «Современник», высказываясь критически о состоянии русской литературы. В этом же году он опубликовал книгу «Мережковский и его новое христианство», в которой подчеркивал, что для построения новой религии необходим собственный опыт.

Вступление России в военные действия заставило его высказываться более резко. В декабре 1914 г. он писал: «Несмотря на огромность темы, писатели наши не находят ни слов, ни образов, ни идей… На писаниях их лежит печать компилятивности (по газетным материалам), на замыслах – печать полной растерянности и бескрылости. Все стали писать на один лад, одним языком <…> Чем речь патетичнее, тем слабее стих. Мне жаль, что наши поэты пишут о войне, главным образом, за своими старыми столами. Чистая лирика им удается, а поэзия, так сказать, прикладная, этот новый род полуэпоса-полулирики, не складывается ни по форме, ни по содержанию[3]. Это мнение Лундберга резко контрастирует, например, с высказыванием Вячеслава Иванова, опубликованным также в декабре 1914 г.: «Война на всем отразилась как светлое потрясение, она знаменует всеобщий сдвиг наших сил как в материальной, так и в духовной сферах»[4].

В 1923 г. в очерках «От общего к преходящему» Лундберг писал, характеризуя литературный процесс периода войны: «Блок с легкостью мог создать любую легенду о мистической или исторической роли России и примкнуть к сонму лжепророков, придавших столь неприятный оттенок мессианства нашей философской и публицистически-философской литературе. Но он воздержался от этой измены»[5].

В «Записках писателя» Лундберг еще подробнее описывает ситуацию периода войны:«Ждали зарождения трагической культуры. Ждали религиозного возрождения. Обманывали обещанием материальных приобретений. Среди больших писателей, ученых и проповедников отобрались люди великого бесстыдства, которые намекали на то, что война введет Россию в золотой век.

А на деле война рождала страх в сердцах – и зарытые в землю, искаженные страхом сердца мертвецов отравляли землю. Страх гибели подымал людей на подвиги. Страх кары отрывал от труда и семьи, строил батальоны, полки и армии. Страх потери страха подневольными людьми научил философов философствовать по-военному, а поэтов по-военному слагать стихи». И далее: «Интеллигенция <…> безответственна. Она гранит и шлифует поверхность культуры и не любит заглядывать в глубину. <…> Интеллигенция знает причины, пути, обстоятельства и цели, охотно и пространно изъясняет их. И бесславно гибнет в подвижных складках колеблемой земной коры. Зато страшно и трогательно народное молчание во времена несчастных и запоздалых войн»[6]. Лундберг призывал писателей трудиться, чтобы «превратить в полезный продукт зреющий под спудом народный дух»[7].

Как левый эсер, поддерживая линию на прекращение войны, Лундберг в 1917 г. написал воззвание к солдатам немецкой армии «Долой войну, долой правительство капиталистов» (РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. Ед. хр. 564).

После революции Лундберг в 1917 г. работал редактором газеты «Свободная Россия» в Новороссийске, затем жил в Петрограде, а потом в Москве, где с 1918 г. работал в Наркомпросе. Печатался в журнале «Наш путь» (1918), в этом же году издал книги «Свобода совести и отделение церкви от государства» и «Церковь и государство». В 1917–1918 гг. сотрудничал в левоэсеровских изданиях вместе с Р.В. Ивановым-Разумником, принимал активное участие в организации Вольной философской ассоциации. Затем уехал в Берлин, где жил в 1920–1924 гг., где принял участие в организации левонароднического издательства «Скифы», что также характеризует его взгляды.

Вернувшись в Россию, Лунберг остался практически не у дел, писал о грузинской и казахской литературе, о зодчем Воронихине, а также опубликовал повесть о первобытных людях «Кремень и кость». Занимался также переводами. Являлся членом Союза писателей.

Вернуться к опыту осмысления роли писателей в военное время Лундберга заставила Великая Отечественная война. В июле 1942 г., будучи в эвакуации в Алма-Ате, он написал докладную записку, предлагая создать фактотеку Великой Отечественной войны. Записку он направил в Секретариат ЦК ВКП(б) и в Политуправление Рабоче-крестьянской Красной армии, которое отвечало за агитационные и пропагандистские вопросы. Копии этого письма хранятся в РГАЛИ (Ф. 631 – ССП СССР. Оп. 15. Ед. хр. 759. Л. 114–118) и в фонде созданной И.И. Минцем Комиссии по истории Великой Отечественной войны (Научный архив ИРИ РАН. Ф. XIV. Ед. хр. 3. Л. 3–7).

Приведем выдержки из этого письма:

«28 июля 1942 г. В Секретариат ЦК ВКП(б) Фактотека Великой Отечественной войны. Докладная записка.

<…> Совершенно естественно, что участники и свидетели событий, происходящих сейчас в Советском Союзе и во всем мире, стремятся так или иначе закрепить пережитое, так или иначе послужить будущим историкам и художественным изображениям Отечественной войны своими материалами.

Наиболее активными в деле собирания фактических материалов об эпохе Великой Отечественной войны могут быть и должны быть писатели всех жанров и журналисты. Они должны быть шире, чем было до сих пор, привлечены к работе, как архивом Великой Отечественной войны, организованным при ПУРе, так и редакциями киносборников, радиоуправлений и газет. Наряду с этим было бы очень важно предоставить литературным работникам возможность создать собственную фактотеку.

Творчество писателей и поэтов в дни Отечественной войны, естественно, течет по двум разделам: одни произведения пишутся для войны, другие – о войне. Одни создаются для того, чтобы удовлетворить текущую потребность бойцов фронта и тыла в остром

мобилизующем слове, другие являются как бы заготовками для будущих произведений, в которых отразятся героические дела народов Советского Союза в их борьбе с фашизмом.

<…> Историю общества эпохи Отечественной войны придется строить как сложную мозаичную картину. Благодаря вполне неизбежной суженности, поле действия отдельных наблюдателей и летописцев, значительная часть совершающихся в нашей стране событий, проявлений самоотверженности, преданности идеям, понимания задач, лежащих на советских людях остаются неотраженными, даже не зарегистрированными. Газеты и радио не могут охватить всей полноты и разнообразия событий, официальные отчеты схематичны, ибо их интересуют сводки фактов, суммарные цифры, магистраль движения, а не частности, как бы красочны и глубоки они ни были.

<…> И на советских писателях и журналистах лежит чрезвычайно ответственная задача: стать ближе к многообразной нашей действительности, с возможной полнотой отразить ее или хотя бы зарегистрировать то значительное, что в ней происходит. А между тем большинство писателей, особенно находящихся в тылу, делают меньше, чем они могли бы и хотели бы сделать.

Но существенен не только момент активизации творчества самих писателей. И на фронте, и в тылу тысячи бойцов и работников сами хотят что-то рассказать, что-то передать родной стране, но не умеют этого сделать и беспомощно бьются над словом. И тут на советских писателях, на советской интеллигенции лежит еще одна ответственная, радостная задача.

Независимо от личной одаренности потребность народа в целом выразить свои думы и чаяния является законной и великой потребностью. На этой потребности во все времена расцветал фольклор, она порождала подлинно народный эпос. Но кто знает, сколько песен, легенд и поэм погибали и погибают в неизвестности только потому, что некому их записать. Мы должны подхватить их, сохранить, оформить. И я не знаю, которая из задач выше и ответственнее – задачи ли помочь будущему историку, накопляя для него материалы в качестве скромных летописцев, или служебное участие в народном стремлении запечатлеть свои думы и чаяния.

Фактотека Великой Отечественной войны является лишь одной из возможностей преодолеть эту слабость, эту невольную непродуктивность большого числа писателей. <…> Все нацреспублики, области Сибири и Дальнего Востока должны быть вовлечены в эту работу. Особого освещения требует роль бойцов, находящихся на излечении или отдыхе в тылу, в общественной жизни; судьбы эвакуированных; творческая работа ученых; трудовые подвиги рабочих, крестьян и представителей советской интеллигенции; перестройка экономики и быта в связи с текущими задачами – рост сознания и трудоспособности охваченных единым порывом народов Советского Союза.

Должны коллекционироваться письма, дневники, стенгазеты и пр.

Фактотека может стать значительным памятником Великой Отечественной войны. На ее основе могут вырасти значительные произведения…»

Копия письма Лундберга могла попасть в Комиссию по истории Великой Отечественной войны как из Секретариата ЦК ВКП(б), так и из ПУ РККА, поскольку Комиссия была организована по их распоряжению и по инициативе историка и будущего академика И.И. Минца. В начале войны мало кто понимал, как освещать военные события, как писать историю боевых действий. Обращение к опыту литературной агитации времен Первой мировой войны не удовлетворяло и не могло удовлетворить советских пропагандистов, хотя некоторые идеи, например обращение к фольклору и к опыту Отечественной войны 1812 г. использовались во время обеих войн.

Однако предложения о создании Летописи (или «Фактотеки», в версии Лундберга) войны поступали как от писателей, так и от военных. Но практически ни одно из предложений писателей реализовано не было, хотя их идеи, несомненно, оказали влияние на формирование целей и задач Комиссии. Отметим, что и те огромные материалы, которые были собраны Комиссией во время и после войны (преимущественно в виде интервью участников боевых действий), остаются практически невостребованными до сих пор.

В заключение укажем, что Е.Г. Лундберг, вполне в соответствии со своими взглядами, в эвакуации в Алма-Ате написал работы «Значение Абая Кунанбаева в казахской литературе» (1944), «Казахская литература и акыны» (1944), а также сборник рассказов «Люди и судьбы» (1944).

[1] *Купцова И.В.* Идейно-политическое размежевание российской художественной интеллигенции в годы Первой мировой войны // Интеллигенция и мир. 2001. № 2–3. С. 21–30.

[2] *Лундберг Е.Г.* Записки писателя. Берлин, 1922. С. 18.

[3] Литературный дневник // Современник. 1914. № 12. С. 250.

[4] Голос Москвы. 1914. № 273. 2 дек.

[5] *Лундберг Е.Г.* От общего к преходящему. Берлин, 1923. С. 96.

[6] *Лундберг Е.Г.* Записки писателя. С. 25.

[7] Там же. С. 54–55.

Д.Г. Гужва

Военные газеты и журналы в годы Первой мировой войны как основное средство информирования русской армии

Накануне Первой мировой войны отечественная военная периодическая печать имела строго определенную структуру, значительная составляющая которой сохранилась и в годы войны. Центральным органом военного министерства были военно-научный журнал «Военный сборник» (1858–1917) и газета «Русский инвалид» (1862–1917). Далее шли издания штабов военных округов и казачьих войск, управления родов и служб, военно-учебных заведений, военного духовенства и др. [Русская военная периодическая печать, 1959]. Всего к началу войны в России выходило около 60 различных военных периодических изданий. Однако информирование, доведение до адресата директивного материала и укрепление морально-психологического состояния личного состава непосредственно в районах ведения боевых действий потребовало от командования русской армии развития более широкой сети военных периодических изданий. Поэтому одновременно с созданием фронтов командование начало формирование и их органов военной печати.

Основанием для появления фронтовых и армейских изданий можно считать телеграмму штаба Верховного главнокомандующего № 1160 от 31 июля (13 августа) 1914 г., гласившую, что «Верховный Главнокомандующий признает крайне желательным скорейшее снабжение войсковых частей газетами патриотического направления и бюллетенями о событиях на всех театрах военных действий – нашем и наших союзников, дабы все воинские чины, до передовых частей включительно, имели возможность быть осведомленными об общем положении дел» ([РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1031. Л. 1). Во исполнение телеграммы в войсках было орга-

низовано бесплатное распространение газет и журналов военно-патриотической направленности, в большом количестве издаваемых в начале войны на частные средства: «Альбом героев войны», «Армия и флот», «Война и герои» и др.

Активные действия по созданию органов военной печати были предприняты и в самой действующей армии. В своей телеграмме от 14 (27) августа 1914 г. начальник штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерал от кавалерии В.А. Орановский дал распоряжение начальникам штабов подчиненных армий о «немедленном издании при вверенных им штабах военной газеты». Особо подчеркивалось, что эта газета должна была печататься в таком количестве, чтобы ею были снабжены бесплатно: в пехоте – включительно до роты, а в других родах войск – соответствующие подразделения (РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1031. Л. 5). В августе 1914 г. при штабе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта начал издаваться «Армейский вестник», а с ноября того же года – еженедельное иллюстрированное приложение к нему с аналогичным названием. До сентября 1916 г. издание выходило три раза в неделю, а затем стало ежедневным. Его объем составлял четыре полосы. С апреля 1915 г. подобная газета под названием «Наш вестник» стала выходить при штабе главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта с еженедельным иллюстрированным приложением. Она также выходила три раза в неделю.

Кроме фронтовых, в войсках при штабах армий создавались армейские газеты: «Армейский листок» (штаб 2-й армии), «Последние армейские известия» (штаб 3-й армии), «Боевые новости» (штаб 5-й армии), «Последние известия» (штаб 8-й армии), «Вестник X армии» (штаб 10-й армии), «Известия штаба XII армии» (штаб 12-й армии) и др. Как правило, эти издания выходили ежедневно, были меньше по формату и информационной насыщенности, чем фронтовые, и имели предназначение в большей мере информационного бюллетеня. Их объем составлял от двух до четырех полос. Всего к январю 1917 г. в действующей армии издавалось 3 фронтовых, 13 армейских и 1 корпусная газета (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1492. Л. 216–218, 247–248).

Анализ военной периодики периода Первой мировой войны позволил выделить, кроме названных, ряд дополнительных направлений в ее развитии. Так, был налажен выпуск специализированных изданий военно-технического характера, что было вызвано поступлением в войска новых образцов боевой техники. В качестве примера можно привести ежемесячный иллюстрированный военно-автомобильный журнал «Самоход» (1916–1917), издававшийся при управлении заведующего автомобильной частью Западного фронта, на страницах которого освещались вопросы по эксплуатации автомобильного транспорта, а также опыт его применения на фронтах Первой мировой войны; журнал «Военный летчик» (1916–1917), выпускавшийся два раза в месяц Севастопольской военно-авиационной школой и знакомящий с материальной частью самолета, с тактикой воздушного боя, рассказывающий о боевых действиях авиации и авиаторах-героях мировой войны; «Артиллерийский справочник» (1916–1917), издававшийся при Главном артиллерийском управлении и повествовавший о конструктивных изменениях и улучшении материальной части артиллерии, о новых приемах стрельбы, а также о лучших артиллерийских частях действующей армии. Кроме того, были организованы печатные органы частей и соединений, воюющих за пределами России. В 1916 г. на Западный (европейский) фронт в помощь союзной Франции был направлен русский экспедиционный корпус, для которого стала издаваться еженедельная «Военная газета для русских войск во Франции» (1916–1917), информировавшая о событиях на войне, о мировых событиях и частично рассказывавшая о внутренней жизни в России. В 1916 г. части Кавказского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом овладели турецким городом-портом Трапезунд и превратили его в укрепрайон. С ноября 1916 г. по декабрь 1917 г. здесь ежедневно издавался «Трапезондский военный листок». В газете помещались официальные сообщения о положении на фронтах, обзоры военных действий, печатались воспоминания и записки воинов Кавказской армии.

Фронтовые газеты печатались на 4–6 полосах и обычно состояли из двух частей: 1) официальной: сводки верховного командования, обзора боевых действий, сообщений телеграфных

агентств; 2) неофициальной: небольших рассказов, зарисовок, писем, стихотворений и т. д. Кроме того, издавались иллюстрированные приложения, в которых печатались фотографии отличившихся офицеров и нижних чинов, снимки трофеев, карикатуры на военно-политическое руководство армий противника и т. д. В то же время уже начальный период войны показал, что при значительной численности личного состава (Северо-Западный фронт – около 250 тысяч человек и Юго-Западный фронт – более 600 тысяч человек), ведущего боевые действия на фронтах большой протяженности (Северо-Западный фронт – почти 300 км и Юго-Западный фронт – более 400 км) [Отечественная военная история. 2003. Т. 2. С. 104], имевшиеся типографии не могли, во-первых, обеспечить оперативный выпуск достаточного количества газет, а во-вторых, их своевременную доставку в войска.

Для решения первой проблемы – выпуска достаточного тиража газет – вышестоящими штабами в подчиненные штабы рассылались указания подобрать и откомандировать в типографии имеющихся в наличии полиграфистов (РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1031. Л. 122–123). Примерный штат типографии армейской газеты включал 25–30 человек рядового состава: корректоры, писари, наборщики, печатники, переплетчики. Что касалось доставки прессы, то она распространялась через воинские полевые почтовые киоски, создававшиеся по 1–2 на армейский корпус, при помощи раненых нижних чинов (РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1003. Л. 16).

В то же время исторические документы и воспоминания участников войны свидетельствуют, что в работе по изданию газет и журналов и по их распространению в войсках имели место существенные недостатки. М.К. Лемке писал в своих мемуарах, что фронтовые газеты «Армейский вестник» и «Наш вестник» были более или менее известны. Но в армии были еще издания, такие как «Известия штаба XI армии», «Вестник X армии», «Последние армейские известия», которые были почти никому не известны и комплекта их не имелось даже в Ставке, «потому что здесь ими ровно никто не интересовался и не интересуется…» [Лемке, 1920, с. 117]. Причины столь нелестной оценки и пренебрежительного отношения Ставки к армейским изданиям видятся в следующем.

Анализ архивных материалов и военной печати исследуемого периода показывает, что часто фактическими редакторами армейских газет были люди, в профессиональном отношении совершенно к этому делу не подготовленные. Поэтому не удивительно, что немалая часть армейской прессы носила «окраску царской канцелярщины и для читателя, кроме отвращения, ничего больше не давала» [Голос фронта, 1917, № 10]. Даже в вопросах чисто военных суждения ряда газет никакого авторитета не представляли, так как были поставлены до того некорректно и в корне неправильно, что даже штабные офицеры в них почти никакого участия не принимали. Понятно, что при таком порядке вещей добровольных и заинтересованных читателей эта пресса иметь не могла. Ввиду этого для рассылки газет штабы фронтов и армий вынуждены были издавать приказы, в которых в категорической форме требовали выписывать от 1 до 20 экземпляров газет на часть [Голос фронта, 1917, № 10].

Участник Первой мировой войны офицер Е. Кривцов вспоминал, что редактирование и рассылка газет часто производились несвоевременно, поскольку это важное дело поручалось сплошь и рядом людям, занятым другими обязанностями. И даже уже запакованные и готовые к отправке газеты часто залеживались день-другой, уступая место работе с наградными и послужными списками. Случалось, что «Вестник армии» приносил новости, уже с неделю известные в окопах [Кривцов, 1915, с. 88].

Во второй половине 1915 г. у русского командования возникла мысль о создании при Ставке газеты с монопольным правом печатания военных сообщений, всестороннего освещения жизни армии, ее боевых операций, для поднятия боевого духа воинов. По разным причинам от этой мысли пришлось отказаться. Как вспоминал М.К. Лемке, «такое издание не могло пользоваться доверием, как и всякий официоз нашей предержащей власти» [Лемке, 1920, с. 38–39]. Кроме того, в Могилеве, где располагалась Ставка, не было мощной типографии, а производить печатание газеты в Петрограде было нецелесообразно – по времени и расстоянию. Необходимо отметить, что замысел о создании при Ставке подобного издания осуществить все-таки удалось, но более чем через полтора года. В конце апреля 1917 г. вышел в свет «Бюллетень Штаба Верховного главнокомандующего» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1487 Л. 10), в дальнейшем переименованный в «Известия действующей армии». Однако издание просуществовало недолго. Уже к августу 1917 г. газета была упразднена (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1485 Л. 82).

После Февральской революции в 1917 г. в русскую армию стала поступать легальная военная периодическая печать различных политических сил. Так, кадеты издавали газету «Война и мир», эсеры – «Народная армия», а меньшевики – «Красное знамя». Сближение позиций эсеров и меньшевиков по некоторым вопросам, в частности содружества с Временным правительством и продолжения войны до победного конца, привело к созданию совместных изданий – «Голос солдата» и «Солдат-гражданин» [Овсепян, 1996, с. 10, 13; Астрахан, 1975, с. 39; Вардин, 1925, с. 28; Соболева, 1968]. Свои печатные издания, освещавшие военную тематику, были и у социал-демократов: «Солдатская правда», «Окопная правда», «Рабочий и солдат», «Окопный набат», «Солдат» и др. [Большевистская периодическая печать, 1964]. К осени 1917 г. в стране выходило 15 большевистских военных газет [Сарин, Чачух, 1990, с. 198]. Среди них была и периодика, издававшаяся непосредственно в районе боевых действий: «Правда гренадерская» – газета Военной организации комитета РСДРП(б) 11-й армии Юго-Западного фронта; «Солдатская мысль» – орган полкового комитета 49-го полка [Большевистская периодическая печать, 1964, с. 164, 176, 193].

Понимая, какая большая опасность таится в идеологически неустойчивой солдатской массе, а без ее поддержки рассчитывать на успех в борьбе за власть чрезвычайно трудно, Временное правительство стремилось не оставлять рабочих и крестьян в солдатских шинелях без активного политического воздействия. Для достижения этой цели по распоряжению новой власти была создана ежедневная газета «Солдатское слово» – правопреемница «Военной летописи», первый номер которой вышел уже 4 (17) марта 1917 г. Издание знакомило читателей с информацией из различных городов страны о положении военнослужащих, настроениях, дисциплине в воинских частях, взаимоотношениях офицеров и солдат. Основ-

ная масса информации давалась в нужных идеологических красках [Солдатское слово, 1917, № 12]. Всего же, по подсчетам С.Е. Рабиновича, в 1917 г. издавалось более 180 официальных военных периодических изданий [Рабинович, 1928, № 2, с. 51–61; Рабинович, 1929, № 7, с. 11–12]. При этом он отмечал, что некоторые издания, о которых известно, когда, где они выходили и кем издавались, но которые не удалось найти и поработать с ними в список не включены. Также не включены в список газеты, издававшиеся Советами рабочих и солдатских депутатов, так как тогда «пришлось бы включать в указатель огромное число газет» [Рабинович, 1928, № 2, с. 51].

В межреволюционный период в действующей армии впервые создаются дивизионные и полковые газеты. Так, с апреля 1917 г. в 4-м Сибирском корпусе стал издаваться бюллетень «Бюро дивизионных комитетов», основным содержанием которого были воззвания и резолюции (РГВИА. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 622. Л. 516–519). Летом 1917 г. вышла в свет «Свободная солдатская мысль» – орган комитета 51-й дивизии. Свои полковые газеты «Свободный стрелок» и «Солдатский вестник» имели 14-й Сибирский стрелковый полк и 32-й Кременчугский пехотный полк соответственно и др. [Армия и Флот свободной России, 1917, № 213, 219]. И хотя такие издания выходили далеко не во всех частях и нерегулярно, а по информационному содержанию значительно уступали армейским и фронтовым газетам, с исторической точки зрения сам факт их издания представляет интерес. Подобные газеты довольно точно охарактеризовал кадетский печатный орган «Война и мир», констатируя, что это, – «собственно говоря, и не газеты, а скорей бюллетени, в которых освещается текущая жизнь организации» [Война и мир, 1917, № 40].

В то же время необходимо отметить, что несмотря на большое количество военных газет и журналов, издававшихся в рассматриваемый период, отдельные из них выходили нерегулярно, были выполнены кустарно и пусты по содержанию. Нередко встречались и газеты-однодневки, издание которых приурочивалось к тому или иному событию. Так, печатный орган военной организации при Екатеринославском комитете РСДРП увидел свет

всего два раза, издание военного отдела омской группы партии социалистов-революционеров «Солдатская мысль» – восемь раз, газета воинов-сибиряков «Голос сибиряка» – четырнадцать раз и т. д. В своем исследовании В.А. Журавлев сравнил такие издания с «лучинками» и даже «соломинками», неспособными осветить «темные окна солдатского разума, а способными лишь закоптить новенькие подоконники» [Журавлев, 2000, с. 76].

После Февральской революции у большинства фронтовых и армейских изданий появились два учредителя – штаб фронта и исполнительные комитеты Совета солдатских и рабочих депутатов. Однако на протяжении нескольких месяцев документального решения о таком сотрудничестве не появлялось. Военное министерство смотрело на данную ситуацию спокойно, дабы не портить отношения с комитетами как с реальной силой, способной повлиять на укрепление воинской дисциплины в армии в межреволюционный период. При этом фронтовые и армейские газеты продолжали редактироваться штабными органами, не пользовавшимися доверием солдат. Необходима была срочная реорганизация военной издательской деятельности с привлечением профессионалов, авторитетных представителей солдатских комитетов, требовалось улучшение качества и содержания изданий. Однако все эти вопросы решались очень медленно и без энтузиазма. Достаточно отметить, что штат армейского печатного органа в количестве 35 человек был утвержден лишь в конце мая 1917 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1492. Л. 275).

Анализ фронтовых и армейских изданий свидетельствует, что одной из основных ошибок военной печати после передачи комитетам стал ее резкий крен в сторону «большой политики» в ущерб текущим событиям в действующей армии. И это при том, что, полемизируя на тему военной печати, большинство газет приходило к мнению, что армейская пресса только в том случае дойдет до сознания солдат, если будет придерживаться одного необходимого условия: принципиального содержания с простотой и ясностью форм. Фактически же ежедневно почти во всех армейских газетах печатались огромнейшие теоретические статьи с большим «цифровым» материалом по рабочему, крестьянскому, земельному

и другим сложнейшим вопросам, язык которых был малопонятен, а нередко и вовсе недоступен для обыкновенного солдата-читателя. При этом на страницах военных изданий трудно было найти материалы, повествующие о текущей ситуации в стране, о жизни армии, бытовых условиях солдат и офицеров и др. Характеризуя солдатские газеты и печатные органы армейских организаций, кадетская газета «Война и мир» писала, что первые занимаются преимущественно «вопросами политическими», довольно широко трактуя и комментируя права солдат, и очень немного говорят об их специальных, военных обязанностях, а вторые в большинстве своем по содержанию практически одинаковые [Война и мир, 1917, № 40]. Кадетам вторило издание фронтового комитета Западного фронта «Фронт», отмечая, что в армейских газетах много статей, освещающих политическое положение в стране и в мире, но совершенно нет информации, что творится на фронтах и в армиях [Фронт, 1917, № 49].

Усугублялось выполнение печатью ее главной политической и военной задачи – доставки и распространения газет и журналов на фронте после Февральской революции 1917 г. Первоначально печатную продукцию отправляли по старинке попутными поездами и другими видами транспорта, следующими к фронту. В дальнейшем стал использоваться более оперативный метод: военную печать отправляли с маршевыми подразделениями, отпускниками, командированными и др. Но все способы новой власти обеспечить действующую армию необходимым количеством печатных изданий были малоэффективны. «Армия и Флот свободной России» в те дни писала на своих полосах, что газеты, особенно солдатские, приходили с большим опозданием, что русских газет на передовой очень мало, по 2–3 экземпляра на роту, а приходят они спустя 2–3 месяца или не приходят совсем. Существовала реальная опасность того, что солдаты могли просто «захлебнуться в потоке немецких газет на русском языке» [Армия и Флот свободной России, 1917, № 198], которые нередко забрасывались в русские окопы немецкими разведчиками по нескольку экземпляров на роту.

«Голос фронта» приводил вопиющие факты доставки военных изданий на передовую, когда тыловые газеты, «находящиеся

на сотни и тысячи верст дальше, скорее попадали на фронт, чем армейские» [Голос фронта, 1917, № 16]. Этот же факт отмечался и в ходе октябрьского совещания редакторов армейских газет при исполнительном комитете Юго-Западного фронта. «Известия армейского исполнительного комитета 5-й армии» констатировали, что армейская газета поступала в армию нередко лишь на 2–3 сутки после своего выхода из печати, в то время как петроградские издания можно было почитать в частях армии в день их появления в Двинске [Известия армейского исполнительного комитета 5-й армии, 1917, № 25]. Одной из причин такого положения дел была в большинстве своем нехватка, а нередко и отсутствие конкретных должностных лиц, призванных этим заниматься [Армия и Флот свободной России, 1917, № 198].

С августа 1917 г. все газеты начали издаваться от имени армейских и фронтовых комитетов. Согласно приказу управляющего военным и морским министерством Б.В. Савинкова всем штабам предписывалось прекратить со дня опубликования приказа издание собственных органов армейской периодической печати, передав денежные средства, предназначенные на издание этих органов, и все техническое оборудование в распоряжение соответствующих комитетов (РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 1033. Л. 83–84).

В этот же период военные издания поменяли не только своих учредителей, но и названия. Центральный печатный орган военного министерства «Русский инвалид» в июле 1917 г. был переименован в «Армию и Флот свободной России». Сделано это было по прямому указанию военного и морского министра А.Ф. Керенского. Смену заголовка редакция объясняла «психологической потребностью дать центральному печатному органу революционной армии новое наименование, которое отразило бы на себе перемену, происходящую в самой армии» [Армия и Флот свободной России, 1917, № 152]. Однако новое название не повлекло за собой изменения содержания. В ходе октябрьского совещания редакторов армейских газет направление деятельности «Армии и Флота свободной России» было признано «совершенно неудовлетворительным» [Голос фронта, 1917, № 47]. Делегаты указывали, что газета поглощает огромные деньги, а толку от нее нет ни солдатам, ни

командному составу, при этом направленность «центрального печатного органа революционной армии» очень часто идет вразрез с настроениями, желаниями широких кругов армии, а политическая часть вообще не соответствует положению издания как официального органа военного министерства и Временного правительства [Голос фронта, 1917, № 47].

С июня 1917 г. в подзаголовке издания Юго-Западного фронта «Армейский вестник» появилось уведомление, что «часть официальная издается при штабе Главнокомандующего армиями, часть неофициальная – фронтовым Исполнительным комитетом» [Армейский вестник, 1917, № 549]. Но уже с июля 1917 г. газета стала издаваться только от имени исполнительного комитета, а в сентябре вышла под титулом «Голос фронта». В апреле–августе 1917 г. газета штаба 3-й армии «Последние армейские известия» была переименована в «Голос III армии», издание штаба 2-й армии «Армейский листок» – в «Армейский голос», издание штаба 10-й армии «Вестник X армии» – в «Голос X армии» и т. д. Изменение политической обстановки в стране повлекло за собой появление новых рубрик в газетах. Так, в «Армейском вестнике» появляются рубрики: «Политический отдел», «Хроника солдатской жизни», «Хроника крестьянской жизни», «Хроника рабочей жизни» и т. д. Кроме того, периодически дается обзор материалов как центральной прессы, так и армейской печати других фронтов и объединений. Нельзя не отметить и тот факт, что большинство изданий различных политических сил были платными в отличие от правительственной военной прессы, которая направлялась в войска бесплатно и оплачивалась из бюджета Военного министерства. Это было еще одним из негативных факторов, влияющих на информационную насыщенность изданий. Ввиду того что вся новая армейская печать была основана на благотворительности, статьи и корреспонденции в ней не оплачивались.

После Октябрьской революции центральным военным печатным органом нового правительства стала газета «Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот» – ежедневный орган народного комиссара по военным и морским делам. Издание начинало выходить под названием «Армия и Флот рабочей и крестьянской России» с 21 ноября 1917 г. Всего вышло 74 номера. Газета просуществовала до 30 апреля 1918 г. [Кузнецов, Фингерит, 1972. сс. 46–47].

Подводя итоги становления и развития отечественной военной периодической печати в годы Первой мировой войны, можно констатировать, что разветвленная и структурированная вертикаль газет и журналов, издаваемых при военном министерстве, штабах фронтов и армий, являлась хорошим подспорьем в вопросах информирования личного состава русской армии. После Февральской революции 1917 г. в структуре военной периодической печати произошли коренные изменения, выразившиеся в передаче комитетам права издания и распространения фронтовых и армейских газет, что свидетельствовало о практических попытках демократизации армии. Таким образом, внимание к информационному обеспечению русских войск на протяжении всей войны было довольно пристальным, им занимались штабы, а в последующем и комитеты различных уровней, что позволяло оперативно информировать действующую армию о текущих событиях, происходящих на фронте и в тылу.

Литература

Армейский вестник. 1917.
Армейский голос. 1917.
Армия и Флот свободной России. 1917.
Астрахан Х.М. История буржуазных и мелкобуржуазных партий России в 1917 г. в новейшей советской литературе // Вопросы истории. 1975. № 2.
Большевистская периодическая печать. 1900–1917: Библиографический указатель. М., 1964.
Вардин И. Революция и меньшевизм. М.; Л., 1925.
Война и мир. 1917.
Голос фронта. 1917.
Голос III армии. 1917.
Голос X армии. 1917.

Журавлев В.А. Печать и политический выбор русской армии в марте-октябре 1917 года: На материалах Северо-Запада России. СПб., 2000.

Известия армейского исполнительного комитета 5-й армии. 1917.

Кривцов Е. Книга и газета на войне // Военный сборник. 1915. № 11.

Кузнецов И.В., Фингерит Е.М. Газетный мир Советского Союза. М., 1972.

Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Пг., 1920.

Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – начало 90-х годов). М., 1996.

Отечественная военная история: В 3 т. М., 2003.

Рабинович С.Е. Военная печать 1917 года: (Библиографический указатель армейских газет за 1917 год) // Военно-библиографический справочник. 1928. № 2.

Рабинович С.Е. Военная печать 1917 года (дополнительный список) // Военно-библиографический справочник. 1929. № 7.

Русская военная периодическая печать. 1702–1916: Библиографический указатель. М., 1959.

Сарин О.Л., Чачух М.Ю. Спутник военного журналиста. М., 1990.

Соболева П.И. Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968.

Солдатское слово. 1917.

Фронт. 1917.

Э.С. Даниелян

В.Я. Брюсов – военный корреспондент

Творчество Брюсова 1913–1915 годов многожанрово: статьи, очерки, поэзия и военные корреспонденции. Анализируя эти произведения, надо точнее определить изменения политических воззрений Брюсова в этот период. По словам поэта, в годы Русско-японской войны он страдал «географическим патриотизмом», хотел видеть Тихий океан в качестве «нашего озера». Такие настроения ни разу не возникают у поэта в 1910-е годы, наоборот, он видит задачи России в том, чтобы сыграть благородную роль в «старой Европе»; она должна освободить «малые славянские народы», «племена порабощенные» («Последняя война») из-под власти «тевтона», «надменного германца». Он надеется, что после войны «Поставят стяг единенья / Нашедших друг друга славян» («На Карпатах»). Эти свои воззрения он изложил в статье «Несколько слов о себе»: «Если в “первоначальные дни борьбы” слышались светлые призывы, почему же поэту было не приветствовать их?» [Брюсов, 1932, с. 2].

Как вспоминает И.М. Брюсова, «Брюсов в день разразившейся войны покинул дачу, забыл о лечении, в величайшем возбуждении, потратив минимум времени на сборы, отправился на фронт корреспондентом от “Русских ведомостей”» [Брюсова И.М., 1933, с. 138].

Перед этим, согласно существующему «Положению о военных корреспондентах в военное время», Брюсов написал прошение, оно было рассмотрено в течение трех дней, не вызвало возражений, поэт получил разрешение для выезда на фронт. Перед отъездом Брюсова в Московском литературно-художественном кружке, где он несколько лет был директором, были устроены проводы. В отчете об этом событии газета «Голос Москвы» (1914,

25 июня) писала, что поэт назвал себя «простым чернорабочим», который будет бороться за «духовные ценности». В своем выступлении Брюсов подчеркнул и негативную сторону войны: «война – горькое зло земли, тяжелое бедствие народов. Война ведет к одичанию и огрублению нравов, к забвению высших идеалов, к падению культурного уровня» [Брюсов, 1914, вып. 7, с. 2].

С августа по декабрь 1914 г. Брюсов опубликовал о войне 15 стихотворений («Рус. ведомости», «Рус. мысль» и др.) и 50 корреспонденций. Надо отметить, что поэзия и публицистика Брюсова значительно отличаются. В поэзии не ощущается отражение современной войны, войны XX столетия, что отрицательно оценили в критике А. Измайлов, Арк. Бухов, В. Маяковский, который назвал Брюсова «мандолинистом» и отметил, что хватить писать о «шеломах» и «мечах» [Маяковский, т. I. 1955, с. 349].

Рецензенты-современники признают, что Брюсов «довольно неожиданно оказался вполне исправным военным корреспондентом <…> он пишет о “духе войск” <…> высказывает свои соображения по вопросам стратегии и тактики <…> может быть, черезмерное внимание уделяет “повальному пьянству” немецких солдат» [Неведомский, 1915, с. 267].

Важно отметить, что творческая жизнь поэта формировалась под большим влиянием немецкой литературы и философии. Имя Гете среди «любимейших имен Брюсова», о чем свидетельствуют и дневниковые записи; еще с юношеских лет он читал и переводил Гейне, а Спиноза, Лейбниц, Шопенгауэр, Ницше – среди тех философов, труды которых ценил и изучал Брюсов. Но в годы Первой мировой войны отношение к Германии у Брюсова резко изменилось. Как известно, в 1914 г. при артиллерийском обстреле в городе Реймсе (Франция) был разрушен собор – один из замечательных архитектурных памятников Средневековья. И Брюсов отразил в стихотворении свою глубокую скорбь по поводу этих разрушений и выразил уверенность, что «Тевтон» получит наказание:

И суд, что не исполнят люди,
Докончат сонмы скрытых сил
Над тем, кто жерлами орудий
Святыне творчества грозил.
[Т. II, с. 157]

В стихотворении «Германия», написанном в 1914 г., но опубликованном только в 1945, поэт подводит итог своим размышлениям о роли этой страны в Европе, вспоминает, что Германия не в первый раз как «яростный поток» рухнула на «потрясенный мир» и нарушила покой и гармонию всей Европы.

Ты разобъешь свои дерзания!
Что в третий раз
Ты не разрушишь Рима!
Германия, Германия!
[Т. III, с. 339]

Но поэт надеется, что разрушительная сила Германии будет остановлена, что народы

Во имя Правды, Красоты, Свободы
Вспять обратят бушующие воды.
[Т. III, с. 339]

Даже в дни поражений России на польском фронте он продолжает верить в «непобедимость» России:

И пусть над Бугом – каски прусские;
Он от того чужим не стал;
И будем мы все те же русские,
Уйдя за Волгу, за Урал.
[Т. III, с. 146]

Поэт славит победы «союзного флота» и русских войск на турецком фронте, надеется, что «в старый Царьград» войдут «Легионы европейских солдат» («На бомбардировку Дарданелл»).

Брюсов задается вопросом о месте России в «старой Европе», он считает, что русские – это тот народ, который в «века испытаний тяжелых» сдержал «напоры монголов», а теперь славяне не одиноки в своей борьбе с «надменным германцем»:

Не с нами ль свободный француз?
Не с нами ль свободный британец?
[Т. II, с. 442]

Но архаичная лексика, военно-рыцарские аксессуары, отмеченные В. Маяковским, все еще остаются в поэзии Брюсова:

Не вброшены ль в былое все мы,
Иль в твой волшебный мир, Уэллс?
Не блещут ли мечи и шлемы
Над стрелами звенящих рельс?
[Т. II, с. 142]

Первые корреспонденции Брюсова отличает оптимистический тон, вера в скорое окончание войны: «Настроение бодрости и веры в себя, которое в Москве можно было объяснить ее сравнительной отдаленностью от совершающихся событий, есть настроение всей России… На одной станции я встретился со знакомым москвичом-художником М.Ф. Ларионовым. Поговорив, мы обнялись и попрощались с обычным в наши дни обещанием: – Быть может, скоро встретимся в Берлине» [Рус. ведомости, 1914, № 189, с. 2].

Некоторые образы героев в корреспонденциях Брюсова наполнены сравнениями с героями приключенческой литературы, иногда военные действия сравниваются с колоссальным театром, где «актеры и статисты – это офицеры и солдаты частей, находящихся сейчас в резерве»; военная жизнь иногда изображена в слишком оптимистическом тоне: «А какую живописную картину представляют стоянки войск, в них есть что-то от прежней войны, исчезающей из жизни, – войны тех времен, когда не было железных дорог, телеграфов, аэропланов. Вот стоят казаки. Их маленькие, но красивые лошади образуют целый табун. Составленные пики ярко сверкают, словно копья римских легионов» [Рус. мысль, 1914, № 287, с. 3].

Военные корреспонденции Брюсова написаны в короткий промежуток (на театре военных действий он был девять месяцев), но тематика их разнообразна: особенности жизни беженцев («Война и население»), встречи с ранеными («В Варшавских госпиталях»), точное описание настроений русских воинов («На позициях»), победы русских войск в сражениях под Варшавой («Поле битвы», «Основы наших побед»). Во всех корреспонденциях подчеркивается героизм русских солдат, которые не всегда обеспечены всем необходимым («Порфирий Панасюк»). Героем нескольких очерков стал штабс-капитан Гурдов («Штабс-капитан Гурдов», «Памяти мечтателя») автор подчеркивает, что Гурдов, будучи весьма образованным офицером, разработал новую теорию ведения военных действий, создал «бронированные автомобили», считал, что в войнах XX в. главную роль будет играть техника. В корреспонденции о гибели «мечтателя» он представлен как национальный герой, которого любили и ценили солдаты. Такое видение русского офицера контрастирует с устойчивым в довоенной русской литературе весьма негативным собирательным образом русского офицерства, как, например, в «Поединке» А. Куприна (Полный текст очерка о Гурдове см.: «Брюсовские чтения 2006 года». Републикация А. Иванова из газеты «Голос» (Ярославль), в «Русских ведомостях» от 10 марта 1915 г. очерк озаглавлен «Памяти мечтателя»).

Брюсов не только первым описал применение танков в бою («Ночной бой» и др.), но впервые поставил вопрос о роли авиации на фронте, что было дискуссионным в этот период («Аэропланы над Варшавой», «Летчики» и др.). Сами летчики не вполне представляли роль самолетов на войне. В очерке «Летчики» автор рисует этот «новый мир» людей, которые «привыкли смотреть на землю сверху вниз», но в ответах Брюсову они высказывают мнение о том, что «могут принести пользу почти исключительно при разведках», что «бросание бомб в сущности – вздор», а воздушный бой «почти невозможная вещь». Войны XX столетия опровергли это мнение первых русских летчиков, но Брюсов зафиксировал их сомнения.

Брюсов впервые в истории журналистики использовал такой документальный материал, как письма, найденные им в окопах («Письма врагов и к врагам»). Это были письма к немецким солдатам из Германии о тяжелой участи оставленных семей и письма немецких солдат о тяготах войны. Комментарий публикатора развенчивает немецкий миф о всемирном господстве.

Пребывание на передовой, увиденные разрушения и людские смерти, особенно в период отступления русской армии, развеяли мечту поэта о том, что «война смоет все грязное, пошлое в русской

жизни и вызовет силы светлые, бодрые». Особенно драматична его корреспонденция «Вести из-под Шавлей» (1915, 17 мая), в которой рисуются зверства немцев: «...добивание раненых, систематический обстрел Красного Креста…, употребление разрывных пуль и штыков-пил… все это проделывалось немцами день за днем». В нескольких корреспонденциях автор подчеркивает, что «немцы заслужили ту ненависть, которую нелегко возбудить в русском человеке». Корреспонденции Брюсова опровергают установившееся в литературоведении мнение о том, что «пренебрежительных высказываний о Германии Брюсов не допускал даже в письмах и разговорах», что «инвективы Брюсова отличались сдержанным тоном (самые резкие – “надменный германец” и “тевтон”)… не содержали оскорблений в адрес противника» [Молодяков, Валерий Брюсов, 2010, с. 456, 457].

Брюсов систематически писал письма к жене, И.М. Брюсовой, в которых жаловался на усталость, высказывал желание вернуться к литературной работе: «Шесть дней мы почти не выходили из автомобиля. Последний день ехали беспрерывно 23 часа, от 5 утра до 4 ночи… Скажу тебе, что я подумываю даже вовсе отказаться от своей работы и вернуться в Москву» (Письмо И.М. Брюсовой от 19 марта 1915 г.).

Брюсова очень раздражала цензура, которая, как он отмечал, не просто «поцарапала» некоторые его статьи, а «прямо истребила их», «вычеркнула весь смысл», «получилась статья столь глупая, что глупее не придумаешь», «а ведь читатели подумают, что я так писал». Многие его статьи надолго задерживались цензурой, что приводило к потере актуальности, иногда его статьи цензура подписывала придуманными инициалами.

Брюсов жил в Варшаве, но постоянно ее покидал: он много раз был в Вильно, Люблине, Пултулске, Перемышле, Белостоке, Лодзи и др. В газетах и журналах («Русские ведомости», «Русская мысль», «Голос» и др.) опубликовано более 80 корреспонденций поэта. Во время пребывания на Западе Брюсов стал деятельным участником польского Красного Креста, Всероссийского земского союза и других организаций. Его тесные связи с польскими и белорусскими писателями – отдельные темы для исследователей.

В январе 1915 г. Брюсов приехал в отпуск в Москву, а 18 января в Литературно-художественном кружке был устроен ужин в честь временно вернувшихся корреспондентов – В.Я. Брюсова и С.С. Мамонтова. В газете «Голос Москвы» [1915, № 11, с. 2] было опубликовано интервью поэта о роли военных корреспондентов.

«Наш сотрудник был принят известным писателем В.Я. Брюсовым, на днях вернувшимся с театра войны. В беседе В.Я. высказал интересные суждения о военных корреспондентах. “Потребность в военных корреспондентах в настоящее время ощущается очень ярко. Конечно, мы все отдаем должную роль сообщениям Верховного Главнокомандующего: кратким, сжатым и весьма правдивым. Но публика все-таки не может довольствоваться только этим. Прежде всего, сообщения штаба дают лишь фактический материал, тогда как читателю хочется иметь наряду с фактами – картины! Знать те условия, в которых живет армия, ясно представить, как проходит разведка, бой, что такое окопы, обстрелы, аэропланы и т. д. Кроме того, читатели интересуются единичными эпизодами, может быть, незначительными в общем ходе событий, но характерными подвигами отдельных лиц, исключительными положениями и т. д.”». Это интервью сыграло отрицательную роль в судьбе Брюсова-корреспондента, ему стали отказывать в поездках на фронт. В конце января 1915 г. Брюсов возвратился в Варшаву, выезжал в Прасныш, где шли ожесточенные бои. Еще несколько месяцев Брюсов оставался в Варшаве, совмещая написание статей с литературной работой: он пишет повесть «Моцарт»; переводит. В мае 1915 г. поэт окончательно вернулся в Москву, как вспомнила И.М. Брюсова, глубоко разочарованный войной. По дороге он несколько дней провел в Вильно, где познакомился с белорусскими поэтами, а особенно теплые отношения установились с Янкой Купалой, чьи стихи он неоднократно переводил на русский язык.

После возвращения в Москву Брюсов собирался издать отдельной книгой свои корреспонденции, но это издание не было осуществлено.

Корреспонденции Брюсова имели сложную судьбу в литературоведении. В 20–30 годы их не печатали, обвиняя в национализме, в воспевании русского империализма. А в годы Великой

Отечественной войны возник неожиданный интерес к его поэзии и прозе, написанной в 1914–1915 годы, например, можно привести статью Н.Я. Брюсовой, сестры поэта, опубликованную в газете «Красное знамя» (Владивосток, 1944, 8 окт.). В статье упоминаются стихотворения Брюсова, обличающие «наглых германцев», цитируются его стихи и отрывки из корреспонденций. В годы ВОВ эти произведения поэта обрели второе дыхания.

В период с 1913 по 1915 годы жизнь и творчество поэта нужно рассматривать в сете тем: «Брюсов и Польша» (частично освещено в литературоведении), «Брюсов и Бельгия», «Брюсов и малые славянские народы Европы», «Брюсов и Германия», которые еще предстоит исследовать

Литература

Брюсов В. Собр. соч. М., 1973. Т. II; 1974. Т III.

Брюсов В. Несколько слов о себе // Литературная газета. 1932. № 46.

Брюсова И.М. Материалы к биографии В.Я. Брюсова // Брюсов В. Избранные стихи М., 1933. С. 138.

Маяковский В. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 1. С. 349.

Молодяков В. Валерий Брюсов: Биография. СПб., 2010. С. 456, 457.

Неведомский М. Что сталось с нашей литературой // Современник. 1915. № 5. С. 267–268

Г.В. Мурзо

В. Брюсов – военный корреспондент ярославского «Голоса»

«Голос» – ежедневная ярославская газета, одна из самых демократичных в крае. Ее издателями были К.Ф. Некрасов[1] и Н.П. Дружинин[2], люди общественно активные, либералы по своим политическим взглядам. Основанная в 1909 г., к 1914-му она приобрела собственное лицо, завоевала авторитет широкого круга читателей, чему способствовало многообразие обсуждаемых на ее страницах тем, связанных с жизнью губернии и всей России, поданных в контексте мировых событий.

Еще в 1911 г. К.Ф. Некрасов открыл собственное книгоиздательство, а через два года учредил журнал литературы и искусства «София». Книги и журнал печатались в Ярославле, а редакция и контора издательства находились в Москве. Здесь издателя представляли ближайшие его сотрудники: П.П. Муратов, известный художественный критик, автор ставших чрезвычайно популярными «Образов Италии», и П.С. Сухотин, поэт, драматург, историк литературы.

Тесные деловые и личные отношения связывали К.Ф. Некрасова с В.Я. Брюсовым, который был инициатором и участником ряда издательских проектов, писал для «Софии». С 1911 г. они встречались, вели переписку, участницей которой стала также И.М. Брюсова. Совместные хлопоты касались издания биографии и литературного наследия Каролины Павловой, сборника переводов «Французские лирики XVIII века». Открывались приятные перспективы, но ждущие завершения и новые дела пришлось на время отложить: их потеснила война.

22 июля (4 августа) в «Голосе» были опубликованы Высочайший манифест, Объявление о военном положении и «Обращение к русской армии и русскому населению», подписанное Николаем II. На первой полосе этого же номера была набрана патетическая статья К.Ф. Некрасова «Единая Россия» [23, с. 1]. В патриотическом порыве он сравнивал начавшуюся войну с войной 1812 г., говорил о значении единения всех партий перед лицом угрозы государственности, о цементирующей силе любви к Родине, о могуществе народа-воина, выступившего за отечество и веру.

«Мысль народную» К.Ф. Некрасов утверждал как наиболее важную. В дальнейшем, помещая разнообразные материалы о войне и с войной связанные, «Голос» будет следовать этой мысли, надолго ставшей одной из ключевых. Тема Польши, где быстро разворачивались военные действия, займет в газете особое положение, и представлять ее будет В.Я. Брюсов.

На передовые позиции были допущены немногие из российских литераторов [1, с. 434]. Б.К. Зайцев, также связанный с Некрасовым деловыми и дружескими отношениями, писал ему в те самые дни: «…Я попробовал было в военные корреспонденты, но оказывается, никаких кор<респондентов> в армию не пускают» [20, л. 29].

Брюсов оказался в числе немногих допущенных. И 24 июля (6 августа) московский Литературно-художественный кружок чествовал его по этому поводу обедом. Выступавшие, отмечая выдающееся значение Брюсова как писателя, выражали уверенность, что новые впечатления дадут «исключительно богатый результат». Поэт же, отвечая, подчеркивал, что едет на войну «простым чернорабочим», чтобы вместе с миллионным славянством «отстаивать гуманные начала, право, судьбу народов» [1, с. 427–428].

Бурные аплодисменты выявили единодушие собравшихся, закрепленное издаваемыми кружком «Известиями». Они же утверждали, что война может лишь на время отодвинуть на второй план интересы общей культуры, литературы в том числе, ни на миг не подавив их совершенно. И хотя при известных условиях она, война, «великое дело и последний довод в мирных спорах», но все-таки это «горькое зло земли», «тяжелое бедствие народов»,

ведущее к «одичанию и огрублению нравов». Прямая задача (мы понимаем ее как культурную задачу. – *Г.М.*) – посильно бороться и с этой «оборотной» стороной войны [1, с. 428]. Брюсов, таким образом, отправлялся «на театр военных действий» выразителем чаяний либеральной интеллигенции, обозначившихся в написанном им тогда стихотворении «Последняя война»: «Пусть, пусть из огненной купели преображенным выйдет мир!» [14, с. 319]

О сотрудничестве «известного писателя» с «Голосом» Некрасов объявит читателям уже 26 июля (8 августа) [28, с. 3]. 27 июля в письме к издателю из Москвы, где ожидали прибытия Генерального штаба, Брюсов, переживавший в числе «*всех*[3] корреспондентов *всех* русских газет» затянувшееся отправление на восточный фронт, уточнял: «Я буду корреспондировать в три газеты: в “Русские ведомости”, в Ваш “Голос” и в “Сибирь” (Иркутск). Вам я предполагаю высылать 1–2 корреспонденции в неделю; если же Вы захотите, то и чаще» [16, л. 10].

Переговоры об условиях сотрудничества с ярославской газетой и издательские заботы Брюсов перепоручил жене, Иоанне Матвеевне. Ее августовское письмо Некрасову опередило отправленное Брюсовым из Варшавы. Среди прочего она осведомлялась, пишет ли Валерий Яковлевич в «Голос», и замечала: «...по-моему, ему нечего писать, его никуда не пускают, он ничего не видит, а перед отъездом Русск. Вед. вручили ему целый лист с указаниями, о чем, по разным соображениям, нельзя писать» [18, л. 2].

В последовавшем через несколько дней письме Брюсов объяснял Некрасову существующее положение, повторяя, по сути, ее слова: «По моим письмам в “Рус. Ведом.” Вы можете судить, как у меня мало материала. Посылаю Вам сейчас небольшую заметку о “Варшаве в дни войны”. Буду рад, если пригодится. На днях еду “в сторону” и, может быть, узнаю и увижу много более» [16, л. 12].

«Небольшая заметка» Брюсова оказалась большой статьей, подписанной автором 26 августа и появившейся в газете 31 [3, с. 2]. А уже 3 сентября увидела свет написанная 27 августа статья «Рассказ беженцев» [4, с. 2].

Обе публикации давали панорамные картины увиденного, содержали множественные свидетельства очевидцев происходя-

щего, интерпретированные пишущим в аспекте принятых установок. Массовое участие поляков в мобилизации, восторженное отношение к русским войскам, сострадание к раненым и беженцам из оккупированных районов – все должно было показать подъем братских чувств, духовное единение армии и тыла, поддержать веру в победу русских и их моральное превосходство.

Пафосу изображаемого соответствовали и предваряющие статьи стихи Н. Ашукина[4] с эпиграфами – цитатами из Тютчева[5], например: «В годину праведного мщенья Должна ты, Русь, сбирая рать, “Славян родные поколенья / Под знамя русское собрать!”» или «Мы, современники, счастливы, / “Живя в минутах роковых”, / Но страшны нам кровавой нивы, – / Решенья судеб мировых» [3, с. 2; 4, с. 2].

В то же самое время П. Муратов как артиллерийский офицер, бывший с первых дней бойни на ее переднем крае, писал Некрасову, и не было пафоса в его скупых словах: «Дорогой Константин Федорович, вот уже две недели, как мы воюем с австрийцами, были бесконечные переходы днем и ночью, был бой 26–27 авг. <…> Теперь 5-ый день стоим <…> Дождь, холодно, есть нечего. Но война с Австрией идет успешно. Всюду отбитое орудие, пленные. Впрочем, мы мало что знаем о войне. Газет я не видел 9 дней. Места здесь глухие…» [21, с. 245].

Некрасов ждал новостей, их жаждали все: газеты передавались с поездами в деревни, а Ярославль наполнялся ранеными и беженцами. Следующее письмо от Брюсова пришло 14 сентября, уже из Люблина: намерения поэта корректировались реальностью. «…Я не успел написать ничего существенного для “Голоса”, – объяснял он. – Посылаю Вам <…> обзор событий на нашем Северном фронте, составленный частью на основании *личных* наблюдений (мои поездки в Цеханов, Прасныш, Пултуск, мои беседы с “беженцами” etc). Эти личные, непосредственные наблюдения и дают мне решимость предложить Вам такой обзор. Для связности я должен был, конечно, использовать и др. известия, как официальные, так и частные (поездка А.И. Гучкова). Но, по возможности, все “чужое” изложено кратко, а “свое” более подробно». Тогда же предлагал перейти на телеграфный способ общения: «За последнее время я

весьма научился этому ремеслу и умею телеграфировать кратко, интересно и красочно» [16, л. 14].

Объемные, иногда разделенные на несколько частей корреспонденции, подписанные «Валерий Брюсов», реже предполагаемого, но регулярно печатались на второй и третьей страницах «Голоса». Вот некоторые их названия, иногда сопровождаемые словами «От нашего корреспондента»: «На границе», «На северном фронте», «На левом берегу». Указывая местонахождение фронта, статьи, подобно предыдущим, являлись результатом поездок, совершаемых писателем в прифронтовую зону и освобожденные районы Польши и Галиции. В них не было грохота пушек и свиста пуль, разве что отдаленные, а были молчащие развалины, изуродованная земля и как часть ее – убитые и орудия убийства. Возгласы ликования не заглушали стонов обездоленных [5; 6; 10].

В противовес представлениям о правовых методах ведения войны в корреспонденциях Брюсова все чаще упоминались беспринципные воздушные налеты немецких «таубе» на не занятые войсками города, изощренное насилие и откровенные зверства «культурных завоевателей» в оккупированных местностях.

Установилась определенная частота сообщений: примерно через две недели, 22 сентября, Брюсов прислал следующий материал, сопроводив личным письмом, в простом белом конверте с двумя прямоугольными печатями: «Вскрыто военной цензурой» и «Военный цензор» такой-то. Написанное выдавало высокий душевный настрой пишущего, обусловленный победой: «…Отсылаю Вам описание своей поездки в Галицию и в Ярослав. Кажется, там есть вещи любопытные. <…> Через несколько дней я уезжаю *на север*. Там, очевидно, мне удастся видеть много даже более интересного, чем в Галиции. Всем этим я поспешу поделиться с читателями “Голоса”. Кроме того, у меня собран богатый материал наблюдений, использовать которые *сейчас* нельзя, но которые *потом* дадут мне возможность написать ряд стоящих внимания ретроспективных статей» [16, л. 15].

Публикации «В русской Галиции» свойственны яркий репортажный стиль, элементы поэтизации происходящего, видна попытка интимизировать общение с адресатом: «Как странно,

что все это совершается не в Ярославле на Волге, а в Ярославе на Сане, еще несколько дней назад австрийском городе!» [7, с. 2]. Но именно она, чрезвычайно привлекательная, так неожиданно, так невольно сближала освободителей с завоевателями в национальных амбициях.

Было очевидно также, что война огрубляла нравы не только воюющих. Статья «Паломничество на поля битв» рассказала о пикниках относительно благополучной части населения на месте прокатившихся сражений, об экскурсиях чувствительных барышень и молодых людей на немецкие и русские позиции, о поисках боевых «реликвий» (прусских касок с медным орлом, ранцев и биноклей, кожаных портсигаров, проч.), о беззастенчивых спекуляциях найденным [9, с. 2]. Попытка представить кощунственные, по мнению автора, факты как единичные не снижала шокирующего впечатления, а скорбная нота реквиема, прозвучавшая в конце, только усиливала его.

В том же упомянутом выше письме поэт, имевший обязательства перед издателем, предупреждал о возможном своем приезде в Москву в октябре 1914. И не только оставленные дела побуждали к этому. Еще в сентябрьском письме к жене он не мог скрыть досады: «…4 корреспондента допущены на театр. Меня в их числе нет. Это меня сильно побуждает вернуться в Москву. Но очень обидно уехать, не видав ни одного сражения!» [1, с. 432] Представления Брюсова о возможностях военного корреспондента, его значимости были подорваны[6].

Сближение с фронтом все-таки состоялось, и результатом стала большая статья «Бои под Ловичем» [11, с. 2]. Здесь особенно чувствуется литературная обработка исходного материала: статья построена на сопоставлении наблюдаемого боя с пушкинской Полтавской битвой (описанию предшествуют известные всем строки), оживляется метафора «театра войны»; несмотря на тяжесть переживаемого момента, звучат героические аккорды. Но более трогают безыскусные солдатские диалоги.

Постепенно Брюсов начал испытывать отвращение к войне, которую сначала воспевал и называл «великой», не отказывая в отваге и врагу. Перемене способствовало познание не лица – личины

войны, душевная усталость от виденных страданий. «Нет у нас, нет сил всматриваться в это зрелище!» – восклицает он в той из московских публикаций, где речь идет как раз о «поездке в Лович» [1, с. 441].

Ярославские корреспонденции еще не дают увидеть разочарования Брюсова «в правительстве, в командовании, в союзниках, в самой войне» [22, с. 84]. Но среди близких Некрасову людей были и такие, кто, коря его за исторические реминисценции, с самого начала не видел в военной неурядице ничего идейного, высокодуховного. П. Сухотин из Москвы отвечал издателю на его размышления о войне и просьбу писать для ярославцев: «…Газет читать не могу, ибо все в них отвратительно. Дружба союзных народов не что иное, как “обман тщеславия” иль “покровительства позор”, патриотизм же, царствующий над каждой газетной буквой, заставляет ужаснуться <…> Жалостью ко всем жертвам войны я не могу проникнуться, но ежели я потеряю хоть одного из близких мне (и вам) людей[7], я стану считать, что был в своей жизни свидетелем гнусного насилия. Этим, конечно, я никого не испугаю, но пусть будет такова моя слабость. <…> Николаю поклон. Пусть бросит писать патриотические стихи [19, л. 14–14об.]. «Николай» – это уже упоминавшийся Н.С. Ашукин, а «слабость» – противовес силе господствующего общественного мнения, выразителем которого долго оставался Брюсов.

Поэт был не слишком доволен собой, скромно оценивал собственные корреспондентские заслуги; отвечая на похвалы коллег во время громкого чествования его по возвращении в Москву в январе 1915 г., называл себя новичком и учеником в этой области литературного труда и говорил о желании вернуться к привычной для него «мирной» работе.

Письма Брюсова к Некрасову позволяют сделать вывод, что в Москве состоялась их встреча: обсуждались текущие дела и новые проекты, им сопутствовали заверения в дружбе и взаимные претензии, одинаково явленные в письмах, возобновившихся после отъезда поэта на фронт в конце января.

Он возвратился в Варшаву, успев к началу наступления немцев в районе Мазурских озер. Сильнейшие бои разгорелись в рай-

оне Прасныша. Права оказаться в расположении войск приходилось долго добиваться (есть предположение, что повредило ему и данное московской газете откровенное интервью [14, с. 150–151]). В февральском письме жене Брюсов вновь сетует: «…Последние дни крайне хлопочу. Дело в том, что по некоторым причинам официального характера корреспонденты с недавнего времени поставлены в положение вдесятеро более тяжелое, нежели раньше <…>. Доходило до того, что я не видел никакой возможности продолжить свою работу <…>. Но тут вмешался Н.А. Морозов (бывший шлиссельбуржец) и попытался дело уладить. Для этого, однако, мне приходится посещать множество лиц <…>, ждать в приемных, писать заявления и etc…» [1, с. 439].

Позже «Голос» опубликует беседу с Н.А. Морозовым, который, по возвращении из почти двухмесячной поездки на передовые позиции в качестве делегата Всероссийского земского союза, жил в имении Борок, Мологского уезда, Ярославской губернии. «Я был в Прасныше во время бомбардировки, – скажет он. – Бомбардировка продолжалась день и ночь, беспрерывно. <…> Со всех сторон слышался гул и треск» [2, с. 3].

Тем временем корреспонденций от Брюсова не приходило. Раньше дважды Некрасов, ссылаясь на источник, делал извлечения из опубликованного Брюсовым в «Русских ведомостях» [24; 26], сейчас он к этому не прибегнул.

Весной 1915 г. началось наступление в Галиции. Прифронтовая жизнь поэта была напряженной: «Шесть дней мы почти не выходим из автомобиля. Последний день ехали беспрерывно 23 часа, от 5 утра до 4 ночи»; «Впечатления лишь от поездок. Потом я целые дни пишу. (Ведь за 59 дней я написал 29 статей в “Рус. Вед.” и две статьи в “Голос”, т. е. по статье менее чем в 2 дня). <…> Свободных часов не остается. А если бывают свободные минуты, пишу стихи и перевожу…» – сообщал он Иоанне Матвеевне [1, с. 439].

И Некрасову Брюсов прислал в марте письмо из Варшавы, прося извинить за «большое промедление»: «…то надо ехать набирать впечатления, то – эти впечатления пересказывать, то – опять ехать. И так день за днем, неделя за неделей <…>. Что касается

дальнейшего моего сотрудничества в “Голосе”, то я не знаю, нужно ли оно, и это лишает меня энергии писать для Вашей газеты. Из разговора с Вами я вынес впечатление, что для “Голоса” мои корреспонденции – излишняя роскошь (по словам самого поэта, Некрасов хорошо, даже щедро для провинциальной газеты, платил ему за публикации. – *Г.М.*)… Впрочем, на днях я доставлю Вам небольшую статейку о погибшем Гурдове, в которой будут данные, еще не появлявшиеся ни в одной ни столичной, ни провинциальной газете (и не включенные в мою вторую статью о Гурдове, недавно посланную мною в “Р. Вед.” <…> Сердечно преданный Вам Валерий Брюсов» [17, л. 1,4].

Две статьи в «Голос» – это, во-первых, обещанная «статейка» о Гурдове (на самом деле – большой портретный очерк, единственный такой среди ярославских корреспонденций, создававший «образ русского офицера», по сути же ставший памятником ему, геройски погибшему) [12, с. 2]; а во-вторых, развернутый репортаж «На улицах Перемышля» [13, с. 2], намеренно возвращавший читателей мыслью к прогулке по «завоеванному» русскими Ярославу галицийскому и отраженному в городских сценках стремлению воюющих к мирной жизни. Гибель одного известного героя и множества неизвестных, завоевывающих и сдающих города, воспринималась как насилие, «грех» настоящего перед будущим. Брюсов, таким образом, позволял понять то, о чем говорил в личном письме Некрасову Сухотин.

Мартовская и апрельская публикации «с театра войны» в ярославской газете стали последними, не было больше и «военных писем» – поэт вернулся в Москву. В августе 1915 началось наступление на севере Восточного фронта. Русская армия несла катастрофические потери. Были оставлены Галиция, а также Польша и Литва. Но русские продолжали воевать. Усугублялась и без того тяжелая жизнь в прифронтовой полосе, так ярко описанная Брюсовым: обстрелы, реквизиции, контрибуции, жесткость германского оккупационного режима, наглость сепаратистов, проблемы беженцев, нехватка продовольствия… Война безвозвратно утратила романтический облик. В одной из последних публикаций в «Русских ведомостях» Брюсов, со слов участника боев, писал: «Жаловались

и раньше, что нынешняя война ведется ожесточенно <…>, но то, что происходило до сих пор, *теперь* кажется детской добродушной игрой…» [1, с. 442].

«Великий раздор в среде европейских народов и страшный лик, обнаруженный Германией, в самом основании потрясли все несколько идиллическое мировоззрение поэта», – скажет Брюсов в опубликованной «Русскими ведомостями» статье-рецензии на книгу Эмиля Верхарна «Окровавленная Бельгия» [25, с. 5]. В определенной мере эти слова можно отнести к нему самому, верившему, как многие его коллеги в августе 1914, что в войне будет найдено «невозможное слияние мечты и силы, что война раскроет перед человечеством ослепительные перспективы» возрождения человечности и братских начал в воюющих, а в русской жизни «сможет все грязное, пошлое, реакционное» [1, с. 428, 429]. «Страшный год войны» не принес мира, а свободу – разве что от иллюзий [15, с. 320].

Брюсов теперь был занят переводами и подготовкой к печати собственных стихов, написанных на войне, вобравших и наблюдения, содержащиеся в газетных статьях. Эти стихи войдут в сборник «Семь цветов радуги», который в 1916 г. увидит свет в «Книгоиздательстве К.Ф. Некрасова» и будет весьма неоднозначно оценен в измененном войной обществе.

Источники

1. *Ашукин Н.С., Щербаков Р.Л.* Брюсов. М., 2006.
2. Беседа с Н.А. Морозовым // Голос. 1915. № 126. 5 (18) июня.
3. *Брюсов В.* Варшава в дни войны // Голос. 1914. № 200. 31 авг. (13 сент.).
4. *Брюсов В.* Рассказ беженцев // Голос. 1914. № 202. 3(16) сент.
5. *Брюсов В.* На границе // Голос. № 215. 1914. 19 сент. (2 окт.)
6. *Брюсов В.* На северном фронте // Голос. 1914. № 217. 21 сент. (4 окт.)
7. *Брюсов В.* В русской Галиции // Голос. 1914. № 225. 1(14) окт.
8. *Брюсов В.* Грозные дни Варшавы // Голос. 1914. № 240. 18 (31) окт.
9. *Брюсов В.* Паломничество на поля битв // Голос. 1914. № 243. 2 окт. (4 нояб.).

10. *Брюсов В.* На левом берегу // Голос. 1914. № 268. 20 нояб. (3 дек.); № 270. 23 нояб. (6 дек.); № 271. 25 нояб. (8 дек.).
11. *Брюсов В.* Бои под Ловичем // Голос. 1914. № 274. 28 нояб. (11 дек.).
12. *Брюсов В.* Гурдов // Голос. 1915. № 60. 14(27) марта.
13. *Брюсов В.* На улицах Перемышля // Голос. 1915. № 75. 4(17) апр.
14. *Брюсов В.Я.* Соч.: в 2-х т. Т. 1: Стихи и поэмы. М., 1987.
15. *Букчин С.* Корреспондент Валерий Брюсов // Неман. 1987. № 6.
16. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Ед. хр. 49. 18 л.
17. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Ед. хр. 50. 25 л.
18. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Д. 54. 2 л.
19. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Ед. хр. 257. 15 л.
20. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Ед. хр. 110. 32 л.
21. Из истории сотрудничества П.П. Муратова с издательством К.Ф. Некрасова / Вступ. ст., публ. и ком. И.В. Вагановой // Лица: Библиографический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 155–265.
22. *Молодяков В.Э.* «Высоких зрелищ зритель»: Валерий Брюсов и Большая Политика / В.Э. Молодяков. Загадки Серебряного века. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, [2009]. С. 50–106.
23. *Некрасов К.Ф.* Единая Россия // Голос. 1914. № 167. 22 июля (4 авг.).
24. О германском воинстве // Голос. 1914. № 260. 11(24) нояб.
25. Окровавленная Бельгия // Рус. вед. 1915. № 154. 5 июля.
26. Ужасы войны // Голос. 1914. № 224. 30 сент. (13 окт.).
27. Чествование Брюсова // Голос. 1915. № 18. 22 янв. (4 февр.).
28. Ярославская жизнь [Объявление о сотрудничестве В. Брюсова с «Голосом»] // Голос. № 171. 1914. 26 июля (8 авг.).

[1] Константин Федорович Некрасов (1873–1940) – племянник Н.А. Некрасова (сын его младшего брата), бывший земский деятель; участвовал в I Государственной думе, примыкая к ее прогрессивному крылу.

[2] Николай Петрович Дружинин (1858–1941) – общественный деятель; как и К.Ф. Некрасов, член I Государственной думы от партии кадетов; сотрудник местных и столичных изданий, автор многих книг по крестьянскому вопросу.

[3] Здесь и далее курсивом выделено то, что в авторском тексте подчеркнуто.

[4] Ашукин Николай Сергеевич (1890–1972) – библиограф, литературовед (автор фундаментальных трудов о жизни и творчестве А.Н. Некрасо-

ва и В.Я. Брюсова), в рассматриваемые годы секретарь «Книгоиздательства К.Ф. Некрасова» и активный сотрудник «Голоса».

[5] Возможно, здесь есть перекличка с самим Брюсовым, который, как известно, тоже находил смысловые опоры в стихах Ф. Тютчева [22, с. 77; 14, с. 319, 323].

[6] Исследователями творчества Брюсова отмечен интерес публики к его статьям: «их читали и ценили», они «имели немалый общественный резонанс» [22, с. 84; 1, с. 429].

[7] Воевал не только П.П. Муратов, но и Н.М. Щекотов, московский искусствовед, также активный сотрудник «Софии».

И.В. Купцова

«Inter arma silent musae»?

Дискуссии в периодической печати о назначении искусства в годы Первой мировой войны

Первая мировая война оказала влияние на все стороны жизни российского общества, в том числе и на культуру, подчинив ее своим законам, существенно изменив форму и содержание. В военное время традиционно ведутся споры о месте и назначении искусства, правомерности его развития, все чаще вспоминается латинский афоризм «Inter arma silent musae» («Когда пушки стреляют, музы молчат»). Эти проблемы поднимались и в годы Первой мировой войны. Сами представители художественной интеллигенции начали дискуссию в прессе об этической стороне продолжения своей профессиональной деятельности. Мнения по этому вопросу разделились.

Часть деятелей литературы и искусства посчитали неэтичным и неправомерным заниматься художественным творчеством в период тяжелых военных испытаний. В литературной среде наиболее резко это мнение выражала З.Н. Гиппиус. В августе 1914 г. она обратилась к собратьям по перу: «Поэты, не пишите слишком рано, / Победа еще в руке Господней, / Сегодня еще дымятся раны, / Слова еще не нужны сегодня. / В часы неоправданного страданья / И нерешенной битвы, – / Нужно целомудрие молчанья, / И, может быть, тихие молитвы» [Гиппиус, 1991, с. 131–132]. В июне 1915 г. в сборнике «Год войны (артист – солдату)» она жестко изобразила собратьев по перу: «Хотелось нам тогда, чтоб помолчали / Поэты о войне, / И пережить хоть первые печали, / Могли мы в тишине. / Куда тебе! Набросились зверями / Война! Войне! Войны! / И крик, и клич, и хлопанье дверями, / Не стало тишины…» [Гиппиус, 1991, с. 142]. В письме З.И. Гржебину от 17 июня 1915 г. на предложение сотрудничать с журналом «Век» она ответила резким отказом, мо-

тивируя его так: «Поэтом можешь ты не быть, но человеком (гражданином) быть обязан. Если и простой смертный обязан быть человеком, – опрометчиво не требовать этого от поэта. Кому больше дано, с того больше и требуется. Я осуждаю современных поэтов, когда они фальшиво воспевают то, чего никак не знают…» [Письмо З.Н. Гиппиус, Л. 1об.]. Схожую позицию занимал поэт Борис Евгеньев: «О, сколько строк кощунственно-холодных / И сколько слов, напрасных мертвых слов! / Бессильные в борениях бесплодных, / Неведом вам “живой язык богов”. / В великую годину не дождется / Поэта своего Родная мать, / Не найдены слова, а сердце бьется, / и тяжела безмолвия печать» [Вечер «Триремы», 1916, с. 5]. Е.Г. Лундберг, оценивая состояние современной литературы в 1914 г., отмечал, что некоторые поэты «сейчас безмолвствуют, ибо не решаются искать вдохновений там, на местах, а писать с чужих слов считают грехом. Воздержание такого рода есть верное свидетельство подлинности их дарований, силы ума и духа. Ибо воздержание было, есть и будет признаком силы, точно так же, как готовность истечь словами есть признак слабости» [Лундберг, с. 250]. М.П. Арцыбашев менее категорично решал эту дилемму: «Нельзя совершенно отрешиться от своих профессиональных обязанностей, но мы, писатели, если хотим что-нибудь сделать для войны, то все что угодно, только не писать о ней. Мы – “штатские”, не должны, не можем писать о войне беллетристику, это будет фикция, это будет самая бесчеловечная подделка, какую только может придумать скверная фантазия. И если трудно молчать, то нужно писать статьи, оздоравливающие организм страны, способствующие нашим успехам в смысле обеспечения всем необходимым» [Московская художественная жизнь // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1915. 11 окт. № 15141].

Искусствовед Я.А. Тугенхольд считал, что «объективные условия военного дела изменились настолько, что война не может более служить источником художественного “упоения” и заставляет замолчать музу живописи… Эта война – “лабиринт” не может быть вмещена в эстетические рамки искусства» [Тугенхольд, 1916, с. 160]. Искусствовед барон Н.Н. Врангель высказывал близкую точку зрения: «Забвение или, вернее, временно забвение многого,

чем мы еще вчера жили, кажется мне не только нужным, но необходимым для обновления человечества. Это не значит, что нам надо отречься от своих богов, но это показывает, что надо осилить свое стремление к молитве, веруя в то, что соучастие в действительности – та же литургия Божеству… В настоящую минуту великая война, начавшаяся не по воле людей, а являющаяся решением мировых вопросов, требует иного врачевания и иной духовной пищи, чем та, которой питалось и жило еще вчерашнее поколение. Теперь – сегодня, и только сегодня – нужно иное, и, конечно, не воспоминаниями о прошлом суждено нести облегчение нынешнему страданию России» [Врангель, 2001, с. 63,64,65]. Н.Н. Врангель, таким образом, предлагал более мягкое решение, он не призывал совсем прекратить художественную жизнь на время войны, а настаивал на поисках новых художественных форм.

В среде театральной интеллигенции наиболее болезненным оставался вопрос о необходимости театра в военное время. Хотя и редко, но высказывалась идея о неправомерности театральных представлений в переживаемый момент. На страницах журнала «Рампа и жизнь» было опубликовано показательное письмо некоего г-на Шлиосберга, основной идеей которого было признание несовместимости политики и театра, и «раз жизнь всецело занялась политикой, то искусство не может существовать. Для того чтобы искусство жило, необходимо, чтобы в жизни народной была гармония, единство» [Письмо г-на Шлиосберга, 1914, с. 6].

Противоположную точку зрения, о необходимости продолжения художественной жизни, высказывало большинство представителей художественной интеллигенции. Лидером этой группы был Л.Н. Андреев, выступивший с программной статьей «Пусть не молчат поэты» (1915 г.), в которой он отмечал: «Тишина – вот мечта для нищих духом. Вот магия искусства: описание выстрела сорокадвухмиллиметровой пушки может быть слышнее, чем сам выстрел» [Андреев, 1915]. В связи с этим он призывал услышать войну. «Услышать войну – это значит переоценить всю свою жизнь, все ее радости, страдания и надежды; не только все прошлое поставить насмарку и вбить осиновый кол на могилу вчерашнего дня, но и нынешний день изменить до неузнаваемости…

Главное в том, чтобы заставить услышать войну, сосредоточить на ней и на ее вопросах не только чисто внешнее внимание, но и внутренне глубоко ею заинтересовать, потрясти и взволновать. Пусть больно, пусть даже противно, но зато полезно и даже необходимо» [Андреев, 1915]. А.И. Южин высказывал близкую точку зрения: «Трудно целиком отдаться художественному творчеству, трудно уйти всецело в мир переживаний, далеких от грядущей заботы. Но, насколько хватает человеческих сил, стараешься делать дело, которому отдана вся жизнь» [Интервью с А.И. Южиным // Голос Москвы. 1914. 18 дек. № 291]. А.Н. Чеботаревская считала: «Самый великий грех – это “молчалинство” и умывание рук в том великом деле народной обороны, ради которого льются ручьи крови и потоки слез» [Чеботаревская, 1915]. Е.А. Колтоновская указывала: «Сейчас не столько страшною, сколько святою представляется льющаяся теперь кровь, не только потому, что война идет за правое дело, за идеальные ценности, а и потому, что каждый из участников отдает себя ей сознательно и добровольно. Такая кровь обязывает всем сердцем участвовать в происходящем, быть вместе со всеми и не думать о “потом”. “Потом” может быть очень плохо и печально, но слишком ярко “теперь”. Инстинкт, толкающий их (писателей) в общую стихию, не обманывает. Только там они могут почерпнуть творческую силу. Уклониться от нее, значит отвернуться от самой жизни» [Колтоновская, 1914, с. 136–138].

В среде художников эта позиция нашла отражение в полемике, развернувшейся на страницах газеты «Речь». Поводом к дискуссии послужило сообщение о временном прекращении издания журнала «Старые годы». Свою точку зрения в статье «Искусство и война» высказал А.Н. Бенуа. Он исходил из многозначности понятия «искусство»: «...или искусство есть нечто великое и святое, полезное и необходимое, или это игра, которой забавляешься, пока все обстоит благополучно, и которая вдруг может потерять смысл, когда в жизнь вступают вопросы истинно серьезного смысла» [Бенуа, 1914, с. 59]. В первом значении, по мнению А.Н. Бенуа, саму войну нужно рассматривать, как нечто такое, что должно служить делу искусства, как часть всей духовной культуры. «Мы воюем для того, чтобы отстоять в полной неприкосновенности нашу русскую

душу, а следовательно, наше искусство. Если рассматривать искусство как игру, то от него вообще следует отказаться, так как интерес к нему естественно заглушен» [Бенуа, 1914, с. 59]. Искусствовед В. Дмитриев признавал, что «воплощения искусства не должны служить злобе дня, но самое биение художественной жизни должно быть той же меры и силы, как биение всей жизни страны…» [Дмитриев, 1914, с. 1]. Схожую мысль высказывал Н.Э. Радлов: «Бывают минуты, когда “день” становится “историческим днем” и пройти мимо его “злобы” – трусость. Мы привыкли видеть, как современные темы питают суррогат искусства, вся ценность которого в злободневности, и боимся запачкаться сближением с ним настоящего высокое художество… Великие события – испытания искусству. Великая современность требует художников, и не принявшие вызова сознаются в своей слабости… История проводит новую, резкую грань. Быть может, XX век начнется с 1915 г. Будущее искусство должно быть в состоянии отражать современную жизнь. И не только темп жизни. Мы говорим о современности как о теме, как о содержании искусства. Способность искусства отражать современность, сохраняя в то же время величие вечного искусства – показатель действительного его процветания» [Радлов, 1915, с. 15]. В.В. Маяковский более резко сформулировал эту идею: «Тот не художник, кто в блестящем яблоке, поставленном для натюрморта, не увидит повешенных в Калише. Можно не писать о войне, но надо писать войною» [Машков, 1988, с. 44]. То есть большинство художников сходились в том, что культурно-художественная работа не только не должна прекратиться, но она не должна умаляться. Итак, сторонники этой точки зрения призывали занять активную творческую позицию.

Пресса активно их поддерживала. Уже в августе 1914 г. в газете «Утро России» было опубликовано заявление, в котором говорилось: «Преступнее всего бездеятельность и выжидание чего-то. Те, кто говорят: “Мы не можем петь, когда льется братская кровь”, пусть идут на поле брани. Те, в ком нет силы добровольно взять оружие и тяжелый крест работников тыла, – пусть охраняют и творят духовные ценности. Середины нет. Ибо – в середине – дух праздности и уныния, тягчайшие грехи против личности и нации».

Для людей искусства виделся один путь – колоссального напряжения сил и энергии для дальнейшего накопления ценностей национальной культуры. Они должны направить свои силы и способности в упорном, неутомимом и повышенном труде для русской национальной культуры [Заявление, 1914].

Можно выделить и компромиссную позицию. Так, с критикой обеих крайних точек зрения выступил Д.В. Философов: «Да, крикуны не способствуют нашему общему делу, но не помогают и “молчальники”. Себе они помогли, оградили от трудной задачи сведения концов с концами, от соединения “программы” с самыми, что ни на есть программными событиями» [Философов, 1914, с. 1]. Он призывал писателей все же говорить, «пускай с умолчаниями, ибо тихий голос теперь нужнее, а главное слышнее крика».

Дискуссия об этической стороне продолжения творческой деятельности неизбежно ставила вопрос о задачах художественной культуры в условиях войны.

В связи со спецификой переживаемого момента на первый план была выдвинута психологическая задача. Главную роль в ее выполнении призваны были играть театр, музыка и кинематограф. Напряженная, исключительная атмосфера войны, военно-походный уклад жизни с его острой нервозностью, с вечной угрозой гибели и вообще особой интенсивностью душевного состояния, придавали специфически острый характер всем развлечениям. Это в полной мере понимали представители театральной интеллигенции, о чем свидетельствовали их многочисленные выступления в театральных журналах. Как писал корреспондент журнала «Театр и искусство»: «Театр нужен для того, чтобы подвинтить нервы, и для того, чтобы отпустить их, для того, чтобы в театральном пафосе войны укрепить думу о войне, и для того, чтобы хотя бы на время, на тот промежуток времени, который полагается для отдыха, не думать о войне» [Театр и искусство, 1914, с. 762]. В.И. Немирович-Данченко считал, что самый сильный враг России – не германец с его техникой, его военным искусством…, а малодушие, переходящее в растерянность, способное вызывать панику и колебать веру… Наше искусство не только может, но и должно вливать бодрость, увеличивать запас терпения, помогать залогу победы…

Театр должен бодрить в тылу. Он должен сделать максимум того, что может выделить из себя для снаряжения армии или вообще для войны, ее тыла» [Немирович – Данченко, 1979, с. 151]. В.В. Попов отмечал, что цель театра не учительская, а разумное развлечение. В.В. Стрельская считала, что задача театра – ободрить падающих духом. Е.Н. Рощина-Инсарова признавала необходимость существования театра в военное время, так как он должен поддерживать бодрость духа. Е.И. Тиме указывала, что театральные представления должны вызывать лучшие человеческие качества – воодушевление, преданность, любовь к ближнему и самоотверженность. Ф.И. Шаляпин отдавал театру право будить в людях геройские чувства и призывал одолевать дух праздности и уныния. А.Н. Римский-Корсаков формулировал задачи искусства так: «В почти лихорадочной напряженности интереса к искусству можно было наблюдать болезненный пульс внимания, жадного до острых, дающих отдых и самозабвение впечатлений. Значение искусства, как чувственной ценности, сразу повысилось» [Римский-Корсаков, 1915, с. 5].

Психологическую задачу выполнял и кинематограф. Превратившись в популярнейший вид досуга и развлечения в годы Первой мировой войны, кино, как массовое зрелище, способствовало формированию массовой культуры и массового сознания российского общества, с одной стороны, а с другой – само являлось отражением специфики сознания общества военного времени. Драмы, трагедии стали в определенной степени отражением, подчас гипертрофированным, трагических событий. С другой стороны, они были источником разрядки для эмоциональной сферы человека. Под влиянием военных хроник, по крайней мере в первые годы войны, у общества формировалось чувство уверенности в победе российских войск.

Показателен факт признания за театром, музыкой и кинематографом психологической функции и со стороны общества. В письме к союзу «Артисты Москвы – русской армии» солдаты и офицеры 9 ингерманландского полка отмечали: «Вы делаете на пользу Родины великое государственное дело, поддерживаете дух и настроение страны в должном равновесии, развиваете чувства

патриотизма и героизма. Протягиваете руку помощи тем упавшим духом людям с изношенными нервами, которые своим нытьем мешают настоящим работникам делать работу по защите Родины. Ваш смех – это наркотик, дающий изношенному организму человека поддержание к жизни» [Письмо к союзу «Артисты Москвы – русской армии, Л. 1об.].

С психологической была тесно связана мобилизационная, или пропагандистская, задача. Литература и искусство рассматривались как действенное средство формирования общественного мнения, роста национального самосознания. Режиссер Московского драматического театра А.А. Санин писал: «Сейчас трудно работать. Мы не знаем, куда смотреть, чему верить. Но мы чувствуем, что нужно работать. Чем реальнее вырисовывается иноземная орда, тем пламеннее любовь к родине, к родному. Медному немецкому лбу мы хотим противопоставить тот огонь, который пылает в нас обожествление своего родного искусства. Мы должны произнести те заклинания, которые воскресят к современности все добрые силы нашей страны, зовущие мир к светлому и прекрасному» [Беседа, 1915]. Особая роль отводилась кинематографу, который должен был стать орудием агитации и пропаганды правительственного курса.

Наконец, традиционная задача – осуществление творческого поиска, развитие художественной культуры – хотя и была оттеснена на второй план, тем не менее сохранила свою значимость. Литература и искусство всегда играли и играют огромную роль как факторы культуры. Закрытие театров, прекращение изданий книг указывает на оскудение культуры. И если война неизбежно ведет к уменьшению культуры, то нужно препятствовать этому процессу. Если искусство, как таковое, не может давать непосредственных откликов на текущие громадные мировые события, то оно не может, с другой стороны, оставаться свободным от воздействия на него современной жизни. Помимо нравственной необходимости напрячь все художественные силы не только для сохранения культурных ценностей, им создаваемых, но и для их роста, литература и искусство обязаны стать еще строже по отношению к своим художественным задачам [Планы Художественного театра, 1914].

З.Г. Ашкинази считал, что роль искусства в настоящей войне – художественное восприятие. Оно дает возможность рассматривать события в широкой исторической перспективе, в то время как у обывателя психологические переживания заслоняют широкую перспективу. К.А. Коровин отмечал, что искусство как прославление жизни, всегда служит миру, высоким и добрым чувствам, радости сердца и души [Анкета «Война и творчество», 1916]. Ф.К. Сологуб полагал, что литература должна продолжать выполнять свою основную миссию – преображать мир и жизнь. «Тем более теперь, когда доблесть, смерть и слезы являются искупительными жертвами за период нашего омертвения и усыпления. Мир стремительно несется навстречу новым формам бытия, как же писателям и поэтам не воспеть это чудо преображения и Воскресения» [О лекции Ф. Сологуба, 1915].

Таким образом, война скорректировала задачи литературы и искусства, оказала существенное влияние на тематику произведений и на репертуарную политику театра и кинематографа.

Литература

Андреев Л.Н. Пусть не молчат поэты // Биржевые ведомости. 1915. 18 окт. № 15155. Утр. вып.

Анкета «Война и творчество» // Речь. 1916. 30 дек. № 359.

Бенуа А.Н. Искусство и война // Аполлон. 1914. № 8.

Беседа с режиссерами Московского художественного театра // Утро России. 1915. 10 сент. № 248.

Вечер «Триремы». Лазарет деятелей искусств. Пг.: Триремы, 1916.

Война и театр // Утро России. 1915. 4 февр. № 35.

Война и театр // Театр и искусство. 1914. № 38.

Врангель Н.Н. Дни скорби: Дневник 1914–1915 гг. СПб., 2001.

Гиппиус З.Н. Живые лица: Стихи, дневники. В 2-х тт. Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 1.

Дмитриев В. По поводу выставок бывших и будущих // Аполлон. 1914. № 10.

Заявление писателей и художников // Утро России. 1914. 12 авг. № 187.

Интервью с А. Южиным // Голос Москвы. 1914. 18 дек. № 291.

Колтоновская Е.А. Война и писатели // Русская мысль. 1914. № 12.

Лундберг Е.Г. Литературный дневник // Современник. 1914. № 12.
Московская художественная жизнь // Биржевые ведомости. 1915. 11 окт. № 15141. Утр. вып.
Немирович-Данченко В.И. Избранные письма. М., 1979.
О лекции Ф. Сологуба в Политехническом музее // Утро России. 1915. 8 нояб. № 307.
Письмо г-на Шлиосберга // Рампа и жизнь. 1914. № 34.
Письмо З.Н. Гиппиус к З.И. Гржебину // ОР РГБ. Ф. 154. Оп. 1. Ед.хр. 19. Л. 1об.
Письмо к союзу «Артисты Москвы – русской армии» // ГЦТМ РО. Ф. 486. Оп. 1. Ед.хр. 1708. Л. 1 об.
Планы Художественного театра // Русские ведомости. 1914. 25 сент. № 215.
Радлов Н. Будущая школа живописи // Аполлон. 1915. № 1.
Римский-Корсаков А.Н. «Волею событий…» // Музыкальный современник. 1915. № 1.
Тугенхольд Я.А. Проблемы войны в мировом искусстве. М., 1916.
Философов Д. Война и литература // Голос жизни. 1914. 7 дек. № 10.
Чеботаревская А.Н. Две души // Биржевые ведомости. 1915. 4 дек. № 15249. Утр. вып.
Машков Илья. М.: Советский художник, 1988.

Сведения об авторах

Алпеев Олег Евгеньевич – научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва.

Белова Ирина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского.

Богданова Ольга Алимовна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Богомолов Николай Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ.

Букалова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, государственного и муниципального управления Орловского филиала РАНХиГС при Президенте РФ.

Верташов Денис Владимирович – аспирант Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Грякалова Наталья Юрьевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Иванов Анатолий Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и издательского дела Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

Кацис Леонид Фридович – доктор филологических наук, профессор Российско-американского учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ.

Ключарева Антонина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии Тульского государственного университета.

Козлов Константин Викторович – кандидат исторических наук, доцент Белгородского государственного национально-исследовательского университета.

Козьменко Михаил Васильевич – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Купцова Ирина Валентиновна – доктор исторических наук, профессор МГУ.

Лазутин Всеволод Владимирович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Лекманов Олег Андершанович – доктор филологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Лотарева Дарья Дмитриевна – независимый исследователь, Москва.

Лунева Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Магомедова Дина Махмудовна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Мариниченко Алла Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Михайлова Мария Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы XX века филологического факультета МГУ.

Мурзо Галина Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка факультета русской филологии и мировой художественной культуры Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

Назарова Анастасия Викторовна – специалист по учебно-методической работе кафедры истории русской литературы XX века филологического факультета МГУ.

Наземцева Елена Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва.

Орлицкий Юрий Борисович – доктор филологических наук, редактор отдела электронных изданий издательского центра РГГУ.

Павлова Маргарита Михайловна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Полонский Вадим Владимирович – доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Приходько Ирина Степановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Сергеев Евгений Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, президент Российской ассоциации историков Первой мировой войны, руководитель Центра «XX век: социально-политические и экономические проблемы».

Симонова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Спиридонова Лидия Алексеевна – доктор филологических наук, зав. Отделом изучения и издания творчества А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Тихонов Виталий Витальевич – кандидат исторических наук, исполнительный секретарь Российской ассоциации историков Первой мировой войны, научный сотрудник Института российской истории РАН.

Торшилов Дмитрий Олегович – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Института восточных культур и античности РГГУ.

Черкасов Валерий Анатольевич – доктор филологических наук, профессор Белгородского государственного национально-исследовательского университета.

Шалыгина Ольга Владимировна – доктор филологических наук, заместитель председателя правления Фонда возрождения народных традиций «Национальный Фонд Святого Трифона» по культуре и искусству.

Сокращения

ВТ – Воронежский телеграф

ГАБО – Государственный архив Брянской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАЯО – Государственный архив Ярославской области

ГК – Голос Калуги

ГЦТМ РО – Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина. Рукописный отдел

ИРИ РАН – Институт Российской истории Российской академии наук

КК – Калужский курьер

КЦОВ – Калужский церковно-общественный вестник

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

Summary

The research volume contains articles and publications prepared by philologists, historians, scholars in religion and sociology, as well as specialists in military science after the interdisciplinary round-table "Russian journalism and periodicals of the World War I: politics and poetics" (Moscow, IMLI RAS, 1–2 November 2012). They elucidate thematic and poetological aspects of comprehension of the war by documentary journalistic and literary genres. They also consider the ideologem of Slavonic unity in the face of the new menace, rhetorical strategy and approaches to interpretation of the WWI in periodicals and historiography. They discuss the questions of mirroring the epoch in the works and ego-documents of the Russian writers (M. Gorky, L. Andreev, A. Blok, A. Bely, V. Brusov, F. Sologub, E. Chirikov, O. Mandelshtam, K. Chukovsky and others), the role of the press (particularly provincial and clerical) in forming the perception of the war by the Russian society.

The authors of this research collection proceed on the fact that the periodicals and journalism being a synthetic and poli-functional phenomenon form a space for intersection of vectors of reaction to the urgent events, outgoing from various spheres of social life, from all the cultural, social and political strata. In this space politics and history inevitably meet and counteract with poetics and art which create manifold cultural products to be observed from various research points.

Contents

Russian Writers and the World War I

Provincial Periodicals About the War

The Press and the Russian Society in the World War I Years

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

РУССКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И ПЕРИОДИКА ЭПОХИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПОЛИТИКА И ПОЭТИКА

Исследования и материалы

Оригинал-макет изготовлен В.В. Лазутиным
Обложка подготовлена А.З. Бернштейн
Редактор М.Л. Береснева

Подписано в печать 10.10.2013
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 36,5. Уч.-изд. л. 37
Тираж 800 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №

ISBN 978-5-9208-0436-5

9 785920 804365